ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ БИБЛІОТЕКА
№ хр.
№ инв.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

НАУКИ-ПОЛИТИКИ-ЛИТЕРАТУРЫ.

СОРОКЪ-ДЕВЯТЫЙ ГОДЪ.—КНИГА 7.

ІЮЛЬ, 1914.

ПЕТЕРБУРГЪ.

КНИГА 7-я.—ИЮЛЬ, 1914.

СТРАН.

I.—ПРИЗНАНІЕ.—(Записки дѣвушки).—(Окончаніе).—**Е. Ганейзера** 5
II.—ТѢНИ ПРОШЛАГО.—Стихотвореніе.—**К. Арсеньева** 59
III.—СМЕРТЬ ПАХОМОВА.—Разсказъ.—**Вл. Кохановскаго** 61
IV.—НА ЛѢСНОЙ ОПУШКѢ.—Стихотвореніе.—**Зинаиды Тулубъ** 97
V.—СЧАСТЛИВИЦА.—**М. Сивачева** 98
VI.—НА НОВОЙ ДАЧѢ.—Стихотвореніе.—**Г. Вяткина** 109
VII.—ВОЗВРАЩЕНІЕ.—Стихотвореніе.—**Г. Вяткина** 110
VIII.—ПРОСТОЕ СЕРДЦЕ.—**Петра Килуса** 111
IX.—ФРАНЦІЯ ЭПОХИ ВОЗРОЖДЕНІЯ.—(Внѣшнія судьбы Франціи въ эпоху Возрожденія. Войны съ Италіей, Испаніей и Англіей).—**М. Ковалевскаго** . . . 123
X.—КРИЗИСЪ НА ФЛИТЪ-СТРИТѢ.—**Е. Орлова** 157
XI.—ДОГМАТИЧЕСКІЙ ХАРАКТЕРЪ НАУЧНЫХЪ РАБОТЪ Э. ГЕККЕЛЯ.—(По поводу 80-лѣтія со дня его рожденія.—**М. Новикова** 186
XII.—СТИХОТВОРЕНІЕ.—**Павла Зорева** 192
XIII.—КЪ ИСТОРІИ РУССКО-ГЕРМАНСКИХЪ ТАМОЖЕННЫХЪ ДОГОВОРОВЪ.—(Договоръ 1894 года).—**И. Иванюкова** 193
XIV.—НАТУРАЛИЗМЪ ЧЕХОВА.—**Леонида Гроссмана** 218
XV.—НАДЪ ОКОЙ.—Стихотвореніе.—**Ады Чумаченко** 248
XVI.—ЧЕЛОВѢКЪ БЕЗЪ ЗАВТРАШНЯГО ДНЯ.—**Бориса Лазаревскаго** 249
XVII.—БѢЛЫЯ НОЧИ.—Романъ Іогана Бойера.—Продолженіе.—Съ норв. пер. **З. Журавской** 263
XVIII.—ХРОНИКА.—ПРАЗДНИКЪ НАЦІОНАЛЬНАГО САМОПОЗНАНІЯ.—(Письмо изъ Берна).—**А. Дивильковскаго** 309
XIX.—СОВРЕМЕННАЯ ФРАНЦІЯ ВЪ РЕЛИГІОЗНОМЪ ОТНОШЕНІИ.—**Бѣлоруссова** . 334
XX.—ПОСЛѢ РАЗГРОМА.—(Письмо изъ Болгаріи).—**И. Калина** 349
XXI.—ПЕЧАЛЬНАЯ ИСТОРІЯ.—**Л. Слонимскаго** 360
XXII.—ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СОВѢТЪ И ВОЛОСТНОЕ ЗЕМСТВО.—**К. Арсеньева** . . . 370
XXIII.—КОНФЛИКТЪ ПАЛАТЪ ИЗЪ-ЗА ЗАКОНА О ГОСУДАРСТВЕННОЙ РОСПИСИ.—**М. Ковалевскаго** 378
XXIV.—ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Изъ воспоминаній Бебеля (August Bebel. Aus meinem Leben. Theile. Stuttgart 1910—1914).—**Б.**—Исторія Древняго Востока. Проф. В. А. Тураевъ. Часть I.—**А. Т.**—Проф. М. И. Фридманъ. Винная монополія. Т. I. Винная монополія въ иностранныхъ государствахъ.—Проф. У. Ф. Баррэтъ. Загадочныя явленія человѣческой психики. Переводъ съ англійскаго М. В. Райха. Подъ редакціей Н. Д. Виноградова.—**В. В.**—Воспоминанія А. Е. Лабзиной. 1758—1828. Изд. „Огни“.—Мое время. Записки Г. С. Винскаго. Библіотека мемуаровъ, изд. „Огни“. **Ч. В—скаго.**—Жизнь Ивана. Очерки изъ быта крестьянъ одной изъ черноземныхъ губерній. О. П. Семеновой-Тянь-Шанской.—**В. В.**—Проф. Ив. Ивановъ. Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ.—Жизнь.—Личность.—Творчество.—**Ч. В—скаго** 389
XXV.—ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Убійство австрійскаго наслѣдника престола.—Династія Габсбурговъ и ея представители.—Національная борьба и ея послѣдствія въ Босніи.—Антисербскіе погромы.—Политическое значеніе катастрофы.—Французскія дѣла.—Чемберлэнъ † 404
XXVI.—ПРОВИНЦІАЛЬНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Казенно-циркулярная борьба съ народнымъ пьянствомъ.—Восторженное письмо крестьянина.—Пассивность населенія.—Голосъ акцизнаго чиновника.—Анекдоты жизни.—Всеобщее голосованіе вопроса о пьянствѣ.—Побѣда трезваго большинства.—Закрытіе винныхъ лавокъ.—Первые и дальнѣйшіе шаги въ борьбѣ съ алкоголизмомъ.—Больной клубокъ русской жизни.—**И. Жилкина** 417
XXVII.—ВОПРОСЫ ВНУТРЕННЕЙ ЖИЗНИ.—Процессъ адвокатовъ.—Какъ судъ справился съ „трудностями“.—Общественный откликъ.—Проектъ закона объ обществахъ и союзахъ.—Надзаконное и универсальное начальство.—Альтернатива, предложенная отцамъ шаловливыхъ дѣтей.—Трагическая гибель шести солдатъ.—**В. Кузьмина-Караваева** 428
XXVIII.—БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ 442
XXIX.—НОВЫЯ КНИГИ И БРОШЮРЫ 426
XXX.—ОБЪЯВЛЕНІЯ 449

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

НАУКИ—ПОЛИТИКИ—ЛИТЕРАТУРЫ,

основанный М. М. Стасюлевичемъ въ 1866 году.

СОРОКЪ-ДЕВЯТЫЙ ГОДЪ.

ІЮЛЬ.

Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки

Редакція и Главная Контора журнала: Моховая, 37.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1914.

ОБЪЯВЛЕНІЕ О ПОДПИСКѢ на 1914 г.

(Сорокъ-девятый годъ)

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ"

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ НАУКИ, ПОЛИТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ,

издаваемый **М. М. КОВАЛЕВСКИМЪ**, подъ редакціей **К. К. АРСЕНЬЕВА, Д. Н. ОВСЯНИКО-КУЛИКОВСКАГО** и **А. С. ПОСНИКОВА**,

при ближайшемъ участіи:

И. В. ЖИЛКИНА, М. М. КОВАЛЕВСКАГО, Н. А. КОТЛЯРЕВСКАГО, В. Д. КУЗЬМИНА-КАРАВАЕВА, А. А. МАНУИЛОВА, М. А. СЛАВИНСКАГО, Л. З. СЛОНИМСКАГО и К. А. ТИМИРЯЗЕВА.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

	На годъ:	По полугодіямъ:	По четвертямъ года:
Безъ доставки, въ Конторахъ журнала	15 р. 50 к.	7 р. 75 к.	3 р. 90 к.
Въ Петербургѣ и Москвѣ, съ доставкою	16 » — »	8 » — »	4 » — »
Въ друг. городахъ, съ перес.	17 » — »	8 » 50 »	4 » 25 »
За границей, въ госуд. почтов. союза	19 » — »	9 » 50 »	4 » 75 »

Отдѣльная книга журнала, съ доставкою и пересылкою 1 р. 50 к.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ:

въ Главной Конторѣ журнала, Моховая, 37, въ книжныхъ магазинахъ: М. М. Стасюлевича, В. О., 5 л., 28; К. Риккера, Невскій, 14; А. Ф. Цинзерлинга, Невскій, 20; Т-ва М. О. Вольфъ, Невскій, 13, и въ Гост. Дворѣ.

ВЪ КІЕВѢ:

въ книжномъ магазинѣ Н. Я. Оглоблина, Крещатикъ, 33.

ВЪ МОСКВѢ:

въ Отдѣленіи Конторы журнала: Тверской бульв., 15, въ книжн. магаз. Н. П. Карбасникова, на Моховой, и въ конторѣ Н. Печковской, въ Петровскихъ линіяхъ.

ВЪ ОДЕССѢ:

въ книжн. магаз. «Образованіе», Ришельевская, 12; въ книжн. магаз. «Одесскихъ Новостей», Дерибасовская, 20; въ книжн. магаз. «Трудъ», Дерибасовская, 25.

ВЪ ВАРШАВѢ:

въ книжномъ магазинѣ «С.-Петербургскій Книжный Складъ» Н. П. Карбасникова.

Примѣчаніе.—1) Почтовый адресъ долженъ быть написанъ четко и заключать въ себѣ: имя, отчество, фамилію и точное названіе мѣста жительства и губерніи. Если въ мѣстѣ жительства подписчика *нѣтъ почтоваго учрежденія, гдѣ допускается выдача журналовъ, необходимо указать ближайшее почтовое учрежденіе, гдѣ таковая выдача производится.*—2) Перемѣна адреса должна быть сообщена Главной конторѣ журнала *не позже 26-го числа каждаго мѣсяца, съ указаніемъ прежняго адреса*; перемѣна адреса, поступившая въ Контору послѣ 26-го, дѣлается лишь со слѣдующаго очередного номера. За перемѣну адреса городского на иногородній уплачивается одинъ рубль; въ остальныхъ случаяхъ (съ иногороднаго на иногородный, иногороднаго на городской) за перемѣну адреса никакой платы не взимается.—3) Жалобы на неисправность доставки посылаются исключительно въ Главную Контору журнала и, согласно циркуляру Почтоваго Департамента, *не позже полученія слѣдующей книжки журнала.* Жалобы, поступившія позже этого срока, равно какъ и жалобы на неполученіе книжки, *вслѣдствіе несвоевременнаго заявленія о перемѣнѣ адреса*, оставляются Конторою безъ вниманія.—4) При доплатной подпискѣ необходимо указывать свой точный адресъ и фамилію, а также и *прежній адресъ*, если предшествовавшая взносу книжка получалась подписчикомъ по иному адресу.—5) Подписныя квитанціи высылаются Главною Конторою только тѣмъ изъ иногородныхъ или иностранныхъ подписчиковъ, которые приложатъ къ подписной суммѣ 14 коп. (можно и почтовыми марками).

РЕДАКЦІЯ и ГЛАВНАЯ КОНТОРА „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ".

Моховая, 37.

МОСКОВСКОЕ ОТДѢЛЕНІЕ: Тверской бульв., 15.

Типографія т-ва „Общественная Польза", Спб., Б. Подъяческая, 39.

СОДЕРЖАНІЕ.

КНИГА СЕДЬМАЯ—ІЮЛЬ.

СТРАН.

I. ПРИЗНАНІЕ.—(Записки дѣвушки).—Окончаніе.—**Е. Ганейзера** . . . .

II. ТѢНИ ПРОШЛАГО.—Стихотвореніе.—**К. Арсеньева** 59

III. СМЕРТЬ ПАХОМОВА.—Разсказъ.—**Вл. Кохановскаго** 61

IV. НА ЛѢСНОЙ ОПУШКѢ.—Стихотвореніе.—**Зинаиды Тулубъ** 97

V. СЧАСТЛИВИЦА.—**М. Сивачева** 98

VI. НА НОВОЙ ДАЧѢ.—Стихотвореніе.—**Г. Вяткина** 109

VII. ВОЗВРАЩЕНІЕ.—Стихотвореніе.—**Г. Вяткина** 110

VIII. ПРОСТОЕ СЕРДЦЕ.—**Петра Нилуса** 111

IX. ФРАНЦІЯ ЭПОХИ ВОЗРОЖДЕНІЯ.—(Внѣшнія судьбы Франціи въ эпоху Возрожденія. Войны съ Италіей, Испаніей и Англіей).—**М. Ковалевскаго** 123

X. КРИЗИСЪ НА ФЛИТЪ-СТРИТѢ.—**Е. Орлова** . . . . . .

XI. ДОГМАТИЧЕСКІЙ ХАРАКТЕРЪ НАУЧНЫХЪ РАБОТЪ Э. ГЕККЕЛЯ.—(По поводу 80-лѣтія со дня его рожденія).—**М. Новикова** 186

XII. СТИХОТВОРЕНІЕ.—**Павла Зорева** 192

XIII. КЪ ИСТОРІИ РУССКО-ГЕРМАНСКИХЪ ТАМОЖЕННЫХЪ ДОГОВОРОВЪ.—(Договоръ 1894 года).—**И. Иванюкова** 193

XIV. НАТУРАЛИЗМЪ ЧЕХОВА.—**Леонида Гроссмана** 218

XV. НАДЪ ОКОЙ.—Стихотвореніе.—**Ады Чумаченко** 248

XVI. ЧЕЛОВѢКЪ БЕЗЪ ЗАВТРАШНЯГО ДНЯ.—**Бориса Лазаревскаго** . . 249

XVII. БѢЛЫЯ НОЧИ.—Романъ Іоганна Бойера.—Продолженіе—**Перев. З. Журавской** 263

XVIII. ХРОНИКА.—ПРАЗДНИКЪ НАЦІОНАЛЬНАГО САМОПОЗНАНІЯ.—(Письмо изъ Берна).—**А. Дивильковскаго** 309

XIX. СОВРЕМЕННАЯ ФРАНЦІЯ ВЪ РЕЛИГІОЗНОМЪ ОТНОШЕНІИ.—**Бѣлоруссова** 334

XX. ПОСЛѢ РАЗГРОМА.—Письмо изъ Болгаріи.—**И. Калины** 349

XXI. ПЕЧАЛЬНАЯ ИСТОРІЯ.—**Л. Слонимскаго** 360

XXII. ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СОВѢТЪ и ВОЛОСТНОЕ ЗЕМСТВО.—**К. Арсеньева** 370

XXIII. КОНФЛИКТЪ ПАЛАТЪ ИЗЪ-ЗА ЗАКОНА О ГОСУДАРСТВЕННОЙ РОСПИСИ.—**М. Ковалевскаго** 378

XXIV. ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Изъ воспоминаній Бебеля (August Bebel. Aus meinem Leben. 3 Theile. Stuttgart 1910—1914).—**Б.**—Исторія Древняго Востока. Проф. Б. А. Тураевъ. Часть I.—**А. Т.**—Проф. М. И. Фридманъ. Винная монополія. Т. I. Винная монополія въ иностранныхъ государствахъ.—Проф. У. Ф. Баррэтъ. Загадочныя явленія человѣческой психики. Переводъ съ англійскаго М. В. Райха. Подъ редакціей Н. Д. Виноградова.—**В. В.**—Воспоминанія А. Е. Лабзиной. 1758—1828. Изд. „Огни“.—Мое время. Записки Г. С. Винскаго. Би-

СТРАН.

бліотека мемуаровъ, изд. „Огни“.—**Ч. В—скаго**.—Жизнь Ивана. Очерки изъ быта крестьянъ одной изъ черноземныхъ губерній. О. П. Семеновой Тянь-Шанской.—**В. В.**—Проф. Ив. Ивановъ. Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ. Жизнь.—Личность.—Творчество.—**Ч.—вскаго** . . . 389

XXV. ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Убійство австрійскаго наслѣдника престола. — Династія Габсбурговъ и ея представители. — Національная борьба и ея послѣдствія въ Босніи.—Антисербскіе погромы.—Политическое значеніе катастрофы.—Французскія дѣла.—Чемберлэнъ †. . . 404

XXVI. ПРОВИНЦІАЛЬНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Казенно-циркулярная борьба съ народнымъ пьянствомъ.—Восторженное письмо крестьянина.—Пассивность населенія.—Голосъ акцизнаго чиновника.—Анекдоты жизни.—Всеобщее голосованіе вопроса о пьянствѣ.—Побѣда трезваго большинства.—Закрытіе винныхъ лавокъ.—Первые и дальнѣйшіе шаги въ борьбѣ съ алкоголизмомъ.—Больной клубокъ русской жизни.—**И. Жилкина** . . 417

XXVII. ВОПРОСЫ ВНУТРЕННЕЙ ЖИЗНИ.—Процессъ адвокатовъ.—Какъ судъ справился съ „трудностями“.—Общественный откликъ.—Проектъ закона объ обществахъ и союзахъ.—Надзаконное ли универсальное начальство.—Альтернатива, предложенная отцамъ нашалившихъ дѣтей.—Трагическая гибель шести солдатъ.—**В. Кузьмина-Караваева** . . . 428

XXVIII. БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ 442

XXIX. НОВЫЯ КНИГИ И БРОШЮРЫ 446

XXX. ОБЪЯВЛЕНІЯ 449

ОТЪ РЕДАКЦІИ. Рукописи, присылаемыя въ редакцію для просмотра, должны быть переписаны на пишущей машинѣ и на одной сторонѣ листа; на отвѣтъ редакціи и на возвратъ рукописи заказной бандеролью должны быть приложены марки.

Пріемъ редакторовъ: А. С. Посникова — по субботамъ отъ $4^1/_2$ до $5^1/_2$ ч., Д. Н. Овсянико-Куликовскаго — по средамъ отъ 2 до 3 ч. (кромѣ праздниковъ).

Съ К. К. Арсеньевымъ—сношенія письменно по адресу: Царское Село, Церковная улица, д. Сутугиной.

Пріемъ секретаря—по средамъ отъ 11 до 1 ч., а также въ часы пріемовъ редакторовъ (кромѣ праздниковъ).

ПРИЗНАНІЕ.

(Записки дѣвушки).

(*Окончаніе*) [1]).

Дома надо придумать какую-нибудь ложь. Это отвратительно. Необходимость лгать у себя дома каждый день, каждую минуту раздражаетъ меня. Я не умѣю лгать. Всегда молчу. Но когда начинаютъ приставать съ вопросами, то приходится выдумывать. Разозлишься и тогда лгать легче. Чего проще? Если человѣкъ молчитъ, значитъ, не хочетъ говорить. Ну и нечего къ нему приставать.

Я сказала, что ночевала въ Лѣсномъ, у подруги.

— Воображаю, какъ ты ночевала?—замѣтила тетушка.— Болтали всю ночь и совсѣмъ не спали. Вижу, что не спала. Поди, лягъ... Посмотри, какое у тебя лицо. Блѣдная, желтая. Поди, еще рано... Отдохни.

Я удивилась необычной ласковости тетушки. Ждала, что она будетъ сомнѣваться въ достовѣрности моихъ показаній, потребуетъ подробностей. Ея довѣрчивость и заботливость растрогали меня. Захотѣлось быть послушной, кроткой. Я безъ возраженій ушла къ себѣ, раздѣлась и легла въ постель. Тетушка сама принесла мнѣ «папинаго» кофе. Это было уже совсѣмъ экстраординарно. Я все принимала за чистую монету и ни въ чемъ не заподозрѣвала тетушку. Да и кофе былъ вкусный. Мнѣ съ такими великолѣпными сливками никогда не давали.

Я положила возлѣ своей подушки вѣточекъ хвои, сухихъ шишечекъ ольхи и заснула спокойнымъ крѣпкимъ сномъ.

За завтракомъ тетушка была все въ такомъ же благорастворенiи. Между прочимъ сообщила мнѣ новость. Моя ученица— семнадцатилѣтняя гимназистка, которой я давала уроки латинскаго языка, вышла замужъ за учителя.

— Очень глупо!—рѣшилъ отецъ.

---

[1]) См. іюнь, стр. 76.

— Отчасти это рано,—сказала тетушка.—Но и засиживаться дѣвушкѣ также не хорошо.

— Что такое засиживаться! Порядочная дѣвушка всегда найдетъ приличную партію. Раньше двадцати четырехъ лѣтъ выходить замужъ не слѣдуетъ.

— А самъ женился на восемнадцатилѣтней.

— Потому и говорю. Она совсѣмъ ребенкомъ была. Ей бы пошалить да въ куклы поиграть, а у нея, вотъ, живая кукла явилась.

— Теперешнія дѣвушки другія. Ей 15 лѣтъ, а она опытнѣе насъ. Въ наше время не было книгъ по половому вопросу...

— Что это ты, мать моя, при дѣвушкѣ пошлости говоришь!

Тетушка сконфузилась. Въ другое время она подняла бы ерчатку, а сегодня смущенно замѣтила:

— Я только хотѣла сказать...

— Ничего ты не хотѣла сказать, а просто сболтнула. Языкъ безъ костей.

— Я хотѣла сказать, что теперь дѣвушкѣ нельзя долго ждать. Нынче такая мода пошла, что чуть больше двадцати лѣтъ, такъ и смотрѣть не хотятъ.

— Откуда ты взяла? Дѣвушка скромная, хорошо воспитанная всегда найдетъ себѣ мужа.

— Выходитъ, по-твоему, что я плохая и дурно воспитанная.

— У тебя были женихи...

— Глупа была, разбирала очень.

— Нельзя же безъ разбору за всякую дрянь выходить.

— Ты тогда мнѣ отсовѣтовалъ, а онъ теперь директоръ фабрики.

— А кто жъ его зналъ! Нельзя же было тебѣ за студента выходить, у котораго локти заплатаны, а сапоги каши просятъ.

Меня удивило, что тетушка и это спустила отцу. Въ другое время она навѣрное сказала бы что-нибудь о правахъ любви, но на этотъ разъ произнесла совершенно отцовскую фразу:

— Кто хочетъ жениться, тотъ долженъ составить себѣ положеніе.

— Правильно, Анна Ивановна! Смотришь, голышъ голышемъ; приличнаго костюма у него нѣтъ, а собирается дѣтей плодить. Ну и голодаютъ потомъ. Нѣтъ, братъ, ты поработай раньше, приготовь домашній очагъ, позаботься, чтобы женѣ и дѣтямъ былъ уютъ и все такое... Свобода, свобода... Все это

бредни. Сойдутся мальчишка съ дѣвченкой, поженятся, нейрастеники. Къ работѣ не пріучены. Само собой: ѣсть нечего и все такое. Съ милымъ рай и въ шалашѣ... А потомъ вдругъ бацъ-бацъ—пулю въ лобъ. Вотъ тебѣ и рай! Въ газетахъ каждый день пишутъ про самоубійства.

Я знала, что эта мудрость вѣковъ извлекается для меня, но не думала, что она имѣетъ спеціальное назначеніе именно на сегодня. Поняла я всю ихъ политику и дипломатію, когда въ четыре часа явился Некудинъ, чтобы сдѣлать мнѣ предложеніе.

И такъ, это совершилось. Тетушка устроила намъ tête à tête...

Наконецъ, было у меня настоящее объясненіе, какъ принято по хорошему тону.

Во-первыхъ, онъ привезъ букетъ изъ бѣлыхъ розъ... Чудесныя розы! Во-вторыхъ, онъ былъ въ смокингѣ; въ-третьихъ, его великолѣпныя бакенбарды были такъ отдѣланы, что каждый волосокъ проникся сознаніемъ своего долга; въ-четвертыхъ, весь онъ былъ пропитанъ важностью момента и хорошимъ одеколономъ. Вѣроятно, вслѣдствіе моего дурачливаго настроенія, онъ мнѣ казался смѣшнымъ. Все хотѣлось шалить и смѣяться. Но отецъ, со всею ласковостью, на какую онъ способенъ, сказалъ:

— Онъ человѣкъ вполнѣ воспитанный и все такое... Ты будь съ нимъ поласковѣе.

При этомъ у моего старика былъ немножко виноватый видъ и даже заискивающій тонъ. Онъ, по службѣ, зависѣлъ отъ Некудина.

Я рѣшила соблюдать хорошій тонъ и не уступать въ немъ Некудину. Когда мы остались одни, я разсматривала розы, а онъ сидѣлъ въ креслѣ съ цилиндромъ и перчатками въ рукахъ. Онъ всталъ, положилъ цилиндръ и перчатки на рояль и опять сѣлъ въ кресло, придвинувъ его ближе ко мнѣ.

— Я прошу васъ,—сказалъ онъ,—позволить мнѣ высказать вамъ мысли, которыя давно занимаютъ меня, и выразить тѣ чувства, которыя живутъ во мнѣ съ того почти времени, какъ я васъ узналъ...

Онъ говорилъ спокойно, гладко, какъ будто читалъ или выучилъ наизусть свою рѣчь.

— Я знаю васъ скоро пять лѣтъ и давно люблю васъ. Не говорилъ вамъ этого раньше, потому что не находилъ свое положеніе достаточно опредѣленнымъ—это первое, и второе—вы хотѣли продолжать образованіе, и я этому вполнѣ сочувствовалъ... Я сторонникъ образованія женщины. Въ нынѣшнемъ году,

если не ошибаюсь, вы оканчиваете курсы. Вмѣстѣ съ тѣмъ и въ моемъ положеніи должна произойти благопріятная перемѣна... Это и даетъ мнѣ смѣлость просить вашей руки.

— Я еще совсѣмъ не думала о замужествѣ,—отвѣчаю дѣловымъ тономъ.

— Да, я понимаю... Вы слишкомъ еще молоды. Но я рѣшаюсь просить, чтобы вы объ этомъ подумали. Назначеніе женщины—быть матерью. Это ея величайшее, священнѣйшее право. Надѣюсь, что и вы такъ смотрите на это. Ради Бога, не подумайте, что я сторонникъ ограниченія правъ женщины... Сохрани Богъ! Женщина должна имѣть всѣ тѣ же права, что и мужчина, но ея главное право, ея преимущественное право—имѣть ребенка. Замѣтьте: я говорю *право*, а не обязанность. Общество и государство обязаны охранять, защищать это право женщины.

— Для всѣхъ женщинъ или для нѣкоторыхъ?—не утерпѣла я.

— Что можно сдѣлать для всѣхъ?

Онъ развелъ руками.

— Возвращаюсь къ своей мысли. Прошу васъ, подумайте о замужествѣ, а затѣмъ уже обо мнѣ. Я питаю къ вамъ самую глубокую, искреннюю любовь и величайшее уваженіе. Нахожу необходимымъ сообщить вамъ о себѣ все, что необходимо знать, чтобы принять то или иное рѣшеніе, всѣ pro и contra. Самое большое contra—это разница лѣтъ. Вы вдвое моложе меня. Но и меня никто не назоветъ старымъ. Я велъ скромную, тихую жизнь. Я не разстроилъ здоровья ни болѣзнями, ни излишествами. Отъ природы, отъ моихъ родителей,—они были простые деревенскіе люди, старосвѣтскіе помѣщики,—я получилъ крѣпкую организацію. Никогда не болѣлъ. Значитъ, вашимъ дѣтямъ съ этой стороны не угрожаетъ никакихъ опасностей. Мое матеріальное положеніе также удовлетворительно. Маленькое имѣніе поставлено хорошо. Оно красиво. Въ немъ старинный паркъ, чистая веселая рѣчка съ хорошимъ купаніемъ, уютный домъ, лошади, экипажъ. Вы, можетъ быть, пожелали бы взглянуть? Лѣтомъ съ вашей тетушкой можно было бы проѣхаться въ мою Липовку. Вмѣстѣ съ небольшимъ капиталомъ въ процентныхъ бумагахъ это обезпечиваетъ, даже и на тотъ случай, если бы я пересталъ служить. Но мое служебное положеніе, я надѣюсь, достаточно прочно... Есть старыя хорошія связи... Я имѣю всѣ основанія полагать, что въ самомъ непродолжительномъ времени, послѣ женитьбы, меня назначатъ начальникомъ губерніи. Не гдѣ-нибудь въ глуши, а въ хорошемъ мѣстѣ. Для васъ откроется ши-

рокое поприще для благотворительной дѣятельности. Жена губернатора многое можетъ сдѣлать, если заинтересуется... Вы, насколько я знаю, интересуетесь общественной дѣятельностью...

Знаешь, слушая его серьезную, обстоятельную рѣчь, я все время думала о томъ, какъ такой дѣловой, осторожный, предусмотрительный человѣкъ можетъ до такой степени быть слѣпымъ. Мнѣ его жаль стало. Моя смѣшливость прошла. Поразила его наивность. Какъ могъ онъ думать, что я для него подходящая жена? Ясно, что онъ меня совсѣмъ не зналъ. Да и какъ могъ знать? Вѣдь я, когда онъ бывалъ у насъ, такъ мало имъ интересовалась, что почти никогда не оставалась съ нимъ. А онъ между тѣмъ вынашивалъ свои планы нѣсколько лѣтъ. Я отвѣтила ему съ полной искренностью.

— Увѣряю васъ, что вы ошибаетесь. Я не гожусь для васъ...

Онъ сдѣлалъ легкій протестующій жестъ.

— Вопросъ не требуетъ немедленнаго рѣшенія,—сказалъ онъ.—Прошу васъ подумать, взвѣсить и тогда рѣшить.

Онъ всталъ, торжественно поклонился, прикоснулся губами къ моей рукѣ и ушелъ, какъ бы опасаясь услышать повтореніе отказа.

Мнѣ бы только ему разсказать, какъ я провела послѣднюю ночь, чтобы отбить у него всякую охоту повторять свое предложеніе.

— Эхъ, ты, могла быть губернаторшей, а вышла дура!— сказала тетушка.

Мнѣ это такъ понравилось, что я потомъ часто повторяла это восклицаніе.

Но, правда, какой странный Некудинъ? Всю жизнь строилъ свое семейное счастье. Медленно, осторожно, шагъ за шагомъ. И вдругъ въ самую послѣднюю минуту сдѣлалъ такой промахъ, отъ котораго могло рухнуть все зданіе. Какая же я губернаторша? Если бы на меня нашло затменіе и я въ припадкѣ отчаянія вышла за него замужъ, я бы и тогда пошла къ Нику, просидѣла у него всю ночь, а утромъ поѣхала на острова...

Развѣ было бы у меня съ Некудинымъ хоть одно такое утро?

Онъ даже не подумалъ спросить меня, люблю ли я его. Онъ только хотѣлъ, чтобы я вышла за него. Пожалуй, если бы я сказала, что не люблю его, но замужъ итти согласна, онъ ничего не имѣлъ бы противъ...

Неожиданно заѣхала ко мнѣ Ирина. Я видѣла, что ей хочется разсказывать, но тетушка, какъ на зло, считала своей обязанностью быть милой, радушной хозяйкой. Она очарована Ириной. Ничего не знаетъ объ ея жизни и видитъ въ ней примѣръ хорошаго тона, супружескаго счастья и семейнаго благополучія.

— Что вы такъ рѣдко бываете, Риня? Отчего не привезли дѣтей? Теперь не такъ холодно. Старшаго можно. Онъ такой очаровательный въ шубкѣ! Вы сами шили или на заказъ? Я могу рекомендовать вамъ портниху. Очень дешевая, а шьетъ вполнѣ прилично. Линка сдѣлала у нея платье... Сѣренькое... Вы видѣли? Очень хорошо!

Сѣренькое платье—предметъ моего отчаянія и ужаса. Но я не возражала, потому что боялась, вдругъ тетушка потребуетъ, чтобы я его надѣла.

— Линкѣ оно не нравится. Но вѣдь она страшно разборчива и привередлива въ костюмахъ.

Тутъ ужъ мы обѣ не могли удержаться отъ улыбки.

Наконецъ тетушка ушла въ кухню.

— Скорѣй къ тебѣ! — воскликнула и потащила меня ко мнѣ въ комнату. Мы заперлись.

— Лина, я къ тебѣ по дѣлу. У моей старухи няни заболѣла внучка. Ей написали объ этомъ. Няня хочетъ пойти, но я не знаю, какая болѣзнь. Можетъ-быть, что заразное. Я ее не пускаю. Съѣзди пожалуйста туда. Я тебѣ оставлю на извозчика. Это далеко, гдѣ-то въ Гавани...

Я обѣщала. Но я чувствовала, что не за этимъ пріѣхала Ирина. Она взяла меня за талію и, взглянувъ мимоходомъ въ зеркало, сказала, усаживаясь на диванъ вмѣстѣ со мной:

— Мнѣ надо съ тобой серьезно посовѣтоваться. У меня нѣтъ никого... Не съ кѣмъ поговорить. Тебѣ хорошо, у тебя отецъ, тетка, подруги на курсахъ, а я одна. Вотъ видишь, какое дѣло. Я получила письмо отъ фонъ Крузена...

— Кто это фонъ Крузенъ?

— Ну, ты знаешь! Тотъ драгунъ, изъ-за котораго Олонецкій сдѣлалъ мнѣ скандалъ. Онъ пишетъ, что не можетъ жить безъ меня... Умоляетъ, чтобы я пріѣхала къ нему... Не знаю, что дѣлать... Если мужъ узнаетъ, онъ опять начнетъ сходить съ ума...

Она какъ-то притихла и смотрѣла испуганными глазами, прижимаясь ко мнѣ.

— Если любишь мужа — живи съ нимъ; если любишь драгуна, поѣзжай къ нему.

— Видишь ли, у тебя все просто... А это вовсе не такъ просто. Я его люблю, но онъ бѣденъ... Какъ мы будемъ жить? Вотъ, если бы Олонецкій не ревновалъ. Онъ такой странный... Островерхову позволяетъ, а Крузену нельзя...

— Крузенъ пишетъ, что хочетъ жениться на тебѣ?

— Нѣтъ, какія глупости! Онъ проситъ, чтобы я пріѣхала къ нему.

Она встала, подошла къ зеркалу, разсматривала себя.

— Мнѣ кажется, я подурнѣла за это время.

— Напротивъ, ты очень похорошѣла.

— Правда?—радостно воскликнула она. — Знаешь, и онъ мнѣ это сказалъ. Говоритъ, что отъ любви хорошѣютъ... Островерховъ совсѣмъ обезумѣлъ отъ влюбленности.

Она опять подсѣла ко мнѣ.

— А ты поѣхала бы, если бы получила такое письмо?— спросила она.

— Если бы любила, поѣхала бы и безъ письма.

— Да, тебѣ хорошо. У тебя нѣтъ мужа и дѣтей... Все равно, я тебѣ скажу: я ѣздила къ нему... Онъ меня страшно любитъ. Я сказала, что разведусь и выйду за него. Онъ говоритъ—не надо. Говоритъ, что какъ только мужчина и женщина станутъ мужемъ и женой — конецъ любви. Доказываетъ, что *такъ* лучше. Я знаю, главная причина та, что онъ не богатъ...

Въ это время раздался звонокъ телефона. Ирина вскочила, потащила меня въ столовую и шептала на ухо:

— Скорѣй, это Олонецкій... Скажи, что я у тебя съ одиннадцати часовъ утра...

Вотъ зачѣмъ она заѣхала ко мнѣ.

Никъ уѣхалъ. Опять потянулись сѣрые дни одиночества. Была весна и все звала куда-то...

Я обрадовалась порученію Ирины, какъ радовалась всему, что отвлекало меня отъ самой себя. Поѣхала въ Гавань къ няниной внучкѣ. Ирина денегъ не оставила. У нея никогда нѣтъ ихъ, какъ и у меня.

Отъ конца трамвая надо было пройти пустырями, на которыхъ торчали деревянныя ободранныя хатенки. Неужели и это Петербургъ? Какое-то грязное удручающее захолустье.

На пустомъ мѣстѣ, съ остатками разрушеннаго забора, стоялъ крошечный деревянный домикъ, дряхлый, кривой, съ провалившейся крышей, украшенной оазисами зеленаго мха.

Подъ стѣной, ярко освѣщенной заходящимъ солнцемъ, расположилась группа изъ трехъ лицъ—взрослый и двое мальчиковъ. Они были въ такихъ лохмотьяхъ, которыя невозможно описать. Взрослый съ рыжей бородой, торчавшей клочьями во всѣ стороны, сидѣлъ на корточкахъ и вытаскивалъ изъ грязнаго мѣшка какіе-то предметы. Мальчики лѣтъ 8 и 5 стояли, склонившись къ мѣшку, и внимательно разсматривали его содержимое. Я подошла къ нимъ.

— Здѣсь живетъ Марія Ѳедотовна?—спросила я.

Мальчики взглянули на меня мелькомъ и опять обратились къ мѣшку, изъ котораго въ это время появлялись одно за другимъ: форменная фуражка безъ козырька, женскій башмакъ, голова и переднія ноги игрушечной лошадки, замокъ безъ ключа, голубая бутылочка съ рецептомъ, комки тряпокъ...

— Она въ комнатѣ,—сказалъ взрослый, не поднимая головы.

Онъ засунулъ грязную руку въ мѣшокъ за новой добычей.

— Какъ здоровье дѣвочки?—спрашиваю я.

Меня также интересуетъ, что онъ вытащитъ изъ мѣшка. Онъ долго копался тамъ, наконецъ извлекъ новый транспортъ: жестяную кастрюльку съ прожженнымъ дномъ, цвѣтокъ искусственной сирени, манжету, вилку безъ ручки, много аптекарскихъ пузырьковъ разной величины, истоптанный коврикъ для ногъ...

Лохматый человѣкъ, наконецъ, поднялъ голову и взглянулъ на меня. У него были добрые, сѣрые глаза.

— Дѣвочка?—спросилъ онъ.—Кто знаетъ?—Може, умерла?

Я вошла въ домъ. Маленькія сѣни съ плитой и комната—вотъ и весь домъ. Я услышала тихіе стоны съ кровати, заваленной кучей тряпья. Тамъ лежала больная дѣвочка. Она была обмотана тряпками, будто спеленана, а сверху—покрыта ватнымъ пальто. Маленькое круглое личико дѣвочки налилось кровью. Она дышала тяжело, будто задыхалась въ тяжелой атмосферѣ жарко натопленной низкой комнатки.

Возлѣ кровати стояла мать дѣвочки, очень худая, но стройная, державшаяся прямо, молодая женщина, съ тонкими чертами продолговатаго лица. Глаза ея были красны отъ слезъ. Теперь она не плакала, а стояла, плотно сжавъ губы, и смотрѣла на странныя приготовленія, которыми занималась толстая старуха въ круглыхъ очкахъ, сидѣвшая за столомъ. Она бормотала что-то про себя. Взглянувъ на меня поверхъ очковъ, она сказала:

— Разговаривать нельзя.

Одѣтая въ черное, съ подстриженными усами и бородой, старуха имѣла зловѣщій видъ, въ своихъ большихъ круглыхъ очкахъ. Я не осмѣлилась ослушаться. На столѣ передъ старухой стояла глиняная чашка съ водой и горѣла толстая восковая свѣча. Прядь тонкихъ свѣтлыхъ волосъ лежала на бумажкѣ. Старуха продолжала бормотать, склонившись надъ чашкой.

Боже мой, какъ мнѣ было жаль бѣдную, больную дѣвочку! Что могла я сдѣлать? Если бы я была настоящій человѣкъ, то должна была бы прогнать дрянную старуху, а дѣвочку отвезти въ больницу. Но я была парализована своей безпомощностью. И я боялась старухи.

— Можете говорить, что вамъ надо,— сказала она, окончивъ шептаніе надъ водой.

Она собрала волосы, связала ихъ черной ниткой и, воткнувъ на желѣзную головную шпильку, стала жечь волосы на свѣчѣ, собирая пепелъ въ воду.

Я сказала, что пришла отъ бабушки узнать, чѣмъ больна дѣвочка.

— Богъ знаетъ?—сказала мать, пожимая плечами.—Горячка, видно.

— Зачѣмъ же вы мучаете ее въ духотѣ? Зачѣмъ закутали? У васъ и безъ того жара страшная.

— Жаръ жаромъ выходитъ,—сердито сказала колдунья.— Такъ надо.

— Нужно отвезти ее въ больницу,—сказала я, обращаясь къ матери.—Хотите, я поѣду съ вами?

Мать взглянула на старуху.

— Пропадетъ дитя,—сказала та.—Исколятъ иголками ея тѣльце; на куски изрѣжутъ.

— Не хочу въ больницу,—закричала дѣвочка.—Зарѣжутъ.

Она приподняла головку, сколько могла, и смотрѣла на меня большими, испуганными глазами.

— Уходи!—сказала она и заплакала.

Я ушла. Слезы сдавили горло.

Я не знала до сихъ поръ, что въ Петербургѣ возможна такая бѣдность, такая безпомощность и такая безпросвѣтная тьма.

Дѣвочка умерла черезъ нѣсколько дней. Бабушку къ ней такъ и не пустили. Но мать ея пришла сейчасъ же послѣ смерти и долго сидѣла съ няней въ дѣтской...

Большіе, испуганные глаза дѣвочки остались у меня въ

памяти. Въ безсонную ночь они иногда смотрятъ на меня изъ темноты, и мнѣ чудится въ нихъ упрекъ. И развѣ нѣтъ моей вины въ томъ, что эта дѣвочка умерла подъ пыткой знахарки?

Нѣтъ, мы всѣ виноваты, всѣ, кто имѣетъ хорошую квартиру съ чистымъ воздухомъ, чистое цѣлое платье, питательную пищу, врачей и лѣкарства, ученыя книги, театры, концерты, прислугу...

Однажды ночью мнѣ вспомнились наши дѣтскія мечтанія.

Помнишь ли ихъ ты? Мы фантазировали о томъ, что бы мы сдѣлали, если бы были страшно богаты. Ты рѣшила строить великолѣпные дворцы, въ которыхъ имѣли бы право жить только бѣдные. Много такихъ дворцовъ хотѣла ты построить. Въ нихъ должна была быть самая роскошная обстановка, чтобы бѣдные могли пожить такъ, какъ живутъ богатые. Электричество, ванны, библіотеки, музыкальные залы, цвѣтники... Я этому сочувствовала, но была старше тебя и уже тогда мнѣ хотѣлось бы устроить жизнь такъ, чтобы совсѣмъ не было бѣдныхъ. Помнишь, твой братъ Гаврикъ (онъ былъ тогда въ 4-мъ классѣ) сказалъ:

— Вы обѣ—дуры. А кто будетъ чистить сапоги и ходить за булками?

Вскорѣ послѣ смерти дѣвочки пріѣхалъ Никъ и зашелъ ко мнѣ. Даже не зашелъ, а передалъ письмо со швейцаромъ. Звалъ меня поѣхать съ нимъ «куда-нибудь въ лѣсъ».

Мы отправились въ Финляндію, чтобы видѣть лѣсъ и море.

Никъ былъ разсѣянъ и озабоченъ. Но ничего не сказалъ. Вообще былъ очень неразговорчивъ. Мы сидѣли на упавшей соснѣ и смотрѣли на море. Я разсказала ему про смерть дѣвочки и о нашихъ дѣтскихъ грезахъ. Онъ слушалъ, опустивъ голову. Я задавала ему всѣ тѣ вопросы, которые занимали меня въ послѣдніе дни.

Есть ли на свѣтѣ страна, въ которой нѣтъ бѣдныхъ? Неужели бѣдность будетъ всегда? Вѣдь такъ много людей, которые сочувствуютъ бѣднымъ. Такъ много умныхъ, ученыхъ людей... Почему же они ничего не придумаютъ? Не дворцы съ музыкой и цвѣтами, а теплая, свѣтлая комната, питательная пища и чистая одежда. Вѣдь это такъ мало! Если бы явилось правительство, которое захотѣло бы уничтожить бѣдность, могло ли бы оно это сдѣлать?..

— Такого никогда не явится,—сказалъ Никъ.—До тѣхъ

поръ, пока будутъ правительства, будетъ и бѣдность. Чтобы уничтожить бѣдность, надо раньше уничтожить правительство...

Онъ оживился, когда заговорилъ на эту тему. Развивалъ ее пространно и долго. Я могла бы ему возразить многое, но не хотѣла. Сказала только одно, когда мы уже собрались уходить.

— Сколько разъ уничтожались правительства! Да ничего изъ этого не вышло.

— Потому что на ихъ мѣсто сейчасъ же явились новыя.

Въ эту поѣздку у насъ не было ни весны, ни лѣса, ни моря. А весна уже пришла, ласковая, теплая.

Я проводила Ника до его квартиры и зашла къ нему на минутку.

Онъ опять сталъ печальнымъ и молчаливымъ. Во мнѣ вдругъ поднялось что-то новое, что-то такое, что я почувствовала себя сильнѣе его. Мнѣ показалось въ эту минуту, что я сильная, а онъ слабый, безпомощный; что онъ нуждается въ моей поддержкѣ. Сознаніе силы подѣйствовало на меня, какъ сказочная живая вода. Пришло настоящее спокойствіе, а не то, какое я въ себѣ выдѣлывала.

— Ты разскажи мнѣ, Никъ, почему ты печаленъ. Ты же знаешь, что мнѣ можно все разсказать... Когда разскажешь, то снимешь съ себя часть тяжести и тебѣ станетъ легче.

Я сама слышала въ своемъ голосѣ ту новую силу, что вдругъ выросла во мнѣ. Видно, и онъ почувствовалъ ее.

Мы стояли другъ противъ друга, потому что за минуту передъ тѣмъ я собиралась уйти. Онъ взялъ мои руки.

— Какая ты славная!—сказалъ онъ. Я все тебѣ разскажу, только не сейчасъ.

Онъ улыбался и глаза его засіяли.

— Сейчасъ я только хочу посмотрѣть на тебя вотъ такъ.

Онъ поднялъ меня, поставилъ на столъ и, отступивъ, смотрѣлъ на меня нѣсколько секундъ; потомъ обнялъ мои колѣни и прижался къ нимъ головой.

— Богъ мой, какъ я люблю твои худыя, тонкія колѣни!

А я? Я почувствовала, что слабѣю, что моя рѣшимость быть сильнѣе меня покидаетъ, что мнѣ хочется никогда не уходить отсюда... Отъ его ласки я становлюсь только женщиной. Но я преодолѣла себя. Мы простились по-товарищески, простымъ рукопожатіемъ.

Никъ уѣхалъ. Я ушла въ экзамены. Выдержала всѣ блистательно. Получила предложеніе остаться при курсахъ, о чемъ когда-то мечтала. Не осталась. Не знаю почему. Казалось мнѣ, что я ни на что не способна. Можетъ-быть, это было послѣэкзаменное переутомленіе.

Алтаевъ уѣхалъ, не простившись со мной. Прислалъ цвѣты, путеводитель по Кавказу и два письма къ друзьямъ въ Тифлисъ... Вотъ когда я почувствовала себя окончательно одинокой. Зачѣмъ, зачѣмъ онъ уѣхалъ?.. Мнѣ было легко съ нимъ... Опять началось безсмысленное лежаніе, которому я предавалась запоемъ.

Догановъ все напоминалъ мое обѣщаніе зайти къ нему. Лежала и думала—итти или не итти. Онъ былъ мнѣ противенъ своей скупостью. Самый отвратительный видъ скупости: ни въ чемъ не отказывать себѣ, тратить для себя безъ счета и дрожать надъ рублемъ, когда нужно помочь другому. Когда я просила для кого-нибудь, онъ не отказывалъ, но всегда подчеркивалъ, что дѣлаетъ это исключительно ради меня.

Но отъ праздности, отъ одиночества, изъ любопытства рѣшила пойти, если пойдетъ Ирина. Мы сговорились съ ней и предупредили его по телефону. Онъ отвѣтилъ: «Я и все мое преисполнены ожиданіемъ».

У него оказались гости и кромѣ насъ. Долговязый Лонскій обрадовался мнѣ и все смотрѣлъ на меня.

— Вы не сердитесь, что я на васъ смотрю, пожалуйста, не сердитесь. Я знаю, это надоѣдаетъ. Но я такъ давно не видѣлъ васъ...

Мнѣ дѣлалось какъ-то жутко подъ его взглядомъ. Мнѣ казалось, что онъ видитъ гораздо больше, чѣмъ всѣ другіе. Не разъ, бывало, онъ угадывалъ мои мысли или очень близко подходилъ къ нимъ. Когда мы случайно остались одни, онъ сказалъ:

— Отчего столько печали въ глазахъ, когда въ душѣ море радости? Я вижу, какъ поднимается изъ глубины вашей души,— большой, большой... большой, какъ море,—волна радости. Она идетъ все выше, баюкаетъ, колышетъ, но когда подступитъ къ глазамъ, то пугается, падаетъ, уходитъ... Остается пустота и печаль. Отчего?

У него большіе зеленовато-сѣрые глаза, узкіе, длинные. Большей частью они устало-полузакрыты. Но иногда онъ высоко поднимаетъ вѣки, и тогда что-то жуткое смотрится изъ его глазъ. Я была тронута его сердечной искренностью, но не хотѣла здѣсь говорить серьезно.

— Смотрите лучше на Ирину. Она красавица, и у нея, что на душѣ, то и въ глазахъ.

— Правда, она красивая. Но я не могу смотрѣть на нее. У нея въ глазахъ и въ душѣ ненасытный голодъ, а мнѣ нечѣмъ накормить ее.

— А у меня голода нѣтъ?

— Вы сами накормите каждаго голодающаго.

— О, какъ вы ошибаетесь!

— Нѣтъ, не ошибаюсь. Только, видите ли, въ чемъ дѣло? Въ васъ все зачаровано. Надо, чтобы пришелъ сказочный рыцарь и прикоснулся къ вамъ волшебнымъ кольцомъ. Тогда откроются всѣ ваши богатства и забьютъ всѣ ваши родники...

Я чувствовала, какъ загорѣлось лицо отъ его словъ. Онъ это замѣтилъ и чуть-чуть улыбнулся.

Вошелъ Догановъ.

— Лонскій, не смѣй! — сказалъ онъ и погрозилъ кулакомъ.—Вы ему не вѣрьте. Онъ членъ клуба самоубійцъ.

— Напротивъ, это должно располагать къ довѣрію. Готовящіеся къ смерти говорятъ правду, — сказалъ, смѣясь, Лонскій.

— Всѣ вы — штукмейстеры! — иронически замѣтилъ Догановъ.

Онъ ходилъ встрѣчать новыхъ гостей и проводилъ ихъ въ другіе аппартаменты. Онъ недавно занялъ новую квартиру, большую, комнатъ десять. Я была здѣсь первый разъ. Мы продолжали прерванный осмотръ квартиры. У него все было не такъ, какъ у другихъ. Въ гостиной стоялъ желтый рояль, нарочито желтый, а вмѣсто мебели деревянные диванчики вокругъ стѣнъ, очень дорогіе—краснаго дерева съ перламутровой инкрустаціей.

— Просторъ для плясокъ,—пояснилъ хозяинъ.

Лонскій мнѣ говорилъ, что у него устраивались танцы босоногихъ, полуголыхъ дѣвушекъ.

Въ кабинетѣ не было письменнаго стола. Вмѣсто него къ стѣнѣ была придѣлана широкая полка изъ чернаго дерева, длинная, черезъ всю стѣну. Полка была раздѣлена на четыре части маленькими перегородками. Возлѣ каждой стоялъ черный стулъ. Въ каждомъ отдѣленіи были письменныя принадлежности разнаго фасона и цвѣта.

— Столкновеніе ногъ отсутствуетъ,—сказалъ Догановъ.

Это значило, что полки—безъ ножекъ, которыя ему мѣшали въ письменномъ столѣ.

Журнальный фонд Московской обл. библиотеки

— Ногамъ просторъ. У стола ноги, у меня ноги—вѣчныя недоразумѣнія.

— Зачѣмъ столько чернильницъ?

— Мало. Нужно еще. Всего четыре цвѣта—синій, зеленый, красный и черный. Возникаетъ необходимость имѣть золотистый и лиловый. Назначено возлѣ другой стѣны подвѣшеніе новаго стола.

Электрическія лампочки въ каждомъ отдѣленіи были такого-же цвѣта, какъ и письменныя принадлежности—бумаги, конверты, ручки, чернильные приборы. Все страшно аляповато, безвкусно.

— Очень удобные столы,—сказалъ Лонскій.—Сядешь, упрешься ногами въ стѣну и побѣжишь искать другого мѣста, чтобы написать нѣсколько строкъ.

Въ углу этой большой и пустой комнаты стояло странное сооруженіе. На широко разставленныхъ высокихъ ножкахъ, выточенныхъ изъ чернаго дерева, возвышалось, почти подъ потолкомъ, маленькое кресло, блестящее позолотой, обитое парчей. Взобраться на это кресло можно было по лѣстницѣ, устроенной между передними ножками.

— Называется птичій полетъ,—пояснилъ Догановъ.—Для смотрѣнія сверху внизъ на человѣчество. Занятно. Вотъ.

Онъ поднялся по лѣстницѣ и сѣлъ въ кресло.

— Щелкни!—сказалъ онъ Лонскому.

Тотъ нажалъ кнопку и въ потолкѣ надъ кресломъ зажглись красныя лампочки.

— Первоклассный наблюдательный постъ. Мои глаза никогда не имѣли васъ снизу. Занятно, право.

Онъ спустился и предложилъ мнѣ.

Дѣйствительно, комната и все въ ней имѣли другой видъ. Когда я сидѣла въ креслѣ, щурясь отъ яркихъ красныхъ огней, Догановъ нажалъ какую-то кнопку. Всѣ ступеньки упали съ рѣзкимъ стукомъ.

— Хлопъ-стопъ! Снизойти къ смертнымъ нельзя. Хороша штучка? Нравится?

— Зачѣмъ это нужно?

— Для фокуса.

— Это онъ выдумалъ для васъ,—сказалъ Лонскій.

— Вознести глаза и видѣть свѣтлаго духа... Рай! Лонскій, не смѣй смотрѣть, преклонись.

Онъ опустился на колѣни, склонилъ голову и вознесъ руки.

— Духъ свѣта, недоступный смертнымъ! Предъ тобой открывается сердце мое...

— Будетъ вамъ дурачиться. Дайте мнѣ сойти.

— Десять мгновеній!—воскликнулъ Догановъ, вскочилъ и выбѣжалъ изъ комнаты.

— Вы думаете, это у него просто шутовство?—сказалъ Лонскій.—Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ онъ боготворитъ васъ. Въ его изуродованной душѣ живетъ несознанная потребность чистоты. Онъ вѣдь для васъ изобрѣлъ этотъ дурацкій нашестъ. Все мечталъ, какъ онъ продѣлаетъ все, что продѣлалъ сегодня. Кромѣ васъ онъ никому не даетъ подняться туда.

Догановъ вернулся. Онъ привелъ сюда всѣхъ гостей—Ирину, двухъ молоденькихъ дамъ, двухъ студентовъ и врача въ военной формѣ. Они находились въ комнатѣ, называвшейся музеемъ. Тамъ была коллекція мыла, духовъ, одеколоновъ, вѣеровъ всѣхъ странъ и всѣхъ народовъ.

— Я сказалъ, что покажу невиданное,—сказалъ Догановъ.—Вотъ, смотрите.

— Мнѣ надоѣло. Дайте сойти,—сказала я сердито.

— Духи не гнѣваются... Снизойдите. Къ ножкамъ подножки!

Онъ опять какъ-то незамѣтно нажалъ кнопку, и ступеньки поднялись на свое мѣсто. Но едва я сошла, какъ онъ снова спустилъ ихъ.

— Я также хочу туда!—воскликнула Ирина.

Молоденькія дамы также пожелали подняться подъ потолокъ.

— Строго воспрещается,—рѣшительно заявилъ Догановъ.

Студенты и дамы отыскивали секретъ, чтобы поднять перекладины лѣстницы, но безуспѣшно.

— Движеніе продолжается. Прошу въ аудиторію.

Аудиторія — самая большая комната въ квартирѣ — была установлена мягкой мебелью странной формы. Диваны, кресла, кушетки поражали кривыми линіями, казались изуродованными. Догановъ пояснилъ, что все сдѣлано по особому заказу «примѣнительно къ изворачиваніямъ человѣческаго тѣла». Мебель, по его убѣжденію, должна быть устроена такъ, чтобы человѣкъ могъ пользоваться ею съ одинаковыми удобствами во всѣхъ позахъ, какія ему вздумаются, сидя и лежа, опираясь бокомъ, спиной или грудью, вытянувъ ноги или поднявъ колѣни къ подбородку...

Онъ требовалъ, чтобы всѣ садились, высказывали свои замѣчанія, говорили, какія еще возможны изворачиванія...

Ирина сидѣла, надувшись. Она обидѣлась, что ее не впустили на птичій полетъ. Она вообще была недовольна, потому что никто не восхищался ею, не говорилъ комплиментовъ, безъ которыхъ она не могла жить.

Одна изъ дамъ, по фамиліи Лигина, бывшая медичка, поступившая въ театральную школу, отнеслась къ дѣлу съ полной серьезностью. Перепробовала всѣ изворачиванія и сказала:

— Это все не то, что нужно.

— Въ какомъ смыслѣ?—спросилъ Догановъ.

— Въ принципѣ не то. Надо руководствоваться не удобствомъ, а красотой. Надо придумать такую мебель, чтобы на ней можно было расположиться красиво, пластично... Чтобы тѣло не обвисало, а напрягалось. Самая неудобная мебель для этого лучше всего. А это распущенность, халатъ...

Догановъ внимательно слушалъ.

— Это орѣхъ!—сказалъ онъ.

— Почему орѣхъ?—спросила Лигина.

— Надо раскусить и посмотрѣть, что въ срединѣ.

— Въ срединѣ пластика движеній и позъ.

Лигина изучила пластическую гимнастику, что̀ очень ей шло. Она была некрасива, но прекрасно сложена. У нея изящная фигура, гибкая, тонкая, и красивыя руки. Въ ея движеніяхъ есть что-то музыкальное. Сначала это раздражало, казалось ломаньемъ. Но когда глазъ привыкалъ, то хотѣлось смотрѣть, становилось интереснымъ. Чувствовалась въ этихъ размѣренныхъ движеніяхъ какая-то внутренняя сила, которая ими управляла.

О красивыхъ позахъ, о пластикѣ движенія говорили долго. Лигина себя демонстрировала: ложилась, садилась, стояла и объясняла, что красиво и что не красиво. Она продѣлывала это такъ убѣжденно и говорила такъ серьезно, что невольно хотѣлось соглашаться съ ней. Только Догановъ не слушалъ ея, что̀ видимо раздражало Лигину. Она раньше была очень близка съ нимъ, а теперь онъ почти не обращалъ на нее вниманія.

Меня удивляло, что онъ не заинтересовался Ириной, я немножко обидѣлась за нее. Когда онъ пригласилъ меня осмотрѣть музей, оставивъ спорящихъ о пластикѣ, я спросила — нравится ли ему Ирина?

— Лѣпка хороша, вдохновенія нѣтъ.

— Что это значитъ?

— Значитъ—великое лѣпіе, а души нѣтъ.

— А вамъ нужна душа?

— Ищу,—сказалъ онъ серьезно. Исканія безплодны...

— Вы любите вещи, а до души вамъ что за дѣло?

— Вещи—моя забава. Это видимость. Сущность въ невидимости... Хотите затянуться ароматомъ?—продолжалъ онъ, впадая въ обычный шутовской тонъ.

Я люблю духи. Съ любопытствомъ разсматривала сотни флаконовъ, самой разнообразной формы, разставленныхъ на полкахъ стеклянныхъ шкафовъ, занимающихъ всѣ стѣны. Онъ давалъ нюхать разные запахи собственныхъ смѣсей. Я сказала, что смѣшанныхъ запаховъ не люблю.

— Что излюбляете?

— Фіялки.

Самый простой ароматъ...

Онъ вынулъ хрустальный флаконъ съ серебрянымъ колпакомъ, вложилъ въ атласную коробку цвѣта вишни и, вручая, мнѣ сказалъ:

— Преподносится въ даръ. Высшій конвертъ. Прибылъ изъ Великой Британіи.

У него былъ ликующій видъ. Онъ радовался, что преодолѣлъ свою скупость. Мы перешли къ вѣерамъ. Тутъ онъ до такой степени расщедрился, что подарилъ мнѣ марокканскій вѣеръ со страусовыми перьями.

— Преподносится въ даръ двигатель воздуха.

Мы вернулись въ аудиторію, гдѣ я показывала подарки. Ирина такъ разозлилась, что поблѣднѣла, а Лигина даже не взглянула ни на меня, ни на вѣеръ. Зато другая дама, маленькая блондинка, влюбленная въ своего мужа-студента, подержала въ рукахъ вѣеръ и духи, внимательно ихъ разсмотрѣла и сказала просто безъ признаковъ зависти:

— Какой красивый вѣеръ... Я очень люблю віолетъ.

Она мнѣ такъ понравилась, что я предложила ей духи. Но она рѣшительно отказалась.

Военный врачъ давно стоялъ съ разведенными руками, разинутымъ ртомъ и широко открытыми глазами.

— Голубчикъ, что съ тобой? Да здоровъ ли ты? Дай-ка посмотрю пульсъ...

Онъ подошелъ къ Доганову, взялъ его руку, вынулъ часы и сталъ считать.

Догановъ, сдѣлавшійся мрачнымъ, когда я предлагала духи блондинкѣ, теперь опять сіялъ.

— Рѣдкостный экземпляръ, феноменально рѣдкостный,— сказалъ онъ, указывая на вѣеръ.

— Это ты рѣдкостный экземпляръ,—сказалъ Лонскій.

— Сдѣлано впрыскиваніе антискупина въ большой дозѣ,— сказалъ врачъ.

— Если повторять часто, можетъ произойти опасное разстройство.

Догановъ не обижался, когда смѣялись надъ его скупостью.

Странное чувство зависть. Я очень завистлива. Я также завидовала бы, если бы онъ подарилъ не мнѣ, а Иринѣ или Лигиной. Это отвратительное, мелкое, злое чувство. Если бы никому не дарить, тогда ничего.

Маленькая блондинка доставила мнѣ большую радость. У нея не было зависти. Значитъ, это не обязательно, значитъ, съ этимъ можно бороться. Мнѣ захотѣлось съ нею поближе познакомиться. Къ сожалѣнію, она скоро ушла вмѣстѣ со студентомъ. Такъ вышло глупо, какъ бываетъ часто въ жизни: я не спросила ея фамиліи и адреса...

Догановъ повелъ насъ дальше, въ «уютъ самоцвѣтныхъ камешковъ». Но раньше мы попали въ «фортъ уюта».

— Фортъ нумеръ первый и послѣдній.

Это была спальня Доганова,—большая, почти пустая комната. По срединѣ ея стояла кровать, такая высокая, что взбираться на нее надо было по ступенькамъ, и такая широкая, что на ней свободно могли лечь четыре человѣка. У изголовья по обѣимъ сторонамъ стояли этажерки вертушки, съ книгами въ мягкихъ, темно-красныхъ сафьяновыхъ переплетахъ. На каждой этажеркѣ было по два револьвера и по ящику патроновъ. Въ полированныхъ кускахъ рельса были вставлены свѣчи. Въ ногахъ кровати возвышался стальной экранъ на колесикахъ.

— Щитъ-пулеморъ. Пуля ударится и умретъ.

Дверь въ спальню изнутри была обита желѣзомъ и закрывалась массивными задвижками. Она двигалась на колесикѣ. Прорѣзанное въ двери маленькое окошечко закрывалось желѣзной ставней. Подъ стѣнами стояли черные табуреты.

Въ потолкѣ, въ углубленіи, надъ кроватью, были вдѣланы электрическія лампочки, ярко освѣщавшія комнату. Окна изнутри закрывались металлическими ставнями.

Докторъ и Лонскій обсуждали вопросъ о неприступности спальни. Всѣмъ казалось, что проникнуть въ нее невозможно.

Лонскій сказалъ:

— Положить бомбу, взлетишь и ты и твой фортъ.

Догановъ, объяснявшій употребленіе пулемора, замеръ на

полусловѣ, растерялся. Видно, бомба смутила его. Но потомъ нашелся.

— Бомба ловкая штучка. Но есть порокъ—слишкомъ шумливая дама. На весь кварталъ накричитъ.

Въ стѣнѣ спальной была еще одна желѣзная дверь.

— Входъ по палочкамъ!—сказалъ Догановъ, указывая на эту дверь.

Онъ взялъ черный бархатный мѣшочекъ, изъ котораго надо было тянуть жребій, кому въ какой очереди итти. Въ мѣшочкѣ лежали черныя палочки съ бѣлыми ободками. Число ободковъ опредѣляло очередь.

Лигина первая опустила руку въ мѣшочекъ, долго искала и вытащила палочку съ однимъ ободкомъ.

— Послѣ того, какъ вы смотрѣли, прибавленій не было,—сказалъ Догановъ.

— Все равно, я хочу посмотрѣть.

Догановъ вынулъ изъ жилетнаго кармана маленькій плоскій ключикъ, и, когда повернулъ, раздался музыкальный звукъ, напоминающій бой часовъ. Открылась маленькая металлическая пластинка, закрывавшая ручку двери. Онъ повернулъ ключъ еще разъ и потянулъ ручку. Дверь открылась съ такимъ же протяжнымъ звукомъ часового боя.

Лигина вошла вмѣстѣ съ Догановымъ. Дверь запиралась беззвучно.

— Онъ немножко сумасшедшій,—сказалъ врачъ.

— Не многимъ болѣе, чѣмъ всѣ мы. Дайте мнѣ его состояніе, такъ я еще бо̀льшія глупости выдумаю,—сказалъ Лонскій.

— Дѣйствительно, выдумываетъ какой-то вздоръ! Эхъ, если бы у меня было такое богатство!—воскликнула Ирина.

— Что бы вы сдѣлали?—спросилъ Лонскій.

— Не скажу. Секретъ. Во всякомъ случаѣ жила бы веселѣе, чѣмъ онъ. Все это—такая скука!

Лигина вышла очень скоро. Она была взволнована, наскоро простилась и ушла, не забывая пластики движеній.

— Палочка два!—позвалъ Догановъ.

Второй была Ирина. Она сидѣла долго.

У насъ сначала разговоръ не ладился. Было неловко и скучно. Лонскій все разсматривалъ меня.

— Почему онъ впускаетъ по одному?—спросила я.

— Боится, чтобы не стянули,—отвѣтилъ врачъ.—Не довѣряетъ. За однимъ можно усмотрѣть, за нѣсколькими трудно.

— Можетъ быть, и это. Но есть другая причина. Онъ

изучаетъ людей,—сказалъ Лонскій.—Слѣдитъ за выраженіемъ лица, за глазами, вообще за тѣмъ, какое впечатлѣніе производитъ на человѣка видъ сокровищъ. Онъ вообще гораздо сложнѣе, чѣмъ кажется съ виду. Нѣкоторые принимаютъ его за простака, а въ немъ есть свой Мефистофель.

— Какой Мефистофель?—просто русскій самодуръ. Я знаю его съ гимназическихъ временъ. Онъ и тогда дурилъ,—сказалъ врачъ.—Но, конечно, онъ не простакъ. Онъ очень хитрый,—прибавилъ онъ.

— У него есть способность угадывать людей. Иногда съ перваго знакомства пуститъ словечко, точно ярлыкъ приклеитъ,—говорилъ Лонскій, не спуская глазъ съ меня.—Какъ онъ вѣрно опредѣлилъ вашего пріятеля Никиту—анархо-буржуй. Это страшно подходитъ. Не правда ли?

Я сохраняла равнодушный видъ, хотя въ сердцѣ защемило.

— Не понимаю,—сказала я.

— Онъ отлично совмѣщаетъ съ анархизмомъ самую вульгарную буржуазность. Онъ весь пропитанъ мѣщанствомъ...

— Мнѣ не кажется. Изъ чего вы это взяли?—спросила я.

Во мнѣ закипалъ гнѣвъ. Узкіе, длинные глаза Лонскаго меня раздражали. А онъ продолжалъ говорить спокойно, все не давая мнѣ отдыха отъ своихъ глазъ.

— Изъ чего? Вотъ вамъ примѣръ, очень для него характерный. Онъ любитъ дѣвушку и любимъ взаимно. Оба свободны и могли бы жить счастливо. А у нихъ ничего не выходитъ, только мучаютъ другъ друга...

— Въ чемъ же дѣло?—спросилъ врачъ.

— Онъ боится заводить семью, потому что у него мало денегъ. Дорожитъ своей независимостью, труситъ жизни. Онъ вѣдь большой трусъ, несмотря на свою храбрость...

— Это бываетъ,—замѣтилъ врачъ.—Я зналъ офицера, который на войнѣ могъ шутить и улыбаться подъ пулями, а боялся таракановъ и квартирныхъ хозяекъ...

Онъ засмѣялся. Лонскій продолжалъ:

— У него нѣтъ чувства своей семьи. Дѣти представляются ему страшнымъ безпокойствомъ, тяжелой обузой... Пролетарская этика не воспрещаетъ семьи, но у него этика буржуазная...

Если бы я умѣла разсказать тебѣ, какъ я ненавидѣла въ эту минуту Лонскаго!

— Ему нужна хорошая квартира съ приличной обстановкой, гувернантка, бонна, лучшій врачъ, вообще все то, что составляетъ привилегію буржуазной семьи...

Я думала: какая подлость! Неужели онъ знаетъ что-нибудь обо мнѣ и все-таки говоритъ.

— Онъ въ родѣ старыхъ холостяковъ. Его пугаетъ мысль отказаться отъ своихъ привычекъ, отъ свободы жить, какъ вздумается. Нѣсколько лѣтъ тянется у нихъ канитель. Не знаю, что онъ говоритъ любящей его дѣвушкѣ, но знаю, что она глубоко страдаетъ. Въ интимной жизни онъ рѣшительно невозможный человѣкъ, мелочный, брюзга, скупой... Послѣднее, впрочемъ, по недостатку средствъ. Дѣдъ оставилъ ему небольшой капиталъ, и онъ боится выйти изъ бюджета. Слѣдуя мудрому мѣщанскому правилу—по одежкѣ протягиваетъ ножки.

Это было до такой степени не похоже на Никиту, что я вдругъ успокоилась и засмѣялась.

— Можно подумать, что вы его не знаете, а принимаете за него кого-то другого,—сказала я. Глаза у Лонскаго стали еще уже. Какія-то противныя щели. Онъ улыбнулся. И улыбка у него была противная, злая.

— Да, много есть людей на свѣтѣ, живущихъ въ величайшемъ заблужденіи,—сказалъ онъ.—Никита человѣкъ сложный и интересный. Кто знаетъ только нѣкоторыя стороны его характера, можетъ очароваться имъ. Но кому доведется увидѣть другія стороны, тотъ можетъ назвать его ничтожнымъ. Нужно прожить съ нимъ долго, видѣть его въ цѣломъ. Въ общемъ онъ хорошій парень, несмотря на многія несовершенства. Но идеализировать его, какъ дѣлаютъ нѣкоторые его поклонники, а въ особенности поклонницы—это нехорошо. И нехорошо для него. Это портитъ человѣка. Женщинамъ онъ нравится особенно, во-первыхъ, потому, что умѣетъ подлаживаться подъ ихъ вкусы; во-вторыхъ—и это главное,—потому, что показываетъ имъ себя не всего, какъ онъ есть, а маленькій кусочекъ своей души. А у него есть красивые кусочки. Я знаю только одну женщину, которая постигла его цѣликомъ. Онъ жилъ съ нею, какъ съ женой, мѣсяца два. Она его потомъ видѣть не могла...

— Это было давно, лѣтъ восемь тому назадъ, въ Кіевѣ?—спросилъ врачъ.

— Да. Онъ сразу не показывается. Онъ даже избѣгаетъ частыхъ свиданій... Бѣдная ждетъ его два-три мѣсяца, онъ ей на часокъ покажется, ну и очарована. Онъ ей представляется въ лучахъ осіянія...

Мнѣ было невыразимо больно. Въ особенности было больно то, что я почувствовала, что въ словахъ Лонскаго есть какая-то правда, есть что-то новое о Никитѣ, чего я раньше не знала. Было

обидно, что я узнала это отъ чужого, что не самъ Никита сказалъ мнѣ!

Рыданія подступили къ сердцу. Я готова была расплакаться. Но ненависть къ Лонскому спасала меня. Въ ней я находила силы со спокойнымъ видомъ слушать его, а онъ все говорилъ.

— Никита принадлежитъ къ числу тѣхъ людей, у которыхъ личность двоится, даже четверится. Въ отношеніяхъ съ женщинами у него есть любопытная сторона. Женщины, съ которыми онъ бывалъ близокъ, никогда не встрѣчались, не знали другъ друга. Каждая видѣла въ немъ не то, что̀ другая. Я знаю даму,—она теперь уѣхала въ провинцію,—которая считаетъ Никиту бреттеромъ, скандалистомъ, забіякой, забубенной головой. Ей такой типъ нравится, и она очарована имъ. Но развѣ это похоже на Никиту? Но дамѣ пріятно имѣть такого поклонника, и онъ выдумываетъ всевозможныя исторіи, въ которыхъ онъ—герой. Женщина играетъ огромную роль въ его жизни. Онъ не можетъ жить безъ женской ласки. Но онъ никогда не женится. Развѣ найдетъ богатую невѣсту...

— Вы полагаете,—сказала я,—что Никита способенъ жениться ради денегъ?

— Я не сказалъ этого и не думаю такъ, — отвѣтилъ онъ серьезно.

Я поняла, что сказала глупость, и мнѣ стало совѣстно передъ Лонскимъ. Ненависть ослабѣвала.

— Я полагаю,—продолжалъ онъ спокойно,—что, если бы онъ полюбилъ богатую дѣвушку, то не побоялся бы жениться на ней.

— Нѣтъ,—сказалъ врачъ,—онъ никогда не женится.

Онъ произнесъ это съ такой увѣренностью, что мнѣ стало жутко. Я смотрѣла на него, ожидая какихъ-либо объясненій, но въ это время вышла Ирина, крайне раздосадованная.

— Все это можно увидѣть въ любомъ ювелирномъ магазинѣ,—сказала она, когда я пошла проводить ее.—Не понимаю, зачѣмъ ты привезла меня сюда.

Она разсчитывала, что Догановъ подаритъ ей камень или золотую вещь. Послѣ нея была очередь Лонскаго. Я думала, что узнаю что-нибудь отъ врача. Но когда я вернулась, меня ждалъ Лонскій, уступившій свою палочку доктору.

— Зачѣмъ вы это говорили? — гнѣвно спросила я. — Вы знали, вѣдь, что говорите обо мнѣ.

— Конечно, я сдѣлалъ это изъ ревности, — сказалъ онъ тѣмъ же спокойнымъ тономъ.

Глаза его расширились, стали большіе, и я первый разъ увидѣла, что они почти зеленые.

Лонскій всталъ, подошелъ къ окну и стоялъ спиной ко мнѣ.

— Отчего, — сказалъ онъ, не оглядываясь, — нельзя говорить съ людьми то, что̀ думаешь, то, что̀ поднимается изъ души? Всякій ненужный вздоръ можно болтать сколько угодно. Я думалъ, что съ вами можно говорить все.

Онъ подошелъ ко мнѣ, смотрѣлъ все тѣми же широко открытыми глазами и сказалъ:

— Вы подозрѣваете во мнѣ личные мотивы? — спросилъ онъ.—Скажите прямо.

— Сама не знаю. Мнѣ было очень больно.

Онъ сѣлъ рядомъ.

— Вы какъ малый ребенокъ: бьете по тому мѣсту, о которое ушиблись. Вы ненавидѣли меня?

— Да.

— Спасибо, что сказали.

— У меня не было личныхъ побужденій. У меня не можетъ ихъ быть. У меня нѣтъ личной жизни... Это мое огромное преимущество. Я все вижу яснѣе, глубже. Въ этомъ же мое страданіе и моя гордость... Вамъ было больно. Я знаю. Вамъ было больно, потому что вы думали, что Никита говорилъ о васъ со мной. Нѣтъ, онъ не говорилъ. Но я все знаю. Я сдѣлалъ вамъ больно, но боль исцѣляетъ. Я говорилъ это ради васъ, потому что вы моя единственная привязанность. Не морщитесь, это не объясненіе въ любви. Я люблю васъ, какъ взрослый любитъ ребенка, безпомощнаго, маленькаго, одинокаго. Вы же страшно одинокій человѣкъ! Даже Никита, которымъ вы живете, не умѣетъ васъ понять...

Голосъ его звучалъ задушевно. Въ глазахъ свѣтилась, доброта.

— Я говорилъ такъ, потому что хочу помочь вамъ. Я нарочно говорилъ при постороннемъ, чтобы заставить васъ слушать. Если бы мы были наединѣ, вы не дали бы мнѣ сказать, что̀ нужно... Теперь вы будете слушать меня. У васъ нѣтъ больше злого чувства ко мнѣ?

— Нѣтъ...

— Въ вашихъ отношеніяхъ съ Никитой есть одно великое недоразумѣніе. Для меня оно ясно вполнѣ, а вы его не видите. Мы знали другъ друга еще маленькими. Вся его жизнь прошла передъ моими глазами. Онъ росъ одинокимъ, болѣе одинокимъ, чѣмъ вы. Его выростила чужая женщина и старикъ-дѣдъ. Онъ не

зналъ матери, у него не было материнской ласки, материнскаго уюта. Въ душѣ его осталась тоска по нимъ. Въ васъ онъ нашелъ это единственное въ мірѣ чувство материнской нѣжности. Васъ онъ любитъ, какъ любилъ бы въ дѣтствѣ свою мать. Ему отъ васъ только и нужна эта материнская ласка, которой онъ не зналъ. А вы любите его иначе... Вы въ немъ любите отца вашего ребенка. Богатый родникъ материнства дала вамъ природа, онъ бьетъ черезъ край, затопляетъ все передъ вами, какъ рѣка, вышедшая изъ береговъ...

Я чувствовала правду въ его словахъ. Можетъ быть, и я иногда угадывала ее, но боялась, пряталась отъ нея.

— Знаете, что ему нужно? Ему нужно, чтобы вы вышли замужъ за хорошаго человѣка, имѣли уютный очагъ, достатокъ, дѣтей... Онъ приходилъ бы къ вамъ погрѣться, отдохнуть послѣ своихъ скитаній...

У меня мелькнула мысль: Алтаевъ? Можетъ-быть, Некудинъ?

— Вы думаете, что Никита хочетъ этого?

— Душа его хочетъ. Онъ, можетъ-быть, и самъ того не знаетъ. Если ему сказать, онъ, пожалуй, не повѣритъ. Люди такъ рѣдко знаютъ, что̀ имъ нужно. Живутъ вслѣпую. Судьба рѣшаетъ, а судьба слѣпа. Таятся въ насъ инстинкты и влекутъ, куда мы не знаемъ. Нѣкоторые утверждаютъ, что такъ и надо...

— Развѣ можно иначе?

— Вы также думаете, что нельзя? Но инстинкты бываютъ безсмысленные, дикіе. Неужели человѣку съ волей и разумомъ подчиняться стихійной темной силѣ? Толпа живетъ инстинктами. Я такъ жить не хочу. Я самъ опредѣляю мою жизнь...

Желѣзная дверь отворилась, и показалась голова Доганова.

— Слушай, самоубійца, — сказалъ онъ. — Ты угощаешь даму траурными конфетами. Не вѣрьте ничему, что̀ онъ говоритъ. Все, что̀ онъ говоритъ, надо разумѣть напротивъ. Пожалуйте. Иди, самоубійца.

Мнѣ хотѣлось домой, но я машинально пошла за Лонскимъ. Мнѣ казалось, что я безконечно равнодушна ко всему, что̀ увижу. Но какъ только засверкали драгоцѣнные камни, я невольно залюбовалась ими. Я никогда не видѣла такого множества. Онъ показывалъ ихъ, раскладывалъ на разноцвѣтныхъ тканяхъ—на сукнѣ, на шелку, на бархатѣ, на атласѣ.

По срединѣ комнаты стоялъ простой столъ, покрытый бархатомъ гранатоваго цвѣта. Догановъ разложилъ на столѣ изумруды. Комната была освѣщена множествомъ лампочекъ съ раз-

ноцвѣтными стеклами, красными, синими, бѣлыми, оранжевыми. Можно было зажигать лампочки каждаго цвѣта отдѣльно.

Собравъ камни, онъ постелилъ для нихъ желтый шелкъ, потомъ нѣжно-розовый бархатъ. Спрятавъ изумруды, онъ разсыпалъ по темнозолотистому атласу сапфиры; потомъ рубины. Потомъ всѣ камни вмѣстѣ. Потомъ на черный бархатъ положилъ брильянты и крупный жемчугъ. Выкладывалъ изъ камней узоры, цвѣты, передвигая ихъ палочкой изъ слоновой кости съ мягкой подушечкой на концѣ.

Въ комнатѣ стоялъ большой несгораемый шкапъ съ двойными стѣнками, наполненный множествомъ ящиковъ различной величины.

Маленькіе футлярчики—для большихъ камней.

— Отдѣльныя камеры для высокопоставленныхъ преступниковъ,—пояснилъ Догановъ.—Обыкновенные арестанты имѣютъ общія помѣщенія съ отдѣльными постелями, а шпана—аметисты, горный хрусталь—живутъ кучами.

Въ то время какъ врачъ, Догановъ и я занимались камнями, Лонскій сидѣлъ вдали и разсматривалъ насъ. Глаза его опять стали узкими. Онъ чуть-чуть улыбался. Догановъ взглянулъ на него и сказалъ:

— Выдумываешь иронію на разные фасоны.

— Ты тѣмъ дамамъ камней не выкладывалъ, — замѣтилъ Лонскій.—Боялся.

— У нихъ пальчики цѣпкіе, какъ лапки у мушекъ,—сказалъ Догановъ.

— Вы думаете, что онѣ могли взять?—удивилась я.

— Нельзя не взять. Сила притяженія дѣйствуетъ.

— Почему же ты насъ не боишься?—спросилъ врачъ.

— Его развѣ можно бояться!—отвѣтилъ Догановъ, кивнувъ въ сторону Лонскаго.—Онъ все внутрь смотритъ. Тутъ не безъ опасенія...

Онъ показалъ глазами на меня.

— Но я самъ предоставляю свободное избраніе. А ты,—сказалъ онъ врачу,—захочешь, да не посмѣешь. Ты рабъ madame этики. У тебя много набито гвоздей и на каждомъ гвоздѣ виситъ этика. Давно виситъ и никогда не провѣтривается...

— Нѣтъ, и я не посмѣю,—со вздохомъ сказала я.

Всѣ засмѣялись.

— Напрасно,—сказалъ Лонскій. — У такого бездѣльника надо брать все.

— Что жъ не берешь?

— Не хочется. Захочется, такъ возьму.

— А вотъ!—Догановъ показалъ на револьверъ, лежавшій въ шкапу.

— А вотъ! — повторилъ Лонскій и вынулъ изъ кармана револьверъ.

Они улыбались, но мнѣ показалось, что въ ихъ улыбкахъ и тонѣ была не шутка, а угроза.

— Это ты для себя, а мой для другихъ, — сказалъ Догановъ.

— Это, братъ, смотря по настроенію.

— А вы ужъ прямо становитесь другъ противъ друга и палите,—сказалъ врачъ.

— Вотъ штучка единственная! — сказалъ Догановъ, которому, видимо, не нравился разговоръ съ Лонскимъ.

Онъ открылъ ящикъ, въ которомъ лежалъ слитокъ золота съ прилѣпленнымъ къ нему большимъ сапфиромъ. Камень былъ такъ искусно вдѣланъ, что казалось, будто онъ выросъ изъ этого золота. Онъ былъ необыкновенно красивъ и такой темный, что сначала казался чернымъ. Я залюбовалась имъ.

— Можно ли такъ сильно любить вещи?—спросилъ врачъ.

— А что любить?—спросилъ Догановъ.

Онъ показывалъ высокопоставленныхъ преступниковъ. Отдѣльные экземпляры брильянтовъ, жемчужинъ, рубиновъ.

На вопросъ Доганова врачъ отвѣтилъ:

— Человѣка.

— Человѣкъ есть тварь отвратительная, — сказалъ Догановъ.

Онъ вынулъ великолѣпныя цѣпочки изъ брильянтовъ съ изумрудами, висѣвшими на золотыхъ нитяхъ, повѣсилъ ихъ на пальцы и, двигая, усиливалъ игру свѣта.

— Въ человѣкѣ таятся всѣ сокровища вселенной, — сказалъ Лонскій,—да бѣда въ томъ, что они завалены грудой мусора. Нуженъ Геркулесъ, чтобы произвести расчистку.

— А Геркулеса-то нѣтъ!—сказалъ Догановъ.

— Придетъ, погоди!—утѣшалъ врачъ.

— Скучно ждать,—замѣтилъ Лонскій.

— Въ вашемъ клубѣ-то небось весело,—сказалъ Догановъ.

— Слушай, Лонскій, ну, скажи правду, ты членъ клуба самоубійцъ?—спросилъ, улыбаясь, врачъ.

Я взглянула на Лонскаго. Онъ не улыбался. Лицо его стало неподвижно. Я смотрѣла на него и ждала, что онъ отвѣтитъ.

— Вы полагаете, что это вздоръ? А между тѣмъ такой клубъ дѣйствительно необходимъ.

Лонскій говорилъ серьезно, не глядя ни на кого.

— Такой большой вопросъ, какъ вопросъ жизни и смерти, развѣ не заслуживаетъ того, чтобы отнестись къ нему внимательно. Если существуютъ общественныя организаціи для покупки чая и сахара или для изученія астрономіи, то почему имъ не быть—для изслѣдованія вопроса о лишеніи себя жизни? Прежде всего сторона техническая. Каждый день читаете въ газетахъ о случаяхъ неудачныхъ самоубійствъ. Человѣкъ вмѣсто того, чтобы освободиться отъ жизни, дѣлается калѣкой, да еще попадаетъ въ полицейскій протоколъ! Что можетъ быть ужаснѣе этого? Затѣмъ,—сторона идейная. Какъ человѣку, замыслившему самоубійство, разобраться въ томъ, дѣйствительно ли ему слѣдуетъ умереть или его намѣреніе не достаточно обосновано? Съ кѣмъ ему посовѣтоваться? Куда пойти? Вѣдь онъ самый безпомощный человѣкъ. Если бы человѣкъ, проектирующій самоубійство, имѣлъ свой тѣсный кружокъ, гдѣ могъ бы поговорить свободно, могъ бы откровенно высказаться, выяснить всѣ обстоятельства дѣла... Подумайте, какъ должно быть легко человѣку въ кругу своихъ единомышленниковъ...

Тонъ у него былъ серьезный, а на губахъ все время играла странная улыбка.

— Сколько теперь бываетъ случаевъ неудачныхъ, то-есть покушеній съ негодными средствами или самоубійствъ вздорныхъ, ребяческихъ! Я полагаю, что правительство должно пойти навстрѣчу назрѣвшей потребности...

— Выдавать субсидіи,—замѣтилъ врачъ.

— Выдавать, непремѣнно выдавать. Вѣдь въ составъ такихъ организацій могутъ входить люди бѣдные!

Лонскій произнесъ это съ такимъ убѣжденіемъ, что чувствовалось, что у него это давно продуманная мысль.

— Пойдетъ лекція!—сказалъ Догановъ. Слѣдуетъ перейти въ аудиторію.

Онъ собиралъ камни и укладывалъ на свои мѣста золотыми щипчиками съ мягкими замшевыми концами.

— Курсъ самоубійства,—замѣтилъ врачъ.

— Штучка серьезная. Есть вѣрныя мысли. Надо признать.

— Да, курсъ,—продолжалъ Лонскій.—Слѣдуетъ учредить каѳедру...

— Тебя назначить профессоромъ,—сказалъ врачъ, все время сохранявшій ироническое выраженіе.

— Меня или другого—все равно. Но нельзя къ этому вопросу относиться легкомысленно. Въ газетахъ, въ разговорахъ ахи да охи. Или разсужденія о воспитаніи, о политическихъ условіяхъ. Разсужденія, конечно, самыя правильныя, но надо ждать сто лѣтъ. А это—злоба дня. Въ самоубійствахъ существуетъ самая настоятельная необходимость и будетъ существовать всегда. Если человѣкъ сознательно, убѣжденно хочетъ уйти отъ жизни, надо ему помочь... Или доказать ему, что онъ ошибается. Здѣсь, какъ и во всемъ, люди состоятельные устраиваются удобно, а бѣднякъ бросается въ Фонтанку. Его вытаскиваютъ за шиворотъ, какъ щенка, да еще отколотятъ въ участкѣ за безпокойство... Влюбленная корсетница или голодающая курсистка выпьетъ уксусной эссенціи, ее везутъ въ больницу, газеты треплятъ ея имя, полицейскіе составляютъ протоколы, врачи стараются вылѣчить. Если бы она знала, что есть такой клубъ, такое общественное учрежденіе, которое вѣдаетъ самоубійства безъ всякаго публичнаго скандала... Что тамъ ее выслушаютъ, поговорятъ, отнесутся къ дѣлу объективно, безъ аханья и вздоховъ. Если она, послѣ этого, останется при убѣжденіи, что ей не надо жить, ей помогутъ умереть, укажутъ наилучшій способъ, дадутъ необходимыя указанія...

— Что за галиматья!—воскликнулъ врачъ.

— Ты возражай, опровергай, пожалуйста,—спокойно сказалъ Лонскій.

— Нѣтъ, братъ, это не моя спеціальность.

— А говоришь: галиматья...

Лонскій всталъ, молча простился и ушелъ. Я также собралась уходить, но Догановъ сказалъ очень серьезнымъ тономъ:

— Прошу остаться на пять мгновеній. Есть первостепенной важности дѣло.

Не понимаю, почему мнѣ пришло въ голову, что онъ сообщитъ мнѣ что-то о Никитѣ. Онъ убралъ камни и заперъ шкапъ.

— Дѣйствительно, не знаешь, что возразить на такую ерунду,—сказалъ врачъ.

Видно было, что ему какъ-то не по себѣ и что онъ все еще находится подъ впечатлѣніемъ словъ Лонскаго. Онъ ушелъ, поникшій, скучный.

Догановъ приблизился ко мнѣ, держа въ рукѣ маленькій ключикъ, и сказалъ.

— Одинъ устремляется въ пучину жизни, другой падаетъ въ бездну смерти. Вы возлюбили жизнь. Извѣданіе жизни, про-

никаніе въ нее въ высокой степени занятно. Будемъ жить вмѣстѣ! Оставайтесь здѣсь, и всѣ ваши устремленія достигнутся. Зима прошла, все проникается трепетаніемъ жизни. Окунитесь въ весну... Пусть совершится новое... Начнется новая полоса вашей жизни. Все—вамъ, все для васъ. Не уходите!

Онъ протянулъ мнѣ ключъ.

Лицо его, всегда некрасивое, было теперь отвратительно. Оно лоснилось. Широкія челюсти, выступающая нижняя губа, узкій лобъ, маленькіе острые глазки и влажная, холодная рука, которой онъ совалъ ключъ въ мою руку, поднимали во мнѣ непреодолимое отвращеніе.

Я встала, но онъ схватилъ мои руки и опустился на колѣни.

Я не могла выносить прикосновенія холодныхъ, мокрыхъ рукъ. Я вырвала свои. Онъ охватилъ мои ноги и что-то говорилъ, чего я не слыхала, охваченная бѣшенствомъ. Я оттолкнула его, можетъ быть, даже ударила и вышла изъ комнаты.

Меня вдругъ охватилъ безумный страхъ. Показалось, что онъ гонится за мной, схватитъ меня, запретъ за этой желѣзной дверью. Я бѣжала по комнатамъ въ паническомъ ужасѣ и успокоилась только тогда, когда очутилась на лѣстницѣ.

На улицѣ возлѣ подъѣзда меня встрѣтилъ Лонскій. Онъ стоялъ передъ витриной фотографа.

— Я разсчиталъ, что послѣ ухода медикуса вы не останетесь у Доганова и десяти минутъ. На всякій случай прибавилъ пять... Черезъ четверть часа, если бы васъ не было, я вернулся бы за вами.

Я еще не вполнѣ оправилась отъ волненія. Вѣроятно, онъ это замѣтилъ. Я поблагодарила его. Онъ крѣпко пожалъ мнѣ руку, сказалъ: «до свиданія» и ушелъ въ противоположную сторону.

2-я ЧАСТЬ.

Давно не подходила я къ этой тетради. Сколько событій, сколько перемѣнъ совершилось за это время. Только ты не мѣняешься. Все также любишь меня и зовешь къ себѣ. Можетъ быть, потому, что ты не знаешь меня? Погоди, я все разскажу тебѣ; я открою передъ тобой всю мою душу и всю мою жизнь за послѣдніе два года. Ты и не подозрѣваешь, какая я была гадина. Да, знаешь, я сама не знала раньше, что я такая подлая, за-

вистливая тварь. Мнѣ думается, что ни одинъ человѣкъ не знаетъ, какой онъ, пока не случится нѣчто, въ чемъ проявится его сущность.

Я совсѣмъ не писала тебѣ, даже открытокъ, которыя ты ненавидишь. Это потому, что я боялась, какъ бы между строкъ не выскочило ядовитое жало гадюки.

Посмотрѣла послѣднія строки тетради. Тогда была весна, а теперь ноябрь...

Въ тотъ памятный для меня вечеръ, когда я была у Доганова, изъ всего, что̀ говорилъ мнѣ Лонскій, самое сильное впечатлѣніе произвело на меня одно; то, что Никъ не хочетъ заводить семью по недостатку средствъ. Это гвоздемъ засѣло въ головѣ, а все остальное забылось.

Я рѣшила устранить это препятствіе. Поднялся во мнѣ необыкновенный приливъ энергіи. Я скажу Нику, что сама могу выростить своего ребенка.

Скажу? Если бы такъ легко было сказать, какъ подумать!

Пустила въ ходъ всѣ свои связи: Островерхова, Олонецкаго, Ирину. Мѣсяца черезъ два получила мѣсто въ банкѣ на пятьдесятъ рублей. Но черезъ мѣсяцъ мнѣ дали семьдесятъ пять, а черезъ три мѣсяца—сто.

Я начала копить деньги. Вотъ штука, которой ты отъ меня не ожидала! Вѣдь я за годъ скопила семьсотъ рублей! Мнѣ пригодилось знаніе иностранныхъ языковъ; я переписывалась съ кліентами банка въ Лондонѣ, Парижѣ, Брюсселѣ, Берлинѣ... Это не легкая работа, потому что отнимаетъ много времени и ничего, ничего не даетъ, кромѣ жалованія. Я очень уставала. Бывали вечера, когда мнѣ ничего не хотѣлось кромѣ отдыха. Жизнь моя пріобрѣла автоматичность. Явилась внѣшняя сила, управлявшая дѣйствіями, опредѣлявшая день.

Когда Никъ узналъ о моей службѣ,—раньше я ничего не говорила ему,—онъ ничего не понялъ, не угадалъ. Онъ сказалъ:

— Завидую тебѣ, что ты способна къ систематическому труду. Я не могу. Я способенъ проработать нѣсколько дней и ночей подрядъ, чтобъ потомъ все бросить. Ходить каждый день на службу, въ опредѣленный часъ, хочется тебѣ или не хочется,— это невозможно.

— Возможно, если есть опредѣленная цѣль,— сказала я.

— Цѣль копить деньги? Зачѣмъ?

— Чтобы имѣть полную самостоятельность. Я хочу сама строить свою жизнь.

Онъ и это не понялъ. Онъ приписалъ мое стремленіе къ самостоятельности нежеланію жить на средства отца. Меня это глубоко поражало. Когда проникнешься чѣмъ-нибудь всецѣло, думаешь объ этомъ постоянно, то кажется, что и другой можетъ все, понять съ намека, съ полуслова. Но онъ былъ далекъ отъ моихъ мыслей, моихъ переживаній.

Сколько разъ я собиралась ему разсказать все, но не могла.

Ничего не измѣнилось въ нашихъ отношеніяхъ. Мы только рѣже видѣлись, потому что я была слишкомъ занята на службѣ. Но я жила только одной мыслью, что, вотъ, я ему объясню все, и тогда начнется новая жизнь. Онъ будетъ знать, зачѣмъ я служу, зачѣмъ коплю деньги. Я взяла въ банкѣ еще вечернія занятія, за которыя мнѣ платили сдѣльно.

Въ минувшемъ октябрѣ вечеромъ, значитъ, болѣе года тому назадъ, неожиданно пришелъ въ банкъ Лонскій и вызвалъ меня. Въ помѣщеніи банка, кромѣ сторожей, никого не было.

Мы сидѣли въ моей маленькой рабочей комнатѣ, слабо освѣщенной лампочкой, висѣвшей надъ столомъ, закрытой зеленымъ абажуромъ.

Лонскій очень исхудалъ, имѣлъ болѣзненный видъ. Только глаза блестѣли по-прежнему, да сдѣлались больше и длиннѣе.

Онъ вынулъ изъ кармана конвертъ, въ которомъ оказалась фотографическая карточка, и, подавая ее мнѣ, спросилъ:

— Вы знаете этого господина?

Я тотчасъ же узнала круглое жирное лицо черкеса.

— Знаю.

— Почти установлено, что онъ провокаторъ...

Меня это мало поразило.

— Радуюсь, что, наконецъ, установлено,—сказала я.

— Развѣ вы знали?—удивился онъ.

— Не знала, но я его ненавидѣла.

— Вы забыли, что съ нимъ былъ близокъ Никита...

Я это дѣйствительно забыла, до того казалось мнѣ неестественной эта близость. Меня вдругъ охватилъ страхъ за Ника.

— Его арестовали?—спросила я.

— Нѣтъ, но онъ долженъ былъ немедленно уѣхать за границу. Врядъ ли онъ теперь сможетъ пріѣхать въ Россію.

— Вы видѣли его передъ отъѣздомъ?

— Нѣтъ. Онъ уѣхалъ слишкомъ внезапно.

— Благодарю васъ,—сказала я, вставая. Мнѣ хотѣлось остаться одной.

Онъ молча простился. Но въ дверяхъ остановился, взглянулъ на меня широко открытыми глазами и сказалъ:

— Если вамъ что понадобится, позовите меня.

Я подошла и еще разъ пожала ему руку.

Когда онъ ушелъ, я заперла дверь, вернулась къ моему письменному столу и стала плакать. Долго плакала, не удерживалась.

Наплакалась вволю и принялась за работу.

Недѣли черезъ двѣ получила открытку изъ Мюнхена. На открыткѣ мадонна съ младенцемъ Беллини.

Ни на одну картину не смотрѣла я такъ много, какъ на эту маленькую фотографію старой картины. Зачѣмъ онъ прислалъ мнѣ мать съ ребенкомъ?

У нихъ одинаковые глаза и одинаковое выраженіе. Малютка поднялъ правую руку, а лѣвой держится за палецъ матери. Для меня это были только мать и ея ребенокъ.

Получила еще нѣсколько открытокъ. Содержаніе ихъ было настолько ничтожно, что нельзя его передать. Въ этой ничтожности содержанія легко было увидѣть, что у него есть своя жизнь, которая для меня закрыта. Но во мнѣ все такъ наболѣло, что я находилась въ состояніи какого-то безчувствія.

Однако я усердно ходила на службу и упорно копила деньги. Въ немногіе свободные часы лежала на кровати и смотрѣла на открытку съ мадонной. Она была приколота булавкой на коврѣ возлѣ кровати. Безконечно долго могла я смотрѣть на младенца. Поднимались иногда религіозныя переживанія дѣтства. Ты знаешь, какъ я горячо молилась маленькой. Часто приходило тоскливое чувство при воспоминаніи о томъ, что я никогда не знала моей матери. Тогда всю меня охватывала мечта о ребенкѣ. Мнѣ казалось въ такія минуты, что я готова рѣшиться на все, лишь бы стать матерью. Имѣть ребенка, дать ему все то, чего была лишена я, выростить его въ свободныхъ условіяхъ свободнаго воспитанія...

Безразсудныя мысли приходили въ голову... Поѣхать къ Алтаеву... Позвать Лонскаго... Сказать Некудину... Не нужно мужа, не нужно постояннаго сожительства... Нуженъ *только* ребенокъ. Когда онъ зародится во мнѣ, пусть *тотъ* уходитъ. Совершенно нелѣпыя мысли занимали меня. Почему не изобрѣтутъ способа имѣть ребенка безъ мужчины? Припоминались сказки съ волшебными случаями беременности...

Временами дѣлалось страшно, не схожу ли я съ ума.

Тогда я старалась уйти отъ одиночества, отъ своихъ мыслей куда-нибудь къ людямъ.

Нѣсколько разъ заходила къ Иринѣ. Играла съ дѣтьми. Но поднималась зависть, что это не мои дѣти.

Нѣсколько разъ она возила меня въ театръ. Но и тамъ моя болѣзнь не покидала меня. Я разсматривала мужчинъ, окружавшихъ Ирину, и оцѣнивала ихъ съ моей личной точки зрѣнія. Бывало, что я завидовала ей.

Она можетъ выбрать любого изъ нихъ, а на меня они не обращаютъ вниманія. Между тѣмъ они мнѣ теперь вовсе не казались такими дрянными, какъ раньше. Ихъ невообразимо пошлые разговоры не возбуждали теперь во мнѣ отвращенія.

Драгунъ исчезъ, а мнѣ хотѣлось его видѣть. Явились новые ухаживатели, и мнѣ хотѣлось съ ними разговаривать. Понимаешь, какой ужасъ! Захотѣлось быть съ ними, какъ Ирина: кокетливой, веселой, болтать глупости.

Повидимому, у меня это вышло.

Когда пишу теперь, то краска стыда жжетъ мнѣ лицо.

Мужчины, подходившіе къ Иринѣ, стали дѣлиться на двѣ группы. У меня явились свои кавалеры. Они торчали возлѣ меня, ходили со мной въ фойе, болтали вздоръ.

— Ага, клюютъ!—пояснила Ирина.

Былъ молоденькій морякъ съ удивительно нѣжнымъ цвѣтомъ лица и съ такими строго правильными чертами, какъ у старыхъ статуй. Я любовалась имъ, какъ художественнымъ произведеніемъ.

Онъ недавно былъ произведенъ въ офицеры и только-что началъ ухаживать. Но ему хотѣлось показать, что онъ уже достаточно испорченный юноша и опытный ловеласъ. Однажды въ разговорѣ съ Ириной онъ произнесъ слѣдующій афоризмъ:

— Каждая женщина хочетъ любить нѣсколько разъ, но онѣ боятся и скрываютъ.

На второмъ свиданіи въ театрѣ онъ предложилъ мнѣ руку. Я взяла. Вся компанія собралась въ фойе. Насъ угощали чаемъ, конфетами, мандаринами.

Заговорили о томъ, куда ѣхать послѣ театра ужинать. Ирина, по обыкновенію, сказала, что ей надо къ дѣтямъ. Морякъ сдѣлалъ удивленное лицо.

— Вы—свѣтская женщина и можете заниматься дѣтьми!—воскликнулъ онъ.—Самая просвѣщенная страна—Франція—совершенно отрицаетъ дѣтей. Большой плодовитостью отличаются низшія расы или низшіе классы общества. Для свѣтской жен-

щины дѣти, это роковая случайность. Вообще дѣти—это отрицаніе любви. Это—зоологическое. Человѣкъ долженъ быть выше этого. Изысканность, утонченность чувствъ и дѣтская—несовмѣстимы. Любовь—это чистое наслажденіе. Дѣти—это забота, безпокойство и... дурной воздухъ.

Я молчала. Неужели я стала бы ему возражать! Напротивъ, я почувствовала отрезвленіе отъ его словъ. Мнѣ только казалось страннымъ, что совмѣщаются въ одномъ человѣкѣ такая красота внѣшности и такая внутренняя извращенность.

Для меня въ ребенкѣ воплощается высшій смыслъ жизни. Въ дѣтяхъ лелѣется мечта, что, можетъ быть, они освободятся отъ ужасовъ и безобразія жизни и будутъ жить ея красотой.

Однако, представивъ себѣ заброшенную дѣтскую Ирины, я невольно подумала, что въ его словахъ есть правда. Лучше бы ей не имѣть дѣтей...

Кончился этотъ вечеръ тѣмъ, что Ирина сдѣлала мнѣ сцену. Она приревновала меня къ моряку. Обвинила меня въ томъ, что я отбиваю его у нея, потому что онъ очень богатъ.

— Ты только притворяешься тихоней, а на самомъ дѣлѣ такая, какъ всѣ.

Вспоминая эти слова дома, я спрашивала себя: да можетъ, я въ самомъ дѣлѣ такая, какъ всѣ? Можетъ, и лучше быть такой? Можетъ-быть, всѣ такія? Бывало же со мной, когда усталая, одинокая, я чувствовала, что во мнѣ поднимается волна страстей, мутная, грязная, но горячая. Меня интересовали притоны, гдѣ продавалось женское тѣло. Не знаю, откуда приходило тайное влеченіе къ пороку, къ разнузданности.

Я искала книгъ, въ которыхъ съ грубымъ цинизмомъ изображались отношенія мужчины съ женщиной; съ жаднымъ любопытствомъ читала ихъ, насильственно преодолѣвая возбуждаемое ими омерзѣніе...

Такое состояніе продолжалось у меня почти всю зиму. Въ это именно время я получила отъ тебя письмо, въ которомъ ты сообщала о твоемъ свиданіи съ Алтаевымъ, о томъ, что конецъ лѣта вы жили вмѣстѣ въ одной дачѣ, что ты почти каждый день видѣла его, что онъ тебѣ очень понравился и ты поѣдешь къ нему смотрѣть шахты... Все во мнѣ перевернулось отъ зависти. Мнѣ еще въ голову не приходило, что у васъ можетъ выйти нѣчто серьезное. Однако чувство собаки на сѣнѣ проявилось во мнѣ въ полной силѣ.

Алтаевъ вдругъ выросъ въ моихъ глазахъ во всю свою настоящую величину. Всѣ его достоинства засверкали передо

мной манящими огнями. Вѣдь онъ мой, онъ любитъ меня... Онъ сдѣлаетъ все, что̀ я захочу.

Я вдругъ преисполнилась жаждой власти надъ нимъ. Позвать его, вернуть къ себѣ, взять его... Не отпускать...

Отъ моей дружбы съ тобой ничего не осталось. Я даже не думала о тебѣ.

Почти всю ночь я провела безъ сна. Сочиняла письмо Алтаеву. И написала къ нему. Это было самое подлое письмо. Я хотѣла добиться, чтобы онъ немедленно пріѣхалъ въ Петербургъ, ничего ему не обѣщая.

Не понимаю, по какимъ соображеніямъ я рѣшила, что такое письмо я должна сама отнести въ почтамтъ. Утромъ я понесла его. На Николаевскомъ мосту остановилась посмотрѣть Неву. Какая она красивая! Я долго стояла, опираясь на перила, и смотрѣла на воду. Этотъ мощный потокъ, стремящійся къ морю, неизмѣнно впередъ, впередъ, всегда волнуетъ меня. Я прощаюсь съ бѣгущими волнами. Ни одна изъ нихъ не вернется сюда. Каждое мгновеніе приноситъ новую, опять такую же. Я присматривалась, и мнѣ начинало казаться, что новая волна совсѣмъ не такая, какъ прежняя, что даже волны рѣки мѣняются каждое мгновеніе... Машинально вынимаю изъ книги письмо и медленно рву его на кусочки. Смотрю, какъ они кружатся въ воздухѣ, падаютъ въ воду и бѣгутъ вмѣстѣ съ ней.

Я вернулась домой успокоенная. Вдругъ вернулась увѣренность, что собака можетъ лежать спокойно на своемъ сѣнѣ, на которое никто не покушается.

Какъ тебѣ нравятся эти соображенія, меня успокоившія?!

Получила открытку изъ Брюгге, стараго фламандскаго города, «изъ котораго вынули душу, и онъ живетъ, какъ и я, безъ души». Такъ писалъ Никъ. Эти двѣ строчки, Богъ знаетъ, что со мной сдѣлали. Я вообразила, что это я его душа!

Далѣе въ открыткѣ сообщалось, что онъ ѣдетъ на постоянное жительство въ Парижъ, и приводился парижскій адресъ.

Для меня сразу стало ясно, что я должна ѣхать въ Парижъ. Денегъ для путешествія было достаточно. Отпускъ въ банкѣ мнѣ разрѣшали. Для отца съ тетушкой—это была служебная командировка.

Паспортъ я взяла, но откладывала отъѣздъ со дня на день. Ждала вѣсточки изъ Парижа. Получила опять открытку. Все

тотъ же унылый, подавленный тонъ... Рѣшила ѣхать дня черезъ три.

Утромъ, часовъ въ девять, позвалъ меня къ телефону Лонскій. Спросилъ, можно ли видѣть меня одну. Въ десять часовъ отецъ уходилъ на службу, а тетушка соблазнилась какой-то необыкновенной распродажей и ушла раньше десяти часовъ.

Въ 11 явился Лонскій. Онъ еще больше исхудалъ. Страшно было смотрѣть на него. Лицо какое-то совсѣмъ замученное. Глаза превратились въ узенькія щелочки. Казалось, что онъ не можетъ поднять вѣки отъ изнеможенія, что сейчасъ заснетъ, сидя на стулѣ.

По своему обыкновенію, онъ смотрѣлъ на меня съ такимъ выраженіемъ, какъ будто видѣлъ въ первый разъ.

Послѣ незначительныхъ фразъ, которыя я забыла, онъ вдругъ самъ перебилъ себя на полусловѣ.

— Все это вздоръ. Я пришелъ по серьезному дѣлу...

На секунду открылъ широко глаза. Весь согнулся на своемъ стулѣ, плечи поднялись, и шея исчезла.

— Слушайте, Лина, не ѣздите въ Парижъ,—сказалъ онъ тихо.

Смотрѣлъ серьезно, но ласково.

Я удивилась, что онъ знаетъ о поѣздкѣ. Я не говорила никому.

— Не все ли равно... Ну, я узналъ отъ вашего директора. Вѣдь онъ бываетъ у отца. Не ѣздите, Лина. Вы сами не знаете, зачѣмъ ѣдете.

— Знаю. Хочу повидаться и поговорить.

— Вы писали ему объ этомъ?

— Нѣтъ.

Почувствовала, что краснѣю.

— Напишите. Если онъ позоветъ васъ, тогда поѣзжайте.

— А если не позоветъ?

— Ага, вотъ какъ! Вы боитесь, что не позоветъ, и все-таки хотите ѣхать. Вы, какъ страусъ, прячете голову, чтобъ не видѣть опасности. Я вамъ говорю, что онъ не позоветъ васъ. Если же вы явитесь неожиданно, ему будетъ непріятно.

— Что вы говорите?—возмутилась я.

— Не надо сердиться. Будемъ говорить спокойно. Сегодня мы видимся съ вами послѣдній разъ. Вы уѣдете въ Парижъ, а я отправлюсь путешествовать въ невѣдомыя страны и никогда не вернусь въ Петербургъ. Пусть нашъ послѣдній разговоръ не раздражаетъ васъ. Вы знаете, что я люблю васъ, что вы моя

единственная привязанность. Знаете также, что я не буду просить вашей руки. Я считалъ бы подлостью жениться и произвести потомство въ родѣ такого чудища, какъ я. Моя любовь— это вотъ что: все существо мое проникнуто желаніемъ сдѣлать вамъ добро. Это единственное желаніе, какое я способенъ имѣть. Обидно то, что я ничего не могу сдѣлать для васъ. Даже то, что я хочу сдѣлать, причиняетъ вамъ страданіе. Какое для меня было бы счастье влить въ васъ радость, смѣхъ, силу! Душа ваша наполнена безцѣнными сокровищами. Вы сами не знаете этого, потому что душа ваша въ рабствѣ. Какъ хотѣлось бы вытащить васъ изъ темнаго тупика, въ которомъ вы бьетесь, на вольный, свѣтлый міръ, на ясное, горячее солнце!

Столько внутренняго чувства слышалось въ его голосѣ, что мнѣ сдѣлалось стыдно за мое раздраженіе. Мнѣ вдругъ стало жаль этого страннаго человѣка, котораго я знала такъ давно, а понимала такъ мало.

— Стоитъ ли заниматься такой ничтожной, какъ я?— сказала я съ горечью.

— Вы—большая, а не сознаете этого. Вы не знаете себя. Вы дѣйствительно умалились до ничтожества...

— А вы себя знаете?—спросила я.

Мнѣ захотѣлось услышать что-нибудь о немъ.

— Я? Вполнѣ. Сатанинское самолюбіе и лилипутскія силы— вотъ что такое я. Хотѣлъ бы перестроить міръ... Если не міръ, то хоть Россію, а нечѣмъ взяться... Обо мнѣ не стоитъ говорить. Я—предтеча конца... Въ Россіи все идетъ къ концу. Я вижу это съ проницательностью ясновидящаго... Роль ея сыграна. Упадокъ во всемъ. Раньше она была хоть физически сильна. Теперь и тутъ конецъ. Насъ никогда не уважали, но всегда боялись. Теперь и не уважаютъ, и не боятся. Ужасно то, что мы сами перестали себя уважать. Это уже трагизмъ... Все, что было у насъ великаго—умалено; все ничтожное возвеличено. Это вѣрный показатель близкаго паденія. Уровень культурной массы страшно понизился. Пришло время дурного тона, дурного вкуса. Въ народѣ есть силы, но темныя, стихійныя. Ему также надо пережить паденіе, чтобы возвыситься... Приглядитесь внимательно ко всему. Какіе были люди раньше и какіе пришли теперь. Загляните во всѣ области жизни. Въ наукѣ, въ литературѣ, въ искусствѣ, въ политикѣ—великій декадансъ. Говорятъ—это хаосъ передъ новымъ творчествомъ. Слишкомъ долго онъ продолжается. Нѣтъ, это вѣстникъ послѣдняго разрушенія. Развѣ не было государствъ болѣе могущественныхъ, разлетѣвшихся въ дребезги...

— Говорите о себѣ. Я въ этомъ плохо разбираюсь. О васъ я хотѣла бы знать больше.

— У меня нѣтъ себя. Я могу жить только общимъ, а общее разрушается и нѣтъ средствъ остановить разрушеніе. Для меня есть только вы—вѣрнѣе, мечта о васъ. Вы и не подозрѣваете, что̀ вы для меня... Я начинаю мой день мыслью о васъ и кончаю его, занятый вами. Я страстно хочу помочь вамъ выпутаться изъ капкана, какимъ васъ запутала жизнь. Больше мнѣ ничего не нужно...

Онъ, казалось, усталъ отъ длинной рѣчи. Низко опустилъ голову и молчалъ.

Я подошла къ нему, провела рукой по его волосамъ и сказала.

— Вы несчастнѣе меня.

Онъ поднялъ голову. Взглянулъ большими глазами и улыбнулся.

— Первая ласка въ жизни,—сказалъ онъ.

Лицо его оживилось. Легкій румянецъ показался на щекахъ. Онъ взялъ мою руку, слегка пожалъ и бережно опустилъ.

— Садитесь,—сказалъ онъ.—Выслушайте меня спокойно. Я только-что вернулся изъ Парижа. Ѣздилъ туда исключительно по вашему дѣлу. Видѣлъ Никиту и говорилъ съ нимъ. Я разсказалъ ему о васъ, все разсказалъ, чего вы никогда не рѣшились бы сказать. Онъ выслушалъ меня съ величайшимъ недоумѣніемъ. Онъ удивился. Онъ ничего не понялъ. Ему показалось страннымъ, что ваше чувство такъ владѣетъ вами, что сдѣлалось для васъ вопросомъ жизни. Онъ находилъ это до такой степени невѣроятнымъ, что, кажется, мнѣ не повѣрилъ. Вы представить себѣ не можете, какъ мало онъ думаетъ о васъ, какъ мало занятъ вами. Если вы пріѣдете и придете къ нему, онъ будетъ очень непріятно удивленъ. Я даже не увѣренъ, сумѣетъ ли онъ это скрыть. Я сейчасъ переживаю вашу обиду, ваше униженіе. Умоляю васъ, не ѣздите. Напишите ему, что вы хотите ѣхать, и подождите отвѣта.

Во мнѣ опять поднялось враждебное чувство къ Лонскому. Я не только не оцѣнила его заботливости обо мнѣ, но негодовала за его вмѣшательство, за его поѣздку, зато, что онъ позволилъ себѣ говорить съ Никитой. Мнѣ хотѣлось, чтобы онъ ушелъ. Мое рѣшеніе ѣхать не поколебалось отъ его словъ.

А онъ продолжалъ:

— Какой контрастъ между вами! Ваша душа до краевъ заполнена имъ, а у него въ душѣ пусто всегда. Онъ ищетъ

внѣшнихъ впечатлѣній, бросается на что попало, не всегда разбирается въ качествѣ переживаемыхъ эмоцій. Вашъ союзъ, если бы онъ состоялся, былъ бы пыткой для обоихъ...

— Никто не можетъ этого знать,—рѣзко сказала я.

— Вы опять сердитесь,—произнесъ онъ со вздохомъ.—Я не понимаю, почему люди не могутъ говорить безъ гнѣва о серьезныхъ, о важныхъ вещахъ. Гнѣвъ затемняетъ... Утрачивается ясность предмета.

Но я не могла преодолѣть своего гнѣва, хотя очень старалась его скрыть. Я чувствовала одно: должна ѣхать. Все, что онъ говорилъ, утверждало меня въ этомъ рѣшеніи.

— Вижу, что вы поѣдете,—сказалъ Лонскій, вставая.

Глаза его стали узкими, какъ всегда. Минутное оживленіе исчезло. Лицо пріобрѣло свое обычное, спокойно-равнодушное выраженіе.

— Да, я поѣду,—отвѣтила я твердо.

— Прощайте, Лина.

Онъ взялъ мою руку.

— Какая холодная рука! Вся кровь ушла къ сердцу. Прощайте!—повторилъ онъ совсѣмъ тихо.

Жалко мнѣ его стало. Я удержала его руку и сказала:

— Простите... Что мнѣ дѣлать? Я не могу иначе.

— Да, есть вещи, которыхъ человѣкъ не можетъ...

Опять раскрылись на мгновеніе его глаза и опять спрятались подъ длинными рѣсницами.

— Спасибо вамъ за все,—сказала я.

— Прощайте,—повторилъ онъ снова.

Взглянулъ на меня на всю, отъ лица до ногъ, и вышелъ.

Черезъ два дня я прочла въ газетѣ объявленіе о скоропостижной кончинѣ Лонскаго.

На меня напалъ такой ужасъ при видѣ этого объявленія, что я не могла оставаться въ Петербургѣ.

Боже мой, какъ легко погибнуть человѣку! Безумный страхъ за Ника овладѣлъ мной. Я уѣхала въ тотъ же день.

А Лонскій былъ не правъ.

Мнѣ надо было поѣхать; я хорошо сдѣлала, что поѣхала. Я пробыла въ Парижѣ $3^1/_2$ часа, но мнѣ *посчастливилось* за это короткое время кончить мое дѣло. Пережить послѣднюю страницу нашей повѣсти...

Никъ жилъ возлѣ Люксембургскаго сада, въ маленькой

уличкѣ Двухъ Монаховъ. Когда я подъѣхала туда, у меня такъ сильно билось сердце, что я зашла въ садъ и просидѣла тамъ нѣсколько минутъ.

Было около 10 часовъ утра. Я знала номеръ домика, а квартиры не знала. Обратилась къ консьержкѣ. Ко мнѣ вышла молодая женщина съ пушкомъ черныхъ усиковъ. Она смѣрила меня глазами и, не отвѣчая на вопросъ, сказала:

— Вы—пріѣзжая? Иностранка? Вы не знаете, что у насъ не принято приходить такъ рано къ мужчинѣ.

— Это мой родственникъ,—сказала я, краснѣя.

— Я понимаю, вашъ кузенъ?

— Прошу васъ сообщить мнѣ номеръ его квартиры.

Я сунула ей въ руку пять франковъ.

— Мерси!

Она привѣтливо улыбнулась, взяла меня подъ руку и увела въ свою комнату.

— Вамъ не слѣдуетъ, дитя мое, итти къ нему теперь...

— Мнѣ нужно сейчасъ,—сказала я нетерпѣливо.

— Выслушайте меня, дитя мое. Я могла вамъ сказать, что его нѣтъ дома. Я не сдѣлала этого. Я вижу—вы пріѣзжая. Вы такая молодая...

— Почему вы не хотите сообщить мнѣ номеръ квартиры? Онъ здоровъ?

— Болѣе здоровъ, чѣмъ мы съ вами.

Она засмѣялась.

— Я понимаю, вы его невѣста... Это видно съ перваго взгляда... Вы пріѣхали узнать, какъ и что... Я понимаю... Но не ходите къ нему сейчасъ... Можетъ-быть... Я этого не утверждаю... Но можетъ быть, онъ не одинъ... Вы слишкомъ молоды... Не знаете многаго... Мужчины! Эти мужчины! Они всѣ одинаковы. Дайте ему немножко покипѣть, потомъ онъ остепенится и вернется... Напишите ему записочку... Я передамъ. Я говорю съ вами, какъ съ порядочной дѣвушкой... Сообщите ему вашъ адресъ... Онъ придетъ. Но вы не ходите. Нѣтъ, дитя мое, не ходите. О, я знаю хорошо мужчинъ!

Я стояла какъ деревянная и шептала мысленно: «Не можетъ быть, не можетъ быть»...

Если бы я знала его дверь, я все-таки пошла бы. Я хотѣла увидѣть все своими глазами.

Я увидѣла. Надъ нами захлопнулась дверь, послышались шаги, шуршаніе шелковаго платья, звонкій женскій смѣхъ и голосъ Ника, кричавшаго на бѣгу:

— Здравствуйте, madame Эрнестъ!—Надѣюсь, у васъ есть для меня письмо.

Консьержка буквально силой усадила меня, закрыла дверь, задвинула занавѣской стекло и вышла въ вестибюль.

Я жадно смотрѣла въ узкую полоску, оставшуюся незакрытой. Въ нѣсколькихъ шагахъ стояла высокая женщина въ широкой шляпѣ, съ пучкомъ красныхъ страусовыхъ перьевъ. Она играла длиннымъ зонтикомъ, немного наклонивъ голову. Я видѣла ея лицо, некрасивое смуглое лицо цыганки съ прекрасными огромными глазами, черными, какъ уголь, блестящими, какъ солнце.

Она покачивала головой и напѣвала вполголоса:

Vient pout poule,
Vient pout poule,
Vient!..

Никъ мелькомъ взглянулъ на поданное ему письмо, засунулъ его въ карманъ и подошелъ къ женщинѣ.

— Vient!—повторила она слово пѣсенки.

Онъ взялъ ея локоть, крѣпко прижалъ къ себѣ, и они вышли, шагая въ ногу и вмѣстѣ напѣвая

Vient pout poule,
Vient pout poule...

Кажется, у Ника никогда не было такого веселаго, беззаботнаго лица. Это былъ совершенно другой человѣкъ.

Я вышла на улицу и смотрѣла, какъ шли двѣ фигуры, тѣсно прижавшись другъ къ другу, высокія, стройныя, веселыя...

Madame Эрнестъ провожала меня и все говорила, ликующая, какъ хорошо она сдѣлала, что не позволила мнѣ итти.

— Вамъ лучше вернуться домой, дитя мое... Дайте ему время.

Я вернулась на вокзалъ и попала на поѣздъ, отходившій въ Вѣну. Взяла билетъ I класса въ надеждѣ сидѣть одной. Но въ отдѣленіи оказалась еще пассажирка, монахиня съ бѣлыми крыльями на головѣ.

Когда поѣздъ тронулся, я высунула голову въ окно и сказала:

— Прощай, Никъ!

Отъ звуковъ этихъ словъ, едва коснувшихся моего слуха, я почувствовала неудержимую потребность слезъ. Плакать, плакать безъ конца. Я закрыла лицо руками, откинулась въ уголъ и зарыдала.

Монахиня молилась шопотомъ, перебирая четки. Она подошла ко мнѣ и сказала:

— Помолитесь, дитя мое. Онъ все знаетъ. Онъ сдѣлаетъ такъ, какъ лучше. Помолитесь, и вамъ станетъ легче.

Можетъ-быть, въ самомъ дѣлѣ тѣмъ, кто можетъ молиться, становится легче.

Но я сидѣла, какъ деревянная.

Все во мнѣ умерло.

Вернувшись въ Петербургъ, я съ пунктуальностью автомата продолжала ходить на службу. Черезъ нѣсколько дней посыльный принесъ мнѣ въ банкъ толстый пакетъ, въ которомъ оказалась слѣдующая рукопись Лонскаго.

Рукопись Лонскаго.

«Я увѣренъ, что могъ бы убить этого человѣка, если бы только это васъ исцѣлило. Мнѣ было невыносимо думать о вашемъ униженіи. Я—смѣшной романтикъ минувшихъ временъ. Женщина для меня—святыня. Такая женщина, какъ вы, поднимаетъ во мнѣ чувство благоговѣнія. Прикосновеніе такого человѣка оскверняло не васъ, потому что вы непорочны, а все прекрасное. Это—кощунство. Вы знаете теперь, какая пропасть раздѣляетъ васъ съ нимъ. Цѣной какихъ страданій пріобрѣли вы это знаніе! Скажу вамъ въ этой послѣдней исповѣди, что еще въ Петербургѣ я хотѣлъ убить его. Меня остановила мысль, что это еще больше поработитъ васъ, окончательно привяжетъ васъ къ памяти о немъ.

Я ѣздилъ къ нему, чтобы убѣдиться въ томъ, о чемъ догадывался раньше. Его тяготитъ ваша привязанность и у него не хватило честности сказать вамъ это. Можетъ быть, впрочемъ, онъ сохраняетъ васъ на черный день... Мнѣ это показалось въ бесѣдѣ съ нимъ.

Возможно, что я былъ не правъ, когда просилъ васъ не ѣхать. Возможно, что вамъ надо было пережить это великое униженіе. Но мнѣ это кажется чудовищнымъ!

Я весь пропитанъ аристократизмомъ. Это какой-то атавизмъ аристократизма. По происхожденію, по воспитанію, по традиціямъ—я аристократъ, но по убѣжденіямъ, по взглядамъ—демократъ. Въ этомъ мой трагизмъ. Меня шокируютъ на демо-

кратическихъ собраніяхъ грубыя выраженія, некрасивые жесты, дурныя манеры, растрепанная шевелюра, нечищенное платье... Но болѣе всего противно панибратское отношеніе къ женщинѣ. Мнѣ нестерпимо видѣть, какъ подъ предлогомъ товарищескаго равноправія взваливаютъ на женщину непосильное бремя; какъ, пользуясь восторженностью, жаждой подвига, заставляютъ продѣлывать невѣроятныя вещи юныхъ дѣвушекъ, почти дѣтей. Помните, какъ вы въ семнадцать лѣтъ перевозили динамитъ? Васъ имъ увѣшали такъ, что вамъ чуть не сдѣлалось дурно отъ тяжести и сквернаго запаха. Вы рисковали жизнью. Думали ли вы объ этомъ? Только счастливая случайность, что вы не погибли. Ради чего? Ради авантюризма такихъ, какъ Никита. Это еще лучше. Гораздо правдоподобнѣе, что динамитомъ васъ нагрузила провокація...

Знаете ли вы, что были дѣвушки, которыя отдавались авантюристамъ и видѣли въ этомъ своего рода долгъ. Ихъ бросали потомъ поруганныхъ, забытыхъ. Онѣ думали, что приносили жертву на алтарѣ какого-то бога, а въ дѣйствительности служили грубой похоти. Самая большая подлость въ жизни—воспользоваться наивной довѣрчивостью дѣвушки. Лучшія изъ нихъ идутъ за новымъ словомъ, за смѣлымъ жестомъ, забывая себя...

Любовь—самое великое, самое священное изъ таинствъ. Безпощадно отомщается ея поруганіе. Любовь можно отдать только за любовь, больше ни за что въ мірѣ. А вы? Вы принесли всѣ сокровища вашей души къ помойному ведру и хотѣли бросить туда все.

Посылаю вамъ братскій привѣтъ, стоя на порогѣ невѣдомой страны: Да придутъ къ вамъ покой, возрожденіе и радость!

Жизнь такъ заманчиво прекрасна, что надо имѣть сильныя основанія, чтобы съ ней разстаться. У васъ ихъ нѣтъ и никогда не будетъ. Живите и возьмите ваше счастье. Оно придетъ.

Вы—единственный человѣкъ, которому мнѣ хочется разсказать, что заставляетъ меня уйти отсюда.

Я никогда не говорилъ съ вами о себѣ; вы также не интересовались моей интимной жизнью. Вы знали, однако, что я живу въ семьѣ моихъ родныхъ, не подозрѣвая, что я тамъ совершенно чужой и они для меня также чужіе.

Не буду пускаться въ изложеніе подробностей. Разскажу вамъ послѣднюю бесѣду съ отцомъ. Передъ вами откроется уголокъ моей жизни.

Это было сейчасъ же послѣ моего визита къ вамъ.

Отецъ вошелъ ко мнѣ, не здороваясь, что̀ означало дурное настроеніе. Я также, какъ вамъ извѣстно, не могъ быть въ этотъ день хорошо настроеннымъ.

— Очень трудно застать тебя дома. Можно подумать, что ты дѣловой человѣкъ.

— Полагаю, что на этотъ счетъ никто не можетъ заблуждаться.

— Я слишкомъ хорошо знаю это.

У отца великолѣпная фигура. Я часто любуюсь имъ и завидую, какъ онъ прекрасно сохранился. Въ шестьдесятъ лѣтъ выглядитъ сорокалѣтнимъ. Нѣжная кожа, чудный цвѣтъ лица, едва замѣтные признаки сѣдины. Коротко подстриженные волосы, густые, крѣпкіе. Держится прямо, по-военному.

Отецъ сѣлъ.

— Я и не требую отъ тебя дѣловитости. Я хотѣлъ бы поговорить съ тобой серьезно, если ты расположенъ меня выслушать.

— Я слушаю.

— Очень радъ. Особо прошу—не перебивать и не возражать мнѣ, пока я не кончу. Когда я кончу, то охотно выслушаю твои возраженія.

Отецъ, какъ мужъ совѣта, привыкъ къ упорядоченнымъ преніямъ.

— На-дняхъ,—продолжалъ отецъ,—мой школьный товарищъ и другъ получаетъ новое назначеніе...

— Столбовскій?

— Да. Ты его знаешь. Человѣкъ большого ума и такта.

— Тотъ, что убилъ брата, мѣшавшаго его карьерѣ?

— Ты повторяешь сплетни... Оффиціально установлено, что братъ Столбовскаго отравился.

— А неоффиціально, что ему привезли ядъ и дали дружескій братскій совѣтъ...

— Братъ его былъ бездѣльникъ и мотъ.

Помните, я вамъ когда-то разсказывалъ исторію несчастнаго юноши, которому внушили необходимость умереть ради чести фамиліи? Онъ влюбился въ цыганку и растратилъ казенныя деньги.

— Главное,—продолжалъ отецъ,—бездѣльникъ. Бездѣлье—самое большое преступленіе, потому что оно носитъ въ себѣ зародыши всѣхъ преступленій... Но я тебя просилъ не перебивать меня. Дѣло не въ томъ, что было, а въ томъ, что есть и что можетъ быть. Есть то, что Столбовскому на новомъ мѣстѣ нужны будутъ люди, и можетъ быть то, что ты получишь тамъ хорошее мѣсто. Твои взгляды не могутъ помѣшать...

— Ты говорилъ ему о моихъ взглядахъ?

— Я не могъ скрывать, что ты человѣкъ другого направленія. Онъ не придаетъ этому особаго значенія. Онъ цѣнитъ, что ты изъ хорошей фамиліи, человѣкъ образованный, воспитанный... Во всякомъ случаѣ онъ не сомнѣвается, что съ тобой можно поладить.

— Какое же мѣсто онъ мнѣ предлагаетъ?

Отецъ снисходительно улыбнулся.

— Онъ ничего пока не предлагаетъ. Онъ проявилъ желаніе съ тобой поговорить.

— Но у меня такого желанія нѣтъ.

— Я такъ и полагалъ,—замѣтилъ отецъ, сдерживая гнѣвъ. Со мной онъ почти никогда не могъ говорить безъ гнѣва.

— Но я, вѣдь, просилъ не перебивать меня. Я хотѣлъ бы знать... Ради Бога, скажи мнѣ это хоть разъ въ жизни. Чего ты хочешь? Каковы твои намѣренія? Какіе виды на будущее?

— Никакихъ.

— Послушай; какъ хочешь, но это глупо. Только дикари живутъ сегодняшнимъ днемъ... Я предоставилъ тебѣ нѣкоторыя средства, чтобы дать возможность самостоятельно избрать родъ дѣятельности... Ты вдругъ ни съ того, ни съ сего уѣхалъ за границу. Ты даже не счелъ нужнымъ мнѣ сообщить. Теперь ты опять сидишь безъ денегъ. Я готовъ помочь тебѣ еще разъ, но, знаешь ли, мой другъ, надо, чтобы этому былъ положенъ конецъ. Культурный человѣкъ не можетъ жить безъ мысли о будущемъ. Онъ долженъ предвидѣть, разсчитывать...

— Очевидно, я человѣкъ не культурный. Но денегъ я у тебя не прошу.

Я долженъ пояснить слѣдующее. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ отецъ далъ мнѣ тысячу рублей. Изъ нихъ около половины выпросили у меня сестра и мать, которыя тратятъ на однѣ шляпки больше всего моего годового бюджета и вѣчно нуждаются въ деньгахъ.

Я увѣренъ, что мать сказала ему, что у меня нѣтъ денегъ, чтобы черезъ меня опять добыть ихъ.

— Ты просто дуракъ!—сказалъ отецъ.

Я видѣлъ по его поблѣднѣвшему лицу, что гнѣвъ все болѣе овладѣваетъ имъ. Во мнѣ же, наоборотъ, было какое-то бѣсовское спокойствіе.

Онъ всталъ, прошелся по комнатѣ, съ трудомъ владѣя собой. Опять сѣлъ.

— Въ этомъ я съ тобой согласенъ,—сказалъ я.

— И превосходно. Полагаю, что ты соглашаешься и съ

тѣмъ, что въ 28 лѣтъ пора подумать о томъ, чтобы пріобрѣсти нѣкоторую самостоятельность, нѣкоторое положеніе въ обществѣ...

— Ты хочешь сказать, что я живу на твой счетъ и что это тебѣ надоѣло.

— Я не хотѣлъ такъ сказать. Но скажи ты, развѣ *тебѣ* это не надоѣло?

Въ голосѣ его слышались примирительныя нотки.

— Очень надоѣло.

— Такъ будь же логиченъ: сдѣлай изъ этого единственный правильный выводъ.

— Что не слѣдуетъ жить на твой счетъ.

— Нѣтъ, что слѣдуетъ создать для себя самостоятельное положеніе.

— А ты самостоятеленъ?

Отецъ улыбнулся.

— Кромѣ тебя, никому не пришло бы въ голову предложить мнѣ такой вопросъ. Неужели ты сомнѣваешься?

— Не только сомнѣваюсь, но хорошо знаю, что ты совершенно лишенъ самостоятельности.

— Вотъ новость! Сдѣлай милость, объясни, что это значитъ.

— Разсмотри свою жизнь, оглянись хоть на одинъ пройденный день. Были ли въ немъ мгновенія, когда бы ты сдѣлалъ то, что тебѣ хочется, то, что ты любишь. Тебѣ вѣчно приходится считаться съ тѣмъ, чего хотятъ и что любятъ другіе. Не разъ ты чувствовалъ отвращеніе къ дѣйствію, которое совершалъ, и все-таки ты его совершалъ, потому что этого требовали другіе.

— Я всегда поступаю такъ, какъ хочу.

— Нѣтъ, ты ошибаешься. У тебя никогда не было «хочу». Ты и ко мнѣ пришелъ говорить совсѣмъ не потому, что тебѣ жаль обѣда и комнаты. Тебѣ не ловко, когда тебя спрашиваютъ, гдѣ служитъ твой сынъ. Ты никогда не можешь дѣйствовать какъ человѣкъ. Человѣкъ въ тебѣ запертъ какъ въ клѣткѣ, на стражѣ которой стоитъ положеніе, тайный совѣтникъ, камергеръ или какъ тамъ еще. Ты и мнѣ предлагаешь уморить въ себѣ человѣка этикетомъ, мундиромъ, должностью. Къ сожалѣнію, для меня это невозможно...

Отецъ посмотрѣлъ на часы и всталъ.

— Очень жалѣю, что моя попытка съ тобой поговорить какъ со взрослымъ человѣкомъ не удалась. У меня нѣтъ больше

времени. Долженъ сказать, я все-таки не ожидалъ, что ты будешь разсуждать, какъ гимназистъ 5 класса.

— Это возраженіе не по существу,—сказалъ я, улыбаясь.

Тогда онъ далъ волю гнѣву.

— Довольно! — крикнулъ онъ, рѣзко повысивъ голосъ и стукнувъ ладонью по спинкѣ стула. — Мнѣ надоѣло слушать вздоръ. Говорю въ послѣдній разъ: я не хочу терпѣть въ домѣ бездѣльника. Да, мнѣ стыдно, что у меня сынъ, за котораго приходится краснѣть...

— Передъ сановниками 3-го класса...

— Молчать! Я требую, чтобы ты завтра же отправился къ Столбовскому. Я приказываю!

Онъ вышелъ изъ себя, что̀ съ нимъ бывало крайне рѣдко.

— Стыдно! Ты утратилъ всякое понятіе о чести въ томъ обществѣ, въ которомъ вращаешься.

Глупо было то, что и я утратилъ мое спокойствіе. Я также повысилъ тонъ и продолжалъ:

— Ты не имѣешь права требовать, чтобы я служилъ. Можешь требовать только, чтобы я не жилъ на твой счетъ. Даю тебѣ слово, что этого больше не будетъ. Повидимому, ему понравилось то, что я разсердился. Лицо его приняло свое обыкновенное выраженіе самоувѣреннаго спокойствія.

— Очень радъ,—бросилъ онъ и вышелъ.

Уѣхалъ въ свое вѣдомство.

Я долженъ сдержать данное слово,

Мы съ вами знакомы давно, а какъ мало вы меня знаете! Вы не представляете себѣ, до какой степени я во власти мелочей, вѣрнѣе того, что люди называютъ мелочами. Вы знаете, что я фанатически люблю свободу, но вмѣстѣ съ тѣмъ я рабъ этихъ мелочей. Для меня невозможно надѣть платье, сшитое плохо, какъ невозможно надѣть бѣлье не изъ тонкаго полотна. Если бы меня заставили одѣться въ костюмъ, купленный въ магазинѣ готоваго платья, я чувствовалъ бы себя глубоко несчастнымъ, я прятался бы отъ людей, какъ отверженный. Я способенъ полдня провести за выборомъ галстуха и другое полдня за выборомъ запонокъ. Я сознаю, какъ это ничтожно, но это моя натура. Передѣлать ее невозможно. Все въ человѣкѣ должно быть гармонически изящно. Какая-нибудь булавка въ галстухѣ можетъ испортить все. Я говорю не только о внѣшности. Гармоніей, изяществомъ должно быть проникнуто все существо человѣка. Душа должна быть изящна. Для меня очень трудны сношенія съ людьми, въ которыхъ нѣтъ сознанія вну-

тренней свободы, нѣтъ смѣлости обнаружить свое я. Все лицемѣрное, рабское и все аляповатое, кричащее для меня одинаково невыносимо. Вотъ почему у меня нѣтъ никого, кромѣ васъ. Но и вы меня измѣнили. Вы оскорбили чувство изящнаго вашей поѣздкой въ Парижъ. Я вижу, такъ ясно вижу картину вашей встрѣчи, переживаю ужасъ вашей души. Ахъ, если бы я могъ помѣшать этому оскверненію прекраснаго, возвышеннаго чувства!

Все дѣлается не такъ, какъ я хочу. Если у меня нѣтъ силъ заставить жизнь быть такой, какъ я хочу, то лучше отъ нея уйти. Я положу себя въ реторту вселенной. Что она выработаетъ изъ меня—не знаю. Но я, моей волей, превращаю себя въ элементы. Пусть природа, наша общая мать, пуститъ ихъ въ оборотъ своего неустающаго творчества. Я могу сдѣлать это самымъ легкимъ, простымъ способомъ. Немного морфія... На прощаніе. Онъ мой старый другъ. Я къ нему привыкъ и отъ него не умру. Но у меня есть дивная вещь изъ сказочной страны, изъ Индіи — кураре. Я дѣлаю маленькую царапину и смазываю этимъ чудеснымъ веществомъ. Вотъ и все.

Зато я не сомнѣваюсь, что наступитъ время, когда я приду сюда снова. Мы живемъ не одинъ разъ. Вотъ почему я отношусь спокойно къ прекращенію моего теперешняго существованія.

Пьеса мнѣ не нравится. Зачѣмъ заставлять себя торчать въ театрѣ. Приду тогда, когда поставятъ новую. Дни мои проходятъ за мечтами о будущемъ. Ночи — въ грезахъ о немъ. Я почти не сплю. Грезы мои мнѣ дороги. Въ нихъ часто вижу васъ... Сюжетъ ихъ одинъ и тотъ же: какъ могутъ жить люди, когда освободятся отъ тысячи насилій, которымъ они подчиняются теперь. Прежде всего отъ ужасовъ нужды, самаго страшнаго изъ насилій; отъ насилія подневольной работы. Трудъ— вѣдь это наслажденіе, это радость жизни. Надо только, чтобы онъ былъ свободенъ, захватывалъ меня, увлекалъ. Тогда онъ становится красивымъ...

Васъ я часто вижу въ прекрасномъ саду за цвѣтами. Вы вѣдь такъ любите ихъ. Вы, кажется, разговариваете съ ними. Вы—въ саду съ великолѣпнѣйшими цвѣтами. Вы идете среди цвѣтовъ. На рукахъ у васъ малютка-дѣвочка—ваша дочь. Она тянется крошечной ручкой къ цвѣтку.

Сколько красоты на свѣтѣ! Она на каждомъ шагу. Она окружаетъ насъ волшебными чарами. Въ шелестѣ камыша, въ шумѣ лѣса, въ вѣнчикѣ цвѣтка, въ лунномъ блескѣ волны...

А сколько красоты въ царствѣ мысли, въ глубокихъ, сильныхъ переживаніяхъ человѣческой души. Настанетъ время, да, такое время непремѣнно придетъ, когда будутъ воздвигать храмы прекрасному, когда исчезнетъ идолослуженіе, когда то, что нынѣ поругано, опошлено, станетъ священнымъ... Тогда я приду.

Факты той жизни, въ обстановкѣ которыхъ мнѣ приходится жить, бьютъ по головѣ, какъ обухомъ топора. Не такъ давно мнѣ пришлось присутствовать при слѣдующей бесѣдѣ двухъ дамъ изъ высшаго свѣта—моей матери и ея сестры, моей тетушки. Рѣчь шла о молоденькой дѣвушкѣ, взятой изъ пріюта тетушкой. Дѣвушка очень красивая и очень кокетливая. Она, кажется, не могла видѣть мужчины, чтобы не стрѣлять глазами. Несомнѣнно ей нравилось, чтобы ею любовались. Она какъ будто говорила каждому своимъ взглядомъ: «Знаю, что красива и что пріятно смотрѣть на меня».

Мой двоюродный братъ, балбесъ изъ привилегированнаго заведенія, плѣнился красотой дѣвушки. Она не устояла передъ мундиромъ и подарками. Въ результатѣ беременность.

Тетушка. Не знаю, что дѣлать съ этой дрянью. Держать ее въ домѣ больше нельзя.

Мать. Развѣ такъ замѣтно?

Тетушка. Посмотри...

Звонитъ. Входитъ Саша.

Тетушка. Дай мнѣ скамеечку для ногъ.

Дѣвушка проходитъ черезъ всю гостиную, неловко наклоняется и приноситъ скамейку, красная какъ макъ и красивая какъ роза. Затѣмъ уходитъ, стрѣльнувъ въ меня глазами.

— Нельзя ее держать,—рѣшаетъ мать.

— И мнѣ кажется, что нельзя. Надо было бы отправить ее въ деревню,—говоритъ тетушка.

— Напротивъ, здѣсь гораздо лучше. Ребенка отдать, а самой опять служить. До слѣдующаго...—прибавила матушка, улыбаясь.

— Какая дрянь! Вѣдь совсѣмъ дѣвченка. Ей нѣтъ семнадцати лѣтъ и уже такая дрянь!

— Ты не тяни. Отпусти ее поскорѣе,—совѣтовала матушка.

— Мама, что ты говоришь. Вѣдь она почти ребенокъ. И развѣ она виновата?—спрашиваю я.

— Хорошъ ребенокъ. А кто же по-твоему виноватъ?

— Ты хорошо знаешь кто... Но развѣ тутъ надо искать виноватаго?

— Мужчина никогда не бываетъ виноватъ... Конечно, если не было насилія. Да и то... Развѣ въ такихъ случаяхъ насиліе возможно?

— Если бы это я сдѣлалъ, ты не нашла бы, что я сдѣлалъ подлость?

— Ты?!—воскликнула она, выражая на лицѣ отпечатки изумленія.—Да я бы тебѣ тысячу рублей заплатила, если бы ты былъ способенъ на это.

Мать засмѣялась.

— Конечно, она виновата,—съ убѣжденіемъ заявила тетушка.—Юрочка мнѣ разсказалъ все. Она первая подошла къ нему и сказала: «Вамъ хочется меня поцѣловать»? Ну, онъ, понятно, не отказался. Вѣдь шельма хорошенькая. Но, подумай, какая нахалка!

— Бѣдный Юрочка,—сказалъ я.

— Эти пріютскія всѣ такія,—рѣшила матушка.—Страшно развращенныя.

— А вы считаете себя добродѣтельными,—сказалъ я, не удержавшись.—Но вѣдь это добродѣтель людоѣдская...

Тетка отмахнулась рукой, какъ отъ надоѣдливой мухи, а мать, обращаясь къ ней, сказала:

— Ты забыла, что при немъ нельзя говорить все...

Я ушелъ.

Ночью я жилъ грезами. Беременность—это священнѣйшее изъ таинствъ. Беременная женщина находится подъ защитой, подъ покровительствомъ всего общества, мало этого, она пользуется особыми преимуществами. Беременность женщины—предметъ вниманія и заботы всѣхъ, это ожиданіе новаго человѣка, новаго члена общества. Беременная женщина не скрывается, не прячется. Она гордится своимъ положеніемъ. Каждая дѣвушка думаетъ о беременности, какъ о своемъ отвѣтственномъ долгѣ. Всѣ стремятся сдѣлать періодъ ношенія ребенка пріятнымъ, радостнымъ для будущей матери. Она окружена самымъ сердечнымъ вниманіемъ, самой нѣжной заботливостью не только родныхъ, но и всего общества. Рожденіе ребенка—это праздникъ всѣхъ. Я вижу женщину счастливую, жизнерадостную, творящую новаго человѣка. Онъ родится свѣтлымъ, радостнымъ, сильнымъ... Прощайте, Лина, чудный цвѣтокъ, обрызганный грязью. Слезы смоютъ грязь, и онъ будетъ жить и рости, благоуханный, чистый, еще болѣе нѣжный и прекрасный. Прощайте».

Если бы онъ зналъ, какія—низкія чувства были у меня, когда я читала его предсмертную исповѣдь. Онъ бы такъ не идеализировалъ меня. Вѣдь я читала его рукопись тогда, когда уже получила твое письмо, въ которомъ ты сообщаешь, что выходишь замужъ за Алтаева!..

Теперь я разскажу тебѣ самую подлую страницу моей жизни.

Былъ отвратительный вечеръ петербургской слякотной зимы, когда почтальонъ принесъ твое письмо. Милое письмо, наполненное свѣтомъ южнаго солнца, ароматомъ теплаго влажнаго морского воздуха, письмо изъ Аббаціи. Ты писала его послѣ вашей прогулки въ лавровомъ лѣсу.

Я пришла со службы промокшая, иззябнувшая, усталая. Тетушка поссорилась съ отцомъ изъ-за бисернаго абажура. Оба надулись и не говорили. Я ушла въ свою комнату, едва дотронувшись до отвратительнаго обѣда, перепрѣлаго и перегрѣтаго, выслушавъ предварительно наставленіе тетушки о необходимости усиленнаго питанія при моей худобѣ...

Письмо положила на столъ, не распечатывая, и легла. Странное безпокойство овладѣло мной. Хотѣла угадать, о чемъ ты пишешь. Я еще не знала, что ты уѣхала за границу вмѣстѣ съ Алтаевымъ...

Сердце такъ сильно билось, что я не могла подняться. Я не читала письма еще потому, что боялась, какъ бы не вошла тетушка. Начались бы вопросы, кто пишетъ, что пишетъ...

Было около двѣнадцати часовъ ночи, когда въ домѣ всѣ улеглись, и я прочла письмо.

Съ каждой строчкой его разгорались во мнѣ все сильнѣе гнѣвъ и зависть. Когда прочла, когда узнала все, то буквально грызла зубами подушку. Мнѣ всегда казалось, что этого никто не дѣлаетъ, что это писатели выдумываютъ. Нѣтъ. Я дѣйствительно набила ротъ подушкой, сжала зубы, чтобъ не стонать, не кричать на весь домъ, чтобъ подавить рыданія.

Я долго лежала безъ движенія. Гнѣвомъ и ненавистью была наполнена вся душа. Я ихъ не сдерживала, не удивлялась. Я отдалась имъ всецѣло. Закопошились во мнѣ ядовитые гады. Всѣхъ я хотѣла выпустить на тебя. На тебя, моя солнечная дѣвочка!

Когда немного утихъ острый припадокъ злобы, я встала, изображая фальшивое спокойствіе, но злая, какъ вѣдьма.

Во мнѣ созрѣла рѣшимость не дать тебѣ Алтаева.

Что нужно для этого сдѣлать: поѣхать въ Аббацію, послать ли ему телеграмму—я еще не знаю. Я ходила по ком-

натѣ, раздражаемая безумнымъ желаніемъ оторвать отъ тебя Алтаева.

Вѣдь онъ же мой! Онъ меня любитъ, меня и никого больше. Это ошибка, заблужденіе. Онъ не можетъ полюбить никого. Онъ сдѣлаетъ все, что я захочу. Развѣ ты подходящая для него жена? Развѣ ты понимаешь, какой онъ?

Я возвеличивала себя и принижала тебя, я отыскивала въ тебѣ тысячи недостатковъ. Сначала во мнѣ была еще честность. Я разсуждала какъ врагъ, но не лицемѣрно. Я думала, вотъ есть одинъ только человѣкъ, большой, хорошій, настоящій человѣкъ. Онъ любитъ меня, преданъ мнѣ всецѣло, и вдругъ я теряю его. Надо хвататься за все, чтобы сохранить его. Пусть будетъ открытая борьба—чья возьметъ. Потомъ я стала лицемѣрить даже сама съ собой. Началась околесная. Я вдругъ прониклась заботой о *твоей* участи. Надо написать тебѣ, предостеречь. Главное, убѣдить, чтобы ты не спѣшила. Выяснить, что ты не можешь быть съ нимъ счастлива, потому что онъ любитъ меня, что у васъ произошло какое-то недоразумѣніе... Послать при этомъ удобномъ случаѣ его письма ко мнѣ, старыя письма, писанныя нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Все это подъ видомъ безпокойства за твою судьбу, а на самомъ дѣлѣ для того, чтобъ выиграть время. Это уже утонченная подлость. Отравить радость, которой сверкало твое письмо.

Я даже не задумывалась, зачѣмъ мнѣ это нужно. Такая злая зависть...

Ты—простая, ясная. Вся душа твоя свѣтится солнцемъ въ этомъ солнечномъ письмѣ. Слышится въ немъ біеніе твоего сердца, довѣрчиваго, правдиваго. И это сердце я хотѣла наполнить ядомъ грызущихъ сомнѣній.

Письмо вышло длинное и кончалось просьбой ничего не рѣшать до нашего свиданія.

Было около трехъ часовъ ночи, когда я запечатала письмо, написала адресъ и положила въ сумку, чтобъ не видѣть его.

Легла и стала думать — послать ли тебѣ его письма или нѣтъ. Я о нихъ только упомянула, что ты должна познакомиться съ ними.

Встала, нашла письма и рѣшила перечитать ихъ. Послѣ прочтенія нѣсколькихъ писемъ я, безъ всякихъ предварительныхъ размышленій, вынула письмо къ тебѣ и разорвала на мелкіе клочки.

Не думай, что это было просіяніе. Нѣтъ. Я испугалась,

что ты покажешь ему (это я уже потомъ сообразила), и онъ узнаетъ, какая я низкая тварь.

У меня создался новый планъ. Тебя не трогать и дѣйствовать черезъ него. Вызвать его телеграммой. Сочиняла телеграммы и рвала ихъ одну за другой. Потомъ сочиняла ему письмо съ многочисленными цитатами изъ его писемъ ко мнѣ. Получилось нѣчто до такой степени гнусное, что даже я почувствовала это...

Ты меня прости, моя голубка, и ему скажи (онъ хорошій), пусть не презираетъ меня. Моя душа устала. Она разбита, искалѣчена. Все благородное—утонуло; все безобразное—всплыло на верхъ...

Я начала перечитывать твое письмо ко мнѣ. Когда прочла, положила руки на столъ, опустила на нихъ голову и долго потихоньку плакала. Не замѣтила, какъ заснула. Проснулась отъ яркаго солнца. Солнце въ ноябрѣ въ Петербургѣ! Это почти сказка.

Вся комната была розовая. И такъ же свѣтло стало у меня на душѣ. На багровомъ небѣ горѣлъ красный шаръ, холодный, страшный. Но я теперь не боялась его. Я видѣла въ немъ знаменіе моего просвѣтлѣнія. Вся душа переполнилась любовью къ тебѣ, нѣжность къ тебѣ заняла всѣ ея уголки. Стало мнѣ такъ легко и тепло, какъ не бывало много лѣтъ. Я испытывала такое странное ощущеніе, какъ будто поднялась надъ землей, какъ будто у меня выросли крылья.

Моя родненькая, свѣтлая дѣвочка, какъ я счастлива твоимъ счастьемъ! Какая ты хорошая, что все написала мнѣ. Какой онъ славный! Вѣдь ничего не можетъ быть лучше, какъ видѣть васъ вмѣстѣ. Какая будетъ у меня чудесная семья. У меня будутъ твои дѣти! У тебя непремѣнно должна быть дѣвочка. Глупая, я думала, что потеряла. Но я нашла!

Я крикнула громко: «Я нашла»!

Тетушка вбѣжала ко мнѣ въ одной сорочкѣ и строго сказала:

— Чего орешь на весь домъ? Отецъ спитъ. Что ты нашла?

Я схватила ее за плечи, притянула къ себѣ, поцѣловала и стала кружиться съ ней по комнатѣ.

— Я нашла кладъ. Брильянты, изумруды, сапфиры... Я нашла слитокъ золота, самый большой на свѣтѣ. Тра-ла-ла, тра-ла-ла!

Тетушка вырвалась, посмотрѣла довольно благосклонно, стыдливо поправила сорочку, обнажившую пышное плечо, и сказала:

— Не знаю, что ты нашла, но что ты потеряла разумъ—это вижу. Не спала всю ночь? Кровать не тронута. Сумасшедшая... Влюбилась?

Она говорила ласково, лицо у нея такое доброе.

— Ну дай тебѣ Богъ! Дай тебѣ Богъ новую хорошую жизнь.

Несмотря на свой либерализмъ, она перекрестила меня.

Я и въ этомъ увидѣла знаменіе. Тетушка благословила меня на новую жизнь...

Е. Ганейзеръ.

ТѢНИ ПРОШЛАГО.

«Народъ—невѣждъ опасныхъ стадо;
«Его узда—тяжелый трудъ;
«Вести впередъ его не надо.
«Ему развитіе несутъ
«Враги общественнаго строя,
«И только властная рука,
«Охрана гордаго покоя
«Отборныхъ гражданъ, навсегда
«Кладетъ предѣлъ поползновенью
«Поднять сознаніе толпы
«И дерзновенному стремленью
«Смягчить давленье нищеты».

Таковъ старинный складъ воззрѣній,
Наслѣдье крѣпостныхъ временъ,
Плодъ традиціонныхъ заблужденій,
Девизъ истрепанныхъ знаменъ.
Но, широко распространенный,
Онъ чаще прятался во мглѣ,
Чѣмъ выступалъ, весь обнаженный,
Безъ тѣни краски на челѣ.

Теперь отпали всѣ сомнѣнья,
Отброшенъ фиговый листокъ,
И проявился безъ стѣсненья
Исконный барственный порокъ.
Да, въ новыхъ формахъ возродился
Тотъ старый баринъ, въ чьихъ глазахъ
Мужикъ съ рожденья становился
Игрушкой жалкою въ рукахъ,

Издавна призванныхъ къ господству
Надъ темной массою рабовъ
И ко всѣмъ благамъ воеводства
По мудрымъ правиламъ отцовъ.

Все тотъ же онъ, но измѣнилось
Все, что подъ нимъ и вкругъ него,
И безвозвратно закатилась
Звѣзда, ласкавшая его.
Въ собраньи важномъ онъ встрѣчаетъ
Своимъ претензіямъ оплотъ,
Но ихъ упорно отвергаетъ
Страна, идущая впередъ.

Ужъ сквозь туманъ передразсвѣтный
Блестятъ лучи, лучи зари
И послѣ ночи непривѣтной
Наступятъ радостные дни.
Дорога къ свѣту для народа
Преграждена не будетъ вновь,
И долго жданная свобода
Разбудитъ дремлящую новь.

К. Арсеньевъ.

СМЕРТЬ ПАХОМОВА.

Разсказъ.

I.

Пахомовъ не видѣлся съ сыномъ больше трехъ лѣтъ—съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ сынъ женился—и теперь Пахомовъ не могъ вполнѣ ясно представить себѣ его лицо. И отъ этого какое-то странное и жуткое чувство временами охватывало его. Сынъ въ послѣднемъ письмѣ писалъ, что сильно поправился, отрастилъ бороду и сдѣлался, какъ говорится, солиднымъ человѣкомъ. Кромѣ этого онъ писалъ еще, что очень счастливъ и что очень любитъ свою молодую жену. И оттого, что сынъ былъ теперь съ бородой, и оттого, что онъ принадлежалъ незнакомой и чуждой ему, Пахомову, женщинѣ, и оттого, что сильно любилъ ее—Пахомову казалось, что онъ теперь уже не тотъ Алеша, какимъ онъ зналъ его раньше. И передъ его глазами постепенно, одинъ за другимъ, вставалъ цѣлый рядъ образовъ близкихъ одинъ къ другому и въ то же время далекихъ и непонятныхъ. Вспоминался Алексѣй ребенкомъ, юношей, молодымъ человѣкомъ. И въ каждомъ этомъ образѣ онъ чувствовалъ что-то новое, незнакомое... Чѣмъ старше становился сынъ, чѣмъ сложнѣе становилась его душа, мысли и желанія—тѣмъ, казалось Пахомову,—все больше и больше что-то новое и незнакомое входило въ душу сына. И временами отъ сознанія этого какъ-то мучительно и безпокойно становилось на сердцѣ Пахомова. Онъ когда-то сильно любилъ Алексѣя, и ему хотѣлось, чтобы прежнее, такое милое ему и близкое, подольше оставалось въ сынѣ. Казалось, что съ каждой перемѣной его взглядовъ, съ каждымъ новымъ изгибомъ въ его душѣ, съ каждой новой мыслью,—перерождается сущность его сына и постепенно онъ дѣлается новымъ, чуждымъ и незнакомымъ...

Особенно мучительно это стало для него съ тѣхъ поръ, какъ онъ заболѣлъ. За время его болѣзни мысли его, воспоми-

нанія и представленія стали болѣзненно яркими и острыми, и то, на что раньше онъ не обращалъ никакого вниманія,—теперь вдругъ стало казаться ему важнымъ, а временами даже и жуткимъ...

И часто во время болѣзни, его мысли отъ сына переходили на другіе предметы, и здѣсь тоже, какъ и въ его отношеніи къ сыну, начиналъ открывать много новаго и тяжелаго для него.

У него въ имѣніи служилъ управляющій Агамбековъ, молодой и красивый человѣкъ лѣтъ тридцати. Раньше онъ любилъ его и часто въ долгіе зимніе вечера подолгу бесѣдовалъ съ нимъ о жизни, о людяхъ, о Богѣ, и Агамбековъ казался ему искреннимъ, симпатичнымъ и расположеннымъ къ нему человѣкомъ. Теперь же ему казалось, что управляющій тяготится долгими съ нимъ разговорами, что онъ не любитъ его и только оттого еще угождаетъ ему, что боится потерять мѣсто... А временами еще болѣе жуткія мысли охватывали его. Ему начинало казаться, что Агамбековъ потому вѣжливъ съ нимъ, что онъ, Пахомовъ, послѣ своей смерти оставитъ ему часть своего имѣнія... Сначала онъ пробовалъ отгонять отъ себя эти мысли, такъ какъ было страшно думать, что Агамбековъ хочетъ, чтобы человѣкъ, съ которымъ онъ прожилъ бокъ-о-бокъ почти пять лѣтъ, съ которымъ дѣлился своими чувствами, мыслями и впечатлѣніями, теперь, когда онъ заболѣлъ, желалъ ему смерти...

Но потомъ онъ вспоминалъ, что самъ нѣсколько разъ говорилъ Агамбекову, что если онъ будетъ вѣрно и честно служить ему, то онъ и послѣ смерти не забудетъ его...

«Ну, конечно, онъ теперь ждетъ моей смерти, конечно, ждетъ»,—думалъ онъ, и какая-то странная дрожь проходила по его тѣлу.

И послѣ такихъ мыслей, разговаривая съ Агамбековымъ о своей болѣзни, онъ напряженными и пытливыми глазами смотрѣлъ въ его лицо, стараясь прочесть по его выраженію его тайныя мысли...

Но Агамбековъ былъ какъ всегда съ виду ровенъ и спокоенъ.

Внимательно слушалъ его, смотрѣлъ на него открытымъ и яснымъ взоромъ. Потомъ говорилъ:

— Ничего, Никодимъ Петровичъ—Богъ дастъ къ веснѣ поправитесь и снова будете здоровы...

— А если не поправлюсь...—тихо спрашивалъ Пахомовъ, продолжая пытливыми глазами смотрѣть на Агамбекова,—тогда, значитъ, скоро и аминь...

— Ну, что вы, Никодимъ Петровичъ—вамъ еще рано о смерти думать, вѣдь вы еще не такъ стары...

— Да вѣдь дѣло не въ старости, а въ болѣзни. И старый человѣкъ иную болѣзнь можетъ легко перенести, а вѣдь у меня порокъ сердца...

Управляющій внимательными, но непонимающими глазами смотрѣлъ на него. Пахомовъ замѣчалъ это и начиналъ описывалъ ему свою болѣзнь. Потомъ говорилъ:

— Такъ вотъ могу съ вами разговаривать и вдругъ трахъ— и все кончено. Онъ оглядывался кругомъ и продожалъ: тогда прощай хуторъ на вѣкъ. Этотъ домъ, и этотъ лѣсъ, и амбаръ, и сараи, и садъ, и лугъ. И будетъ у васъ новый хозяинъ, новые порядки, новые законы...

— Ничего, Никодимъ Петровичъ, выздоровѣете еще и до ста лѣтъ проживете... говорилъ управляющій. Но Пахомову казалось, что въ тонѣ его голоса слышится какая-то неискренность.

И послѣ такого разговора недовѣріе къ Агамбекову все больше и больше росло въ душѣ Пахомова. И вмѣстѣ съ этимъ недовѣріемъ увеличивалось чувство одиночества и безпомощности. «Въ самомъ дѣлѣ—думалъ онъ—отчего Агамбекову не желать мнѣ смерти? Я послѣднее время часто бываю раздражителенъ, придирчивъ, несправедливъ, а вѣдь онъ знаетъ, что все равно, умри я хоть сегодня, онъ по-прежнему останется служить здѣсь. Онъ знаетъ, что сынъ очень любитъ его и цѣнитъ»... И невольно мысли его снова переходили на сына. Осталось ли у него еще хоть какое-нибудь чувство къ отцу? Не смотритъ ли онъ на него такъ же, какъ и всѣ, какъ на стараго, уже отжившаго, ненужнаго человѣка?.. Вѣдь вотъ раньше онъ навѣрное уже давно пріѣхалъ бы къ нему, получивъ извѣстіе о томъ, что ему нехорошо, а теперь вотъ не ѣдетъ, пишетъ, что жена больна. А почему же жена должна быть для него дороже, чѣмъ онъ, отецъ... Развѣ только потому, что она молода, что она доставляетъ ему наслажденіе.

Да, а ему-то какое до этого дѣло? Какое ему дѣло до плотскихъ наслажденій, до любви, до молодости.. Вѣдь все это ушло отъ него, и ему предстоитъ только тяжелая болѣзнь и смерть...

И враждебное, непріязненное чувство къ красивой молодой невѣсткѣ начинало охватывать его. Онъ закрывалъ глаза и въ его воображеніи рисовалась высокая, слегка полная фигура невѣстки, ея сочный грудной голосъ, ея темные пышные волосы, стройная бѣлая шея...

О, она можетъ дать наслажденіе его сыну, можетъ о многомъ заставить позабыть его...

Онъ смотрѣлъ на свои желтыя, сморщенныя худыя руки, на свой старый потертый костюмъ... Какая громадная разница между нимъ и ею: тамъ красота, молодость, сила, а здѣсь старость, дряхлость, безобразіе... О чемъ же здѣсь думать?

Конечно, всякій предпочтетъ красоту и молодость старости и безобразію... И чѣмъ больше онъ думалъ объ этомъ, тѣмъ все сумрачнѣе и сумрачнѣе становилось у него на сердцѣ... и тѣмъ все болѣе одинокимъ и ненужнымъ чувствовалъ онъ себя.

II.

День, въ который пріѣхалъ сынъ Пахомова, былъ слегка пасмурный, но теплый, тихій. Кругомъ—и въ поляхъ, и въ лѣсу, и на хуторахъ было какъ-то особенно тихо и неподвижно. Изрѣдка на дорогѣ лишь встрѣчались одинокія телѣги, съ лежащими на нихъ мужиками, идущія съ корзинами въ лѣсъ за грибами бабы...

Недалеко отъ станціи протекала неширокая степная рѣка, и здѣсь громко квакали лягушки и, то окунаясь въ воду, то снова поднимаясь надъ рѣкой, черными пятнами носились ласточки...

Пахомовъ чувствовалъ себя въ этотъ день не хорошо.

Болѣло сердце, и было трудно дышать. Переѣхавъ по мосту черезъ рѣку, онъ велѣлъ, кучеру остановиться и, выйдя изъ экипажа, подошелъ къ рѣкѣ. Отъ рѣки вѣяло свѣжестью и прохладой и ему стало легко дышать. Нѣсколько минутъ онъ стоялъ неподвижно на берегу, потомъ нагнулся и сталъ мочить водой свое лицо и голову...

Пріятный холодокъ прошелъ по всему его тѣлу, и дышать стало еще легче...

«А какъ было бы хорошо—подумалъ онъ—если бы возможно было сейчасъ раздѣться и выкупаться въ этой прохладной свѣжей водѣ...»

Онъ посмотрѣлъ вдоль свѣтло-сѣрой ленты рѣки. Невдалекѣ на изгибѣ купались, хлопаясь и крича, нѣсколько ребятишекъ. Нѣсколько мгновеній онъ неподвижными глазами смотрѣлъ на нихъ. Потомъ повернулся и быстрыми шагами пошелъ къ экипажу. Зачѣмъ смотрѣть на нихъ? Зачѣмъ чувствовать жгучую зависть къ нимъ, къ здоровымъ, чувствующимъ прохладу тѣламъ,

къ ихъ молодой, еще долгой жизни? Вѣдь онъ никогда уже не будетъ купаться въ рѣкѣ, никогда не будетъ испытывать прикосновеніе къ своему тѣлу свѣжей прохладной воды...

Никогда. Какое жуткое мучительное слово...

Онъ сѣлъ въ экипажъ и, откинувшись на спинку сидѣнья, сталъ смотрѣть на покрытое бѣловато-сѣрыми облаками небо.

Покоемъ и неподвижностью вѣяло сверху. Онъ смотрѣлъ долго, и постепенно на сердцѣ у него тоже становилось спокойнѣе... Тамъ, въ высотѣ, все по-старому. Не было ни молодости, ни старости, ни болѣзней, ни здоровья, ни зависти, ни женщинъ, ни сладострастья...

Тамъ все было по-старому. Все было вѣчно, ровно и безразлично.

И, глядя на небо, хотѣлось забыть о своихъ мысляхъ, о сынѣ, о его женѣ, о Агамбековѣ, о всѣхъ молодыхъ красивыхъ людяхъ. Хотѣлось забыть о своей старости, о своей болѣзни, о приближающейся смерти...

Хотѣлось все забыть, ни о чемъ не думать, ничего не чувствовать...

Но вотъ экипажъ сильно качнуло, и онъ затарахтѣлъ по находящемуся около станціи шоссе.

Пахомовъ опустилъ голову и сталъ смотрѣть на показавшуюся между деревьями станцію. Черезъ нѣсколько минутъ придетъ поѣздъ, и онъ увидитъ своего сына и невѣстку. Снова волненіе охватило его. Какой теперь сынъ? Вѣдь онъ не видѣлъ его почти три года. Какова невѣстка? Можетъ-быть, она стала за это время еще красивѣе, можетъ-быть, за это время сынъ еще сильнѣе полюбилъ ее?

Когда экипажъ подъѣхалъ къ станціи, вдали послышался шумъ поѣзда. Пахомовъ, вышелъ изъ экипажа и, торопливо пройдя черезъ станцію, вышелъ на платформу.

Шумъ поѣзда съ каждой минутой становился все ближе и ближе, и скоро изъ-за лѣса показался темной маленькой точкой паровозъ...

Съ каждой минуты точка росла, и скоро уже ясно можно было различить контуры паровоза. И чѣмъ ближе подходилъ къ станціи поѣздъ, тѣмъ волненіе все сильнѣе и сильнѣе охватывало Пахомова. Временами у него даже начинала кружиться голова, и ему казалось, что онъ упадетъ...

Когда подошелъ поѣздъ, онъ напряженными глазами сталъ смотрѣть вдоль остановившихся вагоновъ...

Сначала никто не выходилъ изъ вагоновъ, но вотъ въ самомъ

концѣ поѣзда, изъ вагона 2 класса, на платформу вышелъ высокій господинъ съ небольшой русой бородой, за нимъ вышла молодая красивая женщина. Пахомовъ не могъ разсмотрѣть ихъ лицъ, но онъ догадался, что это его сынъ и невѣстка...

Онъ пошелъ имъ навстрѣчу.

Когда разстояніе между нимъ и сыномъ осталось всего въ нѣсколько шаговъ, сынъ, глядя на него присматривающимся взглядомъ, воскликнулъ:

— А вотъ, кажется, и отецъ...

Непріятное чувство отъ его возгласа охватило Пахомова. Необыкновенно жизнерадостнымъ, беззаботнымъ, совершенно чуждымъ настроенію и переживаніямъ его былъ голосъ его сына. По его восклицанію съ увѣренностью можно было сказать, что онъ молодъ, здоровъ, счастливъ...

— Ну, какъ дѣла?—спросилъ сынъ, подходя къ Пахомову, обнимая его и цѣлуя.

— Плохо,—проговорилъ Пахомовъ,— сердце совсѣмъ не хочетъ меня слушать.

Сынъ торопливымъ, но внимательно присматривающимся взглядомъ скользнулъ по его лицу...

Потомъ сказалъ:

— Да, ты не важно выглядишь...

Онъ вдругъ засуетился.

— Что же вы, господа,—проговорилъ онъ, смотря то на жену, то на отца.—Чего же вы не цѣлуетесь?

Молодая женщина засмѣялась веселымъ груднымъ смѣхомъ и слегка вздернула плечами.

— Я жду, пока вы перестанете цѣловаться,—проговорила она.—Пахомовъ слегка поблѣднѣлъ и нахмурился. Протянулъ руку невѣсткѣ и, стараясь улыбнуться, проговорилъ:

— Здравствуйте, Нина Владиміровна... Нина...

Молодая женщина потянулась къ нему и поцѣловала его въ губы, обдавъ его ароматомъ тонкихъ дорогихъ духовъ...

Потомъ она отстранилась отъ него и, смотря на него веселыми глазами, проговорила:

— Я не узнала бы васъ, если бы мужъ мнѣ васъ не показалъ...

— Развѣ я такъ измѣнился за эти два года?—спросилъ нахмурившись Пахомовъ.

— Нѣтъ, я просто забыла ваше лицо,—проговорила она и опять чего-то разсмѣялась. Сынъ влюбленными глазами смотрѣлъ на нее и тоже улыбался чего-то.

— Ну, пойдемте уже,—проговорилъ сухо Пахомовъ,—тамъ экипажъ ждетъ.

Они пошли.

«Совсѣмъ чуждый сталъ для меня Алексѣй,—думалъ Пахомовъ о сынѣ,—ему, кажется, совсѣмъ и дѣла нѣтъ до меня и до моей болѣзни.

Онъ посмотрѣлъ на невѣстку. Она шла подъ руку съ мужемъ, стройная, такая изящная. Отъ всей ея фигуры вѣяло красотой, силой и здоровьемъ. Онъ посмотрѣлъ вокругъ себя. Небо теперь почти все прояснилось, тепло и ярко грѣло солнце, зеленѣли кругомъ деревья, трава, колосилась на другой степи свѣтло-зеленая рожь... «Чего же ему горевать и печалиться,—подумалъ онъ,—съ нимъ рядомъ красивая любимая женщина, кругомъ него такъ ясно, такъ весело»... И вдругъ на мгновеніе оттого, что близко шла красивая нарядно одѣтая молодая женщина, оттого, что ярко свѣтило солнце, голубѣло небо, пѣли птицы—на мгновеніе его самого охватила жажда жизни...

О, если бы сейчасъ итти тоже такъ, какъ идетъ сынъ съ молодою красивой женой, если бы близко прижимать къ себѣ ея руку, чувствовать теплоту ея молодого стройнаго тѣла... Если бы быть мододымъ и знать, что впереди еще долгая, долгая жизнь!..

Жгучая тоска охватила его. Стало вдругъ непонятнымъ, зачѣмъ онъ выписалъ къ себѣ сына. Развѣ онъ можетъ понять его настроеніе и его переживанія? Развѣ можетъ молодость понять старость? Развѣ можетъ жизнь понять смерть?..

III.

Послѣ завтрака Пахомовъ вмѣстѣ съ Алексѣемъ пошелъ осматривать имѣніе. Чѣмъ больше ходили они по полю, по саду, по сараямъ и амбарамъ, тѣмъ Пахомову все съ большею и большею ясностью казалось, что сынъ чувствуетъ себя среди всего этого уже полнымъ хозяиномъ. Онъ подробно обо всемъ разспрашивалъ Агамбекова, отдавалъ ему распоряженія, внимательно выслушивалъ его совѣты и объясненія...

Онъ смотрѣлъ на Агамбекова, и ему казалось, что тотъ довольными и радостными глазами смотрѣлъ на сына. Иногда они улыбались чего-то другъ другу дружескими улыбками.

«Конечно, они считаютъ меня уже лишнимъ здѣсь,—думалъ Пахомовъ,—старымъ, отжившимъ хозяиномъ. Конечно, Агам-

бекову будетъ лучше съ Алексѣемъ. Оба они молодые, здоровые, счастливые»...

И чѣмъ больше онъ думалъ такъ, тѣмъ постепенно росло въ его душѣ непріязненное чувство къ сыну, къ Агамбекову, къ невѣсткѣ... Конечно, они въ душѣ желаютъ ему смерти. Но потомъ вдругъ ему становилось невыносимо страшно отъ этой мысли. «Нѣтъ, нѣтъ,—думалъ онъ,—этого не можетъ быть. Возможно, что еще Агамбековъ желаетъ мнѣ смерти, но сынъ—не можетъ быть! Вѣдь я далъ ему жизнь, вѣдь я выростилъ его. Былъ онъ маленькій, безпомощный, плачущій»...

Онъ смотрѣлъ на сына, и тотъ въ его воображеніи рисовался ребенкомъ со свѣтлымъ чистымъ взглядомъ. Вспоминались минуты, когда тянулся онъ къ нему маленькими, тонкими ручками...

Зачѣмъ же теперь ему желать смерти, ему, отцу своему? Нѣтъ, нѣтъ, конечно, онъ ошибается. Быть-можетъ, сынъ не любитъ его такъ, какъ прежде, но все же въ его сердцѣ еще сохранилось теплое отношеніе къ нему... Правда, послѣднее время они сильно отдалились другъ отъ друга: у нихъ разные интересы, разныя переживанія, разные взгляды на жизнь, но все же они родные!..

Онъ думалъ такъ, и постепенно теплое и нѣжное чувство къ сыну поднималось въ его груди. И захотѣлось вдругъ открыть ему свою душу, свои мрачныя мысли, свои подозрѣнія. Захотѣлось поговорить о своемъ страхѣ передъ смертью, о своей жизни... Можетъ-быть, онъ пойметъ его и посочувствуетъ ему...

Да, да, конечно, сегодня, когда они останутся вдвоемъ, онъ обо всемъ разскажетъ ему. Вѣдь онъ—его сынъ, его плоть, его кровь...

Когда они вышли въ поле, солнце опустилось уже за синѣющій на горизонтѣ лѣсъ и въ воздухѣ слегка потемнѣло. Гдѣ-то на свирѣли игралъ пастухъ, звонили въ церкви въ сосѣднемъ селѣ. Пахомовъ смотрѣлъ на разстилающееся кругомъ поле, на синѣющій вдали лѣсъ, на ясное, слегка потемнѣвшее небо,—и на нѣсколько минутъ какой-то тихій покой вошелъ къ нему въ душу...

Захотѣлось не думать ни о чемъ мрачномъ. Забыть о своей болѣзни, о своей старости, о своемъ одиночествѣ... Смотрѣть только вокругъ себя, вдыхать посвѣжѣвшій ароматный вечерній воздухъ, слушать отдаленный благовѣстъ.

Онъ думалъ такъ и не замѣтилъ, какъ обошли они поля и вернулись домой. Въ воздухѣ еще больше потемнѣло, и кое-гдѣ въ ясномъ сѣроватомъ небѣ зажглись первыя звѣзды...

Они прошли потемнѣвшій неподвижный садъ, разбитые посреди двора цвѣтники, испускавшіе нѣжный и сладкій запахъ, и подошли къ балкону. На балконѣ горѣла лампа и мягкимъ, нѣжнымъ свѣтомъ освѣщала сидящую въ качалкѣ Нину Владиміровну. На ней былъ красивый бѣлый кружевной капотъ съ открытой шеей и руками. Она читала, слегка закрывшись отъ свѣта рукой...

— Вотъ и Нина!—радостнымъ голосомъ воскликнулъ Алексѣй, увидѣвъ жену.

— Нина,—закричалъ онъ потомъ,—вотъ и мы пришли...

Молодая женщина положила на колѣни книгу и слегка прищуренными глазами стала смотрѣть въ ихъ сторону.

Когда они подошли къ балкону, она спросила мужа:

— Ну, что, доволенъ ты прогулкой?

— Ничего,—сказалъ онъ, улыбаясь,—здѣсь недурно, жить можно. Потомъ, посмотрѣвъ на молодую женщину, добавилъ:—особенно, если еще чувствуешь себя влюбленнымъ. Вѣдь здѣсь такая масса красивыхъ уголковъ, такой чудный опьяняющій воздухъ, такое красивое просторное небо...

Онъ подошелъ къ женѣ и, снявъ шляпу, сѣлъ около нея на парапетъ балкона. Вздохнулъ полной грудью и проговорилъ:

— Хорошо...

Посмотрѣлъ на жену, улыбнулся нѣжной улыбкой.

Она улыбнулась ему.

Нѣсколько минутъ всѣ молчали. Вдругъ Пахомовъ тихо проговорилъ:

— Да, хорошо тому, кто здоровъ, молодъ, счастливъ, а кто старъ и каждый день ожидаетъ смерти... тому каково?

Онъ посмотрѣлъ на сына и на невѣстку.

Они быстро переглянулись, и по ихъ лицамъ промелькнула какая-то тѣнь. «Имъ, кажется, непріятны мои слова»—подумалъ онъ, и что-то тяжелое подступило къ его горлу... и вдругъ ему самому показались странными и нелѣпыми его слова... Кому интересны его переживанія и его мрачныя мысли? Интересна любовь, радость, счастіе, молодость, а кому интересны болѣзни и смерть? Никому.

Никому...

Онъ замолчалъ. Тихій вѣтеръ вѣялъ ему въ лицо, ярко горѣли надъ головой крупныя звѣзды.

— Хорошо,—снова, вздохнувъ полной грудью, проговорилъ позади его сынъ.

— Хорошо,—повторила молодая женщина.

Тогда онъ всталъ со ступенекъ и пошелъ въ садъ.

— Отецъ, куда ты?—спросилъ Алексѣй.

— Я пройдусь немного по саду, — проговорилъ Пахомовъ.

— Тамъ теперь сыро,—сказала невѣстка,—смотрите, еще простудитесь.

— Нѣтъ, ничего,—проговорилъ Пахомовъ—я привыкъ...

Когда онъ вошелъ въ садъ, душный, слегка пряный воздухъ охватилъ его.

Здѣсь было совсѣмъ темно отъ переплетающихся надъ головой вѣтокъ и отъ близко стоявшихъ другъ отъ друга деревьевъ. Стрекотали кузнечики въ травѣ, и кое-гдѣ блестѣли свѣтляки...

Пройдя немного по аллеѣ, Пахомовъ вдругъ почувствовалъ, что усталъ. Онъ сѣлъ на скамейку и, облокотившись спиной о широкій стволъ дерева, сталъ смотрѣть вверхъ на виднѣющіяся кое-гдѣ между переплетающимися вѣтками звѣзды.

Онъ смотрѣлъ на звѣзды и думалъ, что можетъ быть, гдѣ-нибудь въ вышинѣ есть тихая, свѣтлая и радостная жизнь. Гдѣ всѣ вѣчно молоды, счастливы, здоровы. Гдѣ нѣтъ ни болѣзней, ни смерти. Вѣдь не можетъ быть, чтобы вездѣ, во всемъ мірѣ были страданія и смерть...

Не можетъ, не можетъ, ибо тогда страшенъ и ужасенъ былъ бы міръ...

Но отчего же его такъ пугаетъ смерть?

Вѣдь можетъ быть, именно послѣ смерти онъ и уйдетъ въ міръ, гдѣ нѣтъ ни болѣзней, ни страданій, ни смерти...

Онъ вздрогнулъ. Ему почудилось, что кто-то приближается къ нему. Онъ опустилъ голову и сталъ смотрѣть на аллею... Въ темномъ сгущенномъ воздухѣ блеснулъ огонекъ сигары, затухъ, снова блеснулъ...

— «Это, вѣрно, Алексѣй»—подумалъ Пахомовъ и сразу необыкновенно близкой стала его одинокая, догорающая земная жизнь...

Отдалились звѣзды, небо, мечты о далекой прекрасной, вѣчной жизни...

Поравнявшись со скамейкой, на которой онъ сидѣлъ, сынъ пріостановился.

— Это ты, отецъ?

— Да, это я—отвѣтилъ Пахомовъ.

Сынъ сѣлъ около него и блестя огонькомъ сигары проговорилъ:

— Хорошо здѣсь, у тебя.

Немного помолчавъ, онъ добавилъ:—только мнѣ кажется, хозяйство твое слѣдовало бы привести въ большій порядокъ...

Нѣсколько секундъ Пахомовъ молчалъ. Потомъ какимъ-то страннымъ голосомъ тихо проговорилъ:

— Это не моя вина. Это вина Агамбекова.

— Да,—проговорилъ сынъ,—но онъ мнѣ говорилъ, что ты многое запрещаешь ему дѣлать...

«Вотъ оно, начинается»—подумалъ Пахомовъ.

Нѣсколько минутъ онъ молчалъ, тяжело дыша, потомъ сказалъ:

— Когда я умру, то онъ будетъ дѣлать все, что ты ему прикажешь...

— Но вѣдь такимъ образомъ хозяйство можетъ придти въ запустѣніе?..

— Когда я умру, то онъ будетъ дѣлать все, что ты ему прикажешь...—повторилъ снова Пахомовъ.

— Я не понимаю,—сказалъ сынъ,—при чемъ здѣсь смерть, я говорю тебѣ о дѣлѣ, а ты мнѣ говоришь о своей смерти.

— «Да, онъ не любитъ меня, совсѣмъ не любитъ»,—подумалъ Пахомовъ и тоска охватила его душу. «Если бы онъ хоть немного любилъ меня, то развѣ онъ такъ холодно говорилъ бы со мною? Вѣдь онъ видитъ, что я старъ, боленъ».

Онъ вспомнилъ невѣстку, Агамбекова... «И они тоже не любятъ меня. Они еще больше не любятъ. Но вѣдь они чужіе мнѣ, а это мой сынъ». Жуткое чувство охватило его. «Неужели же онъ совсѣмъ одинъ? Неужели же онъ дѣйствительно уже лишній на землѣ? Ну, а если онъ скоро не умретъ, а еще проживетъ 10—15 лѣтъ, тогда что? Можетъ быть, всѣ они тогда открыто скажутъ ему, что онъ уже лишній всѣмъ имъ, что ему пора умирать... А онъ тогда будетъ еще старѣе, еще безсильнѣе, еще безвольнѣе... Что онъ тогда сдѣлаетъ? Можетъ быть, онъ ихъ будетъ просить тогда, чтобы они пожалѣли его и не вытѣсняли изъ жизни...» Онъ повернулъ голову и посмотрѣлъ на сидящаго рядомъ сына. Отъ всей его фигуры вѣяло силой, крѣпостью и здоровьемъ. И вдругъ онъ показался себѣ въ сравненіи съ нимъ необыкновенно маленькимъ, жалкимъ и безпомощнымъ. Онъ вспомнилъ невѣстку и Агамбекова. Какіе они тоже здоровые, крѣпкіе, сильные... Конечно, они не любятъ его, они желаютъ его смерти...

Ему вдругъ стало страшно отъ сознанія своего одиночества. Ему почудилось, что всѣ они точно толкаютъ его въ какую-то пропасть...

Ему захотѣлось вдругъ бѣжать отъ нихъ всѣхъ. Бѣжать, гдѣ нѣтъ совсѣмъ людей, гдѣ пустыня, гдѣ только звѣзды блестятъ, да свѣжій вѣтеръ вѣетъ въ лицо...

Онъ снова посмотрѣлъ на сына. Тотъ по-прежнему сидѣлъ на скамейкѣ, блестя огонькомъ сигары...

И тяжелое, непріязненное чувство начало подниматься противъ сына въ душѣ Пахомова.

Когда въ этотъ вечеръ онъ остался въ своей комнатѣ одинъ, онъ долго сидѣлъ на постели, думая о своемъ положеніи. И чѣмъ больше онъ думалъ о немъ, тѣмъ все больше и больше приходилъ къ выводу, что сынъ, невѣстка и Агамбековъ желаютъ ему смерти. Онъ старъ, раздражителенъ, временами несправедливъ, а главное, въ его рукахъ еще дорогое имѣніе.

Когда онъ умретъ, все это перейдетъ къ сыну и невѣсткѣ. А онъ знаетъ, что они любятъ широко жить. И теперь особенно нуждаются въ деньгахъ...

Кромѣ того, онъ сознаетъ, что онъ скуповатъ и не всегда удовлетворяетъ ихъ требованія...

Онъ думалъ такъ, и постепенно все жутче и жутче становилось у него на сердцѣ...

Потомъ такое волненіе охватило его, что онъ вскочилъ съ кровати и сталъ ходить взадъ и впередъ по комнатѣ...

— Одинъ, одинъ,—думалъ онъ,—никому ненужный, всѣмъ лишній...

Онъ остановился вдругъ посреди комнаты и прислушался. Тихое и нѣжное чириканіе какой-то ночной птички донеслось до него изъ сада...

— «Птичка поетъ, — прошепталъ онъ, и лицо его вдругъ прояснилось—маленькая птичка какая-то поетъ»,—снова прошепталъ онъ. Тихими шагами подошелъ къ окну и растворилъ его... На дворѣ была уже глубокая ночь. Неподвижно блестѣли яркія звѣзды. Неподвижной темной массой стоялъ садъ, бѣлѣли въ клумбахъ цвѣты. Легкій вѣтеръ тихо шуршалъ листьями стоявшей у окна липы. Пахло акаціей, левкоемъ, свѣжей молодой травой...

Кругомъ было неподвижно и сонно.

Онъ слушалъ, какъ чирикала въ кустахъ ночная птичка, смотрѣлъ на небо, на неподвижный садъ, на бѣлѣющіе въ клумбахъ цвѣты—и ему стало легко, легко...

Онъ вспомнилъ вдругъ, какъ давно, когда-то, когда былъ еще молодъ, въ одну изъ такихъ темныхъ лѣтнихъ ночей тоже такъ вотъ стоялъ онъ у окна, слушалъ чириканіе птички и смотрѣлъ на этотъ же самый дремлющій садъ, на эти цвѣтники, на темнѣющія въ глубинѣ двора постройки. Тогда, кажется, онъ любилъ кого-то, потому что все кругомъ казалось такимъ пре-

краснымъ и радостнымъ. Да, да, онъ любилъ тогда. Онъ закрылъ глаза, и въ его воображеніи предсталъ неясный уже образъ когда-то горячо любимой женщины.

Да, да, онъ думалъ тогда о ней, думалъ о своей будущей жизни, о счастіи, о радости...

Онъ открылъ глаза. Все кругомъ по-прежнему. Лѣтняя звѣздная ночь. Дремлющій садъ, цвѣты. Постройки. Свѣжій ароматный воздухъ. По-прежнему, по-прежнему. Можетъ-быть, и онъ тотъ же. Можетъ-быть, ему только приснилось, что онъ постарѣлъ, что у него серьезная болѣзнь сердца, что у него большой, женатый сынъ, что онъ мучается, страдаетъ недовѣріемъ и сомнѣніемъ... Можетъ-быть!..

Онъ посмотрѣлъ на небо...

Яркія звѣзды задумчиво смотрѣли на него. Тогда онъ прошепталъ: «Господи, Господи, сдѣлай такъ, чтобы все это было сномъ. Сдѣлай, чтобы наступило утро, взошло солнце, проснулись люди, а я былъ прежній, молодой и здоровый.

Сдѣлай, чтобы сынъ мой былъ маленькимъ ребенкомъ, чтобы любилъ онъ меня и чтобы я вѣрилъ ему и вѣрилъ всѣмъ людямъ. Сдѣлай, Господи, сдѣлай».

Онъ напряженными глазами смотрѣлъ на небо. Блестѣли звѣзды. Тихій вѣтеръ вѣялъ въ лицо ароматомъ цвѣтовъ и травы, чуть слышно шуршали листья липы.

Онъ долго стоялъ у открытаго окна, смотря на небо и вдыхая ароматную свѣжесть ночи.

И сердце его билось радостно, тревожно, надежда на что-то хорошее заползала къ нему въ душу... Хотѣлось вѣрить въ возможность чуда, въ возможность возвращенія молодости, возвращенія здоровья.

Потомъ, когда слегка посвѣтлѣлъ воздухъ и вѣтеръ сдѣлался свѣжимъ и прохладнымъ, онъ затворилъ окно и сталъ ложиться спать.

И ему казалось, что онъ крѣпко заснетъ и свѣтлые сны приснятся ему. Приснится любимая женщина, ея нѣжная, ласковая, милая, такъ хорошо знакомая ему улыбка. Приснится яркое солнце, зелень, цвѣты... А потомъ проснется онъ и почувствуетъ себя молодымъ, бодрымъ, веселымъ...

Посмотритъ въ зеркало и увидитъ молодое радостное лицо...

И не будетъ у него никакихъ сомнѣній и подозрѣній, и будетъ онъ по-прежнему всѣхъ любить довѣрчивой любовью, по-прежнему беззаботно будетъ шутить и смѣяться. Не будетъ у него женатаго сына, невѣстки, Агамбекова»...

IV.

Пахомовъ проснулся поздно. На дворѣ ярко свѣтило солнце, пѣли птицы, слышались гдѣ-то голоса. Онъ всталъ съ постели и, подойдя къ окну, отворилъ его. Посреди двора стоялъ его сынъ въ голубой подпоясанной темнымъ шнуромъ рубахѣ и въ высокихъ сапогахъ. Онъ о чемъ-то громко говорилъ съ Агамбековымъ, временами показывая рукой на садъ.

«Нѣтъ, не случилось чуда—подумалъ Пахомовъ—и не сонъ моя настоящая жизнь».

Глухое раздраженіе зашевелилось въ его душѣ. Нельзя, значитъ, ничего измѣнить. Старъ онъ, боленъ, одинокъ...

Онъ отошелъ отъ окна и началъ одѣваться. Одѣвшись, вышелъ во дворъ и подошелъ къ разговаривающимъ сыну и Агамбекову. Они на мгновеніе перестали говорить и, повернувъ головы, посмотрѣли на него. И точно тѣнь неудовольствія промелькнула на ихъ лицахъ...

— О чемъ это вы здѣсь такъ оживленно бесѣдуете,— спросилъ, смотря то на сына, то на Агамбекова, Пахомовъ.

— Да, такъ, обо всемъ понемногу,—какъ-то уклончиво отвѣчалъ сынъ.

Пахомову показалось, что они быстро переглянулись другъ съ другомъ. Онъ поблѣднѣлъ, и сердце его забилось замирающими ударами.

— Ну, а все-таки, о чемъ именно? Мнѣ хотѣлось бы знать?—проговорилъ онъ.

Сынъ посмотрѣлъ ему прямо въ лицо, и Пахомову почудилось въ его глазахъ раздраженіе.

— Отчего ты такой желтый сегодня?—спросилъ онъ...

— Я плохо спалъ—отвѣчалъ Пахомовъ, чувствуя, что руки его начинаютъ дрожать. Онъ посмотрѣлъ на Агамбекова. Тотъ тоже смотрѣлъ на его лицо. «Они вѣрно рады, что я плохо выгляжу сегодня,—подумалъ онъ—думаютъ, что ближе къ могилѣ». Онъ скользнулъ быстрымъ взглядомъ по ихъ фигурамъ. «Ишь оба какіе крѣпкіе и здоровые». И раздраженіе еще больше охватило его.

Онъ почувствовалъ, что судорога начинаетъ подергивать его лицо. «Ну, ничего, мы еще поборемся, господа—подумалъ онъ—поборемся»...

— Такъ что жь, Алексѣй, ты такъ и не хочешь сказать, о чемъ вы бесѣдовали съ Агамбековымъ?—снова спросилъ онъ.

— Ты сегодня какой-то странный, отецъ—проговорилъ тотъ, слегка измѣнившись въ лицѣ.

Потомъ сказалъ:—Мы говорили о томъ, что слѣдовало бы привить новые сорта деревьевъ.

Пахомовъ недовѣрчивыми глазами посмотрѣлъ на Агамбекова.

«Неправду говоритъ — подумалъ Пахомовъ — а, если и правду, то рано еще у меня хозяйничать начинаютъ»...

— Нѣтъ—проговорилъ онъ—совершенно лишнее прививать деревья.

Сынъ опять недоумѣвающими глазами посмотрѣлъ на него. Хотѣлъ что-то отвѣтить, но промолчалъ.

Нѣсколько секундъ всѣ молчали. Вдругъ съ шумомъ распахнулась ставня. Пахомовъ обернулся. Въ окнѣ своей комнаты въ бѣломъ легкомъ капотѣ стояла Нина Владиміровна и съ веселой улыбкой смотрѣла на мужа. Лицо Алексѣя какъ-то сразу посвѣтлѣло.

— Здравствуй, Нина—закричалъ онъ—иди къ намъ...

Пахомову вдругъ стало непріятно встрѣчаться съ молодой женщиной. Посмотрѣвъ на Агамбекова, онъ проговорилъ:

— Пойдемте на огородъ, я хочу сдѣлать кое-какія распоряженія.

Они пошли. Пахомовъ шелъ впереди. Агамбековъ за нимъ. Пройдя немного, Пахомовъ пріостановился и, взявшись рукой за грудь, проговорилъ:

— Сердцу больно... Дайте передохну...

Агамбековъ слегка растерянными глазами смотрѣлъ на него. Потомъ сказалъ:

— Можетъ быть, вамъ принести воды? Можетъ быть, позвать Алексѣя Никодимовичв?

— Нѣтъ, не надо ничего—проговорилъ тихимъ голосомъ Пахомовъ—держась за грудь—это пройдетъ...

Опираясь на руку Агамбекова, онъ подошелъ къ скамейкѣ и сѣлъ на нее. Оглядѣлся вокругъ себя и ему показалось, что все кругомъ точно покрыто какой-то дымчатой пеленой. Точно небо, деревья, трава потеряли свои яркія краски и сдѣлались сѣрыми и безцвѣтными: «Вотъ такъ и смерть незамѣтно подкрадется», подумалъ онъ. И вдругъ вспомнилъ оставшихся въ домѣ сына и невѣстку. Они теперь счастливы. Можетъ быть, цѣлуются, влюбленными глазами смотрятъ другъ на друга... А что сдѣлалось бы съ ними, если бы онъ умеръ сейчасъ? Навѣрное ихъ лица стали бы еще болѣе счастливыми.

Еще бы! тогда они стали бы полными хозяевами имѣнія. Поскорѣе похоронили бы, отслужили бы потомъ панихиду и начали бы развеселую, широкую жизнь»...

Онъ посмотрѣлъ на Агамбекова и тихо проговорилъ:

— Вотъ такъ, какъ сейчасъ, когда-нибудь и умру. Сдѣлается сердечный припадокъ и конецъ...

— Ну, что вы, Никодимъ Петровичъ—проговорилъ Агамбековъ—вы еще долго проживете.

«Онъ постоянно говоритъ мнѣ одно и то же»—подумалъ Пахомовъ: «точно заучилъ уже одни и тѣ же слова утѣшенія. Нѣтъ, если бы онъ дѣйствительно хотѣлъ, чтобы я жилъ подольше, онъ не то говорилъ бы и не такими спокойными глазами смотрѣлъ бы на меня». И опять чувство жуткаго одиночества и безпомощности охватило его. Одинъ онъ. Старъ онъ. Близка смерть. Когда ему сдѣлалось немного лучше, онъ всталъ со скамейки и, посмотрѣвъ на Агамбекова, сказалъ:

— А можетъ быть, вы и правы: можетъ быть, я еще долго проживу. Вѣдь наслѣдственность у меня очень хорошая.

Онъ говорилъ, а самъ напряженными глазами смотрѣлъ въ лицо Агамбекову. И ему казалось, что при послѣднихъ его словахъ на лицѣ Агамбекова мелькнула точно тѣнь досады.

Тогда онъ подумалъ: «да ты, голубчикъ, не очень-то вгоняй меня въ могилу; вѣдь я тебя до смерти могу еще прогнать отсюда». Но вспомнилъ сына. Вѣдь, онъ очень любитъ Агамбекова и какъ только онъ умретъ, онъ снова возьметъ его въ имѣніе. Вотъ позлорадствуетъ тогда Агамбековъ! А я буду лежать въ могилѣ, безсильный, неподвижный...

Холодная дрожь прошла по его тѣлу, и ему почудился точно затхлый сырой воздухъ могилы. Да, смерть близка и неизбѣжна. И что бы онъ ни дѣлалъ—онъ все равно умретъ на радость своимъ врагамъ. Онъ вспомнилъ прошедшую ночь, вспомнилъ, какъ чирикала птичка въ кустахъ, какъ блестѣли звѣзды въ черномъ небѣ, какъ ароматенъ, свѣжъ и тихъ былъ воздухъ. Какая дивная ночь и какія бодрыя и радостныя мысли навѣяла она на него!

Любовь вспомнилась, нѣжная, милая женщина, молодость, мечты. Даже въ чудо повѣрилъ онъ. Повѣрилъ въ возможность возвращенія молодости, счастья, любви...

Что-жъ, онъ умретъ, а такія ночи по-прежнему будутъ. Только онъ не почувствуетъ ихъ. Его сынъ, невѣстка, Агамбековъ и милліоны людей будутъ чувствовать, а онъ нѣтъ. Что-то тяжелое подступило къ его горлу. Почему же такая страшная

непроходимая пропасть будетъ между нимъ и ими, оставшимися на землѣ? Почему? Ему смерть, а имъ жизнь? Почему? Онъ посмотрѣлъ на Агамбекова, и глухая злоба на него начала подниматься въ его сердцѣ. «Ишь какой здоровый, цвѣтущій! Онъ долженъ былъ бы благословлять небо за тѣ дары, которые оно дало ему, долженъ былъ бы любить всѣхъ, желать всѣмъ счастья, радости, а онъ еще желаетъ зла, смерти... И сынъ тоже»...

Да что же это такое? Они, сильные, крѣпкіе, счастливые люди, желаютъ смерти ему, слабому и безсильному. Какія страшныя человѣческія мысли и чувства! Какія страшныя, страшныя, страшныя! Но онъ поборется еще съ ними. Онъ сумѣетъ еще постоять за себя. Вѣдь онъ еще не въ могилѣ, онъ еще на землѣ. Онъ только постарается окончательно убѣдиться въ своихъ подозрѣніяхъ и, если убѣдится, то раздѣлается со всѣми ими. Онъ усмѣхнулся: «Посмотримъ, кто будетъ торжествовать тогда, посмотримъ»,—подумалъ онъ.

V.

Съ каждымъ днемъ Пахомовъ все яснѣе и яснѣе убѣждался въ своихъ подозрѣніяхъ. Иногда, глядя на сына и на невѣстку, онъ старался представить себя на ихъ мѣстѣ. И тогда жуткое, холодящее чувство охватывало его. Ему казалось, что, на ихъ мѣстѣ, въ душѣ своей, онъ тоже желалъ бы себѣ смерти. Онъ старъ, придирчивъ, скупъ, душевно далекъ имъ. Отчего же имъ не желать ему смерти, разъ они знаютъ, что послѣ его смерти они становятся обладателями дорогого и хорошаго имѣнія. Вѣдь у нихъ много долговъ, имъ надоѣдаютъ кредиторы, а они такъ хотятъ жить, наслаждаться жизнью. Конечно, если бы они любили его, то можетъ быть тогда имъ было бы жаль его, но вѣдь ни сынъ, ни она не любятъ его. Онъ имъ чужой.

Если бы еще онъ былъ молодъ, здоровъ, щедръ, то можетъ быть тогда ихъ мысли по отношенію къ нему и не были бы такъ жестоки...

А то вѣдь все равно,—думаютъ они,—надо же старику умирать когда-нибудь. Днемъ позже, днемъ раньше, не все ли равно?

Онъ думалъ такъ, и съ каждымъ днемъ все сильнѣе и сильнѣе въ душѣ его поднималась злоба на сына, невѣстку, Агамбекова и на всѣхъ людей. Злоба на человѣческія мысли и чув-

ства, на человѣческую жадность, зависть, эгоизмъ... И отъ постоянныхъ волненій и тяжелыхъ мыслей болѣзнь его ухудшалась, и съ каждымъ днемъ онъ чувствовалъ себя все слабѣе и слабѣе.

Иногда, глядя на сына, на невѣстку, на Агамбекова, онъ думалъ: «они собственно должны преклоняться предо мной, а не выталкивать меня изъ жизни. Вѣдь у нихъи все есть. Есть молодость, здоровье, впереди предстоитъ еще долгая жизнь. А у меня вѣдь ничего этого уже нѣтъ. Я собственно долженъ желать имъ зла и смерти, а не они мнѣ: за нихъ сила, здоровье, молодость, а за меня что?

Сильный вѣтеръ подуетъ, и я чуть не падаю съ ногъ...

Почему же они не жалѣютъ меня? Почему? И временами это казалось ему необыкновенно чудовищнымъ и непонятнымъ, но вдругъ онъ вспоминалъ себя молодымъ и ему начинало казаться, что онъ тоже тогда мало задумывался надъ тяжелыми и грустными явленіями жизни. Казалось, что онъ тоже былъ тогда эгоистомъ такимъ же, какъ и его сынъ и Агамбековъ...

Развѣ задумывался онъ тогда надъ старостью, болѣзнями и смертью?

Развѣ не болѣли, не страдали, не умирали люди вокругъ него?

Онъ вспомнилъ болѣзнь и смерть своего отца и своей матери. Развѣ онъ велъ себя по отношенію къ нимъ не такъ, какъ ведетъ себя теперь по отношенію къ нему его сынъ? Конечно, во время ихъ долгаго умиранія, онъ наслаждался жизнью, любилъ женщинъ, думалъ о счастіи и радостяхъ... Но они были бѣдны и не было у нихъ ни земли, ни домовъ, ни дорогой мебели... Жуткое чувство зашевелилось у него въ груди:

«А что, если бы они были богаты,—подумалъ онъ,—не было ли бы тогда въ душѣ моей тайнаго желанія ихъ смерти?..»

Страшно вдругъ стало дальше думать, и онъ прервалъ свои мысли... Нѣсколько мгновеній стоялъ неподвижно на мѣстѣ, потомъ быстро, насколько могъ, пошелъ по дорожкѣ въ садъ. Вошелъ въ садъ и, глядя по сторонамъ на деревья, на цвѣты, на траву, шепталъ: «почему они ничего не чувствуютъ, ничего не думаютъ, ничего не понимаютъ?» И такими счастливыми, такими чистыми и свѣтлыми казались ему деревья, цвѣты, трава, что хотѣлось прижаться къ нимъ и никуда не уходить отъ нихъ. Никуда. Стало страшно себя, сына, Агамбекова, невѣстки и всѣхъ людей. И чѣмъ больше онъ смотрѣлъ вокругъ себя, тѣмъ сильнѣе и сильнѣе охватывала его жажда прижаться къ вблизи стоявшему высокому, корявому дереву, укрыться въ высокой

зеленой травѣ, прикоснуться къ маленькимъ желтымъ и голубымъ цвѣточкамъ...

И вдругъ до него донеслись громкіе и веселые голоса. Онъ вздрогнулъ и торопливо оглянулся назадъ.

По дорожкѣ, тѣсно прижавшись другъ къ другу, шли его сынъ и молодая женщина.

— Зачѣмъ они идутъ сюда?—подумалъ Пахомовъ,—что имъ здѣсь нужно. Онъ посмотрѣлъ на деревья, на цвѣты, на траву. Все это по-прежнему манило его къ себѣ, такъ ласково смотрѣло на него...

«Зачѣмъ они идутъ сюда?—снова подумалъ онъ,—мнѣ было такъ хорошо здѣсь одному, на нѣсколько минутъ отъ меня отошло все мрачное, гадкое, порочное...»

Онъ смотрѣлъ на сына, на невѣстку и чувствовалъ, какъ въ его сердцѣ поднимается противъ нихъ тяжелое, непріязненное чувство. «Между нами лежитъ пропасть,—подумалъ онъ,—пропасть между здоровьемъ и болѣзнью, пропасть между молодостью и старостью, пропасть между жизнью и смертью»...

Когда они подошли къ нему, онъ нахмуреннымъ тяжелымъ взглядомъ смотрѣлъ на нихъ.

— Что вы здѣсь подѣлываете въ глуши «запущеннаго сада»,—спросила звонкимъ голосомъ молодая женщина, съ улыбкой глядя на него. Какъ-то странно, точно изъ другого міра, онъ посмотрѣлъ на ея красивую открытую шею, на ея просвѣчивающія сквозь тонкую ткань блѣдно-розовыя полныя руки и проговорилъ глухимъ голосомъ:

— Ничего.

— Отецъ хозяйство свое осматриваетъ, — проговорилъ сынъ,—хочетъ, чтобы оно было въ образцовомъ порядкѣ...

Пахомовъ перевелъ свой взглядъ на сына. Нѣсколько мгновеній неподвижнымъ тяжелымъ взглядомъ смотрѣлъ на него.

Потомъ сказалъ:

— Да, я хочу, чтобы все было въ образцовомъ порядкѣ. Чтобы деревья были окопаны, чтобы не глохли цвѣты и трава. Я люблю зелень, цвѣты, траву...

Молодая женщина разсмѣялась.

— О, да вы говорите точно поэтъ,—проговорила она.

Пахомовъ нахмурился еще больше.

— Я люблю деревья, люблю небо, солнце, звѣзды. Все это я люблю. Но не люблю лишь людей. Даже себя не люблю временами...

Молодая женщина перестала улыбаться, и лицо ея сдѣла-

лось серьезнымъ. Алексѣй тоже какими-то недоумѣвающими глазами посмотрѣлъ на отца.

Нѣсколько мгновеній всѣ молчали.

Вдругъ молодая женщина спросила:

— А какъ вы себя чувствуете сегодня, Никодимъ Петровичъ?

Пахомовъ усмѣхнулся.

— Ужъ не думаете ли вы, что я оттого ударился въ поэзію, что у меня начинается старческое слабоуміе?—спросилъ онъ.

Молодая женщина смутилась. Слегка измѣнился въ лицѣ и Алексѣй.

— Нѣтъ,—проговорила она,—я ничего подобнаго не думаю. Меня просто интересуетъ ваше здоровье...

Пахомовъ снова усмѣхнулся.

— Если васъ дѣйствительно интересуетъ мое здоровье, то могу васъ успокоить: я чувствую себя гораздо лучше прежняго...

Онъ быстрымъ напряженнымъ взглядомъ скользнулъ по ея лицу. Потомъ посмотрѣлъ на сына. Они переглянулись, и точно недоумѣніе выразилось на ихъ лицахъ.

— Да,—проговорилъ онъ снова,—я чувствую себя гораздо лучше и, Богъ дастъ, скоро совсѣмъ поправлюсь.

— Конечно, поправитесь,—сказала молодая женщина,—еще внучатъ выхаживать будете...

И она опять засмѣялась какимъ-то неестественнымъ смѣхомъ.

Пахомовъ измѣнился въ лицѣ. «У нихъ, вѣрно, скоро будетъ ребенокъ», подумалъ онъ и вдругъ почувствовалъ, какъ точно тяжесть какая-то повисла надъ нимъ. «Еще одинъ, значитъ наслѣдникъ». Онъ оглядѣлся кругомъ. По-прежнему стоятъ неподвижныя высокія деревья, свѣтло зеленѣетъ трава, бѣлѣютъ, желтѣютъ цвѣты. Какъ ихъ много кругомъ, какъ близко стоятъ они около и въ то же время не только не тѣснятъ его, не мѣшаютъ ему, а, наоборотъ, радуютъ его, даютъ ему покой. Почему же стоящіе противъ него люди тѣснятъ его и мѣшаютъ ему жить? Вотъ скоро явятся еще другіе—сначала маленькіе, чистые и невинные—а потомъ грѣховные, жадные и алчные и тоже станутъ тѣснить его, тѣснить къ могилѣ. И онъ долженъ уступить имъ свое мѣсто, уступить и этотъ садъ, и свой домъ, и свои поля, и лѣса. Долженъ потому, что онъ старъ, слабъ и безсиленъ, а они молоды и сильны...

И уже злыми глазами посмотрѣвъ на сына и на невѣстку, онъ сказалъ:

— Благодарю васъ за пожеланіе, но едва-ли оно испол-

нится, потому что осенью я уѣду за границу и вернусь вѣрно не скоро...

Сынъ пытливымъ взглядомъ посмотрѣлъ на него.

— Что съ тобою сегодня, отецъ? Отчего ты такой раздражительный?

Пахомовъ пожалъ плечами.

— Я всегда теперь такой,—сказалъ онъ,—старъ сталъ, ну и раздражителенъ.

Онъ посмотрѣлъ на сына.

— Чего же мнѣ радоваться? Вотъ тебѣ есть, чего радоваться. Ты молодъ, а я что?

— Ты точно завидуешь мнѣ,—проговорилъ съ усмѣшкой сынъ.

Пахомовъ ничего не отвѣтилъ ему. Отвернулся и сталъ смотрѣть на деревья, на цвѣты, на траву. Нѣсколько секундъ Пахомову чудилось, будто сынъ его и невѣстка тихо шепчутся другъ съ другомъ.

«Не нравятся имъ, видно, мои слова—подумалъ онъ—ишь, заволновались чего-то».

Когда онъ шелъ изъ сада, ему казалось, что они непріязненными глазами смотрѣли ему вслѣдъ. Сворачивая на другую аллею, онъ быстро оглянулся назадъ. Они смотрѣли на него.

Тогда вдругъ такая злоба охватила его, что онъ задохнулся... «А—подумалъ онъ—имъ не нравится, что я раздражительный и злой, не нравится, что не миндальничаю съ ними. Имъ хочется, чтобы я, болѣя и умирая, кротко уступилъ имъ свое мѣсто. Чтобы говорилъ: пожалуйте, вотъ въ ваше распоряженіе я отдаю имѣніе, деньги, свои комнаты, мебель, картины. Пожалуйте, все это я приготовилъ для васъ... Нѣтъ, милые мои, шалите; у всякаго своя точка зрѣнія. У васъ одна, а у меня другая. Вамъ хочется, чтобы я поскорѣе умиралъ, а мнѣ хочется еще жить. Вамъ я не нуженъ, а себѣ я еще нуженъ».

Онъ думалъ такъ и чувствовалъ, что въ его сердцѣ совершенно нѣтъ уже любви къ сыну. Сынъ теперь былъ чужой съ враждебными ему мыслями и чувствами.

Выходя изъ сада, онъ встрѣтилъ Агамбекова.

Насупившимися и суровыми глазами онъ посмотрѣлъ на него.

— Алексѣй Никодимовичъ въ саду? — спросилъ Агамбековъ.

— А вамъ онъ зачѣмъ?—спросилъ Пахомовъ, останавливаясь и смотря ему прямо въ лицо.

Агамбековъ вдругъ смутился.

— Да я объ одномъ дѣлѣ тутъ хотѣлъ спросить у него...

— О какомъ такомъ дѣлѣ?—спросилъ Пахомовъ, продолжая смотрѣть прямо ему въ лицо.

Агамбековъ нѣсколько мгновеній молчалъ, потомъ, стараясь не встрѣчаться съ нимъ глазами, проговорилъ:

— Да здѣсь хорошіе сорта деревьевъ для прививки предлагаютъ, такъ я хотѣлъ съ Алексѣемъ Никодимовичемъ поговорить.

— Развѣ здѣсь хозяинъ Алексѣй Никодимовичъ, а не я?—спросилъ, поблѣднѣвъ, Пахомовъ.

— Я не хотѣлъ васъ изъ-за этого пока безпокоить,—проговорилъ Агамбековъ,—я думалъ послѣ доложить вамъ...

— Не правда,—сказалъ Пахомовъ,—я вижу вашу игру...

Агамбековъ какими-то растерянными глазами посмотрѣлъ на него.

— Какую игру, Никодимъ Петровичъ?—спросилъ онъ.

— Я вижу вашу игру,—повторилъ Пахомовъ, — но это вамъ не удастся.

Агамбековъ продолжалъ смотрѣть на него. Потомъ спросилъ.

— Да о какой игрѣ вы говорите, Никодимъ Петровичъ?

— О той игрѣ, что вы, кажется, хозяиномъ считаете здѣсь не меня, а моего сына,—проговорилъ рѣзко Пахомовъ.

Агамбековъ измѣнился въ лицѣ, и въ глазахъ его выразилась не то растерянность, не то смущеніе.

— Богъ съ вами, Никодимъ Петровичъ—торопливо проговорилъ онъ—развѣ я могу считать хозяиномъ Алексѣя Никодимовича, когда хозяинъ здѣсь вы. Я только не хотѣлъ васъ пока изъ-за пустяковъ безпокоить. Думаю, что съ ними можно пока посовѣтоваться, вѣдь они сынъ вашъ, законный наслѣдникъ, такъ сказать...

«Вотъ оно—подумалъ Пахомовъ,—проговорился таки наконецъ».

Онъ посмотрѣлъ на Агамбекова и усмѣхнувшись сказалъ:

— Мало ли у меня наслѣдниковъ на свѣтѣ, а хозяинъ-то все-таки я одинъ.

Нѣсколько минутъ они молчали.

Гдѣ-то далеко, далеко прогудѣлъ свистокъ паровоза, вѣтеръ зашевелилъ листьями вблизи стоявшаго клена...

Пахомовъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ, потомъ пріостановился и, обернувшись къ Агамбекову, сказалъ:

— Такъ вотъ, Агамбековъ, вы такъ и знайте, что хозяинъ

пока здѣсь я, и никакимъ наслѣдникамъ здѣсь я распоряжаться не позволю...

Сердце его забилось тяжелыми замирающими ударами, и онъ почувствовалъ, что сейчасъ упадетъ... «Какъ я ослабѣлъ за послѣднее время,—подумалъ онъ,—и какъ смерть уже близка отъ меня». Тихими шагами, стараясь дышать быстрыми неполными вздохами, онъ пошелъ къ дому. Придя въ свою комнату, онъ сѣлъ въ кресло и, откинувшись на мягкую спинку, закрылъ глаза. Сначала было пусто и темно передъ глазами, но потомъ стали вырисовываться образы сына, невѣстки, Агамбекова, образы далекіе уже, чуждые, враждебные... «А если бы заглянуть къ нимъ въ душу, еще страшнѣе стало бы тогда, — подумалъ онъ, — тогда я прочелъ бы всѣ ихъ мысли, желанія, тайныя надежды...»

Потомъ онъ сталъ думать о томъ, что онъ совершенно одинокъ, что у него нѣтъ ни одного искренно любящаго и преданнаго ему человѣка. Кругомъ точно пустыня и онъ одинъ среди нея, старый, больной, измученный...

А такъ бы хотѣлось имѣть близкаго, любящаго человѣка, которому можно было бы безусловно вѣрить...

Онъ вздрогнулъ и прошепталъ: Вѣрить, вѣрить, а развѣ можно кому-нибудь безусловно вѣрить, когда никому ненуженъ какъ человѣкъ, когда старъ, умираешь и оставляешь послѣ себя... состояніе? Развѣ можно вѣрить? Развѣ есть такой человѣкъ, у котораго гдѣ-нибудь, въ глубинѣ души, не шевельнулось тайное желаніе получить это состояніе? А разъ шевельнулось это желаніе, то значитъ шевельнулось и желаніе ему смерти. А развѣ онъ можетъ не ненавидѣть такихъ людей? Людей, которые мысленно толкаютъ его въ могилу...» Онъ открылъ глаза и осмотрѣлся кругомъ. Бѣжать бы куда-нибудь отъ людей. Бѣжать, гдѣ только солнце, небо, деревья, трава. Бѣжать! А его больное сердце? Нѣтъ, никуда онъ не убѣжитъ. Осталась только могила, и туда онъ можетъ уйти отъ людей. А его мѣсто займутъ другіе: его сынъ, невѣстка, ихъ дѣти, дѣти ихъ дѣтей!..

Онъ вскочилъ съ кресла и сжалъ костлявые, желтые кулаки. Такъ нѣтъ же, если на то пошло, онъ не уступитъ имъ своего мѣста здѣсь. Они враги его, вольные или невольные, но враги. И онъ будетъ теперь смотрѣть на нихъ, какъ на враговъ...

Они думаютъ, что, уйдя отъ нихъ, онъ оставитъ имъ все, что привлекаетъ ихъ и вызываетъ въ ихъ душѣ жадность и желаніе ему смерти?

Такъ нѣтъ же: они ошибаются.

Онъ ничего имъ не оставитъ.

За зло онъ не можетъ платить добромъ. Пусть все это—и домъ, и садъ, и поле, и лѣсъ достанутся кому-нибудь другому, совершенно даже не знающему его. Пусть онъ хоть послѣ смерти полюбитъ его и помянетъ его добрымъ словомъ..

«Да, да,—прошепталъ онъ,—такъ необходимо сдѣлать. Они думаютъ, что со мною уже нечего считаться, что я уже стою одною ногою въ могилѣ... Такъ нѣтъ же, я еще сумѣю постоять за себя».

Ему почудились во дворѣ голоса. Онъ посмотрѣлъ въ окно. Изъ сада выходили Алексѣй, невѣстка, Агамбековъ. Ему показалось, что ихъ лица серьезны и сосредоточены. «Можетъ-быть, они догадываются о моихъ мысляхъ,—подумалъ онъ,—можетъ-быть, они думаютъ, какія принять мѣры противъ моего рѣшенія». Ему стало страшно. О, конечно, если они догадаются, то тогда жестоко расправятся съ нимъ. Вѣдь ихъ трое—здоровыхъ, сильныхъ, молодыхъ, а онъ такой старый, безсильный. Нѣтъ, нѣтъ, надо скрыть отъ нихъ свои мысли, такъ какъ они скрываютъ отъ него свои. Надо быть теперь съ ними ласковымъ, предупредительнымъ. Пусть думаютъ они, что я, хотя больной и раздражительный, но люблю ихъ всѣхъ.

Онъ подошелъ къ окну и сталъ съ улыбкой смотрѣть на нихъ.

VI.

Вечеромъ, за день передъ тѣмъ, какъ ѣхать въ городъ къ нотаріусу для составленія новаго духовнаго завѣщанія, Пахомовъ вышелъ пройтись въ садъ. Въ саду было темно, тихо, ароматно. Свѣтляки блестѣли въ травѣ, вѣтеръ чуть шуршалъ листьями надъ головой. Гдѣ-то далеко звонили въ церкви.

Пахомовъ шелъ и думалъ о томъ, что послѣдніе дни всѣ окружающіе его—и сынъ, и невѣстка, и Агамбековъ—какими-то странными глазами смотрятъ на него. Они точно подозрѣваютъ что-то... Онъ торопливо оглянулся назадъ. Нѣтъ, никого нѣту, онъ одинъ на аллеѣ. А, можетъ-быть, кто-нибудь стоитъ, спрятавшись въ кустахъ, и слѣдитъ за нимъ. Онъ посмотрѣлъ кругомъ. Нѣтъ, тихо кругомъ, только вѣтеръ чуть шуршитъ листьями деревьевъ. Онъ усмѣхнулся: «чего я собственно боюсь?—вѣдь, если бы даже и былъ кто-нибудь здѣсь, то онъ все равно вѣдь не узналъ бы моихъ мыслей... Не узналъ бы, зачѣмъ я ѣду завтра въ городъ, о чемъ думалъ я всѣ эти дни. Не узналъ бы.

Ну, а разъ не узналъ бы, то, значитъ, и бояться мнѣ нечего». Потомъ онъ сталъ думать о томъ, что какъ хорошо, что люди не могутъ читать мысли другъ друга. Какъ хорошо, что въ глубинѣ души можно таить всякія мысли и никто не узнаетъ объ этомъ. Ему снова почудился точно шорохъ какой-то... Онъ вздрогнулъ и насторожился. Но снова тихо кругомъ. Но онъ почему-то прислушивался, и странное, жуткое чувство не оставляло...

«Это, вѣрно, оттого мои нервы такъ напряжены, что завтра я совершаю рѣшительный шагъ»,—подумалъ онъ. И передъ его глазами вдругъ предстали лица сына, невѣстки, Агамбекова... Онъ идетъ противъ нихъ одинъ, старый, слабый. Стало жутко. Сумѣетъ ли онъ сдѣлать все, какъ хочетъ? На ихъ сторонѣ молодость, сила, жизнь, люди...

Онъ думалъ такъ, и передъ глазами все ярче и ярче вставали образы сына, невѣстки, Агамбекова. И чудилось, что они точно наступаютъ на него, тѣснятъ его. И становилось страшно ихъ, становилось жутко, отъ этихъ тайныхъ преступныхъ мыслей. Не лучше ли сдаться имъ? Примириться съ ними, съ ихъ желаніями, съ ихъ тайными мыслями? Вѣдь всѣ смиряются. Старѣютъ, уступаютъ свое мѣсто болѣе молодымъ, страдаютъ, болѣютъ, умираютъ... Вѣдь жизнь сильнѣе смерти, а сила сильнѣе слабости. Не лучше ли уже отдать все имъ и спокойно уйти отъ жизни?

Колебаніе охватило его душу.

Но это продолжалось не долго.

Онъ вспомнилъ задорный смѣхъ молодой женщины, ея красивую фигуру, ея просвѣчивающееся сквозь тонкую ткань тѣло.

Вспомнилъ холодные глаза сына, его небрежное отношеніе къ нему, вспомнилъ рослую крѣпкую фигуру Агамбекова...

И опять раздраженіе противъ нихъ охватило его душу... Они враги его. Враги, потому что у нихъ нѣтъ... любви къ нему, потому что ихъ трое, а онъ одинъ. Враги...

Онъ вздрогнулъ. Чьи-то шаги послышались по аллеѣ.

«Это, кажется, уже дѣйствительно кто-то идетъ»,—подумалъ онъ и, насторожившись, сталъ ждать.

Изъ темноты аллеи вышелъ высокій свѣтлый силуэтъ и сталъ приближаться къ нему.

«Это Алексѣй,—подумалъ онъ, вспомнивъ, что сынъ ходитъ въ бѣломъ парусиновомъ костюмѣ. Дѣйствительно, черезъ нѣсколько мгновеній къ нему подошелъ Алексѣй. Остановился и, смотря на него, спросилъ:

— Ты съ какимъ завтра поѣздомъ ѣдешь въ городъ, отецъ?

Сердце Пахомова быстро забилось.

— Я не знаю,—торопливо проговорилъ онъ.

— Я тоже хотѣлъ поѣхать вмѣстѣ съ тобою,—сказалъ Алексѣй.

«Что это—шпіонство?»—подумалъ Пахомовъ и почувствовалъ, что блѣднѣетъ.

— А тебѣ зачѣмъ ѣхать со мною въ городъ?—спросилъ онъ, стараясь говорить какъ можно спокойнѣе.

— Мнѣ нужно сдѣлать кое-какія покупки...

Пахомовъ недовѣрчивыми глазами посмотрѣлъ на него, потомъ сказалъ:

— Можетъ-быть, завтра я еще и не поѣду.

— Ну, все равно, я подожду,—сказалъ сынъ.

— «Да что это за выслѣживаніе такое»,—подумалъ Пахомовъ и раздраженіе вдругъ охватило его.

— Я поѣду въ городъ одинъ,—рѣзко проговорилъ онъ,—мнѣ нянекъ не нужно.

Сынъ съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на него.

— Да что съ тобою, отецъ,—проговорилъ Алексѣй,—ты послѣднее время сталъ прямо неузнаваемъ...

— Я не хочу опеки,—опять рѣзко проговорилъ Пахомовъ,—надоѣло мнѣ это. Я человѣкъ самостоятельный и желаю жить, какъ хочу.

— Да вѣдь никто же тебя и не заставляетъ жить, какъ ты не хочешь,—сказалъ сынъ,—откуда ты это взялъ?

— Я все ясно вижу,—проговорилъ Пахомовъ,—напрасно вы думаете, что я такой наивный. Надоѣло мнѣ все это... Надоѣло. Голосъ его постепенно сталъ переходить въ крикъ, но вдругъ онъ почувствовалъ, какъ что-то тяжелое сжало его горло. Онъ задохнулся и схватился рукою за грудь. «Неужели конецъ?»—промелькнуло у него въ головѣ.

Черезъ нѣсколько мгновеній онъ потерялъ сознаніе...

VII.

Пахомовъ пришелъ въ себя ночью. Первое, что онъ услыхалъ,—это былъ тихій разговоръ. Онъ узналъ голосъ сына и невѣстки. «Значитъ, я еще не умеръ»,—подумалъ онъ. Онъ хотѣлъ открыть глаза и позвать кого-нибудь изъ нихъ, но потомъ вдругъ передумалъ и сталъ напряженно прислушиваться къ ихъ разговору.

— Теперь онъ, вѣрно, уже наконецъ умретъ,—проговорила молодая женщина,—такой припадокъ ему трудно будетъ пережить.

— Нѣтъ, докторъ сказалъ, что можетъ еще поправиться,— сказалъ сынъ.

— Какой онъ однако живучій,—сказала жена,—столько лѣтъ скрипитъ, скрипитъ.

— Да, наслѣдственность у насъ у всѣхъ хорошая,—проговорилъ сынъ.

Молодая женщина нѣсколько мгновеній молчала, потомъ тихо сказала:

— Да вѣдь ему пора уже давно умереть. Онъ давно уже совершенно лишній человѣкъ. Старый, больной, раздражительный.

Они на нѣсколько мгновеній замолчали, потомъ стали говорить о томъ, что онъ благодаря своей скупости очень запустилъ имѣніе и что послѣ его смерти придется истратить не мало денегъ на приведеніе его въ порядокъ.

Потомъ они заговорили о своихъ долгахъ и необходимости ихъ погасить. Пахомовъ слушалъ ихъ тихій разговоръ и чувствовалъ, какъ постепенно холодѣетъ его сердце... «Да,—думалъ онъ,—теперь уже нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что они желаютъ моей смерти. Они даже не говорятъ обо мнѣ какъ о живомъ близкомъ человѣкѣ, они говорятъ обо мнѣ, какъ уже о лишнемъ, ненужномъ, ушедшемъ».

И вдругъ ему стало страшно. Такъ страшно, что захотѣлось закричать о помощи. Почудилось, что точно не сынъ и невѣстка сидятъ у его постели, а разбойники, готовые каждую минуту броситься на него и убить. Съ необыкновенной остротой почувствовалъ онъ свою полную безпомощность и одиночество. На нѣсколько мгновеній у него даже явилась мысль умереть. Поскорѣе умереть.

Но въ слѣдующую минуту ему уже снова стало страшно...

На него точно повѣяло сыростью и темнотою могилы. Онъ испуганно застоналъ и приподнялся на постели...

Сынъ подошелъ къ нему и, внимательными глазами посмотрѣвъ въ его лицо, спросилъ:

— Тебѣ нехорошо, отецъ?

Пахомовъ напряженными глазами посмотрѣлъ на него.

— Мнѣ почудилось что-то страшное. Теперь ничего, лучше.

Къ постели подошла невѣстка, свѣжая, красивая, пахнущая духами.

— Ну какъ вы себя чувствуете, Никодимъ Петровичъ?

Потомъ добавила:

— А мы съ Алешей такъ испугались вашего припадка.

— Ничего, мнѣ теперь немного лучше,—проговорилъ Пахомовъ.

Немного погодя въ дверь кто-то тихо постучалъ.

— Войдите,—крикнулъ Алексѣй.

Въ комнату тихо, стараясь не стучать, вошелъ Агамбековъ. Не глядя на Пахомова, онъ подошелъ къ Алексѣю и сталъ что-то шептать ему.

Тотъ вдругъ быстро оборвалъ его и показалъ ему глазами на Пахомова.

Тогда Агамбековъ подошелъ къ постели и, остановившись, сталъ смотрѣть на Пахомова какими-то осторожно всматривающимися глазами.

— Ну какъ ваше сердце, Никодимъ Петровичъ?

— Ничего, лучше...

Агамбековъ продолжалъ смотрѣть на него всматривающимися глазами. Потомъ осторожно, стараясь не стучать, отошелъ отъ него и вышелъ изъ комнаты.

VIII.

Прошло нѣсколько дней съ тѣхъ поръ, какъ съ Пахомовымъ случился сердечный припадокъ. Онъ лежалъ блѣдный съ усталымъ, точно помутившимся взглядомъ. Черезъ день къ нему пріѣзжалъ докторъ. По его лицу и по взгляду, которымъ смотрѣлъ онъ на него, Пахомовъ чувствовалъ, что положеніе его серьезно.

Днемъ, когда на дворѣ свѣтило солнце, голубѣло небо, пѣли птицы,—ему было еще ничего, но ночью, когда темно становилось за окномъ, когда стихало все кругомъ—необыкновенно жуткое ощущеніе охватывало его. Смерть казалась близкой и неизбѣжной. Иногда ему чудились странные стуки и шорохи. Чудилось, будто кто-то крадется къ нему. Тогда въ его воображеніи вдругъ появлялся образъ сына или Агамбекова. Можетъ-быть, кто-нибудь изъ нихъ крадется къ нему—узнать, не умеръ ли онъ уже. И если умеръ, то лицо пришедшаго озарится радостью и жадностью...

Онъ тяжело шевелился въ постели и шепталъ: «о, если бы только теперь выздоровѣть, о, если бы только теперь выздоровѣть».

И онъ представлялъ, какъ поѣдетъ тогда въ городъ къ нотаріусу и какъ передѣлаетъ духовное завѣщаніе... И ничего тогда не достанется ни сыну, ни невѣсткѣ, ни Агамбекову...

И при этихъ мысляхъ злорадно-радостное чувство охватывало его. Но проходили дни, а ему не становилось лучше. «Неужели же мнѣ не суждено уже больше встать съ кровати»,— съ тоской думалъ онъ и мучительно-тревожное чувство охватывало его...

Однажды ночью ему не спалось. По обыкновенію чудились странные стуки и шорохи. Окно въ садъ по его желанію не было завѣшено, и въ него смотрѣла синяя лунная ночь, неподвижныя зеленыя деревья, блѣдная стѣна амбара. Когда прекращались чудившіеся ему стуки и шорохи, онъ поворачивалъ лицо къ окну и смотрѣлъ въ садъ. Въ саду было тихо и спокойно,—такъ, какъ бывало всегда: и двадцать лѣтъ тому назадъ, и десять, и годъ. Такъ, какъ бывало, когда былъ онъ еще ребенкомъ, юношей, молодымъ человѣкомъ. И глядя на неподвижныя деревья, на лунный свѣтъ, на блѣдную стѣну какой-то постройки—казалось, что ничего не произошло въ его жизни. Все по-прежнему. Все то, что казалось ему послѣднее время, только бредъ его больного, разстроеннаго воображенія. Захотѣлось встать съ постели, подойти къ окну, распахнуть его и долго, долго вдыхать свѣжій ночной воздухъ...

Но вдругъ онъ вздрогнулъ.

Точно шаги почудились за дверью. Онъ пересталъ смотрѣть въ садъ и, повернувъ голову, напряженными глазами началъ смотрѣть на дверь. Тихо шевельнулась мѣдная ручка, и дверь стала медленно открываться. Тогда онъ инстинктивно быстро опустилъ голову на подушку и притворился спящимъ.

Дверь отворилась наполовину, и въ комнату, какъ-то бокомъ, стараясь ступать, какъ можно тише, вошелъ сынъ.

Обыкновенно въ его приходѣ не было ничего страннаго, но теперь отчего-то при видѣ его высокой, громоздкой бѣлой фигуры сердце Пахомова порывисто забилось. «Чего онъ странно крадется»,—пронеслось у него въ головѣ.

Между тѣмъ, сынъ, тихо притворивъ за собой дверь, осторожно ступая, прошелъ комнату и подошелъ къ письменному столу. Медленно повернулъ голову, посмотрѣлъ на него, прислушался. Потомъ вынулъ изъ кармана связку ключей и сталъ тихо подбирать ихъ къ ящикамъ письменнаго стола.

Холодъ охватилъ все тѣло Пахомова. «Это онъ, значитъ, ищетъ духовное завѣщаніе», подумалъ онъ.

Нѣсколько секундъ лежалъ неподвижно, не зная, что предпринять. Потомъ тихо заворочался въ постели.

Сынъ спряталъ ключи въ карманъ и, быстро выпрямившись,

повернулъ къ нему голову. Тогда Пахомовъ застоналъ и открылъ глаза.

— Тебѣ не хорошо, отецъ?—спросилъ сынъ, поворачивая къ нему слегка блѣдное лицо.

— Да,—прошепталъ Пахомовъ,—мнѣ снятся тяжелые сны...

— Нужно принимать успокоительныя капли,—проговорилъ сынъ,—тогда не будетъ сниться тяжелыхъ сновъ.

— Нѣтъ,—сказалъ Пахомовъ,—ничего не поможетъ мнѣ. Все равно будутъ сниться тяжелые, страшные сны...

Сынъ помолчалъ немного, потомъ проговорилъ:

— А я забылъ у тебя на столѣ книгу, да и такъ передъ сномъ зашелъ посмотрѣть на тебя.

— Спасибо,—проговорилъ Пахомовъ дрогнувшимъ голосомъ.

Сынъ сталъ что-то искать на столѣ. Потомъ сказалъ:

— Нѣтъ, ея здѣсь нѣтъ. Значитъ, я оставилъ ее гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ.

— Да, ты вѣрно забылъ ее въ другой комнатѣ,—прогорилъ Пахомовъ.

Нѣсколько минутъ они помолчали. Потомъ сынъ, посмотрѣвъ въ окно, сказалъ:

— Какая хорошая ночь на дворѣ...

Пахомовъ тоже посмотрѣлъ въ окно и проговорилъ:

— Да, чудная ночь...

Опять помолчали. Прошло минуты двѣ. Сынъ посмотрѣлъ на него и медленно зѣвнулъ. Потомъ сказалъ:

— Ну, спокойной ночи, отецъ, пойду уже спать.

— Спокойной ночи,—отвѣчалъ Пахомовъ.

Сынъ вышелъ изъ комнаты. Пахомовъ взялся обѣими руками за сердце. Оно то начинало биться съ неимовѣрной быстротой, то странно мучительно замирало.

Теперь онъ больше ни одной минуты не сомнѣвался, что сынъ приходилъ выкрасть у него изъ письменнаго стола духовное завѣщаніе и убѣдиться, дѣйствительно ли все состояніе завѣщано ему...

Ну, а если завѣщаніе было бы не въ его пользу—подумалъ Пахомовъ и тотчасъ же отвѣтилъ себѣ—тогда бы онъ, конечно, уничтожилъ его... Онъ посмотрѣлъ въ окно. Тамъ по-прежнему тихо дремалъ садъ, голубѣлъ мягкій лунный свѣтъ. Зачѣмъ же здѣсь въ домѣ столько жадности, преступно-злыхъ мыслей?

И некуда уйти отъ всего этого, некуда, некуда...

Почти всю эту ночь онъ не спалъ. И снова чудились ему странные шорохи и снова жуткое томящее чувство охватывало его душу... Заснулъ онъ лишь подъ утро...

IX.

На другой день Пахомовъ твердо, во что бы то ни стало, рѣшилъ измѣнить духовное завѣщаніе. Все враги кругомъ него, такъ нечего ихъ щадить. О, если бы онъ могъ прожить еще нѣсколько лѣтъ, онъ сумѣлъ бы отомстить всѣмъ имъ. Но объ этомъ теперь нечего думать. Нужно торопиться. Вѣдь неизвѣстно, сколько дней проживетъ онъ теперь. Можетъ-быть, всего два, три дня.

И онъ рѣшилъ пригласить священника какъ бы для исповѣди, а на самомъ дѣлѣ, для того, чтобы тотъ въ качествѣ свидѣтеля подписалъ его новое духовное завѣщаніе. Кромѣ священника, будетъ еще діаконъ и этого будетъ совершенно достаточно. «Да, да, сегодня же»—подумалъ онъ.

Потомъ онъ сталъ представлять въ своемъ воображеніи то, что произойдетъ, если сынъ, невѣстка и Агамбековъ узнаютъ, что онъ измѣнилъ свое духовное завѣщаніе. Стало страшно. Почудилось, что они бросятся тогда на него и, съ перекошенными отъ злобы лицами, начнутъ душить его.

Они, которые теперь мирно разговариваютъ съ нимъ, улыбаются ему, внимательно слушаютъ его. Они, которые такіе же люди, какъ и онъ, которые подъ старость навѣрное будутъ также одиноки, будутъ также бояться темныхъ ночей, мрака смерти...

Они—близкіе его люди...

Онъ вздрогнулъ. Кто-то подошелъ къ дверямъ и отворилъ ихъ.

«Алексѣй»—подумалъ онъ и испуганными широкооткрытыми глазами сталъ смотрѣть на дверь.

Дверь отворилась, и вошелъ сынъ. Лицо его было слегка блѣдно и сумрачно.

Тихими шагами подойдя къ кровати, онъ пріостановился и посмотрѣлъ на Пахомова.

Пахомовъ широкооткрытыми глазами продолжалъ смотрѣть на него. Сынъ вдругъ поблѣднѣлъ...

— Что съ тобой, отецъ?—спросилъ онъ.—Чего ты такъ странно смотришь на меня?

— Ничего—проговорилъ Пахомовъ,—это я вспоминаю сегодняшніе тяжелые сны...

Сынъ какими-то испуганно-внимательными глазами посмотрѣлъ на него.

Потомъ быстро скользнулъ взглядомъ по письменному столу и снова посмотрѣлъ на отца...

Тотъ тоже посмотрѣлъ на письменный столъ и опять смотрѣлъ на сына.

Нѣсколько мгновеній оба молчали.

Блѣдные, напряженные...

Лицо сына вдругъ стало необыкновенно сумрачнымъ.

— Ты странный какой-то сегодня, отецъ,—глухимъ голосомъ проговорилъ онъ,—у тебя точно жаръ...

— Да, да,—быстро сказалъ Пахомовъ—мнѣ нехорошо, пошли за священникомъ.

Сынъ недовѣрчивыми глазами посмотрѣлъ на него.

— Зачѣмъ же посылать за священникомъ?—спросилъ онъ.

— Мнѣ нехорошо, я боюсь умереть,—проговорилъ Пахомовъ, стараясь не встрѣчаться съ нимъ глазами.

Сынъ всматривающимися глазами продолжалъ смотрѣть на него. Потомъ сказалъ:

— Прежде чѣмъ посылать за священникомъ, я пошлю лучше за докторомъ...

— Нѣтъ, нѣтъ,—проговорилъ Пахомовъ,—пошли за священникомъ. Я прошу тебя, очень прошу.

И вдругъ онъ вспомнилъ, что и докторъ тоже можетъ быть свидѣтелемъ.

— Ну, хорошо—быстро проговорилъ онъ—пошли за докторомъ...

Сынъ продолжалъ смотрѣть на него. Потомъ медленнымъ голосомъ, какъ бы что-то обдумывая, сказалъ:

— Хорошо, я пошлю за докторомъ...

Но не уходилъ, и опять ихъ взгляды вдругъ встрѣтились.

Что-то далекое, чуждое, враждебное прочелъ каждый изъ нихъ въ глазахъ другого...

— Пошли за докторомъ,—тихо проговорилъ Пахомовъ.

— Хорошо, я пошлю,—также тихо проговорилъ сынъ...

И вдругъ точно какая-то догадка мелькнула въ его глазахъ. Торопливо взглянулъ на отца, отвелъ свой взоръ и, какъ-то странно усмѣхнувшись, пошелъ къ дверямъ.

— Такъ пошли же за докторомъ,—крикнулъ ему вслѣдъ Пахомовъ.

Сынъ ничего не отвѣтилъ ему, плотно затворилъ за собой дверь и быстрыми шагами пошелъ по корридору...

«А вдругъ онъ догадался о моихъ мысляхъ»—подумалъ Пахомовъ, и жуткое чувство охватило его. Прислушался. Тихо кругомъ. Посмотрѣлъ въ окно. Зеленѣли деревья, голубѣло небо, сѣрѣла между вѣтками какая-то постройка.

А тамъ дальше за этой постройкой садъ, потомъ широкое, просторное поле... Тамъ нѣтъ ни постели, на которой онъ лежитъ, ни этихъ стѣнъ, ни его сына, ни невѣстки, ни Агамбекова.

О, если бы можно было сейчасъ вырваться туда...

Онъ приподнялся на постели и сдѣлалъ нѣсколько движеній руками... Прислушался. Сердце билось довольно спокойно. Тогда онъ сталъ думать о томъ, что среди поля стоитъ желѣзнодорожная станція и отъ нея въ городъ идетъ желѣзная дорога. Добраться бы до станціи, сѣсть въ поѣздъ и уѣхать въ городъ.

Тамъ все къ его услугамъ. И нотаріусы, и доктора, и священники...

Онъ опять сдѣлалъ нѣсколько движеній на постели.

Да, сердце не бьется. Ему лучше, и онъ могъ бы легко добраться до города...

Онъ насторожился. Ему почудились голоса и фырканіе лошади. «Это, вѣрно, ѣдутъ за докторомъ»—подумалъ онъ и вдругъ представилось, что онъ самъ могъ теперь ѣхать въ коляскѣ на станцію...

Мягко грѣло бы солнце, кругомъ пахло бы цвѣтами, зеленью...

Вспомнилась протекающая недалеко отъ станціи рѣка, запахъ воды, тихій шелестъ камыша...

«О чемъ же я думаю—прошепталъ онъ—чего же я лежу здѣсь?... Надо сейчасъ же велѣть закладывать лошадей и ѣхать на станцію».

Но вдругъ онъ вспомнилъ сына.

— А что, если онъ тоже поѣдетъ съ нимъ въ городъ, или просто не пуститъ его? Вѣдь онъ что-то подозрѣваетъ, несомнѣнно, что-то подозрѣваетъ.

Что же дѣлать? И вдругъ онъ встрепенулся. Ему показалось, что онъ нашелъ выходъ. Сегодня ночью, когда всѣ лягутъ спать, онъ осѣдлаетъ лошадь и ускачетъ на станцію изъ своей тюрьмы. Да, да, такъ лучше всего. Если придетъ сегодня докторъ, то не надо ему даже ничего и говорить.

Богъ его знаетъ. Можетъ-быть, онъ заодно съ ними.

Еще сумасшедшимъ сдѣлаютъ...

Онъ снова посмотрѣлъ въ окно, и ему опять представилась зеленая степь, и уходящая вдаль широкая дорога... О, если бы

только къ вечеру ему не сдѣлалось хуже. Тогда въ городѣ въ безопасности онъ иначе поговоритъ со всѣми! И съ сыномъ, и съ невѣсткой, и съ Агамбековымъ. Онъ скажетъ имъ правду, скажетъ всю правду. Отъ волненія опять какъ будто сдѣлалось сердцебіеніе. Тогда онъ легъ на подушки и рѣшилъ больше ни о чемъ не думать, ничего не вспоминать.

Спустя часа полтора къ нему въ комнату пришелъ сынъ и, стараясь открыто смотрѣть ему въ лицо, сказалъ:

— Доктора не застали дома.

Пахомовъ равнодушными глазами посмотрѣлъ на него.

— Ну ничего, мнѣ гораздо лучше...

— Да у тебя и видъ теперь уже другой,—сказалъ сынъ.

Ихъ глаза встрѣтились. На мгновеніе каждому изъ нихъ показалось, что онъ прочелъ мысли другого...

X.

Поздно вечеромъ, когда весь домъ уже спалъ и кругомъ въ усадьбѣ царила неподвижная тишина, Пахомовъ осторожно поднялся съ постели и дрожащими руками сталъ одѣваться...

Временами онъ торопливо оглядывался на дверь и, затаивъ на нѣсколько мгновеній дыханіе, напряженно прислушивался.

Ему все чудилось, что кто-то тихо крадется по коридору. Потомъ снова начиналъ одѣваться. Почти, уже одѣвшись, онъ подошелъ къ окну и, отворивъ его, оглядѣлся кругомъ. Торжественно-тихо, неподвижно и сонно было и въ небѣ, и въ саду, и въ большомъ дворѣ. Свѣжій вѣтеръ вѣялъ въ лицо, и доносился откуда-то запахъ дыма и сырости.

Онъ смотрѣлъ передъ собой, и тоска сжимала его сердце... Думалъ ли онъ когда-нибудь, что ему придется ночью больнымъ бѣжать изъ усадьбы, спасаясь отъ жадности и злобы близкихъ людей? Думалъ ли онъ, что сынъ его, который когда-то, будучи безпомощнымъ ребенкомъ, тянулся къ нему худыми рученками,— будетъ его врагомъ, будетъ желать ему смерти!..

Думалъ ли онъ? Страшна жизнь. Страшны люди. Страшны ихъ тайны мысяли.

Онъ отошелъ отъ окна и, прислушавшись, сталъ снова одѣваться. Одѣвшись, онъ сталъ думать о томъ, какъ лучше выйти ему изъ дома:—пройти ли черезъ балконъ, или вылѣзть въ окно...

Рѣшилъ вылѣзть въ окно.

Въ послѣдній разъ оглянулся назадъ, и вдругъ сердце его

тревожно и томительно сжалось... Тихо, тихо зашевелилась дверная ручка. Мгновеніе спустя дверь на половину отворилась и въ комнату вошелъ сынъ...

Какими-то жесткими, слегка удивленными глазами глядя, на отца, спросилъ:

— Куда ты собрался, отецъ?

— Мнѣ лучше,—проговорилъ быстро Пахомовъ,—я хочу выйти на воздухъ.

— Странно,—сказалъ сынъ,—мнѣ кажется, что больные ночью не выходятъ на воздухъ.

Онъ опять жесткими глазами посмотрѣлъ на Пахомова. Пахомовъ почувствовалъ вдругъ, какъ что-то тяжелое подкатило къ его горлу. «Что же это такое»—подумалъ онъ—неужели же онъ не выпуститъ меня? Неужели онъ догадался о моихъ мысляхъ и слѣдитъ за мной?» И вдругъ испугъ его и растерянность противъ его воли стали переходить въ жгучее раздраженіе. Что это наконецъ такое? И, посмотрѣвъ прямо въ лицо сыну, онъ сказалъ слегка дрожащимъ голосомъ:

— Можетъ-быть, это и странно, но я хочу выйти въ садъ!

— Докторъ не позволилъ тебѣ вставать,—сказалъ сынъ и сейчасъ же добавилъ:—впрочемъ, если тебѣ такъ хочется, то пойдемъ...

При послѣднихъ словахъ голосъ сына сдѣлался какимъ-то глухимъ. Пахомовъ пытливыми глазами посмотрѣлъ на него.

— Нѣтъ, я пойду одинъ.

— Одному тебѣ нельзя,—сказалъ сынъ, стараясь не смотрѣть на него. Тогда Пахомовъ, поблѣднѣвъ, дрожащимъ отъ волненія голосомъ проговорилъ:

— Это насиліе, наконецъ, Алексѣй. Ты забываешь, что я твой отецъ и хозяинъ здѣсь.

— Это все равно,—холодно проговорилъ сынъ.

— Какъ все равно?—еле сдерживая себя, спросилъ Пахомовъ.

— Такъ все равно,—снова холодно проговорилъ Алексѣй.

— Ты открываешь свои карты, Алексѣй,—глухо сказалъ тогда Пахомовъ.

— Это все равно,—снова повторилъ Алексѣй.

Такъ вотъ какъ заговорилъ со мною уже Алексѣй—подумалъ онъ — прямо въ открытую.—Голова его закружилась, и сердце заколотилось съ необыкновенной силой.

Онъ бросился къ сыну и прерывающимся голосомъ прошепталъ:

— Я требую, чтобы ты меня выпустилъ сію минуту... Ты не смѣешь такъ обращаться съ отцомъ. Не раздражай меня. Ты помнишь, что докторъ совершенно запретилъ мнѣ волноваться. Ты, значитъ, открыто желаешь моей смерти...

— Я не пущу тебя, отецъ,—проговорилъ сынъ,—а если ты будешь кричать, я позову людей и насильно уложу тебя въ постель.

«Вотъ оно что, вотъ оно что—промелькнуло въ головѣ Пахомова—въ открытую идетъ, въ открытую идетъ». И страшная ненависть къ сыну охватила его душу. Онъ схватилъ его за грудь и хрипло прошепталъ:

— Пусти, убійца... Я давно понялъ твои тайныя желанія, но я не сдамся тебѣ! Я не уйду съ твоей дороги, а если и уйду, то всего лишу тебя. Первому встрѣчному завѣщаю все, не тебѣ... Пусти меня, пусти...

Но сынъ не пускалъ его. Онъ схватилъ его за руки и, крѣпко сжимая ихъ, прошепталъ:

— Я тоже давно догадался о твоихъ мысляхъ, давно догадался, что ты хочешь лишить меня того, что по праву принадлежитъ мнѣ, единственному твоему наслѣднику. Ты захотѣлъ пустить меня съ женой чуть ли не по міру, ты старый, жадный эгоистъ. Ты хочешь жить до ста лѣтъ и хочешь, чтобы всѣ преклонялись передъ тобою, ты забываешь, что ты уже достаточно пожилъ и насладился жизнью. Дай же жить теперь другимъ...

«Да, теперь все ясно, до ужаса ясно»,—подумалъ Пахомовъ и почувствовалъ вдругъ, что точно какой-то туманъ застилаетъ ему глаза. Постепенно стало исчезать изъ его глазъ покраснѣвшее, дышащее злобой лицо сына, комната, стѣны, потолки, обои. И почудилось ему вдругъ, что онъ снова, какъ нѣсколько дней тому назадъ, идетъ среди сада. Вверху голубѣетъ ясное небо, свѣтитъ солнце... Кругомъ неподвижныя, зеленыя деревья, цвѣты, трава... И такъ спокойно и хорошо вдругъ стало у него на сердцѣ, что захотѣлось плакать и молиться... Нѣтъ около него больше ни сына, ни невѣстки, никакихъ людей. Тихо, ароматно, свѣтло, зелено.

На сердцѣ легко и хорошо... Но вотъ откуда-то, точно изъ другого міра, донесся до него знакомый глухой голосъ:

— Онъ, кажется, умираетъ...

— «О комъ это говорятъ—кто умираетъ, гдѣ смерть?..—подумалъ Пахомовъ.—Что такое смерть?»

Ему хорошо. Голубѣетъ небо, зеленѣютъ деревья, бѣлѣютъ, розовѣютъ цвѣты. И никого и ничего нѣтъ больше около него: ни людей, ни ихъ жуткой жадности, ни страха, ни зависти, ни сознанія своей безпомощности, ни одиночества. Все куда-то ушло, осталось гдѣ-то далеко, далеко.

Ему было хорошо.

Вл. Кохановскій.

НА ЛѢСНОЙ ОПУШКѢ.

Какъ хорошо въ іюнѣ, днемъ, въ бору!
Вдали—рѣка змѣится лентой длинной.
Межъ двухъ корявыхъ сосенъ, на вѣтру,
Повисъ гамакъ упругой паутиной.

Съ ближайшихъ дачъ чуть долетаетъ крикъ
И чей-то говоръ быстрый и гортанный.
Кругомъ—безлюдье. На землѣ песчаной
Пестро алѣютъ кустики гвоздикъ.

Томитъ жара. За рѣчкой, въ дымкѣ марной—
Какихъ-то смутныхъ призраковъ игра.
На старыхъ соснахъ ржавая кора
Смолой слезится чистой и янтарной.

Все ярче блескъ. Уютно въ гамакѣ.
Смолистый воздухъ полонъ сна и лѣни.
Застыло все. Лишь мѣрно на пескѣ
Сосновыхъ вѣтокъ шевелятся тѣни.

Зинаида Тулубъ.

СЧАСТЛИВИЦА.

1.

На дворѣ послѣднія числа марта. Весна обѣщаетъ быть ранней: ярко свѣтитъ солнце, бѣснуются, словно ошалѣвшіе, воробьи, деревья, выправляясь вѣтками, освобождаются отъ тяжести зимняго снѣга. Холодный, ослѣпительно-бѣлый уборъ земли быстро исчезаетъ. Чернѣютъ проталины, бурѣетъ снѣгъ, осѣдая, бойко бѣгутъ ручьи, и кажется, что въ ихъ шумѣ есть веселый и самоувѣренный лепетъ: «Такъ надо!.. Такъ надо!..»

А если еще больше прислушаться и вглядѣться, то кажется, что это «Такъ надо!..» повторяетъ все: и воробьи, и деревья, и солнце, и воздухъ.

Недаромъ весенняя атмосфера представляется переполненной чѣмъ-то, что заставляетъ такъ сладко прислушиваться.

Въ женской гимназіи, въ V классѣ, уроки идутъ плохо. Во-первыхъ, сегодня послѣдній день, послѣ котораго распустятъ на праздники до 13 апрѣля, во-вторыхъ, за окномъ такое яркое солнце и такой ликующій весенній гулъ, при которомъ какъ-то странно было бы вникать въ школьную мудрость. И гимназистки шалѣютъ не меньше воробьевъ. На урокѣ алгебры, одной изъ наиболѣе отчаянныхъ проказницъ V класса, Клавдіи Юровской, не понравился костюмъ учителя, и она по этому поводу пустила по классу записку.

Въ запискѣ стояло: «У Лукашевича очень узкіе штаны и широкіе рукава. Я хочу ему посовѣтовать небольшую перемѣну: штаны одѣть на руки, а рукава—на ноги».

Лукашевичъ, суровый и желчный человѣкъ, видя, какъ прыскаютъ отъ смѣха гимназистки,—краснѣлъ и блѣднѣлъ отъ злости, не разъ призывалъ къ порядку, грозилъ потребовать начальницу и подъ конецъ заявилъ:

— Я прекращаю занятія до тѣхъ поръ, пока это безобразіе не прекратится.

Гимназистки крѣпились отъ смѣха до красноты въ лицахъ, до слезъ, но записка изъ рукъ въ руки шла все дальше, вызывая среди напряженной тишины новыя фырканія. Эти фырканія прекратились, когда записка дошла до Вали: Валя мелькомъ взглянула на нее, строго, съ укоризной улыбнулась и сунула записку въ карманъ.

Лукашевичъ докончилъ урокъ, не зная, кому этимъ обязанъ. Помѣшала Валя насладиться гимназисткамъ и на урокѣ русскаго языка. Учитель былъ новый, молодой, довольно интересный, въ котораго было влюблено больше чѣмъ полкласса. Но это однако не помѣшало его поклонницамъ наслаждаться его смущеніемъ и робостью, когда съ заднихъ скамей какая-то юная шутница черезъ зеркало ловко наводила ему «зайчика» то на носъ, то на глаза. Учитель сконфуженно нагибалъ голову, старался близорукими глазами отыскать виновницу, мѣнялъ позы, но предательскій зайчикъ все-таки находилъ нужныя ему мѣста. И поэтому предметъ объяснялся вяло, безсвязно—и опять и этотъ учитель не зналъ, кому онъ обязанъ тѣмъ, что пытка не была доведена до конца урока.

Валя выискала виновницу и такъ посмотрѣла на нее, что та тотчасъ же прекратила свои эксперименты съ глазами и носомъ учителя.

Въ перемѣнѣ пришлось Валѣ выдержать за это баталію. На нее накинулся весь классъ съ упреками, что, какъ она «смѣла задержать записку», какъ «смѣла остановить зайчика», если это нравится всѣмъ и не нравится только ей одной и т. д. въ этомъ родѣ.

Валя спокойно выслушивала нападки, изрѣдка отвѣчая: «потому что это безобразіе!»—и зная, что скоро гнѣвъ смѣнится на милость. Дѣло въ томъ, что Валя кумиръ всего класса не только за то, что она прелестна, но и зато, что она умна, серьезна, внушаетъ чувства уваженія и симпатіи. Ей въ гимназіи и другого имени нѣтъ, какъ «Счастливица». Она «кумиръ», избалованный ласками, поцѣлуями и всяческими нѣжными признаніями гимназистокъ.

Конечно, нападки на Валю скоро прекращаются. Слишкомъ ужъ она прелестна со своей тонкой, едва распускающейся фигурой, пышными пепельными волосами на головѣ и печальнымъ вдумчивымъ личикомъ, нѣжнымъ, какъ лепестки розы.

На Валю нельзя долго сердиться—это общее мнѣніе всѣхъ гимназистокъ: ею можно только восхищаться и передавать ей пріятныя вещи. Окружили ее тѣснымъ кольцомъ и по почину

одной вострушки, крикнувшей: «Что жъ мы ее всегда превозносимъ? Давайте ее критиковать! Вѣдь не совершенство она: должны быть въ ней недостатки?»—стали Валю критиковать.

Критика внѣшности сошлась у всѣхъ на томъ: «Валя восхитительна, но очень блѣдна... недостаетъ одного: румянца». Насчетъ же внутреннихъ качествъ, у Вали не нашлось ни одного недостатка: она серьезна, умна, начитана, не любитъ болтать о глупостяхъ и вѣшаться на шею гимназистамъ! Не такъ, какъ другія! Такой еще во всей гимназіи нѣтъ!

Валя стоитъ, слушаетъ потокъ похвалъ и, чуть замѣтно, печально улыбается. Потомъ наперерывъ передаютъ, кто изъ гимназистовъ по ней «страдаетъ».

— Валя, а Шеболдаева знаешь—семиклассника? Онъ вздыхаетъ о тебѣ... Знаешь его?

Валя оживляется. На ея лицо набѣгаетъ немного злая, немного гордо-самоувѣренная улыбка, и со смѣхомъ она отвѣчаетъ:

— Что я могу о немъ знать? Могу сказать, что онъ похожъ на наивное дитя, но... однако это дитя сумѣло увлечь Поленьку Полетаеву!

— «Счастливица», а вотъ Соколовскій тоже къ тебѣ неравнодушенъ...

— А, Соколовскій, это, кажется, серьезный юноша...

«Серьезный»? И лица гимназистокъ вытягиваются: «О, это надо принять къ свѣдѣнію. Вѣдь, это сказала Валя!»

— Валя, а Петровичъ... представь себѣ, что онъ тоже бредитъ тобой. Онъ называетъ тебя «жемчужиной» и клянется, что непремѣнно добьется если не любви твоей, то хоть симпатіи! Слышишь, Валя?

— Петровичъ? Это тотъ—сынъ классной дамы?—Валя машетъ рукой и заливается отчаяннымъ хохотомъ:—Болванъ, какихъ рѣдко встрѣтишь! Пустосмѣшка, юла, противная кокетка... Желаетъ блеснуть умомъ, котораго у него нѣтъ... Шпіонъ... доносчикъ... клеветникъ...

Валя вспоминаетъ, сколько этому Петровичу надавала щелчковъ, и, задыхаясь отъ смѣха, съ трудомъ добавляетъ:

— Этотъ ничтожный во всѣхъ отношеніяхъ мальчишка слишкомъ задираетъ носъ и... ха-ха-ха!—такъ часто позорно спотыкается... Нѣтъ, не говорите мнѣ объ этомъ ничтожествѣ.

— Валя, а вотъ Устиновскій... я его видѣла на-дняхъ, и онъ прямо, не стѣсняясь, говоритъ: «Она ко мнѣ холодна, поэтому я не живу, а тлѣю». Бѣдненькій, какъ мнѣ жаль его!

Валя съ сожалѣніемъ разводитъ руками и съ легкимъ холодкомъ заявляетъ:

— Правда, бѣдненькій, если «тлѣетъ». Да, да, онъ ничего себѣ, но только что жъ я могу сдѣлать, если онъ мнѣ не интересенъ?

Еще и еще говорятъ Валѣ, что для одного гимназиста она «идеалъ совершенный», для другого «земной рай».

Валя съ недоумѣніемъ поднимаетъ брови:

— Что значитъ «земной рай»? Какъ глупо!

Потомъ одна гимназистка проситъ защиты Вали: какой-то гимназистъ передалъ этой гимназисткѣ про кого-то нехорошую сплетню, а когда эта сплетня дошла, до кого слѣдуетъ, гимназистъ сталъ отпираться, что этого онъ не говорилъ, и заявилъ, что будетъ гимназисткѣ мстить.

Валя вспыхиваетъ отъ негодованія и такъ строго—вчужѣ за гимназиста ужъ страшно!—обѣщаетъ:

— А! На него это похоже. Хорошо, я ему непремѣнно скажу, что нечего винить людей, а надо было раньше вести себя получше. Пусть не думаетъ, что люди могутъ выдумывать небылицы!

Еще и еще передаютъ Валѣ, кто по ней «страдаетъ», кто съ ней жаждетъ познакомиться, но оживленіе Вали уже прошло, и она, задумавшись о чемъ-то своемъ—большомъ и печальномъ, слабо отмахивается рукой:

— Не надо. Довольно! Надоѣло!

Кромѣ этого, есть тутъ еще и то, что, съ одной стороны, Валѣ льститъ, а съ другой — огорчаетъ: какъ ни любятъ Валю гимназистки, но видитъ Валя, что такой ея всесокрушающій успѣхъ поднимаетъ въ гимназисткахъ невольную зависть. Валя знаетъ, что этотъ потокъ, если его не оборвать, добровольно не прекратится, и пускается на рѣшительное средство.

— Ахъ, какая я мучительница! — съ комическимъ ужасомъ восклицаетъ она:—Всѣхъ я заставляю страдать, любить, плакать, тлѣть и т. п. О, Боже! Кажется, во всей гимназіи нѣтъ такой идіотки, какъ я. Нѣтъ, пустите меня. Не могу и не хочу слушать!—и, заткнувъ уши, Валя силой прорывается сквозь кольцо окружавшихъ подругъ и бѣшено мчится по корридорамъ.

Слѣдующій урокъ—исторія. Валя сидитъ на урокѣ глубокососредоточенная, но... только не на исторіи. Валя безмѣрно рада, что гимназистки знаютъ о многихъ ея поклонникахъ, но вотъ о томъ, кто въ ея жизни самое главное—о томъ-то онѣ даже и не догадываются!

Передъ Валей встаетъ образъ шестиклассника съ фигурой такой смѣшной, длинной и неуклюжей, но съ такимъ чистымъ и

робкимъ, какъ у рѣдкой дѣвушки, лицомъ. За это лицо Валя его и любитъ. Припоминаетъ Валя всѣ прогулки съ нимъ за городъ, которыя отъ чужихъ глазъ обставляются необычайными предосторожностями, и, полузакрывая глаза, думаетъ: «Володя, милый Володя!»

Этотъ «милый Володя», впрочемъ, не мало доставляетъ ей огорченій, ибо никакъ не можетъ понять, зачѣмъ имъ нужно скрываться отъ всѣхъ. Вѣдь, ходитъ же она иногда съ тѣми, кто ей совсѣмъ не нравится, на виду у всѣхъ, а вотъ съ нимъ почему-то она должна прятаться? Это его обижаетъ и оскорбляетъ!

Милый, глупый Володя, онъ не понимаетъ, что вотъ именно то, что дѣйствительно дорого, то и нужно прятать отъ людей, а не выставлять на показъ!

Валя всегда строга и сдержанна, но зато она никогда не мѣшаетъ Володѣ говорить о ихъ будущемъ, которое свяжетъ ихъ «на вѣки», и долженъ же Володя понять, что если она молчитъ, то это ровно ничего не значитъ: молчаніе есть знакъ согласія. Правда еще и то, что этотъ робкій Володя иногда и забывается: то ему хочется «подъ руку взять», то... даже поцѣловать!

Но на этотъ счетъ у Вали ужъ неумолимо строго: нѣтъ ему никогда «ни руки», а тѣмъ паче поцѣлуя! Еще рано!..

Потомъ Валя припоминаетъ, какъ она ему на-дняхъ подарила на память... ладонку. Валя долго колеблется, можно ли назвать «ладонкой» нѣсколько словъ,—такихъ таинственныхъ, такихъ большихъ и важныхъ, все значеніе которыхъ понятно и извѣстно только ей, Валѣ, да Богу!—написанныхъ на пергаментѣ, который тщательно-тщательно зашитъ въ розовый шелкъ!

И, когда Валя, такъ и не рѣшивъ, можно ли назвать такую вещь «ладонкой», приходитъ къ заключенію, что не все ли равно, какъ назвать,—урокъ уже конченъ: Валя видитъ движенія на скамьяхъ, видитъ широкую, сутулую спину уходящаго учителя и тутъ только догадывается, что урокъ конченъ.

Зачѣмъ онъ такъ скоро конченъ? Валя съ сожалѣніемъ вздыхаетъ и тихо говоритъ своей сосѣдкѣ справа:

— Ахъ, какъ время летитъ... Молніеносно!

— Ты находишь?—и у сосѣдки презрительно кривятся губы.—А я нахожу, что это не урокъ, а жвачка. Прямо всю душу вымоталъ...

— Да? А я и не замѣтила. Я, по правдѣ сказать, изъ всего урока (Валя показываетъ маленькій кончикъ своего розоваго ноготка) вотъ ни на столечко не поняла!

И обѣ звонко, на весь классъ хохочутъ.

II.

Съ большимъ, почти враждебнымъ нетерпѣніемъ выслушали гимназистки, когда имъ классная наставница давала наставленія, какъ вести имъ себя на праздникахъ. Слава Богу, онѣ ужъ не какія-нибудь приготовишки, а пятиклассницы!

Когда одѣвались, было много толкотни, предпраздничной радости, всяческихъ добрыхъ пожеланій и нѣжныхъ прощальныхъ словъ.

Не радовалась одна только Валя. Съ болѣзненной чуткостью она улавливала, что сегодня на лицахъ гимназистокъ нѣтъ обычнаго выраженія, когда что-нибудь недоговорено: «Ну, завтра въ классѣ договоримъ». Для всѣхъ домашняя обстановка дороже и ближе гимназіи, и только для одной Вали гимназія мѣсто, гдѣ она можетъ немного забыться, отдохнуть... И то, что она гимназію не увидитъ теперь цѣлыхъ полмѣсяца — сжало сердце Вали до боли, слезы чуть не брызнули изъ ея глазъ. Но научившись сознавать, что никто ей не поможетъ въ ея горѣ, Валя научилась и владѣть собой: она прикусила чуть не до крови губы, выдавила на своемъ лицѣ подходящую ко времени улыбку, какъ и у всѣхъ. И только не могла сдѣлать такъ, чтобы большіе, умные сѣрые глаза не застыли съ тоской на вопросѣ: «За что ей такъ тяжело жить на свѣтѣ?»

Домой идетъ Валя въ сопровожденіи двухъ одноклассницъ, совсѣмъ не слушая ихъ болтовни о томъ, что даетъ же Богъ вотъ такое счастье инымъ, какъ Валѣ: и красива она, и умна, и серьезна очень, и учится она хорошо—безъ труда и безъ зубрежки, какъ другія, и любятъ ее всѣ безъ ума—и гимназисты, и гимназистки, и родители тѣхъ и другихъ, ставящіе ее, Валю, всѣмъ въ примѣръ.

Чѣмъ ближе къ дому, тѣмъ больше сжимается сердце Вали отъ мучительныхъ предчувствій, что и предстоящій отдыхъ въ полмѣсяца будетъ не отдыхомъ, а мукой, а великій праздникъ будетъ днями нехорошихъ чувствъ, грубыхъ и дикихъ сценъ, брани и попрековъ и еще многаго такого, о чемъ Валя старается не думать, но не можетъ не думать. И, когда Валя переступаетъ порогъ своего дома,—ее охватываетъ такая зловѣщая тишина, по которой она сразу заключаетъ: «Ну, конечно, развѣ я когда-нибудь ошибусь. Теперь все пойдетъ, какъ по нотамъ!»

Раздѣвшись, Валя проходитъ въ столовую. Отецъ сидитъ за

столомъ, только, что вернувшись со службы, и, по тому, что онъ въ мундирѣ, и по тому, какъ онъ барабанитъ пальцами по столу, Валя чувствуетъ, что она не въ силахъ сказать отцу ни одного слова.

Молча и робко, какъ страшно здѣсь чужая, Валя присаживается на кончикъ стула. Молча подаетъ обѣдъ мать—и по тому, какъ раздраженно звенитъ о тарелку ложка отца, и какъ склонена надъ тарелкой голова матери, Валя знаетъ, что гроза разразится, если не сегодня, такъ завтра или послѣзавтра.

Обѣдъ тянется для Вали, какъ пытка, но у ней нѣтъ права сослаться на отсутствіе аппетита, на нездоровье: плохо ли, хорошо ли она ѣстъ—этого никто какъ будто бы не замѣтитъ, но она должна, какъ требуетъ того «хорошій тонъ», высидѣть обѣдъ до конца, пока не поднимутся изъ-за стола родители. Только тогда она, поблагодаривъ, можетъ итти въ свою комнату.

За третьимъ блюдомъ отецъ, несмотря на Валю внезапно, угрюмымъ тономъ спросилъ:

— Ну, что, какъ—распустили?

Валя не сразу поняла, къ кому относился этотъ вопросъ, а когда поняла, постаралась изобразить на своемъ лицѣ наивозможно болѣе ласковую улыбку и отвѣтила:

— Да, папочка.

Потомъ въ умѣ Вали мелькаетъ робкая, никогда не исполнявшаяся надежда, попытаться разогнать приближающійся мракъ: Она улыбается еще ласковѣе, но сказать она ничего иного не можетъ, кромѣ того, что жжетъ ея мозгъ и, кромѣ тѣхъ словъ, которыя вертятся у нея на языкѣ. Они и срываются помимо ея воли и сознанія.

— Да, папочка,—говоритъ она:—Какъ по нотамъ!

Отецъ не видитъ, какая бездна мольбы свѣтится въ глазахъ дочери, не чувствуетъ, какая огромная сила ласки звучитъ въ ея голосѣ, его раздраженное состояніе ловитъ только несообразность отвѣта и онъ уже зло замѣчаетъ:

— «Какъ по нотамъ». Что за выраженіе? Вѣдь скоро станешь шестиклассницей! Постыдись. И чему васъ тамъ только учатъ, если вы не можете разумнѣе отвѣтить?

Спохватившись, Валя хочетъ поправиться и лепечетъ:

— Но, папочка... можетъ-быть, я и не такъ выразилась—тогда прости! Но мнѣ такъ, папочка, казалось! Чего жъ... всегда, въ извѣстное время на извѣстные сроки отпускаютъ—вотъ я и сравнила, что тутъ тоже все «какъ по нотамъ».

— Плохо сравнила. Надо сравнивать поосмысленнѣе. И...— отецъ заикнулся, видимо хотѣлъ сдержаться, но не сдержался:— не забывать, что отцы изъ-за дочерей тянутъ въ канцеляріяхъ очень не легкую лямку.

Валя видѣла, что мать хотѣла бы заступиться за нее, но, изъ боязни за себя, не рѣшается. И горечь за такую мать, и зависимость отъ отца, о которой онъ всегда такъ грубо намекаетъ, приводятъ Валю въ такое настроеніе, что ей хочется бѣжать, куда глаза глядятъ, или провалиться на мѣстѣ. Но провалиться нельзя, бѣжать некуда, и Валя ужъ плохо помнитъ, какъ досиживаетъ обѣдъ, какъ продѣлываетъ послѣ обѣда церемонію, когда «надо» цѣловать, съ чувствомъ жалости къ себѣ и презрѣнія, какъ къ побитой собакѣ, прежде руку грубаго и жесткаго отца, а потомъ руку трусливой, эгоистичной матери.

III.

Только очутившись въ своей комнатѣ, Валя приходитъ въ себя. Отъ того слабаго и нѣжнаго румянца, съ которымъ Валя отъ ходьбы и отъ весенняго воздуха явилась домой, уже нѣтъ и слѣда: ея личико безъ кровинки, какъ у тяжело больной. Въ комнаткѣ Вали чистенько, уютненько, на всемъ печать хорошаго вкуса и дѣвической чистоты—все это поддерживается заботами Вали уже по привычкѣ и по обязанности. Но уже не радуетъ, не замѣчается, какъ то было раньше, а наоборотъ, мучаетъ, отравляетъ, вѣчно напоминая, что все это не для нея сдѣлано, а на показъ. Валя глубоко понимаетъ всю ничтожность такого тщеславія, когда отецъ гордо говоритъ: «Пусть видятъ всѣ, что отецъ заботится о тебѣ не хуже другихъ!»... но никогда Валя не можетъ понять, какъ отецъ, взрослый человѣкъ, не чувствуетъ при этомъ, какъ онъ безсердеченъ и какъ противны его заботы, если онѣ только «для всѣхъ», а не для нея.

Валя знаетъ, что отецъ сейчасъ у себя въ кабинетѣ, мать—въ столовой или на кухнѣ, передвигаясь въ мягкихъ войлочныхъ туфляхъ беззвучно и пугливо. И знаетъ Валя, что чѣмъ длительнѣе будетъ эта тишина—тѣмъ бурнѣе она прорвется. Знаетъ, что будетъ крикъ, брань, злыя, ядовитыя слова, какъ у матери къ отцу, такъ и у отца къ матери; будетъ, можетъ-быть, драка, и тогда, чтобы утихомирить разбушевавшіяся страсти, Валя будетъ метаться между отцомъ и матерью, какъ безумная, вся въ слезахъ, не помня и не чувствуя всего того града оскорбленій, который посыплется на нее за то, что она вмѣшивается «не въ свое дѣло».

IV.

Въ восемь вечера къ Валѣ забѣжала за какой-то книжкой семиклассница Лида. Зажгли огонь. Лида оглядѣла комнатку и сразу перешла на обычную съ Валей тему:

— Ахъ, Валюся, какъ я тебѣ завидую: какая ты счастливая!

— Чѣмъ?—печально улыбаясь, спросила Валя.

— Всѣмъ, всѣмъ, за что ни возьмись! Ну, да ты сама знаешь—къ чему тебѣ все говорить? Вотъ даже и въ этомъ ты не какъ я: у тебя тишина. Ты можешь думать, заниматься, мечтать. А я ничего этого не могу. У насъ крикъ, шумъ, смѣхъ, возня—правда, иногда весело, но не всегда. Иногда это надоѣдаетъ и отвлекаетъ.

«Весело», «надоѣдаетъ»—повторяетъ Валя и хочется ей сказать Лидѣ, что у нихъ вотъ въ домѣ никогда не бываетъ не только весело, но что не перечислить ей всѣхъ своихъ мукъ, всѣхъ криковъ отчаянія и не передать всей скорби, терзающей ее, Валю.

Но видитъ Валя, что не пойметъ ее вполнѣ Лида, и, отвертываясь въ сторону, возбужденно говоритъ:

— Да, да, Лида, ты права. Я довольна, я счастлива,— живу беззаботно, какъ Божья птичка.

— Ну, вотъ видишь. Я такъ рада за тебя! — и Лида, цѣлуя Валю, шепчетъ ей на ухо, что и хотѣла бы она побыть съ Валей еще, но нельзя: надо спѣшить на свиданіе съ однимъ реалистомъ.

Валя и рада, что Лида ушла, и нѣтъ. О чемъ бы она стала съ ней говорить? О реалистѣ, когда ей совсѣмъ не до этого. Но вмѣстѣ съ тѣмъ Валѣ такъ жутко и страшно быть одной въ домѣ родителей, что она не знаетъ, что ей дѣлать. Не думать— она не можетъ; уйти — но уйти некуда. И невольно Валя думаетъ: «Все, какъ по нотамъ. Все будетъ, какъ по нотамъ»!

Сдержанный отецъ вдругъ прорвется и покажетъ себя во весь ростъ, какъ онъ холоденъ и безсердеченъ, какъ сухъ, мелоченъ, подозрителенъ и недовѣрчивъ. Онъ запьетъ и будетъ корить, что есть «несчастные чинуши» во сто кратъ хуже его, но однако по службѣ выше его, но онъ все терпитъ ради жены и дочери. Его всюду обходятъ, ему всѣ строятъ козни, но онъ все долженъ переносить, ибо у него жена и дочь. Но если бы у него жены и дочери не было, о, тогда бы онъ зналъ, что дѣлать: онъ плюнулъ бы на эту контрольную палату и по-

шелъ бы искать себѣ службу въ другомъ мѣстѣ, гдѣ бы его оцѣнили иначе. Но здѣсь его не цѣнятъ, какъ не цѣнятъ и не понимаютъ его жена и дочь. Вотъ, если бы его цѣнили хотя бы дома, какъ слѣдуетъ, тогда и онъ былъ бы не таковъ.

Валя долго думаетъ, что, можетъ быть, отца и въ самомъ дѣлѣ дома не доцѣниваютъ и не понимаютъ, но приходитъ все къ одному и тому же заключенію, что онъ всегда желченъ и недобръ и что точитъ его ко всѣмъ и ко всему червь зависти.

Передъ Валей встаетъ мать: тоже сухая, себялюбивая, всегда требовательная по отношенію къ Валѣ, но трусливая передъ мужемъ.

Валя знаетъ, что мать покрѣпится, когда отецъ запьетъ, дня два, а потомъ тоже запьетъ, и вотъ тогда начнется настоящій адъ...

Многое припоминается Валѣ, но все замыкается въ страшный заколдованный кругъ, изъ котораго ей нѣтъ выхода.

Валя припоминаетъ, что гдѣ-то она вычитала у Карамзина, что семью можно назвать «маленькимъ свѣтомъ». О, какъ она, Валя, это понимаетъ! Ни о комъ и ни о чемъ она не хотѣла бы думать, кромѣ родителей, кромѣ семьи, кромѣ этого «маленькаго свѣта», гдѣ она, Валя, живетъ, растетъ, развивается, куда обращены всѣ ея чувства и помыслы, но гдѣ ей нѣтъ покоя, нѣтъ счастья, нѣтъ ласки!

Но гдѣ же хоть немножко покоя, ласки, счастья? Ахъ, да, вотъ Володя... Милый Володя! Вѣдь она никогда ему не писала. Она даже въ альбомъ отказывалась ему написать хоть бы одну строчку. И какъ онъ будетъ теперь радъ, когда она ему, какъ самому преданному другу, повѣдаетъ все... все!

Валя подходитъ къ столу, присаживается, беретъ листъ бумаги и быстро-быстро пишетъ: «Милый, дорогой Володя! Если бы ты зналъ все, что я переживаю, если бы ты только зналъ! Нѣтъ, всего тебѣ, дорогой Володя, не передашь. Все — это слишкомъ много. Я съ тобой подѣлюсь хоть частицей. Но съ чего начать? Погоди, дай собраться съ мыслями»...

Валя задумывается. И вдругъ у ней мелькаетъ мысль, отъ которой ей еще холоднѣе и безпріютнѣе: «Да пойметъ ли этотъ глупый Володя? Не она ли заводила съ нимъ объ этомъ не разъ рѣчь издалека и всегда обрывала,—потому что Володѣ отъ такихъ рѣчей становится скучно, онъ зѣваетъ, и для того, чтобы ему оживиться, ему нужно взять ее подъ руку, или вымолить поцѣлуй. Нѣтъ, онъ не пойметъ! Онъ—глупый, глупый мальчишка»!

Валя не чувствуетъ, какъ слезы вдругъ брызнули у ней изъ

глазъ и полились на еще невысохшія чернила. Ей уже не хочется думать о Володѣ; ей представляется, что если и на самомъ дѣлѣ осуществится ея союзъ съ Володей, какъ Володя говоритъ, «на вѣки», то не окажется ли этотъ, такой тихій и робкій, Володя впослѣдствіи такимъ же, какъ и отецъ?

И отъ такого предположенія Валѣ такъ страшно-страшенъ Володя, страшенъ, ненавистенъ и противенъ такъ, что хочется его забыть; страшна Валя сама себѣ—страшна своими думами, чувствами, отъ которыхъ ей не забыться и отъ которыхъ нѣтъ ей ни отъ кого ни защиты, ни сочувствія.

А защита и сочувствіе нужны — иначе Валя чувствуетъ, что она сойдетъ съ ума.

Но отъ кого же? Гдѣ же?

Блуждающими глазами Валя обводитъ комнату и сквозь слезы, какъ сквозь туманъ, видитъ въ углу икону Распятаго и, сама не зная какъ, сползаетъ на полъ и, ставъ на колѣни, шепчетъ: «Господи! Господи, вотъ Ты велѣлъ переносить всѣ скорби. Но какъ? Научи, помоги, просвѣти».

Затѣмъ Валя припоминаетъ, что ее, вотъ такую горькую, называютъ «счастливицей», ей завидуютъ. И Валѣ становится еще горьше, слезы текутъ еще быстрѣе, и шопотомъ она жалуется Распятому: «Я «счастливица»! Кто же меня можетъ назвать счастливой?»

Потомъ уже Валя молится безъ словъ, молча: изступленными отъ боли и вѣры глазами она говоритъ съ Богомъ, передавая Ему всѣ свои мысли и чувства и прося помочь, просвѣтить...

Валя молится, а на столѣ лежитъ листъ бумаги, на которомъ всѣ впервые написанныя слова къ «милому и дорогому Володѣ» расплылись отъ слезъ въ грязныя пятна.

М. Сивачевъ.

НА НОВОЙ ДАЧѢ.

Еще прозраченъ лѣсъ весенній
И на дорожкахъ дачи—соръ,
И густо пахнутъ свѣжей краской
И полъ, и окна, и заборъ.
Всѣ двери настежь: теплый вѣтеръ
Гуляетъ въ комнатахъ пустыхъ
И сушитъ полъ; а на терассѣ
Все блещетъ въ бликахъ золотыхъ.
И даль призывно голубѣетъ,
И кто-то ночью у рѣки
То тутъ, то тамъ проходитъ съ пѣсней
И зажигаетъ огоньки...
Еще недѣля—и на дачѣ
Твой милый голосъ зазвенитъ
И сердце юнаго сосѣда
Отравой сладкой напоитъ.
Днемъ будешь пѣть, бродить по лѣсу,
Качаться съ книжкой въ гамакѣ
И звать влюбленнаго студента
Къ веселой лодкѣ на рѣкѣ.
А поздно ночью, засыпая,
Вдругъ что-то вспомнишь... и вздохнешь
О томъ, что молодость уходитъ...
Но все жъ съ улыбкою заснешь.
А утромъ молодая радость
Вновь постучится у окна
И звонкой пѣсней ей отвѣтитъ
Твоя двадцатая весна.

Г. Вяткинъ.

ВОЗВРАЩЕНІЕ.

Ты ушла—и въ домѣ опустѣло,
Ты ушла—и въ сердцѣ тишина,
И по цѣлымъ днямъ, больной и грустный,
Я стою, какъ призракъ, у окна.

Почему-то жду, что ты вернешься,
Не сегодня, но потомъ... потомъ...
Праздникъ сердца скорбью завершится
И душа заплачетъ о быломъ.

И когда остынетъ пламя страсти
И когда тебя измучитъ ложь,
Обо мнѣ одномъ ты нѣжно вспомнишь
И ко мнѣ, усталая, придешь.

Всѣ мы горько ищемъ и блуждаемъ,
И тебя посмѣю ль упрекнуть.
Какъ ребенокъ, встанешь на порогѣ
И опустишь голову на грудь...

Ничего другъ другу мы не скажемъ,
И не надо. Молча подойду
И къ колѣнямъ, дорогимъ и милымъ,
Зарыдавъ отъ счастья, упаду.

Г. Вяткинъ.

ПРОСТОЕ СЕРДЦЕ.

На восьмомъ году семейной жизни Варвары Ивановны Лубенцовой случилось рѣдкое несчастье: сначала умеръ мужъ, пожилой человѣкъ, военный инженеръ и, въ томъ же году, умерли двое дѣтей. Послѣ этого она долго болѣла неизвѣстной болѣзнью; оправившись, стала хирѣть, потомъ, случайно сойдясь съ журналистомъ Румянцевымъ, выздоровѣла, расцвѣла.

Романъ тянулся недолго, журналистъ уѣхалъ въ Петербургъ и не вернулся, даже ни разу не написалъ ей.

Почувствовавъ себя матерью, Варвара Ивановна успокоилась, ее освѣтила знакомая радость—жизнь, вдругъ, пріобрѣла полноту, значительность; но ребенокъ родился не во время и умеръ. Она вышла изъ лѣчебницы, поселилась въ номерахъ, полубольная, усталая, и началась лѣнивая жизнь, безъ желаній, надеждъ. Она жила на небольшую пенсію, съ привычками къ богатой жизни, и хотя всегда нуждалась, но этимъ не тяготилась. Она нигдѣ не бывала, особенно избѣгала родственниковъ—было неловко, такъ какъ полагала, что ея романъ всѣмъ извѣстенъ.

Она по цѣлымъ днямъ читала и много гуляла. Читала, чтобы не забыть языковъ, какъ она говорила, а гуляла по совѣту врача и потому, что ей большое удовольствіе доставляло видѣть какъ живутъ, веселятся, ѣздятъ по магазинамъ другіе, счастливые люди, у которыхъ есть дѣти, мужья.

Она познакомилась и быстро подружилась съ сосѣдкой по комнатѣ, акушеркой Анной Игнатьевной, черноглазой, краснощекой женщиной, полной жизни, всегда довольной, веселой. Акушерка постоянно о комъ-нибудь хлопотала, устраивала, собирала деньги въ пользу заключенныхъ, политическихъ, на билеты, платье проходимцамъ, которые ее безпощадно обманывали. У этой бодрой, жизнерадостной женщины былъ одинъ недостатокъ: она была вѣчно неудовлетворенной и студенты играли большую роль въ ея жизни. Замужъ она выходить не хотѣла—слишкомъ много приходилось видѣть несчастья въ семьяхъ.

Возвращаясь съ практики, Анна Игнатьевна высыпалась, купалась и счастливая, веселая шла на кофе къ Варварѣ Ивановнѣ—и безсовѣстно выкладывала секреты своихъ кліентокъ.

Она не разъ говорила Варварѣ Ивановнѣ:

— Удивляюсь я вамъ, дорогая! Ну, что за охота сидѣть такъ, безъ дѣла—вѣдь скучно?—Поступили бы на курсы массажа, или въ зубоврачебную школу. При вашей красотѣ, хорошихъ платьяхъ, образованіи—можно бы большую практику имѣть.—Хоть ухажора хорошаго завели бы себѣ, что ли!—добавляла она съ досадой.

Варвара Ивановна краснѣла и обыкновенно отвѣчала:

— Слаба я для работы. Мужчинъ боюсь, боюсь привязаться. Никого мнѣ не надо, ничего не надо.

Варвара Ивановна была привлекательна. Ея голубые, усталые глаза, обрамленные легкой коричневой тѣнью, были задумчивы и нѣжны. Нѣжны и мягки были ея голосъ, движенія. Она была чувственна, но лишена страстей, порывовъ, и это ее оберегало отъ связей.

За ней пробовали было ухаживать студенты, знакомые Анны Игнатьевны, жильцы меблированныхъ комнатъ—но изъ этого ничего не выходило. Она со всѣми была неизмѣнно ласкова, но ни у кого не хватало силы и настойчивости покорить ее.

— Не женщина, а рыба!—говорили про нее съ досадой; однако, всѣ оживлялись, когда она появлялась на вечеринки Анны Игнатьевны!

Какъ-то, попавъ на кладбище, Варвара Ивановна проплакала цѣлый день, стала грустить, худѣть, все ей показалось прѣснымъ, скучнымъ и она стала мечтать о смерти. Ей хотѣлось, чтобы ее хоронили въ весенній день, въ такой самый, въ какой она похоронила мужа: тогда на кладбищѣ было множество сирени и въ кустахъ распѣвали малиновки.

Черезъ Анну Игнатьевну она достала опіумъ, и, когда всѣ разошлись изъ номеровъ, она приняла ядъ, но испугалась, бросилась къ швейцару—ее спасли.

Незамѣтно прошло три года. Варвара Ивановна близко сошлась съ акушеркой и ея пріятельницей Вѣрой Алексѣевной, сестрой милосердія. Въ угоду имъ она ходила въ театръ, пробовала учиться массажу, переводила, писала на машинѣ, но была слишкомъ слаба, не умѣла работать,—и машина, переводы и массажъ были заброшены. Охотнѣе всего она шила дѣтское бѣлье, чепчики для крестниковъ, которыхъ въ изобиліи ей доставляла Анна Игнатьевна.

Однажды Варвара Ивановна прочла объявленіе редакціи, извѣщавшей подписчиковъ, что газета пригласила въ качествѣ постояннаго сотрудника Николая Алексѣевича Румянцева (Nemo). Она поблѣднѣла, заплакала и стала съ нетерпѣніемъ ждать его пріѣзда.

Когда стали появляться злободневные фельетоны Nemo, она жадно зачитывалась ими.

Это были знакомыя слова—такъ, какъ онъ писалъ, такъ и говорилъ.

Первое время она все надѣялась, что Румянцевъ вспомнитъ о ней, ждала письма; то ее обманывали предчувствія и все казалось: раздастся стукъ въ дверь и онъ явится съ повинной—и въ тѣ дни каждый звонокъ, громкій говоръ въ корридорѣ заставляли ее блѣднѣть.

Она разсказала свою исторію пріятельницѣ и попросила совѣта.

— Вотъ, какая вы скрытная,—сказала Анна Игнатьевна,—я и не думала. Что дѣлать? Написать письмо, назначить свиданіе. Только не нужно подписываться.

Варвара Ивановна долго сочиняла письмо, но ей представлялось, что она пишетъ не то, что нужно. Наконецъ, съ большимъ трудомъ, тонкимъ, изящнымъ почеркомъ она переписала письмо на дорогой бумагѣ, но послать не рѣшилась.

Письмо пролежало нѣсколько дней и, поплакавъ, она уничтожила его, перестала читать газету, въ которой писалъ Nemo, перестала ходить съ Анной Игнатьевной въ театръ, чтобы не волновать себя возможностью встрѣчи съ Румянцевымъ,—но ничего не помогало,—онъ ей постоянно снился; въ глубинѣ души, ее не оставляла надежда: она была увѣрена, что онъ неожиданно вернется къ ней.

Однажды Варвара Ивановна получила письмо отъ тетки Картавцевой, жившей въ монастырѣ: она захворала, просила ее навѣстить. Записка была написана чьей-то другой, дрожащей рукою—значитъ, тетка такъ больна, что и писать не въ силахъ, должно быть, умираетъ,—сообразила она, холодѣя, торопливо одѣваясь, думая о теткѣ, когда-то свѣтской дамѣ, которой всѣ боялись за рѣзкость, ѣдкую насмѣшку. Съ тѣхъ поръ, какъ она поселилась въ монастырѣ, стала другою. Острые ея глаза смотрѣли строго даже тогда, когда она улыбалась, казалось, превозмогая какую-то важную мысль. Она часто съ сокрушеніемъ жаловалась, что еще не готова для монастыря, но говорила, что счастлива.

Варвара Ивановна шла въ монастырь со страхомъ, думая, что застанетъ тетку умирающей, можетъ-быть, уже слышенъ запахъ разложенія, и она усиленно нюхала одеколонъ, даже смазала имъ ноздри, когда входила въ переднюю маленькой квартирки, помѣщавшейся въ монастырскомъ дворѣ, памятуя, какъ она всегда страдала отъ этого запаха.

Въ небольшой свѣтлой спаленкѣ, залитой весеннимъ солнцемъ, лежала тетка въ бѣломъ чепцѣ, поблѣднѣвшая, похудѣвшая. Увидѣвъ ее, она улыбнулась и сказала:

— Поцѣлуй меня, дружокъ; давай на прощаньи будемъ дружить.—И горько добавила:—распугала я людей своимъ милымъ характеромъ и подѣломъ, такъ мнѣ и нужно. Вотъ теперь хорошо бы...—Она не окончила, умолкла, лицо стало важнымъ, дрогнули ноздри и показались слезы на глазахъ съ желтоватыми бѣлками.

— Что у васъ болитъ, тетя?—спросила Варвара Ивановна.

— Все. Все болитъ,—уже равнодушно отвѣтила Картавцева.

— Докторъ былъ?

— Нѣтъ,—отвѣтила она, облизывая запекшіяся губы.—Я хотѣла бы умереть спокойно.

— Милая тетечка, ради Бога, позвольте поѣхать за докторомъ. Можно не лѣчиться, а облегчить болѣзнь, зачѣмъ же такъ?

— Не спорь, не спорь. Я лучше тебя знаю.

— Я не могу такъ васъ оставить,—рѣшительно сказала Варвара Ивановна, вставая.

— Вотъ какая ты, ну позови,—сказала съ трудомъ Картавцева, удивленно глядя на племянницу,—а я думала...—Она устало закрыла глаза.

Варвара Ивановна вышла и, заливаясь слезами, поѣхала въ лѣчебницу къ Аннѣ Игнатьевнѣ, посовѣтовалась съ ней, нашла доктора, сестру милосердія, послала телеграмму брату Картавцевой и стала ухаживать за ней, больше не думая о тяжеломъ воздухѣ въ комнатѣ больной.

Бывая у тетки прежде, ей всегда казалось душно и скучно въ чистенькихъ, тихихъ монастырскихъ квартиркахъ, но теперь стало нравиться затишье монастыря, его садъ, бѣлые домики съ палисадниками, и особенно было пріятно слушать, какъ изъ-за высокихъ каменныхъ стѣнъ доносится шумъ большого города. Она живо чувствовала, что ряса, какъ стѣна, ограждаетъ людей отъ ничтожнаго, маленькихъ заботъ, пустыхъ мыслей, желаній, и стала мечтать о монастырѣ.

Наступала ранняя, нѣжная весна. Обыкновенно Варвара Ивановна возвращалась отъ больной въ сумерки, въ ту пору, когда загорались золотыя звѣзды фонарей въ розовомъ полумракѣ улицъ. Куда-то спѣшили, шли навстрѣчу, ѣхали въ трамваяхъ незнакомые люди, и всегда непонятное волненіе охватывало ее. Придя домой, успокоившись, наслушавшись болтовни Анны Игнатьевны, она снова чувствовала, что все земное имѣетъ конецъ, что начинается безконечная жизнь только тогда, когда душа касается Бога.

И жизнь въ мечтахъ, въ тиши келіи, полумракѣ храма, казалась ей прекрасной, неистощимой радостями. Она сообщила о своемъ желаніи поселиться въ монастырѣ.

— Такъ, дочка, хорошо, дочка!—говорила Картавцева.— Вотъ умру, занимай мою квартиру. Тутъ тебѣ будетъ хорошо.

— Зачѣмъ такія мысли, тетенька? Умираютъ только тѣ, которымъ уже ничего не хочется.

— Да, да... Только со мною не хитри.—Вотъ если бы я жила въ монастырѣ не пять, а десять лѣтъ—было бы легко умереть. Не готова я еще къ смерти. А понимаю, можно и о смерти думать съ радостью,—она вздохнула.—Боже мой, какой ужасъ, какой ужасъ!

Она прикрыла свои стеклянные глаза, умолкла и, казалось, стала засыпать. Варвара Ивановна долго смотрѣла не нее и ей было ясно, что она скоро умретъ. На лицѣ появились мертвыя восковыя морщины, точно опухоли, такія же, какія были у покойнаго мужа.

Картавцева неожиданно открыла свои изстрадавшіеся, когда-то прекрасные глаза, съ красноватыми вѣками, странно выдѣлявшимися на желтомъ лицѣ, и сказала:

— Тебѣ жалко яблони, оттого что съ нея осыпались листья?—Нѣтъ.—А если сама яблоня усохнетъ? Подумай крѣпко и поймешь,—бѣда небольшая!—Было бы смѣшно... было бы смѣшно... если бы яблоня стала жаловаться на судьбу—вѣдь другія яблони будутъ жить, такія же точно, до скончанія міра. Чего же попусту печалиться?

— Правда, тетя.

— Вотъ, когда такъ думаешь—становится легче, все просто и ясно.—Тебѣ, можетъ-быть, и рано забираться въ монастырь, но когда придетъ пора—лучше всего доживать жизнь въ тишинѣ. Никого здѣсь больные особенно не смущаютъ, никому такъ не противны, какъ тамъ, у васъ... Здѣсь часто умираютъ люди, и это пріучаетъ къ неизбѣжному.

Варвара Ивановна часто думала объ этомъ разговорѣ съ теткой, удивляясь, какъ все то, что когда-то пугало, въ ней исчезло, и что-то простое, спокойное появилось въ ея острыхъ глазахъ.

Анна Игнатьевна, узнавъ о желаніи своей пріятельницы жить въ монастырѣ, густо покраснѣла, заплакала и стала горячо убѣждать ее въ безуміи ея желанія.

— Я прожила шесть мѣсяцевъ въ монастырѣ при больной,— говорила она, волнуясь,—и у насъ, и тамъ—все одно и то же, только тамъ злость злѣе, сплетни грязнѣе...

— Неужели только и радости въ жизни, что шить да вязать чепчики?—пробовала возразить Варвара Ивановна и заплакала: стало, вдругъ, жалко себя.

— Я сама виновата,—говорила торопливо Анна Игнатьевна.—Все занята, занята. Вотъ я познакомлю васъ съ однимъ человѣкомъ. Онъ давно заинтересованъ. Нашъ профессоръ, вдовецъ. Когда вы пріѣзжали въ лѣчебницу, онъ васъ видѣлъ... Вотъ вы увидите... Такой симпатичный человѣкъ!

Варвара Ивановна слушала съ улыбкой, но тайная надежда на минуту оживила ее...

Наступилъ апрѣль. Варвара Ивановна стала волноваться, видѣла сладостные сны, опять стала думать о Nemo и читать его фельетоны. Въ монастырскомъ саду стало такъ прекрасно, что она часами просиживала на скамеечкѣ и слушала съ тревогой, какъ шумитъ городъ, какъ сквозь его хлопотливую тревогу важный, медлительный колоколъ призывалъ къ вечернѣ.

Картавцевой становилось съ теплыми днями все хуже, но она мужественно переносила страданія и умерла неожиданно въ душную апрѣльскую ночь.

Варвара Ивановна, увидѣвъ ея глубоко запавшій ротъ, ужасныя руки, сложенныя на груди, машинально перекрестилась, но уже не было ни слезъ, ни сожалѣній. Эта страшная, сморщенная, маленькая женщина, которая лежала передъ нею, была какая-то незнакомая старуха, съ которой она не имѣла ничего общаго.

Но все же смерть тетки поразила, и она даже прихворнула и не была на похоронахъ.

На лѣто Варвара Ивановна уѣхала въ деревню.

Среди безконечныхъ полей, въ обширномъ саду, въ домѣ брата она почувствовала забытую радость жизни, съ увлеченіемъ стала помогать по хозяйству и, выкраивая изъ стараго бѣлья особенно мягкіе куски холста, шила чепчики и рубашечки для ожидающагося новаго члена семьи.

Дни въ хлопотахъ проходили незамѣтно, а къ вечеру всѣ ходили сонными, рано ложились спать. Она проводила вечера одна; какъ всегда, много читала, стала забывать о монастырѣ, и еще никогда такъ не волновали ее фельетоны Румянцева, который путешествовалъ за границей и точно тосковалъ, вспоминая о комъ-то, быть-можетъ, о ней?.. И она снова мечтала о встрѣчѣ, о томъ, что можетъ случиться чудо, и онъ вернется къ ней.

Она похорошѣла, пополнѣла. Прошло горячее, солнечное лѣто, наступила осень. Ко времени родовъ выписали Анну Игнатьевну, и когда все пришло въ порядокъ, пріятельницы вернулись въ городъ.

И опять потянулись тоскливые дни, безконечные вечера. Послѣ деревенскаго большого дома, номера показались крошечными, печальными.

Наступилъ ноябрь, и ей казалось, что никогда не было такъ скучно, темно и холодно дома, такъ сыро и грязно на улицахъ, никогда не приходили такія печальныя мысли. Фельетоны Румянцева были такъ же скучны, какъ ноябрьскіе дни, и она тосковала, блѣднѣла.

Анна Игнатьевна, помимо ея желанія, привела доктора. Докторъ выслушалъ ее и сказалъ:

«Вамъ, сударыня, не мѣшало бы подумать о мужѣ, а главное—нужно работать и работать. Ваша болѣзнь—отсутствіе живого дѣла».

Варвара Ивановна попробовала, по настоянію Анны Игнатьевны, учить читать дѣвочку дворника. Это ей понравилось, но и отъ этого она должна была отказаться—уроки оканчивались усталостью и головной болью.

Сталъ заходить къ ней докторъ, тотъ самый, котораго пригласила, съ тайнымъ намѣреніемъ, Анна Игнатьевна, скучный, усталый человѣкъ. И хотя она повела интригу, увѣряя доктора, что къ нему неравнодушна его паціентка, а пріятельницѣ твердила, что докторъ въ нее влюбленъ, сватовство ни къ чему не привело, такъ же какъ и вечеринки, на которыя она приглашала студентовъ, молодыхъ врачей.

Наступилъ канунъ новаго года. Варвара Ивановна все поджидала пріятельницу, томясь одиночествомъ, и, обезсиленная ожиданіемъ, скукой, стала задремывать. Наконецъ въ комнатѣ Анны Игнатьевны хлопнула дверь, раздался знакомый смѣхъ. Она проснулась.

— Идемъ, идемъ,—говорила груднымъ голосомъ Вѣра Але-

ксѣевна, сестра милосердія.—Хорошо бы захватить Варвару Ивановну—все же развлеклась бы.

— А гдѣ же взять домино, маски? Скоро десять.—Варвара Ивановна!—громко сказала акушерка.—Вы не спите?—и постучала въ дверь, соединяющую ихъ комнаты.

— Я все слышу,—отозвалась она.—Куда вы собираетесь, въ маскарадъ?

Ея не разслышали, и она, накинувъ на плечи платокъ, пошла въ комнату сосѣдки и сразу повеселѣла.

— Душа моя, душистая, милая, соскучилась, бѣдная?—говорила Анна Игнатьевна, крѣпко цѣлуя ее.—Никакъ не могла освободиться раньше. Только сегодня утромъ Фролова разрѣшилась. Зато какой ребенокъ—воробьенокъ-во! Десять фунтовъ.

Варвара Ивановна поцѣловалась съ Вѣрой Алексѣевной и сказала:

— Пойдемте лучше въ «Колизей»—очень хвалятъ.

Сестра милосердія не соглашалась и горячась говорила:

— Во-первыхъ—у меня безплатные билеты.—Балъ шикарный.—Во-вторыхъ, проведемъ пріятно время,—я васъ познакомлю...—А главное—отлично поужинаемъ, разумѣется, на чужой счетъ.

— Да какъ же это такъ, вдругъ, собраться?—начала было Варвара Ивановна.

— Пустое, у меня есть знакомая парикмахерская, тамъ все достанемъ. Идемъ же, что за охота здѣсь мариноваться!

Варвара Ивановна вспомнила о Румянцевѣ, о возможности встрѣчи на балу, покраснѣла, оживилась.

И веселыя, взволнованныя, болтая, онѣ пошли къ парикмахеру.

Тихо падалъ лапчатый снѣгъ, ложась на шубы, шапки. Свѣжесть снѣга возбуждала животныхъ, людей. Со звономъ неслись ярко освѣщенные вагоны трамвая, мчались автомобили,—все раздражало, манило къ жизни, движенію. Балъ сталъ представляться Варварѣ Ивановнѣ сномъ, неизвѣданной радостью, какъ въ молодости. Она загадывала: если найдутся домино, маски—все будетъ хорошо...

— Въ прошлую субботу была на «пожарномъ»,—говорила кутаясь Вѣра Алексѣевна,—ну жъ и навеселилась. Совсѣмъ сбила съ толку одного фрукта, всю недѣлю звонилъ въ лѣчебницу.

Провозившись до двѣнадцати съ утюгами, бензиномъ, онѣ поѣхали въ биржу. Громадный залъ былъ переполненъ. Оживленный, нервный говоръ висѣлъ надъ толпой. Тонкая дымка подымалась до самыхъ кессоновъ, съ которыхъ струился голу-

боватый, молочный свѣтъ, казалось, съ трудомъ проникая сквозь горячее дыханіе людей, запахъ туи, гирляндами обнимавшей кіоски, обрамлявшей фризы необъятнаго въ высоту зала.

Съ хоръ звенѣла музыка и ея мѣдные голоса, вмѣстѣ съ запахами, свѣтомъ, волненіемъ толпы, создавали впечатлѣніе жуткаго сна, который неизвѣстно чѣмъ окончится. Люди скоплялись, повинуясь тѣмъ, которые были впереди, и устремлялись туда, гдѣ были суета и смѣхъ, и потомъ, расходясь, случайно попадали въ кулуары, гостиныя, въ теченіе толпы, двигающейся вокругъ зала, по пахучей аллеѣ изъ буксусовъ, лавровъ, пальмъ.

Варвара Ивановна часто оглядывалась, боясь изъ-за неудобной маски, обжигавшей лицо, не узнать Румянцева. Ея пріятельницы тоже искали знакомыхъ.

— Охъ, нехорошо мнѣ,—шептала Варвара Ивановна, прижимаясь къ Аннѣ Игнатьевнѣ.

— Съ непривычки. Я ничего,—отвѣтила она и остановила студента съ черными курчавыми волосами и стриженными усиками. И, освободивъ свою руку, пошла съ нимъ рядомъ. Вѣра Алексѣевна взяла подъ руку пожилого господина въ смокингѣ съ мягкой манишкой, съ горѣвшимъ отъ выпитаго лицомъ и, захихикавъ, заглядывая ему въ глаза, прошла съ нимъ въ буфетъ.

Варвара Ивановна, оставшись одна, нашла свободное кресло, усѣлась между двухъ пожилыхъ женщинъ, сильно надушенныхъ. Кружилась голова, замирало сердце: фраки, домино, мужскія головы, плерезы, эгреты, пышныя шляпы, обнаженныя плечи, бѣлыя манишки, эполеты, — все смѣшалось въ путаный узоръ. Успокоившись, она стала различать лица, костюмы, нетерпѣливо ища Румянцева.

Ей казалось, что всѣ эти люди, пришедшіе сюда, также какъ и она, пришли съ одной тайной надеждой: таинственной встрѣчи, случайнаго объятія, рукопожатія, но она чувствовала, что всѣ скрываютъ это и уйдутъ отсюда, не осиливъ душевнаго холода, не найдя удобной минуты для того, чтобы перешагнуть черту, которая разъединяетъ людей. Свыкаясь съ пестротой бала, она чувствовала себя свободнѣе, сильнѣе. Примѣръ женщинъ, свободно подходящихъ къ незнакомымъ мужчинамъ, поощрялъ и ее и, помня наставленія Вѣры Алексѣевы, какъ нужно интриговать, она стала наблюдать за мужчинами безъ дамъ.

Неподалеку отъ нея стоялъ немолодой господинъ со старательно расчесаннымъ проборомъ и скучалъ, дѣлая видъ, что кого-то ищетъ.

Варвара Ивановна подошла къ нему и, вмѣсто того

чтобы сказать, какъ ее учила Вѣра Алексѣевна: — «Я тебя знаю» — безъ словъ, смѣло взяла его подъ руку и неожиданно для себя спросила:

— Ты знакомъ съ Румянцевымъ, Nemo, журналистомъ?

— Знакомъ,—отвѣтилъ онъ, улыбаясь, наклоняясь къ ней.

— Да? Онъ здѣсь?—тихо спросила она.

— Здѣсь. Хочешь вина?

Варвара Ивановна поблагодарила и, блѣднѣя, отошла отъ него, воспользовавшись тѣмъ, что мимо проходила Анна Игнатьевна со своимъ студентомъ.

— Онъ здѣсь,—шепнула она ей.

Варвара Ивановна вернулась къ своему креслу, которое оказалось занятымъ и, подхваченная теченіемъ, очутилась въ кругу, обрамленномъ растеніями среди зала. И здѣсь, какъ и повсюду, было тѣсно. Маски, костюмированныя женщины безтолково толпились вокругъ мужчинъ, выпрашивая талоны.

Новое теченіе вынесло ее опять въ аллею, шедшую вокругъ зала.

Два раза она ошибалась, принимая актеровъ за Румянцева, и, наконецъ, увидѣла его.—Онъ прошелъ близко мимо нея съ маской, въ домино, глядя на нее черезъ плечо, отчего его разжирѣвшая шея, налегая на воротникъ, отвисала.

Варвара Ивановна больше ужъ не интересовалась ничѣмъ—снова мужчины, женщины слились въ путанный узоръ, смѣшались въ одно тягучее тѣло, заполнившее всѣ углы зала, гостиныя, проходы. Опять закружилась голова. Едва дойдя до диванчика, она тяжело опустилась на него, закрыла глаза и такъ просидѣла нѣсколько минутъ; успокоившись, стала спокойно обдумывать, что скажетъ Румянцеву при встрѣчѣ. Приходили замысловатыя, интригующія мысли, слова, отъ которыхъ было то смѣшно, то хотѣлось плакать.

Она удивлялась, что Румянцевъ такъ быстро постарѣлъ, обрюзгъ, полысѣлъ. Его актерское лицо стало надменнымъ, пресыщеннымъ, глаза безцвѣтными, тусклыми.

Остановивъ проходившую мимо нея Вѣру Алексѣевну, она попросила ее научить, какъ обратить на себя вниманіе Румянцева.

— Очень просто...

— Вотъ онъ...—сказала Варвара Иванова шопотомъ, дрожащей рукой сжимая ея руку, кивая на Румянцева, пробирающагося имъ навстрѣчу.

— Ты ищешь ее...—начала бойко Вѣра Алексѣевна, под-

ходя къ нему,—а она тебя ждетъ давно,—она потянула за руку къ нему Варвару Ивановну.

— Правда?—холодно-ласково спросилъ Румянцевъ, взглянувъ на нее, и предложилъ ей руку.

Они пошли по теченію, она молчала, едва касаясь его руки.

— Ты, должно быть, въ первый разъ въ маскарадѣ?—сказалъ онъ.

— Нѣтъ,—отвѣтила она и почувствовала, какъ краска заливаетъ ея лицо.

— Когда же ты была въ послѣдній разъ?

— Съ вами... — съ тобой, — поправилась она, — четыре года тому назадъ.

Румянцевъ внимательно посмотрѣлъ на нее и сказалъ:

— Вотъ какъ!—и замѣтилъ: — Ротъ у тебя красивый, ты вообще... очень мила.

— Четыре года тому назадъ у тебя была пріятельница, которую ты бросилъ и забылъ,—сказала Варвара Ивановна, смѣлѣя.

— Я бросилъ? — Онъ поднялъ брови. — Я предпочитаю, чтобы мнѣ измѣняли.

Она хотѣла сказать, какъ ее учила Вѣра Алексѣевна: «ты лжешь», но вмѣсто этого она продолжала:

— Ты ее любилъ, встрѣчался часто, каждый вечеръ.

— Ну это было бы слишкомъ часто.—Онъ засмѣялся.— Каждый вечеръ? Нѣтъ, этого не могло быть.

— Нѣтъ, это было такъ.

— Какъ ее звали?

— А вотъ вспомни. У нея были синіе глаза, на лѣвой щекѣ родимое пятнышко, ты его такъ любилъ...

Его рука вздрогнула, но онъ дѣланно, равнодушно сказалъ:

— Не припомню—и поздоровался на ходу со знакомымъ офицеромъ.

— Ты не могъ ее забыть, ты знаешь, о комъ я говорю,— и помолчавъ продолжала: — Ты, вѣроятно, обрадуешься: ея... твой сынъ у меня на воспитаніи, — сказала она приготовленную фразу.

— Ничего не понимаю.

Варвара Ивановна вздохнула и продолжала:

— Ну, хорошо, я тебѣ припомню еще одну вещь. Однажды вы возвращались съ прогулки, пошелъ дождь, крытыхъ извозчиковъ не было... потомъ... потомъ ты свою даму оставилъ въ мелочной лавкѣ, а самъ поѣхалъ за плащемъ.

— Хочешь вина? —перебилъ ее Румянцевъ. У него заше-

велились волосы. Сначала онъ обрадовался, потомъ испугался. Ему почудилось, что въ его жизнь врывается старое, отъ котораго онъ былъ такъ далекъ, инстинктомъ, онъ почуялъ опасность. Они подошли къ кіоску, около котораго было разставлено нѣсколько столиковъ. Онъ заказалъ вино и старался припомнить имя той женщивы, которая, ускользнувъ изъ его жизни какъ тѣнь, несомнѣнно опять была съ нимъ, но не могъ вспомнить.

— Что-то такое... — началъ онъ нетвердо, — какъ будто, точно, что-то похожее было. Но... нѣтъ. Она на балу?

— Она умерла. — Хочешь познакомиться со своимъ сынкомъ?

Румянцевъ не отвѣтилъ, слегка поблѣднѣлъ. Они помолчали, потомъ онъ сказалъ, чокаясь съ ней:

— Сначала показалось что-то знакомое... Нѣтъ, это не то: я не знаю, о комъ ты говоришь.

— И тебѣ не стыдно?

— Мнѣ? — Нисколько! — безпечно сказалъ Румянцевъ.

Варвара Ивановна смотрѣла на него, когда-то близкаго человѣка, припоминая каждую черточку на лицѣ, и ей было совершенно ясно, что онъ лжетъ, это ее невыразимо оскорбляло.

Съ хоръ протяжно неслись золотые трубные униссоны вальса, они томили, какъ-бы прикасаясь къ самому сердцу.

— Да, да,—тянулъ Румянцевъ, безуспѣшно вспоминая имя Варвары Ивановны, тяготясь встрѣчей, ища предлога оставить ее, и взглянулъ на часы.

Она какъ ужаленная поднялась, проскользнула въ толпу, ничего не видя изъ-за набѣгавшихъ слезъ, и хотя Румянцевъ казался ей совсѣмъ чужимъ человѣкомъ, но было жаль того теплаго, дождливаго вечера, когда онъ, такой внимательный, нѣжный, ѣздилъ за плащемъ.

Съ трудомъ, обезсиленная, она добралась до уборной. Тамъ тонко пахло пудрой, духами. Раскраснѣвшаяся полная женщина, безъ маски, курила. Варварѣ Ивановнѣ табачный дымъ показался отвратительнымъ, какъ и маленькая пухлая ручка, въ перстняхъ, въ которой она держала тонкую папироску. Со смѣхомъ вбѣжала высокая женщина, въ розовомъ домино, захлопнувъ дверь передъ носомъ преслѣдовавшаго ее офицера. Потомъ вошла толстая, юркая женщина и безцеремонно стала перебирать руки у масокъ, ища кого-то.

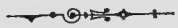
Варвара Ивановна сняла маску, припудрила лицо и устало сѣла въ мягкое кресло. Изъ-за тяжелой, дубовой двери неясно долетали звуки. Ей казалось, что Румянцевъ и она уже умерли,

умерли всѣ тѣ, которые, когда-то, вмѣстѣ съ ними, были веселы, молоды, любили другъ друга; и хотя они еще ходили на балы и дѣлали все то, что̀ и раньше, но ихъ, прежнихъ, уже нѣтъ. И не останется въ мірѣ ничего, все изживается. Любовь изнашивается такъ же быстро, какъ вещи. Умеръ мужъ, потомъ дѣти и отъ горестнаго чувства утраты не осталось ничего. Она на балу, среди шума, свѣта—давно забыла о нихъ, даже перестала служить панихиды по нимъ. А они теперь лежатъ тамъ, на кладбищѣ, подъ своими плитами, забытые, занесенные снѣгомъ и терпѣливо дожидаются ея.

Облокотившись, она закрыла глаза, ей живо представилось, что и она лежитъ въ землѣ и на ея могилку мягкимъ ковромъ ложится лапчатый снѣгъ.

Она вышла изъ уборной, на нее дохнула горячая, возбужденная атмосфера бала, потянула къ себѣ музыка, мелкая дрожь охватила ее... Она стала колебаться, направилась было въ залъ, но, сдѣлавъ надъ собой усиліе, рѣшительно прошла въ гардеробную и въ первый разъ чувствомъ поняла, что безъ надежды нѣтъ жизни, какъ бы она ни была ничтожна, и хотя она часто забывала о существованіи Румянцева, но въ глубинѣ души все-же жила надежда и теперь она погасла навѣки. И монастырскій садъ, чистенькія, залитыя солнцемъ, комнатки тетки, съ навощенными полами, непреодолимо стали ее влечь къ себѣ.

Петръ Нилусъ.



ФРАНЦІЯ ЭПОХИ ВОЗРОЖДЕНІЯ [1]).

ГЛАВА I.

Внѣшнія судьбы Франціи въ эпоху Возрожденія. Войны съ Италіей, Испаніей и Англіей.

Преемники Людовика XI рѣзко уклонились отъ его задачи сколачиванія французскаго государства изъ отдѣльныхъ частей Галліи, объединенныхъ единствомъ языка, единствомъ, не устраняющимъ, однако, различія сѣвернаго и южнаго говоровъ: langue d'oil и langue d'oc. Тогда какъ Людовику XI всего дороже была мысль о сохраненіи за французскимъ королемъ Бургундіи, его преемники стали задаваться всякаго рода завоевательными планами, опирая свои притязанія на болѣе или менѣе спорные титулы, основу которымъ клали расчеты не столько родства, сколько свойства. Отсюда воинственные замыслы по отношенію къ Италіи и испанскимъ владѣніямъ въ Нидерландахъ. Отсюда походы Карла VIII и Людовика XII въ Италію. Отсюда временныя занятія не одной только Ломбардіи, но и частей Неаполитанскаго королевства на томъ основаніи, что ими правила одно время родственная Валуа анжуйская династія, принужденная

---

[1]) Важнѣйшія сочиненія, принятыя во вниманіе при составленіи этого очерка: томъ V-й „Исторіи Франціи" Лависса (онъ написанъ Анри Лемонье и посвященъ исторіи войнъ съ Италіей, характеристикѣ жизни Франціи при Карлѣ VIII, Людовикѣ XII и Францискѣ I); пятый томъ распадается на двѣ части, изъ которыхъ первая появилась въ 1903 г., вторая—въ 1904. Второй томъ „Исторіи Франціи", предпринятой Функъ Брентано. Онъ озаглавленъ: „Возрожденіе" и написанъ Луи Батиффоль (L. Batiffol), бывшимъ ученикомъ „Школы Хартій". 1-й томъ сочиненія Imbart de la Tour, профессора въ Бордо, озаглавленный: „Франція новаго времени". Онъ составляетъ первую часть многотомнаго труда, посвященнаго авторомъ происхожденію реформаціи. Томъ этотъ вышелъ въ 1905 г. Сочиненіе Эмиля Фагэ (Faguet), озаглавленное „Шестнадцатое столѣтіе" и заключающее въ себѣ рядъ литературныхъ портретовъ этого вѣка. Сочиненіе Abel Lefranc: „Великіе писатели Франціи эпохи Возрожденія" (1914 г.) и его же: „Исторія Collège de France" (1893 г.).

уступить мѣсто правителямъ Аррагона, отъ которыхъ, въ свою очередь, ведутъ свои права на южную Италію въ XVI в. правители объединеннаго королевства,—единой Испаніи. Не ранѣе Франциска I-го можно отмѣтить поворотъ въ сторону политики Людовика XI, политики, болѣе дорожащей Бургундіей, чѣмъ лежащими за Альпами спорными владѣніями въ Италіи. Францискъ готовъ поступиться всѣми своими титулами на зарубежныя земли, но только не правами на Бургундію. Намъ необходимо сосредоточить вниманіе на двухъ важнѣйшихъ явленіяхъ французской иностранной политики за XVI столѣтіе—на походахъ французскихъ королей въ Италію и на соперничествѣ Франциска I съ Карломъ V изъ-за обладанія не одной имперской короной, но и свѣтскимъ руководительствомъ всего христіанскаго міра, міра католическаго.

Такъ какъ мы принуждены останавливать вниманіе читателей лишь на крупныхъ явленіяхъ французской жизни XVI в., то мы лишь весьма кратко коснемся споровъ, вызванныхъ вопросомъ о томъ, кто будетъ стоять во главѣ правительства до совершеннолѣтія Карла VIII—ребенка съ большой головой и дряблымъ тѣломъ, котораго боялись чему-либо обучать изъ страха за его здоровье, надѣялись укрѣпить избыткомъ физическихъ упражненій, въ особенности охотой. Когда Людовикъ XI скончался въ окрестностяхъ Тура 30 августа 1483 г., не сдѣлавъ никакихъ распоряженій на счетъ регентства, его дочь Анна, въ молодости еще вступившая въ бракъ съ Пьеромъ де-Боже, младшимъ членомъ рода Бурбоновъ, сумѣла взять въ свои руки власть и обезпечить тѣмъ вліяніе своего мужа. Такъ какъ послѣдній встрѣтилъ опаснаго противника въ герцогѣ Орлеанскомъ, къ которому, въ случаѣ смерти Карла VIII, долженъ былъ перейти престолъ, то, чтобы упрочить свое положеніе, Боже рѣшили созвать генеральные штаты. Они открылись въ Турѣ въ 1484 г. На нихъ Филиппомъ Поттомъ, депутатомъ Бургундіи и сторонникомъ Анны Боже, высказаны были взгляды, отразившіе на себѣ вліяніе тѣхъ демократическихъ доктринъ, которыя въ концѣ XV вѣка, подъ вліяніемъ вновь возродившагося изученія классической древности, частью благодаря усилившейся борьбѣ средневѣковыхъ сословій и недавно эмансипированнаго простонародья съ монархіей «Божіей милостью», стали проникать въ широкіе круги, если не трудящагося люда, то зажиточной буржуазіи. Марсилій Падуанскій еще въ XIV в. явился истолкователемъ такихъ взглядовъ въ самый разгаръ борьбы папъ съ императорами. Въ своемъ «Защитникѣ мира» (Defensor pacis) онъ высказалъ то положеніе, что народному рѣ-

шенію императоры обязаны своей властью. Теперь та же теорія высказывается на самихъ генеральныхъ штатахъ. «Государство дѣло народное», говоритъ Ф. Поттъ. «Изначала самодержавный народъ создалъ королей. Нельзя поэтому признавать верховенства за княземъ, который самъ существуетъ только по волѣ народа. Генеральные штаты стоятъ выше короля и должны, поэтому, издавать свои приказы». Штаты не пошли по указанному имъ пути и рѣшили положиться въ вопросѣ о томъ, кому управлять королевствомъ, на волю монарха, господъ и князей, и королевскаго совѣта. Но штаты позволили себѣ въ числѣ пожеланій выразить надежду, что ихъ будутъ созывать каждые два года. На слѣдующій день, когда депутаты вновь должны были возобновить свое засѣданіе, вся мебель оказалась вынесенной изъ зала засѣданія. Депутаты поняли, въ чемъ дѣло, и разбрелись по домамъ безъ всякаго протеста. Съ этого времени пройдетъ три четверти вѣка прежде, чѣмъ правительство рѣшится созвать ихъ вновь, боясь общаго представительства сословій страны. Короли или совершенно будутъ обходиться безъ штатовъ, или удовольствуются созывомъ ихъ по провинціямъ, или, въ замѣнъ сословнаго представительства, ограничатся совѣщаніемъ съ наиболѣе вліятельными и могущественными членами титулованнаго земельнаго дворянства, рѣдко когда—дворянства судебнаго, да еще высшими церковными іерархами, въ общемъ образующими такъ называемое собраніе нотаблей. Отсутствіемъ генеральныхъ штатовъ воспользуются высшія судебныя палаты королевства и въ числѣ ихъ парижскій парламентъ. Они заявятъ претензію быть генеральными штатами въ миніатюрѣ (États généraux au petit pied), захватятъ право примѣнять въ своихъ судебныхъ рѣшеніяхъ только тѣ королевскіе указы (édits), которые признаны будутъ ими согласными съ государственными законами Франціи, и будутъ включены въ ту письменную запись общеобязательныхъ нормъ, которую ведетъ для себя парламентъ. Въ своихъ устныхъ и письменныхъ протестахъ парламенты будутъ объяснять причины, побудившія ихъ къ отказамъ въ регистраціи. Чтобы сломить ихъ противодѣйствіе, королю не разъ придется отдавать личный приказъ на засѣданіи парламента включить новый эдиктъ въ парламентскую книгу. Эти личныя явки короля въ парламентъ въ сопровожденіи свиты, съ цѣлью сдѣлать вышеуказанныя заявленія, получатъ извѣстность подъ наименованіемъ lits de justice. Когда въ ближайшіе годы по воцареніи Франциска I архіепископъ Туринскій де-Сейсель, близкое лицо къ покойному королю Людовику XII, по

желанію молодого правителя государства изложить основы политическаго строя Франціи въ трактатѣ: La grande monarchie, онъ ни словомъ не обмолвится о существованіи генеральныхъ штатовъ и приметъ во вниманіе одну политическую роль парламента.

Междуусобія, вызванныя недовольствомъ герцога Орлеанскаго тѣмъ, что все управленіе страною перешло въ руки семьи Боже, междуусобія, извѣстныя въ исторіи подъ названіемъ «безумной войны» (la guerre folle), окончились заточеніемъ герцога Орлеанскаго на 3 года и обязательствомъ, принятымъ его союзникомъ герцогомъ Бретани Франциской II, не выдавать своей дочери замужъ иначе, какъ съ разрѣшенія французскаго короля. Этотъ запретъ сдѣлалъ невозможнымъ союзъ молодой наслѣдницы съ австрійскимъ герцогомъ Максимиліаномъ, будущимъ императоромъ, и побудилъ регентшу Франціи избрать Анну изъ Бретани въ невѣсты для короля Карла VIII. Тѣмъ самымъ навсегда Бретань соединена была съ Франціей. Бракъ послѣдовалъ въ 1491 г., и вскорѣ затѣмъ Карлъ VIII достигъ совершеннолѣтія и пожелалъ править страною самовластно, что̀ ни мало не мѣшало тому, что, по отзыву флорентинца де-ла Каза, имъ, какъ человѣкомъ неспособнымъ, могъ бы «руководить всякій». Это руководительство въ значительной степени перешло къ его женѣ. По описанію Брантома, это—хитрая бретонка; живая, умная, находчивая и въ то же время властная до упрямства, она окончательно овладѣла имъ. Образованная, владѣвшая и греческимъ, и латинскимъ языками, она полагала гордость свою въ томъ, чтобы покровительствовать поэтамъ. По ея желанію выполнено было не мало художественныхъ предметовъ изъ золота и серебра. Сама королева владѣла золотой посудой и серебряной съ рѣзьбою въ большомъ количествѣ. Любила она также ткани съ рисунками и заказывала ихъ охотно; да и къ картинамъ она обнаруживала несомнѣнное пристрастіе. Въ дни выходовъ она облекалась въ драгоцѣнныя одежды изъ золотой парчи, обшитой горностаемъ, покрывала свою грудь драгоцѣнными камнями и щедро расточала дары церквамъ и нищимъ. Будучи богаче своего супруга, она изъ собственнаго кармана покрыла издержки построеннаго для него замка въ Амбуазѣ, гдѣ появились восточные ковры, красивыя стѣнныя ткани съ рисунками и артистическая мебель. Она завела блестящій дворъ и держала при себѣ отъ 30 до 40 фрейлинъ. Въ обыденной жизни она одѣвалась просто; носила бретонскій костюмъ, чернаго цвѣта, и жила съ расчетомъ; можно сказать даже—скупо. Героическимъ затѣямъ своего мужа она препятствій

не оказывала; а царственный юноша мечталъ о томъ, чтобы прогнать турокъ изъ Константинополя и возложить на себя корону Константина. Открывшееся за смертью послѣдняго представителя анжуйской династіи, ранѣе владѣвшей Неаполемъ, наслѣдіе въ южной Италіи позволило королю приступить къ частичному осуществленію своихъ намѣреній походомъ на Апеннинскій полуостровъ. René d'Anjou по завѣщанію оставилъ свои титулы на неаполитанскій престолъ, давно уже захваченный правителями Аррагона, французскому королю. Король Карлъ VIII вознамѣрился мечемъ проложить себѣ дорогу въ южную Италію. Италія въ это время представляла пеструю картину княжествъ и немногихъ уцѣлѣвшихъ республикъ, въ ряду которыхъ первенствующее мѣсто принадлежало республикѣ св. Марка—Венеціи. Отдѣльныя княжества развились благодаря захвату власти, гдѣ начальниками наемныхъ дружинъ, такъ называемыхъ compagnie di ventura, гдѣ сановниками, задержавшими въ своихъ рукахъ власть, всего чаще приглашаемыми городомъ со стороны, гдѣ неразборчивыми на средства демагогами, сумѣвшими добиться возведенія ихъ народомъ въ роль диктаторовъ, гдѣ щедрыми на подачки банкирами, создавшими себѣ приверженцевъ матеріальными средствами, гдѣ навязанными папою и аррагонскими правителями Неаполя родственниками законнаго, а чаще всего незаконнаго происхожденія. Въ Миланѣ владычество семьи Висконти успѣло къ этому времени уступить мѣсто «тиранніи» рода Сфорца, предводителя одной изъ наемныхъ дружинъ. За несовершеннолѣтіемъ герцога Джіовани-Галеаца Марія-Сфорца, властью завладѣлъ дядя его по матери—Людовикъ Сфорца, прозванный Мавромъ, за темный цвѣтъ кожи. Сфорца начали объединеніе Ломбардіи подъ своей властью, и Людовикъ Мавръ, продолжая ихъ дѣло, обратилъ Миланъ въ центръ расширяющагося и уже могущественнаго княжества. Препятствіемъ къ честолюбивымъ замысламъ временнаго правителя миланскаго герцогства явились одновременно заявленныя притязанія на миланское наслѣдіе со стороны Карла VIII и сына неаполитанскаго короля, герцога Альфонса изъ Калабріи. Какъ хитрый политикъ, Людовикъ Мавръ рѣшилъ воспользоваться ихъ соперничествомъ и первый подалъ Карлу VIII мысль предъявить свои права на Неаполь. Дѣйствуя подкупомъ, обѣщая кому деньги, кому земли въ Италіи, а кому и кардинальскую шапку, Людовикъ Мавръ склонилъ въ пользу своихъ предложеній многихъ изъ королевскихъ совѣтниковъ. Неаполитанскіе вельможи, недовольные грубой расправой съ ними короля неаполитанскаго изъ аррагонской династіи, бѣ-

жали во Францію и, въ свою очередь, стали ходатайствовать предъ французскимъ дворомъ о скорѣйшемъ походѣ Карла VIII на Неаполь съ цѣлью добиться признанія своихъ правъ. Когда Карлъ VIII рѣшился, наконецъ, предпринять походъ, Людовикъ Мавръ сталъ приписывать себѣ честь привлеченія его въ Италію, говоря: «Я привелъ его сюда и поведу его еще далеко».

Во Франціи не мало было людей, находившихъ всю затѣю нелѣпой. Съ другой стороны въ Италіи многіе были озабочены предстоящимъ приходомъ иноземца, во главѣ съ войскомъ въ 40 съ лишнимъ тысячъ человѣкъ. Преемникъ внезапно умершаго Фердинанда неаполитанскаго, сынъ его Альфонсъ изъ Калабріи, вздумалъ воспротивиться отряду французскаго войска и съ этою цѣлью высадилъ въ окрестностяхъ Генуи 4 тысячи человѣкъ. Но герцогъ орлеанскій, командовавшій французскими отрядами, разбилъ ихъ на голову. Эта первая побѣда получила широкую огласку. Карлъ VIII въ октябрѣ 1494 г. прошелъ со своимъ войскомъ по Ломбардіи, свидѣлся съ умиравшимъ молодымъ герцогомъ въ Миланѣ и расположился со своей арміей въ Пьяченцѣ. Извѣстіе о надвигавшейся на Тоскану опасности застало Флоренцію подъ властью Петра Медичи изъ знаменитаго рода банкировъ этого имени, давшихъ городу и Козьму Старшаго, по прозвищу «Отецъ народный», и Лаврентія Великолѣпнаго. Народъ Флоренціи готовъ былъ принять Карла VIII при его проходѣ въ южную Италію, но этому противился правитель Флоренціи. Популярный въ это время доминиканскій проповѣдникъ Іеремія Саванаролла предсказывалъ нашествіе, выставляя его искупленіемъ за грѣхи. Когда Карлъ VIII перешелъ черезъ Апенинны, двигаясь по направленію къ Флоренціи, Петръ Медичи рѣзко измѣнилъ свое рѣшеніе, отправился навстрѣчу ему и, подъ условіемъ признанія его владычества въ Тосканѣ, согласился снабдить его 200 тысячъ дукатовъ. Слухъ объ этомъ вызвалъ возстаніе народа. Петръ Медичи былъ изгнанъ изъ Флоренціи, и его дворецъ подвергся разграбленію. Самого короля приняли въ городѣ хорошо. Саванаролла, вставшій во главѣ на половину теократической республики, имѣлъ свиданіе съ королемъ и убѣдилъ его покинуть городъ, не ранѣе однако, какъ по уплатѣ французскому монарху 120 тысячъ дукатовъ. Пробывъ съ лишнимъ мѣсяцъ во Флоренціи, Карлъ двинулся далѣе на югъ. Мы не будемъ слѣдить за дальнѣйшимъ шествіемъ французскихъ дружинъ по Апенинскому полуострову. Папа Александръ VI, одно время думавшій о сопротивленіи, и даже призвавшій съ этою цѣлью корпусъ подъ начальствомъ герцога Калабріи, въ концѣ концовъ долженъ былъ уступить. Онъ принялъ короля въ Ватиканѣ;

исполнилъ всѣ его требованія на счетъ провіантированія французскаго войска и его свободнаго прохода въ неаполитанскія владѣнія и далъ монарху свое благословеніе. При одномъ извѣстіи о прибытіи французовъ неаполитанцы устроили возстаніе противъ правительства. Фердинанду II пришлось укрѣпиться «въ замкѣ яйца». Это не помѣшало Карлу войти въ Неаполь и въ нѣсколько дней подчинить себѣ всѣ провинціи королевства. При явномъ желаніи населенія избавиться отъ своего властителя, Фердинанду ничего не оставалось другого, какъ бѣжать на островъ Искію, а оттуда затѣмъ въ Мессину. Торжество французовъ, однако, продолжалось недолго.

Всѣ въ Италіи поняли опасность упроченія въ ней французскаго владычества, и 1 апрѣля 1495 г. въ кабинетѣ дожа Венеціи подписанъ былъ договоръ, которымъ папа, императоръ, король испанскій, венеціанская республика и правитель Милана Людовикъ Мавръ заключили союзъ противъ французовъ. Карлъ VIII не рѣшился выжидать событій въ Италіи и, оставивъ въ Неаполѣ корпусъ въ 12.000 человѣкъ, пустился съ остальной арміей въ обратный путь. Послы изъ Флоренціи упросили его не проходить черезъ ихъ городъ. Карлъ двинулся съ войскомъ на Пизу и прошелъ въ Апеннины. Здѣсь ждало его при спускѣ съ горъ 40.000-е войско союзниковъ подъ предводительствомъ Франциска Гонзаго, маркиза Мантуи. Съ большимъ трудомъ провелъ Карлъ свое 10.000-е войско черезъ Апеннины. У ихъ подошвы послѣдовало сраженіе, въ которомъ, несмотря на перевѣсъ силъ со стороны итальянцевъ, французы побѣдили. Карлъ двинулся на сѣверъ на Пьяченцу и Александрію въ Асти. Но въ то время, какъ онъ избѣгъ, такимъ образомъ, грозившей ему опасности, отрядъ французовъ, оставленный имъ въ Неаполѣ, осажденъ былъ войскомъ неаполитанскаго короля и принужденъ сдаться на капитуляцію. Отъ французскаго владычества ничего не осталось послѣ того на югѣ Италіи, и Карлу VIII пришлось перейти Альпы для возвращенія на родину.

Спрашивается: какое же значеніе имѣлъ походъ французовъ въ Италію? Долгое время господствовало мнѣніе, что имъ положено было начало французскому Возрожденію, что благодаря ему французы впервые ознакомились съ сокровищами итальянской живописи, скульптуры и занесли въ собственную родину зародыши того обновленія литературы и искусства, начало которому впервые положено было въ Италіи. Посмотримъ, насколько основательна подобная точка зрѣнія?

Батиффоль въ книгѣ, премированной Академіей нравствен-

ныхъ и политическихъ наукъ, отмѣчаетъ тотъ характерный фактъ, что французы, повидимому, ничего не замѣтили изъ того грандіознаго движенія, какое въ это время происходило въ Италіи, готовя міровой культурѣ новыя судьбы. Карлъ VIII, въ бытность свою во Флоренціи, особенно заинтересовался звѣринцемъ съ львами. Церемоніймейстеръ Ватикана въ своемъ дневникѣ разсказываетъ о посѣщеніи папскаго дворца королемъ. Изъ этого описанія можно заключить, что король ничѣмъ не восхитился. Въ одномъ Неаполѣ Карла поразили сады и потолки. Приглашенные имъ работники и въ числѣ ихъ Пачелло де-Мерколіано въ Амбуазѣ и Блуа завели сады по итальянскому образцу. Карлъ забралъ съ собою до 20 рабочихъ, въ числѣ ихъ были столяры, портные, каменщики, живописцы, скульпторы. Всѣ они, повидимому, нашли занятія при постройкѣ дворца въ Амбуазѣ. Но такъ какъ постройка этого дворца начата была Карломъ ранѣе его похода въ Италію и продолжена Людовикомъ XII, то нельзя рѣшить, въ какой степени самый этотъ дворецъ носитъ на себѣ слѣды того впечатлѣнія, какое французы вынесли изъ перваго похода въ Италію. Батиффоль указываетъ также, что составители стихотворнаго описанія похода Карла VIII, его современники: Октавіанъ де-Сен-Желэ и Андрей де-ла-Виннь—ничего не отмѣтили помимо праздниковъ и торжествъ.

Въ одной только Павіи ихъ поразила знаменитая Чертоза, сдѣланная, какъ они пишутъ, изъ мрамора, но съ аллебастровымъ порталомъ. Но если въ области художественнаго творчества Неаполь не оказалъ прямого воздѣйствія на Францію, то его политическіе порядки, быть можетъ, не остались чужды тому усиленію монархическаго начала, которое мы вообще отмѣчаемъ въ исторіи Франціи XV в. Въ извѣстной книгѣ Монье: «Опытъ литературной исторіи Италіи въ XV в.» приводится отрывокъ изъ сочиненія Джуліано Майо «о величествѣ государей». Въ немъ чуть не за столѣтіе до Людовика XIV-го уже излагается теорія ничѣмъ не сдерживаемаго абсолютизма. «Феранте—неограниченный правитель. Это въ нѣкоторомъ родѣ король—солнце,» пишетъ Монье. «Мы вѣруемъ въ единаго Бога во славѣ, видимъ единое солнце на небѣ и обожаемъ на землѣ единаго короля»,—такъ выражается Майо. «Всякая вѣра и всякій законъ, всякій блескъ исходитъ отъ монарха», пишетъ Монье. Когда монархъ возвращается изъ изгнанья, народъ привѣтствуетъ его кликомъ: «Мессія» [1]).

[1]) Филиппъ Монье, русскій переводъ, стр. 536.

Вообще не слѣдуетъ забывать, что увлеченіе Италіей наполняетъ собою XVI столѣтіе на всемъ Западѣ, въ томъ числѣ и въ Англіи. Современникъ Елизаветы Гаррисонъ говоритъ о своихъ обитальянившихся соотечественникахъ. Эта одержимость Италіей сказывается и въ сферѣ политической мысли. Англичанинъ Мельвиль возвращается на родину ревнителемъ самодержавія. Приглашенный на каѳедру въ Оксфордѣ, Альберикъ Джентилисъ проповѣдуетъ доктрину неограниченной монархіи. Все это, правда, явленія позднѣйшей исторіи, по отношенію къ походу Карла VIII, но знакомство съ итальянскими порядками и именно тамъ, гдѣ, какъ въ Неаполѣ, они приняли характеръ абсолютизма, началось на западѣ и, въ частности во Франціи, съ похода Карла VIII. Въ серединѣ XVI столѣтія итальянское вліяніе уже скажется разрывомъ съ тѣми порядками патріархально-семейнаго обихода, который Функъ-Брентано справедливо отмѣчаетъ при дворѣ французскихъ монарховъ въ средніе вѣка, въ эпоху, когда складывались такъ называемыя Chansons de gestes. Ошибка блестящаго французскаго историка въ томъ, что онъ распространяетъ свою доктрину и на эпоху уже сказавшагося вліянія Италіи. Оно, повидимому, было однохарактерно съ тѣмъ, какое Византія оказала на дворъ московскаго государя.

Попытка завоевать часть Италіи, въ частности Миланъ съ его окрестностями, возобновлена была Людовикомъ XII, преемникомъ Карла VIII, скончавшагося вскорѣ послѣ похода. На этотъ разъ предъявлены были притязанія, унаслѣдованныя отъ Валентины Висконти, дочери Ивана Галеаца Висконти, перваго герцога Милана. Валентина Висконти была бабкою короля. Родъ Висконти прекратился уже около полувѣка и мѣсто ихъ заняли, какъ я сказалъ, Сфорца. Но это соображеніе не остановило Людовика XII, и онъ предъявилъ притязанія на права, о которыхъ не заходило рѣчи съ 1447 года. Людовикъ XII озаботился заключить союзъ съ Венеціей и, чтобы имѣть папу на своей сторонѣ, не побрезгалъ поддержкой Цезаря Борджіа, извѣстнаго тиранна Романьи, дѣйствія котораго Макіавелли поставилъ въ образецъ всѣмъ узурпаторамъ. Король получилъ также отъ швейцарцевъ обѣщаніе служить въ его войскѣ.

Съ головокружительной быстротою миланскія владѣнія оказались въ рукахъ Людовика XII. Людовикъ Мавръ бѣжалъ въ Инсбрукъ, ища убѣжища у императора Максимиліана. Людовикъ XII поспѣшилъ посѣтить свои владѣнія. Онъ принятъ былъ великолѣпно. Въ его честь устроенъ былъ рядъ пиршествъ.

Но владѣнія прежняго Миланскаго герцога подверглись сокращенію, благодаря тому, что венеціанцы заняли всѣ земли по правому берегу Адды, а Цезарю Борджіа Людовикъ XII позволилъ присоединить къ своимъ владѣніямъ Имолу, Форли, Пезаро, ранѣе принадлежавшія родственникамъ Людовика Сфорцы. Но едва король французскій оставилъ Италію, какъ повторилось то же, что было съ его предшественниками. Миланъ, недовольный грубостью французскихъ солдатъ, оставленныхъ подъ начальствомъ Тривульція, поднялся въ концѣ января 1500 года. Тривульцій бѣжалъ со своими полчищами, а Людовикъ Сфорца вернулся въ Миланъ. Битва подъ Наварэ рѣшила только временно участь недавно сдѣланныхъ завоеваній. Неполучившіе жалованія солдаты Людовика Сфорца отказались драться. Другіе покинули лагерь, остальные потерпѣли пораженіе отъ предводительствовавшаго французскимъ ополченіемъ, Ла-Тремулль. Самъ Людовикъ Сфорца попался въ плѣнъ и кончилъ свою жизнь въ заточеніи. Если бы Людовикъ XII удовольствовался однимъ владычествомъ въ Ломбардіи, французамъ, быть можетъ, удалось бы водвориться въ Италіи. Но онъ вздумалъ оживить притязанія Карла VIII на Неаполь. И такъ какъ на послѣдній предъявляли права также испанцы, ему пришлось уговориться съ ними на счетъ раздѣла королевства и уступить испанцамъ Апулію и Калабрію. Въ маѣ 1501 г. предпринятъ былъ походъ на Неаполитанское королевство. Въ немъ принялъ участіе Цезарь Борджіа. Французы и испанцы одновременно вторглись въ предѣлы Неаполитанскаго королевства; взяли приступомъ городъ Капую, подвергли ее жестокому опустошенію, перерѣзали въ ней не мало народу и заставили короля Неаполитанскаго бѣжать изъ своихъ владѣній. Но вскорѣ союзники разссорились между собой. Послѣдовавшее между обѣими сторонами сраженіе выиграно было испанцами въ то самое время, когда Людовикъ XII вступилъ уже въ мирные переговоры съ Фердинандомъ Католическимъ.

«Онъ обманулъ меня дважды», воскликнулъ король французскій, узнавъ о пораженіи своего войска. Фердинандъ Католическій, противъ котораго былъ направленъ этотъ упрекъ, отвѣтилъ на него словами: «Вретъ этотъ пьяница: я обманулъ его не дважды, а десять разъ». Король французскій не захотѣлъ, однако, признать себя побѣжденнымъ и снарядилъ новую армію, но и она потерпѣла пораженіе отъ того же испанскаго полководца Гонзальва изъ Кордовы. При извѣстіи объ этомъ, король заболѣлъ и его супруга, Анна Бре-

танская, предвидя переходъ престола къ одному изъ отдаленныхъ родственниковъ короля, Франциску, герцогу Ангулемскому, собрала свое достояніе и вздумала отправить его въ Бретань. Но ея транспортъ задержанъ былъ маршаломъ Жіэ. Между тѣмъ Людовикъ XII выздоровѣлъ, и его жена настояла на томъ, чтобы маршала привлекли къ отвѣтственности. Маршалъ обвиненъ былъ Тулузскимъ парламентомъ, лишился своего званія и ему запрещено было приближаться на десять лье ко двору короля.

Къ итальянскимъ дѣламъ король вернулся лишь нѣсколько лѣтъ спустя, когда папа Юлій II организовалъ противъ Венеціи цѣлый союзъ, съ цѣлью помѣшать дальнѣйшему расширенію ея владѣній на Апенинскомъ полуостровѣ. Въ союзъ съ папой вошелъ на ряду-съ императоромъ и королемъ англійскимъ и король французскій. Договоръ заключенъ былъ въ Камбрэ въ 1508 г. Такимъ образомъ, положено было начало знаменитой лигѣ, изъ которой республика вышла съ потерей нѣкоторыхъ городовъ въ пользу папы и императора. Первому досталась Равенна и Фаэнца съ Имолой, второму Падуа, Винченца и Верона. Получивъ то, что̀ ему было нужно, папа измѣнилъ французамъ и перешелъ на сторону Венеціи. Французамъ не удалось, поэтому, сохранить за собою уже занятыхъ ими Бресчіи, Кремоны и Бергамо. Пришлось волей-неволей и вопреки общественному мнѣнію Европы, не одобрявшему столкновенія съ духовной главой католическаго міра, открыть походъ противъ папы. Французское войско заняло Болонью, а папскія ополченія, въ союзѣ съ испанскими, разбиты были подъ Равенной въ 1512 г. Тогда венеціанцы подняли кличъ о необходимости изгнать чужеземцевъ изъ Италіи. Въ нѣсколько дней снаряженныя ими три войска заставили предводителя французскаго отряда Ла-Палисъ очистить Миланъ и его окрестности. Одинъ изъ сыновей Людовика Сфорца Максимиліанъ снова занялъ въ Миланѣ положеніе герцога. Чтобы сразить французскаго короля, папа Юлій II не остановился передъ тѣмъ, чтобы отлучить его отъ церкви и подвергнуть страну его интердикту. Несмотря на предстательство королевы Анны изъ Бретани Юлій II оставался твердъ въ намѣреніи лишить французовъ возможности совершенія литургіи и всякаго рода требъ. И только послѣ его смерти, папа Левъ X изъ семьи Медичей согласился принять королевскихъ пословъ въ Римѣ и снять наложенный его предшественниками интердиктъ. Въ числѣ пословъ былъ и знаменитый Клодъ-де-Сейсель, будущій авторъ «La grande monarchie de France». Другіе

враги пользовались неудачами французской арміи въ Италіи, чтобы нападать на королевство съ разныхъ сторонъ. Генрихъ VIII англійскій на сѣверѣ Франціи грозилъ отобраніемъ нѣкоторыхъ морскихъ портовъ. Императоръ Максимиліанъ собирался завладѣть Бургундіей. Сами швейцарцы грозили предѣламъ королевства. Пришлось дѣлать уступки и вступать въ переговоры съ каждымъ. Миръ съ папою былъ купленъ дорогою цѣною— отказомъ отъ Милана. Отказъ этотъ былъ, однако, прикрытымъ. Людовикъ XII настоялъ на томъ, чтобы Миланъ перешелъ въ приданое къ его второй дочери Ренэ, а послѣдняя была бы выдана замужъ за сына испанскаго короля. Испанцы нашли въ этомъ свой расчетъ, и такъ навсегда Франціи пришлось разстаться съ идеей владычества въ Италіи. Оправдались слова тѣхъ, кто, подобно Филиппу де-Комину, писалъ, что французы изъ Италіи не принесутъ ничего, кромѣ славы и дыма, или которые, подобно Этьену Понше, совѣтовали королю отказаться отъ дальнихъ походовъ для того, чтобы создать прочную границу своимъ ближайшимъ владѣніямъ (à borner son royaume).

Подъ вліяніемъ ли похода въ Италію или независимо отъ всякаго заимствованія, король и, въ особенности, его супруга, Анна Бретанская, занялись строительствомъ дворцовъ и внутреннимъ ихъ украшеніемъ. Ближайшій совѣтчикъ короля Георгъ изъ Амбуаза воздвигъ въ его царствованіе знаменитый Echiquier de Normandie, дворецъ, въ которомъ помѣщался парламентъ Нормандіи и въ которомъ засѣдаетъ до сихъ поръ окружный судъ Руана. Маршалъ де-Жіэ въ то же царствованіе построилъ «замокъ вертограда» (du Verger). Людовикъ XII увеличилъ зданія судовъ Парижа особой пристройкой для счетной палаты. Онъ создалъ также знаменитый замокъ Блуа, въ которомъ жилъ съ королевой Анной, украсившей свою резиденцію роскошными стѣнными тканями съ историческими рисунками. Въ этомъ дворцѣ она жила, окруженная своимъ дворомъ и даруя щедрыя пенсіи такимъ поэтамъ, какъ Жанъ-Маро, обновитель французской лирики, что не мѣшало ей въ то же время болѣе интересоваться грубыми выходками своего придворнаго шута Трибуле, чѣмъ блестящими риѳмами придворнаго поэта. Послѣ смерти королевы Людовикъ XII не рѣшился остаться долѣе въ Блуа и провелъ свои послѣдніе годы частью въ Сенъ-Жерменѣ, частью въ Венсенѣ. Здѣсь отпразднована была свадьба будущаго короля Франциска съ дочерью французскаго короля Клавдіей, унаслѣдовавшей отъ матери Бретань. Несмотря на свою печаль по умершей королевѣ, Людовикъ XII, чтобы скрѣпить союзъ

съ Англіей, рѣшился вступить въ новый бракъ съ Маріей, сестрой Генриха VIII. На 52 году жизни, чтобы удовлетворить желанія молодой жены, любившей удовольствія, Людовикъ XII, по выраженію одного изъ современниковъ, согласился играть роль «добраго товарища» въ развлеченіяхъ своей супруги. Это ускорило его кончину и открыло возможность Франциску I вступить на престолъ въ самомъ началѣ 1515 г.

Едва-ли найдется много монарховъ въ исторіи Франціи, политика которыхъ могла бы считаться для страны болѣе несчастной, чѣмъ политика Людовика XII. И тѣмъ не менѣе онъ перешелъ въ исторію съ репутаціей отца народнаго. Короля любили за его доступность, внѣшнее благодушіе, нежеланіе сводить счеты съ своими противниками до занятія престола, готовность сохранить положеніе за тѣми, кто успѣлъ выдвинуться при его предшественникахъ. Ближайшій его совѣтникъ былъ епископъ Монтобана Георгій Д'Амбуазъ. Четырнадцати лѣтъ онъ сдѣланъ былъ уже епископомъ и въ молодости сошелся съ Людовикомъ XII, еще бывшимъ въ то время герцогомъ Орлеанскимъ. Д'Амбуазъ взятъ былъ королемъ въ министры тотчасъ же послѣ воцаренія Людовика XII. Это былъ человѣкъ кроткаго нрава, опытный, надежный и трудолюбивый. Онъ пользовался полнымъ довѣріемъ короля. По выраженію современниковъ, все правительство Франціи сосредоточилось въ немъ одномъ. Онъ отличался бережливостью и любилъ правосудіе. А это и дѣлало его популярнымъ въ народѣ, охотно заявлявшемъ въ трудныя минуты: „предоставьте только свободу Жоржу, онъ все это устроитъ". Два недостатка отличали ближайшаго совѣтника короля: непотизмъ и личное честолюбіе. Многое, имъ предпринимаемое, имѣло въ виду одну только цѣль—получить кардинальскую шапку и тѣмъ приблизиться къ тіарѣ. Не мало содѣйствовалъ популярности короля и его бракъ съ Анной Бретанской, вдовою Карла VIII, которую народъ привыкъ любить еще въ прежнее царствованіе. Чтобы сдѣлать этотъ бракъ возможнымъ, король развелся съ прежней своей супругой, дочерью Людовика XI, некрасивой и бездѣтной. Папою въ это время былъ Александръ VI Борджіа. Переговоры съ папскимъ дворомъ о разводѣ велъ Георгъ д'Амбуазъ, а посредникомъ между обоими выступилъ извѣстный генералъ Цезарь Борджіа, незаконный сынъ папы. Разводъ римская церковь не допускаетъ, но папа можетъ признать бракъ ничтожнымъ, при малолѣтствѣ супруговъ, ихъ близкомъ родствѣ и отсутствіи ихъ согласія на супружество. Король могъ сослаться на то, что его женили вопреки его волѣ

и когда ему было всего 11 лѣтъ. Людовикъ XI пригрозилъ сдѣлать его священникомъ или монахомъ, буде онъ не согласится взять въ жены его дочь. Королева Анна не соглашалась на разводъ. Георгъ Д'Амбуазъ принужденъ былъ склонить въ свою сторону Цезаря Борджіа признаніемъ за нимъ званія графства Палентинуа и дарованіемъ ему ежегодной пенсіи въ 20.000 ливровъ. Послѣ этого папа принудилъ судей дать благопріятное рѣшеніе королевскому ходатайству, а Георгъ Д'Амбуазъ получилъ кардинальскую шапку. Дочь же Людовика XI удалилась въ городъ Бургъ, основала въ немъ орденъ «анунціаты» и прослыла за святую. Бракъ на Аннѣ Бретанской, къ которой Людовикъ XII, еще будучи герцогомъ Орлеанскимъ, питалъ сердечную привязанность, скрываемую до поры до времени, имѣлъ и то важное политическое значеніе, что Бретань осталась за Франціей, хотя королева и выговорила въ брачномъ договорѣ, что въ случаѣ бездѣтной смерти герцогство Бретанское достанется не королю Франціи, а ея собственнымъ родственникамъ. Походъ въ Италію въ значительной степени, если не задуманъ, то поддержанъ былъ Георгомъ Д'Амбуазъ. А упорство, съ которымъ король стоялъ за сохраненіе Милана за собою, объясняется тѣмъ, что его ближайшій совѣтникъ, сдѣлавшись кардиналомъ, прилагалъ всѣ свои старанія къ тому, чтобы добиться папскаго званія, опираясь на тѣ связи, какія созданы были въ Италіи присоединеніемъ герцогства Миланскаго. Въ томъ свѣтѣ, какой бросаютъ на царствованіе Людовика XII новѣйшія работы французскихъ историковъ и, въ числѣ ихъ, работа де-Мольда, еще непонятнѣе становится то пристрастіе, какое питали къ нему его подданные. Дѣйствительное объясненіе народнаго довольства правительствомъ лежитъ, по всей вѣроятности, въ томъ матеріальномъ благосостояніи, какимъ пользовалась Франція въ концѣ XV и въ первой четверти XVI вѣка. Причины этого благосостоянія указаны будутъ нами впослѣдствіи.

Преемникомъ Людовика XII явился, въ виду отсутствія у покойнаго короля сыновей, мужъ его дочери, Францискъ I, герцогъ Ангулемскій, двадцатилѣтній красавецъ, извѣстный своей порывистостью и расточительностью, рыцарственный, великодушный, жизнерадостный, настоящій французъ—по выраженію Батиффоля,—со всѣми лучшими качествами и недостатками своей расы. „Мы напрасно копимъ, говорилъ о немъ Людовикъ XII; этотъ толстый мальчишка все расточитъ“ Обожаемый матерью и сестрой, извѣстной поэтессой Маргаритой Наваррской, онъ съ ранней молодости былъ избалованъ окружающими.

Учился онъ мало. Проводилъ время въ чтеніи рыцарскихъ романовъ, сочинялъ стихи, имѣлъ любовныя похожденія, участвовалъ въ охотахъ и турнирахъ, и, вступивъ на престолъ, разумѣется, озабоченъ былъ, прежде всего, мыслью о воинской славѣ. Не мудрено, если первымъ его дѣломъ было возобновленіе притязаній Людовика XII на Миланское герцогство. Съ арміей, составленной изъ 30.000 пѣхотинцевъ, 10.000 конницы и артиллеріи съ 72 пушками, король перешелъ Альпы и разбилъ своего противника въ знаменитой битвѣ подъ Мариньяно. На полѣ сраженія король, доблестно дравшійся во главѣ своей кавалеріи, посвященъ былъ въ рыцари Боярдомъ. Миланское герцогство снова было въ рукахъ французовъ, и его прежній правитель Максимиліанъ Сфорца соглашался поселиться во Франціи подъ условіемъ полученія постоянной пенсіи. Папа, поддерживавшій герцога Миланскаго, поспѣшилъ заключить миръ съ королемъ. При свиданіи съ Львомъ X въ Болоньѣ, король сталъ настаивать на томъ, чтобы папою утверждена была прагматическая санкція Карла VII, на основаніи которой архіепископы, епископы и монастырскіе настоятели подлежали выбору, аннаты или годовой доходъ отъ незанятыхъ епископскихъ столовъ не должны были поступать папѣ, и самъ онъ, какъ и назначенные имъ судьи, лишались права постановки приговоровъ въ церковныхъ дѣлахъ Франціи. Левъ X, подобно своимъ предшественникамъ, не счелъ возможнымъ дать свое согласіе на такія ограниченія правъ главы церкви. Предложена была средняя мѣра. Новымъ договоромъ, получившимъ извѣстность подъ названіемъ конкордата 1516 г., право назначенія на мѣста архіепископовъ, епископовъ и аббатовъ перенесено было въ руки короля. Ничего не сказано было объ аннатахъ и глухо упомянуто о запретѣ рѣшать церковныя тяжбы внѣ предѣловъ Франціи. Парламенты, тѣмъ не менѣе, высказались противъ конкордата, считая сдѣланныя уступки недостаточными. Это не помѣшало конкордату 1516 г. сыграть большую роль въ дальнѣйшей исторіи Франціи и надолго опредѣлить собою отношеніе папскаго стола къ такъ называемымъ „вольностямъ галликанской церкви».

Успѣхъ въ Италіи вскружилъ голову молодому королю и заставилъ его занять опредѣленную позицію въ открывшемся вскорѣ вопросѣ о замѣщеніи освободившагося поста императора Священной Германо-римской имперіи.

Постъ этотъ замѣщаемъ былъ по выбору семичленной коллегіи курфюрстовъ или высшихъ князей имперіи. Коллегію эту составляли три архіепископа:—Майнцскій, Трирскій и Кельнскій

и четыре свѣтскихъ князя:—король богемскій, герцогъ саксонскій, графъ рейнскаго палатината и маркграфъ бранденбургскій. Курфюрсты производили свой выборъ еще при жизни императора. Намѣченный ими наслѣдникъ получалъ имя короля римлянъ. Правившій въ это время имперіей Максимиліанъ имѣлъ своего кандидата въ лицѣ внука—будущаго короля, Карла V, наслѣдника испанскаго престола и вмѣстѣ съ тѣмъ неаполитанскаго королевства, а также доставшихся по браку съ дочерью Карла Смѣлаго—Бургундіи и Фландріи. Притязанія Карла V на имперскій престолъ рѣшился оспаривать Францискъ I. Помимо личнаго честолюбія его побуждалъ къ этому правильный политическій расчетъ—онъ опасался, что при соединеніи судебъ имперіи съ судьбами Испаніи, во владѣніяхъ которой находились сосѣднія къ Франціи земли—южная Испанія и заморскія владѣнія, настолько обширныя, что Карлъ V въ правѣ былъ сказать: «въ принадлежащей мнѣ территоріи солнце никогда не заходитъ», создавалось подобіе всемірной монархіи и гегемонія въ Европѣ переходила въ руки носителя соединенныхъ коронъ имперіи и Испаніи. Абруцкій монахъ Кампанелла, авторъ «Солнечнаго града», возродившаго идеи Платона объ общеніи имуществъ и женъ, не даромъ въ своемъ заключеніи писалъ трактатъ объ испанской монархіи, какъ о способной осуществить, благодаря союзу съ имперіей, идею всемірнаго господства. Францискъ I счелъ нужнымъ воспротивиться осуществленію такой задачи, и его политика опредѣлила собою на цѣлыхъ два столѣтія, чтобы не сказать болѣе, политику Франціи по отношенію къ преемникамъ Карла V, принадлежащимъ къ австрійской вѣтви габсбургскаго дома, неизмѣнно наслѣдовавшей имперскую корону. На курфюрстовъ оба претендента дѣйствовали одними и тѣми же средствами—подкупомъ. Карлъ V по требованію Максимиліана предоставилъ для этой цѣли въ его распоряженіе 300.000 дукатовъ. Максимиліанъ призналъ эту сумму недостаточной и на собственный страхъ отъ имени Испаніи занялъ у банкировъ Фугеровъ еще 30.000 золотыхъ флориновъ. Въ слѣдъ за этимъ Карлъ прислалъ еще 100.000 дукатовъ. Съ этими деньгами Максимиліану удалось склонить маркграфа Бранденбургскаго Іоахима и его брата, архіепископа Майнцскаго отказать Франциску I въ обѣщанной уже ими поддержкѣ. Они были куплены раньше посланцами французскаго короля въ 1516 г. Успѣхъ Франциска I въ это время могъ считаться обезпеченнымъ, такъ какъ ему въ томъ же году и тѣми же средствами удалось склонить на свою

сторону и епископа Трирскаго, и владѣльца рейнскаго палатината. При чемъ его союзникомъ былъ рыцарь Францъ фонъ Зиккингенъ, другъ знаменитаго гуманиста Германіи Ульриха фонъ Гуттена, состоявшаго при дворѣ Майнцскаго архіепископа. Въ числѣ аргументовъ, пущенныхъ въ ходъ противъ кандидатуры Франциска I, не всѣ носили себялюбивый характеръ. Противники Франциска ссылались и на то, что «если французскій король сдѣлается императоромъ, то нѣмцы попадутъ къ нему въ ту же неволю, въ какой находятся его собственные подданные, которыхъ онъ облагаетъ налогами по своему усмотрѣнію» [1]). Въ отпоръ такимъ нареканіямъ Франциск I и сторонники его кандидатуры заявляли о готовности участвовать въ новомъ крестовомъ походѣ, къ которому папа Левъ X призывалъ христіанскихъ правителей и не безъ преувеличеній прославлялъ успѣхи своего флота въ водахъ Леванта. Въ письмѣ Дюпра, написанномъ по желанію Франциска къ епископу Бранденбурга, говорилось, что имя Франциска одно можетъ внушить страхъ туркамъ, особенно въ томъ случаѣ, если бы къ его тилуламъ присоединился новый—цезаря. Въ томъ же документѣ указывалось на то, что и владѣнія испанскаго короля далеки отъ имперіи, и нравы испанцевъ ничего не имѣютъ общаго съ нѣмецкими, тогда какъ нѣмцы и французы во многомъ сходны между собою, имѣя общее происхожденіе отъ «Сикамбровъ» (?!) [2]).

Послѣ долгихъ колебаній общественное мнѣніе Германіи склонилось не въ пользу Франциска I, вздумавшаго поддерживать герцога Ульриха Виртембергскаго, готовившаго въ то время нападеніе на Баварію. Выставлены были новыя кандидатуры: короля англійскаго Генриха VIII и герцога саксонскаго. Послѣдній поспѣшилъ, впрочемъ, отказаться. Предвидя неуспѣхъ и желая воспротивиться выбору испанскаго короля, Францискъ I, къ сожалѣнію, для него слишкомъ поздно, сталъ поддерживать кандидатуру маркграфа Бранденбургскаго. 28 іюня 1519 г. во Франкфуртѣ на Майнѣ Карлъ V провозглашенъ былъ римскимъ королемъ членами коллегіи курфюрстовъ, и этотъ выборъ только усилилъ рознь между нимъ и его неудачнымъ конкуррентомъ. Вся Европа разбилась на два лагеря: одни примкнули къ Карлу V, другіе къ Франциску. Лёмонье, извѣстный знатокъ исторіи Франціи въ XVI в., останавливается на мысли

1) См. „Исторію Франціи“ Лависса, т. V, ч. II: Борьба съ австрійскимъ домомъ, Лемонье, стр. 7.
2) ibid, стр. 6.

объ универсальности проблемъ, затронутыхъ въ этомъ соперничествѣ двухъ главъ католическаго міра. Въ рѣшеніи ихъ участвуютъ и Франція, и Испанія, и Италія, и Германія, и Англія, и Турція. На очередь поставлены вопросы о судьбѣ Италіи, о судьбѣ католицизма и всего христіанскаго міра въ его противоположеніи съ имперіей оттомановъ. Король англійскій сперва стоялъ на сторонѣ Карла и, даже разорвавъ съ нимъ впослѣдствіи, онъ не открылъ противъ него враждебныхъ дѣйствій и боролся съ нимъ только дипломатическимъ путемъ. Итальянскіе правители обнаружили меньшую рѣшимость, такъ какъ боялись въ равной мѣрѣ обоихъ противниковъ. До 1525 г. мы находимъ ихъ на сторонѣ Карла, въ ближайшіе затѣмъ 4 года они поддерживали скорѣе Франциска, послѣ чего были вынуждены вновь вернуться къ союзу съ Карломъ V. Но рѣшающее вліяніе на исходъ борьбы имѣютъ не союзники, а частью внутренніе, частью внѣшніе враги: нѣмецкіе протестанты съ одной стороны и турки съ другой[1]). Оцѣнивая тѣ руководящія начала, которыя выступаютъ въ этомъ соперничествѣ, Лёмонье говоритъ: старая доктрина о руководительствѣ христіанскимъ міромъ папами и императорами не оказываетъ вліянія на ходъ событій. Изъ борющихся сторонъ одинъ только Карлъ V продолжаетъ, повидимому, принимать это ученіе въ серьезъ. Въ свою очередь рѣчь не идетъ объ обезпеченіи свободы совѣсти или о торжествѣ принципа національности. Притязанія, основанныя на правахъ наслѣдованія или на брачномъ договорѣ, до нѣкоторой степени также теряютъ прежнюю силу. Появляется новое начало— забота о сохраненіи нѣкотораго равновѣсія силъ между отдѣльными государствами. Но эта идея европейскаго равновѣсія имѣетъ значеніе только для сильныхъ народовъ и не мѣшаетъ паденію независимости какъ Италіи, такъ и Венгріи и Богеміи[2]).

На исходъ борьбы, несомнѣнно, повліяло безденежье Карла V. Кастилія была бѣдна и поставляла королю всего 400.000 дукатовъ въ годъ. Въ 1519 г., при началѣ столкновенія,—Испанія владѣла изъ заморскихъ колоній одними Антильскими островами, изъ золотыхъ и серебряныхъ рудниковъ которыхъ она получала всего на всего 100.000 дукатовъ. Мексика завоевана была Кортесомъ не ранѣе 1519—20 годовъ. Въ 1522 г. онъ отправляетъ впервые два корабля, нагруженные золотомъ, но французы овладѣваютъ транспортомъ. Что касается до Перу, то онъ завоевывается Пизаромъ только въ 1534 г. и долгое

1) ibid, стр. 15.
2) Ibid., стр. 16.

время доставляетъ доходъ скорѣе испанскимъ авантюристамъ, чѣмъ правительству. Немудрено, если въ такихъ условіяхъ Карлу не всегда было легко расплачиваться съ своими солдатами. Наоборотъ, выгодное экономическое положеніе Франціи, создавшееся еще при предшествующихъ правителяхъ, позволяло правительству расчитываться своевременно съ войскомъ, несмотря на крайнюю расточительность короля. Францискъ I хорошо зналъ, въ чемъ лежала слабость его противника. Въ 1523 г. онъ пишетъ: «Я не боюсь императора, такъ какъ у него нѣтъ денегъ». Тремя годами ранѣе въ письмѣ къ своему послу въ Римѣ Францискъ высказываетъ слѣдующее вполнѣ правильное сужденіе о причинахъ, по которымъ испанскій король кажется ему не опаснымъ... «Его владѣнія разсѣяны по всему міру и лежатъ на далекомъ другъ отъ друга разстояніи. Это одно уже должно было побудить его къ миру. Съ другой стороны, если бы христіанскіе князья узнали о его желаніи расширить свои владѣнія на ихъ счетъ и командовать ими, читая имъ нотаціи (les gourmender l'un après l'autre), они бы не потерпѣли этого и соединились бы съ цѣлью принудить его вернуться домой. Живя свободно, владѣльцы Германіи не пожелаютъ сдѣлать Карла слишкомъ сильнымъ, дабы онъ не поработилъ ихъ» [1]). «Въ своей политикѣ Карлъ V, повидимому, ставилъ себѣ задачей возвращеніе имперіи отошедшихъ отъ нея земель; въ числѣ ихъ были такія, какъ Бургундія, а также Франшконте, города по теченію Сомы, Фландрія и Артуа. Все это были земли, которыми нѣкогда владѣли Карлъ Смѣлый, Филиппъ Добрый, Іоаннъ Неустрашимый. Всѣ эти земли прилегали къ Франціи и одно время были ея составною частью. Если есть что положительнаго въ политикѣ Франциска I, то это то упорство, съ которымъ онъ настаивалъ на невозможности отторгнуть ихъ отъ Франціи, при чемъ онъ ссылался на основной законъ о неотчуждаемости доменовъ. Францискъ оказался болѣе уступчивымъ, когда рѣчь зашла о его династическихъ притязаніяхъ на Италію, притязаніяхъ, основанныхъ на томъ, что въ Неаполѣ до Аррагонцевъ правили князья Анжуйской династіи, родственной Валуа, не говоря уже о правахъ наслѣдованія Миланскимъ герцогствомъ со стороны матери, которыя, какъ мы видѣли, въ самомъ началѣ царствованія были поддержаны удачнымъ походомъ. Въ обоихъ вопросахъ интересы Испаніи сталкивались съ интересами Франціи. Но такъ какъ Миланское герцогство было дальнимъ вла-

---

[1]) Ibid, стр. 14.

дѣніемъ, населеннымъ разноплеменнымъ съ французами народомъ, говорившимъ своимъ языкомъ, то Францискъ I скорѣе рѣшился разстаться съ нимъ, нежели съ Бургундіей. Такимъ образомъ въ его политикѣ уже выступаетъ начало территоріальнаго народа, говорящаго одной рѣчью и имѣющаго если не общее, то сходное прошлое, если не одинаковое происхожденіе, то большую или меньшую общность историческихъ судебъ и этнографическаго состава, въ которомъ германскій элементъ слился съ кельто-римскимъ. Вотъ почему Францискъ I своимъ отстаиваньемъ идеи французскаго единства, а не простой принадлежности ему наслѣдственныхъ земель его дома, выступаетъ съ характеромъ правителя новаго времени и ведетъ поэтому ту же линію, что и Карлъ VII и, въ особенности, Людовикъ XI. XVI столѣтіе вообще является эпохой образованія государствъ націй, въ замѣнъ государствъ вотчинъ и государствъ городовъ.

Мы стоимъ въ началѣ той эры образованія крупныхъ политическихъ тѣлъ путемъ сколачиванія воедино тѣхъ наслѣдственныхъ земель отдѣльныхъ правителей, жители которыхъ объединены между собою единствомъ говора, историческими традиціями и сознаніемъ общности интересовъ въ настоящемъ. Къ такимъ политическимъ конгломератамъ примѣняется принципъ полной независимости ихъ отъ имперіи. Суверенитетъ, теоретическое обоснованіе которому дано будетъ писателемъ второй половины XVI в., Жаномъ Бодэномъ, или что то же, выражаясь русской рѣчью, «самодержавіе государства» означаетъ прежде всего эту независимость. Вполнѣ независимыми признаны будутъ Бодэномъ по отношенію къ Священной Римской Имперіи одинаково: Испанія, Франція и Англія. Но и въ самой Германіи выступятъ съ большой силой всегда присущія ей центробѣжныя стремленія. Они найдутъ новую поддержку въ распаденіи ея населенія на католиковъ и лютеранъ. Религіозная рознь окажется сильнѣе національнаго единства, и саксонскій народъ раздѣленъ будетъ между правителями одного и того же дома, такъ какъ одна изъ этихъ линій останется католической, а другая приметъ протестантизмъ. Осложненное дѣйствіемъ этого новаго разлагающаго элемента, сепаратистическое движеніе скажется въ Германіи постепеннымъ усиленіемъ власти отдѣльныхъ князей и вольныхъ городовъ въ ущербъ имперскому единству и власти его главы. И ко времени созыва Вестфальскаго конгресса Германія, нѣкогда представлявшая единую монархію, перейдетъ въ федерацію духовныхъ и свѣтскихъ княжествъ и городскихъ республикъ, соединенныхъ въ союзы—рейнскій и швабскій, въ федерацію съ изби-

раемымъ императоромъ во главѣ. Такъ какъ отправнымъ моментомъ въ исторіи образованія самодовлѣющихъ политическихъ тѣлъ, свободныхъ отъ всякой зависимости по отношенію къ имперіи и приближающихся къ понятію національнаго государства нашего времени, является періодъ исторіи, открывшійся во Франціи царствованіемъ Людовика XI, если не говорить о разныхъ попыткахъ, сдѣланныхъ въ томъ же направленіи Филиппомъ II Августомъ, и такъ какъ рѣшающимъ моментомъ въ этомъ процессѣ является время соперничества Франциска I съ Карломъ V, то эта эпоха должна быть признана въ нѣкоторомъ смыслѣ поворотной. Если бы споръ кончился вполнѣ къ выгодѣ Карла V, какъ этого можно было ожидать послѣ битвы подъ Павіей и плѣненія Франциска испанцами, и самъ король французовъ исполнилъ бы данную имъ клятву на счетъ уступки Бургундіи, то Франція въ тѣхъ размѣрахъ, которые она въ новое время постоянно сохраняла при всѣхъ превратностяхъ судьбы, столько же послѣ пораженій, понесенныхъ Людовикомъ XIV и Людовикомъ XV, сколько послѣ Вѣнскаго конгресса и мира, подписаннаго въ Версалѣ съ Германіей, сошла бы съ карты Европы. Исторія представила бы намъ, начиная съ XVI столѣтія, гегемонію германо-римской имперіи въ тѣсномъ союзѣ съ Испаніей, владѣющей одновременно Бургундіей съ прилегающими къ ней землями вплоть до границъ имперіи. Политика Франциска I и его ближайшаго наслѣдника, въ связи съ нейтралитетомъ Англіи и переживаемымъ Германіей расколомъ, воспрепятствовала такому исходу. То, что̀ нѣкоторые изъ современниковъ считали, хотя и неправильно, тяготѣніемъ къ идеѣ всемірной монархіи, было подкошено въ корнѣ одинаково для Испаніи и для австрійскихъ Габсбурговъ. И если въ XVII столѣтіи снова поднято будетъ обвиненіе въ стремленіи создать въ тѣсномъ общеніи съ католицизмомъ новое подобіе всемірной монархіи въ западной половинѣ европейскаго материка, то это обвиненіе направлено будетъ не противъ ослабѣвшей Испаніи и Священной римской имперіи, обратившейся въ неправильную федерацію, а противъ короля Франціи Людовика XIV.

Событія, изъ которыхъ слагается это единоборство Франциска I съ Карломъ V, по необходимости будутъ изложены мною кратко. Важно опредѣлить ихъ смыслъ и значеніе, но нѣтъ необходимости останавливаться на ихъ подробностяхъ. Только то должно быть отмѣчено, что̀ даетъ новое подтвержденіе мысли объ ихъ міровомъ значеніи и о томъ скрытомъ характерѣ, какой имѣетъ это личное соперничество, лишь отражающее собою не-

избѣжное столкновеніе двухъ идеаловъ: средневѣковаго—верховенства надъ міромъ императора въ тѣсномъ союзѣ съ папою, и идеала новаго времени — самобытности и независимости народовъ—государствъ.

Отмѣтимъ поэтому тотъ фактъ, что императору удается въ извѣстный моментъ своего столкновенія съ французскимъ королемъ привлечь на свою сторону герцога Бурбонскаго, т.-е. князя французскаго дома, потомки котораго со временъ Генриха IV, за прекращеніемъ линіи Валуа, призваны будутъ на французскій престолъ. Это едва-ли не послѣдній случай рѣзкаго отрицанія идеи національнаго единства, случай, кончившійся полной неудачей и тѣмъ самымъ обезпечившій торжество противоположнаго начала. Бурбонскій домъ былъ единственнымъ изъ трехъ родственныхъ другъ другу домовъ Франціи, которому не суждено было пока поставить ей правителя. Орлеанская династія дала Людовика XII, ангулемская — Франциска I. Бурбоны стояли въ близкомъ родствѣ съ Капетингами. Передавшійся на сторону Испаніи конетабль Карлъ Бурбонъ является послѣднимъ изъ великихъ вассаловъ Франціи, готовыхъ возстать противъ своего сюзерена. Онъ былъ мужемъ единственной дочери той Анны де-Боже и ея мужа Петра, которые, какъ мы видѣли, были въ малолѣтствѣ Карла VIII дѣйствительными правителями Франціи. Благодаря такому браку послѣдовалъ союзъ двухъ вѣтвей—вѣтви Бурбоновъ и вѣтви Монпансье. Весь центръ Франціи соединился, такимъ образомъ, въ рукахъ конетабля и, если бы ему дѣйствительно удалось, благодаря поддержкѣ Испаніи, образовать самостоятельное княженіе, нынѣшняя Франція навсегда сдѣлалась бы невозможностью. Съ герцогствомъ Бурбонскимъ конетабль соединялъ владѣніе Овернью, Божоле и многими другими прилегающими къ нимъ землями. Резиденціей его правительства былъ городъ Муленъ. Въ 1521 г. умираетъ бездѣтной жена конетабля—Сюзанна, и ставится вопросъ о томъ, не должны ли отойти къ казнѣ тѣ части оставленнаго ею наслѣдства, которыя образовались изъ апанажей или удѣловъ ея родителей; въ числѣ ихъ было герцогство Овернь и графство Клермонтъ, Бовуази и Монпансье. На другія владѣнія предъявлялъ притязанія король, какъ наслѣдникъ мужской линіи, въ силу соглашеній, состоявшихся еще въ началѣ XV вѣка при Карлѣ VI. Трети требовала мать короля, какъ наслѣдница въ женской линіи, за отсутствіемъ мужскихъ родственниковъ. Процессъ велся передъ парижскимъ парламентомъ въ 1522 г. Не дожидаясь приговора, король распорядился о наложеніи секвестра на спорное наслѣдіе. Конетабль и ранѣе состоялъ въ тайныхъ сношеніяхъ

съ императоромъ. 100.000 ливровъ получены были имъ отъ него въ 1519 г. за отказъ отъ нѣкоторыхъ правъ на земли, расположенныя въ Неаполитанскомъ королевствѣ. Одно время шла рѣчь о бракѣ конетабля на сестрѣ Карла V Элеонорѣ. Въ 1522 г., послѣ того, какъ изданъ былъ королемъ приказъ о секвестрѣ, конетабль открылъ переговоры о переходѣ на сторону императора. Баумгартенъ въ своей исторіи Карла V говоритъ, что ихъ переговоры были извѣстны всѣмъ за предѣлами Франціи. Но Францискъ I узналъ о заговорѣ въ августѣ 1523 г. Только 11 сентября онъ далъ письменное распоряженіе объ арестѣ конетабля; но тремя днями раньше конетабль уже скрылся. 9 октября онъ прибылъ въ Безансонъ, подвергаясь всякаго рода опасностямъ въ мѣсяцы, проведенные имъ въ горахъ Овернь. Уголовный процессъ противъ герцога Бурбонскаго начался въ парламентѣ Парижа 8 марта 1524 г. Послѣ битвы подъ Павіей и плѣна короля въ 1525 г. Карлъ V выступилъ съ требованіями, клонившимися къ возвращенію герцогу Бурбонскому его прежнихъ владѣній во Франціи. Когда въ Мадридѣ завязались эти переговоры, содержавшійся въ плѣну Францискъ I, далъ свое согласіе изъ любви, какъ онъ выразился, къ императору, а не по другой какой-либо причинѣ [1]). Но въ дѣйствительности конетаблю не были возвращены его владѣнія: они перешли частью къ матери короля, частью прямо присоединены были къ доменамъ. Послѣ кончины матери въ рукахъ Франциска I оказались не только отобранные у конетабля Бурбоне и Божоле, переуступленные королю еще при жизни покойной, но и удержанная имъ Овернь. Вандомская династія, также предъявившая притязанія на наслѣдіе конетабля, получила изъ него всего навсего графство Монпансье и входящую въ составъ Оверни часть Дофинэ. Бретанское герцогство перешло также окончательно въ руки французскаго короля, такъ какъ Франциску удалось убѣдить королеву Клавдію, чтобы она завѣщала ее ему. Штаты Бретани, собранные въ 1532 г., дали свое согласіе на окончательное присоединеніе герцогства къ Франціи, подъ условіемъ сохраненія его исконныхъ правъ, свободъ и привилегій. Послѣ этого единственнымъ феодальнымъ владѣніемъ, носящимъ еще характеръ государства въ государствѣ, остались владѣнія дома Д'Альбрэ, по браку перешедшія къ представителю династіи Бурбоновъ Антуану, отцу Генриха IV. Со вступленіемъ его на престолъ, ранѣе занятый Валуа, послѣ-

---

[1]) См. Histoire de France Эрнеста Лависса, т. V, ч. 1, стр. 517 до 524.

довало объединеніе французской Наварры съ монархіей. Свидѣтель всѣхъ этихъ событій, венеціанскій посолъ въ своей реляціи дожу говоритъ: «за послѣднія 80 лѣтъ французское правительство присоединяетъ все новыя и новыя земли къ доменамъ, ничего не отчуждая [1]). Тѣ, которые удержали за собою феодальную собственность, получаютъ отъ нея только обыкновенные доходы; все же, что касается правъ верховенства, какъ, напримѣръ, обложеніе прямыми налогами (tailles), право держать гарнизоны, право судить подданныхъ въ апелляціонномъ порядкѣ,—все это отошло къ королю. А это не только обезпечиваетъ единство государства, но и предотвращаетъ возможность въ немъ междуусобной войны. Обѣднѣвшіе феодальные князья не рѣшаются предпринять что-либо противъ монархіи, какъ это дѣлали герцоги Нормандіи и Бретани. И если бы теперь кто вздумалъ, по примѣру герцога Бургундіи, поднять знамя возстанія, онъ только открылъ бы возможность обогащенія для казны королевства» [2]).

Перейдемъ теперь къ краткому перечню событій, которыми ознаменовалась война Франциска I съ Карломъ V. Въ октябрѣ 1524 г. Францискъ перешелъ черезъ Альпы съ 30.000 пѣхоты и 1.500 конницы, вооруженной пиками; имперскія войска уклонились отъ сраженія; шесть тысячъ заперлись въ Павіи. Въ теченіе трехъ мѣсяцевъ Францискъ тщетно пробовалъ взять крѣпость. За это время подоспѣли на ея выручку войска подъ начальствомъ конетабля Бурбонскаго въ числѣ 20.000 пѣхотинцевъ и 1.200 конницы. Боясь, что неплатежъ жалованья вызоветъ массовое дезертирство, войска Карла V рѣшились атаковать французовъ въ ночь на 24 февраля. Сраженіе возобновилось на слѣдующій день и закончилось неслыханнымъ пораженіемъ французовъ. 10.000 осталось на полѣ сраженія; въ руки непріятеля попалъ не только маршалъ Аннъ де-Монморанси, но и самъ король Францискъ. Онъ заточенъ былъ въ цитадели въ Пицингетонѣ. «Я сохранилъ только честь и жизнь», писалъ онъ изъ этой цитадели къ своей матери. Извѣстіе о побѣдѣ застало Карла V въ Мадридѣ. Ему совѣтовали воспользоваться ею для нашествія на Францію, послѣ чего королемъ ея коронованъ былъ бы въ Сенъ-Дени Генрихъ VIII англійскій, соглашавшійся въ замѣнъ этого уступить императору Бургундію, Провансъ и Лангедокъ и присоединить Дофинэ къ прочимъ владѣніямъ конетабля Бургундскаго. Генрихъ VIII готовъ былъ поступиться и нѣко-

---

[1]) Это заявленіе не вполнѣ вѣрно, такъ какъ Франциской I создана была новая «перія» въ пользу семьи Гизовъ.

[2]) Ibid., стр. 224—226.

торыми другими землями, подъ условіемъ, чтобы Англіи вернулись ея прежнія владѣнія во Франціи: Нормандія, Гасконь, Гвіенна, Анжу, Пуату, да присоединенное еще къ ней впослѣдствіи герцогство Бретань. Починъ предложенія принадлежалъ герцогу Бурбонскому. Карлъ V не послѣдовалъ этому совѣту и, раздѣляя мнѣніе своего канцлера Гатинара, остановился на мысли сохранить Франциска I на престолѣ, подъ условіемъ отказа его отъ всякихъ правъ на владѣнія въ Италіи, столько же въ Миланѣ, сколько и въ Неаполѣ, возвращенія Бургундіи императору, потери всякаго верховенства на Фландрію и Артуа и присоединенія ко владѣніямъ герцога Бурбонскаго еще Прованса. Францискъ I долженъ былъ принять обязательство, — послѣдовать за Карломъ V въ походъ противъ турокъ, производившихъ въ это время захваты на Дунаѣ. Вышеуказанныя условія переданы были матери короля Луизѣ Савойской, регентшѣ королевства по случаю плѣна ея сына. Францискъ заявилъ, что никому, какъ матери, принадлежитъ рѣшеніе вопроса о мирѣ. Самъ онъ согласился отказаться и отъ земель въ Италіи, и отъ притязаній на Артуа и Фландрію. Герцогу Бурбонскому онъ согласился вернуть его владѣнія и присоединить къ нимъ Провансъ. Англійскаго короля онъ намѣревался вознаградить деньгами. О Бургундіи же не было сказано ни слова. Регентша нашла условія Карла V чрезмѣрными и даже тѣ, на которыя дано было согласіе Францискомъ I, преувеличенными. Плѣнникъ вообразилъ, что при личномъ свиданіи съ Карломъ V ему удастся получить лучшія условія. Онъ убѣдилъ поэтому вице-короля Неаполя Лануа отплыть съ нимъ въ Испанію. Такъ какъ объ этомъ Карлъ не былъ увѣдомленъ, то извѣстіе о высадкѣ Франциска въ Барселонѣ вызвало сильнѣйшее его негодованіе. Онъ повелѣлъ заточить плѣнника въ крѣпость Альказара въ Мадридѣ. Тщетно Францискъ добивался личнаго свиданія, тщетно также регентша Франціи предлагала покончить распрю не одной только уступкой итальянскихъ земель, Артуа и Фландріи, но и платежомъ денежнаго выкупа. Она настаивала также на заключеніи брака между Францискомъ, только-что потерявшимъ свою жену, и сестрою Карла V Элеонорой, вдовой Португальскаго короля. Карлъ V отъ всего этого отказался, настаивая на уступкѣ Бургундіи. Пришлось на время прервать переговоры. Но обстоятельства стали скоро складываться болѣе благопріятно для интересовъ Франціи. Генрихъ VIII, нуждаясь въ деньгахъ, охотно принялъ предложеніе, заключенное подъ условіемъ уплаты контрибуціи. Онъ не доволенъ былъ Карломъ V и жаловался на

то, что послѣдній слабо поддерживаетъ его интересы. Въ свою очередь итальянскія правительства стали опасаться усиленія Карла V, благодаря новымъ пріобрѣтеніямъ на Апеннинскомъ полуостровѣ. Луиза Савойская умѣло воспользовалась этими обстоятельствами и предложила возвести на миланскій престолъ потомка Сфорца-Франциска. Предложеніе было принято и папой, и флорентійцами, которые на этомъ условіи заключили союзъ съ французами. Папа, желая избѣжать сосѣдства съ его владѣніями Карла V, предложилъ даже неаполитанскій престолъ одному изъ его генераловъ; но тотъ отказался и довелъ до свѣдѣнія своего государя. Карлъ V увидѣлъ грозившую ему опасность и тѣмъ не менѣе все же не согласился возобновить переговоры, если въ число уступокъ Франціи не включена будетъ Бургундія. Болѣзнь Франциска, сдѣлавшагося жертвою лихорадки, заставила Карла V поспѣшить съ переговорами и для этой цѣли отправиться въ Мадридъ для свиданія съ плѣннымъ королемъ. Въ состояніи короля французскаго послѣдовало ухудшеніе. Вызвали его любимую сестру, Маргариту Наваррскую, которая воспользовалась добрымъ отношеніемъ къ ней Карла V, чтобы возобновить переговоры. Она предлагала признать Бургундію приданымъ королевы Элеоноры, сестры Карла, въ случаѣ ея супружества съ Францискомъ. Это позволило бы Франціи сохранить Бургундію, но на новомъ основаніи. Король Испаніи остался непоколебимъ. Тщетно также предлагала Маргарита предоставить рѣшеніе распри Парижскому парламенту, очевидно въ расчетѣ, что онъ не посягнетъ на принципъ неотчуждаемости государственныхъ доменовъ. Карлъ V отвѣтилъ отказомъ Маргаритѣ, и ей оставалось только пуститься въ обратный путь. Тогда Францискъ рѣшился сложить съ себя королевское званіе и уступить престолъ дофину. Совѣтники Карла испугались такого рѣшенія и стали настаивать на уступкахъ. Но Карлъ и на этотъ разъ оказался непоколебимъ. Въ виду того, что присмотръ за Францискомъ былъ ослабленъ, то это позволило плѣнному рѣшиться на бѣгство. Заговоръ, однако, своевременно былъ открытъ и надзоръ снова усиленъ. Тогда регентша рѣшилась уступить и отказаться отъ Бургундіи. Потерявши, повидимому, всякую надежду на лучшій исходъ, Францискъ I пересталъ противиться такому рѣшенію и пошелъ на бракъ съ Элеонорой. Хотя рука ея и обѣщана была Карлу Бурбону, но спрошенная своимъ братомъ невѣста высказалась за союзъ съ французскимъ королемъ. Оставалось только отпустить Франциска на свободу. Канцлеръ Испаніи Гатинара совѣтовалъ повременить и дождаться передачи Бургундіи въ руки Карла, но

Францискъ предложилъ поставить заложниками въ исполненіи своего обязательства двухъ сыновей и представить договоръ на утвержденіе генеральныхъ штатовъ и парламента въ теченіе ближайшихъ 4 мѣсяцевъ. Договоръ надлежало подписать 14 января 1525 г. Наканунѣ Францискъ I собралъ у себя въ тюрьмѣ пословъ Франціи, маршала Аннъ-де-Монморанси и парижскаго превота; онъ заявилъ имъ, что считаетъ условія договора навязанными ему силой и потому лишенными значенія. На слѣдующій день онъ клялся надъ евангеліемъ въ ихъ соблюденіи. Отпущенный на свободу, Францискъ I воспользовался недовольствомъ, вызваннымъ во всемъ мірѣ недавно заключеннымъ имъ договоромъ, чтобы отказать ему въ ратификаціи. Папа, подчиняясь создавшемуся въ Италіи мнѣнію, что договоръ обезпечиваетъ испанскому королю гегемонію на Апеннинскомъ полуостровѣ, высказался противъ соблюденія недавно подписаннаго обязательства, настаивая на томъ, что оно недѣйствительно, такъ какъ было вынужденнымъ. Онъ не хотѣлъ видѣть Карла V «монархомъ всего христіанства». Въ Англіи Генрихъ VIII высказался въ томъ же смыслѣ. Во Франціи негодованіе охватило собою и сословное представительство, и парламентъ, и феодальную знать. Едва стало извѣстнымъ, что король Францискъ не даетъ своей ратификаціи договору, какъ къ нему явился посолъ Карла V съ цѣлью напомнить объ его обѣщаніи. Францискъ далъ уклончивый отвѣтъ, говоря, что по меньшей мѣрѣ необходимо запросить штаты Бургундіи, какъ заинтересованной страны. Карлъ V напомнилъ Франциску, что онъ абсолютный правитель и что ему, слѣдовательно, нѣтъ основаній считаться съ протестомъ своихъ подданныхъ. Когда посланный императора предсталъ передъ Францискомъ въ Коньякѣ, канцлеръ королевства Дюпра сдѣлалъ ему оффиціальное заявленіе о невозможности отдѣлить Бургундію отъ Франціи. Францискъ вслѣдъ затѣмъ сказалъ, что считаетъ свою присягу лишенной всякаго значенія, такъ какъ она была принесена подъ вліяніемъ принужденія, но что онъ желаетъ жить въ мирѣ съ императоромъ и выполнить изъ договора все то, что является осуществимымъ. Послы Карла V ничего не отвѣтили и удалились. А Францискъ I, пользуясь настроеніемъ итальянцевъ, при содѣйствіи папы Климента VII, заключилъ съ ними союзъ, извѣстный подъ названіемъ священной лиги въ Коньякѣ. Тотчасъ же приступлено было къ вооруженіямъ. Карлъ V отвѣтилъ на вѣроломство короля приказомъ держать въ строгомъ плѣну его сыновей. Это, разумѣется, только обострило отношенія. И папа, и императоръ черезъ особыхъ посланцевъ сообщили

Карлу V о заключенной лигѣ. Французскій уполномоченный потребовалъ отъ императора, чтобы онъ отказался отъ Бургундіи и согласился отпустить сыновей короля за выкупъ. «Вашъ повелитель, отвѣтилъ Карлъ, обманулъ меня. Я больше не стану полагаться на него. Онъ поступилъ такъ, какъ не подобаетъ ни рыцарю, ни дворянину. Дѣтей короля я не отдамъ ни за какія деньги». Чтобы побудить папу отказаться отъ лиги, испанцы въ союзѣ съ семьею Колонна вызвали мятежъ въ Римѣ, заставили папу искать убѣжища въ замкѣ Св. Ангела и принудили его скрѣпить своимъ именемъ обязательство выйти изъ лиги. Карлъ Бурбонскій, которому императоромъ поручено было командованіе войсками въ сѣверной Италіи, при извѣстіи о томъ, что папа, нарушая свое обязательство, снова вошелъ въ лигу, двинулся на Римъ и сталъ осаждать городъ. Во время попытки взять одинъ изъ его кварталовъ (Борго) штурмомъ, бывшій конетабль Франціи сраженъ былъ пулей. Штурмъ былъ продолженъ, Римъ взятъ и подвергнутъ грабежу. Болѣе 4.000 человѣкъ были зарѣзаны. Папа, запершійся снова въ замкѣ Св. Ангела, принужденъ былъ сдаться. Послѣ этого онъ посаженъ былъ въ заточеніе и во главѣ его стражи былъ поставленъ тотъ самый испанскій капитанъ Аларконъ, которому ранѣе поручено было хранить въ плѣну Франциска I. Разгромъ Рима вызвалъ враждебное отношеніе къ испанцамъ во всемъ христіанскомъ мірѣ. Францискъ I воспользовался этимъ настроеніемъ и отправилъ войско въ долину По, откуда имперскія ополченія принуждены были уйти. Изъ Ломбардіи французы двинулись къ Риму на выручку папы. Карлъ V поспѣшилъ освободить папу и взялъ съ него выкупъ въ 368.000 экю. Когда герольдъ войскъ Франціи предсталъ передъ Карломъ V, чтобы объявить ему войну отъ имени своего повелителя, императоръ, сидя на тронѣ, обозвалъ французскаго короля трусомъ, на что отъ Франциска послѣдовалъ отвѣтъ, данный въ не менѣе торжественной формѣ. Онъ гласилъ, что императоръ—лжецъ и что король посылаетъ ему вызовъ на поединокъ. Императоръ принялъ вызовъ, но дуэль все же не состоялась.

Осада Неаполя французскими войсками не удалась, такъ какъ Андрей Доріа, начальствовавшій надъ генуэзскимъ флотомъ, задѣтый Францискомъ, перешелъ отъ него на сторону императора. Не получая жалованье и изводимая голодомъ и болѣзнями, французская армія подъ стѣнами Неаполя стала таять. По смерти ея предводителя, остатки войска разбрелись въ разныя стороны и частью были взяты въ плѣнъ имперскими войсками.

Вся Италія снова подпала подъ владычество императора. Мать Франциска Луиза Савойская обратилась къ эрцгерцогинѣ Маргаритѣ Пармской, правительницѣ Нидерландовъ и теткѣ императора съ просьбой помочь ей въ заключеніи мира. Ее упрашивали побудить Карла V къ отказу отъ Бургундіи. Послѣ продолжительнаго упорства Карлъ согласился. Но въ выкупъ за королевскихъ сыновей онъ потребовалъ 20.000 золотыхъ экю. Франція согласилась отказаться отъ Италіи, Фландріи и Артуа. Переговоры обѣихъ правительницъ велись въ Камбрэ. Заключенный ими миръ извѣстенъ современникамъ подъ названіемъ «мира дамъ». Онъ былъ окончательно подписанъ 3 августа 1529 г.

Когда отъ вернувшихся на родину принцевъ Францискъ I узналъ о жестокомъ обращеніи съ ними во время плѣна, онъ преисполнился новой ненависти къ Карлу V и сталъ исподволь готовиться къ новой войнѣ съ нимъ. Король встрѣтилъ рѣшительное сочувствіе въ папѣ Климентѣ VII, который не могъ забыть обиды, нанесенной ему погромомъ Рима испанцами. Чтобы закрѣпить союзъ съ Франціей, папою устроенъ былъ бракъ между его родственницей Екатериной Медичи и сыномъ Франциска, будущимъ королемъ Генрихомъ II. Въ Марсели послѣдовало свиданіе короля съ папою. На немъ папа далъ разрѣшеніе королю снова занять Миланъ. Денежными наградами Генрихъ VIII также склоненъ былъ къ союзу. Францискъ первый не отступилъ предъ мыслью вступить въ союзъ съ лютеранами и заключилъ договоръ съ членами Шмалькальденской лиги нѣмецкихъ князей. Онъ даже турокъ готовъ былъ вовлечь въ свое соперничество съ императоромъ и съ этой цѣлью отправилъ посольство къ султану Солиману. По словамъ итальянскаго посла, сами французы сочли, однако, такой союзъ позорнымъ. Къ іюлю 1534 г. король собралъ войско въ 42.000 человѣкъ. Изъ нихъ 30.000 вооружены были пиками и алебардами. Кончина Максимиліана Сфорцы, герцога Миланскаго, послужила поводомъ къ поднятію оружія. Король потребовалъ себѣ наслѣдіе покойнаго Миланскаго герцога. Карлъ V принялъ вызовъ и перевелъ черезъ Альпы въ Провансъ 50.000 войска въ намѣреніи овладѣть Марселемъ. Противъ него Францискъ послалъ маршала Монморанси. Избѣгая открытой встрѣчи съ непріятелемъ, Монморанси сталъ опустошать страну, по которой должно было двигаться испанское войско. Тщетно войска Карла пытались занять Марсель. Потерпѣвъ неудачу, они вернулись въ Италію. Тогда Монморанси перешелъ къ наступленію и въ обществѣ дофина Генриха II атаковалъ приходъ Сузы. Но 16 ноября 1537 г.

уже положено было начало мирнымъ переговорамъ. Годъ спустя подписано было перемиріе, по которому Францискъ I уполномоченъ былъ сохранить временно въ своей власти Савойю, а императоръ—Миланское герцогство. Въ слѣдующемъ году императоръ добился отъ своего соперника свободнаго пропуска своихъ войскъ черезъ Францію для усмиренія возставшихъ противъ него жителей Генуи. По этому случаю Карлу пришлось даже ночевать въ Луврѣ и участвовать по приглашенію короля въ банкетахъ и въ стрѣльбѣ въ цѣль.

Но пять лѣтъ спустя въ 1544 г. два посла Франциска были предательски убиты на берегахъ рѣки По имперскими солдатами. Это дало поводъ къ новой войнѣ. Герцогъ Ангенскій, братъ короля Наварры, дядя будущаго короля Генриха IV, поставленъ былъ во главѣ войскъ. Онъ перешелъ Альпы и выигралъ сраженіе подъ Серизолемъ. Послѣ нѣсколькихъ другихъ стычекъ на сѣверной и южной границѣ Франціи, заключенъ былъ миръ въ Саусонѣ, по которому второй сынъ французскаго короля, Карлъ, герцогъ Ангулемскій, получилъ въ замужество племянницу императора, въ приданое къ которой должно было поступить герцогство Миланское. Съ переходомъ его въ обладаніе сына, Францискъ I принужденъ былъ отказаться отъ Савойи въ пользу ея герцога.

Во время этой войны Генрихъ VIII стоялъ на сторонѣ Карла V, такъ что французамъ пришлось высадить небольшой отрядъ на о. Уайтъ и дать нѣсколько сраженій. И съ Генрихомъ заключенъ былъ миръ, по которому за 800.000 экю англійскій правитель согласился уступить французамъ Булонь съ Булоне. Вскорѣ затѣмъ послѣдовала смерть обоихъ правителей—Англіи и Франціи. Францискъ I умеръ въ 1547 г., 53 лѣтъ отъ рожденія.

Война съ Испаніей нѣсколько лѣтъ спустя загорѣлась снова при его сынѣ Генрихѣ II. Призванный вмѣшаться въ распрю нѣмецкихъ князей во главѣ съ императоромъ, Генрихъ II занимаетъ Туль, Нанси и Метцъ. Король заявлялъ, что идетъ на освобожденіе Германіи, а въ дѣйствительности собирался не только присоединить къ своимъ владѣніямъ Метцъ, Туль и Верденъ, лежавшіе по близости къ французской границѣ, но и не прочь былъ, по собственному выраженію, «дать попить рейнской воды своимъ лошадямъ». Въ Виссенбургѣ и Гагенау пріемъ, оказанный французамъ, былъ поэтому довольно сдержанный; а Страсбургъ вовсе отказалъ имъ открыть свои ворота. Въ Шпейерѣ же согласны были принять одного короля безъ свиты и военнаго отряда. Генрихъ II не счелъ возможнымъ продолжать своего

нашествія и вернулся назадъ, распорядившись предварительно о занятіи Вердена однимъ изъ своихъ корпусовъ. Въ 1552 г. Карлъ V далъ свое согласіе на всѣ требованія, предъявленныя ему князьями имперіи. Онъ подтвердилъ конституцію имперіи, т.-е. золотую буллу и право протестантскихъ князей на свободное отправленіе своего культа. Въ виду этого союзъ ихъ съ Генрихомъ II былъ нарушенъ. Князья передались на сторону императора и 80.000 нѣмцевъ направлены были на Метцъ съ цѣлью выгнать оттуда французскія войска. Защита Метца поручена была Генрихомъ II Герцогу Франсуа Гизу. Карлъ V самъ сталъ во главѣ осаждавшаго городъ войска. Болѣе мѣсяца длилась бомбардировка. Наступившая зима заставила Карла снять ее. Война продолжалась въ теченіе всего 1553 и 1554 года, не давая рѣшительныхъ результатовъ. 23 октября 1555 г. Карлъ въ Брюсселѣ отказался отъ власти и имперскій престолъ перешелъ къ Фердинанду, а королевство Испанское досталось Филиппу II. Въ февралѣ 1556 г. подписано было перемиріе. Ему не суждено было сдѣлаться окончательнымъ миромъ, такъ какъ герцогъ Францискъ Гизъ вздумалъ оживить въ свою пользу притязанья на Неаполитанское королевство. Король не воспротивился его намѣренію, и Франція вовлечена была въ новое кровопролитіе. 31 января 1557 г. война была объявлена. Филиппъ II рѣшился послать на этотъ разъ противъ французовъ 50.000 войска, къ которымъ англійская правительница, его жена, Марія Жестокая, прибавила еще 6.000. Испанцамъ удалось взять Сенъ-Кантенъ и открыть такимъ образомъ дорогу къ Парижу. Послѣ взятія Сенъ-Кантена Филиппу совѣтовали быстро двинуть свои войска къ столицѣ Франціи; но онъ предпочелъ заняться осадой крѣпостей, лежавшихъ на пути. Пока онъ медлилъ, послѣдовала высадка въ Марсели герцога Франциска Гиза, спеціально вызваннаго изъ Италіи и вернувшагося со своимъ войскомъ. Король съ помощью сдѣланнаго у парижанъ займа собралъ небольшую армію въ Компьенѣ и поставилъ ее подъ начальство герцога. Такъ какъ англичане дѣйствовали въ союзѣ съ испанцами, то Гизъ направилъ свое небольшое войско на Калэ, которое съ 1347 г. завоевано было у Франціи Эдуардомъ III англійскимъ; ко всеобщему изумленію, городъ былъ взятъ послѣ штурма. Въ немъ французы нашли огромный запасъ провіанта и 300 пушекъ. Марія Жестокая вѣрно отразила впечатлѣніе, произведенное на англичанъ этой потерей, говоря, что «если бы ей открыли сердце,—прочли бы на немъ имя Калэ». Въ 1558 г. война была продолжена. Гизъ дѣйствовалъ уже съ войскомъ въ

50.000—60.000 человѣкъ. Онъ занялъ ихъ осадой Тіонвилля. Городъ, въ концѣ концовъ, принужденъ былъ сдаться.

Въ 1559 г. французскіе и испанскіе уполномоченные сошлись въ аббатствѣ Серркампъ. Отъ императора Филиппа велъ переговоръ кардиналъ Гранвелла, герцогъ Альба и принцъ Оранскій. Отъ имени Генриха II маршалъ Монморанси и кардиналъ Лотарингскій, братъ Франциска Гиза. Пока посланцы спорили между собою, пришло извѣстіе о кончинѣ Маріи Тюдоръ и о переходѣ престола въ руки Елизаветы, сторонницы реформаціи. Филиппу II пришлось отказаться отъ дальнѣйшей защиты англійскихъ интересовъ. Генрихъ II добился того, что ему на 8 лѣтъ оставленъ былъ Калэ, послѣ чего онъ долженъ былъ вернуться англичанамъ, а они обязаны были уплатить 100.000 золотыхъ экю. Эти условія не были исполнены, и Калэ навсегда остался за Франціей. Генрихъ II настаивалъ также на признаніи за нимъ трехъ епископій Метца, Туля и Вердена; императоръ, отъ котораго они зависѣли, попробовалъ воспротивиться этому, но, тѣснимый протестантами, принужденъ былъ уступить.

Филиппъ II вернулъ французамъ Сенъ-Кантенъ и прилегавшія къ нему крѣпости, а Георгъ II отказался отъ Тіонвилля. Что касается до Италіи, то Франція навсегда отказалась отъ всякихъ притязаній на нее. Таковы, если не говорить о брачныхъ соглашеніяхъ, были важнѣйшія статьи договора въ Камбрэ отъ 3 апрѣля 1559 г. Этотъ договоръ положилъ конецъ итальянскимъ войнамъ, 65 лѣтъ отвлекавшимъ Францію въ сторону отъ ея ближайшей задачи расширенія и упроченія сѣверной и восточной границы. Военные круги приняли этотъ миръ съ негодованіемъ. «Однимъ почеркомъ пера, восклицали нѣкоторые изъ нихъ, Франція лишилась Савойи, Пьемонта—всѣхъ своихъ завоеваній». «Горячо любившіе родину, пишетъ Брантомъ, плакали отъ скорби. Но простой народъ привѣтствовалъ миръ радостными криками. А французскій посолъ въ Константинополѣ Виннъ предлагалъ сжечь, какъ еретика, всякаго, кто вздумаетъ говорить о возобновленіи войны въ Италіи или отказаться отъ Калэ». Въ ознаменованіе мира и предстоящаго брака своей сестры и дочери (первая должна была выйти за Савойскаго принца, вторая за короля Испаніи Филиппа II) устроены были великолѣпныя празднества. Въ одномъ изъ турнировъ выступилъ и самъ король. Ему предстояло сразиться съ 3 противниками. Монгомери едва не свалилъ его съ лошади. Король потребовалъ возобновленія единоборства. На этотъ разъ копья обоихъ против-

никовъ сломались, но обломкомъ оставшагося въ рукахъ Монгомери копья поднято было забрало королевскаго шлема. Копье ударило въ глазъ короля и пронзило его черепъ. Девять дней онъ лежалъ, потерявъ сознаніе, и умеръ на 10-й, на 41 году своей жизни. Такимъ образомъ, одновременно завершились и 65-лѣтнее соперничество съ Испаніей изъ-за обладанія Италіей и тотъ періодъ французской имперіи, который можно назвать періодомъ Возрожденія. Открывается новая эра—борьба католицизма съ протестантизмомъ.

Обозрѣвъ въ бѣгломъ очеркѣ исторію внѣшнихъ событій, ознаменовавшихъ собою конецъ XV и первыя 60 лѣтъ XVI столѣтія, перейдемъ къ характеристикѣ внутренней жизни Франціи за этотъ періодъ.

М. Ковалевскій.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

КРИЗИСЪ НА ФЛИТЪ-СТРИТѢ.

I. Возникновеніе народной прессы.

Флитъ-стритъ въ большой ажитаціи. Жизнь положительно становится невыносимою! Одинъ еженедѣльникъ совершенно прекратилъ свое существованіе, два другихъ слились вмѣстѣ, а въ довольно извѣстной вечерней газетѣ шесть членовъ редакціоннаго штаба внезапно получили отставку. Какъ же можно жить въ такихъ условіяхъ? Семнадцать человѣкъ сразу очутились на улицѣ! А новыхъ мѣстъ нѣтъ — нѣтъ ни въ Лондонѣ, ни даже въ провинціи. Вездѣ полно и переполнено. Значитъ, надо ѣхать въ колоніи,—въ Канаду, Южную Африку, въ Австралію. Легко сказать! Тутъ и родственники всѣ, и дѣти учатся въ школахъ — поди, разбивай все это! И благо, если бы впрямь тамъ было лучше. А то, вѣдь, кто знаетъ? Куда только не проникли современные порядки. И тамъ оперируютъ тѣ же Хармсворты, и тамъ пресса концентрируется въ видѣ фабрикъ въ рукахъ немногочисленныхъ магнатовъ. Куда же дѣваться? Неужели на склонѣ лѣтъ бросать журналистику и искать пристанища въ анонсномъ или кинематографическомъ дѣлѣ? А, вѣдь, придется. Только эти дѣла нынче и процвѣтаютъ. Сколько они уже проглотили бывшихъ газетныхъ силъ! Пожалуй, и эти семнадцать безработныхъ газетчиковъ мало-по-малу перейдутъ туда.

Такъ жалуется Флитъ-стритъ, газетная улица Лондона. Какъ сравнительно хорошо ей было еще какія-нибудь двадцать лѣтъ тому назадъ! Тогда газеты были солиднымъ учрежденіемъ, завѣдывались старинными и старомодными собственниками, чередовавшимися изъ поколѣнія въ поколѣніе по династической линіи въ одной и той же семьѣ, и работники старились на ихъ службѣ, отдавали свой трудъ не за страхъ, а за совѣсть, получали если и не блестящее, то во всякомъ случаѣ достаточное вознагражденіе, и могли оставаться спокойными насчетъ своей

участи до конца своихъ дней. А теперь пошло совсѣмъ не то. Теперь газетное дѣло попало въ руки дѣльцовъ, людей безъ традицій и какихъ бы то ни было другихъ цѣлей, кромѣ наживы, а журнальные работники превратились чуть ли не въ поденныхъ рабочихъ, которые сегодня берутся на работу, а завтра вылетаютъ на улицу. Нѣтъ прежняго журнальнаго сотрудничества, нѣтъ прежнихъ личныхъ и длительныхъ отношеній: существуетъ лишь наемный договоръ, исполненіе работы и выплата жалованья, а тамъ какая-нибудь новая редакціонная или финансовая комбинація, и карьерѣ конецъ. Поѣзжай въ Канаду или поступай на службу въ Смитовское бюро объявленій.

Большая перемѣна, огромная перемѣна! И подумать, какъ все это произошло. Жилъ былъ въ Манчестерѣ въ 80-хъ г.г. одинъ простой человѣкъ, по имени Георгъ Ньюнсъ. Получилъ онъ кой-какое образованіе, но въ общемъ былъ достаточно свободенъ по части всякихъ наукъ и литературъ. Однако, къ печатному слову онъ все-таки возымѣлъ большой интересъ. Дѣло въ томъ, что за десять лѣтъ, истекшія со времени введенія въ Англіи всеобщаго школьнаго обученія, по городамъ народился новый читатель. Неважный и своеобразный это былъ читатель: молодой народъ интересовался, главнымъ образомъ, Буфало Билемъ и Натъ Пинкертономъ, а болѣе старшіе просматривали вечернія газеты ради сенсанціонныхъ новостей и извѣщеній о результатахъ спортивныхъ состязаній. Къ пространному или серьезному чтенію эта масса была еще плохо подготовлена, и Ньюнсъ, какъ человѣкъ той же массы, угадалъ, что̀ ей нужно. Онъ обратился было со своимъ проектомъ къ нѣсколькимъ издательскимъ фирмамъ, но тѣ отказались принять его программу. Тогда онъ рѣшилъ взяться за дѣло самъ. Переѣхалъ въ Лондонъ, снялъ небольшое помѣщеніе на бойкой улицѣ и сталъ печатать и тутъ же продавать уличнымъ мальчикамъ-газетчикамъ дешевый еженедѣльный журнальчикъ, полный небольшихъ анекдотовъ, остротъ, загадокъ и коротенькихъ разсказиковъ-курьезовъ, — какіе бываютъ на свѣтѣ уроды, сколько американскіе богачи тратятъ на своихъ собакъ, и т. п. Успѣхъ оказался необычайный. Черезъ полгода фирма, отказавшаяся было вложить въ дѣло 5.000 рублей, готова была ему отвалить за его предпріятіе 160 тысячъ. Вотъ,отъ этого-то журнальчика и пошли всѣ «качества» новой прессы. Звали его и зовутъ еще и понынѣ—ибо онъ все еще существуетъ и, повидимому, благоденствуетъ—«Tit Bits», что̀ можно перевести на русскій языкъ словомъ «Всякая Всячина» или «Окрошка». Черезъ восемь лѣтъ, въ 1888 г., братья Хармсворты, люди того же

покроя, что и Ньюнсъ, основали точно такой же журнальчикъ подъ заглавіемъ «Отвѣты», а затѣмъ нѣкій Пирсонъ, бывшій завѣдующимъ у Ньюнса, основалъ въ томъ же родѣ и третій. Изъ нихъ братья Хармсворты оказались наиболѣе предпріимчивыми. Въ то время, какъ Ньюнсъ, разбогатѣвъ, сталъ основывать иллюстрированные журналы для семейнаго и иного чтенія и добрался въ концѣ концовъ до большой либеральной вечерней газеты традиціоннаго типа, Хармсворты въ 1896 г. затѣяли дешевую утреннюю газету совершенно новаго типа и въ самое короткое время имѣли сногсшибательный успѣхъ. Это былъ знаменитый «Daily Mail»—та же «Окрошка», переведенная на языкъ ежедневной прессы и предназначавшаяся для того же новаго читателя, котораго впервые открылъ Ньюнсъ, но который все-таки успѣлъ уже немного вырости. Эта газета и оказалась динамитомъ, который взорвалъ старый Флитъ-стритъ и перевернулъ вверхъ ногами всю англійскую журналистику. То, что сдѣлалъ въ началѣ столѣтія «Times», совершилъ съ сугубымъ эффектомъ въ концѣ его «Daily Mail», при чемъ вдобавокъ самъ «Times» оказался въ концѣ концовъ пристегнутымъ къ его тріумфальной колесницѣ.

Стоитъ разобраться въ этомъ поучительномъ явленіи: оно является лишь внѣшнимъ выраженіемъ того сдвига, который пережило англійское общество за послѣднія десятилѣтія.

Газета была создана въ Англіи, какъ и повсюду, собственно буржуазіей. Начатки, существовавшіе ранѣе, не имѣли значенія. Только она создала матеріальныя условія, необходимыя для систематическаго собиранія, доставки, обмѣна и распространенія новостей. Она же первая постигла тайну общественно-политическаго вліянія, какое можетъ имѣть правильная информація и систематическое комментированіе этой информаціи въ періодической печати. Первымъ истымъ журналистомъ Англіи былъ тотъ же Дефо, который далъ міру самую популярную идеологію буржуазныхъ добродѣтелей, и первой подлинной газетою въ Англіи былъ тотъ же «Times», который возникъ и окрѣпъ въ періодъ окончательной кристаллизаціи буржуазной гегемоніи въ борьбѣ съ Франціей, когда и техника создала первую скоропечатную газетную машину. Съ того времени вплоть до нашихъ дней буржуазія царила въ прессѣ неограниченно. Она царила не только какъ собственница, но и какъ единственная читательница прессы, и тѣмъ наложила на нее свою особую печать. Англійская пресса стала такою же богатою, солидною и респектабельною, какъ сама буржуазія, покончившая съ грѣхами первоначальнаго накопленія, возсѣвшая широкимъ и покойнымъ корпусомъ на

мѣсто, которое когда-то занимала вертлявая, неспокойная и легкомысленная аристократія, и въ сознаніи своего прочнаго благополучія украсившая себя многочисленными добродѣтелями, въ томъ числѣ снисходительнымъ благоволеніемъ ко всему міру. Такова была и англійская пресса: полная, немного даже склонная къ апоплексіи, но добродѣтельная, старающаяся, многорѣчивая, охотница до поученій, порой, пожалуй, изъ-за этого скучная, зато вполнѣ чуждая вульгарности—словомъ, настоящее государственное учрежденіе въ благоустроенной странѣ.

Въ 1867 г. англійской буржуазіи пришлось дать болѣе или менѣе демократическое избирательное право, а чтобы новый «повелитель», какъ его съ безконечнымъ благоволеніемъ называли, не забрелъ въ какія-нибудь дебри въ родѣ стараго чартизма или новаго интернаціонала, его вскорѣ послали въ школу учиться грамотѣ и религіозной нравственности. Первое школьное поколѣніе оказалось изъ рукъ вонъ плохимъ, но уже второе было немного лучше, третье еще лучше, и къ серединѣ девяностыхъ годовъ уже набралась большая грамотная масса, привыкшая читать и писать, съ мозгомъ, который искалъ пищи. Тутъ были и простые фабричные рабочіе и работницы, а пожалуй, еще больше, тѣ десятки и сотни тысячъ мелкихъ служащихъ въ торговыхъ домахъ, банкахъ, конторахъ всевозможнаго рода, которые либо черезъ стадію разсыльныхъ мальчиковъ, либо иначе добрались до высокаго стула конторки и образовали обширный классъ «клерковъ». Это—совершенно особая порода молодыхъ людей въ Англіи. Она тоже продуктъ народной школы, но нѣсколько высшаго пошиба, получающая жалкое жалованье и потому питающаяся впроголодь, за то гордая, что занята въ «сити», работаетъ въ прекрасно оборудованныхъ конторахъ, гдѣ ежедневно обдѣлываются крупныя дѣла, и гордая, что носитъ бѣлые стоячіе воротники въ полфута вышиною, не то что какой-нибудь, хотя бы искусный и гораздо больше зарабатывающій, «механикъ», который завязываетъ себѣ шею платочкомъ. Вотъ, этотъ смѣшанный слой изъ рабочихъ и мелко-буржуазныхъ элементовъ и составилъ новый классъ потенціальныхъ читателей, и его-то поймалъ Хармсвортъ.

Въ другой странѣ Европы, пожалуй, и не поймалъ бы. Тамъ положеніе было иное. Тамъ еще до того, какъ создался современный массовый читатель, возникло рабочее движеніе, оторвавшее массы отъ буржуазной груди и снабжавшее ихъ другимъ молокомъ. Народная пресса тамъ и возникла иначе, по иной иниціативѣ, съ другими цѣлями. Сходныя съ англійскими условія существовали только въ Америкѣ, и нужно полагать,

Америка-то и надоумила англійскихъ Наполеоновъ современной печати. Въ Америкѣ тоже долго не возникало самостоятельнаго рабочаго движенія и связанной съ нимъ общественной идеологіи. Съ другой же стороны, въ Америкѣ всегда существовала демократія. Въ ней современная дешевая «народная» пресса и нашла свою родину. Уже задолго до англійскихъ Хармсвортовъ въ Америкѣ оперировали Пулицеры, Беннеты и Хэрсты, эти представители «черноземной» американской силы, создатели желтой прессы. Въ Англіи только нужно было, чтобы народилась такая грамотная публика, какъ въ Америкѣ, да еще нашелся такой типъ газетнаго дѣльца, какъ только-что названные янки, чтобы въ результатѣ создалась пресса аналогичнаго характера.

II. Сенсаціонность формы и содержанія.

Въ чемъ же заключается этотъ характеръ? Разверните любую дешевую газету и посмотрите на ея страницы. Прежде всего вамъ бросится въ глаза это необыкновенное мелкое дробленіе колонны. Нѣтъ ни одной колонны, которая была бы занята сплошь однимъ матеріаломъ, статьей ли, сообщеніемъ, или разсказомъ о событіи. Все,—и статья, и сообщеніе, изложено кратко и съ частыми абзацами,—точно замѣтка, и такихъ замѣтокъ имѣется въ каждой колоннѣ по нѣсколько. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда газетѣ приходится отводить какому-нибудь одному чрезвычайному событію цѣлый столбецъ, а то и два, изложеніе его все-таки разбивается на отдѣльныя части такъ, что получается рядъ краткихъ сообщеній. Передо мною послѣдній номеръ «Дейли Мэля»—номеръ, какъ я потомъ объясню, не типичный для народной прессы того вида, въ какомъ она впервые была задумана и возникла. Его главная страница, посвященная новостямъ дня, состоитъ изъ семи колоннъ, и вотъ какъ послѣднія распредѣлены. Первая колонна посвящена забастовкамъ лондонскихъ развозчиковъ угля и строительнымъ рабочимъ. Около трети столбца занято заголовками и вступленіемъ (объ этомъ послѣ), а остальной матеріалъ разбитъ на 14 частей, каждая изъ коихъ начинается съ абзаца. Кромѣ того, вторая половина изложенія изъ семи частей сгруппирована подъ особымъ, напечатаннымъ жирнымъ шрифтомъ заголовкомъ. Изложеніе предмета, однако, не доходитъ до самаго конца столбца, а оставляетъ мѣсто еще двумъ коротенькимъ сообщеніямъ, каждое изъ четырехъ строкъ. Второй столбецъ посвященъ новостямъ по четыремъ другимъ предметамъ, изъ коихъ, однако, одинъ трак-

туется на протяженіи двухъ третей колонны, но разбитъ подзаголовками на три части и состоитъ изъ 13 абзацовъ. Столбецъ заключается пятью краткими сообщеніями изъ нѣсколькихъ строкъ петита каждое. Третій столбецъ состоитъ опять изъ одного большого (девять абзацевъ) и двухъ болѣе краткихъ сообщеній. Въ такомъ родѣ составлены и остальныя колонны: нѣсколько сообщеній, множество абзацевъ, подзаголовки въ текстѣ и краткія освѣдомленія петитомъ. Другія дешевыя газеты дробятъ страницу еще больше. Въ соотвѣтствующемъ номерѣ «Дейли Экспресса», напр., я нахожу на столбцѣ одной страницы не менѣе девяти разныхъ матерій, каждая подъ своими заголовками и со своими абзацами. Словомъ, страницы дешевой прессы пестрятъ кратко-сообщенными новостями, каждая подъ своимъ заголовкомъ, и каждая изложена коротенькими предложеніями.

Ясно, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ приспособленіемъ къ читателю, которому трудно сосредоточить надолго вниманіе на одномъ какомъ-нибудь предметѣ, а потому требующему постоянной перемѣны и пестроты. Частые абзацы даютъ возможность, такъ сказать, передохнуть, и не успѣваетъ еще надоѣсть ему одинъ предметъ, какъ уже изложеніе его приходитъ къ концу и начинается изложеніе другого. Мысль массоваго читателя въ Англіи работаетъ небольшими отрывочными линіями въ родѣ тѣхъ, которыя производитъ телеграфный аппаратъ: соотвѣтственно краткости его мозговыхъ усилій ему преподносится и краткій матеріалъ. Для дальнѣйшаго облегченія его мозговой работы, новостямъ, если онѣ почему-либо должны быть изложены пространно, предпосылается вступительное резюме, гдѣ суть сообщенія изложена въ пяти-десяти строкахъ: хочетъ читатель, онъ можетъ остального изложенія вовсе не читать, а если вздумаетъ читать, то сможетъ легче схватить нить излагаемаго.

Но форма не имѣла бы сама по себѣ еще такого значенія, если бы ей не соотвѣтствовало аналогичное содержаніе. Неразвитой мозгъ не поддается легкимъ стимуламъ. Онъ мыслитъ не нюансами, а рѣзкими переходами отъ свѣта къ тѣни, отъ одной яркой краски къ другой, рѣзко ей противоположной,—словомъ, тѣми прямыми отрицаніями, которыя Ренанъ когда-то приписывалъ семитическому уму. А такъ какъ вся жизнь массъ протекаетъ въ монотонной обстановкѣ, гдѣ нѣтъ мѣста яркому солнцу и краскамъ, то и отзываются онѣ преимущественно на сильныя раздраженія, отъ которыхъ у болѣе развитыхъ личностей только захватываетъ духъ. Эту особенность отлично знаютъ галантерейщики

рабочихъ кварталовъ въ такихъ городахъ, какъ Лондонъ; она вырывается наружу въ праздникъ, когда разряженная толпа въ пестрыхъ платьяхъ высыпаетъ на народныя мѣста гуляній, и на ней съ колоссальнымъ искусствомъ играетъ армія спасенія и другія бойкія организаціи того же рода, которыя спеціально заняты ловлей душъ въ рядахъ пролетаріата. Вульгарная пресса Америки и Англіи тоже ударила въ эту струну, и успѣхъ оказался необыкновенный. Отсюда и получился ея дешево-сенсаціонный характеръ, про который мы всѣ такъ много слыхали. Мѣсто политическихъ и серьезныхъ общественныхъ событій,—если только это не войны и не кровавыя революціи,—заняли на ихъ столбцахъ убійства, пожары съ жертвами и чудесными спасеніями, громкіе уголовные или бракоразводные процессы, а если послѣднихъ не оказывается, то просто событія изъ уголовнаго или патологическаго міра, событія чрезвычайныя въ родѣ рожденія собаки о трехъ головахъ или смерти самаго маленькаго человѣка въ мірѣ, и т. п. Конечно, и такія событія, какъ большая забастовка или парламентскій кризисъ, не обходятся молчаніемъ, но о нихъ говорится лишь постольку, поскольку въ нихъ имѣется сенсаціонная сторона. Всякое событіе оцѣнивается исключительно со стороны его достоинствъ какъ раздражителя чувствительности массоваго читателя: что обладаетъ этими достоинствами, то хорошо, а что нѣтъ, то плохо. Въ редакціяхъ англійскихъ газетъ часто услышишь такую фразу: «Пожаръ? Что, были жертвы? Два человѣка? А, это хорошо»! Если бы пожаръ обошелся безъ несчастій, то было бы плохо: онъ не имѣлъ бы газетной цѣнности. Иной разъ совсѣмъ нѣтъ «интереснаго» матеріала. Проходятъ цѣлыя недѣли, когда нѣтъ войнъ, нѣтъ землетрясеній, нѣтъ убійствъ, нѣтъ другихъ катастрофъ—словомъ, жизнь совсѣмъ сѣра. Тогда сенсацію выдумываютъ. Такой случай былъ года два тому назадъ. Редакціи совершенно не знали, что дѣлать и наполняли столбцы всякой «дрянью». Но «Дейли Мэль» нашелся: онъ открылъ, что англійская пшеничная мука, очищенная и выбѣленная до крайности, никуда не годится и должна быть замѣнена болѣе грубымъ сортомъ. Казалось бы, пустяки. Анъ, нѣтъ. Изо дня въ день, въ теченіе долгихъ недѣль, столбцы газеты заполнялись разсужденіями о мукѣ и хлѣбѣ, и привлекали десятки тысячъ новыхъ читателей. Врачи и другіе авторитеты по гигіенѣ печатали свои заключенія, деревенскіе попы присылали результаты своихъ экспериментовъ, мукомолы и импортеры излагали свои взгляды, и во всѣхъ булочныхъ появился новый

хлѣбъ изъ сѣроватой муки. А когда эта мучная горячка прошла, то началась пропаганда картофельнаго цвѣтка какъ предмета, достойнаго культивировки въ горшкахъ на наружныхъ подоконникахъ, и та же исторія повторилась въ томъ же порядкѣ. А глядя на успѣхъ «Дейли Мэль», другія дешевыя газеты затѣяли пропаганду варенія и печенія въ бумажныхъ конвертахъ вмѣсто кастрюль и пр., и вновь начиналось тоже черезъ всѣ столбцы изо дня въ день, изъ недѣли въ недѣлю, точно рѣчь шла о какомъ-нибудь многоважномъ событіи. Опять «эксперты»—на этотъ разъ повара большихъ отелей и ресторановъ—присылали рецепты, высказывали мнѣнія, фабриканты дѣлали конверты и обсуждали наиболѣе раціональные способы ихъ изготовленія изъ того или иного матеріала, хозяйки пробовали дѣлать блюда рекомендуемымъ способомъ и извѣщали редакцію о результатахъ, и десятки тысячъ новыхъ читателей привлеклись къ газетѣ.

Ни въ пшеничной мукѣ, ни въ картофельномъ цвѣтѣ, ни въ бумажныхъ конвертахъ нѣтъ, повидимому, ничего сенсаціоннаго, но это только для развитого читателя, а не для средней обывательской массы, которой нужно всегда что-нибудь новенькое, хотя бы изъ будничной жизни. Вѣдь, вотъ, свалилась, напр.,—лошадь на скользкой мостовой, или лопнула шина на автобусѣ, и онъ остановился. Что тутъ интереснаго? А вотъ, толпа—та сейчасъ же сбѣжалась, окружила лошадь или автобусъ, смотритъ, переговаривается, и стоитъ, и долго еще будетъ стоять, хотя дѣло ждетъ каждаго. Что же это такое? Скажутъ «праздное» любопытство. Но, вѣдь, этимъ еще ничего не сказано. Отчего это *праздное* любопытство развито у тѣхъ, которые такъ сильно заняты. Дѣло не въ самомъ любопытствѣ, а въ томъ, что вызываетъ это любопытство. Гдѣ жизнь бѣдна содержаніемъ, гдѣ она однообразно окрашена въ сѣрый цвѣтъ, тамъ малѣйшее нарушеніе ея скучнаго и равномѣрнаго теченія уже въ состояніи возбуждать любопытство. Вотъ, почему и мука, и картофельный цвѣтъ, и бумажные конверты для жаркого могли въ рукахъ опытныхъ газетчиковъ сыграть роль сенсаціи. Но именно въ рукахъ «опытныхъ» газетчиковъ, такъ какъ для производства сенсаціи важенъ не только предметъ, но и самый способъ введенія его въ сознаніе читателя.

III. Подсобныя средства сенсаціонности.

Какъ общее правило, изложеніе, уснащенное образами и сильными контрастами, найдетъ себѣ откликъ въ вообра-

женіи массоваго читателя и создастъ то раздраженіе любопытства, которое мы называемъ сенсаціей. И, пользуясь этимъ пріемомъ, можно вызывать сенсацію въ читателѣ при помощи даже такого, казалось бы, малообѣщающаго матеріала, какъ мука или бумажные мѣшки. Такъ, въ одно прекрасное утро газета появляется со статьей, напечатанной на самомъ видномъ мѣстѣ, изъ-подъ пера главнаго шефа, скажемъ, Карльтонъ-отеля. Статьѣ предпослано шесть заголовковъ, набранныхъ крупнымъ, но разнымъ шрифтомъ, и редакціонное вступленіе, гдѣ разсказывается о томъ, кто такой этотъ шефъ. Его имя извѣстно всему міру. Онъ былъ раньше шефомъ въ знаменитѣйшемъ парижскомъ ресторанѣ такомъ-то, гдѣ обѣдаетъ знать всего міра и гдѣ неизмѣнно обѣдалъ покойный король Эдуардъ. За свои заслуги онъ былъ награжденъ орденомъ Почетнаго легіона, а когда Парижъ посѣтилъ въ такомъ-то году великій правитель такой-то великой страны, то сей мужъ былъ приглашенъ въ Елисейскій дворецъ устраивать банкетъ. А затѣмъ его сманилъ герцогъ такой-то, и этимъ объясняется слава его стола, про который императоръ Вильгельмъ разъ говорилъ: «Если бы у меня былъ такой столъ, то я, пожалуй, уступилъ бы Марокко». Но великій шефъ, несмотря на свой патріотизмъ, все-таки не пошелъ на службу въ Германію, и когда герцогъ умеръ, онъ принялъ предложеніе Карльтонъ-отеля. Тамъ онъ имѣетъ подчиненный ему штабъ изъ 136 поваровъ, каждый изъ коихъ артистъ въ своемъ родѣ, и получаетъ жалованье, съ которымъ можетъ сравниться лишь жалованье примадонны въ итальянской оперѣ въ Ковентъ-гарденѣ. Карльтонъ-отель сталъ, благодаря ему, знаменитѣйшимъ рестораномъ въ мірѣ, которому поручается устройство банкетовъ во всѣхъ частяхъ свѣта. Когда недавно въ Гамбургѣ спускали величайшее судно въ мірѣ «Императоръ», на торжество пріѣхалъ самъ кайзеръ, и кому ввѣрена была владѣльцами задача по устройству завтрака? Карльтонъ-отелю. Карльтонъ-отель отрядилъ своего шефа съ частью штаба и полнымъ комплектомъ посуды, и этотъ шефъ устроилъ такой завтракъ, что кайзеръ захотѣлъ его видѣть и опять сталъ просить его переѣхать въ Берлинъ. И зачѣмъ все это разсказывается? А затѣмъ, чтобы читатели знали, какое значеніе слѣдуетъ придавать тому заявленію, которое великій шефъ дѣлаеетъ ниже. Это заявленіе необычайное—можно даже сказать, соціально-революціонное. Шефъ говоритъ: «Я никогда не варю въ горшкахъ и кастрюляхъ, а только въ бумажныхъ мѣшкахъ»...

Вотъ, въ какомъ родѣ «Дейли Мэль» устраиваетъ сенсацію изъ самыхъ простыхъ вещей. Знаменитый шефъ пишетъ статью,

его слова комментируются въ передовицѣ, его открытіе сообщается ничего не чающей публикѣ аршинными буквами на газетныхъ плакатахъ, а тамъ уже идутъ письма изъ публики, мнѣнія авторитетовъ и экспериментаторовъ, и толпа валомъ валитъ въ газетныя лавочки съ готовыми полупенсами пріобрѣтать эти удивительные номера «Дейли Мэля». Главное, чтобы было занятно и не затягивалось слишкомъ долго, такъ какъ и самая сильная сенсація притупляется скоро, если не оборвать ее во-время. Двухъ-трехъ недѣль вполнѣ достаточно для самаго интереснаго событія: дальше итти опасно. Оттого первая балканская война и была такой «идеальной» войной для англійской дешевой прессы: въ какія-нибудь три-четыре недѣли она навалила столько сенсацій, что у читателя спирало въ зобу. Ну, а потомъ дѣло затянулось, пошла канитель, и дешевая газета ее бросила. Оттого по дешевой прессѣ ни за чѣмъ нельзя систематически услѣдить. Была война, и Болгаріей и болгарскими дѣлами интересовались. Прошла война, и само имя Болгаріи исчезло со столбцовъ дешевой прессы, и ея читатели, можетъ быть, пять лѣтъ ничего о ней не услышатъ, пока что-нибудь громкое опять не случится съ нею. А такъ какъ иностранныя дѣла вообще (кромѣ какъ перемѣны на тронахъ или страшныя убійства) даютъ среднему читателю мало сенсаціоннаго, то въ дешевой прессѣ иностранный отдѣлъ въ загонѣ, и имъ ни одна редакція особенно не дорожитъ.

Говоря о сенсаціонномъ характерѣ дешевой прессы, нельзя не остановиться на принятой въ нѣй системѣ заголовковъ. Вотъ и у насъ, въ Россіи, она понемногу прививается, но какія мы по этой части еще дѣти! Мы думаемъ, что, напечатавъ жирнымъ шрифтомъ черезъ всѣ столбцы большой заголовокъ или даже два, мы этимъ сравнились съ европейской популярной прессой. Это чистѣйшая иллюзія. Такой пріемъ только грубая поддѣлка подъ очень тонкое искусство, которое особенно въ Англіи доведено до высокаго совершенства. Въ англійской дешевой, да и въ остальной прессѣ (кромѣ «Таймса») каждая телеграмма, корреспонденція, сообщеніе— вообще «новость»—снабжена, какъ уже отмѣчено было, особымъ заголовкомъ, но не просто заголовкомъ, а заголовкомъ особаго типа и особыхъ размѣровъ, смотря по тому, на какой страницѣ газеты, въ какой колоннѣ страницы и въ какой части колонны помѣщена данная «новость». Для этого въ каждой редакціи имѣется коллекція такихъ заголовковъ, тщательно подобранная и разъ навсегда установленная въ видѣ гаммы отъ самыхъ сложныхъ въ нѣсколько строкъ, простыхъ и двойныхъ, напечатанныхъ разными шрифтами, вплоть до самыхъ простыхъ,

состоящихъ изъ одной небольшой строчки. Самыя важныя новости, которыя печатаются на главной страницѣ, помѣщаются подъ наиболѣе пространнымъ заголовкомъ на верху колоннъ; менѣе важныя либо идутъ въ нижнія части колоннъ, либо начинаютъ собою колонны второстепенныхъ страницъ, и т. д. Въ результатѣ получается цѣлая симфонія заголовковъ, которая имѣетъ неотразимое дѣйствіе на массоваго читателя.

Посмотрите, какъ они расположены: на обоихъ флангахъ страницы, въ колоннахъ первой и седьмой, заголовки наиболѣе пространны и состоятъ изъ двойныхъ строчекъ, набранныхъ хотя и разными, но жирными шрифтами: посрединѣ страницы, во главѣ четвертой колонны, заголовокъ сравнительно маленькій, состоя изъ одной крупно набранной и одной двойной, менѣе крупно набранной строчки; наконецъ, заголовокъ второй колонны соотвѣтствуетъ заголовку шестой, а заголовокъ третьей соотвѣтствуетъ заголовку пятой колонны. Получается интересная симметрія. И это не случайно. Заголовки имѣютъ своей цѣлью не только возбуждать интересъ въ читателѣ и дать ему вмѣстѣ съ тѣмъ сразу резюме того, что говорится ниже, но и оказать пріятное впечатлѣніе на его глазъ и тѣмъ привлечь его къ газетѣ. Оттого каждая газета норовитъ какъ бы придумать систему заголовковъ похитрѣе и поразнообразнѣе. Но разъ они уже установлены и сведены къ опредѣленнымъ типамъ, отступленіе отъ нихъ становится невозможнымъ. Каждому «подредактору» (о нихъ ниже) выдается коллекція образцовъ ихъ, и изъ этой коллекціи, подъ контролемъ такъ называемаго «ночного редактора» (и о немъ ниже), онъ обязанъ подбирать заголовки для приготовляемаго имъ матеріала.

Вотъ такими средствами, внѣшними и внутренними, дешевая пресса старается захватить читателя. Не утомлять его, давать ему легкое и занимательное чтеніе въ наиболѣе доступной формѣ, подстрекать его любопытство разнообразіемъ матеріала и даже самимъ видомъ страницы—все это, оставаясь всецѣло на газетной почвѣ,—такова цѣль и такова тайна успѣха «Дейли Мэля» и сродныхъ ему органовъ англійской печати. Нужно имѣть въ виду, что и до «Дейли Мэля» существовала въ Англіи одна дешевая газетка—«Морнингъ Лидеръ», но это была не столько газетка, сколько ежедневный журнальчикъ, гдѣ единственныя новости дня касались спорта. Хармсвортъ первый создалъ настоящую полупенсовую газету для народа въ отличіе отъ пенсовыхъ газетъ, существовавшихъ для буржуазіи. Подъ его рукою газета не денатурировалась: она осталась подлинной

ежедневной газетой съ полнымъ комплектомъ новостей дня, только преподнесенныхъ въ извѣстной формѣ и освобожденныхъ отъ серьезнаго баласта, непосильнаго для массоваго читателя.

Это привело къ двумъ другимъ интереснымъ явленіямъ. Во-первыхъ, передовицы отступили на задній планъ. Въ буржуазной прессѣ передовицы играли главную роль. Онѣ составляли гвоздь всего номера, и къ нимъ читатель обращался раньше всего. Ихъ бывало въ каждомъ номерѣ по три, по четыре; онѣ и занимали большую часть страницы. Тамъ читатели учились политическому уму-разуму и находили источникъ темъ для безконечныхъ бесѣдъ въ клубахъ. Хармсвортъ свелъ этотъ отдѣлъ къ минимуму. И понынѣ «Дейли Мэль» печатаетъ двѣ три передовицы, но онѣ вмѣстѣ не занимаютъ и одного столбца. Печатаются онѣ разгонисто, крупнымъ шрифтомъ и пишутся легко и вразумительно, такъ, чтобы и разсуждать было не о чемъ. «Редмондъ, какъ фараонъ въ старину, все еще ожесточаетъ свое сердце, все еще отказывается отпустить Ольстеръ»—такъ начинается передовица въ лежащемъ передо мною «Мэлѣ», и такъ оно идетъ на протяженіи 32 строкъ, изъ коихъ состоитъ «статья». Кратко, рѣшительно и вполнѣ понятно. Взамѣнъ передовицъ дешевая пресса завела у себя такъ называемыя «спеціальныя статьи» изъ-подъ пера «авторитетовъ» и «эспертовъ». Не думайте, что здѣсь идетъ рѣчь о серьезныхъ статьяхъ по серьезнымъ предметамъ, волнующимъ въ данный моментъ общество. Дѣло обстоитъ проще. Оказывается, что въ Англіи даже большіе ученые и крупные литературныя силы не прочь заработать нѣсколько гиней за статейку, въ которой публикѣ преподносятся мнѣнія о томъ, о семъ, а часто вовсе ни о чемъ, по разнымъ поводамъ, а часто безъ всякаго повода. Такихъ статей въ каждомъ номерѣ должно появиться двѣ, при чемъ одна будетъ совсѣмъ легкомысленная, а другая будетъ имѣть претензіи на серьезность. Хорошо еще, если авторъ, дѣйствительно, человѣкъ съ именемъ и заслугами: тогда волей-неволей онъ скажетъ иногда что-нибудь интересное. Но такихъ авторовъ немного, и передъ глазами читателя проходятъ свѣтила третьей и четвертой величины, обозрѣвающія темы легкія и во всякомъ случаѣ легко обработанныя, при чемъ статьи часто снабжены еще портретомъ-миніатюрою автора. Цѣль ихъ, конечно, не поученіе, а скорѣе установленіе извѣстной интимности съ читателемъ, который любитъ знать, съ кѣмъ онъ имѣетъ дѣло. Однако, въ особо важныхъ случаяхъ редакціи, дѣйствительно, ищутъ познакомить публику съ мнѣніемъ того или иного авто-

ритета. Когда-то это достигалось путемъ интервью, а теперь заставляютъ авторитетъ высказаться непосредственно самому. Этимъ придается его словамъ еще большая сенсаціонность, хотя-бы по содержанію они вовсе не были сенсаціонны.

IV. Организація современной газеты.

Еще много можно было бы сказать объ отличительныхъ чертахъ дешевой прессы, но намъ пора обратиться къ другимъ сторонамъ ея. Не трудно видѣть, что хотя она и дешева,—она продается за полпенса номеръ,—но обходится она своимъ издателямъ большія деньги. Думается, что производство ея стоитъ не меньше, чѣмъ производство большой прессы стоило лѣтъ двадцать тому назадъ. Редакціонные штаты остались тѣ же, стороннихъ сотрудниковъ, стало, пожалуй, еще больше, и хотя размѣры страницъ стали немного меньше, за то большій тиражъ повелъ за собою сильное увеличеніе въ количествѣ употребляемой бумаги и сдѣлалъ необходимымъ созданіе чрезвычайно широкаго и сложнаго механизма доставки газеты. На всемъ этомъ необходимо остановиться.

Пожалуй, удобнѣе будетъ начать съ послѣдняго. Низкая плата газеты требуетъ большого тиража. Въ былыя времена тиражъ въ 50.000 считался превосходнымъ, и самъ «Таймсъ» никогда не мечталъ о большемъ. И понынѣ въ провинціи имѣются богатыя газеты, тиражъ которыхъ не превышаетъ 40.000. Единственное исключеніе всегда представлялъ «Дейли Телеграфъ», тиражъ котораго никогда не падалъ ниже 200 тыс. Это было понятно. Номеръ продавался за одинъ пенсъ, читающая публика была зажиточная, вслѣдствіе чего и поступавшія объявленія были солиднаго характера, отъ солидныхъ фирмъ, и оплачивались хорошо, а помимо всего прочаго, газеты могли существовать мѣстнымъ тиражемъ, т. е. продажею на мѣстѣ и сравнительно мало тратили на доставку. Совокупными силами лондонскія газеты содержали нѣсколько поѣздовъ въ провинціи, съ которыми въ опредѣленные часы ранняго утра отправляли свои тюки. Теперь стало не то. Теперь, когда номеръ продается за полпенса публикѣ, тиражъ даже въ 300.000 недостаченъ для покрытія расходовъ. Его необходимо расширять далеко за предѣлы мѣстнаго города, хотя-бы этотъ городъ былъ самъ Лондонъ. Но для такого расширенія тиража недостаточно механизма, который бы только доставлялъ газету: необходимо, чтобы онъ достав-

лялъ раньше и удобнѣе, чѣмъ прочіе конкурренты. Вотъ это-то и стоитъ колоссальныхъ денегъ. Вначалѣ «Дейли Мэль» обзавелся было просто собственнымъ поѣздомъ въ провинціи, который уходилъ раньше другихъ. Но такой поѣздъ могъ итти только по опредѣленному пути къ опредѣленному городу, межъ тѣмъ распространять газету надо было по всей Англіи такъ, чтобы она была уже въ рукахъ читателя къ завтраку. Географическіе размѣры страны дали возможность разрѣшить эту задачу путемъ устройства провинціальныхъ редакцій. «Дейли Мэль» просто устроилъ еще редакцію въ Манчестерѣ, куда матеріалъ пересылается изъ Лондона въ теченіе дня въ готовыхъ стереотипныхъ цилиндрахъ, а вечеромъ по телефону и телеграфу. Для этого въ лондонской редакціи имѣется особый штатъ со спеціальными проводами въ означенное отдѣленіе, а въ этомъ отдѣленіи имѣется своя типографія съ мѣстнымъ штабомъ репортеровъ и пр. для мѣстной хроники. Такимъ образомъ Лондонъ избавляется отъ обязанности обслуживать дальніе районы и можетъ сосредоточиться на болѣе близкихъ. Съ своей стороны, Манчестеръ становится центромъ для распредѣленія по остальнымъ районамъ, такъ что въ одну ночь вся страна покрывается «Дейли Мэлемъ». Такую же приблизительно организацію имѣютъ и другія дешевыя газеты въ родѣ «Дейли Экспреса», «Дейли Ньюсъ» и др. Распредѣленіе изъ этихъ центровъ только частью производится при помощи желѣзной дороги; главнымъ образомъ, въ доставкѣ участвуетъ автомобиль, который не связанъ минутою и часомъ, можетъ проникнуть во всѣ закоулки, лежащіе въ сторонѣ отъ желѣзной дороги, и можетъ обгонять конкуррентовъ. Въ самомъ Лондонѣ доставка уже производится при посредствѣ особыхъ агентуръ, которыя тоже представляютъ изъ себя колоссальныя учрежденія, ворочающія милліонами.

Легко представить себѣ, какую огромную статью это дѣло доставки газеты должно составить въ бюджетѣ. И она ростетъ все больше и больше, такъ какъ во взаимномъ соревнованіи заполучить читателя ранняя доставка газеты и проникновеніе ея во всевозможные углы играетъ главную роль. Лучше всѣхъ въ этомъ успѣлъ опять-таки «Дейли Мэль», дѣйствительный тиражъ котораго доходитъ до трехъ четвертей милліона и даже больше. Его главный конкуррентъ на либеральной сторонѣ, «Дейли Ньюсъ», не имѣетъ и половины этого тиража. Но для достиженія такого тиража необходимо еще бо́льшее производство, такъ какъ возвраты непроданныхъ газетчиками и

газетными лавками экземпляровъ доходитъ до двадцати и больше процентовъ. Можетъ ли себѣ читатель представить, что значитъ печатать милліонъ экземпляровъ въ теченіе нѣсколькихъ часовъ ночи? Еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ эта задача была бы не разрѣшима, но теперь въ каждой газетной типографіи вы увидите цѣлую фалангу печатныхъ машинъ, которыя въ состояніи выбрасывать въ часъ 130.000 экземпляровъ газеты въ 12 страницъ большого размѣра. Чтобы поспѣть къ такому чудовищному производству, существуютъ наборныя машины, на которыхъ искусный рабочій играетъ точно на піанино и набираетъ столбцы со скоростью піаниста, читающаго ноты съ листа. А такъ какъ ни одна человѣческая рука не въ состояніи создать такія гранки, которыя давали бы правильный отпечатокъ на бумагѣ, когда машина вертится со скоростью вихря, то набранный машиною шрифтъ отливается тутъ же въ нѣсколько минутъ въ стереотипъ, который летитъ внизъ по лифту къ машинному отдѣленію. Сколько стоитъ такое оборудованіе—замѣтьте, безусловно необходимое оборудованіе? Печатная машина новѣйшей конструкціи стоитъ до 10 тыс. ф. ст., а такихъ въ типографіи «дешевой» газеты имѣется 6—7 штукъ. Вотъ, и считайте, сколько приходится отчислять въ годъ процентовъ на помѣщенный въ типографію капиталъ. Если къ этому прибавить огромное количество бумаги, потребное для милліона экземпляровъ,—количество, которое по длинѣ ленты исчисляется въ десятки верстъ—то мы получимъ приблизительное понятіе о расходахъ современной газеты по одному механическому отдѣлу производства.

Но этотъ механическій отдѣлъ стоитъ въ тѣсной связи съ другимъ, съ литературнымъ, который долженъ ему доставлять печатный матеріалъ. Понятно, что и онъ долженъ быть оборудованъ соотвѣтствующимъ образомъ. Общій типъ организаціи его остался, за однимъ крупнымъ измѣненіемъ, тѣмъ же, чѣмъ былъ и прежде, но духъ, проникающій его, сталъ инымъ. Англія никогда не знала коллегіальной редакціи (кромѣ какъ редакціи «Пёнча»), и вся редакція находилась подъ верховнымъ контролемъ главнаго редактора. Но одинъ человѣкъ не былъ бы въ состояніи управиться со всей работою, а потому онъ имѣлъ при себѣ, во-первыхъ, товарища, а во-вторыхъ, подчиненныхъ редакторовъ отдѣловъ. Эти редакторы отдѣловъ остались и понынѣ. Тутъ мы имѣемъ редактора литературно-критическаго отдѣла, редактора торгово-промышленнаго, редактора спорта, редактора «спеціальныхъ статей», а главное, такъ называемыхъ «редактора новостей» и «ночного редактора». Главный редакторъ стараго

типа теперь почти исчезъ. Онъ сталъ только политическимъ редакторомъ, завѣдующимъ политическимъ направленіемъ газеты, а поверхъ его сталъ такъ называемый «редакторъ-директоръ» или «редакторъ-управляющій», который является представителемъ владѣльческой фирмы и завѣдуетъ рѣшительно всѣмъ. Ниже мы укажемъ на смыслъ этого нововведенія, а теперь обратимся къ другимъ членамъ или, скорѣе, служащимъ при редакціи.

По ходячимъ представленіямъ главный или, нынѣ, политическій редакторъ самъ и пишетъ передовицы. Уже знаменитый Делэнъ «Таймса» показалъ, что въ этомъ нѣтъ необходимости и что политическій редакторъ можетъ быть полезенъ другимъ. Его дѣло, главнымъ образомъ, состоитъ въ томъ, чтобы держать себя въ курсѣ политическихъ дѣлъ, прислушиваться къ настроенію публики и партіи и знать, когда, что и какъ писать. Но для самаго писанія у него имѣется штабъ «передовиковъ», которымъ онъ и поручаетъ составлять передовицы. Конечно, онъ съ ними совѣтуется, но за нимъ остается рѣшающее слово. Написанная передовикомъ передовица поступаетъ къ нему, и уже онъ по исправленіи, добавленіи, сокращеніи и т. д. передаетъ статью въ типографію. Ему же принадлежитъ верховный надзоръ за направленіемъ помѣщаемыхъ въ другихъ отдѣлахъ статей и новостей. Изъ другихъ редакторовъ требуютъ поясненія «редакторъ новостей» и «ночной редакторъ». Это въ сущности близнецы и, хотя называются разно, по существу занимаются однимъ и тѣмъ же дѣломъ. Однако ночной редакторъ важнѣе. Ихъ дѣло—собирать новости. Редакторъ новостей работаетъ днемъ. Его главный штабъ—репортеры; но значеніе послѣднихъ падаетъ все больше и больше, благодаря возникновенію информаціонныхъ бюро. Такихъ бюро въ Англіи нѣсколько, и одно изъ нихъ даже кооперативное, содержащееся совмѣстно всѣми газетами. Ихъ агенты вездѣсущи, и старый репортажъ случайными людьми по одному пенни—классическому нашему пятаку—за строчку почти что исчезъ. Онъ остался только для провинціальныхъ газетъ, имѣющихъ редакціонныя отдѣленія въ Лондонѣ, и для лондонскихъ газетъ, имѣющихъ своего корреспондента въ провинціи (большею частью, члена мѣстной редакціи). Репортеру лондонскихъ,—да и провинціальныхъ,— редакцій остается только одно: по слѣдамъ событія, указаннаго сообщеніемъ информаціоннаго бюро, поискать интересныхъ деталей или интервьюировать подходящее лицо. На эти миссіи и посылаетъ ихъ «редакторъ новостей». Его дѣло слѣдить за всѣмъ, что

происходитъ интереснаго въ Лондонѣ и провинціи, и отрядить сейчасъ репортера за «живописнымъ» описаніемъ или послать инструкцію провинціальному корреспонденту. Репортеры состоятъ на опредѣленномъ жалованьи и не получаютъ ничего добавочнаго. Они—глаза и уши редактора новостей.

Приблизительно къ семи часамъ вечера редакторъ новостей исчезаетъ, но предварительно передаетъ «ночному редактору» полную схему того матеріала, который уже собранъ и набранъ для газеты или который уже заказанъ и имѣетъ придти позже. Съ этой цѣлью онъ совмѣстно съ главнымъ редакторомъ,—нынѣ редакторомъ-директоромъ,— на разграфленномъ планѣ номера отмѣчаетъ, какіе столбцы заняты объявленіями и какіе, въ какихъ мѣстахъ и на какихъ страницахъ заполнены добытымъ имъ днемъ матеріаломъ. Одновременно редакторъ-директоръ рѣшаетъ, изъ сколькихъ страницъ, въ зависимости отъ количества объявленій и другихъ обстоятельствъ, будетъ состоять ближайшій номеръ, и, вооружившись этими данными, ночной редакторъ усаживается въ свое кресло и принимается за работу.

Редакторъ новостей работаетъ у себя въ небольшомъ кабинетѣ, гдѣ главный инструментъ его телефонъ. «Ночной» редакторъ, напротивъ, работаетъ въ огромной залѣ—правда, за отдѣльнымъ столомъ, но въ обществѣ «подредакторовъ». Не слѣдуетъ думать, что эти люди, дѣйствительно, помощники редактора: это просто техническіе работники, занятые приготовленіемъ текущаго матеріала къ печати. Они, въ сущности, составляютъ главное колесо въ современной англійской газетѣ. Они отъ себя ровно ничего не пишутъ, кромѣ заголовокъ и вступительныхъ резюме. Всѣ новости дня стекаются въ редакцію въ готовомъ видѣ изъ телеграфныхъ и, вообще, информаціонныхъ бюро или отъ собственныхъ репортеровъ и корреспондентовъ, и подредакторы только и занимаются тѣмъ, что выправляютъ, сокращаютъ написанное и снабжаютъ инструкціями для типографіи. Всѣ они сидятъ за общимъ столомъ, по обѣ стороны его, въ числѣ около двухъ десятковъ человѣкъ, передъ каждымъ лежитъ ворохъ матеріала, и каждый оперируетъ надъ нимъ при помощи карандаша. Матеріалъ между ними распредѣляется главнымъ подредакторомъ, который обыкновенно возсѣдаетъ на предсѣдательскомъ мѣстѣ во главѣ стола, и имъ же указывается каждому при помощи помѣтки на матеріалѣ, заголовкомъ какого типа надлежитъ снабдить каждую отдѣльную часть его. Изъ этого уже одного подредакторъ знаетъ, сколько приблизительно строкъ слѣдуетъ удѣлить тому или другому предмету, такъ какъ чѣмъ

важнѣе заголовокъ, тѣмъ, естественно, длиннѣе долженъ быть соотвѣтствующій матеріалъ. Придумываніе заголовка представляетъ весьма трудную задачу, такъ какъ каждая строка его, печатаемая опредѣленнымъ шрифтомъ, вмѣщаетъ, конечно, и опредѣленное число буквъ. Нужно, стало быть, придумать такія слова, которыя и были бы забористы и вмѣстѣ съ тѣмъ умѣстились бы въ данныхъ строчкахъ. Внимательный наблюдатель можетъ видѣть, какъ тотъ или иной подредакторъ внезапно погружается въ глубокое раздумье и только тихо барабанитъ пальцами по столу: это онъ придумываетъ заголовки и считаетъ пальцами, умѣстятся ли данныя слова въ строчки. Каждая изготовленная имъ бумажка летитъ въ корзинку «для исходящихъ», мальчики время отъ времени обходятъ столъ и забираютъ изъ корзинокъ матеріалъ и относятъ ихъ въ типографію, и корректура поступаетъ уже къ ночному редактору, который просматриваетъ работу. Иной разъ онъ находитъ, что матеріалъ недостаточно былъ сокращенъ или что заголовокъ былъ сдѣланъ слишкомъ важный для предмета или мѣста его на страницѣ: тогда корректура идетъ обратно къ соотвѣтствующему подредактору и измѣняется. Иногда, не собравъ достаточно матеріала, ночной редакторъ вдругъ замѣчаетъ, что ему для симметріи недостаетъ заголовка такого-то типа на томъ или другомъ столбцѣ; моментально раздается его голосъ черезъ залу главному подредактору: «мнѣ нуженъ еще такой-то и такой-то заголовокъ», и подредакторъ уже долженъ откопать такой матеріалъ, который поддавался бы обработкѣ соотвѣтствующимъ требуемому заголовку образомъ. И такимъ образомъ, машина работаетъ всю ночь: мальчики заносятъ матеріалъ главному подредактору, послѣдній распредѣляетъ его, матеріалъ обрабатывается, контролируется ночнымъ редакторомъ, который тутъ же отмѣчаетъ, въ какое мѣсто его надлежитъ вставить. До послѣдняго времени въ этой залѣ подъ непосредственнымъ наблюденіемъ ночного редактора изготовлялись только внутреннія новости; иностранныя же поступали къ т. н. иностранному редактору, который имѣлъ свой небольшой штабъ подредакторовъ, работавшихъ подобнымъ же образомъ, и который отъ ночного редактора получалъ лишь указаніе, сколькими столбцами онъ можетъ располагать въ данный вечеръ. Нынѣ въ популярной прессѣ это выдѣленіе иностраннаго отдѣла въ особый департаментъ все больше исчезаетъ, и прежній иностранный редакторъ превратился въ подредактора по иностраннымъ дѣламъ. Онъ сидитъ тутъ же за общимъ столомъ, оперируетъ надъ телеграммами агентуръ и

корреспондентовъ, перебирая пальцами по столу и придумывая заголовки.

V. Финансы и объявленія.

Я нѣсколько подробнѣе остановился на организаціи англійской газеты, такъ какъ она, вѣроятно, нигдѣ въ Европѣ не имѣетъ себѣ равной. Журналисты перестали быть пишущими людьми, и превратились въ техническихъ работниковъ для сокращенія газетнаго матеріала и придумыванія заголовковъ. Это привело, конечно, къ пониженію умственнаго уровня газетныхъ работниковъ. Большинство подредакторовъ, въ настоящее время, люди съ малымъ образованіемъ, безъ спеціальныхъ литературныхъ дарованій, умѣющіе только быстро и рѣшительно проводить карандашомъ по чужимъ рукописямъ или агентскимъ сообщеніямъ, да еще обладающіе находчивостью по изобрѣтенію эффектныхъ заголовковъ. Конечно, они, такъ сказать, бывалые люди, знающіе, что и гдѣ происходитъ и о чемъ говорятъ. Они также достаточно опытны, чтобы знать, чего они не знаютъ, и въ какихъ случаяхъ слѣдуетъ заглянуть въ справочники, которые тутъ же расположены на полкахъ въ большомъ изобиліи. Фактически въ каждой редакціи можно встрѣтить подредакторовъ, которые добрались до карандаша изъ разсыльныхъ мальчиковъ; людей же съ среднимъ, а тѣмъ болѣе съ высшимъ образованіемъ, можно лишь встрѣтить случайно.

Существующая организація представляетъ изъ себя наивысшій типъ газетной техники, дающей возможность достигать большой производительности. Матеріалъ для газеты создается внѣ редакціи; въ самой же редакціи ему придается только форма, пригодная для печатанія. Это даетъ возможность установить весьма дробное раздѣленіе труда и наладить механизмъ такимъ образомъ, чтобы онъ былъ въ состояніи поспѣвать за наборными и скоропечатными машинами. Обыкновенно къ полуночи уже готова вся газета для тѣхъ изданій ея, которыя идутъ въ дальнія провинціи, напр. въ Шотландію. Черезъ часъ уже готово второе изданіе, предназначаемое для болѣе близкихъ мѣстъ, и т. д. до трехъ-четырехъ утра, когда печатается лондонское изданіе. Конечно, штабъ работаетъ подъ высокимъ давленіемъ. Тутъ нѣтъ мѣста для изысканностей и для философскихъ размышленій; но главная цѣль—поспѣвать за машинами—достигается, и тѣмъ создается возможность выбросить на рынокъ въ одну ночь милліонъ экземпляровъ газеты.

Во сколько же обходится такая организація? Я имѣю передъ собою нѣсколько конфиденціальныхъ докладовъ одной изъ наиболѣе распространенныхъ полупенсовыхъ газетъ въ Лондонѣ, дающихъ точное движеніе расходовъ по редакціи за рядъ мѣсяцевъ одного, совсѣмъ еще недавняго года. Средняя цифра за одинъ мѣсяцъ превышаетъ 2.500 ф. ст. Правда, тутъ включены и подписка въ телеграфныя и другія агентуры, но, какъ мы видѣли, нынче газеты сами не добываютъ своего матеріала, и доставка его агентурами является необходимой предпосылкой спеціализаціи редакціоннаго штаба въ чисто техническихъ функціяхъ. Но при этомъ имѣются еще и собственные корресподенты какъ въ провинціи, такъ и за границею, По жалованьямъ «подредакціонному» штату выплачивается въ мѣсяцъ свыше 430 ф. ст., что̀ даетъ въ среднемъ приблизительно 25 ф. ст. на человѣка. Авторамъ «спеціальныхъ» статей заплачено въ теченіе мѣсяца 153 ф. ст., а иллюстраціи обошлись въ среднемъ 84 ф. ст. въ мѣсяцъ. Въ общемъ, — не считая окладовъ самихъ редакторовъ высшаго ранга, расходы по редакціи «дешевой» газеты доходятъ до 30.000 ф. ст. — свыше 300.000 руб. на наши деньги. Мудрено ли, что рабочимъ партіямъ въ Англіи до послѣдняго времени не удавалось основать собственной ежедневной газеты. При отсутствіи обширнаго кадра сознательныхъ рабочихъ, которые покупали бы «свою» газету изъ прямого политическаго сочувствія и партійнаго долга, какъ это происходитъ, напр., въ Германіи, рабочій ежедневный органъ вынужденъ былъ бы завоевывать своихъ читателей путемъ конкурренціи съ остальной прессою, а это значило бы имѣть у себя въ распоряженіи суммы, совершенно недоступныя рабочимъ партіямъ. Слагая вмѣстѣ расходы по типографіи, по доставкѣ газеты, по редакціи и по бумагѣ, мы врядъ-ли получимъ цифру ниже 8.000 ф. ст. въ мѣсяцъ, что̀ уже одно составляетъ капиталъ въ 100.000 ф. ст., который абсолютно необходимо имѣть на рукахъ въ виду неизбѣжныхъ дефицитовъ въ первое время. Въ началѣ 1906 года сдѣлана была попытка основать большую либеральную газету при капиталѣ въ 250.000 ф. ст. Такъ какъ это была пенсовая газета, то ей и не нуженъ былъ большой тиражъ. Фактически ужъ къ концу второго года она распродавалась въ числѣ 70.000 экземпляровъ. Но къ этому времени капиталъ уже былъ потраченъ, и газета должна была пріостановиться. Съ осени позапрошлаго года въ Лондонѣ выходитъ и рабочая газета, органъ рабочей партіи, но обставленная въ редакціонномъ отношеніи весьма бѣдно. Она не подпи-

сана, напр., на агентство Рейтера, которое одно стоитъ 1.200 ф. ст. въ годъ; не имѣетъ своихъ корреспондентовъ ни въ провинціи, ни за границей; занимается весьма мало собственнымъ репортажемъ; платитъ своимъ редакціоннымъ работникамъ по пониженному тарифу и, хотя имѣетъ отдѣленіе въ Манчестерѣ, гдѣ печатается провинціальное изданіе, однако, не тратитъ и четверти того на доставку газеты, что̀ тратятъ ея соперницы. Она и основана была на капиталъ всего въ 30.000 ф. ст. Съ тѣхъ поръ профессіональные союзы успѣли снабдить ее большими деньгами, но она до сихъ поръ еще не въ состояніи сводить концы съ концами. Несмотря на низкіе расходы, ея дефицитъ оффиціально исчисляется въ 3.000 ф. ст. въ годъ, но на Флитъ-стритѣ говорятъ, что на самомъ дѣлѣ онъ, по крайней мѣрѣ, на двѣ-трети выше. Не будь постоянныхъ субсидій со стороны профессіональныхъ союзовъ, она давно уже погибла бы. И немудрено: ея тиражъ доходитъ всего до 55.000.

Но, какъ мы уже указывали, даже тиражъ въ 300.000 не достаточенъ для покрытія расходовъ, что̀ можетъ показать простой расчетъ. 300.000 экземпляровъ—это валовая выручка въ 15.000 ф. ст. въ мѣсяцъ. Скидывая комиссіонныя оптовикамъ, которыя доходятъ до 30%, это даетъ 10.000 ф. ст. чистыхъ. Между тѣмъ мы видѣли, что минимальные текущіе расходы дешевой газеты никакъ не меньше 8.000 ф. ст. въ мѣсяцъ. Гдѣ же расходы по амортизаціи помѣщеннаго капитала, который для одной типографіи доходитъ, пожалуй, до 100.000 ф. ст.? Гдѣ расходы по помѣщенію, по освѣщенію, и т. д.? Очевидно, что эти добавочные расходы не только поглотятъ оставшіеся 2.000 ф. ст., но еще дадутъ дефицитъ.

Ясно, что на одинъ тиражъ газеты полагаться трудно, и тутъ вступаетъ въ силу самый важный финансовый факторъ современной прессы—анонсы. И раньше, до появленія дешевой прессы, этотъ факторъ игралъ большую роль, но теперь онъ играетъ роль прямо рѣшающую. Солидная буржуазная пресса прежнихъ временъ находила своихъ кліентовъ среди зажиточныхъ слоевъ населенія и соотвѣтственно этому получала анонсы отъ солидныхъ фирмъ, искавшихъ сбыта своимъ дорогимъ товарамъ въ этихъ слояхъ. Тогдашняя пресса даже не искала анонсовъ: они сами приходили къ ней, и ей оставалось только выбирать и назначать свои цѣны. Появленіе дешевой, народной прессы произвело революцію и въ этой области. Разсчитанная на распространеніе въ массахъ, дешевая газета можетъ служить средствомъ анонсированія только продуктовъ массоваго, дешеваго потре-

бленія, а такъ какъ ихъ безчисленное множество, то она и должна сама ихъ искать. Это создаетъ сильнѣйшую конкурренцію между газетами — конкурренцію не только въ цѣнахъ, но и въ усиліяхъ, употребляемыхъ для полученія объявленій, и въ расширеніи тиража, который долженъ служить приманкою для фирмъ. Послѣдній изъ этихъ факторовъ въ конкурренціи наиболѣе важный. Цѣны не могутъ падать ниже извѣстнаго минимума, такъ какъ доходъ съ объявленій тогда не покроетъ расхода по печатанію и бумагѣ; даже по цѣнамъ выше такого минимума газетамъ часто невыгодно набирать столько объявленій, чтобы нужно было печатать прибавочную страницу номера. Единственнымъ средствомъ противъ такого зла является увеличеніе тиража, такъ какъ тогда анонсирующимъ фирмамъ выгодно платить большія цѣны за объявленія. Соотвѣтственно этому газета съ такимъ тиражемъ, какъ «Дейли Мэль», и имѣетъ у себя наивысшія цѣны за объявленія, что заставляетъ ея соперницы прилагать всѣ усилія, чтобы поднять свой тиражъ. Этимъ еще больше, нежели желаніемъ добиться больше выручки съ продажи номеровъ, объясняются тѣ бѣшеныя усилія, которыя, какъ мы видѣли, газеты дѣлаютъ для распространенія по всѣмъ закоулкамъ страны своихъ изданій. Тутъ нѣтъ и не можетъ быть никакихъ предѣловъ или экономій. Если тиражъ сравнительно невеликъ или растетъ медленно, газета не только будетъ имѣть меньше и болѣе дешевыя объявленія, но она можетъ постепенно потерять всѣ объявленія, такъ какъ анонсирующія фирмы перейдутъ къ другимъ. Какой торговой фирмѣ, ищущей массоваго сбыта для своихъ продуктовъ, охота помѣщать, хотя бы задешево, объявленіе въ газетѣ съ тиражемъ въ 300.000, когда она можетъ за нѣсколько большія деньги имѣть въ своемъ распоряженіи тиражъ втрое больше? Ясно, почему газеты не останавливаются ни передъ какими расходами для того, чтобы безпрерывно поднимать свой тиражъ. Нѣкоторыя изъ нихъ нерѣдко раздаютъ отдѣльные номера даромъ, а въ послѣднее время большинство изъ нихъ завели у себя безплатное страхованіе читателя противъ несчастныхъ случаевъ на желѣзныхъ дорогахъ, электрическихъ орамваяхъ, омнибусахъ, и пр.: пассажиръ, потерпѣвшій увѣчье ттъ такого случая и имѣющій при себѣ номеръ данной газеты, получаетъ вознагражденіе въ зависимости отъ серьезности увѣчья и размѣра причиненной имъ неработоспособности. Все это дѣлается для того, чтобы можно было похвастать передъ анонсеромъ огромнымъ тиражемъ: бѣда только въ томъ, что постепенно эти пріемы перенимаются всѣми газетами, и шансы опять выравниваются

Все же находчивая газета имѣетъ нѣкоторое время преимущество передъ своими соперницами, которое заключается не только въ томъ, что она успѣла привлечь своей выдумкою новыхъ читателей, но еще въ томъ, что сама выдумка создала ей извѣстную рекламу, которая опять таки скажется на тиражѣ. Для придумыванія всѣхъ этихъ кундштюковъ и вообще для добычи объявленій возникъ въ газетномъ дѣлѣ особый департаментъ, значеніе котораго растетъ изо дня въ день, и, пожалуй, уже переросло значеніе всѣхъ остальныхъ. Этотъ «анонсный» департаментъ, со своимъ штабомъ и директоромъ во главѣ, все болѣе и болѣе становится главной осью, вокругъ которой вся газета, включая редакцію, вертится. Отъ его расторопности и находчивости зависитъ вся будущность и все существованіе газетнаго предпріятія, и потому онъ стоитъ въ непосредственной связи съ собственниками газеты и ихъ представителемъ, главнымъ редакторомъ-директоромъ. Черезъ него анонсный департаментъ оказываетъ свое вліяніе на всю газету, и благодаря ему редакторъ-директоръ сталъ главнымъ лицомъ въ предпріятіи. Анонсный департаментъ нашелъ, положимъ, что ему необходима для проведенія того или иного кундштюка, той или иной мѣры такая-то единовременная сумма и столько-то ежегодно. Дѣло редактора-директора найти эти суммы, и если нужно, то даже урѣзать бюджеты другихъ отдѣловъ, включая редакціонный. Оттого онъ къ своему дѣловому титулу присоединилъ и слово: «редакторъ». Онъ блюдетъ за экономіей въ редакціонныхъ расходахъ и то находитъ, что редакція слишкомъ много тратитъ на иностранныхъ корреспондентовъ, то выискиваетъ способы сократить штаты безъ большого ущерба для дѣла. Но онъ еще редакторъ и въ болѣе тѣсномъ смыслѣ. Анонсный департаментъ нашелъ, что покуда редакція не прекратитъ своего непріязненнаго отношенія къ тресту мыловареннаго дѣла, газетѣ не видать объявленій о мылѣ, какъ ушей своихъ. Или тотъ же департаментъ нашелъ, что походъ газеты противъ невольничьяго труда въ португальскихъ колоніяхъ истолковывается публикою въ смыслѣ похода противъ шоколадныхъ фирмъ, получающихъ свое какао изъ португальскихъ плантацій. А то анонсный департаментъ находитъ, что если бы помѣстить нѣсколько статей о зимнемъ спортѣ въ Швейцаріи, то администрація швейцарскихъ желѣзныхъ дорогъ не только сама дастъ газетѣ свой постоянный анонсъ, но еще позаботится о томъ, чтобы и швейцарскіе отельщики печатали въ газетѣ свои объявленія. Къ исполненію всего этого главный директоръ принимаетъ редакціонныя мѣры, и оттого онъ назы-

ваетъ себя и «редакторомъ». Вотъ, этотъ департаментъ и долженъ покрывать своими доходами дефициты по печатанію и продажѣ газеты и еще снабдить собственниковъ газеты надлежащими дивидендами. Понятно, что шефъ его получаетъ министерскій окладъ и смотритъ сверху внизъ на политическаго редактора и его подчиненныхъ. Редакція—это лишь необходимый балластъ для газеты; объявленія—вотъ что самое важное.

VI. Кризисъ, созданный дешевой прессою.

Мы начали свое повѣствованіе съ описанія литературной вульгаризаціи прессы и дошли постепенно къ ея главному финансовому источнику, массовымъ объявленіямъ. На дѣлѣ процессъ созданія новѣйшей дешевой газеты шелъ обратнымъ путемъ. Хармсворты вовсе не родились съ призваніемъ снабдить новаго читателя прессою. Они родились съ призваніемъ дѣлать деньги и нашли въ этомъ читателѣ подходящее вспомогательное средство. Хармсворты рѣшили: если создать газету съ массовымъ тиражемъ, то на этомъ можно, путемъ массоваго сбора объявленій, сдѣлать весьма приличныя деньги, а такъ какъ массовый читатель не станетъ читать серьезной газеты, то послѣднюю надо вульгаризовать: начинить ее легкимъ матеріаломъ, облечь этотъ матеріалъ въ привлекательныя для массоваго читателя формы и продавать все это по возможно доступной цѣнѣ. Тогда будетъ большой тиражъ, появится множество объявленій, и въ результатѣ получатся хорошіе барыши. Хармсворты не ошиблись: они стали милліонерами, баронетами и даже лордами.

Что именно этимъ чисто дѣловымъ путемъ шелъ процессъ вульгаризаціи прессы, мы видимъ и изъ того, какъ онъ отразился на старыхъ газетахъ. Послѣднія вскорѣ увидѣли, что объявленія стали отъ нихъ утекать и приливать къ ихъ болѣе демократическимъ соперницамъ. Стали придумывать средства помочь горю. Однѣ понизили цѣны на объявленія, другія искали спасенія въ экономіяхъ по редакціонному и другихъ отдѣлахъ, третьи завели даже подсобныя предпріятія въ видѣ изданія брошюръ, альманаховъ и пр. Все оказалось напраснымъ. Ясно было, что для заполученія обратно объявленій нужно увеличить тиражъ, а для увеличенія тиража нужно принять тѣ же мѣры, что и Хармсворты. Двѣ газеты, «Дейли Ньюсъ» и «Дейли Кроникль» одновременно дошли до такого вывода и превратились въ одинъ прекрасный день въ полупенсовые органы того же типа, что и

«Дейли Мэль». Съ тѣхъ поръ онѣ ищутъ всяческими средствами расширить свой тиражъ и поймать объявителя, не останавливаясь ни передъ какими средствами, включая дешевыя сенсаціи и даровые купоны страхованія. Несмотря на это, онѣ все-же не могутъ догнать своего гибкаго соперника, и это объясняется тѣмъ, что старыя традиціи и навыки все-же не даютъ имъ возможности откинуть всѣ приличія и вполнѣ сравниться съ соперникомъ. Другія пенсовыя газеты устояли противъ соблазна, но только одинъ «Дейли Телеграфъ», благодаря своему особому положенію въ мірѣ анонсовъ, завоеванному имъ еще въ старое время, когда прочая пресса еще гнушалась мелкими объявленіями о занятіяхъ и квартирахъ, остался при своемъ капиталѣ: всѣ прочія находятся въ очень затруднительномъ въ финансовомъ отношеніи положеніи и могутъ быть куплены въ любой день за сравнительно небольшія деньги. Замѣчательна въ этомъ отношеніи судьба «Times'а», этого Зевса-громовержца англійской и, пожалуй, даже міровой прессы. Вплоть до появленія на свѣтъ Божій полупенсовой газеты онъ продолжалъ держаться на олимпійской высотѣ трехпенсоваго органа, какимъ застала его отмѣна пошлины на бумагу въ серединѣ прошлаго столѣтія, превратившая остальныя газеты въ пенсовыя. Правду сказать, онъ давалъ товаръ высокаго качества и имѣлъ покупателей, главнымъ образомъ, среди могущественныхъ міра сего. Но вотъ, появился Хармсвортъ и сталъ привлекать на свои столбцы безчисленное множество объявленій. «Таймсъ» почувствовалъ конкурренцію, а можетъ быть, и просто зависть. Прежде всего онъ рѣшилъ увеличить свой тиражъ безъ измѣненія цѣны или тона. Онъ завелъ книжную лавку и предоставилъ своимъ подписчикамъ право безплатнаго пользованія библіотекою. Одновременно, для пополненія дефицитовъ, онъ занялся издательствомъ и выпустилъ дополнительное изданіе британской энциклопедіи. Средство оказалось, хотя и полезнымъ, но недостаточнымъ, а предоставленіе безплатнаго пользованія книгами и журналами даже убыточнымъ. Пришлось подумать о другихъ средствахъ. Прежде всего рѣшено было превратить издательскую фирму въ небольшую акціонерную компанію. Это нужно было для того, чтобы увеличить оборотный капиталъ и оборудовать заново типографію. Знаменитое имя Валтеровъ, творцовъ и собственниковъ газеты въ теченіе четырехъ поколѣній, отнынѣ сходитъ со страницъ исторіи. Затѣмъ содержаніе и внѣшность газеты подвергаются измѣненію съ цѣлью сдѣлать ихъ болѣе популярными. Прежде всего появляются заголовки. Въ былыя времена «Times» ограничивался простою

строчкою, набиравшеюся среднимъ шрифтомъ, для обозначенія содержанія статьи или сообщенія. Для телеграммъ изъ-за границы, какъ бы онѣ важны или длинны ни были, просто употреблялись заголовки: «Франція», «Германія», «Южная Америка» и т. п. Передовицы печатались безъ всякихъ заголовокъ. Теперь появились настоящіе заголовки изъ двухъ и болѣе строчекъ крупнаго шрифта—не такія кричащіе и сенсаціонные, какъ въ дешевой прессѣ, но все же разсчитанные на то, чтобы останавливать вниманіе читателя. Съ своей стороны и передовицы стали снабжаться оглавленіями. Далѣе, разбита была знаменитая страница иностранныхъ новостей. Эта страница, на которой группировались всѣ новости изъ-за границы, составляла гвоздь «Таймса», но она имѣла тотъ недостатокъ съ точки зрѣнія современной англійской журналистики, что концентрировала на своихъ столбцахъ главный интересъ газеты въ ущербъ остальнымъ страницамъ и, кромѣ того, не давала возможности выдвигать на первый планъ больше, чѣмъ одно сообщеніе большой важности. Отнынѣ часть иностранныхъ новостей стала печататься и на другихъ страницахъ, наводняя даже ту, на которой печатаются передовицы и которая до сихъ поръ считалась священною и неприкосновенною. Съ другой стороны, на самой «иностранной» страницѣ стали печататься вещи, ничего общаго не имѣющія ни съ иностранными, ни съ другими новостями: статьи, письма въ редакцію, даже иллюстраціи. И тонъ, и содержаніе новостей тоже стали измѣняться. Онѣ уже больше не ограничивались политикою и дипломатіей, а стали касаться и обычныхъ житейскихъ темъ и не излагались больше въ строгой, цѣломудренной формѣ фактическаго изложенія. Эта житейская струйка нашла себѣ дорогу даже въ редакціонные столбцы, и, вмѣсто руководящихъ политическихъ передовицъ, мы часто читаемъ тамъ занимательныя разсужденія о всякой всячинѣ, интересной для средняго обывателя. Принявъ такую болѣе или менѣе популярную форму, «Таймсу» ничего больше уже не оставалось дѣлать, какъ приноровиться и къ кошельку средняго обывателя, и въ позапрошломъ году онъ спустилъ свою цѣну до двухъ пенсовъ за номеръ. Но на этомъ эволюція бывшаго олимпійца еще не остановилась, и движущей силою самой интересной былъ все тотъ же Хармсвортъ, который въ одинъ прекрасный день скупилъ большую часть паевъ Times'а и возсѣлъ въ то знаменитое кресло, съ котораго нѣкогда метали молніи Вальтеры. И теперь на Флитъ-стритѣ упорно говорятъ, что «Таймсъ» вскорѣ превратится въ пенсовую газету новаго типа, какъ его пони-

маетъ новый владѣлецъ. Это значитъ, что содержаніе его подвергнется дальнѣйшей вульгаризаціи и что отнынѣ массовый тиражъ въ цѣляхъ заполученія массовыхъ объявленій станетъ цѣлью его существованія...

Примѣръ «Таймса» даетъ намъ яркое резюме того превращенія, которое испытала англійская пресса за послѣднія пятнадцать лѣтъ. Газеты вынуждены приспособляться къ типу, представляемому «Дейли Мэлемъ», или исчезать: понятно, онѣ выбираютъ первое. Напрасно нѣкоторыя борются, но и онѣ въ концѣ концовъ сдадутся. Такъ, въ моментъ, когда пишутся эти строки, ожидается превращеніе нѣкогда почтеннаго «Стандарда». Онъ долго боролся и принималъ всевозможныя формы; теперь онъ начнетъ выходить въ новомъ форматѣ съ новымъ распредѣленіемъ матеріала, въ надеждѣ, что хотя «сенсаціонность» дастъ ему возможность удержаться на высотѣ пенсовой газеты. Увы! Надежды напрасны: рано или поздно и ему придется превратиться въ полупенсовый органъ.

То, что мы до сихъ поръ говорили о лондонской прессѣ, примѣняется и къ провинціальной; только тамъ, благодаря мѣстнымъ условіямъ, создавшимъ въ прошломъ нѣсколько чрезвычайно крѣпкихъ газетныхъ предпріятій, процессъ удешевленія и вульгаризаціи прессы идетъ медленнѣе. До сихъ поръ еще главные центры провинціи въ родѣ Манчестера, Лидса, Глазго и др., имѣютъ у себя большія пенсовыя газеты стараго типа, съ честью держащія историческое знамя. Но и у нихъ начинаетъ кое-гдѣ пошатываться, и у нихъ появились крикливые заголовки и отклоненія отъ политическихъ темъ въ сторону легкихъ сюжетцевъ изъ обывательской жизни. Покамѣстъ онѣ еще въ рукахъ своихъ старыхъ собственниковъ-династій; но люди не вѣчны, люди старѣются, а уже наслѣдники ихъ проникнуты другими взглядами и лелѣютъ другіе аппетиты.

Естественно, что эта эволюція отразилась особенно невыгодно и прежде всего на прогрессивной и, въ частности, либеральной прессѣ. Взывать къ широкой публикѣ, къ массѣ, какою она была еще пятнадцать-двадцать лѣтъ тому назадъ, означало взывать, главнымъ образомъ, къ ея низменнымъ инстинктамъ и ея весьма низкому уровню образованія. На такой почвѣ шовинистскія, имперіалистскія и вообще реакціонныя завыванія со стороны дешевой прессы, естественно, находили себѣ наиболѣе громкій откликъ, и это не могло не отразиться на либеральной прессѣ. Въ началѣ періода бурская война, а затѣмъ десятилѣтняя ссора съ Германіей создали

для такихъ завываній превосходный резонансъ, и та часть прессы, которая не присоединялась къ шовинистскому хору, тѣмъ самымъ лишалась доступа ко вниманію широкихъ массъ. Этимъ объясняется, почему именно «Дейли Ньюсъ» и «Дейли Кроникль», двѣ наиболѣе видныя либеральныя газеты Лондона, вынуждены были первыя сдать свои позиціи въ качествѣ пенсовыхъ газетъ, почему третья либеральная газета Лондона, полупенсовый «Морнингъ Лидеръ» вынужденъ былъ совершенно прекратить свое самостоятельное существованіе и слиться съ «Дейли Ньюсъ», и почему единственная полупенсовая вечерняя газета въ Лондонѣ либеральнаго направленія «Старъ» съ такимъ трудомъ влачитъ свое существованіе.

Очевидно, дешевая пресса сыграла разрушительную роль, и если бы Хармсвортъ обладалъ чувствительностью извѣстнаго римскаго полководца, то ему, слѣдовало бы сѣсть на развалины и заплакать. Но слезы ему не къ лицу, да въ сущности слишкомъ удручаться нечего. Дѣло, сдѣланное «Дейли Мэлемъ», было необходимымъ этапомъ по пути демократизаціи прессы и, какъ бы на первый взглядъ удручающъ этотъ этапъ ни былъ, онъ все-таки привелъ Англію къ новому мѣсту, откуда ландшафтъ уже начинаетъ мѣняться къ лучшему. За пятнадцать лѣтъ, прошедшихъ со времени основанія «Дейли Мэля», демократія Англіи успѣла значительно шагнуть впередъ и въ умственномъ, и въ соціальномъ отношеніи. Свидѣтелями этого прогресса являются не только колоссальныя экономическія и политическія движенія среди пролетаріата настоящаго времени, но и тотъ необыкновенный расцвѣтъ дешевыхъ издательствъ, выбрасывающихъ ежегодно на рынокъ милліоны экземпляровъ старыхъ классиковъ и новыхъ популярно-научныхъ книжекъ, который составляетъ едва-ли не самое характерное культурное явленіе въ современной Англіи. Тотъ самый читатель, который еще двадцать лѣтъ тому назадъ, упивался «Всякой Всячиною» и «Отвѣтами», теперь читаетъ въ прелестныхъ изданіяхъ Диккенса и Фильдинга, Маколея, Гиббона и Юма, — читаетъ даже Моммзена и Ранке, а также массу спеціально для него написанныхъ популяризацій по исторіи англійской конституціи, по естественнымъ и физико-математическимъ наукамъ, по исторіи литературы, по политической исторіи разныхъ странъ и разныхъ эпохъ, и т. д. Трудно сказать, не содѣйствовала ли сама дешевая пресса, введши народнаго читателя въ болѣе широкій міръ интересовъ, этому великому культурному перевороту, совершающемуся на нашихъ глазахъ въ послѣднія нѣсколько

лѣтъ. Во всякомъ случаѣ, благодаря распространенію образованія, массовый читатель теперь становится все болѣе строгимъ въ своихъ вкусахъ, все болѣе серьезнымъ въ своихъ интересахъ и все болѣе требовательнымъ въ своихъ культурныхъ запросахъ, и въ силу этого сама пресса вынуждена приспособляться, принимая болѣе серьезный тонъ и въ содержаніи и въ изложеніи. Разница между «Дейли Мэлемъ» перваго періода и настоящимъ—огромная, и нѣтъ сомнѣнія, что въ то время, какъ солидная пресса прежнихъ лѣтъ становится все болѣе и болѣе оживленною, болѣе легковѣсною, дешевая пресса, наоборотъ, становится солиднѣе. Происходитъ сближеніе стараго и новаго типа газетъ, которое рано или поздно приведетъ къ возникновенію новаго образца, гдѣ популярность сольется съ серьезностью содержанія. Вотъ, этотъ-то процессъ, такъ сказать, обновленія и дѣлаетъ неумѣстнымъ всякія причитанія по поводу растлѣнія, внесеннаго въ свое время Хармсвортами.

И «Дейли Мэль» въ томъ видѣ, въ какомъ онъ явился на свѣтъ Божій, уже отходитъ въ область историческаго прошлаго и смѣняется новымъ и болѣе высокимъ типомъ газеты. Въ этотъ переходный періодъ Флитъ-стриту очень плохо. Старое рушится, новое только восходитъ, и въ этомъ стихійномъ процессѣ разрушенія и созиданія бѣдному человѣческому элементу, журнальному работнику, приходится весьма туго. Въ первый разъ за свою долгую исторію онъ начинаетъ чувствовать себя такимъ же безпомощнымъ пролетаріемъ, какъ и любой рабочій на фабрикѣ. И неудивительно, что теперь онъ завелъ у себя форменный профессіональный союзъ, что этотъ союзъ начинаетъ вербовать своихъ членовъ не только убѣжденіемъ, но и силою, что онъ уже имѣлъ у себя на рукахъ нѣсколько забастовокъ; нисколько не удивительно, что онъ, въ настоящее время, занятъ выработкою общаго тарифа заработной платы, и что въ его средѣ уже раздаются голоса въ пользу соглашенія съ профессіональнымъ союзомъ наборщиковъ и вообще работниковъ по газетно-типографской части и вступленія въ національную федерацію профессіональныхъ союзовъ и представительства на годичныхъ съѣздахъ трэдъ-юніоновъ. Кризисъ долженъ быть уже очень великъ, чтобы бѣлая кость журнальнаго Флитъ-стрита рѣшила искать сближенія съ фабричнымъ пролетаріатомъ. Какъ и сама дешевая пресса, это пролетарское сознаніе и положеніе англійскаго газетнаго работника останутся, но острый кризисъ и тутъ пройдетъ, и Флитъ-стритъ проснется къ новой и болѣе серьезной жизни.

Е. Орловъ.

ДОГМАТИЧЕСКІЙ ХАРАКТЕРЪ НАУЧНЫХЪ РАБОТЪ Э. ГЕККЕЛЯ.

(По поводу 80-лѣтія со дня его рожденія).

Ни одинъ современный ученый не получалъ такой разнорѣчивой оцѣнки, какъ Э. Геккель. Одни готовы были считать его научнымъ Мессіей, создавшимъ новую эру не только въ біологіи, но и въ исторіи человѣческой мысли вообще. Другіе смотрѣли на него какъ на талантливаго наблюдателя, склоннаго, однако, къ увлеченіямъ, граничащимъ съ фантазіями. Наконецъ, третьи обвиняли его даже въ искаженіи истины, въ научныхъ подлогахъ, которые были будто необходимы ему для приданія хотя нѣкоторой степени вѣроятности его апріорнымъ даннымъ.

Но какъ бы то ни было, уже одно обиліе литературы о Геккелѣ свидѣтельствуетъ о томъ, что въ его лицѣ мы встрѣчаемъ крупную научную величину, для всесторонней и безпристрастной оцѣнки которой, можетъ быть, не настало еще время. Тѣмъ не менѣе уже и теперь можно попытаться выяснить нѣкоторыя причины діаметральной противоположности сужденій о Геккелѣ и этимъ самымъ хотя приблизительно намѣтить то мѣсто, которое долженъ занять этотъ выдающійся человѣкъ въ исторіи человѣческой культуры.

Для каждаго сторонника эволюціонной теоріи, а таковыми является подавляющее большинство современныхъ біологовъ, должна быть несомнѣнна громадная заслуга Геккеля въ укрѣпленіи, развитіи и популяризаціи идеи дарвинизма, сначала въ Германіи, а потомъ и во всемъ мірѣ. Насколько трудна была въ свое время эта задача, видно изъ того, что когда Геккель въ 1863 г. на Штеттинскомъ съѣздѣ нѣмецкихъ естествоиспытателей и врачей выступилъ впервые съ проповѣдью дарвинизма, то его коллеги отнеслись къ нему даже не враждебно, а съ унизительнымъ пренебреженіемъ, говоря, что подобныя натурфилософскія фантазіи

не могутъ быть предметомъ ученаго спора. Одинъ изъ видныхъ членовъ съѣзда заявилъ, что содержаніе доклада Геккеля есть не что иное, какъ безвредная греза короткаго послѣ-обѣденнаго сна. Всѣмъ извѣстно, далѣе, что и впослѣдствіи среди противниковъ Дарвиновой теоріи значились такіе выдающіеся авторитеты, какъ Р. Вирховъ, который до конца жизни не переставалъ бороться съ ней, какъ съ вреднымъ заблужденіемъ. И поразительно быстрое распространеніе идей дарвинизма является результатомъ не только логической стройности ученія, но въ значительной мѣрѣ и той увлекательности, которая была придана ему Геккелемъ. Глубокая, убѣжденная вѣра слышится въ заключительныхъ словахъ штеттинскаго доклада Геккеля. «Нападенія на теорію Дарвина», говоритъ онъ, «не ослабятъ ея успѣха. Ибо движеніе впередъ есть законъ природы, и никакая человѣческая сила,—ни оружіе тиранновъ, ни проклятія поповъ не въ силахъ надолго подавить его».

Нерѣдко, однако, обвиняютъ Геккеля въ томъ, что подъ видомъ дарвинизма онъ проповѣдывалъ нѣчто совершенно другое—геккелизмъ, который съ теоріей Дарвина имѣетъ лишь внѣшнюю связь, и что этимъ самымъ онъ только содѣйствовалъ путаницѣ научныхъ понятій. По этому поводу не безынтересно привести мнѣніе самого Дарвина, который очень высоко цѣнилъ дѣятельность своего нѣмецкаго послѣдователя, что̀ и высказывалъ неоднократно въ своихъ письмахъ. Вскорѣ послѣ выхода въ свѣтъ «Общей морфологіи Геккеля» Дарвинъ писалъ ему: «Особенно восхитила меня та необычайная ясность, съ которой вы изложили и методически скомбинировали какъ всѣ отдѣльные, даже малозначительные принципы, такъ и общую философію предмета. Ваша критика борьбы за существованіе служитъ прекраснымъ примѣромъ того, насколько ваши мысли яснѣе моихъ». Среди многихъ другихъ похвалъ, на которыя Дарвинъ былъ такъ щедръ по отношенію къ Геккелю, особенной силой и сердечностью отличается слѣдующая: «Сомнѣваюсь», — писалъ Дарвинъ Геккелю послѣ появленія его Естественной исторіи міротворенія, — «хватитъ ли моихъ силъ для многихъ дальнѣйшихъ трудныхъ работъ. Я буду продолжать работать, пока могу; но если я перестану, то не бѣда, ибо я вижу вокругъ себя многихъ прекрасныхъ, способныхъ, даже болѣе способныхъ, чѣмъ я людей, вполнѣ могущихъ продолжать работу. Среди этихъ людей первое мѣсто принадлежитъ вамъ».

Пусть въ обѣихъ приведенныхъ цитатахъ звучитъ скромность,—это характерное свойство многихъ великихъ ученыхъ,—но на-ряду съ ней нельзя не усмотрѣть и того, что̀ Дарвинъ

считалъ Геккеля правдивымъ истолкователемъ его теоріи и достойнымъ ея продолжателемъ. И Геккель былъ продолжателемъ Дарвина. Теорію послѣдняго, выраженную въ чрезвычайно осторожной формѣ, относящуюся къ сравнительно ограниченному кругу явленій, именно къ происхожденію видовъ, Геккель развилъ до всеобъемлющаго ученія, монизма, способнаго, по его мнѣнію, охватить и объяснить не только физическіе процессы развитія органическаго міра, но также исторію его происхожденія изъ неорганической матеріи, способнаго, далѣе, дать руководящіе законы и принципы для умственной и нравственной дѣятельности человѣка.

Правда, въ началѣ своей натурфилософской работы онъ такими широкими перспективами не задавался. На первыхъ страницахъ общей морфологіи онъ слѣдующимъ образомъ формулируетъ задачу науки: «Лишь въ томъ случаѣ, если знаніе формъ возвысится до ихъ пониманія, если наблюденіе перейдетъ въ объясненіе, если изъ пестраго хаоса формъ выяснятся законы ихъ образованія, низменное искусство морфографіи превратится въ возвышенную науку морфологіи». Но далѣе, увлекаемый все болѣе и болѣе жаждой познанія, жаждой объяснять не только формы организмовъ, но и всевозможныя явленія, Геккель теряетъ подъ собой почву объективнаго изслѣдованія, нерѣдко становится на точку зрѣнія апріорнаго истолкователя дѣйствительности и этимъ самымъ приближается къ натурфилософской школѣ начала XIX вѣка. Конечно, въ его распоряженіи несравнено больше фактическаго матеріала, онъ не восклицаетъ подобно Окену, что «все органическое должно быть шарообразно, ибо такова форма планеты», онъ слѣдуетъ за другимъ натурфилософомъ, поэтомъ Гете, изъ произведеній котораго неустанно черпаетъ эпиграфы для своихъ научно-популярныхъ книгъ. Исходя изъ положенія Гете:

„Nach ewigen, ehernen
Grossen Gesetzen
Müssen wir Alle
Unseres Daseins
Kreise vollenden“[1]),

Геккель хочетъ объяснить всѣ законы жизни и міра и представить ихъ человѣчеству въ видѣ стройной, общепонятной системы.

---

*) По вѣчнымъ, великимъ,
Могучимъ законамъ
Всѣ мы проходимъ
Нашъ жизненный путь.

Свое ученіе монизма онъ начинаетъ съ разрѣшенія вопроса о первыхъ стадіяхъ развитія нашего міра. Примыкая къ космогенической гипотезѣ Канта и Лапласа, Геккель рисуетъ увлекательную картину образованія солнечной системы путемъ концентраціи и отвердѣнія вещества первичныхъ, вихреобразно вращающихся туманностей. Отрывающіеся отъ центральной массы—будущаго солнца—участки матеріи дѣлаются спутниками солнца или планетами. Эти послѣднія, въ силу своихъ меньшихъ размѣровъ, остываютъ быстрѣе и отвердѣваютъ въ то время, пока солнце представляетъ собой еще огненно-жидкую массу. Въ періодъ остыванія на землѣ, равно какъ и на другихъ планетахъ, пока въ ихъ корѣ господствуетъ высокая температура, развиваются путемъ синтеза неорганическихъ веществъ вещества органическі я—процессъ, къ повторенію котораго мы уже близки въ нашихъ лабораторіяхъ. Въ силу своеобразія существовавшихъ тогда на земной поверхности условій часть органической матеріи могла превратиться въ живые организмы простѣйшаго строенія. Произошло самозарожденіе, которое затѣмъ въ исторіи земли, при измѣнившихся условіяхъ уже не повторялось. Организмы начали размножаться простымъ дѣленіемъ и почкованіемъ, затѣмъ усвоили себѣ болѣе совершенный способъ размноженія. Подъ вліяніемъ, трехъ дарвиновыхъ факторовъ развитія: измѣнчивости, наслѣдственности и естественнаго отбора, а также выдвинутаго Ламаркомъ фактора употребленія и неупотребленія органовъ, первичные организмы, подвергавшіеся различнымъ внѣшнимъ воздѣйствіямъ, развивались и усовершенствовались во всевозможныхъ направленіяхъ, что и привело въ результатѣ къ тому многообразію растительныхъ и животныхъ формъ, которое наблюдается нынѣ на землѣ. Въ процессѣ борьбы за существованіе или переживанія наиболѣе приспособленныхъ подвергались постепенному видоизмѣненію и улучшенію не только органы тѣла, но и тѣ психическія способности, элементы которыхъ проникаютъ весь міръ, будучи на-ряду съ другими свойствами заложены въ атомы. Путемъ все большей и большей концентраціи психическихъ способностей увеличивается интеллигентность населяющихъ землю животныхъ, пока, наконецъ, какъ крайній предѣлъ этого процесса, не развивается изъ обезьяноподобныхъ предковъ человѣкъ, царь природы, владѣющій ею при помощи своихъ духовныхъ силъ. Но тѣ же самые основные факторы, которые лежатъ въ основѣ развитія органическаго міра, продолжаютъ свою работу и въ исторіи человѣчества. Ими опредѣляется характеръ общественной жизни, религіи и культуры че-

ловѣка. Такимъ образомъ, задача ученаго — внушить людямъ сознаніе основныхъ законовъ природы, а обязанность политика— вести человѣческое общество по руслу этихъ законовъ, которое, несомнѣнно, приведетъ къ лучшему будущему.

Такова система монизма, даже въ грубыхъ, схематическихъ очертаніяхъ своихъ являющая красивую, поэтическую, хотя научно и недостаточно обоснованную картину. «Какое зрѣлище», можемъ мы воскликнуть словами Фауста, разсматривающаго знакъ макрокосма: «но только зрѣлище, увы! Мнѣ не познать тебя, великая природа!»

Мы не можемъ анализировать здѣсь работъ Геккеля, не можемъ останавливаться на многочисленныхъ его ошибкахъ, отступленіяхъ отъ точнаго наблюденія и рискованныхъ обобщеніяхъ. Мы не будемъ разбираться въ попыткахъ его, на ряду съ монизмомъ въ области естественныхъ наукъ создать такія странно звучащія дисциплины, какъ напр. монистическая гигіена, технологія, педагогика, монистическая соціологія, политика, юриспруденія и т. д. Всѣмъ этимъ въ достаточной мѣрѣ занималась какъ спеціальная, такъ и общая печать. Намъ важно указать лишь на одну черту ученія Геккеля, черту, свойственную натурфилософской школѣ начала XIX ст., именно на догматизмъ. Это свойство облекать мысль въ форму непререкаемыхъ истинъ, постоянно связанное съ недостаточно критическимъ отношеніемъ къ принципамъ, заложеннымъ въ основаніе мысли, способно подкупить широкіе круги общества, но является жестокимъ тормозомъ для развитія нуждающейся въ абсолютной свободѣ науки. Дарвинъ сознавалъ это; онъ не ставилъ точки на своихъ изслѣдованіяхъ, и въ результатѣ создалась всемірная школа дарвинизма. Геккель своимъ отвѣтомъ на всѣ запросы пытливаго ума поставилъ точку, и количество его послѣдователей въ наукѣ весьма незначительно. Но совершая эту полную трагизма ошибку, заковывая вѣчно ищущую научную мысль въ цѣпи мертвой догмы, Геккель слѣдовалъ тому зову жизни, который многихъ ученыхъ, начиная съ легендарнаго доктора Фауста, изъ стѣнъ кабинетовъ и лабораторій вывелъ на широкое поле общественной работы и политической борьбы. Основаніемъ этой работы и борьбы служитъ доктрина, запечатлѣнная въ тѣхъ или иныхъ общественныхъ идеалахъ, въ той или иной политической программѣ. Орудіемъ здѣсь является не столько объективное знаніе, сколько вѣра въ спасительность доктрины. Политика можетъ увлечь громадныя массы населенія, для которыхъ серьезный научный интересъ непосиленъ, и въ этомъ ея чарующая прелесть

для людей, подобныхъ Геккелю, людей съ чистымъ сердцемъ и сильной волей, болѣющихъ бѣдами и неустройствомъ человѣческаго существованія.

Если мы оставимъ въ сторонѣ спеціальныя зоологическія изслѣдованія Геккеля (о радіоляріяхъ, медузахъ и т. д.), которыя въ свое время создали ему славу тонкаго наблюдателя и первокласснаго ученаго, и обратимся къ его работамъ, посвященнымъ дарвинизму и монизму, то уже въ самыхъ первыхъ изъ нихъ мы можемъ найти зачатки тѣхъ лозунговъ, которые затѣмъ столь яркими штрихами обрисовали его фигуру какъ моралиста и общественнаго бойца. Слова штеттинскаго доклада объ оружіи тиранновъ и проклятіи поповъ сдѣлались лейтмотивомъ всѣхъ его послѣдующихъ разсужденій о человѣческомъ обществѣ. Папизмъ, какъ жалкая каррикатура на первоначальное христіанство, свободное отъ суевѣрій нравственное ученіе (монистическая этика), преимущество свѣтскаго управленія надъ клерикальнымъ, наконецъ—пантеизмъ въ смыслѣ «Deus sive natura», вотъ нѣкоторыя темы, доставившія Геккелю громкую славу вольнодумца и атеиста.

Сила и значеніе критики, съ которой онъ обрушился на современныя церковныя установленія, школьные порядки и другія стороны общественной жизни, были быстро оцѣнены. У насъ же въ 1873 г. переводъ его «Естественной исторіи міротворенія» былъ уничтоженъ цензурой тотчасъ же по выходѣ въ свѣтъ, а затѣмъ и послѣдующія его произведенія не разъ подвергались цензурнымъ стѣсненіямъ.

Въ заключеніе мы можемъ сказать, что, начавъ свою дѣятельность разработкой спеціальныхъ зоологическихъ вопросовъ, Э. Геккель постепенно расширялъ свой кругозоръ, направляя его сначала на область натурфилософскихъ вопросовъ, а затѣмъ и на всѣ окружающія его явленія человѣческой жизни. Будучи моралистомъ и поэтомъ въ душѣ, онъ при первомъ столкновеніи съ общими темами сталъ на путь догматизма, и въ этомъ источникъ его ошибокъ, въ этомъ его слабость какъ ученаго. Но въ этомъ же самомъ кроется обаяніе его личности, его колоссальная заслуга, какъ общественнаго дѣятеля, неустрашимаго борца за правду и свободу человѣчества.

М. Новиковъ.

* * *

Я опьяненъ цвѣтущей вишней
И свѣжимъ шелестомъ дубравъ,
И все незримѣй, все неслышнѣй
Сливаюсь съ жизнью дольнихъ травъ.

Цвѣтами лѣса расцвѣтая,
Тоску и думы заглуша,
Свѣтлѣетъ радостно-простая
И примиренная душа.

И я прилегъ, какъ другъ желанный,
На шитый зеленью коверъ,
А надо мной благоуханный
И голубѣющій просторъ.

Плывутъ, томя, дыханья мая
Въ тиши полей и деревень,
И, грудь земную обнимая,
Дремотной страстью дышетъ день.

Павелъ Зоревъ.

КЪ ИСТОРІИ РУССКО-ГЕРМАНСКИХЪ ТАМОЖЕННЫХЪ ДОГОВОРОВЪ[1]).

Договоръ 1894 года.

Въ послѣдней четверти прошлаго столѣтія произошло сильное паденіе цѣнъ на хлѣбные злаки. Всего болѣе понизилась цѣна на пшеницу. Среднія цѣны пшеницы на англійскомъ рынкѣ могутъ служить типичнымъ выраженіемъ цѣнъ мірового международнаго рынка. Пониженіе цѣны пшеницы выражено въ нижеслѣдующей таблицѣ, въ которой, для устраненія вліянія отдѣльныхъ исключительныхъ городовъ, сравниваются среднія цѣны пшеницы по пятилѣтнимъ періодамъ.

	Цѣна 1 кварт. пшеницы				Въ процентахъ
1871 — 1875 гг.	54	шил.	8	пенс.	100
1876 — 1880 »	47	„	6	„	87
1881 — 1885 »	40	„	1	„	73
1886 — 1890 »	31	„	5	„	57
1891 — 1895 »	27	„	11	„	51
1896 — 1900 »	28	„	7	„	52
1901 — 1904 »	27	»	6	„	50

Итакъ, за послѣдній указанный періодъ времени средняя цѣна пшеницы понизилась почти вдвое. Нѣсколько въ меньшей степени пали также цѣны и на другіе важнѣйшіе продукты сельскохозяйственной промышленности.

Въ ряду причинъ такого пониженія цѣнъ на первое мѣсто должно быть поставлено необычайное расширеніе полевой площади въ главнѣйшихъ странахъ мірового рынка; при чемъ это расширеніе совершилось, главнымъ образомъ, на дѣвственныхъ, плодородныхъ, почвахъ американскихъ Соединенныхъ Штатовъ,

[1]) Изъ ненапечатанныхъ статей покойнаго профессора И. И. Иванюкова.

Аргентины и Австраліи. Увеличеніе посѣвной площади значительно обгоняло ростъ населенія, давало перевѣсъ предложенію хлѣбныхъ злаковъ надъ спросомъ и, въ то же время, добываніе ихъ на дѣвственныхъ почвахъ уменьшало издержки производства. Къ этому присоединилось еще одно важное обстоятельство, а именно,—пониженіе стоимости транспорта хлѣбныхъ злаковъ, равно какъ и всѣхъ другихъ товаровъ, вслѣдствіе громаднаго расширенія сѣти желѣзныхъ дорогъ и усовершенствованій въ океанической перевозкѣ.

Паденіе цѣнъ на значительную часть важнѣйшихъ продуктовъ сельскохозяйственной промышленности вызвало во всѣхъ большихъ западно-европейскихъ государствахъ, за исключеніемъ только Англіи, введеніе на нихъ ввозныхъ пошлинъ. Но ни въ одномъ изъ указанныхъ государствъ ввозныя пошлины не были установлены въ то время въ столь значительныхъ размѣрахъ, какъ въ Германіи. Такая таможенная политика этой страны чрезвычайно вредно отражалась на экономическихъ интересахъ Россіи, что̀ влекло за собою дальнѣйшее охлажденіе традиціонныхъ дружественныхъ отношеній между Россіей и Германіей, начавшееся еще со времени Версальскаго мира (1871 г.) и еще болѣе обострившееся съ 1878 г., т.-е. послѣ Берлинскаго конгресса. До этого времени русское правительство было всегда чрезвычайно предупредительно къ Германіи какъ въ политическомъ, такъ и въ экономическомъ отношеніяхъ. Такъ, когда возникшіе въ 1842 г. переговоры о заключеніи торговой конвенціи съ Пруссіей не привели къ опредѣленнымъ результатамъ, императоръ Николай I повелѣлъ сенату опубликовать, въ формѣ двухъ указовъ, дарованныя Пруссіи уступки безъ всякаго договора. По этому поводу, заканчивая переговоры, нашъ вице-канцлеръ графъ Нессельроде заявилъ двумъ прусскимъ уполномоченнымъ, что «Государь Императоръ, слѣдуя добровольному влеченію своего сердца, рѣшилъ безъ трактата, безъ всякаго двусторонняго какого-либо обязательства, исключительно въ интересахъ нашихъ отношеній съ Пруссіей, основанныхъ на добромъ сосѣдствѣ и согласіи, предоставить ей не только всѣ уступки, предположенныя по проекту конвенціи, но и нѣкоторыя новыя, какія только можно было прибавить».

Какъ сказано выше, начиная съ 70-хъ годовъ политическія и экономическія отношенія наши съ Германіей стали рѣзко измѣняться. Экономическое объединеніе Германіи, начавшееся съ возникновенія германскаго Zollverein'а и закрѣпленное образованіемъ имперіи, вызвало цѣлый рядъ мѣръ, направленныхъ къ усиленной охранѣ туземной промышленности. Однако до 1879 г.

германское правительство не рѣшалось облагать таможенными пошлинами сельско-хозяйственные продукты. Въ этомъ году были впервые обложены пошлиною главные предметы нашего вывоза: хлѣбъ и разные сельскохозяйственные продукты, а также повышены ставки по многимъ другимъ статьямъ тарифа. Въ 1885 г. введены новыя повышенныя пошлины на хлѣбъ, спиртъ, лѣсъ, льняную пряжу, мясо и т. п. Въ 1887 г. снова увеличены пошлины на хлѣбъ. Въ общемъ за указанный періодъ пошлины на продукты нашего ввоза въ Германіи были доведены до 100% ихъ стоимости. Правда, тѣ же мѣры примѣнялись одинаково и къ другимъ государствамъ, и Россія могла жаловаться только на стѣсненія ввоза для нашего скота.

По мѣрѣ повышенія нѣмецкаго тарифа происходилъ ростъ и русскихъ пошлинъ на ввозимые изъ Германіи товары, завершившійся изданіемъ тарифа 1891 года. Послѣдній не заключалъ въ себѣ новыхъ крупныхъ повышеній, но и не далъ существенныхъ пониженій. Въ виду всего этого взаимныя отношенія Россіи и Германіи, разумѣется, могли только ухудшиться. Они особенно обострились, когда въ 1892 г. нѣмецкимъ правительствомъ заключены были на началѣ наибольшаго благопріятствованія договоры съ Австріей, Италіей, Швейцаріей и Бельгіей, а затѣмъ и прочими европейскими и внѣевропейскими странами, за исключеніемъ только Россіи. Введеніемъ дифференціальныхъ пошлинъ на хлѣбъ, лѣсной товаръ и проч., Германія поставила нашъ ввозъ къ ней въ гораздо болѣе тяжелое положеніе, чѣмъ ввозъ однородныхъ предметовъ изъ другихъ странъ. Достаточно въ этомъ отношеніи указать, что съ февраля 1892 г. русскому хлѣбу пришлось платить въ Германіи пошлину на 43% высшую, чѣмъ хлѣбу другихъ странъ. Понятно, съ какимъ раздраженіемъ встрѣчены были въ Россіи такія дѣйствія Германіи, тѣмъ болѣе, что Германія поступила такъ въ то самое время, когда нами начаты уже были переговоры съ ней касательно заключенія новаго торговаго трактата. На наши предложенія о новомъ договорѣ послѣдовалъ отвѣтъ лишь тогда, когда Германія поставила уже Россію въ исключительно неблагопріятное, сравнительно съ другими странами, положеніе. Въ этомъ отвѣтѣ германское правительство заявляло, что не можетъ ограничиться предложенными нами уступками, и соглашалось сдѣлать нѣкоторыя облегченія нашему ввозу подъ условіемъ уравненія пошлинъ, взимаемыхъ нами по сухопутной и морской границамъ, и существеннаго пониженія ихъ на многочисленный

рядъ предметовъ, включавшій въ себѣ 212 статей обложенія. Нашъ отвѣтъ замедленъ былъ болѣзнью министра финансовъ И. А. Вышнеградскаго и только съ назначеніемъ на его постъ С. Ю. Витте данъ былъ, въ августѣ 1892 г., ходъ нѣмецкимъ предложеніямъ.

Новый министръ представилъ проектъ введенія и въ Россіи дифференціальнаго тарифа. Въ этомъ проектѣ онъ развилъ ту мысль, что, при сохраненіи нами существующаго одного, равнаго для всѣхъ таможеннаго тарифа, трудно разсчитывать на предоставленіе намъ иностранными государствами не только прямого пониженія пошлинъ на главнѣйшіе предметы нашего вывоза, но и пониженныхъ пошлинъ, дарованныхъ уже ими другимъ странамъ, такъ какъ нашимъ общимъ тарифомъ вынуждены въ одинаковой мѣрѣ пользоваться какъ государства, предоставляющія намъ наиболѣе льготныя условія ввоза, такъ и тѣ, которыя ставятъ насъ въ неравное съ другими странами положеніе. Поэтому министръ предлагаетъ ввести въ Россіи систему двухъ тарифовъ: одного—съ болѣе высокими пошлинами —для странъ, не предоставляющихъ намъ права наиболѣе благопріятствуемой націи, и другого—съ менѣе высокими ставками—для странъ, намъ это право дарующихъ. За минимальный тарифъ предлагалось принять тарифъ дѣйствующій, съ тѣми конвенціонными пониженіями, которыя оказалось бы возможнымъ предоставить взамѣнъ соотвѣтственныхъ облегченій для нашего вывоза; максимальный же тарифъ долженъ былъ быть образованъ путемъ процентныхъ надбавокъ къ нормальному тарифу.

Проектъ этотъ былъ одобренъ Государемъ и, по Высочайшему повелѣнію, былъ внесенъ на разсмотрѣніе Особаго Совѣщанія. Здѣсь мнѣнія раздѣлились. Проектъ былъ поддерживаемъ только авторомъ его и министромъ внутреннихъ дѣлъ И. Н. Дурново. Одни находили, что установленіе двухъ тарифовъ есть мѣра крайняя, которая по отношенію къ Германіи носила бы характеръ угрозы, давленія и могла бы быть истолкована въ смыслѣ желанія, съ нашей стороны, насильственно повліять на рѣшеніе германскаго правительства въ данномъ вопросѣ. Другіе высказывали опасеніе перерыва Германіей переговоровъ, отчего пострадали бы наши торговые обороты съ этой страной, занимающіе, послѣ торговыхъ оборотовъ съ Англіей, второе мѣсто. Сверхъ того, перерывъ переговоровъ отозвался бы неблагопріятно на нашемъ вексельномъ курсѣ, что̀ повлекло бы за собою потери казны по заграничнымъ платежамъ. Въ виду всего этого предлагалось итти на уступки германскому пра-

вительству. Наконецъ, третьи, признавая, что въ пользу предложенной въ проектѣ мѣры могутъ быть приведены серьезные доводы, полагали, однако, что пока слѣдуетъ только заявить германскому правительству о нашемъ намѣреніи установить два тарифа. Отвѣчая на послѣднее предложеніе, авторъ проекта пояснялъ, что всякое промедленіе въ осуществленіи мѣропріятій о двухъ тарифахъ онъ почиталъ бы безполезнымъ. При существующемъ тарифѣ германское правительство потребуетъ отъ насъ такихъ уступокъ, какихъ мы дать не можемъ. И только введеніе двойного тарифа дастъ намъ вѣрное средство противодѣйствовать чрезмѣрнымъ въ настоящемъ дѣлѣ домогательствамъ со стороны германскаго правительства, тѣмъ менѣе оправдываемымъ, что, согласно имѣющимся у него свѣдѣніямъ, въ самой Германіи преобладаетъ взглядъ о необходимости, въ интересахъ потребителей, распространенія пониженныхъ пошлинъ и на русскій хлѣбъ. Далѣе министръ финансовъ указывалъ, что попытка замѣнить въ Германіи рожь пшеницею и кукурузою покуда оказалась неуспѣшною и, какъ только цѣна на рожь опустилась ниже цѣны на пшеницу, появился усиленный спросъ на чистый ржаной хлѣбъ, который Германія получаетъ, главнымъ образомъ, изъ Россіи. Въ концѣ-концовъ, Особое Совѣщаніе, по настоянію министра финансовъ, все-таки постановило довести до свѣдѣнія германскаго правительства о томъ, что нами предполагается ввести двойной таможенный тарифъ и, далѣе, передать проектъ такого тарифа на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта, когда, по ходу дальнѣйшихъ съ Германіей переговоровъ, это окажется нужнымъ.

Отвѣтъ изъ Берлина пришелъ въ декабрѣ 1892 года. Въ немъ сообщалось, что Германія займется разсмотрѣніемъ нашихъ пожеланій, но выражаетъ увѣренность, что ранѣе окончанія переговоровъ существующая въ Россіи таможенная система не подвергнется измѣненію. То же самое, но въ болѣе подробномъ изложеніи, сообщилъ и посолъ нашъ въ Берлинѣ. Въ этомъ сообщеніи находимъ, между прочимъ, слѣдующія интересныя строки: «Баронъ Маршалъ (бывшій тогда статсъ-секретаремъ по иностраннымъ дѣламъ) показался мнѣ отчасти встревоженнымъ тѣми газетными статьями, которыя на-дняхъ появились у насъ, и которыя толкуютъ о неминуемости введенія министерствомъ финансовъ системы двойныхъ тарифовъ». Эти строки покойнымъ государемъ были отмѣчены краснымъ карандашемъ и сдѣлана надпись: «Это явное доказательство вѣрности взгляда министра финансовъ». Отвѣтъ, полученный отъ германскаго

правительства, поступилъ, затѣмъ, по высочайшему повелѣнію, на разсмотрѣніе Особаго Совѣщанія, назначеннаго для выясненія вопроса о торговомъ соглашеніи съ Германіей. Министръ финансовъ сообщилъ Совѣщанію составленный имъ проектъ письма послу нашему въ Берлинѣ. Сущность письма заключалась въ сообщеніи германскому правительству желанія нашего, чтобы дальнѣйшій ходъ переговоровъ былъ ограниченъ опредѣленнымъ временемъ, дабы, въ случаѣ ихъ неуспѣха, проектъ двойного тарифа могъ быть разсмотрѣнъ Государственнымъ Совѣтомъ въ текущую его сессію. Въ этихъ видахъ предлагалось соглашеніе съ германскимъ правительствомъ въ томъ, что ожидаемый отъ него списокъ желательныхъ пониженій въ русскомъ таможенномъ тарифѣ будетъ доставленъ не позже 1-го нашего января 1893 года, а самые переговоры закончатся къ 1-му марта того же года. При этомъ признавалось желательнымъ указать, что мы напередъ выражаемъ увѣренность въ невозможности допустить сколько-нибудь серьезныя уступки по ожидаемому списку, и что наше согласіе на временное продленіе statu quo въ таможенномъ тарифѣ является новымъ доказательствомъ готовности содѣйствовать благопріятному исходу переговоровъ. Совѣщаніе присоединилось къ изложеннымъ въ проектѣ письма соображеніямъ и находило, «что предлагаемая д. с. с. Витте постановка дѣла непосредственно вытекаетъ изъ тѣхъ заключеній, которыя удостоились Высочайшаго одобренія». Оно остановилось лишь на предположенныхъ для дальнѣйшаго хода переговоровъ срокахъ и полагало, что въ виду краткаго времени, остающагося до 1-го января, было бы желательно нѣсколько отдалить намѣченные въ проектѣ сроки, назначивъ для представленія подробнаго перечня германскихъ пожеланій 1 февраля нов. ст., а для окончанія переговоровъ—1 апрѣля нов. ст. 1893 года.

Отвѣтъ германскаго правительства гласилъ, что оно принимаетъ наши условія. На этомъ сообщеніи нашего берлинскаго посла имѣется помѣтка Императора слѣдующаго содержанія: «Все это еще болѣе утверждаетъ меня въ правильности нашего требованія. Передайте это управляющему министерства финансовъ». Подробный перечень желаемыхъ Германіей въ нашемъ тарифѣ уступокъ былъ доставленъ въ Петербургъ въ февралѣ. Въ этомъ перечнѣ германское правительство изъявило готовность доставить намъ права наиболѣе благопріятствуемой націи, выражало взамѣнъ этого желаніе получить съ нашей стороны, кромѣ обезпеченія подобныхъ же правъ, уравненіе пошлинъ по

сухопутной и морской границамъ и пониженіе пошлинъ по 77 статьямъ, при чемъ пониженіе это испрашивалось по многимъ статьямъ въ размѣрѣ 40, 60, 80 и болѣе процентовъ. Это заявленіе германскаго правительства произвело въ Россіи крайне неблагопріятное впечатлѣніе. Мы испрашивали у Германіи лишь того, чтобы насъ поставили въ равное положеніе по внѣшней торговлѣ съ другими странами, а германское правительство соглашалось на это подъ условіемъ исключительныхъ для Германіи привилегій; оно заявляло претензію не только на пользованіе Германіей тарифомъ наиболѣе благопріятствуемой державы, но также и на такое пониженіе въ ея пользу таможенныхъ пошлинъ, какого мы не предоставляли ни одной націи.

По полученіи заявленія германскаго правительства, министръ финансовъ вошелъ съ всеподданнѣйшимъ докладомъ, въ которомъ высказалъ, что если бы дѣло о существенныхъ уступкахъ Германіи въ нашемъ тарифѣ имѣло одну экономическую сторону, то онъ, поставленный на стражѣ интересовъ русской промышленности, склонялся бы къ отрицательному отвѣту. «Но, продолжалъ министръ, торговое соглашеніе съ Германіей имѣетъ, помимо экономическаго, первостепенное политическое значеніе. Поэтому онъ готовъ пойти, въ полной мѣрѣ возможнаго, навстрѣчу германскихъ пожеланій, останавливаясь лишь на томъ предѣлѣ уступокъ, за которыми пониженіе пошлинъ угрожало бы потрясеніемъ кореннымъ и вполнѣ упрочившимся отраслямъ отечественной промышленности». Предлагая передать настоящее дѣло на обсужденіе Высочайше учрежденнаго Совѣщанія о торговомъ сближеніи съ Германіей, министръ финансовъ заявлялъ, что, и при такомъ направленіи дѣла, онъ полагалъ бы совершенно необходимымъ войти теперь въ Государственный Совѣтъ съ представленіемъ относительно введенія у насъ двойного таможеннаго тарифа, такъ какъ это дало бы намъ наиболѣе дѣйствительное средство при переговорахъ о конвенціонныхъ соглашеніяхъ противостоять чрезмѣрнымъ требованіямъ договаривающихся съ нами странъ.

Въ мартѣ 1893 г. состоялось засѣданіе Совѣщанія. Оно отнеслось съ полнымъ сочувствіемъ къ предположеніямъ министра финансовъ. «Оцѣнивая по достоинству полноту и тщательность, съ коими министерствомъ финансовъ разработаны всѣ относящіеся къ дѣлу матеріалы, Совѣщаніе находило, что предположенныя министромъ нормы для конвенціонныхъ тарифныхъ уступокъ представляются, въ общемъ, правильно и раціонально расчитанными, и по своимъ умѣреннымъ, осторожнымъ размѣрамъ

не могли бы угрожать какими-либо потрясеніями для отечественныхъ производствъ». Министръ финансовъ признавалъ возможнымъ допущеніе пониженія пошлинъ по 56 статьямъ тарифа, на сумму ввоза изъ Германіи свыше 30 милл. рублей. Заключеніе совѣщанія, одобренное государемъ, было передано, черезъ посла нашего въ Берлинѣ, германскому правительству.

Въ то же время былъ внесенъ на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта проектъ о введеніи у насъ таможеннаго тарифа. Обсужденію проекта предшествовало представленное въ Совѣтъ министерствомъ финансовъ изложеніе хода дѣла, вызвавшаго необходимость введенія двойного тарифа. Россія, говорилось въ этомъ изложеніи, издавна держалась, въ своей международной таможенной политикѣ, системы единаго автономнаго тарифа по европейской торговлѣ, согласно которому однородные иностранные товары облагаются одинаковою пошлиною независимо отъ страны ихъ происхожденія. Система эта, сохраняя за правительствомъ полную свободу въ установленіи и измѣненіи таможеннаго тарифа сообразно требованіямъ промышленности и фиска, не сопровождалась до послѣдняго времени какими-либо особыми неудобствами или невыгодами въ международномъ нашемъ торговомъ обмѣнѣ, такъ какъ съ большинствомъ иностранныхъ государствъ нами заключены торговые договоры на основаніи взаимнаго предоставленія правъ наиболѣе благопріятствуемой націи во всемъ, что касается торговли и судоходства; нераспространеніе же на насъ въ нѣкоторыхъ государствахъ, гдѣ мы этими правами не пользуемся, допущенныхъ тамъ конвенціонныхъ пониженій таможенныхъ пошлинъ не имѣло особаго для Россіи значенія, такъ какъ до восьмидесятыхъ годовъ главнѣйшіе предметы нашего вывоза не облагались вообще пошлинами по заграничнымъ тарифамъ. Затѣмъ, когда въ Европѣ стало вновь преобладать покровительственное направленіе таможенной политики, коснувшееся и предметовъ добывающей, главнымъ образомъ сельскохозяйственной промышленности, то для этихъ предметовъ конвенціонныхъ пониженій пошлинъ не было допускаемо. Однако, въ новѣйшее время появилось на западѣ новое въ этомъ отношеніи направленіе, характеризующееся тою особенностью, что нѣкоторыя страны, охранявшія высокими пошлинами продукты своего сельскаго хозяйства, рѣшились допустить конвенціонныя пониженія этихъ пошлинъ въ пользу государствъ, которыя, съ своей стороны, предоставили конвенціонныя пониженія пошлинъ по ввозу предметовъ фабрично-заводской промышленности.

На этихъ именно основаніяхъ состоялись вступившія въ дѣйствіе съ 1-го февраля 1892 г. среднеевропейскія соглашенія между Германіей, Австро-Венгріей, Италіей, Швейцаріей и Бельгіей, причемъ въ трактатахъ съ Германіею, съ которою у насъ не заключено торговаго соглашенія, допущены конвенціонныя пониженія пошлинъ на хлѣбные продукты, лѣсъ, масло, яйца, живой скотъ, нѣкоторые животные продукты и т. п. предметы, интересующіе нашъ вывозъ. При такомъ положеніи дѣла, представляется весьма желательнымъ обезпечить Россіи пользованіе льготными тарифами, въ особенности на хлѣбъ, составляющій главный нашъ вывозный товаръ. Но при сохраненіи одного автономнаго тарифа, лишающаго насъ возможности ставить страны, намъ благопріятствующія, въ болѣе льготныя условія по ввозу товаровъ въ Россію, сравнительно со странами, намъ наиболѣе льготныхъ тарифовъ не предоставляющими, трудно разсчитывать, чтобы эти послѣднія страны оказались сговорчивыми въ вопросѣ о предоставленіи намъ таковыхъ тарифовъ.

Сущность новыхъ торговыхъ соглашеній на западѣ Европы, съ экономической точки зрѣнія, состоитъ въ томъ, что договорившіяся стороны взаимно предоставляютъ другъ другу пониженныя пошлины: во-1-хъ, на предметы фабрично-заводской промышленности, и во-2-хъ, на сырые и полуобработанные продукты, при чемъ конвенціонныя ставки впервые примѣняются къ такимъ товарамъ, которые составляютъ главный предметъ нашего вывоза. Средній годовой размѣръ этого вывоза во всѣ западно-европейскія государства (какъ по европейской, такъ и по закавказской границамъ) выражался за пятилѣтіе 1886—1890 г. суммою 622.382 тыс. руб., распредѣляясь по отдѣльнымъ государствамъ слѣдующимъ образомъ:

А. Государства, гдѣ Россія пользуется правомъ наиболѣе благопріятствуемой націи:

	Тыс. руб.	% отношеніе къ общему вывозу.
Великобританія	218.867	35
Голландія	45.660	7,5
Франція	42.894	7
Италія	29.929	5
Бельгія	25.350	4
Турція, Болгарія и Египетъ .	23.345	4
Швеція	10.268	1,7
Данія	9.050	1,5
Греція	8.842	1,5
Норвегія.	4.269	0,7
	418.474	67

Б. Государства, гдѣ Россія этимъ правомъ не пользуется;

	Тыс. руб.	% отношеніе къ общему вывозу.
Германія	164.949	27
Австрія	27.964	4,5
Румынія	5.355	0,9
Испанія	5.118	0,8
Португалія	502	—
	203.888	33

Вывозъ нашъ въ Великобританію, составляющій 35 % общаго вывоза, не можетъ подвергнуться какимъ-либо случайностямъ въ зависимости отъ торговыхъ соглашеній, въ виду твердо установившейся таможенной политики Соединеннаго Королевства:—допускать иностранныя произведенія къ безпошлинному привозу, за немногими лишь исключеніями, обусловливаемыми фискальными соображеніями. Затѣмъ, относительно значенія для насъ дифференціальныхъ пошлинъ, которыя установлены или могли бы быть установлены по торговымъ договорамъ между другими государствами, слѣдуетъ замѣтить, что уступки въ пошлинахъ или закрѣпленіе существующихъ пошлинъ по отношенію къ произведеніямъ фабрично-заводской промышленности не имѣютъ для насъ, пока, существеннаго значенія, ибо Россія въ настоящее время мало заинтересована въ вывозѣ издѣлій, какъ видно изъ слѣдующихъ данныхъ:

Средній годовой вывозъ издѣлій изъ Россіи 1886—1890 г.

Въ какія государства:	На сумму тыс. руб.	% отношеніе къ общему вывозу въ каждое государство.
Германію	4.234	2,6
Турцію, Египетъ и Болгарію	2.771	12
Великобританію	992	0,4
Австрію	808	3
Румынію	476	9
Францію	231	0,5
Грецію	155	2
Бельгію	105	0,4
Данію	97	1
Швецію	83	1
Голландію	48	0,1
Италію	28	0,1
Норвегію	13	0,3
Испанію	3	—
	9.984	1,6

Приведенныя цифры указываютъ, что пользованіе нами правомъ наиболѣе благопріятствуемой націи для хлѣба, лѣса, скота и т. п. предметовъ сельскохозяйственной промышленности представляется крайне желательнымъ въ интересахъ этой промышленности, а въ связи съ нею и для фабрично-заводскаго развитія Россіи, денежныя средства котораго притекаютъ преимущественно изъ сельскохозяйственной (главнѣйше хлѣбной) производительности. Стѣсненіе въ помѣщеніи избытковъ хлѣба (и другихъ сельскохозяйственныхъ продуктовъ) на заграничныхъ рынкахъ можетъ, конечно, повести къ его удешевленію внутри страны, но за то и уменьшить ея покупную способность, что̀ можетъ повлечь за собой стѣсненіе развитія горной и фабрично-заводской промышленности.

Помимо экономическихъ интересовъ, исключеніе Россіи изъ конвенціонныхъ соглашеній имѣетъ весьма важное политическое значеніе. Нельзя оставить безъ вниманія, что осуществившіеся въ послѣднее время торговые договоры между средне-европейскими государствами, къ которымъ вѣроятно въ силу вещей примкнутъ постепенно и другія страны, существенно измѣняютъ смыслъ примѣняемаго нами ко всѣмъ безъ различія государствамъ единаго автономнаго тарифа, ибо въ то время, какъ мы, держась такого тарифа, продолжаемъ предоставлять, напр. Германіи, по ввозу ея товаровъ въ Россіи, вполнѣ равноправныя съ другими державами условія, Германія, не распространяя на насъ дарованныхъ договорившимся съ нею государствамъ уступокъ, ставитъ Россію, тѣмъ самымъ, въ менѣе благопріятное, сравнительно съ этими государствами, положеніе по ввозу въ Германію. Такой порядокъ вещей, по заключенію министра финансовъ, несовмѣстимъ съ достоинствомъ Россіи.

Между тѣмъ, при наличности существующихъ обстоятельствъ и современномъ направленіи таможенной международной политики вообще на западѣ Европы, трудно разсчитывать,—по отношенію къ иностраннымъ государствамъ,—не только на прямое пониженіе ими пошлинъ на главнѣйшіе предметы нашего вывоза, но и на распространеніе на насъ пониженныхъ пошлинъ, предоставленныхъ другимъ странамъ, безъ опредѣленныхъ уступокъ въ пошлинахъ съ нашей стороны, за одно лишь предоставленіе общаго права наиболѣе благопріятствуемой націи, такъ какъ это право является въ сущности льготою номинальною, при существованіи автономнаго тарифа съ однообразными ставками для однородныхъ товаровъ, независимо отъ страны ихъ происхожденія. Достиженіе нами правъ наиболѣе благопріятствуемой націи

существенными уступками въ дѣйствующемъ тарифѣ представляется само по себѣ трудно осуществимымъ. При составленіи этого тарифа пошлины назначены были въ размѣрѣ, необходимомъ для возбужденія и защиты отечественныхъ производительныхъ силъ, и притомъ исчислены примѣнительно къ курсу 1 р. 50 к. кред. за 1 р. золот., который, при благопріятныхъ финансовыхъ, экономическихъ и политическихъ обстоятельствахъ, можетъ легко отклоняться отъ этой нормы въ сторону улучшенія. Поэтому, существенное пониженіе ставокъ тарифа 1891 года не представляется въ настоящее время возможнымъ, такъ какъ, во-первыхъ, этимъ поколеблено было бы довѣріе нашихъ промышленниковъ къ устойчивости дарованнаго имъ покровительства, а во-вторыхъ,— было бы ослаблено и самое покровительство, установленное новымъ тарифомъ, какъ сказано выше, безъ избытка.

Затѣмъ, оставался бы одинъ только путь для обезпеченія успѣшнаго достиженія желаемыхъ условій по вызову нашихъ продуктовъ за границу, а именно: введеніе у насъ такой тарифной системы, которая давала бы возможность примѣнять неодинаковыя условія по ввозу къ намъ иностранныхъ товаровъ, смотря по тому, привозятся ли они изъ государствъ, не распространяющихъ на насъ наиболѣе льготныя условія ввоза, или изъ государствъ, таковыя условія намъ дарующихъ. Вступить на этотъ путь можно было бы двоякимъ способомъ: или 1) удержавъ для странъ, наиболѣе нами благопріятствуемыхъ, дѣйствующій тарифъ, съ послѣдующими въ немъ измѣненіями, на сколько ихъ признавалось бы нужнымъ впредь дѣлать,—установить для всѣхъ остальныхъ государствъ повышенныя таможенныя ставки, или 2) увеличивъ соотвѣтственно ставки общаго дѣйствующаго тарифа, допускать затѣмъ пониженія противъ такого повышеннаго тарифа для государствъ, которыя предоставили бы намъ право наиболѣе благопріятствуемой націи.

Министръ финансовъ отдавалъ предпочтеніе первому изъ указанныхъ способовъ. Обращаясь къ вопросу о томъ, въ какой именно формѣ могъ бы быть установленъ повышенный тарифъ, онъ полагалъ, что назначеніе въ немъ спеціально исчисленныхъ ставокъ по каждому параграфу нашего тарифа въ отдѣльности потребовало бы чрезвычайно кропотливой и едва-ли производительной работы, способной лишь замедлить осуществленіе мѣры, принятіе которой можетъ представиться настоятельнымъ. Въ такомъ пріемѣ не имѣется и практической надобности, въ виду невозможности, хотя бы съ приблизительною точностію, опредѣлить, какіе именно конкретные предметы извѣстной товарной

группы ввозятся къ намъ изъ каждаго иностраннаго государства въ отдѣльности, и насколько и чѣмъ именно различаются вліяющія на стоимость этихъ предметовъ условія ихъ производства въ каждомъ иностранномъ государствѣ. Далѣе, соотвѣтственно главной цѣли предполагаемой мѣры, а именно: примѣненія вообще къ товарамъ, составляющимъ произведенія почвы и промышленности странъ, не предоставляющихъ намъ наиболѣе льготныхъ условій ввоза, болѣе высокаго таможеннаго обложенія сравнительно съ товарами странъ, намъ наиболѣе благопріятствующихъ,— по мнѣнію министра финансовъ,—самымъ простымъ и цѣлесообразнымъ для этого способомъ было бы примѣненіе къ товарамъ первой категоріи ставокъ общаго нашего таможеннаго тарифа, съ нѣкоторою процентною къ нимъ надбавкою. Что касается размѣра надбавки, то по этому предмету онъ указывалъ на слѣдующее.

Иностранныя государства заинтересованы всего болѣе въ вывозѣ готовыхъ издѣлій. Поэтому для данной группы товаровъ надо установить наибольшій размѣръ процентной надбавки къ пошлинамъ, примѣрно въ 30%. Примѣнительно къ Германіи,— которая можетъ быть принята въ настоящемъ вопросѣ за руководящую сторону, какъ по размѣрамъ ея ввоза, такъ и по особому значенію ея конвенціонныхъ ставокъ для нашего вывоза,—до 30% надбавка на главнѣйшіе предметы ея къ намъ ввоза въ точности соотвѣтствовала бы той, которою Германія заставляетъ оплачивать главнѣйшіе предметы нашего къ ней ввоза—пшеницу и рожь, пошлины съ которыхъ по общему тарифу какъ разъ на 30% выше пошлинъ конвенціонныхъ. Предположенная надбавка, вмѣстѣ съ тѣмъ, установила бы достаточно чувствительное различіе въ условіяхъ ввоза однородныхъ товаровъ изъ странъ, наиболѣе намъ благопріятствующихъ, и изъ тѣхъ, которыя намъ таковой льготы не оказываютъ, ибо при среднемъ размѣрѣ пошлиннаго обложенія издѣлій въ 40%, тридцатипроцентная къ пошлинамъ надбавка достигла бы, въ среднемъ, 12% съ цѣны товара. Къ этой же надбавкѣ предположено отнести нѣкоторые товары, хотя и не причисляющіеся къ издѣліямъ, но могущіе существенно интересовать государства, къ намъ ихъ ввозящія (южные фрукты, оливковое масло, мраморъ и т. п.).

Слѣдующій важнѣйшій отдѣлъ заграничнаго къ намъ ввоза— отдѣлъ сырыхъ и полуобработанныхъ матеріаловъ,—по указанію министра,—надо раздѣлить на двѣ группы. Всѣ товары, относящіеся по преимуществу къ обработывающей промышленности, можно было бы подчинить 20% надбавкѣ къ пошлинамъ. При среднемъ

обложеніи такихъ товаровъ въ 20% съ ихъ стоимости, надбавка составила бы около 6% съ цѣны, и освобожденіе отъ нея странъ, намъ наиболѣе благопріятствующихъ, составило бы, при меньшей вообще стоимости такихъ товаровъ сравнительно съ готовыми издѣліями, достаточное преимущество ввозу изъ этихъ странъ. Вторую группу названнаго отдѣла: преимущественно сырые и подготовленные матеріалы, нужные для отечественныхъ производствъ,—съ присоединеніемъ къ нимъ большинства жизненныхъ припасовъ, — предлагалось въ максимальный тарифъ вовсе не включать.

Принимая затѣмъ во вниманіе, что европейскія государства заинтересованы транзитными и комиссіонными операціями по ввозу къ намъ нѣкоторыхъ внѣевропейскихъ товаровъ, министръ финансовъ полагалъ необходимымъ установить и въ отношеніи къ такимъ операціямъ, соединеннымъ съ большими выгодами, неодинаковыя условія по ввозу къ намъ, смотря по тому, совершается ли этотъ ввозъ изъ странъ, намъ наиболѣе благопріятствующихъ, или же изъ странъ, этого не дѣлающихъ. Это могло бы быть достигнуто путемъ назначенія на такіе товары, при ввозѣ изъ странъ послѣдней категоріи, 15% надбавки къ пошлинамъ общаго тарифа [1]).

Въ приложеніяхъ къ разсматриваемой нами запискѣ приведены подробные перечни товаровъ, предполагаемыхъ къ дополнительному обложенію въ 30% и въ 20%, а равно оставляемыхъ безъ всякой надбавки, съ показаніемъ размѣровъ къ намъ ввоза по государствамъ. Эти перечни,—говорится въ запискѣ министра финансовъ,—показываютъ, что при примѣненіи максимальнаго тарифа къ ввозу изъ странъ, не предоставляющихъ намъ своихъ наиболѣе льготныхъ тарифовъ, нѣтъ основанія опасаться, что отъ этого произойдетъ стѣсненіе у насъ въ полученіи предметовъ, максимальными пошлинами облагаемыхъ, такъ какъ ввозъ такихъ предметовъ оказывается болѣе значительнымъ изъ странъ, наиболѣе благопріятствующихъ, чѣмъ изъ странъ, не предоставляющихъ намъ правъ наиболѣе благопріятствуемой націи.

Въ заключеніе министръ финансовъ остановился на слѣдующихъ соображеніяхъ. Убѣжденный въ томъ, что, при отсутствіи двойного тарифа, Россіи трудно будетъ достигнуть между-

---

[1]) Во Франціи surtaxes d'entrepots взимаются въ различномъ процентномъ отношеніи къ пошлинамъ, но въ среднемъ онѣ близко подходятъ къ размѣру 15% надбавки къ этимъ пошлинамъ.

народныхъ соглашеній на началахъ предоставленія ей наиболѣе льготныхъ условій ввоза ея товаровъ въ ту или другую страну, онъ полагалъ, однако, что огульное, теперь же, примѣненіе максимальнаго тарифа къ привозу изъ странъ, не предоставляющихъ намъ правъ наиболѣе благопріятствуемой націи, едва-ли представлялось бы удобнымъ: съ нѣкоторыми изъ этихъ странъ начать уже обмѣнъ предположеній о соглашеніи на почвѣ взаимнаго предоставленія означенныхъ правъ; затѣмъ онъ ожидалъ, что съ утвержденіемъ у насъ закона о двойномъ тарифѣ и другія страны пожелаютъ войти съ нами въ переговоры о подобномъ же соглашеніи. Поэтому, ему казалось наиболѣе соотвѣтственнымъ, за утвержденіемъ закона, о двойномъ тарифѣ предоставить министру финансовъ, когда это, по соглашенію съ министромъ иностранныхъ дѣлъ, будетъ признано своевременнымъ, испрашивать, всеподданнѣйшимъ докладомъ. Высочайшее соизволеніе на примѣненіе максимальнаго тарифа къ провенансамъ той или другой страны, не предоставляющей намъ наиболѣе льготныхъ условій ввоза и транзита товаровъ.

Государственный Совѣтъ одобрилъ проектъ о двойномъ тарифѣ.

Еще до Высочайшаго его утвержденія и введенія въ дѣйствіе, послѣдовавшаго 1-го іюня 1893 г., министръ финансовъ счелъ необходимымъ предупредить германское правительство черезъ посла о предстоящихъ мѣропріятіяхъ, добавивъ при этомъ, что дальнѣйшая разработка вопроса о торговомъ соглашеніи должна бы быть поручена конференціи делегатовъ отъ обѣихъ договаривающихся сторонъ. Нашъ посолъ графъ Шуваловъ, исполнивъ данное ему порученіе, сообщилъ вслѣдъ затѣмъ въ Петербургъ, что извѣстіе объ одобреніи Государственнымъ Совѣтомъ двойного тарифа произвело на германскаго министра иностранныхъ дѣлъ тяжелое впечатлѣніе, и онъ счелъ возможнымъ сказать нашему послу: «Вы, значитъ, объявляете мнѣ о совершившемся фактѣ и прерываете дальнѣйшіе переговоры». «Нисколько, возразилъ гр. Шуваловъ, такъ какъ германское правительство можетъ заключить съ нами, въ настоящее время, такое же торговое соглашеніе, какое мы имѣемъ въ виду заключить съ другими странами». Далѣе, посолъ сообщалъ, что германскій министръ очевидно не предвидѣлъ, что введеніе нами двойного таможеннаго тарифа можетъ послѣдовать уже въ іюнѣ, т. е. какъ разъ въ то время, когда борьба въ германскомъ парламентѣ достигнетъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, наивысшей точки своего напряженія по поводу внесеннаго правительствомъ въ парламентъ военнаго

законопроекта. По мнѣнію нашего посла, германское правительство искренно желаетъ торговаго сближенія съ нами; но, въ настоящую минуту, оно находится въ крайне затруднительномъ положеніи: сильно заинтересованное исходомъ военнаго законопроекта, оно неминуемо должно опираться на сочувствующія военной реформѣ партіи, въ томъ числѣ и на аграріевъ, а послѣдніе злѣйшіе враги всякихъ послабленій въ пошлинахъ на ввозъ въ Германію нашихъ сельскохозяйственныхъ продуктовъ.

Не прошло двухъ недѣль со времени свиданія графа Шувалова съ германскимъ министромъ барономъ Маршаломъ, какъ послѣдній «неожиданно» посѣтилъ нашего посла и «поспѣшилъ» увѣдомить его о результатахъ совѣщаній съ коллегами и представителями финансовыхъ сферъ по предмету торговаго соглашенія съ Россіей. При этомъ баронъ Маршаллъ вручилъ графу Шувалову двѣ меморіи. Въ нихъ значилось, что германское правительство выражаетъ готовность при предстоящихъ переговорахъ частью уменьшить, частью отказаться совсѣмъ отъ нѣкоторыхъ изъ указанныхъ уже въ германскомъ перечнѣ пожеланій, но, въ то же время, оно 1) рѣшительно отклоняетъ заявленное нами пожеланіе относительно отмѣны запрещенія по ввозу скота и животныхъ продуктовъ; 2) настаиваетъ на своихъ пожеланіяхъ относительно того, чтобы на Финляндію не былъ распространенъ обще-россійскій тарифъ, такъ какъ это можетъ крайне невыгодно отозваться на торговыхъ интересахъ Германіи, пользовавшейся выгодами болѣе умѣреннаго финляндскаго тарифа; и 3) не удовлетворяется тарифными уступками, на которыя нами изъявлено согласіе. Въ заключеніе выражена готовность созыва конференціи при предстоящихъ переговорахъ.

Получивъ германскія меморіи и письма берлинскаго посла, министръ финансовъ обратился съ всеподданнѣйшимъ докладомъ, въ которомъ, указывая на медленность хода переговоровъ, писалъ далѣе: «я остаюсь при глубокомъ убѣжденіи, что мы ни въ какомъ случаѣ не должны допускать, на сколько-нибудь продолжительное время, нынѣшнее несправедливое отношеніе Германіи къ нашему ввозу и что, изъявляя согласіе на нѣкоторую, долѣе 30 іюня, отсрочку введенія максимальнаго тарифа въ дѣйствіе, мы должны рѣшительно настаивать на томъ, чтобы конференція была открыта и работы ея закончены въ наискорѣйшемъ времени. Въ случаѣ же обнаруженія намѣреннаго промедленія со стороны германскаго правительства, тотчасъ же примѣнить къ ея товарамъ повышенный тарифъ».

Вслѣдъ затѣмъ, отвѣчая на германскія меморіи, министръ финансовъ, черезъ нашего министра иностранныхъ дѣлъ, сообщилъ графу Шувалову свои соображенія, для ознакомленія съ ними германскаго правительства. Министръ увѣдомлялъ посла, что слѣдуя неуклонно сознанію необходимости, по соображеніямъ политическимъ, идти навстрѣчу торговаго соглашенія съ Германіей и оцѣнивая по достоинству заявленную барономъ Марталломъ готовность, при предстоящихъ переговорахъ, частью уменьшить, частью отказаться совсѣмъ отъ нѣкоторыхъ изъ указанныхъ въ германскомъ перечнѣ пожеланій, онъ не отрицаетъ возможности дальнѣйшихъ и съ нашей стороны уступокъ, хотя едва ли можно будетъ сдѣлать существенныя новыя пониженія, тѣмъ болѣе, что Германія положительно отказываетъ намъ въ удовлетвореніи одного изъ важнѣйшихъ нашихъ пожеланій, а именно,—объ отмѣнѣ запрещеній по ввозу скота и животныхъ продуктовъ. Что касается вопроса объ объединеніи финляндскаго тарифа съ имперскимъ, то это является мѣрою исключительно внутренней политики, необходимою въ устраненіе ненормальнаго существованія въ одномъ государствѣ различныхъ тарифовъ для отдѣльныхъ его частей. Вопросъ этотъ давно уже назрѣлъ. Тѣмъ не менѣе германское правительство можетъ быть увѣрено, что предначертанное объединеніе финляндскаго тарифа съ русскимъ, близко затрагивающее торгово-промышленные интересы Финляндіи, послѣдуетъ не вдругъ, а имѣетъ быть осуществлено мало-по-малу, съ постепенностью и въ теченіе довольно продолжительнаго времени. Въ виду полученнаго отъ германскаго правительства отвѣта на наши послѣднія предложенія, открывающаго путь къ дальнѣйшимъ переговорамъ, министръ полагалъ возможнымъ и справедливымъ повременить введеніемъ максимальнаго тарифа, но, въ то же время, считалъ необходимымъ, чтобы переговоры были начаты путемъ учрежденія конференціи и затѣмъ окончены въ возможно скоромъ времени. Онъ увѣдомилъ о лицахъ, предложенныхъ делегатами отъ Россіи на конференцію.

Въ отвѣтъ на означенное заявленіе русскаго правительства, полученъ былъ въ концѣ іюня меморандумъ, въ которомъ германское правительство, заявляя о готовности созвать конференцію, вмѣстѣ съ тѣмъ сообщало: 1) что конференція эта могла бы привести къ благопріятнымъ результатамъ при томъ лишь условіи, если бы наше правительство расположено было удовлетворить всѣ германскія пожеланія относительно пониженія русскаго тарифа, за немногими исключеніями, которыя во всякомъ

случаѣ не должны бы коснуться интересовъ земледѣлія и металлургическаго производства Германіи, и 2) что если повышеніе финляндскаго тарифа послѣдуетъ ранѣе окончанія срока предположеннаго торговаго соглашенія, то въ такомъ случаѣ придется отыскать соотвѣтствующую компенсацію для германскаго ввоза въ русскомъ тарифѣ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ посолъ нашъ въ Берлинѣ увѣдомлялъ, что германское правительство признавало бы возможнымъ собрать конференцію нашихъ и нѣмецкихъ делегатовъ не ранѣе 1 сентября, такъ какъ съ предстоящимъ закрытіемъ рейхстага разъѣдутся какъ всѣ германскіе, такъ и всѣ прусскіе министры. Далѣе посолъ сообщалъ, что канцлеръ имперіи, графъ Каприви, выражалъ желаніе, чтобы мы отложили еще на шесть недѣль примѣненіе закона о дифференціальномъ тарифѣ. Это позволило бы графу Каприви добиться принятія палатами военнаго закона, послѣ чего ему будетъ легче образовать въ рейхстагѣ новое правительственное большинство, благопріятное торговому соглашенію съ Россіей.

По поводу этого донесенія берлинскаго посла, министръ финансовъ высказалъ свои соображенія въ письмѣ къ тогдашнему министру иностранныхъ дѣлъ. Въ сообщеніи графа Шувалова,—читаемъ въ этомъ письмѣ,—содержится вопросъ: не желательно ли намъ выждать (недѣль шесть), чтобы у графа Каприви были развязаны руки принятіемъ военнаго закона, такъ какъ потомъ ему, быть-можетъ, удастся образовать въ парламентѣ новое правительственное большинство, на этотъ разъ изъ либеральныхъ элементовъ, благопріятныхъ торговому соглашенію съ Россіей. Такимъ образомъ вопросъ о договорѣ и введеніи нами дифференціальнаго тарифа ставится въ зависимость: во-первыхъ, отъ весьма вѣроятнаго, но еще не достовѣрнаго факта принятія парламентомъ военнаго закона; во-вторыхъ, отъ гадательной возможности для графа Каприви образовать надлежащее правительственное большинство, и все же при неизвѣстности, каковы будутъ тѣ условія, при коихъ германское правительство согласится на составленіе трактата, который оно сочтетъ возможнымъ внести на рѣшеніе парламента. Такая постановка дѣла какъ будто предполагаетъ, что переговоры о торговомъ договорѣ съ Германіей лишь начинаются. Между тѣмъ, дѣло это тянется уже около двухъ лѣтъ, и если бы въ эти два года равновѣсіе обѣихъ сторонъ не было существенно нарушено, то, конечно, благоразуміе требовало бы дальнѣйшаго терпѣливаго выжиданія. Но, при сужденіи о настоящемъ вопросѣ, нельзя упус-

кать изъ виду, что во время переговоровъ,—когда мы не приняли относительно Германіи никакихъ мѣръ стѣсненія,—Германія поставила насъ въ совершенно неблагопріятное положеніе, устроивъ исключительно для Россіи дифференціальныя пошлины, не только крайне нарушающія наши матеріальные интересы, но и касающіяся народнаго самолюбія. Такимъ образомъ, мы уже полтора года находимся со стороны Германіи въ тискахъ неравномѣрности, въ то время, когда Германія пользуется у насъ всѣми выгодами наиболѣе благопріятствуемой державы. Очевидно, что при такомъ положеніи вещей германское правительство можетъ ждать спокойно благопріятнаго внутренняго политическаго будущаго, но является вопросъ,—можетъ ли русское правительство продолжать такое же безсрочное ожиданіе, при полной неизвѣстности удовлетворительнаго для насъ исхода дѣла. Министръ полагалъ, что ошибка съ нашей стороны заключалась въ томъ, что мы немедленно не отвѣтили Германіи на ея дифференціальныя пошлины своими дифференціальными пошлинами, то-есть, что мы не ввели одновременно съ Германіей нашего дифференціальнаго тарифа, только нынѣ опубликованнаго, и что въ настоящее время тарифъ этотъ возможно не вводить лишь при достаточной увѣренности, что вопросъ о соглашеніи съ Германіей разрѣшится удовлетвовительно и въ опредѣленный наиближайшій срокъ. Безъ этого условія, по мнѣнію министра, откладываніе введенія дифференціальнаго тарифа не составляетъ приближенія къ рѣшенію вопроса, а, напротивъ того, даетъ германскому правительству возможность въ нашей нерѣшительности черпать дальнѣйшій поводъ держать насъ въ томъ экономически подчиненномъ положеніи, въ какомъ мы въ теченіе полутора года по отношеніи Германіи находимся. Министръ понимаетъ, что германское правительство можетъ, въ соотвѣтствіи съ внутреннимъ своимъ положеніемъ, желать, чтобы ему дано было время для окончательнаго урегулированія столь серьезнаго дѣла, какъ торговый трактатъ съ Россіей; но отъ него вполнѣ зависитъ также поставить насъ въ положеніе, чтобы мы могли спокойно ожидать наступленія такого времени. Для этого,—какъ кажется министру,—простая корректность международныхъ отношеній требуетъ, чтобы Германія сдѣлала по отношенію насъ то, что она сочла справедливымъ сдѣлать по отношенію къ Румыніи. Если германскому правительству угодно будетъ заключить съ нами временный договоръ (напр., до 31 декабря сего года), по которому обѣ договаривающіяся стороны предоставили бы другъ другу условія наи-

болѣе благопріятствуемой націи, то, въ такомъ случаѣ, германское правительство будетъ имѣть время формировать для себя парламентское большинство; оно будетъ, съ тѣмъ вмѣстѣ, гарантировано въ томъ, что мы въ это время не только не введемъ дифференціальнаго тарифа, но, напротивъ, предоставимъ ей всѣ тѣ пониженія, которыя мы предоставили Франціи и можемъ предоставить другимъ странамъ. Мы же, съ своей стороны, будемъ поставлены въ возможность ожидать спокойно дальнѣйшаго теченія дѣла и заключенія окончательнаго трактата съ Германіей, нынѣ замедляемаго менѣе всего по нашей винѣ. «Если Вашему Превосходительству угодно будетъ раздѣлить это мое предложеніе, пишетъ министръ, то не соблаговолите ли поручить графу Шувалову передать его на усмотрѣніе германскаго правительства—съ поясненіемъ, что при семъ единственномъ условіи мы будемъ поставлены въ возможность спокойно ожидать дальнѣйшаго хода дѣла».

Германское правительство не пошло на сдѣланное ему предложеніе. Въ началѣ іюля графъ Шуваловъ донесъ, что предложеніе временнаго соглашенія, при которомъ Россіи обезпечивалось бы положеніе наиболѣе благопріятствуемой націи, признается Германіей непріемлемымъ. Въ такихъ условіяхъ министръ финансовъ, видя, что на скорое окончаніе дѣла разсчитывать нельзя, вошелъ со всеподданнѣйшимъ докладомъ о введеніи, согласно закону 1-го іюня 1893 г., въ дѣйствіе съ 20-го іюля 1893 г. повышеннаго тарифа, а также о предоставленіи министру финансовъ права издавать распоряженія по примѣненію указаннаго тарифа къ соотвѣтствующимъ иностраннымъ товарамъ.

Когда Германія получила увѣдомленіе о введеніи въ Россіи съ 20 іюля 1893 г. повышеннаго тарифа, по закону 1 іюня 1893 г., то германское правительство, не ожидая 20 іюля 1893 г., то-есть фактическаго примѣненія повышеннаго тарифа къ продуктамъ, идущимъ изъ Германіи, еще повысило на 50% максимальныя ставки тарифа, примѣняемаго къ русскимъ товарамъ. Такая мѣра уже носила явно боевой характеръ, а потому министръ финансовъ испросилъ чрезвычайную мѣру касательно предоставленія ему, по соглашенію, съ министромъ иностранныхъ дѣлъ, примѣнять особо повышенныя пошлины къ товарамъ странъ, принимающихъ особыя мѣры къ стѣсненію русскаго вывоза. Докладъ этотъ удостоился 6 іюля Высочайшаго утвержденія; а потому съ 26 іюля 1893 г. къ товарамъ, идущимъ изъ Германіи, начали примѣняться повышенныя ставки

по закону 1 іюня 1893 г., увеличенныя еще на 50%. При чемъ это послѣднее увеличеніе на 50% по всеподданнѣйшему докладу министра финансовъ, утвержденному 17 іюля 1893 г., должно было быть примѣнено не только къ германскимъ товарамъ, ввозимымъ къ намъ, но и къ товарамъ, ввозимымъ въ Финляндію, которая имѣла и до настоящаго времени имѣетъ особый таможенный тарифъ. Въ этомъ докладѣ министръ финансовъ высказывалъ, что «выдѣленіе Финляндіи, составляющей часть государства Россійскаго, изъ круга дѣйствія весьма серьезнаго мѣропріятія, направленнаго къ защитѣ интересовъ цѣлой страны, представляется неудобнымъ. А потому, по сношеніи министра финансовъ съ министромъ статсъ-секретаремъ Великаго Княжества Финляндскаго, 50% надбавка была введена и въ Финляндіи съ 10 августа 1893 года.

Такимъ образомъ, Германія на свои боевые выпады получила такіе же боевые отвѣты. Движеніе товаровъ между Россіей и Германіей почти *прекратилось*. Многіе боялись, что вслѣдъ за торговою войною вспыхнетъ война настоящая. Императоръ Александръ III, несмотря на повышенное настроеніе общества и особенно придворныхъ круговъ, отнесся къ такому положенію вещей совершенно спокойно, проявивъ свое полное довѣріе къ министру финансовъ.

Вслѣдъ затѣмъ, мы, въ отвѣтной нотѣ германскому правительству, заявили, что искренно желаемъ скорѣйшаго прекращенія наступившаго полнаго экономическаго разобщенія между двумя сосѣдними странами и, потому, впредь изъявляемъ готовность прислать на конференцію своихъ делегатовъ. Передавъ эту ноту, нашъ повѣренный въ дѣлахъ сообщилъ, что германское правительство не замедлитъ, съ своей стороны, назначить уполномоченныхъ на конференцію.

Пять дней спустя послѣ этого увѣдомленія, повѣренный въ дѣлахъ въ Берлинѣ, графъ Муравьевъ (впослѣдствіи министръ иностранныхъ дѣлъ), замѣнившій посла гр. Шувалова, частнымъ письмомъ на имя нашего министра иностранныхъ дѣлъ сообщилъ, что Германія, по его мнѣнію, настолько враждебно относится къ Россіи, что можно опасаться, какъ бы на почвѣ недоразумѣній экономическихъ не произошло у насъ съ Германіей столкновенія политическаго.

Но 1 октября нов. ст. открылась въ Берлинѣ давно ожидаемая конференція. Для содѣйствія германскимъ делегатамъ при установленіи тарифныхъ ставокъ образованъ былъ въ Берлинѣ особый комитетъ свѣдущихъ лицъ изъ представителей германской

фабричной промышленности и сельскаго хозяйства, въ числѣ до 80 лицъ. Согласно полученнымъ отъ министра финансовъ инструкціямъ, наши уполномоченные заявили на конференціи, что, по главнымъ пунктамъ, они не могутъ согласиться на просимый Германіей размѣръ пониженія пошлинъ, но, желая искренно продолжить путь къ соглашенію, они предлагаютъ нѣкоторое пониженіе пошлинъ какъ по главнымъ статьямъ, такъ и по другимъ, не включеннымъ въ германскій перечень, и передали нѣмецкимъ уполномоченнымъ свой списокъ, освѣтивъ цифрами значеніе такихъ уступокъ для Германіи. Предсѣдательствовавшій на конференціи баронъ Тильманъ заявилъ, что онъ и его товарищи, не будучи подготовлены для разъясненія разсчетовъ и соображеній, положенныхъ въ основаніи германскихъ таможенныхъ требованій, предварительно должны посовѣтоваться съ комитетомъ. Въ этомъ комитетѣ происходила сильная борьба между представителями обрабатывающей промышленности и аграріями, не желавшими никакихъ торговыхъ уступокъ со стороны Германіи и возстававшими противъ мысли даже о временномъ соглашеніи. Доведя до свѣдѣнія государя о ходѣ переговоровъ на конференціи, министръ финансовъ отмѣчалъ, что германское правительство, въ виду очевидной для Германіи тяжести таможенной войны, готово придти къ соглашенію съ нами, но положеніе очень затруднено ожесточенной борьбой партій. Съ одной стороны, представители обработывающей промышленности настаиваютъ на скорѣйшемъ заключеніи договора съ Россіей, съ другой, весьма вліятельные аграріи, опираясь на которыхъ правительство провело въ рейхстагѣ военный законъ, всѣми силами противодѣйствуютъ соглашенію, и потому германское правительство принуждено лавировать между партіями. Дальнѣйшія сообщенія представителей русскаго правительства въ Берлинѣ продолжали повторять, что аграріи дѣлаютъ все отъ нихъ зависящее, чтобы сбить съ толку промышленниковъ увѣреніями, будто германское правительство, нанося, предстоящимъ торговымъ соглашеніемъ съ Россіей, ударъ земледѣлію, не выговариваетъ никакихъ преимуществъ для промышленности обработывающей. Баронъ Маршаллъ считалъ нужнымъ, поэтому, ознакомить промышленниковъ съ тѣми облегченіями, какія проектируемый новый торговый договоръ дѣлалъ нѣмецкимъ мануфактурнымъ товарамъ.

Чѣмъ дальше работала конференція, тѣмъ болѣе росли шансы на благопріятный исходъ соглашенія. Большую роль здѣсь играло и то обстоятельство, что нѣмцы начинали испытывать всѣ

невыгодныя послѣдствія введенныхъ у насъ боевыхъ таможенныхъ пошлинъ. Въ началѣ декабря министръ финансовъ, во всеподданнѣйшемъ докладѣ, высказывается уже съ полной увѣренностью, что желаемое соглашеніе съ Германіей состоится; но онъ предвидѣлъ возможность разногласій лишь по сроку дѣйствія предполагаемаго договора. Германское правительство предполагало десятилѣтній срокъ дѣйствія проектируемаго договора. По этому вопросу министръ финансовъ представилъ на благовоззрѣніе Императора слѣдующія соображенія. Если бы въ Россіи было металлическое денежное обращеніе, и, слѣдовательно, цѣна заграничнаго товара, а равно размѣръ нашей золотой пошлины, уплачиваемые въ кредитныхъ рубляхъ, не зависѣли отъ курса рубля,—то, для устойчивости международныхъ торговыхъ отношеній, для Россіи былъ бы наиболѣе выгоденъ длинный срокъ дѣйствія договора. Но, при бумажно-денежномъ обращеніи, повышеніе или пониженіе курса рубля существенно измѣняетъ степень покровительства таможеннаго тарифа. Министръ не видѣлъ „никакого основанія, если произойдутъ какія-либо чрезвычайныя событія, ожидать существеннаго пониженія курса рубля; напротивъ, постепенное повышеніе его, съ все большимъ укрѣпленіемъ нашего благосостоянія, весьма вѣроятно. При повышеніи же курса рубля, каждое его повышеніе не только уменьшаетъ размѣръ таможенной пошлины, уплачиваемой кредитными рублями, но, что̀ еще важнѣе, уменьшаетъ цѣну иностраннаго товара, уплачиваемую въ тѣхъ же рубляхъ. Слѣдовательно, при серьезномъ повышеніи курса [1]), размѣры таможенныхъ пошлинъ могутъ оказаться недостаточными, и для огражденія нашей промышленности можетъ потребоваться повышеніе таможеннаго тарифа, какъ это уже было въ 1891 году, когда вслѣдствіе быстраго, но спекулятивнаго повышенія рубля пришлось экстренно повысить тарифъ на 20%“. Поэтому министръ далъ нашимъ уполномоченнымъ инструкцію добиваться, чтобы договоръ былъ заключенъ на неопредѣленный срокъ, съ правомъ для каждой договаривающейся стороны отказаться отъ договора, съ предупрежденіемъ о томъ за годъ или за два впередъ. Изъ телеграммы графа Шувалова онъ усматривалъ, что германское правительство затрудняется согласиться на такое условіе и желаетъ гарантировать существованіе договора на 10-ть лѣтъ, то есть,

---

[1]) Извѣстно, что съ введеніемъ золотой валюты въ 1896 г. курсъ рубля былъ окончательно фиксированъ 1 р. металлическій=1 р. кредитному, что̀ устранило колебанія въ таможенномъ покровительствѣ въ зависимости отъ курса рубля.

на остающійся срокъ дѣйствія договоровъ, заключенныхъ Германіей съ другими странами.

Въ виду изложенныхъ соображеній, министръ финансовъ полагалъ, что заключеніе договора на 10-ть лѣтъ можетъ представить въ будущемъ нѣкоторую опасность, въ случаѣ естественнаго повышенія курса рубля. По его мнѣнію, вообще всегда удобнѣе для такой *самостоятельной во всѣхъ отношеніяхъ страны, какъ Россія, быть возможно болѣе свободной въ своихъ дѣйствіяхъ*. Поэтому онъ полагалъ, что на десятилѣтній срокъ можно было бы согласиться лишь въ крайности, когда будетъ очевидно, что иначе достигнуть соглашенія, и притомъ вообще выгоднаго для Россіи, невозможно.

Въ началѣ января 1894 г. наше правительство извѣщено было о томъ, что, при встрѣчѣ съ нашимъ старшимъ уполномоченнымъ, императоръ Вильгельмъ выразилъ свое удовольствіе по поводу близкаго окончанія переговоровъ. И дѣйствительно, 24 января, нашъ посолъ въ Берлинѣ могъ уже довести до свѣдѣнія правительства, что согласіе достигнуто и вскорѣ обѣими сторонами будетъ подписано. Нашъ посолъ давалъ высокую оцѣнку достигнутому результату, считая „заключенный Россіей договоръ событіемъ первостепенной важности". Онъ приписывалъ успѣхъ, достигнутый Россіей, твердому и искусному направленію, данному берлинской конференціи нашимъ министромъ финансовъ.

Не входя въ подробное разсмотрѣніе экономическихъ выгодъ, доставленныхъ Россіи торговымъ договоромъ 1894 г., отмѣтимъ только, что наибольшее значеніе его для нашего отечества заключалось въ пониженіи хлѣбныхъ пошлинъ до уровня, установленнаго Германіей для государствъ, наиболѣе благопріятствуемыхъ. Пріобрѣтеніемъ уменьшенныхъ пошлинъ на хлѣбъ въ зернѣ далеко не исчерпываются выгоды, обезпечиваемыя русскому экспорту въ Германіи указаннымъ торговымъ съ нею соглашеніемъ. Хлѣба въ зернѣ мы вывозили въ Германію по трехлѣтней сложности за 1888—1890 гг. на сумму около 88 милл. рублей, а пониженными пошлинами въ ближайшіе же годы воспользовался вывозъ на сумму свыше 130 милл. рублей, въ томъ числѣ: лѣсной товаръ на сумму свыше 18 милл. рублей; разные сельскохозяйственные продукты (кромѣ хлѣба) на сумму свыше 12 милл. рублей, живой скотъ на $1^1/_2$ милл. рублей. Кромѣ того, обезпечено было неповышеніе существующихъ пошлинъ на сумму вывоза около 26 милл. рублей (греча, зерновой хлѣбъ, особо непоименованный, рапсовое сѣмя,

и особо непоименованныя масляничныя сѣмена, лѣсной товаръ въ подготовленномъ видѣ, лошади). Наконецъ, обезпеченъ былъ на 10-ти лѣтній срокъ безпошлинный ввозъ въ Германію русскихъ товаровъ на сумму свыше 65 милл. рублей въ годъ (ленъ, пенька, кудель, шерсть, щетина, конскій волосъ, льняное и конопляное сѣмя, сѣмена кормовыхъ травъ, тряпье, выжимки масляничныхъ сѣмянъ, лѣсной товаръ необдѣланный, птица и дичь и т. д). Обезпеченіе безпошлиннаго ввоза изъ Россіи товаровъ на столь значительную сумму имѣло особое значеніе, такъ какъ, за нѣсколько лѣтъ еще до заключенія торговаго договора 1894 г., аграріи вели агитацію за обложеніе ввоза изъ Россіи товаровъ, пользовавшихся безпошлиннымъ пропускомъ въ Германіи.

И. Иванюковъ.

НАТУРАЛИЗМЪ ЧЕХОВА.

I.

«Въ Гете рядомъ съ поэтомъ прекрасно уживался естественникъ»,—пишетъ Чеховъ въ своихъ письмахъ, и не въ этой ли краткой фразѣ онъ со своей обычной сжатостью выразилъ и свое воззрѣніе на совершеннаго художника и мѣткую характеристику собственнаго творчества?

Естественникъ, медикъ, біологъ, анатомъ какъ бы составляютъ въ Чеховѣ тотъ коренной прямолинейный строго очерченный стержень, вокругъ котораго волнисто вьется душистая и многоцвѣтная, росисто свѣжая и бархатисто нѣжная флора его неподражаемой поэзіи. Ланцетомъ хирурга онъ систематически проводилъ первые глубокіе надрѣзы въ рыхломъ житейскомъ матерьялѣ своей экспериментальной лабораторіи, чтобъ затѣмъ подчинить его обработкѣ всѣхъ тонкихъ рѣзцовъ и шелковисто мягкихъ кистей своей художественной студіи. Съ терпѣніемъ ученаго изслѣдователя онъ производилъ свои опыты точнаго наблюденія дѣйствительности и съ профессіональной безпощадностью оператора разсѣкалъ трепещущія ткани жизни, чтобъ безотчетно отдаться затѣмъ всѣмъ очаровательнымъ случайностямъ ея красокъ и оттѣнковъ, всѣмъ неожиданностямъ ея формъ и обликовъ, всей импровизаціи ея звуковъ, шороховъ и полутоновъ.

И это богатство цѣльной, неразложимой, вѣчно торжествующей жизни такъ рѣшительно пробуждало въ натуралистѣ поэта, въ безстрастномъ вивисекторѣ вдохновеннаго художника, въ холодномъ позитивистѣ нѣжнѣйшаго лирика, что лучезарное сіяніе алмазныхъ звѣздъ, которыми онъ такъ волшебно усѣивалъ сумеречное небо своихъ разсказовъ, совершенно затмевало холодные отблески стекла и стали его врачебной лабораторіи.

Чеховъ-врачъ неотдѣлимъ отъ Чехова-писателя. Недаромъ

въ безконечной галлереѣ его образовъ съ особенной любовью отмѣчены двойственные типы поэтовъ-химиковъ или врачей-философовъ. Съ какой симпатіей изображаетъ онъ кроткаго доктора Рагина, который готовился въ духовную академію, но попалъ по недоразумѣнію на медицинскій факультетъ, аккуратно получаетъ журналъ «Врачъ», но всей медицинской мудрости предпочитаетъ Марка-Аврелія, Эпиктета и даже бесѣду со своими сумасшедшими кліентами. И какъ характеренъ для Чехова его увлекающійся Ярцевъ, этотъ филологъ и магистръ химіи, педагогъ и драматургъ, который такъ походитъ на историка, когда говоритъ о зоологіи, и такъ напоминаетъ естественника, когда рѣшаетъ историческіе вопросы. Даже разсудочный эгоистъ докторъ Благово, проявляетъ склонность къ утопическимъ мечтаніямъ и любитъ говорить о таинственномъ иксѣ, ожидающемъ человѣчество въ далекомъ будущемъ.

«Всѣ гинекологи идеалисты,—категорически утверждаетъ Чеховъ въ письмѣ къ одной писательницѣ.—Вашъ докторъ читаетъ стихи, чутье подсказало Вамъ правду; я бы прибавилъ, что онъ большой либералъ, немножко мистикъ и мечтаетъ о женѣ во вкусѣ некрасовской русской женщины».

И конечно не случайно онъ помѣщаетъ «поэта Некрасова» въ число немногихъ друзей своего профессора-медика изъ «Скучной исторіи». Герой этого чеховскаго шедевра—одинъ изъ самыхъ цѣльныхъ и привлекательныхъ образовъ въ галлереѣ его поэтовъ-мудрецовъ. Ветеранъ науки, трогательно преданный точному знанію, наканунѣ своей смерти мечтающій воскреснуть черезъ столѣтіе, чтобъ хоть однимъ глазкомъ взглянуть на успѣхъ своихъ преемниковъ, этотъ фанатикъ изслѣдованія и опыта сохраняетъ въ своей мѣщанской обстановкѣ какія-то чисто артистическія наклонности и неизмѣнно вноситъ въ научную работу принципы поэтическаго творчества. Онъ любитъ красивую одежду и хорошіе духи, классическій театръ и французскіе романы, а въ лекціи свои, помимо научныхъ свѣдѣній вкладываетъ еще вдохновеніе, страстность и юморъ настоящаго оратора-художника. На университетской каѳедрѣ онъ ставитъ себѣ образцомъ хорошаго дирижера, и главная научно-педагогическая задача его чтенія никогда не заслоняетъ въ немъ художественной озабоченности о литературности изложенія, о красотѣ фразы и мѣткости своевременнаго каламбура. При этомъ онъ съ нескрываемымъ презрѣніемъ относится къ сѣрымъ работникамъ науки, добросовѣстно изготовляющимъ свои безчисленные препараты и рефераты, компиляціи и переводы. Съ чутьемъ истиннаго поэта, онъ вѣритъ

что настоящее знаніе только тамъ, гдѣ есть вдохновеніе и творчество, фантазія, изобрѣтательность, чуткое умѣніе угадывать, великая способность къ тѣмъ мучительнымъ сомнѣніямъ и разочарованіямъ, отъ которыхъ сѣдѣютъ таланты.

Во всѣхъ этихъ родственныхъ образахъ артистовъ-ученыхъ сказалась исконная симпатія Чехова къ гетевскому типу поэта-натуралиста. Литераторъ-химикъ, хирургъ-мечтатель, гинекологъ-идеалистъ или врачъ-мистикъ оставались для него тѣмъ излюбленнымъ человѣческимъ образомъ, который онъ, можетъ быть, безсознательно охватывалъ несомнѣннымъ автобіографическимъ налетомъ.

II.

Рядомъ съ поэтомъ и въ немъ, какъ въ Гете, прекрасно уживался естественникъ. Медицинскій факультетъ и врачебная практика играютъ несомнѣнно рѣшающую роль въ чеховскомъ творчествѣ. Они намѣтили ему методъ художественной работы, сообщили ему богатѣйшій житейскій матеріалъ для литературной обработки, возвели четкое зданіе его міровоззрѣнія, углубили и во многомъ прояснили его жизненную философію.

Недаромъ онъ такъ гордился своей профессіей, постоянно называлъ медицину своей законной женой и часто забрасывалъ литературу для практической врачебной дѣятельности. Работа въ холерныхъ участкахъ, пріемъ и посѣщеніе больныхъ крестьянъ, редактированіе медицинскаго отдѣла въ суворинскомъ календарѣ, цѣлый рядъ чисто врачебныхъ функцій безпрестанно отрывалъ его отъ писательскихъ занятій. Богатство и пестрота патологической стороны жизни такъ увлекали этого жаднаго наблюдателя дѣйствительности, что, даже отправляясь на лѣтній отдыхъ въ живописную глубь Украины, онъ не перестаетъ мечтать о гнойникахъ, отекахъ, фонаряхъ, поносахъ и «прочей благодати».

Медицинская школа сказалась прежде всего на методѣ его работы. Недаромъ онъ съ такимъ благоговѣніемъ говоритъ о тѣхъ, кому Богъ далъ рѣдкій даръ научно мыслить. Въ своихъ письмахъ онъ восхищается литературной статьей за то, что она написана, какъ дѣльный рапортъ, просто и холодно трактуетъ объ элементарныхъ вещахъ и, какъ хорошій учебникъ, старается быть точной. Какъ практическіе медики, онъ любитъ въ своихъ описаніяхъ индивидуализировать каждый отдѣльный случай, разбираться во всѣхъ его мелочахъ, уяснять себѣ всѣ его частности и особенности. Въ одномъ изъ своихъ писемъ онъ сооб-

щаетъ о своемъ намѣреніи купить приборы для занятія медицинской микроскопіей. Планъ этотъ остался, кажется, неосуществленнымъ, но Чеховъ изъ области медицины перенесъ его въ родную сферу своей писательской дѣятельности. Здѣсь онъ выработалъ такіе точные пріемы безошибочнаго изученія и точнаго фиксированія мельчайшихъ волоконъ жизненной ткани, что творчество его въ процессѣ своего развитія какъ бы проходило черезъ своеобразную стадію литературной микроскопіи.

Научная точность въ поэтическомъ творчествѣ представлялась ему незамѣнимымъ качествомъ. Не въ одномъ только Гете онъ отмѣчаетъ свой любимый типъ поэта-естественника. Онъ хвалитъ,—и, можетъ быть, даже свыше мѣры, Поля Бурже за то, что тотъ такъ полно знакомъ съ методомъ естественныхъ наукъ, и совершенно развѣнчиваетъ Эдуарда Рода за его отреченіе отъ натурализма. Въ своемъ собственномъ творчествѣ, онъ постоянно отмѣчаетъ преимущество пройденной медицинской школы.

«Мнѣ, какъ доктору, кажется, что душевную боль я описалъ правильно, по всѣмъ правиламъ психіатрической науки»,—пишетъ онъ о своемъ «припадкѣ».

Строжайшій художникъ, положительно охваченный маніей краткости, онъ рѣшается вставить клиномъ спеціальный научный разговоръ въ разсказъ, чтобъ усилить его медицинское правдоподобіе.

«Я врачъ,—оправдывается онъ отъ упрековъ,—и по сему, чтобы не осрамиться, долженъ мотивировать въ разсказахъ медицинскіе случаи».

Высшей похвалой онъ считаетъ признаніе дамами вѣрности описанія родовъ въ его «Имянинахъ».

— «Право недурно быть врачомъ и понимать то, о чемъ пишешь»...

И даже въ письмахъ къ молодымъ литераторамъ, снисходительно и мягко разбирая ихъ чисто художественные промахи, онъ безжалостно бракуетъ ихъ разсказы за малѣйшую медицинскую погрѣшность.

«Предоставьте намъ, лѣкарямъ, изображать калѣкъ и черныхъ монаховъ»,—пишетъ онъ въ одномъ письмѣ.—«Вы не видѣли труповъ»,—укоризненно отмѣчаетъ онъ въ другомъ.

Тѣ же требованія онъ предъявляетъ даже своему великому учителю Толстому. Восхищаясь художественной стороной «Крейцеровой сонаты», онъ относительно медицинской части повѣсти изобличаетъ въ авторѣ «человѣка невѣжественнаго, не потрудившагося въ продолженіе своей долгой жизни прочесть двѣ-три

книжки, написанныя спеціалистами»... Увлекаясь «Войной и Миромъ», онъ не упускаетъ случая отмѣтить и здѣсь возможность такихъ же погрѣшностей. По первому же поводу врачъ просыпается въ восхищенномъ читателѣ и портитъ своимъ скептицизмомъ все художественное наслажденіе. «Странно читать, что рана князя, богатаго человѣка, проводившаго дни и ночи съ докторомъ, пользовавшагося уходомъ Наташи и Сони, издавала трупный запахъ...

«Если бъ я былъ около князя Андрея, то я бы его вылѣчилъ»—спокойно заключаетъ медикъ-экспертъ литературный отзывъ художественнаго критика.

Школа Дарвина и Клодъ Бернара въ методологіи литературной работы Чехова выработала строго матерьялистическіе принципы. Онъ съ изумительной послѣдовательностью проводилъ ихъ даже въ своихъ мистическихъ исканіяхъ. Отъ противниковъ позитивизма онъ требовалъ, чтобы они указали ему безплотнаго Бога въ небѣ такъ, чтобъ его увидѣли, и въ серединѣ 90-хъ годовъ онъ съ радостной надеждой предсказывалъ новое увлеченіе русскаго общества естественными науками. Какъ вѣрный ученикъ Базарова, онъ называлъ 60-ые г.г. святымъ временемъ и утверждалъ, что мыслящіе люди могутъ искать истину только тамъ, гдѣ пригодны ихъ микроскопы, зонды и ножи.

Строго позитивные методы своей медицинской школы онъ вносилъ и въ первую стадію своего литературнаго творчества. Анатомія, физіологія, микроскопія жизни—вотъ неизбѣжное преддверіе и первые приступы чеховскихъ вдохновеній.

Но, помимо метода, медицинская школа внесла въ его творчество и богатѣйшее содержаніе. Врачебная дѣятельность сообщила ему рядъ сюжетовъ для его разсказовъ и несомнѣнно сильно отразилась на выработкѣ его общаго міровоззрѣнія.

III.

Медицинская практика съ изумительной полнотой раскрыла передъ Чеховымъ ужасъ жизни, жестокость природы и безпомощность человѣка. Одни только упоминаемые въ его разсказахъ и письмахъ случаи изъ его врачебной дѣятельности разворачиваютъ такую жуткую картину жизненной нелѣпицы, что неизбѣжный пессимизмъ ея наблюдателя заранѣе предопредѣленъ ими.

Мужикъ съ проколотымъ вилами животомъ, ребенокъ, на-

половину обваренный кипяткомъ, фельдшерица-морфинистка, кончающая сумасшедшимъ домомъ, жена молодого фабриканта, черезъ недѣлю послѣ свадьбы насквозь зараженная имъ, «дѣвочка съ червями въ ухѣ», поносы, рвоты, сифилисъ—вотъ та дѣйствительность, которая широко пахнула своимъ гнилымъ и смраднымъ дыханіемъ въ лицо смѣющагося Антоши Чехонте съ первыхъ же шаговъ его практической дѣятельности.

Съ этого момента опредѣлилось его основное воззрѣніе на міръ и людей. Надъ проколотыми животами, холерными корчами и гніющими дѣтьми выяснилось его отношеніе къ окружающему. Человѣкъ предсталъ передъ нимъ прежде всего, какъ *больное животное.*

Съ этого момента Чеховъ началъ смотрѣть на міръ съ глубокой и подчасъ даже брезгливой грустью, съ этой минуты безнадежность стала окутывать всѣ его мечты о будущемъ золотомъ вѣкѣ, и мелькающій въ нѣсколькихъ письмахъ его Шекспировскій образъ раненнаго оленя такъ невыносимо страдающаго,—

Что кожаный покровъ его костей
Растягивался страшно, точно лопнуть
Сбирался онъ, и жалобно текли
Вдоль мордочки его невинной слезы,—

этотъ образъ затравленнаго животнаго навязчиво сближается въ его сознаніи съ обычнымъ для него зрѣлищемъ полураздавленнаго человѣка. Стоитъ перечесть въ его письмахъ разсказъ о весенней тягѣ въ Мелиховѣ, когда Левитанъ подстрѣлилъ молодого вальдшнепа, и Чехову пришлось добивать его ружейнымъ стволомъ, чтобъ опредѣленно почувствовать здѣсь обычное чеховское уподобленіе человѣка раненому животному. Въ бѣгломъ разсказѣ о красивой влюбленной птицѣ, безсмысленно раздавленной равнодушными убійцами—знаменитымъ живописцемъ и знаменитымъ писателемъ—промелькнуло обычное раздуміе автора «Чайки» о безсмысленной жестокости въ судьбахъ всего живущаго. Раненый вальдшнепъ съ окровавленнымъ крыломъ и безумно изумленными глазами предсталъ передъ нимъ вѣчно грустнымъ символомъ человѣческой судьбы.

Герои его разсказовъ опредѣленно проводятъ такія же философскія параллели.

«Когда я лежу въ травѣ,—говоритъ одинъ изъ нихъ—и долго смотрю на козявку, которая родилась только вчера и ничего не понимаетъ, то мнѣ кажется, что ея жизнь состоитъ изъ сплошного ужаса, и въ ней я вижу самого себя...»

Но участіе къ этимъ трагическимъ судьбамъ всего живу-

щаго не ослабляло въ Чеховѣ его безстрастно точнаго изученія міра. Взглядомъ пытливаго діагноста онъ окинулъ всю разворачивающуюся предъ нимъ картину человѣческаго разложенія, физической боли, идіотизма и безумія. Врачебная привычка къ больному тѣлу сообщила ему тотъ точный, немного холодный, но изумительно ясный взглядъ на сущность человѣческой природы, который навсегда избавилъ его отъ довѣрчивыхъ иллюзій, плѣнительныхъ ошибокъ и наивно-мечтательной вѣры.

Точныя данныя научнаго подхода къ дѣйствительности сдерживали пугающій мистицизмъ людскихъ судебъ и ограничивали какими-то предѣлами тайну божественной духовности человѣка. Съ тонкимъ искусствомъ спокойнаго позитивиста Чеховъ обнажилъ человѣка отъ всѣхъ бытовыхъ условностей, литературныхъ прикрасъ или философскихъ возвеличиваній и съ изумительнымъ умѣніемъ выдѣлилъ какое-то простое, первобытное, естественное начало изъ сложнѣйшаго аппарата всякихъ наносныхъ воззрѣній, житейскихъ предразсудковъ, историческихъ традицій и общественныхъ формъ. За громоздкими декораціями жизни, за парадомъ условнаго возвеличенія человѣка, за всѣми примелькавшимися ярлыками чиновъ, званій, славы, репутацій, за всѣми литературными метафорами и философскими иллюзіями Чеховъ неизмѣнно различалъ простой матерьялъ для изслѣдованія біолога—человѣка-животное.

Одинъ изъ Чеховскихъ героевъ, обладающихъ его собственнымъ человѣческимъ талантомъ,—тонкимъ чутьемъ къ чужой боли—попадаетъ въ мѣсто самаго напряженнаго страданія, позора и униженія свободной человѣческой личности. Но ему не жаль ни измученныхъ продажныхъ женщинъ, ни музыкантовъ, ни лакеевъ. «Всѣ они похожи на животныхъ больше, чѣмъ на людей», рѣшаетъ этотъ фанатикъ человѣколюбія. И несмотря на сложную душевную работу наростающаго протеста, онъ не перестаетъ различать здѣсь въ каждой женщинѣ наглое, тупое или забитое животное.

Это впечатлѣніе относится не только къ средѣ печальнаго общественнаго «процента». Среди ласковыхъ идеалистовъ чеховскаго міра, надѣляющихъ женщину самыми свѣтлыми эпитетами, встрѣчаются холодные философы, открыто заявляющіе, что въ наши дни городская интеллигентная женщина возвращается къ своему первобытному состоянію и наполовину уже превратилась въ человѣка-звѣря. «Женщина мало-по-малу исчезаетъ, на ея мѣсто садится первобытная самка», говоритъ у него Шамохинъ. И даже способный къ рыцарскому глубокому чувству Гуровъ съ

ненавистью вспоминаетъ тѣхъ красиво холодныхъ женщинъ, у которыхъ мелькаетъ на лицѣ хищное и жадное выраженіе. «И кружева на ихъ бѣльѣ казались ему тогда похожими на чешую»...

Этихъ женщинъ-сиренъ создаетъ не одна только городская среда. Въ сельской красавицѣ Аксиньѣ Чеховъ отмѣчаетъ тѣ же змѣиныя свойства. Она, какъ гадюка изъ молодой ржи, смотритъ на окружающихъ и въ нужную минуту, какъ змѣя, язвитъ ихъ своимъ отравленнымъ жаломъ.

Въ лучшемъ случаѣ женщина—подстрѣленная птица, озирающая съ безмолвнымъ изумленіемъ инквизиціонное орудіе жизни. Нина Зарѣчная—раненная чайка; Марія Должикова—одинокая безпріютная скиталица, зеленый попугай, вылетѣвшій изъ клѣтки и лѣниво перелетающій изъ сада въ садъ; Анна Сергѣевна—пойманная прелестная птица, самка, разлученная со своимъ самцомъ. Даже лучшія человѣческія черты—страданіе, тоска, безнадежность,—вызываютъ въ этомъ проникновеннѣйшемъ поэтѣ душевной надломленности прежде всего обычныя зоологическія параллели натуралиста. Даже кроткая и восхищенная дѣвушка, благоговѣйно слѣдящая за работой любимаго человѣка, милая и умная Вѣра Лядовская представляется Чехову больнымъ животнымъ, грѣющимся на солнцѣ.

О мужчинахъ, конечно, здѣсь нечего и говорить. Милый свѣтскій человѣкъ производитъ непріятное впечатлѣніе какого-то краба, несчастный гимназистикъ наканунѣ самоубійства представляется жалкимъ гадкимъ утенкомъ, одинокій озлобленный старикъ—огромной жабой.

Сами герои представляются себѣ загнанными животными.—«Въ этомъ домѣ ласкаютъ меня, какъ больного несчастнаго пса, отбившагося отъ своего хозяина»,—размышляетъ Полозневъ. И Якову Ивановичу въ «Убійствѣ» жизнь представляется страшною, безумною и безпросвѣтною, какъ у собаки. И когда онъ бродитъ ночью подъ снѣгомъ, съ обнаженной головой, по свирѣпому вѣтру, ему кажется, что это ходитъ не онъ, а какой-то звѣрь, «громадный страшный звѣрь и, что, если онъ закричитъ, то голосъ его пронесется ревомъ по всему полю и лѣсу и испугаетъ всѣхъ»...

— «Чѣмъ лучше они животныхъ»? размышляетъ о своихъ согражданахъ герой «Моей Жизни». И воспоминанія о замученныхъ, сошедшихъ съ ума собакахъ, о живыхъ воробьяхъ, ощипанныхъ мальчишками догола и брошенныхъ въ воду, неотвязно преслѣдуютъ всѣ его размышленія о людяхъ.

Даже самая свободная дѣятельность, жизнь скитальца, вѣчная

близость открытыхъ горизонтовъ не очищаетъ человѣка отъ его исконной животности.

— «Человѣкъ по моему мнѣнію вообще гадокъ, а матросъ, признаться, бываетъ иногда гаже всего на свѣтѣ, даже самаго сквернаго животнаго».

Мы видимъ, что не только въ психіатрической лѣчебницѣ человѣкъ представляется Чехову неподвижнымъ, обжорливымъ и нечистоплотнымъ животнымъ. Медленное отупѣніе, постепенный регрессъ къ первобытному состоянію, угрожающіе признаки грядущаго вырожденія и атавизма упорно и точно отмѣчаются Чеховымъ врачомъ, заранѣе отравляя всѣ баюкающіе гимны Чехова-поэта о чистой, изящной и поэтической жизни, о недалекой порѣ всеобщаго счастья, любви, ласкъ, раздолья и веселья.

— «Человѣкъ по-прежнему остается самымъ хищнымъ и самымъ нечистоплотнымъ животнымъ», говоритъ у него даже влюбленный художникъ въ «Домѣ съ мезониномъ», резюмируя этимъ краткимъ выводомъ всю огромную чеховскую работу—

Ума холодныхъ наблюденій
И сердца горестныхъ замѣтъ.

И, конечно, нужно было великое мужество творческой любви, чтобы не впасть въ отчаяніе въ этомъ огромномъ звѣринцѣ дѣйствительности и сохранить въ немъ неприкосновенными всѣ спасительныя мечты о бѣлоснѣжныхъ вишневыхъ садахъ.

IV.

Этотъ методъ непосредственнаго наблюденія и точнаго изученія дѣйствительности совершенно избавилъ творчество Чехова отъ какихъ-либо налетовъ книжности. Онъ умѣлъ всматриваться собственными глазами во всѣ явленія міра, изучать ихъ помимо авторитетовъ, раскрывать ихъ сущность независимо отъ опытовъ своихъ предшественниковъ. Обладая на рѣдкость чуткимъ наблюдательнымъ аппаратомъ, безпрерывно накопляющимъ богатый матерьялъ цѣнныхъ жизненныхъ впечатлѣній, онъ меньше всего нуждался въ чужихъ страницахъ для собственнаго творчества. Эта необыкновенная свѣжесть взгляда сообщила всѣмъ его писаніямъ характеръ рѣдкой непосредственности и полной литературной независимости.

И только пристально всматриваясь въ его созданія и всесторонне знакомясь съ его перепиской, можно обнаружить и на

чеховскомъ творчествѣ слѣды основательно пройденной литературной школы.

Она оказывается въ общемъ довольно разнообразной и обширной. Чеховъ читалъ постоянно, усердно, разнообразя свое чтеніе различными отраслями литературы и знанія. Хотя методомъ его работы оставалось всегда писаніе съ натуры, онъ не переставалъ погружаться въ книги для воспитанія своего таланта, провѣрки своихъ впечатлѣній и углубленія своего писательскаго опыта.

Въ Чеховѣ, при всей его непосредственности, несомнѣнно билась жилка библіофила. Съ какой выраженной любовью къ книгѣ онъ принимается за организацію публичной библіотеки въ Таганрогѣ, собираетъ справки, выписываетъ нужныя изданія, намѣчаетъ программу каталоговъ и цѣли книгохранилища. Для своей личной библіотеки онъ привозитъ изъ Петербурга въ Москву цѣлые ящики книгъ по всѣмъ отраслямъ знанія. И, пріѣзжая на нѣсколько дней изъ своей усадьбы въ Москву, онъ первымъ дѣломъ отправляется на Сухаревку покупать книги.

Самъ онъ отмѣчаетъ въ себѣ эту страсть «копаться въ бумажномъ мусорѣ».

— Будь у меня милліонъ, мнѣ кажется, я издалъ бы сто тысячъ книгъ,—сообщаетъ онъ въ одномъ письмѣ. Идеаломъ жизненнаго существованія представляется ему возможность гдѣ-нибудь въ провинціи заниматься медициной и читать романы.

Кругъ его чтенія необыкновенно широкъ. Романы и драмы на-ряду со справочными и медицинскими календарями, старая литература на-ряду съ новѣйшей, иностранные писатели на-ряду съ русскими.

Но въ этой обширной литературной школѣ французскіе современники играютъ едва-ли не господствующую роль. Недаромъ его старый профессоръ питаетъ такое пристрастіе къ французскимъ книжкамъ за неизмѣнно присущій имъ главный элементъ творчества, чувство личной свободы у авторовъ.

По свидѣтельству Бунина, Чеховъ съ особеннымъ наслажденіемъ восхищался Мопассаномъ, Флоберомъ и Толстымъ. Эти трое вмѣстѣ съ Зола должны быть признаны его главными учителями. Полоса натурализма въ современной французской литературѣ нашла въ Чеховѣ убѣжденнаго приверженца. Къ литературнымъ теоріямъ Зола онъ былъ подготовленъ своимъ первымъ учителемъ Дарвиномъ.

Въ творчествѣ Чехова, въ образованіи его таланта англійскій ученый сыгралъ несомнѣнно крупную роль. Онъ помогъ

ему выработать точный литературный методъ и строгое матеріалистическое міровоззрѣніе, онъ развилъ въ немъ способность различать въ человѣкѣ животный элементъ. Учитель Чехова-медика, онъ до извѣстной степени долженъ считаться и воспитателемъ Чехова-писателя.

Увлеченіе Дарвиномъ засвидѣтельствовано въ его раннихъ письмахъ. «Мнѣ ужасно нравятся его пріемы», сообщаетъ онъ брату. «Читаю Дарвина, записываетъ онъ три года спустя,— какая роскошь! Я его ужасно люблю»... И въ одномъ изъ послѣдующихъ писемъ онъ ограждаетъ англійскаго натуралиста отъ нападокъ газетныхъ хулителей[1]).

Здѣсь любопытно отмѣтить, что Дарвинъ, какъ человѣкъ, необыкновенно подходилъ подъ любимый чеховскій типъ натуралиста-поэта. Чехову, конечно, была знакома, хотя бы въ общихъ чертахъ, біографія знаменитаго ученаго. Изъ журнальныхъ некрологовъ въ 1882 г. онъ могъ узнать, что великій естественникъ, какъ профессоръ изъ «Скучной исторіи», проводилъ ежедневно нѣсколько часовъ за чтеніемъ французскихъ романовъ, а въ молодости своей онъ, подобно Рагину изъ «Палаты № 6», готовилъ себя къ духовной карьерѣ.

Но на творчествѣ Чехова онъ отразился, конечно, не этими чертами своей біографіи. Въ чеховскую безотрадную философію о человѣчествѣ творецъ «Происхожденія видовъ» внесъ одинъ изъ главныхъ фундаментовъ своимъ основнымъ выводомъ о животномъ происхожденіи человѣка. Вѣчная тенденція Чехова видѣть въ своихъ герояхъ подстрѣленныхъ птицъ или раненыхъ животныхъ объясняется отчасти элементомъ дарвинизма въ его міровоззрѣніи.

Школа Дарвина заранѣе выработала въ Чеховѣ убѣжденнаго приверженца назрѣвающаго литературнаго натурализма.

Замѣчательнымъ фактомъ въ исторіи Чеховскаго творчества представляется намъ то обстоятельство, что какъ разъ въ эпоху его литературныхъ дебютовъ «Вѣстникъ Европы» помѣщаетъ статьи Зола объ экспериментальномъ романѣ. Этими манифестами натурализма въ русское общество, склонное всегда въ сторону позитивнаго міровоззрѣнія, были широко брошены идеи о научной литературѣ, о беллетристахъ-физіологахъ, о смерти метафизическаго человѣка и побѣдоносномъ господствѣ наблюденія и опыта въ художественномъ творчествѣ. Имя Зола пріобрѣтаетъ у насъ ту популярность, которая не перестаетъ расти до самой его смерти.

[1]) Письма, I, 48, 207, 404.

Въ литературной школѣ Чехова автору Ругонъ-Макаровъ принадлежитъ одно изъ самыхъ замѣтныхъ мѣстъ. Судя по его перепискѣ, онъ никогда не переставалъ слѣдить за всѣми новинками Зола. «Доктора Паскаля» онъ считаетъ очень хорошимъ романомъ и разбору его посвящаетъ въ своихъ письмахъ цѣлыя страницы. «Терезу Ракенъ» онъ признаетъ очень недурной пьесой и даже рекомендуетъ Суворину ставить Зола въ своемъ театрѣ. Въ письмахъ его упоминается «Лурдъ» и нѣсколько разъ «Нана»...[1]).

Это влеченіе Чехова къ Зола понятно. Естественникъ по воспитанію, поэтъ по темпераменту, романистъ по профессіи, Зола являетъ замѣчательное соединеніе тѣхъ духовныхъ началъ, которыя, по мнѣнію Чехова, создаютъ совершенный писательскій организмъ. Требованіе научнаго метода для литературнаго творчества, систематическое внесеніе физіологіи въ романъ, всего комплекса точныхъ пріемовъ наблюденія, подробныхъ анкетъ о жизни, богатѣйшаго коллекціонированія мельчайшихъ фактовъ дѣйствительности,—этотъ заменитый экспериментальный методъ такъ же соотвѣтствовалъ писательской натурѣ Чехова, какъ и весь гуманитарный утопизмъ Зола, охваченный мечтаніями о грядущемъ счастьѣ человѣчества надъ всѣми безотрадными картинами современности.

Если исключить изъ поля этого сравненія различіе темпераментовъ, которымъ обусловлены всѣ особенности литературной формы, потребность Зола въ грандіозныхъ фрескахъ и вѣчную тягу Чехова къ художественной миніатюрѣ—то сближеніе ихъ обнаружитъ во многомъ на рѣдкость родственныя писательскія натуры. Оба они признавали, что писатель долженъ относиться къ своему литературному матеріалу, какъ ученый, и обращаться съ человѣческими страстями и житейскими явленіями, какъ химикъ съ неодушевленными тѣлами и физіологъ съ живыми объектами.

«Литераторъ, пишетъ Чеховъ въ своихъ письмахъ, словно продолжая развивать теоріи Зола—не кондитеръ, не косметикъ, не увеселитель. Какъ ему ни жутко, онъ обязанъ бороть свою березгливость, марать свое воображеніе грязью жизни. Онъ тоже, что и всякій простой корреспондентъ. Для химиковъ на землѣ нѣтъ ничего нечистаго. Литераторъ долженъ быть также объективенъ, какъ химикъ, онъ долженъ отрѣшиться отъ всей житейской субъективности и знать, что навозная куча въ пейзажѣ

---

[1]) Письма, I, 197, 286; IV, 242, 256, 414, 502.

играетъ очень почтенную роль, а злыя страсти также присущи жизни, какъ и добрыя»...

Въ этихъ словахъ какъ бы слышится отголосокъ эпиграфа къ Терезѣ Ракенъ: добродѣтель и порокъ такіе же продукты, какъ сахаръ и сѣрная кислота.

Но когда объектъ наблюденія изученъ во всѣхъ его мелочахъ и схема изслѣдованія точно очерчена, когда трупъ жизни разъятъ по частямъ и протоколъ вскрытія установленъ во всѣхъ его пунктахъ, врачъ и естественникъ уступаютъ мѣсто поэту. Литературная форма со всѣми его тайнами и очарованіями окутываетъ голый костякъ разъятой дѣйствительности, и спокойный анатомъ роняетъ всѣ свои точные приборы, чтобы заговорить объ ужасѣ, красотѣ или вѣчной загадочности жизни, съ волненіемъ потрясеннаго духовидца, дрожью въ голосѣ и слезами на глазахъ.

Такимъ, кажется, былъ вполнѣ осознанный методъ творчества и Зола, и Чехова.

Различіе ихъ на первый взглядъ можно усмотрѣть въ характерѣ художественной разработки ихъ темъ. Зола представляется обыкновенно сознательно грубымъ, принципіально циническимъ изобразителемъ житейской мерзости. И съ этой стороны онъ, конечно, не можетъ быть поставленъ рядомъ съ цѣломудренно сдержаннымъ Чеховымъ.

Но это различіе кажется значительнымъ только при поверхностномъ обзорѣ. Въ творчествѣ Зола слишкомъ много поэтически мягкихъ, подчасъ даже идиллическихъ картинъ, чтобы считать его антиподомъ Чехова. Въ самыхъ грубыхъ, сырыхъ и громоздкихъ романахъ Зола сцены разнузданныхъ страстей смѣняются лирически мечтательными страницами, и кипучія описанія современныхъ толпъ и машинъ чередуются съ сумеречными пастелями. Въ циклѣ экспериментальныхъ романовъ Зола цѣлыя страницы охвачены этимъ типичнымъ чеховскимъ настроеніемъ. Недаромъ въ предисловіи къ «Страницѣ Любви» онъ опредѣляетъ этотъ романъ, какъ интимное созданіе, написанное въ полутонахъ.

Но вліяніе Зола на Чехова сказалось главнымъ образомъ на его философіи о человѣчествѣ. Въ міровой литературѣ, кажется, никто не можетъ сравняться съ авторомъ «Bête humaine» по его послѣдовательному упорству въ раскрытіи человѣческой животности. Въ своемъ основномъ и главномъ хроника Ругонъ-Макаровъ является самымъ оскорбительнымъ памфлетомъ на человѣка. Изъ многотомной исторіи этихъ разнузданныхъ вожде-

лѣній и разошедшихся страстей, свирѣпыхъ схватокъ за добычу, бѣшеной жажды наслажденій и безпрерывнаго исканія ихъ въ женщинахъ, въ деньгахъ, власти, алкоголѣ, преступленіяхъ и кровосмѣшеніяхъ, выступаетъ во всей своей цинической неприглядности неистребимый никакой цивилизаціей звѣрь въ человѣкѣ, доисторическій дикарь, выпрямленное четвероногое.

Но чтобъ выявить во всей полнотѣ это гигантское человѣческое животное, Зола обратился къ средѣ, наиболѣе свободной отъ всѣхъ смягчающихъ и сглаживающихъ вліяній культуры. Въ крестьянскомъ быту онъ раскрылъ такую неудержимую силу разнузданныхъ страстей, чудовищной жадности, дикой жестокости и хищности, что всѣ утонченныя преступленія великосвѣтскихъ Ругонъ-Макаровъ блѣднѣютъ передъ этими первобытными силами стихійныхъ вожделѣній.

И, можетъ быть, по его непосредственному примѣру Чеховъ обратился къ мужицкому быту для полнаго развитія вѣчно интригующей его темы о человѣческой звѣриности. Во всякомъ случаѣ, не можетъ быть сомнѣнія, что картины дикой алчности, свирѣпости и разнузданныхъ страстей въ «Мужикахъ» и «Въ оврагѣ» не создались независимо отъ жуткой крестьянской эпопеи Зола.

Въ этомъ отношеніи любопытно сблизить нравы Холуевки или Уклеева съ бытовымъ укладомъ французской Беоціи. Жадность и скупость, борьба за деньги, землю или женщину, готовность на любое преступленіе изъ-за обладанія добычею, жестокость къ старикамъ и больнымъ, ко всѣмъ утратившимъ работоспособность, переставшимъ быть «добычиками» (по термину чеховскихъ крестьянокъ), разнузданная чувственность, вѣчный дурманъ грѣха, вѣчная власть тьмы—таковъ крестьянскій міръ и у Зола, и у Чехова. Повѣсть «Въ оврагѣ» какъ бы повторяетъ въ маленькомъ масштабѣ «Землю» Зола. Элементы описанія здѣсь однородны, бытовыя картины въ основномъ схожи. Широкой и сочной кистью изображаетъ Зола крестьянскія кермессы на сельскихъ свадьбахъ. Обычно скверно питающіеся крестьяне до болѣзни наѣдаются даровымъ угощеніемъ и съ какой-то стихійной жадностью уничтожаютъ куръ и кроликовъ, которые съ изумительной быстротой исчезаютъ со столовъ подъ ужасающій стукъ и чавканіе челюстей. Вино и кофе распиваются огромными кувшинами. Какая-нибудь старуха съ головою хищной птицы, круглыми глазами и остроконечнымъ носомъ—старый общипанный коршунъ въ человѣческомъ обликѣ—торопится спрятать въ карманы остатки ѣды.

Таковы же картины свадебныхъ пирушекъ или поминокъ у чеховскихъ крестьянъ. Старикъ-дьячекъ въ одинъ присѣстъ уничтожаетъ огромную банку икры, духовенство и гости набрасываются съ такою жадностью на ѣду, какъ будто давно не ѣли. Жена писаря «точно хищная птица» хватаетъ все съ тарелокъ и прячетъ въ карманы.

Никакое преступленіе здѣсь не останавливаетъ въ борьбѣ за существованіе. Дикіе инстинкты собственниковъ толкаютъ у Зола его свирѣпыхъ героевъ даже на отцеубійство. Изъ побужденій оскорбленной корысти чеховская Аксинья обвариваетъ кипяткомъ младенца своей невѣстки.

Съ такою же безпощадностью молчаливо обрекаются на смерть всѣ неспособные къ труду. Старикъ Фуанъ, ограбленный своими дѣтьми, скитается, голодный и полупомѣшанный, по своей деревнѣ, старикъ Цыбутыкинъ, отдавшій все свое состояніе молодому поколѣнію, бродитъ, какъ юродивый, по селу и кормится подаяніями.

Религія безсильна сдержать эти разошедшіеся животные инстинкты. Крестьяне Зола не перестаютъ богохульствовать и упрямо настаивать на безвѣріи. Въ чеховскихъ деревняхъ только женщины благоговѣйно читаютъ Евангеліе и зажигаютъ лампадки, —мужчины здѣсь уже почти сплошь проникнуты тѣмъ циническимъ атеизмомъ, который принимаетъ въ простонародіи особенно отталкивающія формы. Съ равнодушнымъ открытіемъ Анисима—«Бога-то вѣдь все равно нѣтъ» совершенно согласны и уклеевскій лавочникъ, и писарь, и старшина, и даже дьячекъ.

Совпаденіе отдѣльныхъ характерныхъ деталей подтверждаетъ близость чеховскихъ крестьянскихъ повѣстей къ «La Terre» Зола. Такъ, самый живописный штрихъ въ описаніи чеховской Аксиньи—сходство этой стройной и гибкой уклеевской бабы съ гадюкой—отмѣчаетъ и одну изъ крестьянокъ Зола. Дочь чудовищнаго Жэзю Кри, худая, нервная и чувственная дѣвочка отличается той же «обнаженностью гадюки».

При всемъ различіи творческихъ темпераментовъ и писательской манеры Зола и Чехова, авторъ «Мужиковъ» несомнѣнно учился писательскому ремеслу и у творца экспериментальнаго романа.

V.

Но во главѣ учителей Чехова стоитъ крупнѣйшій представитель французской натуральной школы Мопассанъ.

Въ критической литературѣ имена ихъ уже сближались неоднократно. Обыкновенно ихъ сопоставляютъ, какъ непревзойденныхъ мастеровъ короткаго разсказа. Но почва для сравненія здѣсь значительно шире. Чеховъ слишкомъ увлекался Мопассаномъ, чтобъ видѣть въ немъ только образецъ литературной формы.

Всегда и во всемъ онъ удѣляетъ автору Mont-Oriol исключительное вниманіе. Огранизуя библіотеку въ Таганрогѣ, онъ особенно заботится о Мопассанѣ. Въ этихъ хлопотахъ онъ обнаруживаетъ близкое знакомство со всѣми русскими изданіями французскаго писателя, признаетъ ихъ почти сплошь неудовлетворительными и считаетъ необходимымъ пріобрѣсти Мопассана «въ подлинникѣ, на французскомъ языкѣ». Въ одномъ изъ слѣдующихъ писемъ къ таганрогскому библіотекарю онъ сообщаетъ о своей покупкѣ полнаго собранія сочиненій Мопассана и подтверждаетъ свою первую точку зрѣнія.

— «Я не остановлюсь на этихъ двѣнадцати томахъ и буду пріобрѣтать Мопассана по частямъ въ хорошихъ переводахъ и на французскомъ языкѣ».

Въ перепискѣ его мелькаютъ заглавія главныхъ произведеній Мопассана. Онъ упоминаетъ «Bel Ami» и признаетъ «Mont-Oriol» прекраснымъ романомъ [1]).

Наконецъ, въ разговорахъ съ молодыми писателями онъ признаетъ Мопассана главою новой школы въ европейской литературѣ.

— «Мопассанъ, какъ художникъ слова, поставилъ такія огромныя требованія, что писать по старинкѣ сдѣлалось уже больше невозможнымъ», — говоритъ онъ и Бунину, и Куприну.

Прежде всего на Чехова оказала громадное вліяніе реалистическая манера Мопассана. Это тотъ особенный способъ изображенія жизни во всей ея безцвѣтности, безформенности и безпорядочности, который не въ меньшей мѣрѣ, чѣмъ Мопассану, былъ свойственъ двумъ другимъ литературнымъ образцамъ Чехова—Толстому и Флоберу. Но у нихъ это искусство перенесенія на бумагу подлинной ежедневной жизни было обычно обусловлено широкими размѣрами ихъ произведеній. Имъ нужны были обширныя пространства и свободныя дали романа, чтобъ доводить этотъ процессъ художественнаго претворенія дѣйствительности до степени зеркальнаго отраженія міра. Сила Мопас-

---

[1]) Письма, IV, 327, 420, 484, 507.

сана—въ умѣніи создавать эту иллюзію подлинной жизненности въ самыхъ меленькихъ обрывкахъ художественной ткани. Ему не нужны были долголѣтніе лабораторные опыты Флобера и Толстого для искусственной перегонки жизненныхъ элементовъ въ прозрачные сосуды новой творческой дѣйствительности. Быстро и легко оперируя своими маленькими зеркальными обломками, онъ умѣлъ въ каждомъ изъ нихъ четко отразить новую сторону жизни, раскрывая за разорванными линіями крохотнаго узора широкія пространства уходящихъ горизонтовъ. И эти маленькія капли жизни, съ такимъ искусствомъ собранныя авторомъ «Луннаго сіянія», такъ же сверкали всѣми земными красками и небесными лучами, какъ и огромные шары подвижной влаги толстовскаго или флоберовскаго творчества.

Этимъ Мопассанъ прежде всего отвѣтилъ основной потребности писательскаго темперамента Чехова—его любви къ миніатюрѣ. Но къ этой роли Мопассана въ выработкѣ внѣшней формы чеховскаго разсказа мы вернемся ниже. Гораздо значительнѣе и важнѣе роль французскаго писателя въ дѣлѣ образованія чеховскаго міровоззрѣнія.

Здѣсь крѣпкіе узлы связываютъ творчество обоихъ писателей. Мопассанъ подсказалъ Чехову или же укрѣпилъ въ немъ убѣжденіе въ безцвѣтности жизни, въ ужасѣ смерти, въ животности человѣка.

Жизнь по своей основной природѣ гораздо проще, мельче и незначительнѣй, чѣмъ мы привыкли о ней думать,—вотъ коренной стержень Мопассановскаго творчества. Существованіе наше такъ незатѣйливо и обыкновенно, что мы несомнѣнно оказываемъ высокую честь той ничтожной исторіи, которая зовется жизнью, ожидая отъ нея какихъ-то яркихъ радостей или боясь ея тяжелыхъ драмъ. Первыя никогда не наступаютъ, вторыя почти всегда переживаются. Несбыточныя желанія смиряются передъ необходимостью, тяжелые удары забываются съ проходящей болью, и самыя глубокія раны отъ времени зарубцовываются. Единственный ужасъ жизни—ея безцвѣтность и незначительность, тупость самыхъ праздничныхъ ея ощущеній, тусклость самыхъ яркихъ красокъ, убожество самыхъ прихотливыхъ формъ.—«Жизнь никогда не бываетъ ни столь ужасна, ни столь прекрасна, какъ она кажется намъ», говоритъ одна изъ героинь Мопассанна, и эти слова могли бы возвѣщать все чеховское творчество.

Исторія сѣренькихъ людей, не имѣющихъ никакой исторіи, безцвѣтное существованіе рядового человѣчества съ его стерео-

типными радостями и страданіями, горькими разочарованіями и примиряющими страстями, эта умѣренно довольная или тупо несчастная жизнь была раскрыта Мопассаномъ во всемъ тихомъ ужасѣ ея незначащихъ мелочей и мелькающихъ ежедневныхъ событій. И такою именно, только въ обстановкѣ русскаго унынія, она предстала и въ творчествѣ Чехова.

— «Описалъ бы обыкновенную любовь и семейную жизнь,— сообщаетъ онъ въ своихъ письмахъ,—безъ злодѣевъ и ангеловъ, безъ адвокатовъ и дьяволицъ; взялъ бы сюжетомъ жизнь ровную, гладкую, обыкновенную, какова она есть на самомъ дѣлѣ».

Вотъ несомнѣнный методъ Мопассана въ чеховскомъ изложеніи.

«Жизнь текла обыкновенно изо дня въ день, не обѣщая ничего особеннаго»,—отмѣчаетъ Чеховъ ходъ событій въ одной изъ своихъ повѣстей. «Сѣрая полужизнь»,—опредѣляетъ свое существованіе его Лаптевъ.—«Жизнь прошла, словно и не жилъ», шепчетъ умирающій Фирсъ. Таковы безчисленныя чеховскія варіаціи на заключительныя слова Мопассановской «Жизни».

Методъ изображенія дѣйствительности у обоихъ писателей совершенно одинаковъ. Оба они словно хотѣли доказать, что рисунокъ обычнаго человѣческаго существованія, какимъ бы онъ ни казался прихотливымъ, изломаннымъ и яркимъ издали, всегда представляется вблизи безконечно простымъ, ровнымъ, тусклымъ и безцвѣтнымъ.

Повѣсть «Три года» въ этомъ отношеніи особенно знаменательна. По первоначальному замыслу Чехова, она должна была разростись въ большой романъ. Въ немъ, повидимому, Чеховъ хотѣлъ дать обстоятельную исторію женщины со всѣми ея дѣвичьими надеждами, супружескими разочарованіями, материнскими радостями. Другими словами, Чеховъ взялся за тему Мопассановской «Жизни».

Основныя нити этого романа протянуты и черезъ чеховскую повѣсть. Спѣшный и ненужный бракъ по недоразумѣнію, горькія разочарованія въ супружествѣ, утѣшительный элементъ материнства, острыя страданія при потерѣ дѣтей, послѣдующее неизбѣжное примиреніе съ самыми тяжелыми ударами,—вотъ три года жизни чеховской Юліи, повторяющіе въ меньшемъ масштабѣ исторію жизненнаго опыта мопассановской Жанны.

Все одинаково, преходяще, случайно, безсмысленно и неважно. Страстная любовь такъ же смѣняется равнодушіемъ, какъ самое безутѣшное горе, безнадежнѣйшее отчаяніе кажется пустякомъ по истеченіи нѣсколькихъ лѣтъ, и никакая слава не можетъ

спасти отъ мѣщанства въ семейной жизни, отъ непониманія близкими и одинокой смерти. Все неважно, все безразлично, все преходяще и не имѣетъ смысла. Тяжелымъ, усталымъ, безнадежнымъ вздохомъ проносится по всему чеховскому царству тихій глухой стонъ Чебутыкина:—все равно, все равно!..

Но какъ бы ни была безцвѣтна и безсмысленна жизнь, небытіе еще ужаснѣе. Острый страхъ смерти, охватившій послѣднія созданія зрѣющаго безумца Мопассана, опредѣленно чувствуется и въ позднихъ произведеніяхъ обреченнаго чахоткою Чехова.

Старый знаменитый поэтъ Норберъ де Варенъ чувствуетъ близость конца. Медленный процессъ прижизненнаго тѣлеснаго разложенія отнимаетъ у него всѣ признаки его прежней молодой силы — гибкіе мускулы, крѣпкую кожу, волосы, зубы, зрѣніе, яркость памяти и остроту мышленія, оставляя ему еще ненадолго только его потрясенную отчаяніемъ душу.

Старый знаменитый профессоръ Николай Степановичъ знаетъ, что дни его сочтены. Въ своихъ предсмертныхъ запискахъ онъ старательно отмѣчаетъ признаки близкаго конца. Руки у него трясутся отъ слабости, ротъ кривится въ сторону, лицо покрывается отъ улыбки мертвенными морщинами, память и даръ увлекательной рѣчи измѣняютъ ему, и онъ съ ужасомъ замѣчаетъ, что не въ силахъ дочитать до конца самой обыкновенной лекціи.

Въ этомъ состояніи сразу отскакиваютъ всѣ жизненныя опоры, и на мѣсто прежнихъ вдохновеній, умственной озабоченности, творческой тревоги, страстной пытливости, остается только одно опустошительное чувство отчаянія. Старый поэтъ у Мопассана такъ близко ощущаетъ смерть, что порой у него является желаніе съ крикомъ протянуть въ пространство руки, чтобъ оттолкнуть этого подкравшагося врага. Вѣстники неизбѣжнаго конца отравляютъ его сознаніе цѣлымъ роемъ новыхъ мучительныхъ мыслей о жалкой безпомощности человѣка, о его безслѣдномъ исчезновеніи, о вѣчной безсмысленности существованія, о дикомъ ужасѣ конца. Равнодушіе окружающаго міра къ его трагической участи кажется ему чудовищной жестокостью, и онъ съ крикомъ готовъ проклинать даже молчаніе стѣнъ.

— «Мнѣ хочется прокричать громкимъ голосомъ, говоритъ чеховскій профессоръ, что меня, знаменитаго человѣка, судьба приговорила къ смертной казни. Я хочу прокричать, что я отравленъ; новыя мысли, какихъ не зналъ я раньше, отравили послѣдніе дни моей жизни и продолжаютъ жалить мой мозгъ, какъ москиты. И въ это время мое положеніе представляется такимъ ужаснымъ, что мнѣ хочется, чтобы всѣ мои слушатели ужасну-

лись, вскочили съ мѣстъ и въ паническомъ страхѣ, съ отчаяннымъ крикомъ бросились къ выходу»...

И, наконецъ, раскрывъ Чехову съ послѣдней ясностью безсмысленность жизни и смерти, Мопассанъ внушилъ ему самый жуткій изъ всѣхъ своихъ ужасовъ—ощущеніе животности въ человѣкѣ. Съ отвращеніемъ слишкомъ чуткаго наблюдателя, которому придется заплатить разсудкомъ за глубину и вѣрность своихъ наблюденій, Мопассанъ вслѣдъ за авторомъ «Жерминаля» сталъ разворачивать передъ Чеховымъ картины человѣческой звѣриности. Съ годами ему, повидимому, доставляло безконечное наслажденіе различать во всѣхъ движеніяхъ и поступкахъ, улыбкахъ и гримасахъ человѣка его исконное звѣриное начало. Съ отрѣшенностью зрѣющаго безумца онъ отказался отъ всѣхъ иллюзій о прекрасномъ человѣкѣ и примкнулъ всѣмъ своимъ творчествомъ къ плеядѣ французскихъ романистовъ 19-го вѣка, создавшихъ усиліемъ нѣсколькихъ поколѣній—отъ Бальзака до Зола—грандіозную эпопею о человѣкѣ-звѣрѣ.

Творчество Мопассана — одна изъ главъ этой эпопеи. Чарующая дѣвушка представляется ему маріонеткой изъ мяса, новорожденный младенецъ человѣкоподобнымъ червемъ, и даже высокая тайна материнства только преображаетъ для него юное прекрасное созданіе въ безобразное животное, механически воспроизводящее свою расу. Хищники и паразиты, похотливыя обезьяны и тупо покорный рабочій скотъ, война за самку и борьба за существованіе—таковъ вѣчный невольный дарвинизмъ всего мопассановскаго творчества.

Эту безотрадную философію о жизни и смерти, о мірѣ и людяхъ, полубезумный авторъ «Horla» сообщилъ своему русскому ученику. Возможно, что здѣсь ему пришлось только укрѣпить въ Чеховѣ уже самостоятельно создавшееся въ немъ міровоззрѣніе. Врачебная школа, громадный личный опытъ, зрѣющая смертельная болѣзнь,—всѣ эти жизненныя обстоятельства непосредственно внушали Чехову тѣ воззрѣнія на міръ и людей, которыя онъ нашелъ уже блестяще развитыми въ творчествѣ своего литературнаго учителя. Непосредственныя наблюденія и личныя переживанія, помимо Мопассана, убѣдили Чехова въ томъ, что жизнь безцвѣтна и безсмысленна, люди жестоки и отвратительны, но смерть еще ужаснѣе.

И вслѣдъ за французскимъ безумцемъ Чеховъ началъ разворачивать въ своихъ созданіяхъ эти длинныя, тусклыя, матово унылыя ткани жизни, которыя неожиданно становятся такими безнадежно и пугающе мрачными отъ невидимаго приближенія смерти.

VI.

И, наконецъ, въ процессѣ воспитанія чеховскаго таланта громадную роль сыгралъ тотъ «безупречный учитель» Мопассана и Зола, которому авторъ «Une vie» благоговѣйно посвятилъ свою первую книгу. Имя Флобера упоминается и въ чеховскихъ письмахъ, и въ его бесѣдахъ съ молодыми писателями. Не можетъ быть никакого сомнѣнія, что въ дѣлѣ образованія непогрѣшимой литературной формы чеховскаго разсказа честь воспитателя восходитъ къ Флоберу.

Вліяніе этого перваго натуралиста примѣшивалось къ тѣмъ безотраднымъ впечатлѣніямъ о человѣчествѣ, которыя Чеховъ вынесъ изъ книгъ Мопассана и Золя. Ненависть Флобера къ вѣчному человѣческому мѣщанину и непобѣдимое презрѣніе его къ женщинѣ-самкѣ подготовили назрѣвающему натурализму его эпопею человѣка-звѣря и отдаленно отразились на міровоззрѣніи Чехова.

Казалось бы, талантъ автора «Трехъ сестеръ» былъ созданъ самой природой для идеальнаго творческаго воплощенія вѣчно-женственнаго начала. Дарь задушевности въ любовной ласкѣ, вся тихая и грустная пѣвучесть исходящей тоскою и любовью женской души, высшее сердечное свойство Дездемоны всѣхъ временъ—проникновенное пониманіе всѣхъ тяжкихъ мукъ мятущагося и скорбящаго мужского духа, все это врядъ ли могло найти для своего воплощенія болѣе мягкую и тонкую кисть, чѣмъ орудіе чеховскаго творчества.

А между тѣмъ, въ галлереѣ его свѣтлыхъ женскихъ образовъ, этихъ грустныхъ мечтательницъ и задумчивыхъ скорбницъ, попадаются какіе-то иные, не чеховскіе образы женщины-самки и хищницы. Эти исключенія въ чеховскомъ мірѣ подстрѣленныхъ чаекъ знаменательны, какъ лишній показатель пройденной имъ школы французскаго натурализма. Его Аріадна, его Сусанна, его Анна Петровна («Анна на шеѣ») или Наталья Прозорова («Три сестры») несомнѣнно находятся въ близкомъ родствѣ съ Эммой Бовари.

Во французской философской критикѣ терминомъ «боваризмъ» опредѣляется спеціальное психологическое переживаніе. Обыкновенно подъ нимъ подразумѣвается способность транспонировать свои дѣйствительныя ощущенія въ фантастическую область завѣтныхъ мечтаній, заволакивающихъ своими иллюзорными дымками подлинную сущность жизни. Въ своемъ упро-

щенномъ видѣ, въ сферѣ обычной женской психологіи это душевное состояніе сводится къ мечтамъ о праздничной сторонѣ жизни, объ острыхъ наслажденіяхъ и исключительной роскоши. Это тѣ проявленія раздраженной и утонченной чувственности, тѣ жадныя исканія разнузданныхъ празднествъ плоти, которыя заставляютъ возбужденную флоберовскую героиню безконечно разнообразить радости адюльтера, вносить экзотическіе штрихи въ обстановку своей мѣщанской жизни—поѣдать шербеты, курить египетскія папиросы, читать кровавые уголовные романы и тратить ежемѣсячно десятки франковъ на отдѣлку своихъ ногтей. Это то состояніе, которое вслѣдъ за Флоберомъ и по его явнымъ слѣдамъ изобразилъ Мопассанъ въ несчастной героинѣ своего «Ожерелья».

«Она воображала себя въ будущемъ не иначе, какъ очень богатою и знатною,—описываетъ Чеховъ типичный боваризмъ одной изъ своихъ героинь,—ей грезились балы, скачки, ливреи, роскошная гостиная, свой Salon и цѣлый рой графовъ, князей, посланниковъ, знаменитыхъ художниковъ и артистовъ, и все это поклоняется ей и восхищается ея красотою и туалетами. Она мечтала о титулѣ, о блескѣ».

Въ женщинѣ этого типа развиваются одновременно два противоположныя свойства. Съ одной стороны утонченная чувственность развиваетъ въ ней до послѣдней степени эстетическій вкусъ и вселяетъ непобудимую потребность изящества и блеска во всемъ окружающемъ—въ обстановкѣ и нарядахъ, въ зрѣлищахъ и разговорахъ. Но съ другой стороны господствующая надъ всѣмъ жажда наслажденій сильно понижаетъ въ ней душевную жизнь, придаетъ ей неизбѣжныя черты сухости, жесткости и безсердечности. Флоберъ съ изумительнымъ ясновидѣніемъ соединилъ въ своей безсмертной героинѣ эти крайнія начала, сообщивъ ей всѣ очарованія аристократическаго влеченія къ прекрасному вмѣстѣ съ типическими свойствами женщины-одалиски.—Тонкій эстетизмъ Эммы Бовари не исключаетъ въ ней грубой чувственности, сдержанной кровожадности, жестокости къ окружающимъ и даже суроваго безразличія къ собственному ребенку.

Чеховъ совмѣщаетъ въ своихъ героиняхъ тѣ же противоположныя свойства. Его очаровательной Аріаднѣ «ничего не стоило даже въ веселую минуту оскорбить прислугу, убить насѣкомое. Она любила бои быковъ, любила читать про убійства и сердилась, когда подсудимыхъ оправдывали».

Въ характеристикѣ этихъ чеховскихъ героинь есть одинъ

типичный флоберовски-мопассановскій пріемъ. Главнымъ пунктомъ перелома въ ихъ психологіи, рѣшительнымъ моментомъ въ проявленіи ихъ основной натуры часто является случайное посѣщеніе необычной роскошной обстановки. Какой-нибудь богатый балъ или торжественный праздникъ навсегда отравляютъ ихъ существованіе, раскрывая имъ во всей полнотѣ мѣщанство ихъ ежедневной жизни, бѣдность обстановки, убожество окружающихъ, невзрачность мужа.

Этой типичной фабулой Флобера и Мопассана Чеховъ воспользовался для отдѣльнаго разсказа. Вышедшая изъ нужды и униженій, угнетенная деспотическимъ мужемъ, смирная и словно ушибленная жизнью Аня, попавъ на блестящій балъ, сразу преображается. Дремлющая въ ней женщина просыпается отъ совмѣстнаго дѣйствія всѣхъ токовъ наэлектризованной бальной атмосферы, отъ грохочущей музыки, яркаго свѣта, восхищенныхъ взглядовъ толпы и сдержанныхъ прикосновеній танцоровъ. Она неожиданно, но сразу понимаетъ, что создана исключительно для этой шумной, блестящей, смѣющейся жизни, съ музыкой, танцами, поклонниками, лестью. Вмѣстѣ съ первымъ сознаніемъ великой власти своего женскаго очарованія въ ней просыпается глубокое презрѣніе къ будничной жизни, мужу, домашней обстановкѣ. Прежняя запуганная мученица возвращается съ бала съ всѣми пробужденными инстинктами расточительницы и блудницы.

Это изображеніе женщины-хищницы въ творчествѣ Чехова свидѣтельствуетъ лишній разъ о пройденной имъ школѣ французскаго натурализма. При всемъ разнообразіи дарованій Флобера, Золя и Мопассана, всѣ они дѣйствовали на Чехова въ одинаковомъ направленіи. Укрѣпляя его врачебный взглядъ на человѣка, какъ на больное животное, они выработали въ немъ убѣжденіе въ безотрадности міра и безсмысленности жизни.

Въ дѣлѣ разъясненія источниковъ чеховскаго пессимизма нужно выходить далеко за предѣлы обычнаго указанія на безвременье 80-хъ годовъ. Въ ряду личныхъ, общественныхъ и литературныхъ причинъ, создавшихъ безотрадное чеховское міровоззрѣніе, необходимо учитывать и вліяніе французскаго натурализма. Его послѣдніе выводы не переставали дѣйствовать на Чехова, пугая его своей сущностью, вызывая въ немъ неопреодолимые протесты и все-таки деспотически принуждая его соглашаться съ ихъ жуткой истиной.

Но прежде, чѣмъ прослѣдить стремленія Чехова вырваться изъ того тупика отчаянія, куда завели его французскіе нату-

ралисты, попытаемся опредѣлить ихъ роль въ дѣлѣ образованія безукоризненной формы чеховскаго разсказа.

VII.

Чтеніе Флобера и его непосредственнаго ученика Мопассана постепенно выработало въ Чеховѣ тѣ правила строгой литературной работы, которыя авторъ «Саламбо» не переставалъ излагать въ своихъ письмахъ и бесѣдахъ.

Сюда относится прежде всего знаменитая объективность Флобера. Требованія полнаго отсутствія автора изъ его созданій, догматъ безличности, походъ противъ лирики и автобіографіи въ художественной прозѣ были непреложными лозунгами флоберовскаго творчества. Чеховъ съ первыхъ же шаговъ своей литературной дѣятельности выражаетъ отъ своего собственнаго имени тѣ же принципы. Многіе изъ нихъ вѣроятно зародились въ немъ непосредственно и впослѣдствіи были только укрѣплены высокимъ авторитетомъ Флобера.

«Выбрасывать себя за бортъ всюду, не совать себя въ герои своего романа, отречься отъ себя хоть на полчаса»,— таковы литературные принципы юноши Чехова.—«Субъективность — ужасная вещь», — пишетъ онъ въ своихъ раннихъ письмахъ.

Формулируя въ своей перепискѣ кодексъ литературнаго творчества, онъ выставляетъ однимъ изъ первыхъ пунктовъ требованіе сплошной объективности. Это остается его правиломъ навсегда. «Чѣмъ объективнѣе, тѣмъ сильнѣе выходитъ впечатлѣніе»,—пишетъ онъ уже въ 1892 году.

И какой чисто Флоберовскій принципъ формулируетъ онъ въ письмѣ къ Суворину:

«Художникъ долженъ быть не судьею своихъ персонажей, а только безпристрастнымъ свидѣтелемъ».

Это требованіе строгой объективности сознательно изгоняетъ изъ литературнаго творчества весь элементъ лирической чувствительности. Флоберъ признавалъ извѣстную степень холодности высшимъ качествомъ писательскаго темперамента. Чеховъ въ своихъ письмахъ къ молодымъ авторамъ не перестаетъ повторять тѣ же завѣты. Онъ постоянно предостерегаетъ ихъ отъ сантиментальности или слезливости.

«Когда изображаете горемыкъ и безталанныхъ и хотите разжалобить читателя, то старайтесь быть холоднѣе—это даетъ

чужому горю какъ бы фонъ, на которомъ оно вырисуется рельефнѣе. А то у васъ и герои плачутъ, и вы вздыхаете. Да, будьте холодны».

Такимъ чисто флоберовскимъ канономъ Чеховъ завершаетъ одно изъ своихъ писемъ о методахъ писательской работы.

Наконецъ, и флоберовскій принципъ интенсивной жизненности въ описаніяхъ былъ имъ цѣликомъ воспринятъ. Кажется, руководящимъ началомъ оставался для него всегда знаменитый завѣтъ Флобера:—когда вы описываете закатъ, страница должна казаться кровавой, когда изображаете лугъ—зеленой.

Это вѣчный критерій Чехова. Когда онъ пишетъ «Степь», онъ хочетъ, чтобы отъ разсказа пахло сѣномъ, и, заканчивая свою повѣсть, онъ съ удовольствіемъ сообщаетъ, что отъ страницъ его вѣетъ лѣтомъ и степью.

— «Я далъ такую картину климата, что при чтеніи становится холодно»,—сообщаетъ онъ о своемъ «Сахалинѣ».

И таковы же его совѣты другимъ писателямъ. «Женщинъ нужно описывать такъ, чтобы читатель чувствовалъ, что вы въ разстегнутой жилеткѣ и безъ галстука»,—совѣтуетъ онъ одному изъ своихъ литературныхъ корреспондентовъ. Въ своихъ письмахъ онъ хвалитъ Сенкевича и Зола за умѣніе давать такія живыя описанія, что читателю хочется позавтракать въ Плошовѣ, жениться на Анелькѣ или обнять Клотильду.

Но непосредственнымъ и главнымъ учителемъ литературной формы неизмѣнно оставался для Чехова Мопассанъ. При чеховской любви къ краткости, при его пристрастіи къ маленькому разсказу, Мопассанъ показался ему непревзойденнымъ художникомъ. Онъ далъ Чехову совершенные образцы яркихъ литературныхъ пейзажей въ трехъ строкахъ и полныхъ человѣческихъ характеристикъ въ нѣсколькихъ штрихахъ. Онъ убѣдилъ Чехова, что краткость—сестра таланта, и научилъ его сжимать свои образы и раздумья до послѣдней степени концентраціи. Онъ открылъ Чехову художественную тайну этихъ маленькихъ разсказовъ безъ завязки и развязки, безъ вступленія и заключенія, съ незначащимъ заглавіемъ и почти что безъ сюжета, которые кажутся простымъ обрывкомъ мимо идущей дѣйствительности и являются завершающей ступенью сложнѣйшаго и утонченнѣйшаго искусства.

Въ области литературной формы Мопассанъ раскрылъ Чехову первые пріемы перехода отъ бытового реализма къ реализму символическому. То чеховское еле замѣтное источеніе символа изъ простыхъ жизненныхъ отношеній, которымъ отмѣ-

ченъ послѣдній періодъ его творчества, уже опредѣленно намѣчается у Мопассана. Постоянное наблюденіе жизни приводило его къ тому синтетическому раздумію, за которымъ уже начинается философское обобщеніе собранныхъ фактовъ. Пристальное всматриваніе въ случайный ходъ житейскихъ событій въ конечномъ выводѣ раскрывало въ нихъ какія-то таинственныя связи, неуловимыя соотношенія, весь тотъ сложный комплексъ предчувствій, предзнаменованій, сердечныхъ подсказовъ и фактическихъ совпаденій, который возносится надъ сѣрымъ міромъ ежедневной дѣйствительности какимъ-то загадочнымъ и вѣщимъ обозначеніемъ.

Этотъ символизмъ обыденной жизни проходитъ черезъ всѣ крупнѣйшія созданія Мопассана. Событія здѣсь уже таинственно завязываются въ узлы какой-то фаталистической ткани, внѣшняя жизнь безпрестанно возвѣщаетъ будущія трагедіи. Раздавленный омнибусомъ Оливье Бертонъ какъ бы олицетворяетъ свою умирающую любовь къ графинѣ. Пылающія письма, обагренныя потоками тающаго сургуча, завершаютъ горестнымъ знакомъ печальную исторію ихъ отношеній. Христіана въ «Mont-Oriol», (романъ, которымъ Чеховъ восхищается въ своихъ письмахъ), еще до наступленія своей несчастной любви, въ первые дни своего пріѣзда на курортъ, присутствуетъ при ужасной смерти маленькой черной собачки. Уходя съ общественнаго торжества, она случайно ступаетъ на клочекъ окровавленнаго мяса, покрытаго черной шерстью, не различая еще въ этомъ мелкомъ фактѣ того грознаго эпиграфа, который сама дѣйствительность надписываетъ надъ ея будущей судьбою.

Въ этихъ мопассановскихъ пріемахъ кроются первые источники чеховскаго символизма. Ничто не проходитъ безслѣдно, говорятъ герои чеховскихъ разсказовъ и драмъ, все полно одной общей мыслью, каждый нашъ шагъ имѣетъ значеніе для настоящей и будущей жизни, всѣ мы—часто одного чудеснаго и разумнаго организма, и черезъ тысячелѣтія насъ таинственно волнуетъ давно исчезнувшее человѣческое страданіе.

Апогеемъ чеховскаго символизма считается заключительная сцена «Вишневаго сада». Дряхлый Фирсъ, забытый уѣхавшими хозяевами въ заколоченномъ домѣ и тихо умирающій подъ бодрый стукъ топоровъ, синтезируетъ обычныя раздумья Чехова о тайнѣ жизни и смерти, о сокровенномъ ихъ смыслѣ, о значеніи всего преходящаго.

«Слышится отдаленный звукъ точно съ неба, звукъ лопнувшей струны, замирающій, печальный. Наступаетъ тишина, и только

слышно, какъ далеко въ саду стучатъ топоромъ по дереву»,— такова заключительная философская ремарка «Вишневаго сада».

Школа Мопассана въ чеховскомъ символизмѣ здѣсь сказалась особенно отчетливо. Смерть Фирса сильно напоминаетъ конецъ Оливье Бертона. Когда раненый художникъ, сжимая руку своей любовницы, испускаетъ глубокій вздохъ послѣдняго облегченія, что-то зловѣщее проносится по его комнатѣ. Огонь погасаетъ въ каминѣ подъ чернымъ пепломъ сожженныхъ писемъ, двѣ свѣчи неожиданно тухнутъ, мебель издаетъ зловѣщій трескъ, и черезъ минуту встревоженная графиня чувствуетъ по холодѣющимъ пальцамъ, что другъ ея уже утѣшенъ отъ всѣхъ скорбей великимъ забвеніемъ [1]).

Чеховскій реализмъ сильно утончился въ школѣ современной французской литературы. Флоберъ и Мопассанъ во многомъ пояснили и укрѣпили писательскую манеру Чехова и несомнѣнно сыграли значительную роль въ созданіи его четкой, увѣренной, прозрачной и точной формы. Сообщивъ ему цѣлый рядъ новыхъ стилистическихъ пріемовъ, они внушили ему основное правило всей французской литературы—неуклонно стремиться къ живости, занимательности и литературной значительности каждой написанной строки.

VIII.

Основные выводы натурализма оказали на Чехова самое рѣшительное вліяніе. Тысячелѣтнее безсиліе человѣчества устроить разумно свою жизнь, невозможность его обуздать въ себѣ хищнаго звѣря, полная безпомощность духа передъ могучими стихіями инстинкта, вѣчное торжество жестокости, глупости, порочности,—таковъ темный смыслъ человѣческой комедіи, уже раскрытый великимъ предтечей натурализма Бальзакомъ и повторенный послѣ тщательнаго пересмотра его заключенія такими освѣдомленными экспертами жизни, какъ Флоберъ, Зола и Мопассанъ.

Таковы были итоги французской литературы прошлаго столѣтія. На Чехова они должны были произвести неотразимое

---

[1]) Изъ отдѣльныхъ совпаденій Мопассана и Чехова отмѣтимъ монологъ Тригорина о трагизмѣ писательской судьбы („ловлю себя и васъ на каждой фразѣ, на каждомъ словѣ и спѣшу скорѣе запереть всѣ эти фразы и слова въ свою литературную кладовую“)... Онъ находится полностью у Мопассана: „Мы безъ конца анализируемъ противъ собственной воли сердца и лица, жесты и выраженія, и даже въ страданіяхъ дѣлаемъ о нихъ замѣтку и классифицируемъ въ своей памяти“... (Sur l'eau, 108).

впечатлѣніе, вполнѣ совпадая съ его собственными наблюденіями и раздуміями. Все то, что герои его вкратцѣ резюмируютъ словами—«все гадко, не для чего жить», всѣ его впечатлѣнія о лютой бѣдности, голодѣ, невѣжествѣ, тоскѣ, чувствѣ гнета и униженія, животности и хищности, всѣ эти аракчеевскія мысли чеховскихъ героевъ вполнѣ соотвѣтствуютъ основнымъ выводамъ французскаго натурализма.

Но примириться съ ними Чеховъ не захотѣлъ или, можетъ-быть, не смогъ. Правда, онъ оказался счастливѣе многихъ своихъ предшественниковъ и учителей. Разглядѣвъ во всемъ его безобразіи лицо жизни, онъ не закричалъ, какъ Гоголь:—«соотечественники, страшно»—не лишился разсудка, какъ Мопассанъ, не сталъ топить своей тоски въ винѣ, какъ Глѣбъ Успенскій, не лишилъ себя жизни, какъ Гаршинъ. Но съ отчаяніемъ мыслителя, дошедшаго до тѣхъ границъ жизненнаго тупика, за которыми открываются неизбѣжныя перспективы отказа отъ міра—безуміе, самоубійство, алкоголь,—онъ началъ искать какого-нибудь выхода изъ этого очага разложенія, какой-нибудь тропинки на большую дорогу жизни, хотя бы и проторенную, хотя бы и не ведущую къ солнцу и открытымъ горизонтамъ.

И въ безнадежности, вызванной личнымъ опытомъ врача и школой экспериментальнаго романа, онъ обратился къ тѣмъ спасительнымъ надеждамъ, къ которымъ вели его и склонности его славянской души, и вѣковыя традиціи его родной литературы.

Въ больномъ животномъ, загнанномъ или ожесточенномъ, хищномъ или покорномъ, онъ съ тоскою и надеждою началъ искать отблески божественнаго начала. Понятіе человѣчности, какъ признакъ высшей духовности, сдѣлалось лозунгомъ его творчества и символомъ его вѣры.

Для него не существовалъ вопросъ о художественности или современности проповѣди милосердія въ литературѣ. Эта проповѣдь оказалась для него единственнымъ средствомъ спасенія отъ окончательнаго отчаянія.

Вотъ почему свой безотрадный врачебный діагнозъ онъ словно хотѣлъ опровергнуть всѣми доводами сердечной логики. И въ заключительномъ выводѣ онъ съ радостью призналъ, что въ огромномъ человѣческомъ стадѣ есть одно великое спасительное начало—даръ сострадательной любви.

Этотъ выводъ сразу перевѣсилъ всѣ безошибочныя данныя о человѣческой животности. Жестокія и темныя стороны жизни были оправданы этой великой человѣческой способностью зали-

вать нѣжностью пустыню міровыхъ пространствъ, освящать кротостью ея безплодныя равнины.

И окончательно примиренный съ той маріонеткой изъ мяса, которая свела съ ума несчастнаго Мопассана, Чеховъ въ одномъ изъ своихъ послѣднихъ разсказовъ признаетъ единственнымъ смысломъ жизни и высшимъ закономъ существованія великую способность человѣка къ дѣятельному добру.

И уже на пути къ этому выводу Чеховъ ввелъ въ русскую литературу новую толпу униженныхъ и оскорбленныхъ, столь отличныхъ отъ озлобленныхъ, истерически возбужденныхъ или покорно подличающихъ отверженцевъ Достоевскаго. Чувство глубокой обиды, незаслуженныхъ ударовъ, нестерпимой боли только повышаетъ въ чеховскихъ герояхъ ихъ исконную потребность активной любви. Всѣ эти мученики и жертвы жизни обнаруживаютъ въ своей тихой покорности такую высоту душевнаго взлета, что хищная разнузданность человѣческой природы заранѣе оправдана этой способностью къ героическому отреченію.

Въ раскрытіи этихъ евангельскихъ началъ, атеистъ Чеховъ является несомнѣнно однимъ изъ христіаннѣйшихъ поэтовъ міровой литературы. Заключительныя страницы его повѣсти «Въ оврагѣ», — исторія Липы, которая съ тихой покорностью несетъ ночью въ полѣ трупикъ своего убитаго младенца, съ великой материнской тоской, но безъ малѣйшей вражды къ его убійцѣ, является, конечно, одной изъ величайшихъ страницъ въ вѣковой легендѣ о человѣческой кротости. Только великая сила любви въ сердцѣ художника могла создать этотъ новый совершенный образъ скорбящей матери.

Въ этой любви къ человѣку, побѣдившей все отвращеніе къ нему,—главная сила Чехова. Въ сущности, онъ не принесъ въ своихъ созданіяхъ какой-нибудь новой философіи. Художникъ исключительнаго дарованія, лирикъ безграничной задушевности, Чеховъ не былъ геніальнымъ мыслителемъ. Онъ не оставилъ человѣчеству тѣхъ поражающихъ своей новизной, дерзостью или глубиною откровеній, которыя сразу отводятъ въ новое русло широкій потокъ вѣкового человѣческаго мышленія. Онъ и въ сферѣ теоретической мудрости, какъ въ своихъ чисто художественныхъ страницахъ, говорилъ самыя простыя слова, лишенныя всякаго философскаго глубокомыслія. Все, что говорится въ его созданіяхъ о судьбахъ міра и людей, въ сущности такъ просто, что можетъ притти въ голову каждому среднему человѣку. Онъ, конечно, ни въ чемъ не погрѣшилъ противъ

реализма, вложивъ эти рѣчи о жизни въ уста своихъ сѣренькихъ неудачниковъ. Всякій изъ нихъ можетъ въ минуту раздумья почувствовать всю жестокость вѣчнаго жизненнаго обмана и высказать обычный грустный выводъ горькаго опыта о томъ, что жизнь безсмыслена и безцвѣтна, массовое человѣчество уродливо, и только сильная душевная привязанность и надежды на лучшее будущее могутъ спасти отъ окончательнаго отчаянія. Чеховъ принесъ средне одаренному и тихо несчастному человѣчеству ту философію, которую оно уже вынесло само изъ горькаго опыта своей средней одаренности, при великихъ притязаніяхъ, и тихаго несчастья, при жаждѣ вѣчнаго праздника.

Но эту простую мудрость онъ высказалъ такими звеняще прекрасными и, въ красотѣ своей, утѣшительными словами, что у всѣхъ осталось впечатлѣніе, будто онъ въ чемъ-то успокоилъ, что-то уладилъ, съ чѣмъ-то примирилъ. Созданія Чехова оказались для всѣхъ мучениковъ жизни тѣмъ животворнымъ потокомъ неожиданно брызнувшихъ слезъ, которыя вызываются глубокимъ страданіемъ, но, пролившись, облегчаютъ душу, просвѣтляютъ скорбь и примиряютъ съ самымъ неутѣшнымъ горемъ.

Въ этомъ естественникѣ жилъ не только поэтъ, но и рѣдкій геній творческой кротости. Кажется, никто не разобралъ съ такою точностью больную жизненную ткань по всѣмъ ея мельчайшимъ клѣточкамъ и не откликнулся такой сердечной участливостью на всѣ ея мучительныя несовершенства. Этотъ пытливый дарвинистъ съ любовью Франциска Ассизскаго ко всякой живой твари всѣмъ своимъ творчествомъ какъ бы подтверждаетъ замѣчательныя слова Бетховена: единственный героизмъ въ мірѣ—видѣть міръ такимъ, какъ онъ есть, и все же любить его.

Леонидъ Гроссманъ.

НАДЪ ОКОЙ.

За частоколомъ—розовый закатъ,
Ржаное поле тускло-золотое,
Лиловый лѣсъ—и дальше за рѣкою
Просторъ луговъ и крыши низкихъ хатъ.
Еще свѣтло, но кое-гдѣ дрожатъ
Уже, мерцая, звѣзды надъ Окою
И въ цвѣтникѣ отъ краснаго левкоя
И мотеолъ вечерній ароматъ.
Еще свѣтло. Еще въ огнѣ ограда,
Въ послѣднемъ блескѣ травы и песокъ,—
Но все темнѣй синѣющій востокъ.
Юпитеръ всталъ, какъ свѣтлая лампада,
И вновь душа раскрыта, какъ цвѣтокъ,
И, какъ цвѣтокъ,—звѣздѣ вечерней рада.

Ада Чумаченко.

ЧЕЛОВѢКЪ БЕЗЪ ЗАВТРАШНЯГО ДНЯ.

Вѣра есть способность духа, у животныхъ ея нѣтъ. У дикарей и неразвитыхъ людей,—страхъ и сомнѣніе. Она доступна только высшимъ организаціямъ...

А. Чеховъ.

I.

Съ утра и до вечера въ графскомъ саду кричали грачи. Ихъ было много,—цѣлыя сотни. Происходило ли у нихъ какое-нибудь засѣданіе, на которомъ обсуждали предстоящія скоро событія, извѣстныя грачамъ и скрытыя отъ людей, или они просто предвѣщали скверную погоду,—никто этого не зналъ, но непрестанное карканье звучало нахально и утомляло уши.

Старый графъ былъ увѣренъ, что десять лѣтъ назадъ эти самые грачи спасли его поля отъ нахлынувшей вдругъ саранчи и отдалъ, разъ и навсегда, приказъ не стрѣлять ихъ и не разорять ихъ гнѣздъ.

Директоръ завода, инженеръ Николай Михайловичъ, съ удовольствіемъ нарушилъ бы это распоряженіе. Его небольшой, но съ великой любовью содержавшійся садъ былъ рядомъ съ графскимъ.

Съ каждымъ годомъ, приближавшимъ Николая Михайловича къ старости, въ душѣ его увеличивалась потребность хоть одинъ часъ, хоть полчаса побыть совсѣмъ одному со своими мыслями.

Лучше и легче всего это было дѣлать утромъ, пока не выходили къ чайному столу жена и дѣти съ фрейлейнъ. Всѣ они были ему дороги, всѣхъ ихъ онъ всегда любилъ, но говорить съ ними обо всемъ не могъ и не умѣлъ, потому что никогда и не передъ кѣмъ не могъ заставить себя обнажать душу.

Главный вопросъ, который въ послѣднее время чаще и чаще приходилъ ему въ голову—былъ вопросъ о смерти. Нико-

лай Михайловичъ не боялся ея, какъ факта, но со студенческихъ временъ и до сихъ поръ, т.-е. до пятидесяти лѣтъ—онъ не могъ себѣ отвѣтить, есть ли смерть для человѣка величайшее несчастье или величайшее счастье? Ясно для него только одно: что смерть это безусловное и полное уничтоженіе...

Умрешь, похоронятъ
Какъ не жилъ на свѣтѣ.....

Дальше этой правды мысли не могли зайти. Но..... но все-таки иногда хотѣлось и дальше. И Николай Михайловичъ всегда слушалъ съ огромнымъ интересомъ тѣхъ, кто думалъ о смерти иначе...

Осенью и зимой, когда работы на заводѣ были въ полномъ разгарѣ, онъ думалъ объ этомъ меньше, но какъ только оживала окружавшая его украинская природа, начинали пѣть соловьи и зацвѣтали ландыши,—мысли о собственномъ концѣ тревожили чаще и острѣе.

Былъ у него способъ выражать ихъ и не словами.

Николай Михайловичъ хорошо игралъ на роялѣ и часто импровизировалъ. Композиторомъ и профессіональнымъ музыкантомъ сдѣлаться помѣшало: въ молодости—необходимость работать, а послѣ окончанія высшаго учебнаго заведенія—сначала служба на заводѣ, а затѣмъ женитьба.

Тѣмъ не менѣе, на всю жизнь, интимнѣйшимъ и лучшимъ его другомъ осталась музыка. И самымъ святымъ и дорогимъ воспоминаніемъ въ прошломъ Николая Михайловича былъ тотъ день, въ который онъ игралъ въ четыре руки съ П. И. Чайковскимъ.

Шестнадцатилѣтнимъ юношей-гимназистомъ Николай Михайловичъ такъ крѣпко вѣрилъ въ Бога, что во время молитвы видѣлъ Христа и прикасался къ его свѣтлымъ одеждамъ. Мало-по-малу научныя занятія подорвали эту вѣру, и со времени студенчества онъ уже не помнилъ, когда прибѣгалъ къ молитвѣ. Можетъ быть, это происходило и отъ того, что до сихъ поръ ни одно изъ страшныхъ несчастій, которыя рушились на многихъ его знакомыхъ, не задѣвало собственной головы Николая Михайловича. Но что случается очень рѣдко,—онъ былъ одинъ изъ тѣхъ сытыхъ, которые хорошо разумѣютъ голодныхъ.

Былъ ли это его родственникъ, или заводскій рабочій, или просто запутавшійся интеллигентъ—Николаю Михайловичу всегда хотѣлось помочь и подать руку такому человѣку. И въ огромномъ большинстѣ случаевъ это хотѣніе такъ или иначе онъ приводилъ въ исполненіе, т.-е. помогалъ, выручалъ, хлопо-

талъ и дѣлалъ это просто, безъ разговоровъ, стараясь быть незамѣченнымъ.

Онъ добился того, что и низшіе служащіе на заводѣ получали въ видѣ наградныхъ, какъ и высшіе—двухмѣсячный окладъ своего жалованья, а не пятирублевки и десятирублевки, какъ это дѣлалось на другихъ заводахъ. Тѣмъ не менѣе его не всѣ любили и не всѣ понимали, а пьяницы даже ненавидѣли.

И Богъ, въ котораго Николай Михайловичъ не вѣрилъ, послалъ ему большое счастье въ лицѣ сына Миши. Наблюдая за сыномъ съ тѣхъ поръ, какъ Миша перешелъ въ четвертый классъ, онъ часто узнавалъ въ сынѣ самого себя и вмѣстѣ съ мальчикомъ часто вновь переживалъ тѣ юношескія радости и печали, которыя стали забываться.

Въ особенности любилъ Николай Михайловичъ смотрѣть и слушать, какъ Миша играетъ на роялѣ. Въ эти минуты ему часто хотѣлось плакать.

Миша, его жизнь и его музыка опрокидывали въ головѣ Николая Михайловича убѣжденіе, что смерть это безусловное и полное уничтоженіе человѣка.

«Да вѣдь это я, во второй разъ я—значитъ, нѣтъ уничтоженія»...—мелькало въ его мозгу, и тайная, сладкая радость проникла въ самое сердце и растворяла печаль, какъ растворяетъ живая растительная кислота какую-нибудь кишащую бактеріями слизь...

II.

По ночамъ заводъ и прилегающія къ нему зданія охранялись сторожами. Еще издавна здѣсь была введена такая система: черезъ каждыя десять или пятнадцать минутъ, главный сторожъ на каланчѣ ударялъ въ колоколъ одинъ разъ, ему отвѣчали поочередно еще три сторожа, каждый также однимъ ударомъ въ меньшіе колокола...

Въ итогѣ получался звонъ, похожій на погребальный,—и каждый слѣдующій ударъ былъ тономъ ниже. Не раздавалось только того общаго удара всѣхъ колоколовъ, который врѣзывается въ память каждаго хоронившаго кого-нибудь изъ близкихъ.

Но непривычное ухо всегда ждало этого раздирательнаго аккорда. И хотя звонъ сторожей слышался уже много лѣтъ подрядъ и каждую ночь, тѣмъ не менѣе Николай Михайловичъ замѣчалъ его только тогда, когда на душѣ было не весело, или очень нездоровилось...

Въ общемъ же въ этой усадьбѣ жили сытно, довольно и спокойно; когда пріѣзжали гости, ихъ принимали ласково, по-родственному и часто оставляли на нѣсколько дней.

Для гостей въ саду былъ небольшой флигелекъ въ три комнаты. Прежде въ этомъ флигелькѣ жила мать жены Николая Михайловича — глубокая старушка. Незадолго передъ смертью, она стала тяготиться одиночествомъ и перешла въ большой домъ. Оставляя флигель, она почему-то оборвала на стѣнномъ календарѣ листочки почти за два мѣсяца впередъ. И только черезъ нѣсколько недѣль послѣ ея кончины замѣтили, что на послѣднемъ неоторванномъ листочкѣ было именно то число, въ которое умерла бабушка.

И хотя Николай Михайловичъ назвалъ это происшествіе случайностью, но оно опять разбудило въ немъ вопросъ о цѣли человѣческаго существованія и зависимости его отъ кого-то или отъ чего-то.

Потомъ это снова забылось.

Говорить и думать приходилось о заводѣ, о деньгахъ, объ урокахъ дѣтей, или о поѣздкѣ лѣтомъ въ Крымъ.

Жизнь бѣжала ровно, и одинъ годъ былъ похожъ на другой.

Въ прошломъ августѣ, гдѣ-то въ Ялтѣ Николай Михайловичъ встрѣтился и познакомился съ довольно извѣстнымъ художникомъ Линиченкомъ и заинтересовался его работами, а еще больше личностью этого человѣка безъ завтрашняго дня, какъ часто называлъ себя художникъ.

Глядя на загорѣлое, спокойное хохлацкое лицо Линиченка и на его веселые усы, трудно было сказать, что за плечами у него много тяжкихъ дней. Пріѣхалъ онъ въ Крымъ съ двумя хорошенькими дочерьми, десятилѣтней Асей и четырнадцатилѣтней Соней, и вездѣ и всегда былъ съ ними. Три года назадъ онъ потерялъ жену и сына. Въ карманѣ у него бывала иногда и тысяча рублей, а иногда, и очень долго,—ни одной копейки.

Николаю Михайловичу казалось, что такому человѣку остается или пустить себѣ пулю въ лобъ, или вѣчно мучиться, но на мученика Линиченко не былъ похожъ: любилъ покушать и выпить, часто шутилъ и разсказывалъ анекдоты и, когда случалось хорошо продать картину, а дочери находились въ пансіонѣ,—уѣзжалъ въ Италію и жилъ тамъ до тѣхъ поръ, пока снова не оставалось ни гроша. Возвращался онъ съ новыми этюдами и садился за работу.

Однажды Линиченко сказалъ:

«На этомъ свѣтѣ меня держатъ только: любовь къ красотѣ

и къ искусству, что почти одно и то же, а главное—глубокая вѣра въ судьбу, если хотите въ предопредѣленіе. Поэтому я и смерти не боюсь».

Наблюдательный Николай Михайловичъ видѣлъ, что такая «вѣра» Линиченка—не фразерство и не рисовка, а нѣчто весьма постоянное и ясное, и заинтересовался имъ. Когда разстались, они стали переписываться очень неаккуратно, но длинными, искренними письмами.

Въ началѣ апрѣля Линиченко написалъ, что снова остался между небомъ и землей и безъ копейки денегъ, что радъ за дочерей, плату за которыхъ внесъ впередъ.

Николай Михайловичъ посовѣтовался съ женой и пригласилъ художника пріѣхать и погостить у него въ усадьбѣ, сколько поживется. Черезъ два дня принесли телеграмму: «Буду среду».

Николай Михайловичъ прочелъ эти два слова и сказалъ:

— Хоть бы сообщилъ, съ какимъ поѣздомъ...

Пришлось высылать за художникомъ три раза фаэтонъ. Помѣщеніе для него приготовили во флигелѣ. Пріѣхалъ Линиченко какъ будто не такой, какимъ былъ въ Крыму,—застѣнчивый и чѣмъ-то угнетенный. Говорилъ немного. Поѣлъ, выспался, а на другой день сталъ бодрымъ и веселымъ и принялся за работу.

Николай Михайловичъ пріятно удивился, когда Линиченко сказалъ ему, что не пьетъ и не будетъ пить водки, пока не закончитъ всѣхъ этюдовъ для задуманной картины. Вообще художникъ казался здѣсь гораздо болѣе серьезнымъ, чѣмъ въ прошломъ году. Вставалъ онъ очень рано и работалъ до завтрака. Иногда жаловался, что ему мѣшаетъ соловей, который поетъ подъ окномъ слишкомъ громко, гдѣ-то въ густыхъ темнозеленыхъ, покрытыхъ росой, вѣтвяхъ американской ели.

Скоро самому Линиченку и всѣмъ обитателямъ этого дома казалось, что художникъ живетъ здѣсь уже очень долго и будто раньше когда-то пріѣзжалъ.

По спеціальности Линиченко былъ жанристъ, но любилъ рисовать и портреты, особенно тѣхъ людей, которые чѣмъ-нибудь произвели на него впечатлѣніе. Въ этихъ портретахъ часто не доставало фотографическаго сходства, но общее выраженіе лица всегда ярко рисовало душу натурщика.

Здѣсь ему очень понравилось молодое хохлацкое съ удивленными глазами лицо часто попадавшагося навстрѣчу садовника Сергѣя, вѣчно суетившагося, вѣчно копавшагося въ землѣ.

Линиченко смотрѣлъ на него и думалъ: «Вотъ этотъ че-

ловѣкъ никогда и ничего не слыхалъ объ эстетикѣ, а между тѣмъ не за страхъ, а какъ видно, за совѣсть служилъ и будетъ служить до послѣдняго издыханія красотѣ. Хорошо бы съ него написать этюдъ съ такими солнечными пятнами на головѣ и на плечахъ, и на ярко-зеленомъ фонѣ»...

Художнику казалось, что въ усадьбѣ Николая Михайловича все гармонично, все играетъ или поетъ, начиная съ соловья. Печаленъ, но музыкаленъ былъ ночной перезвонъ колоколовъ. Дѣтскимъ, но сильнымъ и вполнѣ сознательнымъ контральто подпѣвала игравшему на роялѣ Николаю Михайловичу его одиннадцатилѣтняя дочь Натуся. И самъ ея отецъ ярче всего умѣлъ выражать свое настроеніе музыкой. Вернувшійся съ экзамена Миша швырялъ книги и затѣмъ прежде всего шелъ къ роялю. По вечерамъ былъ слышенъ далекій хоръ возвращавшихся со свекловичныхъ плантацій дѣвчатъ.

И Линиченку часто приходило въ голову, что онъ попалъ въ какую-то нескончаемую, еще не нашедшую своего автора, оперу. И самому иногда хотѣлось пѣть. Возвратившись послѣ вечерней прогулки по окрестностямъ мѣстечка, Линиченко приводилъ въ порядокъ свои кисти, краски и палитры и тихо мурлыкалъ:

Ох і не горазд, запорожці;
Не горазд вчинили,
Степ широкий, край веселий
Тай занапастили...

Онъ хорошо еще помнилъ то время, когда на Украйнѣ и вся молодежь, и старики были одѣты въ красочные свои костюмы, помнилъ и народныя пѣсни, неизвѣстно куда улетучившіяся.

Линиченко сѣлъ за письмо къ своему другу и бывшему профессору. Закончилъ онъ его такъ:

«Съ запада вѣтеръ дуетъ холодный и ровный, всѣ лепестки на цвѣтахъ уже сдулъ онъ, всѣ одежды съ людей посрывалъ, все нивеллировалъ. А вотъ пусть-ка попробуетъ этотъ вѣтеръ смести нашъ пейзажъ, поломать всѣ до одного наши стройные, синіе тополи... И за двѣсти лѣтъ ничего не подѣлаетъ. Красиво здѣсь все вокругъ: и села, и волнующіяся рожью поля, и ярко-зеленыя долины»...

III.

Было уже двадцатое мая.

Вставала изъ-за крыши конюшни огромная, прозрачная Левитановская луна. Линиченко запечаталъ конвертъ, надписалъ

адресъ, затѣмъ вспомнилъ, что у него нѣтъ марки, и пошелъ за ней черезъ садъ въ большой домъ къ Николаю Михайловичу. На верандѣ, освѣщенной электрической лампой, еще пили чай. Художникъ увидѣлъ за столомъ два новыхъ лица: полную блондинку барыню и дѣвушку лѣтъ двадцати. Сразу можно было рѣшить, что это мать и дочь. Обѣ онѣ казались чѣмъ-то озабоченными. Жена Николая Михайловича—Лидія Георгіевна подняла голову и сказала:

— А вотъ позвольте Васъ познакомить, это г. Линиченко, а это жена моего брата Екатерина Александровна и ея дочь Люба.

Линиченко подалъ дамамъ руку и спросилъ:

— А гдѣ Николай Михайловичъ?

— Онъ у себя въ кабинетѣ, разбираетъ какой-то архивъ, онъ сейчасъ придетъ. Налить вамъ чаю?

Слышно было, какъ въ гостиной Миша съ увлеченіемъ играетъ. Въ этотъ день у него былъ трудный экзаменъ по латыни и прошелъ благополучно.

— Хотите чаю?—снова спросила Лидія Георгіевна.

Линиченко поглядѣлъ на нее и подумалъ: «Какіе странные глаза,—очень добрые и въ то же время очень гордые, вѣроятно, она болѣзненно самолюбива»...

— Спасибо, налейте, только я сначала пройду къ Николаю Михайловичу,—мнѣ нужна марка.

Художникъ вошелъ въ кабинетъ. Музыка изъ гостиной послышалась яснѣе.

Николай Михайловичъ поглядѣлъ на Линиченка и улыбнулся.

— Милости просимъ, а я думалъ, что вы уже почиваете...

— Нѣ-ѣ-нѣтъ,—отвѣтилъ художникъ, такъ что у него вышло «ню-ю-ютъ»...—Вотъ, что: можно у васъ попросить семикопеечную марку?

— Съ удовольствіемъ, этого добра всегда сколько угодно...—отвѣтилъ Николай Михайловичъ и выдвинулъ средній ящикъ стола.

Линиченко вздохнулъ и произнесъ:

— Хорошо Миша играетъ, что-то печальное и проникновенное.

— Это шестая симфонія Чайковскаго, напрасно онъ ее играетъ безъ меня, ее нужно исполнять въ четыре руки, иначе не получится того впечатлѣнія... Это послѣдняя вещь Чайковскаго, написанная имъ не задолго до смерти, въ ней точно его предчувствіе какое-то давитъ. Удивительная вещь!..

— Что жъ, предчувствіе дѣло естественное...

— Совсѣмъ не естественное, нате вамъ марку,—сказалъ Николай Михайловичъ.

— Господа, да идите же чай пить и Мишу зовите,—нетерпѣливо прокричалъ съ веранды голосъ Лидіи Георгіевны...

Сильный, полный тяжкаго настроенія аккордъ подъ Мишиными руками оборвался.

Линиченко, Николай Михайловичъ и Миша вышли на веранду и сѣли за столъ. Никому не хотѣлось ни ѣсть, ни пить. Одинъ Миша наскоро проглотилъ чай и пошелъ заниматься. Черезъ два дня у него экзаменъ по словесности. Все время разговаривавшія дамы вдругъ замолчали. Николай Михайловичъ выкурилъ двѣ папироски, поглядѣлъ на уже высоко-поднявшуюся и сдѣлавшуюся какъ будто голубоватой луну и, обращаясь къ Линиченку, произнесъ:

— Пойдемте погуляемъ.

— Съ удовольствіемъ.

— А чаю?—спросила Лидія Георгіевна.

— Спасибо, не хочется.

Мужчины снова закурили и, ступая въ ногу по шумящему гравію, скрылись въ тѣни деревьевъ. Когда прошли довольно далеко вглубь сада, Николай Михайловичъ сказалъ:

— Вотъ, вѣдь какія симпатичныя мать и дочь, а вмѣстѣ имъ не хорошо...

— Почему?—спросилъ Линиченко.

— Да вотъ доктора нашли у дѣвицы въ легкихъ какой-то непорядокъ, а она не хочетъ лѣчиться, не хочетъ ѣхать на кумысъ и за границу не хочетъ...

— И коховскія палочки оказались?

— Нѣтъ, при микроскопическомъ изслѣдованіи ихъ не нашли.

— Ну, въ такомъ случаѣ барышня права, и никуда ей не нужно... Ей личнаго счастья нужно...

— Но вѣдь она сколько потеряла въ вѣсѣ.

— Отъ того и потеряла, что душа у нея голодаетъ.

— А что жъ по-вашему дѣлать? Мать извелась, создавая всякіе проекты, умоляетъ ѣхать на зиму въ Давосъ, а Люба и слышать не хочетъ.

— Значитъ, инстинктомъ чуетъ, что не въ Давосѣ ея спасеніе... Лучше всего оставить ее въ покоѣ... То, что ей нужно, само придетъ, а не придетъ, такъ, значитъ, роль ея на этомъ свѣтѣ кончена.

— Нѣтъ-съ, господинъ художникъ, это уже мистика, иначе говоря, чепуха. Для меня по крайней мѣрѣ не подлежитъ ни ма-

лѣйшему сомнѣнію, что человѣкъ съ здоровыми легкими проживетъ дольше и сдѣлаетъ больше, чѣмъ человѣкъ съ больными легкими.

— Теоретически оно, конечно, такъ, а на дѣлѣ не всегда такъ. Многое отъ самого человѣка зависитъ, но двѣ вещи: любовь и смерть приходятъ не тогда, когда хочешь, а тогда, когда это нужно кому-то болѣе сильному, невѣдомому. Позвольте вамъ отвѣтить примѣромъ. Я былъ въ Ялтѣ, когда туда пріѣхали два писателя, одинъ извѣстный, всѣми любимый Антонъ Чеховъ, другой менѣе извѣстный Григорій Мачтетъ. Я зналъ, что Чеховъ, тогда уже совсѣмъ больной, съ удовольствіемъ и безъ зависти (ибо завидовать онъ не умѣлъ) смотрѣлъ на медвѣдеобразную фигуру Мачтета и говорилъ о томъ, какъ долго Мачтетъ еще проживетъ и какъ много еще успѣетъ сдѣлать...

— Ну и что же изъ этого слѣдуетъ? — нетерпѣливо перебилъ художника Николай Михайловичъ.

— А то, что въ тѣ же сутки Мачтетъ отравился рыбнымъ ядомъ и черезъ шестнадцать часовъ былъ трупомъ, а больной Чеховъ еще далъ: «Въ оврагѣ», «Даму съ собачкой», «Трехъ сестеръ» и «Вишневый садъ»... И много мелкихъ, но чудесныхъ вещей. И четыре года еще радовалась его бытію русская публика...

— И все-таки это не доказательно...

— Можетъ быть.

— Два раза прошли совсѣмъ молча отъ забора, которымъ отдѣлялся графскій садъ, до веранды и обратно. Справа заливался соловей. Тянуло розами, цвѣтущей бузиной и легкой сыростью. Николай Михайловичъ вспоминалъ изъ своей жизни эпизоды, которыми бы можно было опровергнуть «вѣру» художника.

Когда они сѣли на скамеечкѣ недалеко отъ «гиганскихъ шаговъ», онъ разсказалъ совсѣмъ не то, о чемъ хотѣлъ... И началъ не смѣло.

IV.

— Всякій исключительный случай подтверждаетъ правило. И въ моей жизни было... происшествіе не происшествіе, а вѣрнѣе, очень обыкновенная исторія...

— Которая окончилась не совсѣмъ обыкновенно... — подсказалъ Линиченко.

— Къ сожалѣнію, да. Когда я поступилъ въ Петербургскій

технологическій институтъ, завязался у меня романъ съ одной курсисткой. Романъ не совсѣмъ хорошій. Не хорошій потому, что она любила, а я... мнѣ только льстила эта любовь. Такъ протянулась вся зима и весна. Уѣзжая, я мысленно рѣшилъ ликвидировать эту исторію. На слѣдующій годъ не пришелъ къ ней, не отвѣтилъ на цѣлый рядъ писемъ. Мало-по-малу совсѣмъ забылъ ее. Иногда только чувствовалъ, что курсистка эта думаетъ обо мнѣ до сихъ поръ. Снова наступила весна и съ нею экзамены, нужно было зубрить. Спать приходилось мало. Нервы были напряжены до высшей степени. Однажды я досидѣлъ до восьми часовъ утра, затѣмъ рѣшилъ только прилечь на десять минутъ, но заснулъ тѣмъ тревожнымъ сномъ, когда слышишь, какъ бьютъ часы, думаешь, что слѣдуетъ сдѣлать усиліе воли и подняться и... нѣтъ силъ. Въ такомъ состояніи я, совсѣмъ ясно, услыхалъ голосъ когда-то близкой мнѣ курсистки, она назвала мое имя, затѣмъ сказала:

— Приходите... Я хочу васъ видѣть... Я живу: Басковъ переулокъ 83, квартира 16. Я сейчасъ же всталъ и началъ всячески себя убѣждать, что это сновидѣніе или галлюцинація ничего не значитъ, что это результатъ страшной усталости и больше ничего... Чтобы окончательно успокоиться, я взялся за интегральныя исчисленія. Но ничего подѣлать съ собой не могъ. Какое-то особенное любопытство жгло меня. Цифры прыгали въ моихъ глазахъ. Я читалъ и не понималъ прочитаннаго и успокоился только тогда, когда взялся за фуражку. Дальше долженъ сказать, что, всего второй годъ живущій въ Петербургѣ, я не зналъ, существуетъ ли Басковъ переулокъ на самомъ дѣлѣ, и, конечно, не представлялъ себѣ, въ какой части города онъ находится. За разъясненіями я обратился къ первому попавшемуся извозчику, и онъ подтвердилъ, что такой переулокъ есть, и предложилъ свои услуги за полтинникъ. Съ Васильевскаго острова это было недорого, но, какъ на грѣхъ, въ карманѣ у меня было только соромъ копеекъ. Одѣвался я довольно франтовато и, вѣроятно, поэтому извозчикъ мнѣ не повѣрилъ и не согласился уступить. Пришлось прибѣгнуть къ услугамъ тогдашней конки, которая ползла тогда отвратительно медленно. Но душа моя ликовала отъ одного сознанія, что Басковъ переулокъ есть, но есть ли тамъ домъ № 83?, думалъ я. Съ Невскаго я поѣхалъ на Литейный, здѣсь у дворника спросилъ, гдѣ Басковъ переулокъ, а еще черезъ двѣ минуты стоялъ у воротъ нужнаго мнѣ дома. Въ томъ, что здѣсь существуетъ квартира 16, я уже не сомнѣвался и вошелъ во дворъ. Нашелъ лѣстницу и под-

нялся во второй этажъ. Квартира оказалась, я позвонилъ, мнѣ открыла горничная. Я даже не спросилъ у нея, здѣсь ли живетъ Елена Ивановна Попова, а спросилъ такъ:

— Дома Елена Ивановна?

— Дома.

Леля Попова была дѣвушка не бѣдная, и квартира оказалась очень приличной.

Я совершенно увѣренно повернулъ налѣво въ гостиную, дверь которой была полуотворена. Здѣсь стоялъ открытый рояль, я положилъ фуражку, сѣлъ за клавіатуру и заигралъ любимый вальсъ Елены... Оглянулся... Она живая, «похорошѣвшая» приближалась...

— Я знала, что вы сегодня придете, произнесла она сжатымъ голосомъ. Была минута, когда мнѣ показалось, что все происходящее вокругъ есть продолженіе сна. Но это было на самомъ дѣлѣ. Я просидѣлъ у нея до трехъ часовъ утра, и переговорили мы много и о многомъ. Подъ конецъ она сказала, что любитъ другого, и счастлива, что скоро ея свадьба. Я взялъ Елену за обѣ руки, осторожно привлекъ и посадилъ ее на колѣни. Она не сопротивлялась.

— Это не правда, Леля... Ты до сихъ поръ любишь меня и только меня...

— Нѣтъ, не люблю.

— Нѣтъ, любишь.

Я тихо гладилъ ее по волосамъ и нѣсколько разъ поцѣловалъ. Она отвѣтила только на мой послѣдній поцѣлуй, затѣмъ встала и отчетливо произнесла:

— Вы умны, но вы мало знаете. Вы любите жизнь, но не умѣете жить и никогда не будете умѣть... А теперь прощайте. Вижу и чувствую, что намъ больше не нужно видѣться. Еще разъ прощайте.

Я чуть не заплакалъ. Въ эти минуты мнѣ казалось, что я ее люблю и всегда любилъ. Но мое всегда болѣзненное самолюбіе взяло верхъ. Я надѣлъ фуражку, молча поклонился и вышелъ.

Точно пьяный безконечно долго я шелъ до Васильевскаго острова.

Николаевскій мостъ оказался разведеннымъ, а итти черезъ Дворцовый мнѣ не хотѣлось. Я облокотился о гранитную набережную и задумался надъ той сказкой, которой мнѣ показалась сегодняшняя дѣйствительность... Хотѣлось отвѣтить самому

себѣ: какимъ образомъ она сумѣла мнѣ внушить желаніе придти и зачѣмъ это нужно было мнѣ или ей?

Я простоялъ здѣсь около часа и, конечно, не сумѣлъ ничего рѣшить, какъ не умѣю и сейчасъ...

Когда тронулись и загрохотали по наведенному уже мосту первые экипажи, надъ Петропавловской крѣпостью все небо было уже красное. Два узкихъ длинныхъ, лиловыхъ облака легли вдоль горизонта, ихъ прорѣзалъ золотой шпиль собора...

Николай Михайловичъ замолчалъ и опустилъ голову. Линиченко потеръ рука объ руку и произнесъ:

— Сверхъестественнаго въ вашемъ разсказѣ ничего нѣтъ, т.-е. не болѣе, чѣмъ въ работѣ современнаго безпроволочнаго радіотелеграфа... Но вы, вѣроятно, противъ своего желанія, только подтвердили мою мысль, что любовь или соединеніе съ любимымъ человѣкомъ, на всю земную жизнь, не зависитъ отъ насъ самихъ, какъ не зависитъ наступленіе смерти. Я знаю, да знаете, вѣроятно, и вы, людей, покушавшихся на самоубійство два раза подрядъ, но которые живутъ и до сихъ поръ.

— Можетъ-быть, вы и правы. Я три раза дѣлалъ предложеніе Лидіи Георгіевнѣ и каждый разъ получалъ отказъ. А затѣмъ черезъ два года, ей захотѣлось меня увидѣть и совсѣмъ не для того, чтобы объясняться въ любви. И тѣмъ не менѣе мы вотъ скоро собираемся праздновать серебряную свадьбу и за это время не сказали другъ другу ни одного обиднаго слова.

— Да, мнѣ кажется, что я правъ, что моя, какъ вы выражаетесь, «вѣра» создалась не потому, что я нервный, и не потому, что я «человѣкъ безъ завтрашняго дня», а потому что я родился очень наблюдательнымъ... Съ меня мало наблюдать и запоминать внѣшность людей, мало съ меня и заглянуть въ душу человѣческую, мнѣ всегда и вездѣ хочется еще узнать и запомнить тѣ законы, которыми управляется наша жизнь. И кажется мнѣ, что одну треть этихъ законовъ я уже узналъ и понялъ, а остальныя двѣ трети въ теченіе какихъ-нибудь ста лѣтъ узнаютъ и поймутъ тѣ, которые будутъ жить послѣ меня.

V.

Линиченко, съ каждымъ днемъ, началъ просыпаться все раньше и раньше. Ему нравилось ходить взадъ и впередъ по саду и смотрѣть на еще покрытые росой деревья и цвѣты. А цвѣтовъ по саду Николая Михайловича было много: однѣхъ розъ

около десяти сортовъ, были среди нихъ и почти черныя съ синеватымъ отливомъ и блѣдно-коричневыя. Точно огромныхъ размѣровъ фіалки выдѣлялись на фонѣ темно-зеленой елочкой-ярко-лиловыя цвѣты climatis'а. Только-что распустился жасминъ.

Личиненко остановился возлѣ клумбы съ анютиными глазками, опустилъ голову и внимательно разсматривалъ ихъ: синіе, темно-красные, голубые, ярко-желтые...

Онъ думалъ:

«И откуда у Николая Михайловича,—заводчика, собственно говоря, интеллигентнаго рабочаго, такая любовь къ цвѣтамъ и гдѣ онъ достаетъ ихъ? Холодные и ни во что невѣрующіе люди не любятъ цвѣтовъ. И садовникъ Сергѣй, вѣроятно, хорошій, сердечный человѣкъ, вѣдь это дѣло и его рукъ...»

Линиченко вспомнилъ коричневое, съ впалыми щеками лицо и какъ будто дѣтскіе глаза Сергѣя и подумалъ, что этотъ человѣкъ, вѣроятно, недолго проживетъ, а Люба, о здоровьѣ которой такъ хлопочутъ мать и родные, выйдетъ замужъ и дождется внуковъ...

Николай Михайловичъ въ этотъ день тоже всталъ рано, выпилъ свою порцію киссингенской воды и пошелъ бѣгать по дорожкѣ сада. Увидѣлъ художника и улыбнулся.

Поздоровались.

— А я думалъ, что вы, какъ городской житель, любите поспать утромъ,—сказалъ Николай Михайловичъ.

— Когда я жилъ въ городѣ—я былъ городской, а теперь я тоже деревенскій.

— Ну, а какъ вамъ спалось?

— Отлично. Хотя я легъ еще не сейчасъ. Послѣ нашихъ вчерашнихъ искреннихъ и, собственно говоря, нелѣпыхъ разговоровъ, мнѣ вдругъ стало казаться, что воздухъ кругомъ сталъ чище. И не было этого не страха, а печальныхъ мыслей относительно смерти. Я еще съ полчаса почиталъ новый сборникъ, въ которомъ напечатаны выдержки изъ записной книжки Чехова, и нѣкоторыя изъ нихъ меня очень поразили. Напримѣръ:

«Мнѣ хочется, чтобы на томъ свѣтѣ я могъ думать про эту жизнь такъ: «Это были прекрасныя видѣнія».

— Мнѣ бы тоже этого хотѣлось... Или вотъ еще: «Разговоръ на другой планетѣ о землѣ черезъ тысячу лѣтъ: «помнишь ли ты бѣлое дерево? (березу)»... Послушайте, значитъ, и онъ докторъ, т.-е. почти естественникъ по образованію думалъ объ этихъ вещахъ...

— «Значитъ...—коротко отвѣтилъ Линиченко.

Пошли назадъ къ дому и сѣли на верандѣ. Горничная Поля стала накрывать столъ. Впереди Сергѣй на колѣняхъ лазилъ по доскѣ надъ клумбой и поправлялъ какіе-то, по его мнѣнію, дефекты.

Въ десятомъ часу вышла, поцѣловала мужа и начала разливать кофе Лидія Георгіевна. Косымъ, какъ будто ревнивымъ взглядомъ она посмотрѣла на человѣка «безъ завтрашняго дня», и вдругъ этотъ взглядъ сталъ мягкимъ и спокойнымъ, даже ласковымъ. Женскимъ чутьемъ она угадала, что мужъ сегодня оттого такой веселый и бодрый, что говоритъ съ этимъ человѣкомъ.

Еще черезъ полчаса появились Екатерина Александровна и ея дочь Люба, о здоровьѣ которой всегда безпокоились. Сегодня на ихъ лицахъ уже не было ни тревоги, ни усталости... Люба вдругъ разсмѣялась красивымъ груднымъ смѣхомъ и сказала:

— Никакъ не могу убѣдить маму, что летать на аэропланѣ совсѣмъ не страшно, летала и еще буду летать.

— Ну, и убьешься,—сказала мать.

— За то не умру чахоткой,—отвѣтила барышня.

— Если не суждено, такъ не убьется,—сказалъ Линиченко.

— А вы, господинъ художникъ, опять за свое?—произнесъ Николай Михайловичъ.

— Опять и всегда, а теперь спасибо за кофе, пойду до завтрака поработаю.

Онъ всталъ и, раскачиваясь на ходу, направился къ флигелю.

— Странный господинъ, но съ нимъ не скучно, — сказала ему вслѣдъ Люба.

Скоро ушелъ на заводъ и Николай Михайловичъ.

Послѣ завтрака всѣ ѣздили въ лѣсъ и вернулись поздно, поэтому и обѣдаютъ поздно—въ девятомъ часу, а послѣ обѣда еще долго сидѣли на верандѣ и разговаривали.

Одинъ Миша ушелъ въ гостиную, сѣлъ за рояль и снова заигралъ свою любимую шестую симфонію Чайковскаго. Николай Михайловичъ съ наслажденіемъ слушалъ музыку сына и думалъ:

«Значитъ, и въ печали можетъ быть красота. Сейчасъ играетъ не только Миша, но и самъ Чайковскій, потому что не Миша, а онъ написалъ эти ноты. Значитъ, смерть не полное уничтоженіе... Значитъ, въ словахъ и «вѣрѣ» «безъ завтрашняго дня» есть доля какой-то огромной, но еще не открытой истины.

Николаю Михайловичу снова показалось, что воздухъ вокругъ сталъ еще чище и еще нѣжнѣе.

Борисъ Лазаревскій.

БѢЛЫЯ НОЧИ.

Романъ Іогана Бойера.

(Продолженіе) [1]).

IX.

Нѣсколько дней спустя Юргенъ Гольтъ вернулся домой въ такомъ чудесномъ расположеніи духа, что даже насвистывалъ пѣсенку—не могъ удержаться, чтобы не насвистывать. Онъ встрѣтилъ—опять-таки случайно—еще разъ встрѣтилъ Астридъ Рійсъ и, когда онъ, набравшись храбрости, предложилъ ей вечеромъ предпринять прогулку на Холменколленъ, она согласилась.

— Ого!.. Юргенъ Гольтъ, наконецъ-то и ты идешь на рандеву—въ первый разъ въ жизни...

Была пора экзаменовъ; онъ работалъ съ утра до ночи; отъ жары воздухъ въ квартирѣ былъ еще удушливѣе обыкновеннаго; дѣти приставали къ нему, допытываясь, поѣдутъ ли они на дачу; въ глазахъ Сельмы онъ читалъ тотъ же нѣмой вопросъ; а двѣ его рукописи, валявшіяся въ ящикѣ письменнаго стола, ни на одну строчку не подвинулись впередъ. Почему? Потому ли, что у него не хватило мужества взяться за работу? Или время ушло? Нѣтъ, но, когда, вечеромъ, покончивъ съ обязательнымъ трудомъ, онъ усаживался за письменный столъ, утомленный мозгъ не слушался, и горькія мысли одолѣвали его. Онъ опирался подбородкомъ на руку, устремляя взоръ въ одну точку и забывался въ радужныхъ грезахъ, рисовавшихъ ему красавицу-дѣвушку съ золотыми волосами—воплощеніе молодости, которой ему не суждено было пережить самому и отраженнымъ свѣтомъ которой онъ жилъ теперь. И вотъ, наконецъ... завтра...

[1]) См. іюнь, стр. 159.

Впервые въ жизни онъ вернулся домой съ радостью, которую необходимо было скрыть. За столомъ фру Сельма освѣдомилась:

— Что съ тобою случилось, Юргенъ?

— Ничего. А что?

— У тебя такой сіяющій видъ.

Фру Сельма, какъ и раньше, каждый день ждала маленькаго чуда,—назначенія мужа ректоромъ, или профессоромъ университета. Вѣдь должна же когда-нибудь и имъ выпасть удача,—вѣдь выпадаетъ же она другимъ...

На другой день она спросила:

— Ты нездоровъ былъ ночью, Юргенъ?

— Нездоровъ? Откуда ты взяла?

— Ты такъ метался—нѣсколько разъ вставалъ и смотрѣлъ въ окно—какая погода на дворѣ.

Это была правда. Онъ всю ночь, какъ гимназистъ, мучился опасеніемъ, какъ бы завтра не пошелъ дождь. Потому что въ дурную погоду *она* не придетъ на условленное мѣсто встрѣчи.

Утро въ школѣ тянулось такъ медленно; а дома еще медлительнѣй. Боже мой! какъ безконечно иной разъ тянется часъ, когда хочется, чтобъ онъ скорѣе прошелъ. А семейный обѣдъ, за которымъ дѣти капризничаютъ, пачкаютъ себѣ физіономіи, не хотятъ ѣсть, и надо ихъ уговаривать—да это цѣлая вѣчность... Гольтъ сдерживалъ свое нетерпѣніе, даже шутилъ съ младшей дочкой Сюзанной, и давалъ добрые совѣты относительно завтрашняго экзамена старшему сыну; онъ даже терпѣливо выслушивалъ обычныя сѣтованія и жалобы Сельмы на всѣ ея домашнія неурядицы и безденежье... Теперь ему не трудно было слушать ихъ терпѣливо. Черезъ часъ... черезъ полчаса...

Наконецъ, время настало. Онъ сказалъ женѣ, что ему надо идти на школьный праздникъ и по этому случаю принарядиться. Но, передъ уходомъ, уже совсѣмъ готовый, невольно остановился на минуту и оглядѣлъ комнату, гдѣ столько лѣтъ онъ дѣлилъ съ женой всѣ радости и огорченія. Внутренній голосъ шепталъ ему: «Не ходи». Сельма сидѣла тутъ же, за починкой дѣтскихъ штанишекъ; лицо у нея было увядшее, усталое, но въ эту минуту все же радостное, такъ какъ мужъ былъ съ нею милъ и ласковъ. «Не ходи!»—шептало что-то внутри. Но онъ пошелъ.—Ну, одинъ разокъ—куда ни шло. А больше ужъ не надо. Маленькая Сюзанна выбѣжала провожать его на лѣстницу и приставала, чтобы папа взялъ ее съ собой, и до

того разволновалась, что уцѣпилась за ноги отца и волоклась за нимъ. Никогда Гольту не забыть, что ему пришлось силой разжать маленькія ручки, какъ не забыть и пронзительнаго крика дѣвочки, провожавшей его, когда онъ спускался съ лѣстницы. «Куда ты идешь? Зачѣмъ? Почему не хочешь взять меня съ собой»?

И, все же, никогда еще городъ ни казался ему такимъ красивымъ и наряднымъ. Мимо проходили люди все съ такими радостными лицами, и у самого Гольта было какъ бы предчувствіе, что, послѣ столькихъ лѣтъ несправедливостей и незаслуженныхъ обидъ, онъ, наконецъ, вышелъ на дорогу и будетъ за все вознагражденъ.

Въ городскомъ саду онъ присѣлъ на скамью и ждалъ, готовя милыя, веселыя слова, которыми онъ встрѣтитъ молодую дѣвушку, и съ наслажденіемъ вдыхая чистый воздухъ, какъ бы омывавшій его отъ книжной пыли и домашнихъ заботъ. Ему казалось, что съ каждымъ глоткомъ онъ молодѣетъ и свѣжѣетъ... Но что же она не идетъ?

Мимо прошли двое знакомыхъ—адвокатъ и докторъ, оба соціалисты, и раскланялись. Гольтъ сконфузился. Докторъ остановился на минутку и спросилъ:

— Почему ты не былъ на рабочемъ праздникѣ въ Кампенѣ?

— Экзамены, братъ. Работы гибель.

И у Гольта невольно вырвался жестъ, показывавшій, что ему не до разговоровъ.

Оба пріятеля сѣли на трамвай и скрылись изъ виду.

Неужели она не придетъ? Но даже это безпокойство было для него наслажденіемъ, вѣяло на него молодостью. Это не было ни огорченіе по поводу общественной несправедливости, ни денежныя заботы, ни зависть къ болѣе преуспѣвающимъ коллегамъ, нѣтъ, это было нѣчто болѣе чистое и сладостное... Вотъ какъ будто *ея* фигура мелькнула въ далекѣ—нѣтъ, ошибка. А теперь ужъ навѣрное, она—онъ узнаетъ ея шляпу—тамъ, въ самомъ концѣ улицы... Нѣтъ, опять ошибка, это не она... И вдругъ... Она передъ нимъ, раскраснѣвшаяся, запыхавшаяся—она такъ торопилась...

— Вы долго ждали? Я не могла прійти раньше.

Она была въ свѣтломъ шерстяномъ платьѣ, съ кожанымъ поясомъ, въ бѣлой легкой шляпѣ на золотистыхъ волосахъ. Они рѣшили ѣхать въ трамваѣ до Слемдаля, а оттуда итти пѣшкомъ. И по пути, въ набитомъ биткомъ вагонѣ, говорили о праздникѣ въ Бюгдэ, на которомъ было такъ весело и занятно...

Вмѣстѣ съ толпой другихъ гуляющихъ, они поднялись по тропинкѣ, ведущей въ лѣсъ, и затѣмъ, остались одни. Съ обѣихъ сторонъ тропинки, сквозь густую листву деревьевъ, просвѣчивали бѣлыя и темныя дачи; алѣли на солнцѣ высокіе стволы сосенъ и елей; надъ головами ихъ рѣяли птицы, описывая круги.

— А я заранѣе радовалась, что вы разскажете мнѣ сегодня о своей работѣ,—говорила Астридъ.—Вѣдь вы мнѣ обѣщали разсказать, какъ вы проводите день. Или вы это въ шутку?

— Да, въ шутку.

— Вы, очевидно, считаете меня слишкомъ глупой, чтобы говорить со мной о своей работѣ.

— Вотъ именно. И слишкомъ много думающей о себѣ.

— Спасибо!

И оба засмѣялись. Ихъ болтовня напоминала щебетанье птицъ... Какъ они за это время сдружились! Пошли они, само собой, лѣсной тропинкой, гдѣ итти надо было почти прижимаясь другъ къ другу: мѣстами сводъ вѣтвей надъ ними былъ такъ низокъ, что приходилось нагибаться.

— Мнѣ нельзя уходить такъ надолго,—говорила Астридъ.—Мой отецъ неважно чувствуетъ себя всѣ эти дни.

— Да вѣдь мы только-что вышли.

«Какъ она на меня смотритъ!» думалъ Гольтъ. И съ болью въ сердцѣ вспоминалъ, что у него сѣдые волосы и старое лицо. Надо показать ей что-нибудь покрасивѣе и помоложе.—Что онъ теперь пишетъ?—Книгу о божественномъ Цезарѣ Борджіа и собирается написать другую—о Данте. Въ сущности, этотъ красивый хищникъ, сынъ Папы, имѣлъ много общаго съ пѣвцомъ неба и ада... Гольтъ фантазировалъ экспромптомъ; слова лились сами собой; голосъ его звучалъ такъ тепло, такъ музыкально...

Что за чудесная прогулка! Каждый разъ, какъ онъ разсказывалъ ей какую-нибудь занятную исторійку, ему казалось, что онъ извлекъ изъ сокровищницы своей памяти запыленный алмазъ, который стоило только потереть, чтобы на немъ заигралъ свѣтъ. И этотъ алмазъ онъ преподносилъ своей юной спутницѣ, сожалѣя лишь о томъ, что онъ не крупнѣе, не красивѣе. Потомъ они отдыхали среди цвѣтущихъ полей вереска, и, въ то время, какъ Астридъ, склонивъ головку, задумчиво обвивала вокругъ своего пальца стебель травы, Гольтъ, растянувшись на землѣ, подложивъ руки подъ голову, разсказывалъ ей романъ Элоизы и Абеляра. Небо надъ верхушками деревьевъ

было такое высокое, такое синее, кругомъ лѣсъ, рядомъ съ нимъ молодая дѣвушка, и возлѣ нея онъ снова былъ двадцатилѣтнимъ юношей-поэтомъ.

Когда они вернулись въ городъ, онъ почтительно пожалъ ей руку на прощанье и съ грустной улыбкой сказалъ:

— Спасибо вамъ. За все лѣто это—моя первая прогулка... Можетъ быть, вы еще какъ-нибудь подарили бы мнѣ эту радость. Хотите.

Волнуясь, онъ смотрѣлъ на ея губы.

Дѣвушка отвѣтила, какъ бы говоря сама съ собой:

— Теперь мнѣ больше и не съ кѣмъ гулять. Отецъ всегда ходитъ одинъ...

— А... ваши друзья... фрекенъ Бангъ—и Рейдаръ?.. и...

— Ну, прощайте. Доброй ночи.

Она круто повернулась и пошла.

А затѣмъ пошли прогулки, уже по уговору—цѣлый рядъ экскурсій въ окрестности, и почти каждый день для Гольта былъ полонъ сладостныхъ волненій ожиданія. То Астридъ обѣщала ему новую прогулку, о которой онъ мечталъ заранѣе, то онъ надѣялся встрѣтить ее—какъ бы случайно—въ тотъ часъ, когда она выходила изъ конторы, и проводить ее до дому. Походка его стала болѣе легкой, аппетитъ улучшился; теперь препятствія и трудности уже не казались ему непреодолимыми. Уходя изъ дому и возвращаясь, онъ теперь всякій разъ тихонько насвистывалъ.

И не замѣчалъ, что его юная спутница все время была, какъ во снѣ, и подчасъ предлагала вопросы, не имѣющіе никакого отношенія къ предмету разговора или къ его разсказу.

Каждый разъ, въ ожиданіи встрѣчи съ Голотомъ, Астридъ говорила себѣ, что онъ могъ бы дать ей хорошій совѣтъ. Но, какъ только здоровалась съ нимъ, чувствовала, что у него просить совѣта невозможно. Да и не только съ нимъ —ни съ кѣмъ на свѣтѣ она не посмѣла бы заговорить объ этомъ...

Она пыталась вышутить подозрѣніе, мелькнувшее въ ея умѣ, когда она вальсировала съ генераломъ, но оно слишкомъ гармонировало съ различными намеками ея отца, которые теперь всѣ сразу вспоминались ей и которые она непрерывно перебирала въ своемъ умѣ.

И это еще углубляло пропасть, отдѣлявшую отъ Рейдара. Достаточно и того, что генералъ испортилъ карьеру ея отцу. Но послѣ такой обиды... пойти къ старику и сказать ему: «Я

люблю сына этого человѣка»...—нѣтъ, нѣтъ, никогда у нея на это не хватитъ духу.

Портретъ матери по-прежнему висѣлъ у нея въ комнатѣ, и порою Астридъ хотѣлось повернуть его лицомъ къ стѣнѣ; порою же она пыталась оправдать покойную. Эта умершая женщина за послѣднее время стала такъ близка ей, стала ея совѣстью, ея внутреннимъ голосомъ, которому дѣвушка вѣрила безусловно... И вотъ теперь—она какъ будто сама сдѣлалась соучастницей ея вины, давней обиды, нанесенной ею отцу... и, когда, за столомъ она встрѣчала взглядъ отца при видѣ этихъ утомленныхъ старческихъ глазъ съ красными ободками, она опускала голову, словно стыдясь.

Ига Бангъ вполнѣ серьезно хотѣла поступить къ ней въ услуженіе въ качествѣ приходящей, но Астридъ такъ упорно противилась этому, что ея подруга обидѣлась и ушла. «Ну, и отлично,—говорила себѣ Астридъ.—Это означаетъ разрывъ со всей семьей — и превосходно. По крайней мѣрѣ, теперь все кончается».

Наступили іюльскія жары; всѣ разъѣхались по дачамъ, и даже капитанъ далъ себѣ маленькій отдыхъ. Сидя передъ развернутой на столѣ картой и покуривая добавочную трубочку, не въ очередь, онъ слѣдилъ за маневрами, о которыхъ печатались въ газетахъ подробные отчеты. Воткнутыя въ карту булавки, которыя онъ переставлялъ съ одного мѣста на другое, изображали собою солдатъ. Но, случалось, онъ отталкивалъ отъ себя карту и вскакивалъ, засовывая руку подъ воротникъ, сердито бормоча:

— Глупости! Вздоръ! Какой толкъ во всемъ этомъ?

И безъ конца шагалъ по комнатѣ изъ угла въ уголъ.

Послѣ обѣда Астридъ усаживалась возлѣ него, съ шитьемъ, пряча подъ своими полуопущенными рѣсницами свои мысли, свою напряженную душевную жизнь, невѣдомую отцу.

«Такъ, значитъ, ты его любила, мама... того, другого? Не могла удержаться, чтобъ не полюбить»?...

И мысли ея летѣли вслѣдъ за матерью, юной, прекрасной, въ свѣтломъ платьѣ спѣшившей на преступное свиданіе... но —странное дѣло!—вмѣсто генерала она видѣла рядомъ съ матерью—Рейдара.

Потомъ вскидывала изъ-подъ рѣсницъ задумчивый взглядъ на старика, шагавшаго по комнатѣ. Онъ можетъ прожить еще двадцать лѣтъ. А она... она будетъ жить все такъ же, тутъ вотъ, около него—и кончитъ, всего вѣрнѣе, богадѣльней.

Единственнымъ развлеченіемъ ея были теперь встрѣчи съ Гольтомъ, но, идя на прогулку съ нимъ, она каждый разъ силилась вообразить себѣ, что ее ожидаетъ Рейдаръ. И дома, и въ конторѣ, она волей-неволей вынуждена была дѣлать свою обычную работу, но жила она все время въ какомъ-то полусонномъ состояніи, въ которомъ мечта и дѣйствительность сливались воедино. Одѣваясь въ кухнѣ, она говорила себѣ: «Сегодня я увижусь съ *нимъ*». И силилась принарядиться и даже на ночь мазала глицериномъ руки, а выходя, пудрила ихъ, чтобъ онѣ не были такъ красны, но, когда ея спутникъ подходилъ къ ней...—увы! онъ оказывался все тѣмъ же Гольтомъ.

Однажды, послѣ обѣда, когда капитанъ отдыхалъ въ своей комнатѣ, въ кухню постучался ея братъ, давно ужъ не заглядывавшій къ нимъ. Войдя, онъ, прежде всего, снялъ съ себя непромокаемый плащъ, подъ которымъ не было ни куртки, ни жилета. Онъ былъ грязенъ, небритъ, въ разорванныхъ башмакахъ, и отъ него разило водкой.

— Чортъ побери! Что ты такъ на меня смотришь? Я сегодня одѣтъ по-парадному и чувствую себя прекрасно. Какъ поживаетъ почтенная фамилія?

— Тссъ! не говори такъ громко. Гдѣ ты пропадалъ все это время?

Астридъ смотрѣла на брата широко раскрытыми глазами, къ которымъ невольно подступали слезы, и машинально искала взглядомъ, за что бы ухватиться. Видя, какое впечатлѣніе произвелъ его приходъ, Иваръ сухо освѣдомился:

— Прикажете убираться вонъ?

— Нѣтъ, нѣтъ. Поѣшь чего-нибудь. Сейчасъ я дамъ тебѣ. Но, ради Бога, будь остороженъ—не разбуди его.

Молодой человѣкъ съ жадностью съѣлъ все, что подала ему сестра; рыжіе волосы его путанными космами падали на лобъ; подъ глазами отчетливо выступали синіе круги. Упрекать его, молить, пытаться спасти... — ото всего этого Астридъ давно отказалась.

— А что старикъ? Катается, должно быть, какъ сыръ въ маслѣ, съ тѣхъ поръ, какъ я исчезъ съ его горизонта?

— Послѣднее время онъ часто уходитъ изъ дому... и я думаю, что онъ разыскиваетъ тебя, хоть и не сознается въ этомъ.

— Ха-ха-ха... пусть поищетъ... А ты, Астридъ?.. Скажи: ты все еще разговариваешь съ матерью? Что же она тебѣ теперь разсказываетъ?

Астридъ отвернула голову къ окну, не отвѣчая.

— Тебѣ не кажется, что души мертвыхъ иной разъ сливаются съ душами живыхъ? Ну, не странно ли, напримѣръ, что ты такъ удивительно похожа на покойницу-маму. Ты хоть немного помнишь ее?

— О, да.

— Когда насъ привели къ ней въ послѣдній разъ... ты помнишь, какъ она взяла насъ за руки и улыбнулась?.. Помнишь ты ея улыбку?

Астридъ отвѣтила не сразу, глухимъ голосомъ:

— Въ сущности, это единственное мое отчетливое воспоминаніе о ней.

— Ну такъ вотъ. Развѣ не странно, что у тебя такая же улыбка? И та же манера слегка оттопыривать указательный палецъ, когда ты подаешь руку. Я отлично помню у нея этотъ жестъ. Какъ ты это объяснишь?

Астридъ закрыла глаза и улыбнулась... и, помимо воли, безсознательно пошевелила пальчикомъ.

— Да ты скажи, откровенно, сестренка... ты знаешь, отчего умерла мама?

Астридъ раскрыла глаза.

— Послушай, Иваръ... Ты однажды уже предлагалъ мнѣ этотъ самый вопросъ. Что ты себѣ вообразилъ?

— Вообразилъ?.. Нѣтъ, не вообразилъ, а знаю. Но мы хотѣли пощадить тебя.

Она еще шире раскрыла глаза и шагнула къ брату.

— Какъ? Что такое? Что ты такое говоришь?

Иваръ положилъ на столъ ложку и ладонью вытеръ ротъ.

— Такъ какъ я намѣреваюсь пуститься въ дальній путь и безъ обратнаго билета, пожалуй, лучше тебѣ узнать это. Тебѣ извѣстно, что мама была родомъ изъ Нордланда?

— Да, я знаю.

— Морская птица, дитя вѣтра и бури. И подумать только, что она вышла замужъ за отца! Она раскачивалась въ гамакѣ вмѣсто того, чтобы штопать чулки, брала воздушныя ванны, когда дулъ холодный сѣверный вѣтеръ, и играла на флейтѣ въ то время, когда отецъ жаловался, что онъ получаетъ мало жалованья. А когда люди шли въ церковь, она сидѣла у окна и молилась солнцу.

Астридъ присѣла на скамью и закрыла глаза. Почему все это такъ ей знакомо?.. Слышала она это уже?... или ей снилось?.. или ей самой хотѣлось бы поступать такъ же?

— Откуда ты все это знаешь?

— Отъ одного обанкротившагося негоціанта—онъ родомъ съ запада,—когда-то онъ былъ друженъ съ мамой—потомъ попалъ на каторгу—шикарный типъ!

— Но вѣдь она уже умерла отъ воспаленія легкихъ.

Астридъ уставилась на брата широко раскрытыми глазами.

— Отъ воспаленія легкихъ?.. Ничего подобнаго. Тутъ, несомнѣнно, былъ романъ — конечно, внѣ супружества. Старый задавилъ ея душу, но темперамента онъ задавить не могъ. Короче говоря, это кончилось попыткой утопиться во время прогулки на парусной лодкѣ. Но ее вытащили. Она слегла въ постель; позвали доктора, и оказалось, что она, въ извѣстномъ положеніи—и слухи объ этомъ уже пошли среди знакомымъ... Прикажешь продолжать?..

Не отвѣчая, Астридъ подошла къ окну, но, хотя взоръ ея былъ устремленъ въ пространство, она видѣла передъ собою свою мать.

— Спасибо за ѣду. Въ слѣдующій разъ, какъ приду, я побываю у него и сведу съ нимъ счеты. Но, берегись, какъ бы онъ и тебя не погубилъ. Одинъ мудрецъ изъ Фатерланда [1]) говоритъ, что нѣкоторые люди отбрасываютъ отъ себя отравленную тѣнь. Прощай.

Астридъ слышала, какъ затворилась за нимъ дверь, но не повернулась, не открыла глазъ. Она душой переживала загубленную жизнь своей матери. И снова ей казалось, что она гдѣ-то уже слыхала это... или видѣла во снѣ... или, можетъ быть, способна была пожелать, чтобы это случилось съ нею. Она провела рукой по лбу, словно силясь разбудить себя. Судьба ея матери—это была бездна, притягивавшая и ее; она наклонялась надъ этой бездной, заглядывала туда и чувствовала, что, если она не возьметъ себя въ руки, та же участь ждетъ и ее.

Когда послѣ этого она встрѣтилась съ Гольтомъ, онъ былъ пораженъ ея блѣдностью и участливо сказалъ:

— Надѣюсь, вы не слишкомъ много работаете, фрекенъ, въ эту жару?

— Я... о нѣтъ! Я теперь лѣнюсь. Сегодня, напримѣръ, я разыскала флейточку, доставшуюся мнѣ въ наслѣдство отъ матери, и, когда отецъ началъ жаловаться, что мы тратимъ слишкомъ много денегъ, попробовала играть на ней... Кстати, не можете ли вы

---

[1]) Одинъ изъ самыхъ бѣдныхъ кварталовъ Христіаніи.

раздобыть гдѣ-нибудь парусную лодку? Прокатились бы мы, для разнообразія по фіорду.

— Это совсѣмъ не трудно. У моего друга Рейдара есть нѣсколько парусныхъ лодокъ.

Астридъ остановилась и потупилась.

— Пожалуй. Только, ради Бога, не говорите ему, что это для меня.

— Нѣтъ, конечно, не скажу. Можете быть покойны.

Тѣмъ лучше, что это будетъ одна изъ лодокъ Рейдара... И, готовясь къ этому первому катанью на парусной лодкѣ, Астридъ болѣе, чѣмъ когда-либо, была увѣрена, что въ лодкѣ она найдетъ Рейдара.

Погода была вѣтреная, фіордъ сѣрый, небо пасмурное; паруса сразу надулись, и Астридъ все время лежала на днѣ лодки. Ей хотѣлось погладить борта — вѣдь, это *его* лодка. Такъ пріятно было ѣхать въ ней—словно кто-то сильный и ласковый взялъ ее на руки и тихонько укачивалъ, какъ ребенка.

Вѣтеръ вдругъ улегся, паруса вяло повисли; лодка стала, и Гольтъ, чтобы занять свою даму, началъ что-то разсказывать. Онъ говорилъ красиво, и Астридъ восхищалась картинами, которыя онъ передъ нею высказывалъ, но про себя думала: «Я увѣрена, что Рейдаръ разсказываетъ еще лучше.» У Рейдара голосъ тоже пріятный, и въ волосахъ не просвѣчиваетъ сѣдина; о нѣтъ!—онъ — герой, разрѣзающій воздухъ на лыжахъ; его могучее тѣло такъ красиво вырисовывается на свѣту, на вершинѣ горы. А любитъ онъ, все-таки, ее, Астридъ... Какъ-то ему живется теперь? Хорошо или плохо? Можетъ быть, онъ несчастенъ—изъ-за нея?.. Не написать ли ему?.. Сама того не замѣчая, она прислонилась щекой къ борту лодки. Гольтъ, сидѣвшій напротивъ нея, казался ей похожимъ на Рейдара; еще сегодня, можетъ быть, онъ шелъ съ нимъ рядомъ, одеждой своей дотрагивался до его одежды..—и ей хотѣлось провести рукой по его рукаву. Она ловко навела разговоръ на Рейдара, выразилась о немъ неодобрительно и, когда Гольтъ принялся защищать его, она готова была поцѣловать эти уста, восхвалявшія того, кого она любила.

Едва-ли можно было позавидовать Юргену Гольту, вынужденному сидѣть спокойно возлѣ этой красивой дѣвушки, въ небрежной позѣ лежавшей на подушкахъ. Но онъ всегда былъ остороженъ, зная, что, если напугать ее, все будетъ кончено. Да и чего же, собственно, онъ добивался?..

Дома, бесѣдуя съ женой, онъ, несмотря на всѣ старанія,

не могъ удержаться, чтобы не представить себѣ юнаго личика Астридъ... и тогда его лицо озарялось невольною улыбкой, и фру Сельма, польщенная, сама улыбалась ему. Онъ цѣловалъ жену... воображая, что съ нимъ другая женщина, и его поцѣлуи становились такими жаркими и страстными, что волновали и эту старѣющуюся женщину, уже забывшую о страсти. Порой, когда она сидѣла за шитьемъ, или починкой, Юргенъ садился рядомъ съ нею и говорилъ ей такія ласковыя слова, какихъ она отъ него не слышала даже, когда была невѣстой. Но бывало и такъ, что онъ неожиданно вскакивалъ и уходилъ, сконфуженный, говоря себѣ: «Да что же это такое, наконецъ. Ты репетируешь съ женою то, что̀ будешь говорить... другой».

Жизнь Юргена Гольта стала много пріятнѣй прежней. До этихъ поръ онъ по цѣлымъ днямъ читалъ газеты—теперь онѣ казались ему ненужными, неинтересными. «Вся эта ерунда только закрывала отъ меня солнце и звѣзды, когда я былъ молодъ, говорилъ онъ себѣ.—Будетъ ужъ! Достаточно.» И онъ почти пересталъ заглядывать въ газеты. Зато началъ заботиться о своей внѣшности, каждый день бралъ ванну, растирался жесткимъ полотенцемъ, бѣлье носилъ только ослѣпительной бѣлизны. Ему чудилось, что все время на него смотрятъ юные прекрасные глаза—нельзя же ихъ разочаровывать.

Однажды, увидавъ, что жена утюжитъ его брюки, онъ сконфузился, и ласково обнявъ ее за талію, сказалъ:

— Зачѣмъ ты это, милая, сама?.. велѣла бы служанкѣ.

— Да, какъ же. Послѣ нея ты бы и не надѣлъ ихъ.

Онъ горячо расцѣловалъ жену... а самъ въ это время думалъ о томъ, что, можетъ быть, когда-нибудь его брюки будетъ утюжить... другая.

Но, все же, добылъ денегъ, чтобъ отправить жену и дѣтей на дачу, и когда отдалъ ихъ женѣ, фру Сельма даже прослезилась отъ умиленія. Она знала, какого труда это ему стоило. Дѣти тоже были въ восторгѣ, и Юргенъ Гольтъ уснулъ въ этотъ вечеръ обожаемымъ отцомъ.

Теперь онъ всегда возвращался домой въ прекрасномъ настроеніи, и это отражалось, въ свою очередь, на настроеніи фру Сельмы. Она уже не распускалась, какъ прежде, больше слѣдила за порядкомъ въ домѣ, находила время завиться и къ обѣду надѣть свѣтлую блузку; дошло до того, что иной разъ она даже садилась за піанино, пытаясь воскресить полузабытые таланты.

— Бѣдный Юргенъ!—говорила она себѣ.—Онъ работаетъ

съ утра до ночи, а я—я даже не стараюсь сдѣлать его домашній очагъ пріятнымъ для него.

Дома онъ, разумѣется, не говорилъ объ Астридъ. Но все время думалъ о ней, и нерѣдко, обвивая рукою талію жены, говорилъ ей о томъ, какой яркой и плодотворной можно сдѣлать жизнь.

За нѣсколько дней до отъѣзда на дачу, фру Сельма сидѣла въ дѣтской. Дѣти уже легли спать, а она сидѣла надъ ними и отдыхала послѣ трудной битвы. За то, что мужъ такъ чудесно относился къ нимъ послѣднія недѣли, она рѣшила сдѣлать ему поистинѣ царскій подарокъ—къ несчастью, не только за свой счетъ, но и за счетъ дѣтей. Разумѣется, дѣтишки огорчились, плакали, пришлось разбить всѣ ихъ ребячьи мечты и надежды, но мать была стойка и становилась все краснорѣчивѣе, хотя и сама плакала-разливалась вмѣстѣ съ ними...

На другой день, когда Гольтъ вышелъ къ завтраку, маленькая Сюзанна подошла къ нему и подала ему конвертъ.

— Папочка, мы не хотимъ ѣхать на дачу—у тебя мало денегъ—мы лучше въ другой разъ поѣдемъ.

— Что ты такое болтаешь?

Онъ обвелъ ихъ всѣхъ изумленнымъ взглядомъ. У жены лицо было сіяющее, дѣти улыбались, хоть и принужденно—и онъ понялъ.

И вспомнилъ, что еще сегодня, возвращаясь домой, онъ думалъ, гдѣ бы ему раздобыть денегъ на подарокъ Астридъ Рійсъ. Вотъ и деньги нашлись. Ему сдавило горло; рука его, державшая конвертъ, дрожала.

Онъ расцѣловалъ малютку и поблагодарилъ всѣхъ, мысленно говоря себѣ: «Разумѣется, на дачу они все-таки поѣдутъ. Я сегодня же вечеромъ верну Сельмѣ деньги».

Въ тотъ же день у него было назначено рандеву съ другой и, передъ выходомъ, онъ долго сидѣлъ въ своемъ рабочемъ кабинетѣ, обхвативъ голову руками и борясь съ самимъ собой.

— Не хочу... не пойду...—шепталъ онъ.—Я хочу остаться дома, съ своей женою и дѣтьми...

Но, когда пришло время, онъ, все-таки, пошелъ. Сами ноги его понесли.

XI.

Астридъ Рійсъ, стоя на набережной, смотрѣла, какъ подъѣзжала къ ней лодка Рейдара изъ Бюгдэ. Она прекрасно знала что въ лодкѣ ѣдетъ Гольтъ, но сегодня ей было слишком

тяжело и грустно, чтобы считаться съ дѣйствительностью:—нѣтъ, это Рейдаръ ѣдетъ къ ней, и сейчасъ они поѣдутъ кататься вмѣстѣ.

Порою она спрашивала себя: прилично ли это, что она такъ часто бываетъ въ обществѣ женатаго мужчины. И всегда не безъ горечи отвѣчала себѣ: «Ну, да, конечно! Еще и въ этомъ нужно отказать себѣ». Вѣдь это было ея единственное развлеченіе, ставшее особенно заманчивымъ и милымъ въ послѣднее время, когда они катались въ лодкѣ Рейдара, и она воображала себѣ *его* на мѣстѣ Гольта. Фру Гольтъ она никогда не видала, не была съ ней знакома, и, по безмолвному уговору, оба они никогда не упоминали о ней.

Когда лодка вышла изъ гавани, Астридъ, какъ всегда, улеглась на днѣ и стала смотрѣть на небо. Такъ ей всего легче было привести себя въ то полусознательное состояніе, въ которомъ мечта сливается съ дѣйствительностью. То ей грезилось, что она—не она, а ея мать, и молится солнцу... а мигъ спустя она купалась съ Рейдаромъ въ морѣ, возлѣ островка. А потомъ они оба, нагіе, валялись на тепломъ пескѣ, предоставляя вѣтру сушить влажную кожу... Такъ пріятно было облечься въ чистое бѣлье, благоухающее солнцемъ и свѣжимъ морскимъ воздухомъ. А затѣмъ... затѣмъ—они сливались воедино, и далекое небо окутывало своимъ покровомъ и землю, и небо...

Что это? Сонъ, который ей приснился ночью?.. Или это когда-нибудь случится съ нею наяву?..

Это было въ началѣ августа. Свѣтло-синія сумерки окутали фіордъ и холмы; длинное огненно-желтое облако, формой похожее на морскую волну, вырисовывалось на западѣ. Вокругъ, по фіорду скользили парусныя лодки и пароходики; пыхтѣла неподалеку моторная лодка...

Гольтъ въ этотъ вечеръ былъ какъ-то особенно взволнованъ: онъ все время думалъ о домѣ, о своихъ, и въ то же время, отъ каждаго слова, каждаго движенія молодой дѣвушки всѣ нервы въ немъ ходили ходуномъ.

— Скажите, Рейдаръ Бангъ и въ школѣ былъ такой же глупый, какъ теперь?

«Почему она всегда такъ саркастически говоритъ о Рейдарѣ? Что между ними вышло?»—думалъ Гольтъ. Но вслухъ, какъ всегда, поспѣшилъ взять подъ защиту Рейдара.

— Глупъ?.. Рейдаръ?.. Нѣтъ, разумѣется, онъ не глупъ. Кажется, онъ это достаточно ясно доказалъ.

Онъ видѣлъ, какъ Астридъ приподняла голову подъ парусомъ и улыбалась, глядя на его губы.

Вѣтеръ скоро спалъ, и, по мѣрѣ того, какъ надвигались сумерки, фіордъ становился почти бѣлымъ.

— Какъ красиво!—сказала она.

И Гольтъ обрадовался, что она заговорила и можно отвѣтить ей: это все же будетъ исходомъ для душившаго его волненія. Печальнымъ и проникновеннымъ голосомъ онъ отвѣтилъ:

— Да, красиво... и слава Богу, что сумерки у насъ на сѣверѣ не наступаютъ сразу, какъ на югѣ. Я люблю наши долгія скандинавскія сумерки, люблю смотрѣть на небо и слѣдить, какъ медлительно умираетъ день. Помню, въ дѣтствѣ, когда я пасъ стада въ горахъ, мнѣ случалось иной разъ цѣлую ночь не спать... Сижу, бывало, прислонясь головой къ спящей коровѣ, и смотрю, какъ надъ тучей появляется розовая полоска зари. Надвинется другая туча, погаситъ ее, но она борется, проглянетъ то здѣсь, то тамъ... и вотъ уже сгустившіяся тучи облиты словно молочно-желтымъ свѣтомъ, котораго онѣ уже не въ силахъ погасить... а тамъ и все небо, вся земля залиты свѣтомъ. Это словно мучительно долгіе роды, но кончились муки—и все стало веселымъ и радостнымъ...

Онъ сдѣлалъ паузу, какъ бы ожидая реплики отъ своей спутницы. Но она молчала и только проводила рукой по бортамъ лодки, словно лаская ихъ. И онъ продолжалъ:

— Знаете ли вы, фрекенъ, что ваше поколѣніе лучше умѣетъ видѣть красоту, чѣмъ наше, мое? У васъ глаза зорче. Мы росли на Зола, на Ибсенѣ, мы цѣнили только истину, а эта истина была мучительно груба. Теперь мнѣ даже странно думать, что и тогда яблони и сирень каждый годъ цвѣли весной. Мы были поглощены только отвлеченными вопросами, только нашими принципіальными спорами, и во всѣхъ этихъ отвлеченностяхъ не найти было ни единаго зеленаго листка. Только недавно... подумать только, что и мнѣ, наконецъ, суждено было проснуться и узрѣть всю красоту земли!..

Онъ повернулъ голову въ ту сторону, гдѣ, на западѣ, догоралъ желтый закатъ, и глубоко втянулъ въ себя воздухъ, словно упиваясь соннымъ дыханіемъ вечера.

— А спортомъ вы развѣ никогда не занимались? Не катались ни верхомъ, ни на лыжахъ?

Помолчавъ, онъ продолжалъ тѣмъ же тономъ:

— Занимался... помню, однажды вечеромъ, когда я былъ гувернеромъ въ Тотнѣ, я поѣхалъ верхомъ черезъ лѣсъ, на кровной арабской лошади. Какъ сейчасъ вижу пылающее желтыми огнями небо надъ черными холмами; хлѣбъ былъ уже

убранъ въ скирды, и отъ нихъ пахло грибами. Когда я соскочилъ съ лошади, чтобы отпереть ворота, у меня холодъ пошелъ по тѣлу отъ прикосновенія мокраго дерева, а когда ворота захлопнулись, деревянный засовъ, изпадая, далъ такой странный звукъ, словно въ шлюзъ спустили воды... Я проѣхалъ мимо одинокой фермы съ сверкавшими въ лучахъ заката окнами; на дорогѣ стояла женщина, съ серпомъ подъ мышкой, и заслоняла глаза ладонью, чтобы лучше разглядѣть меня. Потомъ я въѣхалъ на лѣсистый холмъ; внизу свѣтился въ темнотѣ красноватымъ свѣтомъ Мьесъ [1]). Помню, лошадь стала, какъ вкопанная, и заупрямилась, не хотѣла итти дальше, словно передъ нею былъ не фіордъ, а окровавленное тѣло... Помню на полѣ жнеца, который посвистывалъ, выпрягая лошадей, и этотъ единственный рѣзкій свистъ былъ для меня въ эту минуту пѣсней сумерекъ...

Помолчавъ, онъ прибавилъ:

— Простите, что я разсказываю вамъ такіе пустяки. Но за эти дни я словно переживаю свою молодость, и многое изъ того, что я тогда пропускалъ безъ вниманія, кажется мнѣ теперь такимъ прекраснымъ и значительнымъ. Вотъ что значитъ быть въ обществѣ молодой женщины. Это не только будитъ радужныя надежды, но и золотитъ воспоминанія.

Онъ осторожно придвинулся къ ней, а она все тѣмъ же машинальнымъ движеніемъ гладила стѣнки лодки.

Изъ мрака выдвинулся огромный пароходъ съ разноцвѣтными огнями на мачтахъ—одинъ изъ тѣхъ плавучихъ дворцовъ, наполненныхъ туристами, населенія которыхъ хватило бы на цѣлый городъ. Гигантская тѣнь надвинулась на нихъ, гоня передъ собою волны пѣны, и проскользнула мимо, высокая, громоздкая съ длинными рядами освѣщенныхъ оконъ, съ нѣсколькими палубами, на которыхъ пассажиры въ лѣтнихъ костюмахъ слѣдили взоромъ маленькія лодочки, вьющіяся подъ ними по темному фіорду. Пароходъ давно уже скрылся, а крохотное ихъ суденышко все еще колыхалось на волнахъ, поднятыхъ его винтомъ. Оба ѣдущіе въ лодкѣ почувствовали себя вдругъ такими ничтожными передъ этимъ колоссомъ; съ минуту они молча смотрѣли другъ на друга, безмолвные, затерянные въ этомъ мракѣ...

— Тамъ было много англичанъ,—сказала Астридъ, вытирая платкомъ лицо, на которое попали брызги пѣны.

— Да... и многіе изъ нихъ вернутся обрученными.

---

[1]) Большое озеро.

Немного погодя теченіемъ ихъ пригнало къ островку, на которомъ изъ освѣщенныхъ оконъ виллы свѣтъ блестящей полосою падалъ на воду. Когда они были уже возлѣ самаго берега, отворилась дверь на балконъ; вышла женщина въ бѣломъ, оперлась руками на перила и стала взглядываться въ темноту. Замѣтивъ лодку, она тревожно, почти шепотомъ спросила:

— Германъ! это ты?

И, немного погодя, опять:

— Германъ, это ты?

— Нѣтъ,—засмѣялся Гольтъ,—это не Германъ.—И женщина поспѣшно скрылась, затворивъ за собой дверь.

Астридъ тоже засмѣялась.

— Она, навѣрно, ждетъ не мужа,—молвилъ Гольтъ.

— Вы думаете?

На мигъ оба заглянули въ чужую жизнь, въ чужой романъ, и безсознательно обоимъ захотѣлось придвинуться другъ къ другу.

Теперь было совсѣмъ темно, и надъ желто-огненною полосой на западѣ высилось сѣро-стальное небо, усѣянное звѣздами.

Гольтъ снова заговорилъ, но нетвердымъ голосомъ; онъ сидѣлъ опершись локтями на колѣни и подбородкомъ на руки.

— Въ этотъ вечерній часъ всюду царитъ любовь. Тамъ молодой человѣкъ и дѣвушка, съ курорта, тайкомъ отъ всѣхъ уѣхали вдвоемъ на лодкѣ; другіе двое вздумали прокатиться по горному озеру—и забыли весла; или же пошли горной тропинкой отъ одного шале къ другому и по пути присѣли отдохнуть... На этомъ самомъ пароходѣ, который прошелъ мимо насъ, сколько было молодежи! Всѣ они ѣдутъ, кто въ какой-нибудь отель въ горахъ, кто на излюбленное мѣсто спорта... но вернутся ли такими, какъ уѣхали? Кто знаетъ, какія шутки сыграетъ съ ними маленькій невидимый божокъ гдѣ-нибудь за кустомъ, или на какомъ-нибудь островкѣ, затерянномъ посреди озера, или же въ одинокой лодкѣ, скользящей по его водамъ... Потомъ эти двое разойдутся и, быть можетъ, никогда больше не встрѣтятся, и оба съ нѣжнымъ волненьемъ будутъ вспоминать объ этомъ, даже когда одна станетъ матерью семейства, а другой—мужемъ и главою дома.

— Да. Если бъ хоть немного пожить въ деревнѣ!—невольно вздохнула Астридъ.

— Это правда. Мы съ вами все въ городѣ, да въ городѣ...

На мигъ сознаніе одинаковой бѣдности объединило ихъ. Наступило долгое молчаніе.

Затѣмъ Гольтъ заговорилъ снова:

— Но чаще мнѣ представляется лунный вечеръ и небольшая лодочка, покачивающаяся на волнахъ озера. Дама попросила молодого человѣка перевезти ее на тотъ берегъ. Съ берега пахнетъ сѣномъ и спѣлыми плодами; онъ пересталъ грести; онъ вдыхаетъ запахъ ея платья и ея теплой кожи. Вотъ какъ я... Что же происходитъ?—Ничего... И, потомъ, поднимаясь на гору на противоположномъ берегу, они идутъ рука съ рукой и, оглядываясь на озеро, шлютъ ему прощальный поцѣлуй... А потомъ скрываются, а озеро, зеркало любви, остается на мѣстѣ и ждетъ новой парочки... Проходятъ годы; оба старѣются и умираютъ, не выдавъ нѣжной тайны, которую они хранятъ въ сердцахъ.

Астридъ закрыла глаза—она такъ живо переживала все это—и такъ близка въ эту минуту была ей душа ея матери. Помолчавъ, она спросила:

— Гдѣ мы?

— Возлѣ острова Робинзона, необитаемаго острова. Вы когда-нибудь видѣли его при свѣтѣ звѣздъ?

Она не отвѣтила; лишь глубоко втянула въ себя воздухъ и откинулась назадъ. Изъ мрака вѣяло тепломъ и тревогой; всѣ другія лодки были далеко, а они подъѣзжали къ берегу необитаемаго островка.

Гольтъ съ неожиданнымъ усердіемъ налегъ на весла. Куда онъ такъ спѣшитъ?.. Онъ правилъ къ островку. Зачѣмъ? Онъ слышалъ только біеніе своего сердца, но ему казалось, что онъ слышитъ и біеніе сердца своей спутницы. Лодка толкнулась носомъ о берегъ; онъ выскочилъ и вытащилъ на песокъ лодку.

— Зачѣмъ вы это?—разсѣянно спросила Астридъ.

Вмѣсто отвѣта, онъ протянулъ ей руку; съ минуту она колебалась, потомъ взяла его руку и прыгнула на берегъ. Ноги ихъ слегка вязли въ мягкомъ пескѣ; тѣни ихъ бѣжали впереди; оглядываясь, они видѣли передъ собой желтое, блестящее облако на западѣ.

— Это мы—вы и я,—сказалъ онъ, указывая на двѣ тѣни, бѣжавшія впереди.

Астридъ принужденно засмѣялась.

— Да, мы—но это могли быть и... другіе.

— Какая прелесть!—блуждать по необитаемому острову съ молодой и красивой женщиной. Подумать только, что это случилось со мной...—со мною...

Онъ, не задумываясь, взялъ ее за руку.

Она остановилась, словно прислушиваясь. Кто это сказалъ?

Его ли это голосъ, или голосъ другого? Да, правда, повсюду въ этотъ часъ царитъ любовь... но съ ней никогда ничего не случится... для нея нѣтъ приключеній... ей суждено окончить свою жизнь въ богадѣльнѣ...

— Сядемъ здѣсь,—сказалъ онъ.

Она оглядѣлась вокругъ, сѣла и сейчасъ же вытянулась на мягкомъ пескѣ, поросшемъ верескомъ, положивъ руки подъ голову. Смотрѣла на звѣзды и думала: «Если бъ теперь съ нею былъ Рейдаръ!.. Но, вѣдь, это онъ и есть—конечно, онъ... они на лодкѣ подъѣхали къ острову, выкупались, накинули на себя, тонкое, душистое бѣлье и вотъ, теперь—сейчасъ—сольются вмѣстѣ... Она закрыла глаза—мечта слилась съ дѣйствительностью...

Она чувствовала около своего лица другое—чье-то дыханье на своей щекѣ—слышала гимнъ любви—потоки нѣжныхъ словъ... и все время ей чудилось, что это Рейдаръ... Минутами до нея доносился плескъ волны, съ берега, гдѣ они купались вмѣстѣ... Потомъ на нее посыпались поцѣлуи—и, естественно, она обвила руками шею возлюбленнаго и прижала его къ себѣ, чтобъ удостовѣриться, что это... онъ.

Прошелъ мимо другой пароходъ туристовъ, со множествомъ огней, и высокія съ пѣнными гребнями волны, вздымаемыя имъ, разсыпались каскадами на берегъ островка.

Когда, поздно вечеромъ, Гольтъ подходилъ къ своему дому, онъ удивился, увидавъ, что всѣ окна въ немъ освѣщены.

— Что за чортъ! Почему она до сихъ поръ не легла?

Онъ былъ внѣ себя отъ радости. Чудо свершилось. Онъ побѣдитель...—онъ!..

На лѣстницѣ онъ остановился и схватился за голову. Что же теперь? Очевидно, какъ честный человѣкъ, онъ не можетъ поступить иначе... То, что раньше рисовалось ему далекой, розовой мечтой, стало теперь необходимостью.—Надо... надо развестись съ женой... Не можетъ же онъ бросить молодую дѣвушку, довѣрившуюся ему. Онъ обязанъ жениться. Трудно будетъ оторваться отъ тѣхъ, кто тамъ, наверху, но онъ добьется этого. Въ немъ было столько рѣшимости, что онъ готовъ былъ хоть сейчасъ переговорить съ женой...

Ему отворила фру Сельма.

— Мой бѣдный другъ, какъ ты сегодня поздно!.. опять какую-нибудь лекцію читалъ—или былъ на урокѣ?

Слегка отстранивъ руки жены, обнимавшія его, онъ спросилъ:

— А ты почему такъ поздно засидѣлась?

— Сюзанна неожиданно захворала, но ты не тревожься. Иди ложись, я посижу возлѣ нея.

— Что ты такое говоришь?

Онъ былъ уже въ дѣтской. Возлѣ низенькой кровати горѣлъ ночникъ: другія дѣти уже спали, но маленькая Сюзанна, вся красная, металась въ кроватѣ и стонала:

— Мама!—Пить!

— Да, да, дѣтка. Сейчасъ. Сейчасъ я дамъ тебѣ напиться.

Фру Сельма принесла стаканъ воды.

— Надо пойти за докторомъ,—сказалъ Гольтъ. Его тянуло опять на воздухъ,

— Докторъ уже былъ. Онъ боится, не воспаленіе ли это легкихъ.

Юргенъ Гольтъ не ложился въ эту ночь. У дѣвочки былъ сильный жаръ; она бредила, рвалась съ кровати. Всю ночь они носили ее на рукахъ, то отецъ, то мать. И, шагая по комнатѣ съ стонущимъ ребенкомъ на рукахъ, онъ думалъ о предстоящемъ свиданіи и о маленькихъ ручкахъ, которыя онъ силой разнялъ тогда утромъ.

— А теперь надо разводиться. Вотъ такъ счастье! Вотъ такъ чудесная прогулка!..

— Нѣтъ, нѣтъ,—кричалъ другой голосъ.—Ни за что въ мірѣ я не отрекусь отъ этого вечера...—И мысли Гольта кружили около молодой женщины, отрываясь отъ бѣдной квартирки, отъ больного ребенка, наполняя его душу такой неукротимой, мучительной и сладкой радостью, что порой онъ готовъ былъ выронить изъ рукъ больную дѣвочку и убѣжать изъ дому.

Потомъ онъ овладѣлъ собой и со страхомъ вглядѣлся въ личико Сюзанны, которая на его рукахъ затихла и, прижимаясь головкой къ его груди, спрашивала соннымъ голоскомъ:

— Папочка... а мы завтра... поѣдемъ на дачу?

— Да, да, поѣдемъ, дѣтка... спи спокойно... завтра мы ѣдемъ на дачу.

Подъ утро Сельма пришла смѣнить его, а онъ пошелъ въ кабинетъ и прилегъ на диванѣ. Но уснуть не могъ.

Что, если ребенокъ умретъ къ утру? Неужели и тогда онъ вечеромъ пойдетъ... къ другой... какъ они условились?

— Да! Да!—кричалъ въ его душѣ отчаянный, неукротимый голосъ.—Да, пойдетъ. Отнынѣ я принадлежу *ей*, и ничто не оторветъ меня отъ *нея*.

Онъ стоналъ; ему чудилось, что онъ катится въ пропасть; хотѣлось кричать, звать на помощь—и въ то же время не хотѣлось, чтобъ его спасали.

Днемъ опять заходилъ докторъ; дѣвочка по прежнему металась и успокаивалась только, когда отецъ или мать носили ее на рукахъ. Подъ вечеръ, крадучись, Гольтъ пошелъ въ кабинетъ, переодѣлся, выбрился и сказалъ женѣ, что онъ пойдетъ за другимъ докторомъ.

Сидя передъ зеркаломъ и водя бритвой по маленькой щекѣ, онъ слышалъ шаги жены, убаюкивавшей дѣвочку, и пѣсенку, которую она пыталась напѣвать измученнымъ, охрипшимъ голосомъ:

Киска мурлычитъ у печки,
Мышка скребется въ углу...

Наконецъ, можно уйти... Но, когда онъ, тяжелой поступью, проходилъ черезъ столовую, на встрѣчу ему изъ передней вышелъ сынъ и вручилъ письмо.

Онъ узналъ почеркъ Астридъ и вернулся въ кабинетъ, чтобы прочесть письмо. Сердце его колотилось въ груди; отъ маленькаго листка вѣяло любовью; онъ поцѣловалъ его и улыбнулся.

Но въ письмѣ было слѣдующее:

«Г. Докторъ».

«Я не приду сегодня вечеромъ—и завтра тоже—вообще, не приду больше. Напрасно только я вчера пришла... Не знаю, какъ я дальше буду жить. Помоги мнѣ Боже!»

«Запрещаю вамъ показываться мнѣ на глаза».

«Астридъ Рійсъ».

Гольтъ долго смотрѣлъ въ пространство; потомъ скомкалъ записку и уронилъ голову на грудь. Потомъ шагнулъ, не глядя, къ дивану, повалился на него, повернулъ лицо къ стѣнѣ и закрылъ глаза.

Изъ сосѣдней комнаты доносилась пѣсенка, въ тактъ усталымъ шагамъ:

Киска мурлычитъ у печки,
Мышка скребется въ углу,
Баю-бай, баю-бай.

XII.

Въ Бюгдэ, у Рейдара Банга, все было спокойно; самъ хозяинъ лежалъ да диванѣ послѣ обѣда и курилъ сигару. Его родители, братья и сестры—всѣ уѣхали въ горы; но онъ отго-

ворился недосугомъ: теперь у него была въ полномъ разгарѣ крупная спекуляція съ желѣзными рудниками, и нерѣдко онъ далеко за полночь засиживался на собраніяхъ, или за своимъ письменнымъ столикомъ. Передъ обѣдомъ онъ скакалъ верхомъ, потомъ купался въ морѣ, и это дѣлало обѣдъ и отдыхъ вдвое пріятнѣе обыкновеннаго.

Непрерывная работа помогала ему забывать, что, въ дѣйствительности, онъ несчастливъ. Разумѣется, не изъ-за того несчастливъ, что его не желаетъ знать какая-то дѣвченка,—нѣтъ, просто что-то невидимое подползало къ нему и лишало его сна, разбивало ему мускулы, надломляло силу, нагоняло на него слабость и уныніе. И, какъ въ канунъ Ивана Купала онъ зажигалъ костры и фейерверки, чтобъ заглушить свою тоску, такъ и теперь онъ все время ощущалъ потребность взять себя въ руки, преодолѣть себя и работать, какъ волъ, и напряженно шевелить мозгами—хотя бы только затѣмъ, чтобы сломить и покорить эту враждебную невидимую силу.

Дверь на веранду была оставлена открытой, и легкій вѣтеръ съ фіорда надувалъ маркизу. Коричневый сетеръ вошелъ, пригибаясь къ землѣ, и лизнулъ руку своего господина, но, не дождавшись отъ него и взгляда, свернулся клубкомъ на полу, уткнувшись мордой въ заднія лапы.

— Если эта муха не улетитъ, прежде чѣмъ не доползетъ до края стола,—говорилъ себѣ Рейдаръ...—я, все-таки, пошлю ей сегодня вечеромъ письмо. Рѣзкимъ движеніемъ онъ перевернулся на другой бокъ и попробовалъ уснуть. Но думалъ все о томъ же—о письмѣ... Сколько разъ онъ вскакивалъ съ постели ночью, чтобы написать его—и, кончивъ, тотчасъ разрывалъ.

На верандѣ раздались шаги... женскіе шаги. Кто это можетъ быть?... Онъ вздрогнулъ... Что за вздоръ! Чего онъ ждетъ все время?... Собака радостно залаяла и, мигъ спустя, въ комнату вошла Инга, вмѣстѣ съ сетеромъ, прыгавшимъ около нея.

— Ахъ, это ты?—сказалъ Рейдаръ, проводя рукой по лбу.—Ты пріѣхала въ городъ?

— Я думаю! Надо же мнѣ посмотрѣть, живъ ли Генрикъ. У него, бѣднаго, нѣтъ отпуска и — повѣришь ли—въ свободное время онъ успѣлъ уже сдѣлать всю мебель для нашей будущей квартиры.

— Хочешь земляники со сливками?

— Очень хочу.

Молодая дѣвушка загорѣла, какъ индіанка, но взоръ ея сіялъ здоровьемъ и чудеснымъ настроеніемъ и, когда передъ нею поставили землянку, она накинулась на нее съ волчьимъ аппетитомъ.

— Вотъ какъ!.. твой женихъ самъ строитъ вамъ гнѣздышко—это должно быть занятно.

Рейдаръ, такъ и не надѣвшій пиджака, задумчиво взялся за подбородокъ.

— Да, и знаешь, что?—только это секретъ, пожалуйста, не выдай меня—осенью, когда мы повѣнчаемся, онъ хочетъ бросить мѣсто и самъ открыть архитектурное бюро. Но только ты не думай—онъ ни гроша не возьметъ ни отъ тебя, ни отъ папаши—онъ хочетъ выбиться своими средствами. Одного только я боюсь—а вдругъ никто не дастъ ему строить домъ?—это, все-таки, рискованно.

Потомъ она стала разсказывать, какую жизнь они ведутъ въ горахъ: отецъ началъ писать новую книгу о франко-прусской войнѣ; мать сидитъ за тканьемъ, фрау Раммъ возится съ ребятишками.

— Видѣла ты въ городѣ кого-нибудь изъ знакомыхъ?—небрежно спросилъ Рейдаръ.

— Видѣла мелькомъ Астридъ Рійсъ, съ корзинкою подъ мышкой, но, ты понимаешь, не могла же я кинуться къ ней на шею, послѣ того, какъ она обошлась со мной. Кстати, ты знаешь, какіе о ней ходятъ слухи?... Сплетни, навѣрное...

Рейдаръ мгновенно вскочилъ на ноги.

— Что такое?.. Какіе слухи?

— Нѣтъ, такъ... ничего... Мерси за землянику.—Инга, видимо, хотѣла перевести разговоръ на другую тему.

Она отодвинула тарелку.

— Нѣтъ, ты мнѣ скажи. Что ты такое слышала о ней?

Рейдаръ даже не старался скрыть свои чувства, но, вѣдь, сестренка давно угадала ихъ.

— Да не стоитъ. Мнѣ пора итти. Я уѣзжаю съ пятичасовымъ.

Рейдаръ положилъ ей руки на плечи и не пускалъ.

— Не уйдешь, пока не скажешь. Что ты такое слышала?

Молодая дѣвушка прыснула ему въ лицо.

— Ты думаешь, что силой отъ меня чего-нубудь добьешься. Напрасно. Что я слышала объ Астридъ Рійсъ?—Ничего, я, другъ мой, о ней не слыхала. Это я такъ, сболтнула по глупости. Да не упрямься же, пусти меня—чудовище ты этакое!

Будь здоровъ и ѣшь хоть что-нибудь, а то ты скоро превратишься въ ходячія мощи. Ну, пусти же.. Прощай.

Съ порога она обернулась, усмѣхнулась, показавъ ослѣпительно бѣлые зубы, и прибавила:

— Напрасно ты убиваешься изъ-за людей, которые мизинца твоего не стоятъ, Рейдаръ. Ты заслуживаешь лучшаго. Прощай. Кланяться нашимъ отъ тебя—не правда ли?

Рейдаръ долго смотрѣлъ то на одинъ стулъ, то на другой, и до того разволновался, что забылъ проводить сестру.

Ночью, онъ опять вскакивалъ съ постели и писалъ письмо, но буквы всѣ сливались, почерка невозможно было разобрать, да и содержаніе письма было путаное. Первый лучъ солнца, заглянувшій въ окно, засталъ его за письменнымъ столомъ, въ ночной сорочкѣ...

Однажды вечеромъ, нѣсколько дней спустя, уже лежа въ постели, онъ неожиданно услышалъ за окномъ знакомый голосъ.

— Что это, братъ? Ты уже дрыхнешь?

Онъ вскочилъ съ постели, подошелъ къ раскрытому окну и увидалъ въ саду Тангена, художника.

— Что за чортъ!.. И ты въ городѣ. Я сейчасъ впущу тебя.

Онъ босой пошелъ отворять дверь и вернулся въ спальню, вмѣстѣ съ гостемъ.

— Кстати,—говорилъ Рейдаръ, натягивая брюки,—я и забылъ, что мнѣ прежде всего нужно задать тебѣ хорошую головомойку.

— Ну, ладно.

Художникъ комфортабельно расположился въ креслѣ и принялся набивать трубку.

— Да-съ. Когда я узналъ, что ты позволилъ продать всѣ твои манатки съ аукціона, словно раззорившійся банкиръ, и даже мнѣ не сообщилъ объ этомъ, я то того обозлился, что готовъ былъ отколотить тебя. Не понимаешь ты, что ли, что это скандалъ для всѣхъ насъ, именующихся твоими друзьями?

Художникъ раскурилъ трубку и погасилъ спичку.

— Дорогой мой... если тебя когда-нибудь будутъ продавать съ аукціона, я, вѣдь, не въ состояніи буду выручить тебя. Конечно, если бъ я предупредилъ тебя, ты пришелъ бы на аукціонъ и купилъ лучшія мои картины, которыя висѣли бы теперь у тебя въ гостиной. Спасибо и на томъ.

— Я могъ бы дать тебѣ денегъ взаймы, чтобы предупредить продажу.

Рейдаръ, уже въ халатѣ, взволнованно шагалъ по комнатѣ.

— И съ этого момента художникъ жилъ бы въ роли паразита при своемъ богатомъ другѣ? Покорнѣйше благодарю. Въ романахъ это бываетъ, но въ жизни... Поговоримъ лучше о другомъ. Какъ твои дѣла? Много конкурентовъ вывелъ ты изъ строя?

— Ахъ, оставь объ этомъ!..

Рейдаръ сѣлъ и закурилъ папиросу.

— Недурное настроеньице!

Художникъ выговорилъ это безъ улыбки. Онъ почти испугался, вглядѣвшись въ это лицо, отъ котораго остались только кожа да кости.

— Разскажи-ка лучше, какъ ты живешь тамъ въ деревнѣ. Что дѣлаешь? Неужели это правда, что ты рѣшилъ похоронить себя тамъ на нѣсколько лѣтъ?

— Да, вѣдь, въ деревнѣ жить чудесно. Тамъ незачѣмъ хитрить съ самимъ сабой. Судьба, должно быть, поняла, что мнѣ пора нырнуть на дно, чтобъ обновиться, и теперь я искупаю всѣ свои прошлые грѣхи— и ей-Богу же, чувствую себя отлично. Флирта—никакого. Барскихъ прихотей тоже никакихъ. Трубка съ дешевымъ табакомъ, какой курятъ солдаты, и селедка на обѣдъ. Чистилище, братъ, какъ слѣдуетъ быть. И этотъ очистительный огонь уже начинаетъ оказывать свое вліяніе на мою живопись. Я, вѣдь, былъ на вѣрномъ пути къ тому, чтобъ сдѣлаться банальнѣйшимъ и поверхностнымъ живописцемъ, а теперь протираю глаза, засыпанные пылью, и начинаю видѣть вещи опять простыми, какъ онѣ есть. Вѣдь и оборванецъ-мальчишка на дорогѣ, и возъ съ сѣномъ, и упряжная лошадь, не говоря уже о соснахъ и березахъ, верхушки которыхъ колышетъ вѣтеръ,—все это тайны, надъ которыми художникъ можетъ размышлять всю жизнь. Но тебѣ скучно слушать...

— А жена твоя?..

Художникъ всталъ.

— Идиллія, дружище. Одна любовь и ласки. Воркованье голубковъ съ утра до поздней ночи. Можешь позавидовать мнѣ, богачъ-отшельникъ.

— А въ городъ ты зачѣмъ пріѣхалъ?

Художникъ отвѣтилъ не сразу. Онъ не хотѣлъ сказать правды,—т.-е. что онъ безпокоился о немъ, о Рейдарѣ.

— Видишь ли... я примѣтилъ тамъ, въ Вальдерсѣ, чудесное мѣстечко для бѣлыхъ куропатокъ. И хотѣлъ соблазнить тебя.

— Некогда, братъ. Да и нездоровится мнѣ.

Рейдаръ смотрѣлъ на своего коричневаго сетера, который наблюдалъ за нимъ, умильно шевеля хвостомъ, словно понимая, о чемъ идетъ рѣчь.

— Кстати... видишься ты иногда съ профессоромъ?

— Съ Гольтомъ? Нѣтъ, совсѣмъ не вижусь. Впрочемъ, онъ какъ-то нѣсколько разъ заходилъ сюда—просить одолжить ему лодку—должно быть, хотѣлъ покатать своихъ дѣтишекъ по фіорду.

Художникъ, отвернувшись къ окну, процѣдилъ сквозь зубы:

— Да... по всей вѣроятности...

И заговорилъ о своей новой охотничьей собакѣ, о чудесной охотѣ въ Вальдерсѣ, объ озерахъ, кишащихъ форелями, о хижинахъ, дровосѣкахъ въ лѣсу и о суевѣріяхъ мѣстныхъ старухъ. Рейдаръ немного оживился, глаза его заблестѣли; кончилось тѣмъ, что онъ вскочилъ на ноги:

— Какой сегодня день?

— Двадцать пятое.

— Ну, такъ знаешь, что? — вези меня къ себѣ. Я здѣсь совсѣмъ заплѣсневѣлъ среди расчетовъ, безсонницы и всякихъ глупостей... Глотокъ горнаго воздуха будетъ мнѣ полезенъ.

И, не раздумывая дольше, онъ началъ одѣваться, какъ будто хотѣлъ ѣхать тотчасъ же.

На другой день утромъ они уже мчались по желѣзной дорогѣ въ Вальдерсъ, а вечеромъ, съ ружьемъ въ рукѣ, ягдташемъ за спиной и собакой на привязи, оба поднимались на гору каменистой тропой. Лѣсистые склоны остались ниже; оглядываясь назадъ, они видѣли въ долинѣ стоги сѣна на выкошенныхъ лугахъ и желтыя поля вдоль береговъ узкихъ озеръ. А еще дальше, на сѣверѣ, зеленые хребты Потонгейма съ снѣжными вершинами.

Рейдаръ то и дѣло присаживался, какъ будто для того, чтобы полнѣе насладиться горнымъ воздухомъ, и разстегивалъ рубашку, подставляя ему грудь, но художникъ видѣлъ, что другъ его уже усталъ и что у него холодный потъ на лбу.

— А здорово, должно быть, его захватило,—думалъ Тангенъ.—Нужно изрядное давленіе, чтобъ попортить такую машину. Хорошо, что я увезъ его. Давно пора было.

Когда они шли рядомъ, по поросшему верескомъ плато, Рейдаръ неожиданно остановился, вглядываясь въ слѣды колесъ на землѣ.

— Въ чемъ дѣло?

Рейдаръ печально взглянулъ на художника.

— Въ третій разъ уже, съ тѣхъ поръ, какъ мы поднимаемся, я встрѣчаю крестъ.

Онъ указывалъ на два кусочка дерева, случайно легшіе крестъ-на-крестъ.

— Говори, что хочешь, но я увѣренъ, что мы услышимъ о чьей-нибудь смерти.

— Ну, конечно. Вѣдь каждую минуту кто-нибудь умираетъ,—безпечно отвѣчалъ художникъ.—Какъ это у тебя, такого положительнаго человѣка — можно сказать: кремня — находится мѣстечко въ душѣ для мистицизма?

Рейдаръ снова сѣлъ на камень, снялъ фуражку и машинально похлопалъ по спинѣ свою собаку, положившую голову къ нему на ляжку. Тангенъ сѣлъ поодаль и смотрѣлъ на друга.

— Не добраться намъ сегодня до мѣста, —думалъ онъ,— ну да все равно...

— Мистицизмъ... Какъ будто міръ такъ простъ и ясенъ! Много ли въ немъ такого, что̀ можно объяснить? Ты воображаешь, что художникъ сотканъ изъ эѳира, а дѣловой человѣкъ непремѣнно долженъ быть terre à terre. А если я скажу тебѣ, что и въ конторскихъ расчетахъ, и въ золотѣ есть своя музыка?

— Какъ такъ: музыка?

— А такъ. Удачливый спекуляторъ—не тотъ, кто лучше всѣхъ разсчитываетъ, а тотъ, у кого слухъ тоньше, чѣмъ у другихъ. Я знаю одного, который не разъ рисковалъ всѣмъ своимъ состояніемъ и даже не нервничалъ при этомъ, такъ онъ былъ увѣренъ, что слухъ его не обманетъ. Ночью спишь—и не спишь; однимъ ухомъ спишь, а другимъ слушаешь—и слышишь шелестъ зрѣющихъ хлѣбовъ по всей землѣ, въ людскихъ умахъ, и въ кошелькахъ купцовъ; берешь карандашъ и пишешь цифры, какъ композиторъ пишетъ ноты. И иной разъ чувствуешь, что вотъ, насталъ моментъ—нанести ударъ, и тогда это—словно широкій взмахъ смычка по струнамъ скрипки. Недѣли двѣ тому назадъ я такъ вотъ лежалъ, не могъ уснуть и вдругъ услышалъ пѣснь металла, минеральныхъ рудъ въ Нордландѣ, несмѣтныхъ богатствъ, на которыя скоро создадутся города и колоссальнѣйшія предпріятія. Слушалъ—слушалъ, потомъ всталъ и взялся за документы, которые у меня были подъ рукой относительно тамошнихъ рудниковъ. Всѣ просмотрѣлъ—ничего путнаго не вынесъ, но на другой день получаю бумажку, въ которой свѣдѣнія уже настоящія. И опять ночью звенитъ странная пѣсня, и внутренній голосъ говоритъ мнѣ: «Да ,вотъ это—настоящее». Для вѣрности я отправляюсь къ химику-эксперту, прошу сдѣлать анализъ— качество руды оказывается превосходное... И вотъ, я съ головою влѣзъ въ эти дѣла, отдалъ имъ всю свою жизнь. Что ты на это скажешь?

Тангенъ внимательно слѣдилъ за нимъ. — Нѣчто подобное я уже слышалъ,—говорилъ онъ себѣ.—Когда люди, очень крѣпкіе и здоровые, живутъ подъ властью длительныхъ эмоцій, они сходятъ съ ума, или становятся... вотъ какъ этотъ...

Уже темнѣло, когда они добрались до группы крытыхъ загоновъ для скота на берегу небольшого озера, у подножья высокаго гребня сѣрой горы. Въ низкихъ стойлахъ позвякивали колокольчики на шеяхъ коровъ. Художникъ остановился передъ одною изъ хижинъ.

— Здѣсь,—сказалъ онъ.

Они вошли въ едва освѣщенную горницу и увидали толстую бабу съ перетянутымъ веревкой животомъ; она стояла у очага, мѣшая въ котлѣ. Вошедшіе не столько видѣли, сколько угадывали въ горницѣ длинный столъ, грубо сколоченный изъ досокъ, прялку, валявшуюся на полу, сыры и крынки съ молокомъ на полкахъ вдоль стѣнъ: въ воздухѣ чувствовался смѣшанный запахъ сыра, молока, ѣды, развороченной постели, человѣка и горѣлаго можжевельника.

Женщина сразу узнала художника, уже бывавшаго здѣсь. Она спѣшила зажечь свѣтъ, вытерла правую руку объ юбку и поздоровалась съ гостями. Часъ спустя на столѣ уже стояла простокваша, жареныя горныя форели, огромный кругъ сыру и хлѣбъ, твердый, какъ желѣзо. Но охотники, послѣ долгаго пути, уписывали все съ вольчимъ аппетитомъ.

Постелили имъ вдвоемъ на большой кровати въ комнатѣ, гдѣ свѣтъ единственной свѣчи тускло озарялъ стѣны, обитыя старыми газетами.

Художникъ вышелъ ненадолго поглядѣть, какова погода и, вернувшись, объявилъ:

— Тутъ на холмахъ со всѣхъ сторонъ кричатъ бѣлыя куропатки. Ну, завтрашній день къ вечеру многія изъ нихъ перестанутъ кричать.

Почти грустно было думать о томъ, сколько охотниковъ съ шумными сворами собакъ за этотъ день прошли черезъ долину. Завтра всѣ они устремятся въ погоню за мирными птичками и будутъ обстрѣливать всѣ холмы — и сколько къ вечеру будетъ рѣять въ воздухѣ окровавленныхъ, подбитыхъ крыльевъ!..

Матрацъ на широкой кровати былъ набитъ свѣжей соломой и покрытъ чистой, хотя и грубой простыней.

Усталые охотники съ удовольствіемъ растянулись на ней рядомъ и тотчасъ же уснули, но собаки спали тревожнымъ сномъ, грезили объ охотѣ, все время повизгивали и дрыгали ногами.

На другое утро, чуть свѣтъ, съ чашкой кофе въ желудкѣ и трубкой въ зубахъ, они миновали сѣрыя хижины и перешли черезъ выгонъ. Тяжелое, влажное небо низко нависло надъ горами и плоскогорьями, отражая свои косматыя облака въ прудахъ и озерахъ. Бѣлый сетеръ Тангена, прыгая между камней и кустовъ, уже успѣлъ изодрать въ кровь свои черныя уши, а коричневая собака Рейдара бросалась вскачь то туда, то сюда, отъ одного куста можжевельника къ другому, все время пригибая морду къ землѣ, приглядываясь и принюхиваясь.

Рейдаръ презрительно расхохотался, увидавъ ружье художника, который только теперь вынулъ его изъ чехла.

— Это что за старомодный штуцеръ? Ты вотъ взгляни на это, братъ.

И онъ показалъ свой «гаммерлессъ», новенькій, съ иголочки, послѣдняго образца.

— Смотри, какъ бы я больше твоего не настрѣлялъ изъ этого штуцера, — спокойно усмѣхнулся Тангенъ, знавшій свое ружье и довѣрявшій ему.

И онъ зашагалъ впередъ.

Верескъ до того намокъ за ночь, что съ кожаныхъ гетръ охотниковъ, уже блестѣвшихъ до колѣна, струилась вода; рѣзкій вѣтеръ леденилъ имъ лица и руки. Но въ такія минуты развѣ обращаютъ вниманіе на подобныя мелочи!

Рейдаръ, заряжая ружье двумя патронами, неожиданно спросилъ:

— Ты вѣришь въ сны?

Тангенъ, въ надеждѣ вытянуть что-нибудь изъ товарища, отвѣтилъ:

— Не столько вѣрю, сколько сомнѣваюсь. А что? Ты опять сегодня видѣлъ странный сонъ?

— Гляди-ка, Панъ уже почуялъ что-то.

Темный сетеръ выступалъ безшумно, осторожно, вытягивая спину, подгибая лапы; выраженіе лица его было по-человѣчески разумное. Бѣлый замѣтилъ это и съ такой же осторожностью приблизился, хотя онъ, очевидно, ничего еще не чуялъ. Началась обычная комедія между двумя собаками, которыя чуютъ дичь, а гдѣ она — еще не знаютъ. Отъ времени до времени онѣ останавливались, втягивали въ себя воздухъ и переглядывались, словно говоря: «Какъ ты полагаешь? Что ты объ этомъ скажешь»? Или же: «Осторожнѣе. Не дѣлай глупостей». Оба охотника, зарядивъ ружья, держались наготовѣ и внимательно слѣдили за собаками.

— Ага! Вильдъ уже знаетъ,—вскричалъ художникъ, довольный, что его собака первая нашла дичь.

Красавецъ бѣлый сетеръ уже мчался навстрѣчу вѣтру, размахивая хвостомъ. Остановился на мигъ, вытянувъ морду, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, весь дрожа отъ возбужденія, шагнулъ еще разокъ, ступая осторожно, и застылъ, держа хвостъ прямо, устремивъ взглядъ въ одну точку, немного въ сторону, поднявъ одну изъ переднихъ лапъ.

— Легче, Вильдъ!—предостерегъ его художникъ.

Охотники подходили, замирая отъ волненія.

— И Панъ тоже сдѣлалъ стойку,—молвилъ Рейдаръ.— Ихъ тутъ, должно быть, цѣлая стая.

Но это было только начало охоты, и вся стая куропатокъ, должно быть, притаилась за густыми кустами можжевельника: сколько ни озирались охотники вокругъ себя, нигдѣ не видать было и перышка.

— Вильдъ! Впередъ... легче, легче...

Бѣлый песъ сдѣлалъ еще шагъ-другой — и присѣлъ на заднія лапы, весь дрожа отъ страха: онъ боялся ошибиться.

Неожиданно, въ двухъ шагахъ отъ ногъ художника, верескъ зашевелился, и изъ него вылетѣла стая коричневыхъ птицъ съ бѣлыми крыльями. Раздались, одинъ за другимъ, четыре выстрѣла; художникъ стрѣлялъ послѣ Рейдара и съ промежутками—онъ старательно цѣлился. Двѣ птицы упали на землю: Тангенъ былъ увѣренъ, что это—его добыча, но Рейдаръ запальчиво твердилъ, что одна изъ нихъ убита имъ, и Тангенъ уступилъ. «Ладно, пусть беретъ,—думалъ онъ.—Но только я видѣлъ, какъ онъ цѣлилъ не туда и не попалъ. Это такъ же вѣрно, какъ то, что я стою здѣсь... Должно быть, совсѣмъ, бѣдняга, развинтился нынче»...

Они рѣшили разойтись въ разныя стороны и дѣйствовать каждый за свой страхъ; коричневый сетеръ Рейдара то и дѣло дѣлалъ стойку, но подлыя птицы всякій разъ улетали. Художникъ безъ перерыва стрѣлялъ изъ своего штуцера, и довольно мѣтко. Черезъ два часа, Рейдаръ, разстрѣлявъ штукъ двадцать патроновъ и подобравъ всего двухъ птицъ, кликнулъ собаку, сѣлъ на камень и отеръ вспотѣвшій лобъ.—«Ничего не подѣлаешь,— говорилъ онъ себѣ. — Какая ужъ тутъ охота, когда все время думаешь о ней»!

Въ сотый разъ онъ спрашивалъ себя, чего именно не хотѣла сказать ему сестра. Что такое случилось? Что она утаиваетъ отъ него?

— Ну, будетъ Довольно! Успокойся, — сказалъ онъ себѣ, вынулъ трубку, набилъ ее, раскурилъ, прилегъ, облокотившись на локоть, и взоръ его затерялся въ розовыхъ цвѣтахъ вереска, цѣлой плантаціей раскинувшагося подъ небомъ, покрытымъ словно ватными облаками. Онъ слышалъ зловѣщіе шумы въ горахъ, журчанье ручьевъ, берущихъ въ нихъ начало, шелестъ вереска подъ вѣтромъ, далекій клекотъ орла изъ-за тучи, колокольчики стадъ по ту сторону озера, по временамъ ружейный выстрѣлъ. Видѣть онъ ничего ужъ не видѣлъ, и духъ его виталъ не здѣсь, а на той самой красной полянѣ, которую онъ давеча ночью видѣлъ во снѣ... Онъ бродитъ съ ружьемъ по этой полянѣ, слышитъ крикъ въ кустахъ, бѣжитъ туда и находитъ—находитъ ее, смертельно раненую, рыдающую... Уфъ! слава Богу, что это лишь сонъ!.. Но звуки колокольчиковъ все ближе, ближе, рукой подать... Рейдаръ стряхиваетъ съ себя оцѣпенѣніе и видитъ себя окруженнымъ цѣлымъ стадомъ коровъ, готовящихъ пырнуть рогами его сетера.—Рейдаръ мгновенно вскочилъ на ноги и сталъ прокладывать себѣ дорогу, ударами приклада во всѣ стороны разгоняя животныхъ. Но разъяренныя коровы долго еще гнались за его сетеромъ, который, дрожа, искалъ убѣжища около своего господина.

Тангенъ, тѣмъ временемъ, успѣлъ наполнить свой ягдташъ. Онъ все время бродилъ среди крутыхъ утесовъ и думалъ, что онъ далеко отъ всякаго жилья, какъ вдругъ неожиданно горы словно раздвинулись, уступая мѣсто небольшому озерку; къ озеру жалась группа домиковъ, выкрашенныхъ въ красный цвѣтъ. Художникъ зашелъ въ одинъ изъ нихъ и увидѣлъ молодую дѣвушку въ національномъ костюмѣ, которая дала ему молока напиться. Дѣвушка, видимо, была веселая, хохотуша.—Есть у нея женихъ?—Можетъ, и есть—а вамъ что?—Гдѣ же онъ? Что дѣлаетъ?—Въ нормальной школѣ.—А какъ тебя зовутъ?

— Рагнхильдъ?.. Вотъ хорошо. Мою невѣсту тоже зовутъ Рагнхильдъ. Но поди же сюда. Посиди немного у меня на колѣняхъ.

Дѣвушка, смѣясь, пригладила волосы, упавшіе ей на лобъ, и на минутку сѣла на колѣни къ Тангену. Не безъ труда, онъ выпросилъ у нея поцѣлуй, потомъ другой... Веселый, оживленный этимъ маленькимъ приключеніемъ, онъ продолжалъ свой путь, щедро заплативъ за молоко.

Нѣсколько позже, на берегу другого озерка, пустыннаго, онъ нашелъ развалины фермы. Стекла въ окнахъ были разбиты, въ хлѣву провалилась крыша, на выгонѣ росли деревья, отъ

забора остались только колья. Заглядѣвшись на эти развалины, Тангенъ присѣлъ на бревно, закурилъ трубку и задумался. Эта покинутая усадьба странно волновала его. Тропинки, вытоптанныя людьми и животными, заросли травой, но лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ здѣсь тоже, можетъ быть, жила какая-нибудь Рагнхильдъ, и, когда она играла на рожкѣ, горы вторили ей издали. А осенними вечерами, когда вѣтеръ завывалъ подъ кровлей, она настораживалась, прислушиваясь—ей чудились шаги, но это было только журчанье ручья, всплескъ воды оттого, что рыбка выпрыгнула на поверхность озера, посеребреннаго луной, колокольчикъ, звякнувшій въ столѣ, да трескъ дровъ въ печи. Никто не шелъ къ ней; никто не могъ притти.

Но однажды ночью пришелъ человѣкъ, мужчина... Свѣжаго сѣна на кровати много, хватитъ на двоихъ, и скрипитъ оно одинаково, что подъ однимъ, что подъ двумя.

А черезъ два мѣсяца онъ вѣнчался съ другой, а она рыдала на этой самой кровати, уткнувшись головой въ жесткую подушку, набитую паклей. Сѣно пило ея слезы, мракъ—ея рыданія... Съ тѣхъ поръ прошло пятьдесятъ лѣтъ, но за полсотни лѣтъ до того та же исторія приключилась съ ея бабушкой... Тогда парень пришелъ въ короткихъ штанахъ и въ башмакахъ съ пряжками, но сѣно на кровати пахло такъ же славно и поскрипывало такъ же, какъ и нынче.

Всего сто лѣтъ, но эти сто лѣтъ хижина простояла все на томъ же мѣстѣ и видала многое... Тропинки заросли травой, и всѣ прежнія Рагнхильдъ давно на кладбищѣ: онѣ уже не плачутъ и никого больше не ждутъ, какъ бы ярко ни свѣтила луна...

Да и ты, другъ мой, Пауль Тангенъ—вѣдь и тебѣ ужъ за сорокъ—и твоя молодость давно прошла. Тѣ времена, когда ты спѣшилъ къ хижинѣ, гдѣ тебя ждали, или увивался за молодыми женщинами, давалъ и получалъ, побѣждалъ и терпѣлъ пораженія, канули въ вѣчность. А ты все живешь... Зачѣмъ? Стоитъ ли труда?

О, если бъ можно было сдѣлать такъ, чтобъ ему снова стало двадцать лѣтъ!.. Если бъ снова начать сначала!.. Мысли его понеслись въ родные края; ему смутно казалось, что тамъ дѣвушки, съ которыми онъ игралъ въ дѣтствѣ, все такъ же молоды, красивы и стройны.

Наконецъ, онъ всталъ и пошелъ, но еще нѣсколько разъ оглядывался, какъ будто души женщинъ былыхъ временъ и понынѣ бродили въ этихъ развалинахъ.

Подъ вечеръ онъ шелъ вдоль горнаго хребта; подъ ногами у него было нѣчто въ родѣ естественнаго, дикаго газона, мѣстами поросшаго кустами можжевельника; впереди — мрачный утесъ, вершина котораго пряталась въ завиткахъ тумана. Два орла кричали въ вышинѣ; Тангенъ остановился и слѣдилъ за ихъ полетомъ: они то парили недвижно на распростертыхъ сѣрыхъ крыльяхъ, то гонялись одинъ за другимъ, словно охотникъ за добычей. Они подлетали такъ близко къ нему, что онъ явственно видѣлъ изогнутые крючкомъ клювы и даже выстрѣлилъ два раза, но, съ такими крохотными пульками, это было все равно, что стрѣлять въ луну. Наконецъ, онъ увидалъ Рейдара возлѣ груды камней; онъ стоялъ, недвижный, какъ статуя, опершись на ружье, погруженный въ созерцаніе неба.

— Гей! Гей!.. Рейдаръ! Гей! гей!

Тотъ не откликался; только, когда художникъ подошелъ совсѣмъ близко, онъ какъ будто проснулся. Ягдташъ его валялся на землѣ, почти пустой. Не трогаясь съ мѣста, онъ сказалъ:

— Какая красота!

Съ минуту оба любовались грандіознымъ пейзажемъ, раскинувшимся подъ ними: со всѣхъ сторонъ ихъ окружали горныя плато, которыя громоздились уступами, на далекомъ разстояніи одно отъ другого; межъ темнымъ верескомъ блестѣли озера, сѣрыя торфяныя ямы, виднѣлись карликовыя березы, уже пожелтѣвшія отъ дыханья осени. Вѣтеръ улегся; грустное вечернее небо отражалось въ водахъ озеръ, съ косматыми тучами, походившими на подвѣшенные къ потолку мотки шерсти. Но мѣстами, тамъ, гдѣ сквозь тучи пробивался свѣтъ на вершинѣ горы или высокаго плато, небольшой освѣщенный кусочекъ рѣзко выдѣлялся среди окружающей темноты.

Рейдаръ закинулъ ружье на плечо.

— Ну—я иду.

Художникъ послѣдовалъ за нимъ. Почти всю дорогу Рейдаръ шелъ молча; только разъ остановился и спросилъ:

— Ты вѣришь снамъ?

— Ты сегодня разъ уже спрашивалъ меня объ этомъ. А самъ ты вѣришь?

Тотъ отвѣтилъ не сразу:

— Съ тобой никогда не бывало, чтобъ тебѣ цѣлыми днями чудилось, что кто-то издали, едва слышно зоветъ тебя— на помощь?

— Послушай, дорогой мой, право же, мнѣ трудно понять тебя. Ты лучше разскажи откровенно, что тебя заботитъ.

Рейдаръ долго не отвѣчалъ, но потомъ, уже когда они подходили къ дому, сказалъ:

— Не будь мы всѣ, мужчины, начинены этой нелѣпой гордостью, можетъ быть, многое было бы по-другому. Ты вотъ говоришь про судьбу, что когда она неблагосклонна къ тебѣ, надо ей дать пинка ногой,—но предположи, что судьба все таки не поддается и требуетъ длительной борьбы. Оберегать свое достоинство—это, можетъ быть, хорошо для боговъ, но для людей не очень-то полезно.

Выкупавшись въ озерѣ, охотники вошли въ хижину, переодѣлись въ чистое бѣлье и сѣли за ужинъ. Былъ уже поздній вечеръ, когда они, при скудномъ свѣтѣ единственной свѣчи, поставили передъ собою по стакану грога и закурили трубки. Вѣтеръ къ ночи снова усилился, и отъ налетавшихъ ударовъ его тряслись стѣны убогаго домика. Художникъ пытался развеселить пріятеля, разсказывая ему разныя забавныя исторіи, но Рейдаръ по-прежнему сидѣлъ унылый, безучастный, и въ концѣ концовъ Тангенъ самъ насупился.

Уже подъ утро, когда оба успѣли основательно соснуть, Рейдаръ вдругъ сѣлъ на кровати и протеръ глаза. Ему опять приснился тотъ же сонъ, что̀ прошлой ночью, и, самъ себѣ не отдавая отчета въ томъ, что̀ онъ дѣлаетъ, онъ спустилъ ноги съ кровати и соскользнулъ на полъ.

— А дальше что!—спрашивалъ онъ себя.—Что ты такое дѣлаешь?

Торопливо одѣваясь, онъ все время задавалъ себѣ этотъ вопросъ.

Онъ тихонько одѣлся, не разбудивъ товарища, зажегъ свѣчу, набросалъ нѣсколько строкъ на листкѣ, вырванномъ изъ записной книжки, положилъ его на столъ и на цыпочкахъ вышелъ изъ комнаты. Ему повезло: онъ взялъ ружье и собаку, не разбудивъ хозяйки, захватилъ ягдташъ и тихонько вышелъ изъ хижины.

За горными хребтами, въ желтомъ свѣтѣ надвигающейся бури по яркому небу мчались дымящимися вихрями черныя громады тучъ. Съ ружьемъ на перевязи, прыгавшимъ у него за плечами, и собакой на привязи, онъ быстрымъ шагомъ спускался каменистою тропой; тѣнь собаки и его собственная бѣжали за нимъ, словно гигантскіе призраки, гонимые вѣтромъ.

Въ душѣ его пѣлъ голосъ:

— Будь, что будетъ. *Она* въ опасности, *она* нуждается во мнѣ, и я иду къ ней.

XVII.

Не хорошо спалось въ іюлѣ мѣсяцѣ и Астридъ Рійсъ. Ѣда не шла ей въ горло; все время она ощущала какую-то странную пульсацію въ затылкѣ; случалось, и дома у себя на кухнѣ, и въ конторѣ, она вдругъ забывалась и подолгу сидѣла неподвижно, съ застывшими глазами. Но тѣло ея было молодо и сильно, и она крѣпилась, такъ что никто ничего не замѣчалъ; по вечерамъ она часами слушала чтеніе вслухъ отца и должна была радоваться, что его работа близится къ концу... о ней подумать и позаботиться о ней было некому.

Прежде все было легче, когда она могла въ мечтахъ переживать все то, чего ей не хватало въ дѣйствительности. Сколько разъ крохотная кухонька превращалась въ покрытый снѣгомъ скатъ горы, по которому скользитъ на лыжахъ молодежь, столовая—въ бальный залъ, а шаги отца въ сосѣдней комнатѣ становились шагами молодого человѣка, который вотъ сейчасъ войдетъ...

Но теперь ей опротивѣли и мечты, которыя подвели ее и предали, втравили ее въ дикую исторію съ Гольтомъ. А дѣйствительность...—дѣйствительность была ужасна: Астридъ сознавала, что никогда уже ей не подняться, не вернуть своей прежней чистоты и невинности... самое лучшее, конечно, смотрѣть въ лицо дѣйствительности и все перетерпѣть—если возможно.

Однажды она сидѣла въ кухнѣ. Раздался звонокъ. Думая, что это посыльный, или почтальонъ, она пошла отворять, не снявъ грязнаго передника.

На площадкѣ стоялъ Рейдаръ Бангъ.

Дѣвушка ахнула, но, прежде чѣмъ она успѣла захлопнуть дверь, онъ уже подошелъ къ ней.

Она пролепетала:

— Нѣтъ, нѣтъ. Не надо.

— Фрекенъ, мнѣ необходимо переговорить съ вами.

— Уходите. Уходите скорѣе. Тутъ рядомъ... мой отецъ.

— Я имѣю намѣреніе переговорить и съ вашимъ отцомъ, — спокойно возразилъ онъ.

И, замѣтивъ полуотворенную дверь, безъ дальнихъ околичностей, направился къ ней, безъ дальнѣйшихъ разговоровъ.

— Г. Бангъ... но это кухня—и она въ такомъ видѣ...— Вы понимаете.

Онъ немного смутился, но оба они уже вошли, и онъ заперъ за ними дверь. Потомъ взялъ обѣ ея руки, говоря:

— Фрекенъ Астридъ!

— Нѣтъ, нѣтъ... Уходите.

Дрожа всѣмъ тѣломъ, не поднимая глазъ, она пыталась вырваться.

— Скажите вы мнѣ откровенно...

— Пустите меня... Пустите, говорю!..

— Вы несчастны?

— Пустите!

Она съ трудомъ дышала. Наступило краткое молчаніе; наконецъ, она подняла глаза и встрѣтила его взглядъ.

И вдругъ перестала сопротивляться.

Вѣдь это была ужъ не мечта, не греза, не чужой, гадкій человѣкъ, котораго она мечтой преображала въ милаго—а онъ, онъ самъ.

Онъ самъ!

— Неужели вы мнѣ не позволите помочь вамъ, Астридъ?

Мигъ спустя она висѣла у него на шеѣ, прижималась къ нему, рыдая, прятала лицо у него подъ подбородкомъ.

Рейдара Банга не легко было смутить, тѣмъ болѣе, что тутъ отъ него требовались только объятія и поцѣлуи; но когда онъ осторожно приподнялъ ея голову, чтобы заглянуть ей въ глаза, молодая дѣвушка рѣзко вырвалась и оттолкнула его:

— Нѣтъ, нѣтъ... уходите!

— Астридъ!

— Слишкомъ поздно, Рейдаръ.

И убѣжала въ противоположный уголъ, повторяя:

— Слишкомъ поздно. Вы слышите?.. Уйдите же!

— Слишкомъ поздно?

Онъ широко раскрылъ глаза и шагнулъ къ ней.

— Уходите отсюда, слышите... Сейчасъ придетъ отецъ. О Боже, Боже!

Въ ея глазахъ свѣтился такой страхъ, что онъ невольно отступилъ. И, проводя рукой по лбу, повторилъ, словно говоря съ самимъ собой:

— Слишкомъ поздно? Слишкомъ поздно?

— Рейдаръ... вы меня съ ума сведете. Умоляю васъ, уйдите!

Онъ повиновался и позволилъ вытолкать себя за дверь. Но, все же, достаточно владѣлъ собой, чтобы сказать:

— Хорошо, я уйду, но... ты понимаешь, Астридъ, я вернусь.

Капитанъ заглянулъ въ кухню изъ столовой.

— Что здѣсь такое происходитъ? Кто это приходилъ?

Онъ увидалъ, что дочь наскоро поправляетъ растрепавшіеся волосы; и, не слушая ея растеряннаго бормотанья, что это приходилъ угольщикъ, подозрительно скривилъ губы и бросился къ выходной двери. Но на лѣстницѣ уже никого не было.

— Что тутъ такое происходитъ?—бормоталъ онъ, возвращаясь.

Подъ вечеръ, когда Астридъ почти ужъ успокоилась, ей принесли телеграмму: «Когда мы увидимся»? Что она можетъ отвѣтить? Отца, навѣрное, хватитъ ударъ, а ей самой придется разсказать Рейдару все про Гольта. И она написала въ отвѣтъ? «Невозможно. Забудьте меня». Потомъ долго сидѣла, держась за спинку стула, чтобы не упасть. И вдругъ невольно улыбнулась, не могла не улыбнуться—а все-таки онъ любитъ ее—онъ только-что держалъ ее въ объятіяхъ. Ей нестерпима была мысль просидѣть весь вечеръ въ этой душной квартиркѣ, окнами во дворъ; тянуло на воздухъ, къ зелени, на солнце. Но, вѣдь, она же написала: «Невозможно». Почему же она такъ долго охорашивалась передъ зеркаломъ и нарядилась, словно шла на свиданіе? Почему усѣлась въ паркѣ на скамью, словно ждала кого-нибудь? Немало молодыхъ людей проходило мимо; нѣкоторые изъ нихъ, издали, напоминали Рейдара—но почему она испытывала чувство разочарованія, когда они подходили ближе? Вѣдь она же знала, какой отвѣтъ она дала.

Капитанъ долго ждалъ вечерней трапезы и, когда Астридъ, наконецъ, вернулась, онъ, весь красный отъ злости, свирѣпо шагалъ изъ угла въ уголъ по маленькому зальцу.

— Ну-съ... Позвольте узнать, что это значитъ.

— Я пошла пройтись немного, — равнодушно отвѣтила Астридъ и направилась въ свою комнату.

— Ахъ, вотъ что! Фрекенъ захотѣлось прогуляться, а я... я весь день работалъ, мучился, и вечеромъ мнѣ не даютъ даже поужинать.

— На столѣ въ кухнѣ есть хлѣбъ и масло, — отвѣтила она съ недоброй улыбкой.—Я тоже сегодня немало перемучилась и теперь устала. Доброй ночи.

Онъ сталъ, какъ вкопанный, глядя на дверь, которую дѣвушка заперла за собой. Что это еще за новости? Никогда еще не бывало, чтобы дочь его такъ вела себя, *такъ* говорила съ нимъ. Онъ звалъ ее, стучалъ въ дверь, но дверь была заперта на ключъ и, позлившись около часа, онъ усѣлся и сталъ ду-

мать. Это ему напомнило... Ну да, напомнило покойную жену. И въ этотъ вечеръ капитанъ Рійсъ самъ забылъ поужинать.

На другой день Астридъ была опять такая, какъ всегда, но, когда, послѣ обѣда, капитанъ прилегъ соснуть, она—ну, да, честное слово! — она принялась играть на флейтѣ въ кухнѣ. Капитанъ уже спустилъ ноги на полъ, готовый бѣжать въ кухню—и вдругъ раздумалъ. Этотъ рѣшительный вызовъ, брошенный ему, это опять таки было живое повтореніе той... другой, и это повергало его въ какое-то странное безсиліе.

Послѣ обѣда Астридъ молола кофе на кухнѣ, когда на лѣстницѣ раздались знакомые шаги, и въ двери присунулась голова ея брата.

— Можно войти?

— Войди.

На этотъ разъ Иваръ былъ въ новомъ костюмѣ, вымытъ, выбритъ, и на лицѣ его было непривычное выраженіе серьезной рѣшимости.

— Какъ ты на меня смотришь!.. это потому, что я отправляюсь въ то путешествіе, о которомъ говорилъ тебѣ. И потомъ, мнѣ надо сказать на прощанье нѣсколько словъ старику.

Астридъ продолжала смотрѣть на брата какими-то странными, далекими глазами.

— О чемъ ты хочешь говорить съ нимъ, Иваръ?

Братъ откинулъ назадъ прядь рыжихъ волосъ, упавшую ему на лобъ, и усмѣхнулся.

— Да, о чемъ... Смѣшно, не правда-ли?... а, вѣдь, всѣ эти годы меня только и поддержило желаніе когда-нибудь предстать передъ отцомъ и прямо въ лицо ему бросить укоръ. Когда я былъ маленькимъ, онъ дралъ меня розгами до крови, до того, что сдиралъ кожу со спины; потомъ награждалъ такими тумаками и пинками, что я валился на полъ; потомъ отчитывалъ по двѣнадцати разъ на день. Уфъ! А я все время трусилъ, унижался, растирался мокрой тряпкой по полу, и онъ, конечно, думалъ, что я ни капельки не уважаю себя. Потомъ, я ему доставлялъ немало непріятностей, но это была только моя манера протестовать—тоже довольно низкая. Но сегодня, видишь ли... я нарочно занялъ у товарища костюмъ для такого торжественнаго случая. Много лѣтъ я думалъ и обдумывалъ, что̀ мнѣ сказать ему, и теперь, знаю — если только опять не растеряюсь въ его присутствіи и не собьюсь. Я приготовился и закалилъ себя.

Онъ стоялъ передъ нею, высокій, тонкій, гладко выбритый,

съ рыжими волосами и бровями, какъ мальчикъ, вертя въ рукахъ новую соломенную шляпу.

— Иваръ... и со мною сбылось то, что ты предсказывалъ. И для меня ужъ нѣтъ спасенія. Хуже всего то, что я стала нечестная и злая, и мнѣ доставляетъ удовольствіе мучить... отца.

Братъ съ минуту пристально смотрѣлъ на нее. Оттого ли, что онъ былъ одѣтъ прилично и въ новый костюмъ, но сегодня онъ былъ необычайно деликатенъ. Онъ сѣлъ возлѣ сестры, взялъ ее за руки... и, сама не зная, что̀ она дѣлаетъ, Астридъ понемножку все разсказала ему.

— Ахъ, такъ вотъ что!—молвилъ онъ.

И повернулъ блѣдное лицо къ окну.

Погладилъ по головѣ сестренку, потомъ всталъ. Астридъ показалось, что онъ сталъ выше ростомъ.

— Пойдемъ со мной,—сказалъ онъ.

— Нѣтъ, Иваръ... нѣтъ, нѣтъ!

— А я говорю: пойдемъ.

Онъ взялъ за руку, тащилъ ее за собою.

Она, ошеломленная, покорно шла занимъ: ей хотѣлось быть рядомъ съ братомъ, когда онъ станетъ лицомъ къ лицу съ крутымъ, властнымъ отцомъ. Но, если это... если *это* случится—то, что̀ еще недавно казалось ей безуміемъ, нелѣпостью... а потомъ страшной возможностью... да, тогда, пожалуй, и у нея, вѣдь, хватитъ мужества освободиться. Теперь это—единственный для нея путь спасенія. Но тотчасъ же она безсознательно поглядѣла на свои руки, какъ будто ожидая увидать ихъ окровавленными.

— Ну, идемъ же.

Они были уже въ темномъ корридорѣ, приближались къ двери...

— Иваръ, пусти меня... я не могу, ты слышишь?

— Идемъ!

Они вошли, но маленькая зала, выходившая окнами въ сѣрую стѣну, была пуста. Зато въ сосѣдней комнатѣ двигали стульями; отворилась дверь, и появился капитанъ, немного заспанный, въ старыхъ штатскихъ брюкахъ и въ венгеркѣ, застегнутой на всѣ пуговицы. Въ рукѣ у него была длинная трубка морской пѣны, и впалыя губы его двигались, какъ будто онъ еще посасывалъ чубукъ.

— Ну?—спросилъ, ища глазами подносъ, на которомъ Астридъ должна была принести ему кофе.—И вдругъ остановился, уже совсѣмъ проснувшійся. Передъ нимъ стоялъ его сынъ.

— Здравствуй, отецъ!

Молодой человѣкъ поклонился, но не рѣшался протянуть руку.

— Что это значитъ?

Трубка затряслась въ его рукѣ; старикъ невольно отступилъ на нѣсколько шаговъ.

— Я пришелъ проститься съ тобой, отецъ. Сегодня вечеромъ я уѣзжаю на пароходѣ въ Америку.

— Вотъ какъ!.. Опять въ Америку?

Капитанъ припоминалъ, сколько разъ уже онъ давалъ деньги сыну на это путешествіе — можетъ быть, онъ и теперь пришелъ просить денегъ.

Молодой человѣкъ спокойно смотрѣлъ на старика.

— Мнѣ помогъ товарищъ,—объяснилъ онъ.—И, надѣюсь, я больше никогда не попрошу у тебя денегъ.

— Спасибо. Такъ, значитъ, ты вправду уѣзжаешь нынче вечеромъ?

— Да.

— Отлично... — Старикъ поглядѣлъ на трубку и глубоко вздохнулъ.—Ну что же, Богъ съ тобою, Иваръ. Я... я постараюсь все забыть.

Молодой человѣкъ положилъ шляпу на стулъ и провелъ рукой по лбу, какъ бы собираясь съ духомъ.

— Мнѣ надо еще кое-что сказать тебѣ, отецъ.

Старикъ вообразилъ, что сынъ хочетъ просить прощенія, и знакомъ показалъ, что этого не нужно.

— Это безполезно, Иваръ. Веди себя лучше тамъ, куда ты ѣдешь—больше я отъ тебя ничего не требую.

— Я собственно не объ этомъ.

Наступила пауза. Отецъ и сынъ смотрѣли другъ на друга.

— Не объ этомъ? А о чемъ же?

Астридъ хотѣла было ускользнуть, но братъ затворилъ передъ нею дверь. Она взмолилась:

— Иваръ!

— Нѣтъ, Астридъ, ты останься здѣсь.

Капитанъ смотрѣлъ то на одну, то на другого.

— Что все это значитъ?

Астридъ прислонилась къ стѣнѣ; ей казалось, что полъ уходитъ изъ подъ ея ногъ. Вотъ сейчасъ... сейчасъ...

Иваръ, глядя прямо въ лицо отцу, сказалъ:

— Намъ надо свести счеты.

Капитанъ закусилъ губы.

— Ты бы присѣлъ, отецъ.

— Спасибо, мнѣ и такъ хорошо.

Онъ положилъ трубку на подоконникъ.

— Ты... вѣдь ты несчастливъ, отецъ?

— Что такое?!

Старикъ выпрямился.

— Мы тоже несчастны... Астридъ и я.

— Вотъ какъ? Что же, по-твоему, *я* въ этомъ виноватъ?

— А тебѣ это никогда не приходило въ голову?

Капитанъ шагнулъ къ нему и широко раскрылъ глаза. Наступила пауза.

— Иваръ!—снова взмолилась молодая дѣвушка, но братъ еще разъ удержалъ ее.

— Что ты такое сказалъ?

Иваръ опять провелъ рукой по лбу, какъ бы отыскивая нужныя слова.

— Да, отецъ, это правда, что судьба была немилостива къ тебѣ, но я хотѣлъ тебя спросить: если родители больны... развѣ это даетъ имъ право заражать своихъ дѣтей?

Старикъ откинулъ голову назадъ и уставился на него, разинувъ ротъ.

— Если родители всю жизнь чѣмъ-нибудь мучаются, развѣ это даетъ имъ право обрекать и дѣтей своихъ на ту же нескончаемую муку?

У капитана съ минуту было такое выраженіе лица, какъ у человѣка, съ котораго вѣтеръ сорвалъ шляпу, и онъ не знаетъ, въ какую сторону она покатилась... Овладѣвъ собою, онъ шагнулъ къ сыну:

— Ты и сегодня пьянъ, Иваръ. Уходи-ка ты лучше отсюда.

Молодой человѣкъ невольно отступилъ на нѣсколько шаговъ, какъ часто прежде, когда отецъ угрожалъ ему наказаніемъ, но у дверей остановился, преодолѣлъ себя и смѣло встрѣтилъ взглядъ отца.

— Уходи отсюда, Иваръ.

Но тутъ случилось неожиданное. Астридъ машинально стала рядомъ съ братомъ, и капитанъ вторично широко раскрылъ глаза.

— Да, отецъ, я уйду, но не раньше, чѣмъ ты узнаешь, какъ ужасна была наша молодость, Астридъ и моя.

Капитанъ перевелъ взглядъ на дочь.

— Астридъ!.. ты слышишь, что онъ говоритъ?

Молодая дѣвушка стояла, прислонясь къ стѣнѣ, блѣдная, дрожащая. Ей чудилось, что мать ея стоитъ съ ней рядомъ, и она невольно протянула руку, ища невидимой опоры.

— Астридъ!—повторилъ старикъ.—Ты слышишь?

Но дочь закрыла глаза, чтобъ не видѣть его взгляда.

Тогда капитанъ, въ свой чередъ, отступилъ на нѣсколько шаговъ, ощупью ища стула, на который бы онъ могъ опереться, глядя поочередно то на сына, то на дочь, какъ будто сговорившихся противъ него.

Сдѣлавъ усиліе надъ собой, Иваръ продолжалъ:

— Неужели ты никогда не задумывался, отецъ, надъ тѣмъ, какъ ты злоупотребляешь своей отцовской властью? Когда мы были маленькими, никогда намъ не разрѣшалось бѣгать, пѣть, смѣяться, играть, какъ всѣ другія дѣти. Мы должны были сочувствовать твоимъ огорченіямъ, ненавидѣть твоихъ враговъ, жалѣть тебя, становиться тѣмъ или другимъ, для того, чтобъ ты могъ, наконецъ, добиться мщенія и возмѣщенія несправедливостей. Для насъ никогда не свѣтило солнце—ни единый лучъ его. И вотъ... изъ меня вышло, что̀ должно было выйти... но теперь рѣчь идетъ объ Астридъ...

— Иваръ!—перебила его молодая дѣвушка.

И въ то же время одной рукой обняла брата за талію, словно ища у него помощи и защиты, и старикъ снова отступилъ назадъ. Дрожащимъ голосомъ, словно все еще не вѣря, что и дочь можетъ пойти противъ него, онъ позвалъ:

— Астридъ!... Астридъ!.. ты слышишь, что онъ говоритъ?

Капитанъ Рійсъ привыкъ чувствовать себя мученикомъ, на котораго ополчились и небо, и земля, но... чтобъ *онъ самъ* могъ быть передъ кѣмъ-нибудь виноватъ?.. Да что же это?.. Онъ топтался на мѣстѣ, словно боясь, что полъ провалится подъ нимъ.

— Астридъ! Почему ты не отвѣчаешь? Ты слышишь, дочь моя? Развѣ я... развѣ я былъ жестокъ съ тобой?

Молодая дѣвушка вздрогнула и снова закрыла глаза, и снова рука ея потянулась къ какой-то невидимой другимъ опорѣ.

Но Иваръ, самъ дрожавшій отъ волненія, понялъ, что у сестры ускользаетъ почва изъ-подъ ногъ, и пришелъ ей на помощь. Онъ подошелъ ближе и почтительно сказалъ:

— Я понимаю, что ты былъ несчастливъ, отецъ. И я... я прошу у тебя прощенія за многое. Но вотъ Астридъ...

— Иваръ!—умоляюще воскликнула дѣвушка.

Старикъ гладилъ ея волосы и повторялъ:

— Астридъ! Что же случилось съ тобою, дитя?

И молодой человѣкъ, переодолѣвъ себя, отвѣтилъ:

— Она невѣста.

— Иваръ! Иваръ!

Старикъ смотрѣлъ то на одного, то на другую, повторяя:

— Невѣста?

— Да. И ты, отецъ, не долженъ ей перечить.

— Я. Ну, конечно, нѣтъ, но...

— Она не смѣла сказать тебѣ.

Старикъ снова перевелъ взглядъ на дочь, которая теперь отстранилась отъ него.

— Это правда, Астридъ. Но почему же... кто же сватается за тебя?

— Рейдаръ Бангъ, сынъ генерала,—сказалъ Иваръ, отступивъ на шагъ назадъ.

— Иваръ!—простонала молодая дѣвушка, бросаясь къ двери.

Старикъ подошелъ ближе, какъ будто не разслышавъ.

— Кто, ты говоришь?

— Сынъ генерала Банга. Потому она и не смѣла сказать тебѣ,—повторилъ молодой человѣкъ, силясь удержать сестру, которая вырывалась отъ него.

Наступило молчаніе. Капитанъ пристально смотрѣлъ на дочь, прижавшуюся къ двери.

— Астридъ!.. Ты слышишь, что онъ говоритъ?

— Да, отецъ.

Она расхрабрилась, наконецъ, но все поглядывала на свои руки.

— Бангъ, ты говоришь? И это... это твой женихъ?

— Да, отецъ.

Она смотрѣла на отца широко раскрытыми глазами, словно ожидая катастрофы. Но старикъ стоялъ, не падая.

— Астридъ!—съ мольбою выговорилъ онъ.—Не шути такъ со мною... Скажи, что это... что это неправда.

— Это правда, отецъ,—пролепетала она.

И сейчасъ же закрыла глаза.

Братъ ея взялъ шляпу и направился къ двери, но въ дверяхъ обернулся.

Холодомъ вѣяло отъ этихъ дочери и сына; это были чужіе... враждебные люди... капитанъ вынужденъ былъ сѣсть, такъ какъ вся мебель плясала вокругъ него. Онъ протеръ рукою глаза, чтобъ убѣдить себя, что онъ не спитъ. Потомъ дотронулся до сѣдѣющихъ рѣдкихъ волосъ, словно думая, что они за эти нѣ-

сколько минутъ посѣдѣли. Попробовалъ засмѣяться, но смѣхъ его походилъ на икоту; попробовалъ встать—и поднялся лишь съ огромнымъ трудомъ. И, когда, наконецъ, поднялся, оперся одной рукой на спинку стула, другую заложилъ подъ воротникъ, чтобъ свободнѣе было дышать, и съ усиліемъ выговорилъ:

— Ну... будетъ... достаточ...но.

И поплелся въ свою комнату. Но въ дверяхъ обернулся черезъ плечо, прислонился къ косяку двери и выпрямился.

Онъ хотѣлъ сказать: «Прощайте»—и не смогъ. Все это... все это, навѣрное же, недоразумѣніе. Развѣ можно такъ отпустить отъ себя дѣтей. Лучше ужъ унизиться до оправданія передъ ними. И онъ началъ, словно обращаясь къ небольшой аудиторіи:

— Да, да... вамъ могло казаться, что здѣсь не хватаетъ солнца... это возможно—да. Вы жили не такъ, какъ большинство дѣтей въ вашемъ возрастѣ. Но я-то—*я* какъ жилъ? Развѣ ко мнѣ жизнь была справедлива? Развѣ мнѣ давали жить, какъ мнѣ хотѣлось? Я былъ когда-то юнымъ, честолюбивымъ поручикомъ, окончилъ академію, мечталъ подняться высоко, но пришлось спрятать въ карманъ честолюбивыя мечты и взять гражданскую должность, чтобы прокормить мать и младшихъ братьевъ. Потомъ надо было кормить вашу мать и васъ двоихъ. Мои товарищи могли работать, совершенствоваться и двигаться впередъ; а мнѣ—мнѣ надо было зарабатывать деньги—все больше и больше денегъ. И что же я имѣлъ взамѣнъ? Ваша мать—Богъ съ ней! миръ ея душѣ. Вы оба? Да, правда, я думалъ, что ты Астридъ, ты... Пусть! Богъ съ тобой. И ты—ты тоже считаешь меня преступникомъ.—Что-же это за жизнь! Есть ли еще человѣкъ, у котораго бы жизнь сложилась такъ, какъ у меня? Мнѣ-то свѣтило ли хоть когда-нибудь въ жизни солнце?—Ха-ха-ха!

Онъ хватался рукою за голову и хохоталъ зловѣщимъ смѣхомъ.

— Ну что жъ. Можетъ быть, я изъ тѣхъ, которые для того только и рождаются на свѣтъ, чтобъ ихъ всѣ топтали ногами... но... но съ этимъ примириться не легко...

Онъ понурилъ голову, словно ему стыдно стало, что онъ такъ раскрываетъ душу свою передъ дѣтьми.

— Отецъ!—Астридъ бросилась къ нему и обвила руками его шею.

Старикъ прижалъ ее къ себѣ и улыбнулся—дочь была возвращена ему.

— Отецъ, для Астридъ пришло время жить своею собственною жизнью. Если ты хочешь, чтобъ она была счастлива, ты *долженъ* согласиться.

Капитанъ все еще усиливался не вѣрить.

— Но, Боже мой! дитя... вѣдь ты... ты даже не знакома съ этой семьей?

И молодая дѣвушка, такъ долго лгавшая отцу, съ облегченіемъ во всемъ созналась:

— Нѣтъ, отецъ, я давно знакома съ ними. Я много разъ видалась съ нимъ. Я бывала въ домѣ у генерала. И его дочь съ давнихъ поръ... моя лучшая подруга.

На минуту старикъ опустилъ голову и весь согнулся словно подъ ударомъ. Такъ это правда? — послѣдній лучъ погасъ для него—его дѣти, передъ которыми онъ только-что раскрылъ свою душу, какъ на исповѣди... его дѣти измѣнили ему, передались врагу?

Онъ шагнулъ впередъ, схватилъ стулъ, поднялъ его и стукнулъ имъ по полу съ такою силой, что спинка стула сломалась.

— Превосходно!—вскричалъ онъ и захохоталъ.—Такъ ступай къ генералу. Ступай къ нему, Астридъ!

Онъ устремился впередъ, отворилъ дверь, побѣжалъ дальше и отперъ входную дверь, внѣ себя крича:

— Вонъ! Вонъ изъ моего дома!

Астридъ наскоро надѣла шляпу, схватила кофточку и, вмѣстѣ съ братомъ, перескакивая черезъ двѣ и три ступеньки, спустилась съ лѣстницы.

— Я добился-таки своего, — говорилъ Иваръ. — Но это было... это было не легко.

Подъ воротами Астридъ поправила шляпу, и оба вышли на улицу. Свѣтило яркое солнце; оба остановились, точно ослѣпленные.

— Куда же ты теперь пойдешь, Астридъ?

— Я... я вернусь къ отцу.

— Боже избави! Обѣщай мнѣ, что ты пойдешь къ своему жениху. Да я самъ провожу тебя. Я возьму извозчика.

— Нѣтъ, нѣтъ; лучше я провожу тебя на пароходъ. Вѣдь, тебя, навѣрное, никто не провожаетъ.

Первый разъ въ жизни братъ и сестра на извозчикѣ ѣхали по красивому, шумному городу.

Въ толпѣ суетливыхъ, озабоченныхъ людей на набережной братъ и сестра простились. Астридъ долго обнимала и цѣловала брата.

— Прощай, сестренка. Спасибо тебѣ за всѣ обѣды, которые ты контрабандой сберегала для меня.

Онъ силился засмѣяться.

— Пиши почаще, Иваръ. И обѣщай мнѣ хорошо вести себя, ты понимаешь?

Они разошлись въ разныя стороны, но уже на сходняхъ молодой человѣкъ услыхалъ голосъ сестры, звавшей его, и обернулся. Она вложила ему въ руку небольшой медальонъ.

— Возьми. Это маминъ.

— Нѣтъ, Астридъ, онъ твой, оставь его у себя.

— Возьми. Мнѣ больше нечего дать тебѣ. И думай—о ней и обо мнѣ...

Она улыбнулась сквозь слезы И затерялась въ толпѣ.

Семейство генерала Банга только-что вернулось съ дачи. Мужъ и жена, одни, сидѣли вечеромъ при свѣтѣ лампы. Ужъ поздно раздался звонокъ. И тотчасъ же вслѣдъ за нимъ стукъ въ дверь.

— Войдите!—сказалъ генералъ, поднимая голову и откладывая книгу, которую онъ читалъ.

Дверь отворилась, и Рейдаръ подтолкнулъ впередъ сконфуженную молодую дѣвушку.

— Это я и моя невѣста. Вы, быть-можетъ, не откажете пріютить ее... пока что...

Два часа спустя Астридъ лежала въ постели въ большой свѣтлой комнатѣ; генеральша, сидѣвшая возлѣ кровати, гладила ее по щекѣ и говорила, что все устроится отлично. А молодая дѣвушка смѣялась и плакала—и думала, неотступно думала о кофе, совсѣмъ уже готовомъ въ кухнѣ на столѣ, но такъ и не поданномъ. Она убѣжала изъ дому, какъ отъ пожара, и все бросила, какъ было. На ночь ей дали ночную рубашку Инги... Что-то теперь дѣлаетъ отецъ? Иваръ, навѣрное, теперь уже далеко отъ родного фіорда, и никогда больше она его не увидитъ... Столько всякихъ ужасовъ она перенесла сегодня, а потомъ—потомъ она провела нѣсколько часовъ съ Рейдаромъ, у него—и теперь она у его родителей, и всѣ наперерывъ ухаживаютъ за ней... Неужели все это не сонъ, не греза?..

Кончилось тѣмъ, что Инга перенесла свою кровать въ ея комнату и легла рядомъ съ подругой, которая боялась остаться одна.

Когда всѣ въ домѣ уже давно уснули, генералъ долго еще ходилъ изъ угла въ уголъ по толстому ковру, покрывавшему

полъ гостиной. Отъ времени до времени онъ останавливался и прислушивался, какъ бы надѣясь разслышать дыханіе красавицы-дѣвушки, такъ неожиданно отданной на его попеченіе.

Какъ она похожа на свою мать! Время-то какъ бѣжитъ!— и не замѣтилъ, какъ прошли года.

Перев. З. Журавской.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ПРАЗДНИКЪ НАЦІОНАЛЬНАГО САМОПОЗНАНІЯ

(Письмо изъ Берна).

Утромъ 15-го мая нов. ст., въ день открытія Національной швейцарской выставки, мнѣ пришлось итти по наряднымъ улицамъ Берна въ компаніи съ однимъ русскимъ мальчикомъ. Онъ взялся проводить меня по указанному мнѣ адресу.

— Глядите, какой огромный бернскій флагъ на крышѣ того дома,—воскликнулъ мальчикъ. Я очень люблю большущіе флаги. Такъ весело, когда кругомъ все украшено, вездѣ праздникъ!

— А почему,—спросилъ я,—у этого медвѣдя (гербъ Берна) на большомъ флагѣ такой огромный красный языкъ? Ты не знаешь?

Мальчикъ разсмѣялся:—Да, еще и закорюченный на концѣ,—дополнилъ онъ мое наблюденіе.—Вѣрно, онъ привыкъ всегда сладкое лизать.

— Да, должно быть, сладко ему живется. А можетъ быть, онъ дразнитъ насъ, русскихъ, своимъ языкомъ. А? какъ думаешь?

Мальчуганъ не согласился. Зачѣмъ ему дразнить насъ? Бернскій медвѣдь—премилый звѣрь, и всѣ чужіе находятъ у него наилучшій пріемъ. Вотъ онъ, русскій мальчикъ, учится здѣсь въ школѣ уже четвертый годъ и чувствуетъ себя совсѣмъ недурно.

Я поглядѣлъ на него внимательнѣй: въ швейцарскомъ черномъ плащикѣ (буркѣ) передо мной былъ все же настоящій, русскій мальчикъ, бѣленькій, со скуластою, смышленой рожицей. И въ то же время какая-то весело спокойная самоувѣренность въ каждомъ жестѣ, въ каждомъ словѣ ясно говорили, что этотъ школьникъ недостижимо далекъ отъ обычныхъ у насъ школьныхъ цѣпей. Хоть сейчасъ ставь его прямо на швейцарскую выставку, въ школьный отдѣлъ.

— А вы видѣли Маню въ кортежѣ? быстро спросилъ онъ.

— Какую Маню? нѣтъ, не видалъ.

— Ахъ, правда, вы вѣдь въ Бернѣ ничего не знаете... Маня,

дочка нашей жилицы. Она наряжена была въ фею и несла корзинку нарциссовъ. Не видали?

Вѣроятно, дѣло шло еще объ одномъ экземплярѣ *ошвейцаривающихся* въ здѣшней школѣ маленькихъ русскихъ. Да и какъ не ошвейцариваться? Самому національно-гордому сердцу нѣтъ возможности побѣдить сладкой заразы швейцарской школы, швейцарской культуры, дружелюбной къ дѣтямъ, ко всѣмъ людямъ безъ изъятія, довѣряющей свободному человѣку.

Щедрая, добрая, свободная культура! Она нашла себѣ ясное, нелицепріятное зеркало въ нынѣшней выставкѣ...

Вернусь, однако, къ кортежу, о которомъ упоминалъ мальчикъ. Когда пишешь о Швейцаріи, нѣтъ никакой возможности избѣжать описанія этихъ торжественныхъ процессій, безъ которыхъ не обходится ни одно выдающееся событіе, ни одинъ праздникъ. Часто процессіи составляютъ даже едва-ли не характернѣйшую часть даннаго общественнаго самопроявленія. Въ самомъ дѣлѣ, имъ никогда не свойственъ характеръ обыкновеннаго пестраго парада мундировъ да флаговъ, и отнюдь не въ однихъ мундирахъ и флагахъ здѣсь дѣло. Особенно это приходится сказать по поводу нынѣшняго выставочнаго кортежа. Кортежъ этотъ — своего рода передвижная выставка, въ которой руководители пытались символизировать уже заранѣе сущность, физіономію предстоящаго событія. И это до того здѣсь въ нравахъ, что только развѣ наблюдателю, впервые пріѣхавшему «отъ Ладоги холодной, отъ синихъ волнъ Невы, отъ Камы многоводной, либо отъ матушки Москвы», можетъ показаться смѣшнымъ и страннымъ смѣшеніе въ торжественномъ шествіи оффиціальныхъ «сферъ» Швейцаріи съ полуголыми гимнастами и—переряженными «старыми гренадерами» XVIII вѣка въ пудренныхъ парикахъ съ косицами и въ медвѣжьихъ шапкахъ въ полъ-человѣческаго роста.

Историческій маскарадъ, напоминающій зрителю пройденный родиной путь культуры, здѣсь также естественъ, какъ необходимымъ кажется присутствіе тутъ же «послѣдняго крика» прогресса. Въ качествѣ таковаго прохладнымъ утромъ 15 мая парилъ въ высотѣ надъ кортежемъ побѣдоносно жужжащій аэропланъ знаменитаго бернскаго рекордмэна Бидера, дважды перелетѣвшаго Альпы изъ Берна, черезъ сѣдую голову Юнгфрау въ Италію—и обратно.

Кортежъ отъ Парламентской площади въ центрѣ города потянулся мимо вокзала за городъ, по шоссе къ территоріи выставки. Всѣ самые важные, самые тучные и старые господа, начиная съ «высокаго» союзнаго совѣта (правительства), шли, «по образу апостольскаго хожденія», пѣшкомъ всѣ эти 3 версты, хотя, конечно, у

нихъ не было бы недостатка ни въ коняхъ, ни въ автомобиляхъ. Вѣдь надо показать народу, что его правители и руководители всегда готовы потрудиться въ потѣ лица для своихъ согражданъ и—избирателей. И, вѣроятно, многіе изъ участниковъ кортежа отъ души благодарили майское солнышко за его небесную снисходительность: оно только изрѣдка поглядывало на кортежъ въ голубыя окошечки между сѣрыхъ облаковъ; порой же принимался моросить любезный швейцарскому сердцу дождикъ.

Отряды конныхъ солдатъ съ офицерами предшествовали кортежу и замыкали его. Трудно привыкнуть въ мирной Швейцаріи, гдѣ сто лѣтъ не слыхано встрѣчи съ внѣшнимъ врагомъ, къ этому зрѣлищу затянутыхъ, подтянутыхъ воиновъ, кому-то угрожающихъ своими саблями наголо, своими автоматическими ружьями съ острымъ блестящимъ тесакомъ вмѣсто штыка, своими грохочущими по мостовой орудіями, впрочемъ закутанными сейчасъ—до поры до времени—въ кожаные чехлы. Трудно привыкнуть,—но вѣдь символъ-то вѣрный: живемъ мы, даже въ нейтральной Швейцаріи, среди желѣзнаго вѣка, который шутокъ не терпитъ, который обладаетъ нервами далеко не желѣзными и готовъ каждую минуту потребовать кровавой жертвы.

По слѣдамъ военной силы подвигается густая толпа цилиндровъ и сюртуковъ: устроители выставки, т.-е. ея центральный комитетъ, затѣмъ ея правленіе, ея главная комиссія и члены безчисленныхъ подчиненныхъ комиссій—по отраслямъ производства, по спеціальнымъ функціямъ—архитекторы, инженеры, художники и проч. Есть особый отпечатокъ у всѣхъ этихъ «штатскихъ» дѣятелей швейцарскаго народа: будто свои парадные костюмы одѣли они нехотя, по приказу праздничнаго этикета; будто они перерядились для случая, наспѣхъ, можетъ быть, въ магазинѣ готоваго маскараднаго платья, напрокатъ, и ждутъ лишь момента, чтобы вернуть взятое владѣльцу, а самимъ поскорѣй вернуться въ свой будничный пиджакъ съ котелкомъ, а то и облачиться въ рабочій фартукъ Такая ужъ у самыхъ «интеллигентныхъ» швейцарцевъ трудовая складка самой фигуры, даже, кажется, костей. Некрасивы они въ парадѣ: неуклюжи, фалды безпріютно болтаются, брюки кажутся непомѣрно длинными, привычныя къ дѣятельности руки сиротливо висятъ... То ли дѣло—парижскій фланеръ - французъ или напр. русскій благовоспитанный баринъ, либо сановникъ!

Передвижная выставка швейцарскаго общества льется мимо меня дальше, пестрая и подчасъ причудливая. Вотъ союзные пристава въ плащахъ краснаго съ бѣлымъ національнаго цвѣта несутъ какіе-то чудные, рѣзные скипетры, каждый скипетръ—иной, но

несомнѣнно средневѣковой формы. То грядетъ самолично союзный совѣтъ—характерныя физіономіи кремней-буржуа,—большею частью нѣмецкаго, угловатаго типа. Не надо никакихъ объяснительныхъ надписей, и такъ прочтешь: «мы твердо держимъ бразды правленія». И сзади нихъ, молча, проходятъ пристава со скипетрами.

Дипломатія нехотя тянется за Союзнымъ Совѣтомъ. Только въ этой «провинціальной» Швейцаріи могутъ лишать г. г. посланниковъ свойственной ихъ сану кареты. Международныя бюро мира, почтовое, желѣзнодорожное и т. д. еле поспѣваютъ за дипломатіей: все это большею частью заслуженные старички на покоѣ. Съ солиднымъ достоинствомъ подвигаются президіумы двухъ палатъ Союзнаго Собранія—Національя и Государствъ. Дальше—ряды высшей бюроктатіи. Въ числѣ прочихъ—національный школьный совѣтъ и директоръ союзнаго политехникума въ Цюрихѣ.

Потомъ непосредственно слѣдуютъ со своими знаменами—кто бы думали? Три союза, оффиціально представляющіе организацію широкихъ *народныхъ массъ*: 1) Швейцарскій ремесленный союзъ, 2) Швейцарскій крестьянскій союзъ и 3) Швейцарскій рабочій союзъ. И не подумайте, чтобы это были лишь пустые символы чисто декоративнаго характера; нѣтъ, это три, дѣйствительно мощныхъ экономическихъ организаціи, наполняющихъ своею борьбой всю швейцарскую ежедневность. Въ частности замѣчу здѣсь по поводу рабочаго союза: онъ—безпартійная организація *всего* (теоретически) наемнаго пролетаріата страны, имѣющая своими органами мѣстныя «рабочія палаты» для регулированія спроса и предложенія труда и трехъ секретарей, юристовъ и статистиковъ рабочаго движенія. Организація вполнѣ оффиціальная. Союзъ приноситъ безъ сомнѣнія значительную пользу рабочему классу; подавляющее большинство его членовъ принадлежитъ къ соціалъ-демократіи. О другихъ союзахъ скажу позже.

Слѣдуетъ хоръ городской музыки г. Берна и группа бернскихъ кантональныхъ и городскихъ властей. Кантональныя власти шествуютъ тоже со своимъ магически-торжественнымъ скипетрикомъ, знакомъ суверенитета. Городъ-Медвѣдь, въ лицѣ отцовъ города, являетъ видъ простого обывателя-имянинника, у котораго сегодня отъ радости «въ зобу дыханье сперло». Въ самомъ дѣлѣ вѣдь эта выставка—день его ангела, Берны (такъ зовутъ Бернъ, когда поэтически олицетворяютъ его въ видѣ городской богини съ башенкой-короной на макушкѣ). Вѣдь это онъ, Бернъ, ликуетъ сегодня тысячами флаговъ и флажковъ, и зеленыхъ гирляндъ, небывалыми народными толпами спозаранку вдоль пути кортежа, колокольными перезвонами, мѣдными трубами и пушечными выстрѣлами.

Ликуетъ городъ, и какъ ему не ликовать. Вѣдь онъ—городъ крохотный, хоть *тоже* и столица. 95 тысячъ жителей—это приблизительно, съ нашъ Нижній Новгородъ 10 лѣтъ тому назадъ. И вотъ, какъ ярмарка Макарьевская сразу увеличиваетъ вдвое число жителей Нижняго, такъ національная выставка—въ Бернѣ. Какая тутъ жизнь закипитъ, сколько «иностранца» понаѣдетъ, да съ деньгами! Разживется Берна, богиня изъ захудалыхъ, поправитъ свои скудныя дѣла. Конечно, разживутся преимущественно тѣ изъ ея дѣтей, у кого есть что предлагать наѣзжему люду—въ крайнемъ случаѣ, хоть какую-либо комнатку или хоть бы даже одну постель (отдающіяся комнаты и *постели*—всѣ на учетѣ у квартирнаго бюро для пріѣзжающихъ). Цифры могутъ нѣсколько освѣтить перспективу бернскаго ликованія. Чтобы выставка «оправдала» себя, требуется, чтобы число ея посѣтителей за всѣ 5 мѣс. ея существованія было не ниже 3.000.000 человѣкъ, т.-е. среднимъ числомъ по 20.000 человѣкъ въ день. Иначе сказать, населеніе города на время выставки должно возрасти, по крайней мѣрѣ, на 20%, притомъ болѣе или менѣе состоятельныхъ людей! Я видѣлъ, какъ потирали себѣ руки сіяющіе отцы города въ процессіи. Prächtig! Kolossal!

За республикой и городомъ Берномъ, съ новымъ оркестромъ музыки, слѣдовало нѣчто весьма живописное, но, увы, въ печальномъ смыслѣ слова, «историческое», отмершее: давнопрошедшая краса и цвѣтъ мѣстной жизни—ремесленные цехи съ вѣковыми рошкошно-шитыми знаменами, со знаменщиками, въ пухъ разодѣтыми по модѣ, по крайней мѣрѣ, XVI вѣка: въ беретахъ, въ страусовыхъ перьяхъ, въ бахромѣ, въ кружевахъ, въ золотѣ и серебрѣ. Тщетное украшеніе! Отмершая жизнь! Мы видѣли уже, что новыя, мощно-зеленыя организаціи идутъ далеко впереди почтенныхъ реликвій старины, рядомъ съ самими руководителями современности. Но таковы ужъ чудаки-швейцары: какъ бы далеко ни зашли они по пути прогресса — «модернъ», а все-же не хотятъ выпускать изъ рукъ, что унаслѣдовали отъ строившихъ фундаментъ ихъ общества пра-прадѣдовъ. Проходите мимо, цехи, проходите; ваша пышная гробовая красота никому не мѣшаетъ. Вы также цвѣтисто украшаете сѣрую прозу нашихъ дней, какъ ваши созданія—затѣйливо расписные фонтаны украшаютъ суровыя улицы стараго Берна: улицу Справедливости, Лавочную и Рыночную.

Какъ продолженіе цеховъ, пошли затѣмъ студенческія корпораціи, конныя и пѣшія, въ мягкихъ бархатныхъ беретахъ, либо въ крошечныхъ, какъ коробки отъ ваксы, шапочкахъ на кудряхъ, либо въ смѣшныхъ суконныхъ киверахъ, загнутыхъ верхомъ напередъ. Одинъ отрядъ студентовъ, повидимому, изъ самыхъ «благородныхъ»

слоевъ (вѣдь и въ Швейцаріи осталась кичащаяся своей древностью «аристократія»), шелъ при обнаженныхъ шпагахъ, и лица всѣхъ участниковъ безъ исключенія, исполосованныя безобразными, но страстно желанными шрамами, ярко свидѣтельствовали, что эти сыны науки отдаютъ maximum прилежанія благородной потѣхѣ взаимной рѣзни.

Какъ бы для контраста шли тутъ же профессорскія депутаціи университетовъ—все больше согбенныя подъ бременемъ учености фигуры; больше—блѣдныя лица, безучастныя къ шуму и сверканію дня. Ахъ, да кого же это я вижу среди нихъ?—никакъ, знакомое, родное лицо! Шапка непокорныхъ кудрей съ просѣдью выбивается изъ-подъ цилиндра, русская борода, общее «идеальное» выраженіе, напоминающее Герцена: ба, да это «нашъ» профессоръ Райхесбергъ изъ Бернскаго университета. Поглядѣлъ на меня строго и торжественно, прилично случаю, но вижу—не узналъ. Ахъ, профессоръ, профессоръ, далеко вы залетѣли отъ родимой науки, спрашиваете ли вы себя когда-либо: «Жива-ль понынѣ? все также-ль манитъ въ лѣтній зной она прохожаго въ пустынѣ?...» и т. д. Но что васъ касается, едва-ли не позавидуютъ вамъ многіе и многіе русскіе ученые. Здѣсь вы безпрепятственно издаете свои прекрасные статистико-экономическіе словари, здѣсь васъ цитируютъ, какъ авторитетъ и источникъ знаніи, а ежели бы въ Москвѣ... махаемъ рукой! Вѣдь вы—образа мыслей, «потрясающаго основы». Шагайте же съ миромъ, профессоръ, по направленію къ выставкѣ вашей второй матери—швейцарской культуры.

Безконечныя шеренги гимнастическихъ обществъ маршируютъ легкимъ, эластическимъ шагомъ. Они—всѣмъ зрителямъ понятный и дорогой символъ физической силы націи, ея, такъ сказать, элементарной правоспособности къ побѣдѣ въ борьбѣ за жинь. Но меня, человѣка другой страны и воспитанія, какъ-то раздражаетъ видъ этихъ людей въ коротенькихъ бѣлыхъ штанахъ и полосатыхъ фуфайкахъ безъ рукавовъ, декольтэ. Я съ дѣтства привыкъ встрѣчать подобное одѣяніе только у одной породы людей—уличныхъ акробатовъ и канатныхъ плясуновъ. И мнѣ все сдается, помимо сознанія, твердящаго иное,—что не годится и совѣстно выставляться на показъ въ такомъ легкомысленномъ видѣ. Но я храню, конечно, молчаніе объ этихъ отечественно-уѣздныхъ движеніяхъ души; шеренги же подвигаются серьезно и стройно, будто отбывая какую-то важную повинность.

Я все же не безъ тайнаго національнаго самодовольства отмѣчаю про себя, какъ эти искусственно-тренированные гимнасты невыгодно отличаются въ тѣлесномъ развитіи отъ нашихъ «нату-

ральныхъ», напр. молодцовъ-новобранцевъ, только-что, съ пылу-горяча, доставленныхъ деревней. Здѣсь самые мускулистые люди почти неизмѣнно узкогруды, спины дугою. Гдѣ этимъ продуктамъ чахоточныхъ городовъ до нашихъ доморощенныхъ геркулесовъ! Одно омрачало мой припадокъ патріотизма: «не дозволено» моимъ соотечественникамъ соединять свои мощныя природныя силы для геркулесовскихъ дѣлъ. А то бы, гляди, чего понадѣлали!..

Въ заключеніе кортежа пошли безъ конца бернскія ребята, учащіяся разныхъ школъ. Особенно тутъ были представлены мальчуганы болѣе или менѣе военнаго образованія: сотни двѣ кадетъ, какое-то «Юношеское ополченіе» (die Jugendwehr), наконецъ, пресловутые «слѣдопыты» въ одеждѣ калифорнійскихъ Row-boys: въ широкой, подпоясаной блузѣ цвѣта хаки съ засученными рукавами, дождевой шляпѣ и горныхъ башмакахъ. Вмѣсто ружей, какія имѣлись у кадетъ, «слѣдопыты» несли по палкѣ съ остріемъ для втыканія въ землю. Оффиціальная Швейцарія въ восторгѣ отъ этихъ малышей, которымъ, повидимому, не безъ успѣха прививается вкусъ къ военной потѣхѣ.

Сотня конницы—и кончено шествіе. Мы, зрители, остаемся передъ замкнутымъ покамѣстъ для насъ главнымъ порталомъ выставки. Два колоссальныхъ каменныхъ медвѣдя взираютъ на насъ оттуда повелительно, и рядъ солдатъ съ офицерами во главѣ образуютъ передъ нами живую баррикаду. До 1 часа дня публику не приказано пускать. Мы только любуемся сквозь нѣсколько пролетовъ воротъ на оживленное движеніе бывшихъ участниковъ кортежа по территоріи выставки.

Кончена предварительная выставка живого элемента національной культуры—людей. Надо переходить къ обзору созданныхъ людьми запасовъ и орудій культуры матерьяльной.

Послѣ обѣда и я сподобился, наконецъ, пройти подъ высокимъ дозоромъ бернскихъ государственныхъ «мишекъ» внутрь національной выставки. И она сразу подавила меня. Я не ожидалъ ни такого огромнаго протяженія ея—до $1^1/_2$ километра въ длину, ни такого богатства предметовъ для обозрѣнія въ первыхъ же, наудачу выбранныхъ павильонахъ. Такая страна—карликъ, такой, кажется, обиженный природою, народецъ-пигмей—и этакій богатырскій размахъ, неисчерпаемый, золотой рудникъ производства!

Справившись съ первымъ ощущеніемъ обозрѣвательскаго безсилія, я рѣшилъ, руководствуясь планомъ выставки, начать послѣдовательный обзоръ [съ правой отъ входа стороны выставки, гдѣ расположились павильоны сельскаго хозяйства и примыкающихъ къ нему отраслей народнаго труда. Вѣдь швейцарцы лю-

бятъ до нашихъ дней выдвигать на первый планъ именно сельскій характеръ своей страны, да и многіе-многіе иностранцы при словѣ Швейцарія настраиваются въ ту же минуту на мирно-пасторальный ладъ; вспоминаются имъ простые, но славные горные пастухи, стада пятнистыхъ коровъ съ огромными колоколами на шеѣ среди изумрудной зелени альпійскихъ пастбищъ, у самыхъ ногъ какого-либо искристо-кристальнаго, голубого ледника. Раздаются въ ушахъ чистые, плѣнительные звуки горнаго рожка... Вотъ и я пошелъ искать пастушескую Швейцарію.

Набрелъ въ крайнемъ правомъ углу выставки на «Dörfli», иначе—«Швейцарскую деревню». Мнѣ было давно извѣстно, что такая «Dörfli» составляетъ излюбленный «гвоздь» всякой швейцарской выставки, и даже на всемірныя выставки Швейцарія везетъ это національное сокровище. Что жъ, поглядимъ, что за «Dörfli».

Точно справившись по плану, ищу глазами этихъ живописныхъ горныхъ шале съ широкимъ, какъ грибъ, навѣсомъ крыши и наложенными по крышѣ камнями для охраны ея отъ буйнаго горнаго вѣтра; ищу скромной деревянной колоколенки съ острымъ шпицемъ... Ничего подобнаго. Вмѣсто того передо мной, на точно указанномъ мѣстѣ—пространное каменное зданіе, построенное покоемъ въ одинъ этажъ, и изъ центра его гордо вздымается къ небесамъ массивная, высокая каменная башня. Вотъ такъ Dörfli! Пра-пращуру Вильгельму Теллю она бы показалась всѣмъ, чѣмъ угодно: хозяйственными службами какого-либо бенедиктинскаго монастыря, однимъ изъ укрѣпленныхъ замковъ ландъфохта Гесслера, но только не обиталищемъ его собратій, сельскихъ жителей конфедератовъ. Да, подумалось бы ему, привычка къ душнымъ тѣснымъ городамъ измѣнила таки за 600 лѣтъ вкусы моего свободолюбиваго народа.

Только ближе приглядѣвшись, замѣчаешь деревенскіе мотивы въ стильныхъ подробностяхъ зданія, въ его отдѣлкѣ. Стиль въ общемъ—простой и стройный модернъ, какъ онъ именно примѣняется на новѣйшихъ каменныхъ постройкахъ Швейцаріи. Но высокія черепичныя кровли, долговязыя трубы, крытыя галлерейки, сплошные ряды широкихъ окошекъ со ставнями, все это взято, несомнѣнно, изъ уютной деревенской архитектуры, въ особенности, бернскихъ патріархальныхъ и домовитыхъ фермъ. Но нечего и говорить, что нигдѣ въ деревнѣ вамъ не увидать ни такого изобилія—можно сказать, до пресыщенія,—этихъ «простыхъ» деревенскихъ деталей, ни такой ихъ сложной путаницы. Въ газетахъ пишутъ, что здѣсь намъ, конечно, показывается не теперешняя деревня, какую вездѣ найдешь, а деревня, скорѣй, идеальная, деревня будущаго,

о какой мечтаютъ сейчасъ одни художники. Не знаю; но если въ будущемъ швейцарцамъ предстоитъ жить кучами въ подобныхъ стильно-деревенскихъ муравейникахъ, я, сынъ угнетенной, но, слава Богу, широко-просторной страны, отказываюсь понять узкіе вкусы будущихъ швейцарцевъ. Впрочемъ, я не забываю, что здѣсь мы имѣемъ дѣло, скорѣй, съ «школьными» предразсудками *нынѣшнихъ* архитекторовъ.

Что же внутри «деревни»? Внутри все—деревенское. Т.-е. проходишь, напр., вереницей уютненькихъ комнатъ съ деревянной облицовкой стѣнъ, съ рѣзными балками по потолку; пахнетъ крѣпко и пріятно горной елью, не то кипарисомъ. Въ комнатахъ, на столикахъ навалены груды чудесныхъ кустарныхъ вещицъ изъ высокихъ долинъ бернскаго Оберланда: рѣзныхъ деревянныхъ фигуръ, коробокъ, корзиночекъ, игрушекъ. Въ другихъ комнаткахъ аппенцельскія рукодѣльницы въ мѣстныхъ костюмахъ предлагаютъ вамъ на продажу свои ручныя вышивки, отъ паутиннаго изящества которыхъ даже у малочувствительнаго существа мужского пола подчасъ духъ занимается. Вотъ, гдѣ будутъ изнывать отъ восторга и оставлять свои соверены и доллары англійскія и американскія богачихи, которыя понаѣдутъ сюда лѣтомъ.

Другое крыло «деревни» занято выставкой обстановки и посуды въ сельскомъ, т. е. коренномъ швейцарскомъ стилѣ. Мнѣ не пришлось повидать ее ближе, ибо, какъ всегда при началѣ выставки, еще не все готово—не только здѣсь, но и во многихъ павильонахъ. Надо, впрочемъ, оговориться, что не готовы въ Бернѣ однѣ лишь детали, правда, довольно многочисленныя, хотя и несущественныя для всего цѣлаго. Общая же картина выставки, ея, такъ сказать, живая душа—уже опредѣлилась вполнѣ; да и въ деталяхъ она уже сейчасъ удовлетворитъ большую часть даже требовательныхъ спеціалистовъ.

Въ «деревнѣ» есть еще: пасторскій домъ, кабачекъ «zum Röseligarte», церковь и кладбище. Пасторскаго дома и кабачка, къ огорченію, тоже не видалъ, а кладбище не представляетъ ничего спеціально-деревенскаго. Церковь, подъ общей кровлей которой мирно уживаются—точь въ точь, какъ и въ самой Швейцаріи—отдѣлъ протестантскаго культа и отдѣлъ католическаго, очень красива внутри, но цѣликомъ—стиля модернъ. Въ особенности католическій алтарь поражаетъ изысканнымъ модернизмомъ изображеній, и, глядя на искреннюю и сильную экзальтированность фигуръ и лицъ, удивляешься, до чего еще въ коренной Швейцаріи свѣжи чувства, казалось, такъ потрясенныя реформой четыре вѣка тому назадъ. Живучесть католицизма вообще, кажется, въ наше время слишкомъ

низко оцѣнивается: онъ все еще умѣетъ утолять для многихъ душъ жажду радужной поэзіи среди скучныхъ будней дѣлового дня.

Въ итогѣ, «деревня» все же не совсѣмъ понапрасну пользуется симпатіей здѣшней публики. Конечно, на нашъ черноземный, хлѣбный, если можно такъ выразиться, аршинъ, въ ней не хватаетъ самаго главнаго: земли, хлѣбопашества. Но она исполняетъ здѣсь иную и милую швейцарскому сердцу роль: въ «деревнѣ» нація познаетъ въ концентрированномъ выраженіи свой коренной, національный художественный вкусъ; стремится сохранить это дорогое наслѣдство и привить его современникамъ. И устроило «деревню» общество «Heimatschutz».

Хлѣбопашества, впрочемъ, весьма мало встрѣтите и въ остальныхъ частяхъ сельскаго отдѣла. А лучше сказать во всемъ этомъ отдѣлѣ видно гораздо больше машинъ, механическихъ приспособленій всякаго рода и искусственныхъ, чисто промышленнаго характера «подсобій» сельскому хозяйству, чѣмъ самаго сельскаго хозяйства въ его непосредственномъ, «естественномъ» видѣ. Я, конечно, не собираюсь здѣсь знакомить читателя со всѣми подробностями этого отдѣла. Но, бросая общій на него взглядъ, отмѣчаю поразительно скромное мѣсто, занимаемое «основною отраслью національнаго производства», какъ продолжаютъ здѣсь выражаться, въ странномъ стремленіи воображать себѣ сегодняшнюю Швейцарію страной сельской, крестьянской по преимуществу.

Выставка фактическимъ, объективнымъ образомъ неопровержимо доказываетъ всю благонамѣренную утопичность этихъ тщетныхъ стараній. Тотъ небольшой каменный сарай съ образцовымъ скотомъ, тѣ немногіе снопы колосьевъ — правда, огромныхъ и тучныхъ — какіе пріютились въ павильонахъ одного изъ угловъ сельско-хозяйственнаго отдѣла, громко кричатъ о безвозвратномъ удаленіи страны отъ временъ сельскихъ и пастушескихъ идиллій. Тѣмъ не менѣе надо признать, что въ скромныхъ предѣлахъ своей ближайшей области сельское хозяйство Швейцаріи работаетъ образцово. Что за скотину привелось видѣть мнѣ здѣсь! Никогда не забуду собранія красавицъ коровьяго рода, смирно жующихъ жвачку въ усовершенствованныхъ стойлахъ, красавицъ, необычайно рослыхъ, большеглазыхъ и розово-кожихъ съ изысканными именами. Но что всѣ красавицы въ сравненіи съ богатыремъ-быкомъ по имени Floquet, который тутъ же рядомъ прикованъ къ яслямъ толстою цѣпью, трижды обвивающей его голову. Г-нъ Floquet способенъ внушить ужасъ зрителю своимъ истинно мастодонтовымъ ростомъ и массивностью частей своего тѣла. Bos primigenius, древній буйтуръ позавидовалъ бы пропорціямъ, какія

являетъ этотъ bos modernus. Нѣтъ сомнѣнія, скотоводство процвѣтаетъ на родинѣ сыра-грюйера и эмменталя, но нѣтъ также сомнѣнія, процвѣтаніе это достигается научно-поставленной техникой, вполнѣ сходной съ техникой промышленности обрабатывающей.

Пройдитесь, въ самомъ дѣлѣ, гдѣ стремятся поразить ваше воображеніе своими стѣнными таблицами Крестьянскій союзъ и національный, и кантональные департаменты земледѣлія, Все это научно-техническое великолѣпіе—анатомическіе разрѣзы коровьяго вымени вдоль и поперекъ, съ инъекціей сосудистой системы синей краской либо расплавленнымъ металломъ и т. п. говорятъ лишь о расцвѣтѣ *zootexiu*, т. е. технологіи въ скотоводствѣ. Подробнѣйшее агрономическое изученіе наилучшихъ веществъ и способовъ для кормленія и ветеринарное изученіе болѣзней скота и проч. каждымъ новымъ препаратомъ, каждою подробною таблицей субсидій на улучшеніе породы свидѣтельствуютъ о томъ, какъ много сдѣлали швейцарскіе крестьяне съ помощью своихъ правителей со временъ, такъ сказать, естественнаго самовоспитанія скота по натуральнымъ пастбищамъ. Но какъ сложно и дорого такое хозяйство, и какими же денежными средствами должны располагать здѣшніе крестьяне, чтобы содержать этакихъ мамонтовъ-быковъ, примѣняясь къ ихъ потребностямъ до мелочей!

Впрочемъ, вотъ маленькая статистика крестьянскаго скотовладѣнія въ кантонѣ Цюрихъ съ 1866—1906 г., по кантональнымъ переписямъ скота:

	1866	1876	1886	1896	1906
Владѣльцевъ крупнаго рогатаго скота	21.332	20.463	20.194	19.044	17.967
Число головъ	70.199	74.654	88.637	102.292	112.240
Средняя цѣна во франкахъ	160	246	298	435	420
Общая цѣнность въ 1000 франковъ. . .	11.232	18.365	26.414	34.891	47.140
Головъ въ среднемъ на 1 владѣльца .	3,3	3,6	4,4	5,4	6,3
Цѣнность на одного владѣльца . . .	527	898	1.308	1.832	2.624

Цюрихскій кантонъ типиченъ для всей страны, и отсюда видно, что это за господа—здѣшніе крестьяне. Богатство ихъ за 40 лѣтъ возросло въ среднемъ, на душу, въ 4 раза (хотя общее число крестьянъ убыло), и каждый обладаетъ, въ *среднемъ*, 6 коровами вродѣ тѣхъ «Гусаровъ» да «Тюльпановъ», что поражаютъ взоръ на выставкѣ. Вотъ, и разгадка чрезмѣрныхъ стараній устроителей выставки возвеличить «первичное производство», т. е. сельское хозяйство въ ущербъ чисто-промышленнымъ отдѣламъ выставки. Крестьянство, хотя и играющее относительно все меньшую роль въ общемъ ходѣ національнаго труда, тѣмъ не менѣе

является *собственникомъ всей удобной земли,* богатѣетъ, крѣпнетъ и лучше оплачивается, ограждаетъ и усугубляютъ свои доходы протекціонными пошлинами, и, конечно, въ центральномъ и мѣстныхъ правительствахъ и парламентахъ находитъ своихъ преданныхъ бардовъ.

Къ предыдущему, для лучшаго освѣщенія, надо прибавить, что въ 1906 г. изъ общаго числа цюрихскихъ крестьянъ обладали 1—2 головами скота 14,2% всѣхъ владѣльцевъ, 3—4 головами 22,5%, 5—10 головами *52,2%* и болѣе 10 головъ 11,1%. Т.-е. скотовладѣніе распространено въ средѣ крестьянства довольно равномѣрно и притомъ—съ перевѣсомъ въ сторону *болѣе крупнаго* владѣнія. Словомъ, живутъ—«помирать не надо», какъ сказалъ бы нашъ голодающій «житель». Хлѣба, дѣйствительно, почти не сѣютъ, ибо сырой климатъ и градобитія, слишкомъ частыя у подножія холодныхъ гигантовъ—Альпъ, для хлѣба слишкомъ не благопріятны. Пастбища и искусственные луга куда выгоднѣе хлѣба.

И главная надежда самихъ аграріевъ-крестьянъ (которые здѣсь съ полнымъ успѣхомъ замѣняютъ германскихъ аграріевъ-помѣщиковъ) лежитъ такъ же мало въ естественныхъ факторахъ производства—землѣ, погодѣ, даже не столько въ ближайшемъ «средствѣ производства» трудового крестьянства—неусыпномъ трудѣ, сколько во всякихъ техническихъ ухищреніяхъ, которыя приноситъ съ собою капиталъ. Капиталистами, по существу, и являются швейцарскіе крестьяне съ числомъ головъ скота отъ 5 до 10 и болѣе, даже въ патріархальныхъ высокихъ долинахъ Верхняго Валлиса и Граубюндена, гдѣ до сихъ поръ процвѣтаетъ земельная община, и гдѣ въ то же время особенно многочисленъ разрядъ крупныхъ крестьянъ, обладающихъ 20 и болѣе головами скота, т.-е. капиталомъ—помимо земли и проч.—въ 5.000 фр. и выше.

Поэтому тщетны, въ концѣ концовъ, всѣ противопоставленія «первичнаго производства» (Urproduction)—промышленному. Тщетны, напр., старанія могучаго крестьянскаго союза на выставкѣ внушить посѣтителю мысль, что до сихъ поръ Швейцарія только и держится, что «первичнымъ производствомъ». Совершенно фантастической надо признать и горделивую картину, развѣшенную этимъ союзомъ во всю стѣну прямо противъ входа въ павильонъ споспѣшествованія сельскому хозяйству. Картина или діаграмма изображаетъ гигантскаго роста швейцарскаго крестьянина, по сравненію съ болѣе или менѣе ничтожными карликами разныхъ другихъ отраслей производства, карликами, все убывающими въ ростѣ направо и налѣво отъ гиганта, чѣмъ дальше они отъ него стоятъ.

Я говорю—картина безусловно фантастическая, и получена она

лишь путемъ такъ сказать статистической передержки, а именно: ежегодный валовой доходъ сельскаго хозяйства страны—около 700 милл. фр.,—воплощаемый въ гигантѣ, сравнивается здѣсь съ ежегоднымъ валовымъ доходомъ *отдѣльныхъ отраслей* промышленности: а) хлопчатобумажнаго производства, б) шелковаго производства, в) часового производства, и т. д.! Иными словами, крестьянинъ изображается, какъ единый хозяинъ-большакъ, у котораго въ кулакѣ состоитъ все сельское хозяйство страны, а промышленность—раздробленной между абсолютно-исключающими другъ друга капиталистами. Пріемъ, который, при желаніи, можно было бы продолжить до полнаго распыленія всей индустріи и торговли на отдѣльныя предпріятія, и тогда нашъ гигантъ могъ бы еще нагляднѣе торжевать побѣду надъ своими антагонистами, ползающими у его ногъ, какъ муравьи.

Въ дѣйствительности, конечно, слѣдовало бы противопоставить *все* сельское хозяйство *всей* промышленности и *всей* торговлѣ. Тогда бы, напр., для 1906 г., по вычисленію, получилось:

Валовой ежегодный доходъ сельскаго хозяйства	730	милл.	фр
» » » промышленности .	1.470	»	»
» » » торговли, капиталовъ и сообщеній	894	»	»
Итого около	3.100	милл.	фр.

т.-е. сельское хозяйство даетъ *менѣе* $^1/_4$ всего ежегоднаго производства страны, и крестьянина на картинѣ пришлось бы изобразить едва по-поясъ гиганту—промышленности и головой ниже рослаго молодца—обращенія.

Но, кромѣ того, само сельское хозяйство до такой степени индустріализировалось въ Швейцаріи, что цѣлыя его вѣтви, а лучше сказать, подавляющая часть его ничѣмъ существенно не разнится отъ промышленности обрабатывающей Ступайте, напр., вотъ въ этотъ павильонъ «молочнаго хозяйства» рядомъ съ названнымъ ранѣе павильономъ, гдѣ такъ хвастаетъ собою Крестьянскій союзъ. И вы увидите, что эта *главная отрасль* сельскаго хозяйства, доставляющая ежегодно для вывоза на 200 милл. фр. приблизительно разныхъ молочныхъ продуктовъ, работаетъ совершенно фабричнымъ манеромъ. Сравните выставленныя въ «молочномъ музеѣ» (первая комната отъ главнаго входа павильона) старинныя орудія сыроваренія—расписанныя и изукрашенныя восхитительной рѣзьбой деревянныя чашки, ложки и плошки—съ наполняющими цѣлый огромный залъ совре-

менными паровыми котлами, центрофугами и колоссальными мѣдными чанами. И вы вынесете неизгладимое, никакими якобы статистическими діаграмамми неопровергаемое убѣжденіе: «національное» крестьянское молочное хозяйство въ Швейцаріи—одна изъ отраслей современной крупной промышленности. Образцы тщательныхъ химическихъ и механическихъ анализовъ молока, разныхъ сортовъ масла и сыра въ тутъ же выставляемой «полной молочной лабораторіи»—только еще довершаютъ ваше наглядное обученіе.

Нужно помнить, что молоко обрабатывается давнымъ давно не въ отдѣльныхъ хозяйствахъ, не въ разбросанныхъ между снѣговъ маленькихъ лѣтнихъ шале, а въ центральныхъ молочныхъ *кооперативнаго молочнаго союза* каждой мѣстности. Прибавьте, что всѣ молочные кооперативы во всей странѣ объединены въ одинъ мощный кооперативный союзъ, орудующій собираемымъ со всѣхъ членовъ союзнымъ капиталомъ. И въ данномъ случаѣ кооперативная форма, аналогично формѣ акціонерной, пользуетоя своею мощью для эксплоатаціи потребителя молочныхъ продуктовъ путемъ повышенія цѣнъ. Правда «національная» швейцарская форма синдиката или треста—молочнаго треста,—даетъ возможность выгодами отъ концентраціи пользоваться *сравнительно* широкой и *сравнительно* демократической массѣ,—но въ концѣ концовъ, все-же привилегированнаго класса крестьянъ, на счетъ другихъ, гораздо болѣе обширныхъ массъ и классовъ непривилегированныхъ (на 3.700.000 населенія приходится въ Швейцаріи 215.000 крестьянъ-скотовладѣльцевъ).

Послѣ этого не стану ужъ останавливаться на другихъ, болѣе или менѣе второстепенныхъ отдѣлахъ выставки сельскаго хозяйства, какъ винодѣліе, птицеводство, коневодство, овцеводство, лѣсоводство, садоводство и проч. Скажу лишь, что въ соотвѣтствующихъ павильонахъ вы можете увидѣть перлы этихъ «искусствъ»: швейцарцы во всѣхъ большихъ и малыхъ областяхъ труда проявляютъ ту же невѣроятную степень энергіи въ примѣненіи современныхъ завоеваній человѣческаго ума и въ примѣненіи—капитала.

Лишь съ эстетической точки зрѣнія не могу обойти молчаніемъ павильона рыбоводства. Здѣсь есть чудный, сказочный залъ, гдѣ вы ощущаете себя попавшимъ въ подводное царство. Прямо съ дневнаго свѣта вы вступаете почти въ полный мракъ; шумъ и журчанье бѣгущей воды раздается кругомъ. Приглядѣвшись, сквозь толпы тѣснящихся у низкихъ стѣнъ силуэтовъ зрителей, вы разбираете голубое сіяніе откуда-то, изъ-за стѣнъ падающаго свѣта, проходящаго черезъ сотню акваріумовъ, вдѣланныхъ въ стѣны. Въ акваріумахъ струится текучая вода, и играютъ стада разнообразныхъ

рыбъ, выставляемыхъ здѣсь, должно быть, водяными богами всѣхъ голубыхъ альпійскихъ озеръ. Много здѣсь знакомыхъ русскому породъ: щукъ, окуней, налимовъ, линей, лещей, карповъ и т. д. Но часто эти знакомцы—глядя по озеру, откуда происходятъ, представляютъ какія-то чуждыя, странныя разновидности; иныя щуки достигаютъ столь же чудовищныхъ размѣровъ, какъ привелось видѣть мнѣ въ благословенномъ Чудскомъ озерѣ у города Пскова. Но часть породъ—совершенно неизвѣстныя коренной Россіи: это различныя форели, въ томъ числѣ ненаглядныя «радужныя форели», а затѣмъ разныя породы озерныхъ сиговъ, напоминающихъ сиговъ русскаго Сѣвера и Сибири.

Въ дѣйствительности, и эти живыя богатства—происхожденія искусственнаго, промышленнаго, капиталистическаго. Ибо всѣ эти акваріумы выставляются отнюдь не царемъ морскимъ, и также не простыми «рыбарями», а акціонерными обществами рыбоводства съ ихъ бассейнами для искусственнаго разведенія рыбы. Тѣ же общества въ другомъ залѣ покажутъ и весь трудный процессъ искусственнаго воспитыванія рыбьяго царства отъ икринки и крохотнаго малька до зрѣлой поры. И ясно становится, отчего въ густо населенной Швейцаріи никогда не замѣчается недостатка въ прѣсноводной рыбѣ, и она довольно даже дешева, а у насъ даже въ Волгѣ и Каспіи рыба вымираетъ...

Послѣднимъ въ правой сторонѣ выставки я посѣтилъ павильонъ сельскохозяйственныхъ машинъ и орудій и убѣдился, что владыка страны-крестьянинъ всюду и во всемъ, вплоть до практичнаго привязыванія скота на случай пожара, до взваливанія мѣшковъ на телѣгу и до покрытія копенъ сѣна отъ дождя, пользуется или желаетъ пользоваться самоновѣйшими техническими пособіями. До чего это желаніе доходитъ, видно изъ тутъ же пріютившейся трогательной выставки «охраны животныхъ». Пускай бы охраняли только домашнихъ животныхъ—лошадей, собакъ, домашнюю птицу—отъ дурного обращенія, какъ настойчиво взываетъ въ развѣшиваемыхъ по деревнямъ плакатахъ «Союзъ для защиты домашнихъ животныхъ». Нѣтъ, практичный швейцарецъ хочетъ охранять и вольныхъ, лѣсныхъ тварей, коли онѣ—враги его враговъ. Я видѣлъ цѣлый музей комфортабельныхъ, искусственныхъ гнѣздъ для личинкоядныхъ дятловъ и для насѣкомоядныхъ синицъ, удодовъ и т. д. Тутъ же—цѣлая серія остроумнѣйшихъ кормушекъ съ зернами для тѣхъ же птицъ. Изобрѣтатели хвалятся въ приложенныхъ этикеткахъ: «эта кормушка абсолютно недоступна для воробьевъ». У вора-воробья, видите ли, аппетитъ великъ, да носъ коротокъ...

Совершенно торгово-промышленный характеръ имѣютъ па-

вильоны такихъ производствъ, какъ пивовареніе, шоколадное производство, производство питательныхъ продуктовъ: муки, макаронъ, мяса, консервовъ и суррогатовъ. Здѣсь—почти необозримое поле болѣе или менѣе роскошныхъ витринъ, по существу, того же типа, какъ и обычныя магазинныя. Болѣе значительный интересъ представляютъ для зрителя, ищущаго общихъ впечатлѣній, общихъ выводовъ, словомъ сказать, экономической физіономіи страны—лишь отдѣльный павильонъ шоколаднаго производства. Ибо, по формѣ будучи выставкой многихъ громкихъ во всемъ свѣтѣ фирмъ—Петера, Кайе, Сюшара, Колера и т. д., въ дѣйствительности онъ—дѣло рукъ единаго треста этихъ фирмъ, только сохраняющаго видимость прежней ихъ раздѣльности. Поэтому и павильонъ организованъ какъ одно цѣлое, украшенъ весь по одному общему плану—правда, весьма роскошно и со вкусомъ.

Упомяну еще въ «сельскомъ» отдѣлѣ павильонъ горнаго дѣла, упомяну, впрочемъ, скорѣй по мотивамъ отрицательнымъ: горное дѣло, какъ извѣстно, фактически равно нулю въ странѣ величайшихъ европейскихъ горъ: конечно, не по недостатку предпринимательской энергіи, а единственно по неожиданной бѣдности альпійскаго чрева полезными ископаемыми. Поэтому здѣсь выставляетъ единственная фирма Ролля изъ Делемона (Бернская Юра) производство своей единственной въ своемъ родѣ доменной печи. Чтобы прикрыть зіяющую пустоту этого отдѣла, допустили «сверхъ абонемента» экспонировать здѣсь угольное производство—угольный синдикатъ Рурскаго бассейна въ Германіи. Германскій синдикатъ и устроилъ одинъ изъ «гвоздей» для праздничной публики—игрушечную подземную шахту съ манекенами рудокоповъ, съ рельсами и тачками, съ сверлильными машинами и чучелами лошадей. Занятно, но съ швейцарской выставкой не имѣетъ общаго.

Я сажусь въ вагонъ выставочнаго трамвая, миную такъ называемый Миттельфельдъ, т.-е. центральный отдѣлъ, своего рода цитадель со скученной группой зданій праздничнаго зала, художественной выставки, павильона прессы, выставочной администраціи и почты, миную выставку отельнаго дѣла подъ вывѣской «Hospes 1914» и одинъ, два, три, четыре, пять огромныхъ ресторановъ, между ними «Штудерштейнъ»—въ видѣ какого-то модернистскаго храма съ двумя высочайшими колокольнями. Везетъ меня трамвай въ противоположный, лѣвый отъ главнаго входа конецъ, гдѣ расположены павильоны промышленности.

Вхожу наугадъ въ широко раскинувшееся каменное зданіе текстильной промышленности, основной—по крайней мѣрѣ, еще въ недавнее время—промышленности страны. Изъ надписи въ вести-

бюлѣ узнаю, что выставка хлопчатобумажныхъ продуктовъ, занимающая весь главный корпусъ, организована опять-таки сообща союзомъ хлопчатобумажныхъ фабрикантовъ. Что и отражается дѣйствительно на спокойномъ и грандіозномъ однообразіи устройства и убранства безчисленныхъ витринъ отдѣльныхъ фабрикантовъ. Замѣчаю рѣшительно, что, если имѣется одна выразительная черта у всей нынѣшней выставки—а за нею, конечно, и у всей страны—то это именно высокая степень развитія объединенія всякаго рода: союзовъ, синдикатовъ, трестовъ. Объединеніе это до того бросается въ глаза, что чуть-чуть не вырывается слово «обобществленіе производства»... Хотя до него, конечно, еще очень, очень далеко...

Не могу сказать ничего особаго о качествѣ швейцарскихъ мануфактурныхъ товаровъ, и товаровъ шерстяныхъ, занимающихъ нѣсколько залъ рядомъ. Все здѣсь по швейцарски солидно, добротно, есть вѣроятно, и не мало замѣчательнаго для спеціалиста; меня же, искателя «внутреннихъ цѣнностей», долженъ сознаться, посѣтилъ ангелъ скуки среди этихъ монотонныхъ грудъ товара, разсчитаннаго болѣе всего на потребленіе сѣрыхъ массъ, отчасти даже массъ не европейскихъ, а восточныхъ (витрина съ лѣнивыми арабами на коврахъ и за кальяномъ, передъ которыми раскладываетъ товаръ ловкій и обходительный швейцарскій коммивояжеръ). Только залъ машинныхъ вышивокъ, одѣтый съ головы до пятъ, словно богатая туристка-американка, сплошною вышивкой небывалыхъ размѣровъ, выдѣляется и для профана изъ монотонно-парадной анфилады залъ. О ручныхъ вышивкахъ, здѣсь также спеціально представленныхъ, говорить не стану: повсемѣстно славится швейцарское «домашнее производство» этого рода. Интересна комната издѣлій изъ искусственнаго шелка: она показываетъ ясно, что суррогатъ этотъ сейчасъ ужъ можетъ въ извѣстной мѣрѣ конкурирровать съ настоящимъ шелкомъ почти для всѣхъ примѣненій въ туалетѣ. Правда, блескъ его гораздо рѣзче, а потому и непріятнѣй шелка, а на ощупь (тутъ же развѣшаны образцы пряжи) онъ жестокъ и мало эластиченъ.

Я не могъ пойти прямо изъ шерстяного отдѣла въ то крыло павильона, гдѣ помѣщается шелковое производство, не менѣе важное для страны, какъ и хлопчатобумажное: вся перспектива залъ передо мною въ ту сторону была еще въ хаотическомъ состояніи. Столяры тамъ стучали молотками, цементщики покрывали полы мастикой, и только издали виднѣлись витрины съ дамскими нарядами и шляпами. Изъ какой то таинственной боковой комнаты лилось загадочное, красное сіяніе, и мерещились обольстительныя видѣнія, вродѣ райскихъ гурій. Я обошелъ со двора, удостовѣрился въ

полномъ неустройствѣ еще шелковаго отдѣла и полу-устройствѣ нарядовъ, наконецъ попалъ и въ загадочный красный рай.

То была вполнѣ готовая выставка утонченнѣйшаго моднаго вкуса, на какой лишь способны богатѣйшіе швейцарскіе дома по части дамскихъ туалетовъ. Пять витринъ изображаютъ пять живыхъ картинъ изъ жизни какихъ то идеальныхъ восковыхъ куколъ «высшаго свѣта»—того «высшаго свѣта», какой въ Швейцаріи представленъ лишь иностранцами въ самыхъ дорогихъ отеляхъ и курортахъ. Нѣжный, алый свѣтъ пронизываетъ розовыхъ восковыхъ дамъ въ кружевахъ, въ вышивкахъ, въ шелкѣ, и дамы эти прельщаютъ изысканнѣйшими тѣлодвиженіями моднаго танца танго и бесѣдуютъ между собой, вѣроятно, объ утонченно модныхъ сюжетахъ. Бесѣдуютъ «въ саду», «въ салонѣ», «въ столовой», «въ дѣтской»... И все такъ модно-поэтично, и такъ безжизненно-изящно на фонѣ прекрасныхъ, почти дающихъ иллюзію дѣйствительности декорацій! Но увы, при всемъ томъ не хватаетъ до Парижа—не хватаетъ чего то главнаго. «Собственныя наши созданія»—какъ хвалится въ плакатахъ экспонентъ-творецъ костюмовъ—сидятъ на дамахъ, будто съ чужого плеча. Туфельки на дамахъ—крупнѣйшаго швейцарскаго фабриканта обуви Балли—что грѣха таить, довольно неуклюжи, хоть и дороги. Словомъ, нѣтъ, господа швейцарцы, сколько ни старайтесь, ваша демократическая страна врядъ ли сможетъ «создать» въ этой отрасли культуры что-либо способное удовлетворить паразитовъ, прожигающихъ по вашимъ курортамъ народное богатство своихъ отечествъ. Оно и къ лучшему!

Оставляю самый богатый изъ павильоновъ промышленности все же съ какимъ то смутнымъ чувствомъ удивленія и почтенія. Мануфактура стала какъ бы главной стихіей швейцарскаго народа, его «второй природой», кажется, болѣе опредѣляющей уже, въ концѣ концовъ, типъ новаго швейцарца, чѣмъ сами его гордые Альпы. А между тѣмъ мануфактура,—еще недавно казалось,—нѣчто въ высшей степени «неестественное» въ этой странѣ, лишенной не только колоній и даже, просто, морскихъ сообщеній, которыя бы доставляли ей сырой матеріалъ для мануфактуры—хлопокъ и шелкъ; но лишенной и необходимыхъ средствъ производства—угля и желѣза для машинъ. Правда, въ послѣдніе годы каменный уголь замѣняется въ ней съ огромнымъ успѣхомъ «углемъ бѣлымъ» и примѣненіемъ электричества, для дешевой добычи котораго природныя условія этой горной страны съ безчисленными ея потоками чрезвычайно благопріятны.

И вотъ, она становится страной цвѣтущей мануфактуры, кормящей милліоны народа, создавшей богатые, уютные города, ожив-

ленно торгующей съ самыми отдаленными странами—съ Америкой, Китаемъ. Благодаря, въ первую очередь, лишь мануфактурѣ, Швейцарія, при всей своей ничтожной величинѣ и населеніи, ведетъ внѣшнюю торговлю, по размѣрамъ приближающуюся (я отнюдь не говорю—«достигающую» но и то ужъ достаточто) къ внѣшней торговлѣ нашей безпредѣльной матушки-Россіи! Беру цифры, напр., среднія за 5-лѣтіе 1902—1906 г.: Швейцарія, ввозъ—1230 милл. фр., вывозъ—940 милл. фр. Европ. Россія, ввозъ 1550 милл. фр., вывозъ—2540 милл. фр. Общій оборотъ внѣшней торговли: Швейцарія—2 милліарда съ лишнимъ, Россія—около 4 милліардовъ. Согласитесь, что при несоизмѣримости, такъ сказать, двухъ странъ по объему, *приближеніе* весьма значительное. Прибавлю, что по таможеннымъ отчетамъ за 1913 г. оборотъ внѣшней торговли Швейцаріи какъ разъ почти достигаетъ цифры 4 милліардовъ, достигнутой Россіей къ 1906 году. Рѣшительно, торговопромышленная «емкость» Швейцаріи—явленіе почти неимовѣрное. На каждаго швейцарца, съ среднемъ, въ 1906 г. приходилсь 729 фр. внѣшняго торговаго оборота, т. е. въ 21 разъ больше, чѣмъ на каждаго русскаго (34 франка).

Можно сказать, что самая ткань національнаго существованія Швейцаріи—интернаціональна, самая кровь, движущаяся въ жилахъ тѣла страны—чужая, занятая со всѣхъ концовъ міра. Оттого и швейцарская національная выставка имѣетъ огромный общечеловѣческій интересъ и цѣну.

Какъ же, какими же все таки колдовствами добилась запертая въ горахъ Швейцарія, что могущественные сосѣди должны были пропустить ея товары на всемірный рынокъ и даже должны были принять ее въ первые ряды міровыхъ торговыхъ странъ? Колдовство тутъ заключается въ одномъ магическомъ словечкѣ: *качество* продуктовъ. Тогда какъ «великія державы» берутъ количествомъ, массами производимыхъ продуктовъ, вытѣсняя другъ друга съ рынковъ какъ бы механическимъ давленіемъ колоссальнаго потока товаровъ, Швейцарія всегда брала: 1) частью, спеціализаціей на какихъ либо немногихъ, особо требуемыхъ сортахъ товара, обыкновенно именно болѣе тонкихъ сортахъ (хронометры и астрономическіе часы, болѣе тонкіе и сложные механическіе двигатели, шелковыя ленты, вышивки), 2) несравненной тщательностью выполненія всякаго рода продуктовъ.

Ближайшимъ примѣромъ можетъ служить только что нами покинутый отдѣлъ вышивокъ. За 1909 г. вывозъ заграницу вышивокъ достигъ 188 мил. фр. Швейцарскія вышивки—конечно, предметъ роскоши—шли въ особенности для туалета англійскихъ и

американскихъ, въ послѣднее время также и германскихъ дамъ. Богатство состоятельныхъ классовъ въ тѣхъ странахъ росло, росла и ихъ покупательная сила. Вотъ, отчего продажа имъ швейцарскихъ вышивокъ возросла больше, чѣмъ вдвое съ начала 1890-хъ гг. Но тутъ же, на этомъ же примѣрѣ вышивокъ мы можемъ наглядно видѣть и тѣ великія трудности, съ какими во всякій моментъ приходится отчаянно бороться Швейцаріи. Послѣдніе годы американскіе фабриканты дѣлали упорныя усилія, чтобы перехватить у вышивальныхъ фабрикъ С.-Галлена американскую кліентуру. Это не удавалось до тѣхъ поръ, пока американцы не устроили истинно-американскаго «блюффа»: въ одно прекрасное утро они купило разомъ крупнѣйшія фабрики вышивокъ въ С.-Галленѣ, и со всѣми машинами и даже съ главными мастерами дѣла—перенесли черезъ океанъ къ себѣ на родину! «Блюффъ» обошелся что то милліоновъ въ 50, но зато сразу лишилъ Швейцарію ея первыхъ предпріятій, слѣдовательно, подорвалъ ея значеніе на главномъ, американскомъ рынкѣ. И вотъ уже второй годъ кантональное правительство С.-Галлена изъ силъ выбивается, вынужденное справляться со многими тысячами безработныхъ. Кризисъ пожинаетъ свою печальную жатву. Но Швейцарія упруга; какъ кошка, она падаетъ всегда на ноги и быстро подымается. Я не знаю, какъ справится она съ экономическимъ пораженіемъ въ области вышивокъ; но я знаю, что за XIX вѣкъ у нея бывали не разъ пораженія и хуже, она теряла цѣлые вѣковые рынки—и снова пріобрѣтала, если не ихъ же, то новые, аналогичные.

Пройдемъ, однако, въ сосѣдній, круглый павильонъ часового производства и ювелирнаго дѣла — тоже давнишней спеціальности швейцарцевъ. Разочарованіе! Это—единственный изъ павильоновъ нынѣшней выставки, еще совершенно недоступный для публики. Только въ окошки видно, что витрины съ экспонатами уже имѣются въ большомъ количествѣ. Tant pis!—какъ говорятъ французы,—обойдемся воспоминаніями по части судебъ этого производства.

Вотъ гдѣ картина обостренной борьбы за существованіе, особенно въ концѣ XIX вѣка была въ своемъ родѣ классическая. Борьба эта—тоже, главнымъ образомъ, съ американцами—почти до тла разорила и стерла съ лица земли тотъ славный когда-то классъ невшательскихъ и женевскихъ самостоятельныхъ часовщиковъ-кустарей, людей точнаго, тонкаго мастерства. То былъ классъ людей высоко развитыхъ и интеллигентныхъ, который въ свое время былъ прямымъ творцомъ и исполнителемъ демократическихъ революцій 1846—48 гг. въ своихъ кантонахъ; который также составлялъ живую силу баку-

нинской Юрской федераціи, одной изъ главныхъ секцій стараго Интернаціонала... Времена проходятъ. Часы швейцарскіе, вслѣдъ за американскими, изготовляются теперь массовымъ, машиннымъ, шаблоннымъ способомъ на часовыхъ фабрикахъ. Но что особенно замѣчательно: швейцарцы и на поприщѣ часовой фабрики не дали себя, въ концѣ концовъ, обогнать американцамъ. Интеллигентность осталась у юрскаго часового *пролетарія*, техническія изобрѣтенія вернули пальму первенства Швейцаріи. Что касается наиболѣе точныхъ часовъ—хронометровъ, которые и до сихъ поръ работаются вручную, то лишь на дняхъ я прочиталъ о всемірномъ конкурсѣ, гдѣ швейцарскіе хронометры получили подавляющее большинство призовъ.

«Знаютъ слово» швейцарцы, и слово это, говорилъ я,—*качество*. Но изъ предыдущаго видно, что «качество» можетъ отстоять себя въ безжалостной свалкѣ экономической конкурренціи лишь при условіи интеллигентности, иными словами, образованности народныхъ массъ. А образованность массъ—вещь немыслимая безъ полнаго гражданскаго равноправія, демократіи—тожъ. Такъ вотъ какая цѣпь желѣзной, жизненной логики связываетъ столь, на первый взглядъ, отдаленныя вещи, какъ горная замкнутость, природная бѣдность страны—и демократическій ея строй. Безъ демократіи Швейцарія была бы дика, бѣдна, «мертвая страна», какъ мертвы безплодные граниты и гнейссы центральныхъ ея горныхъ массивовъ. Демократія и образованіе замѣняютъ Швейцаріи колоніи, неисчислимую военную и морскую силу ея могущественныхъ конкуррентовъ. Отсюда можно заключить и обратно: ихъ колоніи и военная сила съ лихвою могли бы быть возмѣщены широкой демократіей и образованіемъ—условіями, которыя до сихъ поръ осуществляются тамъ съ такимъ же трудомъ, съ какимъ Швейцаріи приходится пробиваться въ экономической борьбѣ.

Бросивъ, въ виду всего этого, сочувственный взглядъ мимоходомъ на павильоны образованія, наукъ, а также городского и коммунальнаго самоуправленія, перейдемъ поперекъ лѣваго крыла выставки, туда, гдѣ подъ прохладнымъ дыханіемъ Большого Бремгартенскаго лѣса расположены павильоны другихъ первостепенныхъ отраслей здѣшней промышленности—химической и машиностроительной.

Какъ въ «сельскомъ» крылѣ выставки я не ставилъ себѣ цѣлью поплотнѣй входить въ замѣчательныя, безъ сомнѣнія, детали собранныхъ тамъ сокровищъ, такъ и здѣсь не задаюсь подобной задачей. Какъ бы ни были сами по себѣ удивительны результаты, достигаемые отдѣльными швейцарскими производителями или группами производствъ, но напередъ можно сказать, что крупныя промышленныя страны съ ихъ безъ сравненія крупнѣйшими, слѣдова-

тельно, вообще говоря, и болѣе совершенными капиталистическими предпріятіями могутъ достигать результатовъ еще болѣе значительныхъ. Суть, тутъ слѣдовательно, не въ томъ, насколько искусны напр. швейцарскія фабрики красокъ въ добываніи какъ можно большого числа сортовъ наиболѣе прочныхъ красокъ изъ каменноугольныхъ остатковъ. Суть и не въ томъ, сколь мощны и сколь остроумны турбинные моторы, строющіеся на крупнѣйшихъ заводахъ страны—Броуна и Бовери въ Баденѣ или Зульцера въ Винтертурѣ. Все это, конечно, имѣетъ свое, подчасъ рѣшающее значеніе въ отдѣльныхъ, такъ сказать, матчахъ конкурренціи съ заграницей. Но все же главный вопросъ тутъ не въ «рекордѣ», не въ чемпіонствѣ на международной или же и на внутренней аренѣ.

Главный вопросъ здѣсь, въ химическомъ и механическомъ отдѣлѣ, есть вопросъ *о судьбахъ* швейцарской промышленности вообще, о направленіи, въ какомъ совершается сейчасъ, въ десятые годы XX столѣтія, все ея развитіе.

Грандіозный павильонъ машинъ напоминаетъ, конечно, подобные павильоны другихъ выставокъ, но, помимо того, что это *новѣйшая* выставка машинная; помимо того, что мы можемъ видѣть здѣсь быструю побѣду за послѣдніе годы водяныхъ и паровыхъ турбинъ и моторовъ Дизеля (двигателей внутренняго сгоранія подъ постояннымъ давленіемъ) надъ старинною паровою машиной;—мы въ особенности можемъ наблюдать здѣсь нѣчто характерное для Швейцаріи. Говорю о необычайномъ ростѣ здѣсь примѣненія электричества. Передъ нами новѣйшіе электрическіе генераторы, наиболѣе «передового» свойства, съ легкимъ, какъ бы соннымъ жужжаніемъ, таинственно двигаются—и вдругъ пугаютъ страшнымъ трескомъ настоящихъ молній, зло-синихъ и развѣтвленныхъ между высоко поставленными полюсами приборовъ. Генераторы получаютъ первоначальную двигательную силу отъ стоящихъ въ центрѣ зала странныхъ, какихъ-то четвероглавыхъ (4-тактныхъ «дизелей») чугунныхъ чудовищъ — впрочемъ, правду сказать съ виду далеко уступающихъ по представительности и тѣлосложенію паровымъ машинамъ. Послѣднія—увы, отсталыя—прячутся тамъ, въ далекой, слегка дымчатой перспективѣ, въ концѣ пространно-высокаго зала, позади электрическихъ элеваторовъ и подъ сѣнью передвижныхъ электрическихъ мостовъ въ вышинѣ купола. Электричество да еще турбина—вотъ что заполняетъ теперь съ сугубой быстротой аванъ-сцену швейцарской промышленной жизни. Тутъ — форменная революція.

Тотъ же процессъ отражается и на химической выставкѣ. Какъ ни интересны на ней отдѣлъ красокъ, фармаціи, взрывчатыхъ

веществъ, — электролизъ, электрохимія, вотъ чему принадлежитъ здѣсь пальма первенства. И въ особенности даетъ «національныя» черты павильону—добываемый электролизомъ аллюминій. Въ химическомъ павильонѣ и частью въ павильонѣ машинъ (отдѣлъ «металлы») алюминій ласкаетъ взглядъ своимъ матовымъ, серебристымъ сіяніемъ. Изъ множества подѣлокъ для самыхъ разнообразныхъ хозяйственныхъ и промышленныхъ надобностей, изъ грудъ толстыхъ, массивныхъ плитъ и брусьевъ ровный, спокойный, серебристый видъ его говоритъ вамъ: «путникъ, любуйся мною; но знай, я только предтеча грядущаго *аллюминіева XX вѣка*». Такъ говоритъ аллюминій и въ видѣ слабаго пока доказательства преподноситъ напр.,—вагонъ электрическаго трамвая, цѣликомъ вылитый изъ аллюминія. Изящная, чистая, пріятная глазу большая игрушка. Наши дѣти будутъ, быть можетъ, кататься въ такихъ по столь же чистымъ, разумѣется, и безпыльнымъ улицамъ прекрасныхъ городовъ будущаго.

Благодаря аллюминію и электричеству «химико-физическая» промышленность Швейцаріи все больше выдвигается на первое мѣсто въ ряду другихъ отраслей промышленности. Такъ напр., съ 1882 г. по 1901 г. число лошадиныхъ силъ въ химико-физической промышленности возрасло на 7094,3% или въ 16 разъ больше средняго возрастанія во всей промышленности за тотъ же промежутокъ времени (438,5%). Въ частности электрическая энергія, въ 1882 г. еще практически неизвѣстная въ странѣ, въ 1901 г. представляла уже 28% всѣхъ двигательныхъ силъ страны. Съ тѣхъ поръ процессъ подвигается отнюдь не болѣе медленнымъ темпомъ. Достаточно сказать, что въ наши дни электричество стало до того популярно и демократично въ Швейцаріи, что почти повсемѣстно даже деревенскія конюшни и хлѣвы могутъ пользоватся электрическимъ освѣщеніемъ. Относительно предстоящихъ лѣтъ стоитъ лишь упомянуть правительственный планъ полной электрификаціи національныхъ желѣзныхъ дорогъ. И она уже началась на линіяхъ Симплона и Готарда. Въ боковомъ залѣ павильона машинъ мы находимъ картограммы и діаграммы распространенія электричества въ Швейцаріи, выставленныя сообща Швейцарскимъ Электрическимъ союзомъ и союзомъ Швейцарскихъ Электрическихъ мастерскихъ.

Нечего и говорить, что подобнымъ развитіемъ электрической, промышленности страна обязана своимъ Альпамъ, посылающимъ въ долины столько бурныхъ потоковъ съ водопадами. Въ этомъ случаѣ экономическое развитіе какъ бы возвращается къ своему исходному пункту. Мы видѣли, что, первоначально пастушескій, горный народъ, ни отъ кого незнавшій зависимости, кромѣ своихъ ледяныхъ вла-

дыкъ, швейцарцы перешли къ своеобразному хозяйству съ чужимъ сырымъ матеріаломъ, чужими средствами производства, для чужихъ рынковъ. Теперь Альпы, бывшіе за предшествующій періодъ почти простымъ «неудобіемъ», какъ выражаются русскіе крестьяне о камняхъ, пескахъ и болотахъ, становятся первостепеннымъ—а въ будущемъ, конечно, и преимущественнымъ источникомъ силы, богатства, благополучія. Вотъ почему между прочимъ всѣ взоры прикованы теперь здѣсь къ «бѣлому углю», т.-е., къ альпійскимъ потокамъ, долженствующимъ замѣнить англійскій, бельгійскій и германскій черный уголь.

О «бѣломъ углѣ» и его ходѣ развитія можно составить себѣ понятіе, перейдя выставку вновь поперекъ—къ павильону воды и газа. Здѣсь вы найдете, кромѣ картограммъ и чертежей, много красивыхъ и точныхъ моделей (изъ раскрашеннаго гипса и желѣза) инженерныхъ сооруженій, уловляющихъ силу потоковъ въ разныхъ мѣстахъ Швейцаріи. Какихъ трудовъ, какихъ денегъ должны стоить подобныя точныя модели размѣровъ, едва умѣщающихся въ комнатахъ, гдѣ стоятъ! И модели этого рода встрѣчаются во множествѣ во всѣхъ отдѣлахъ выставки. Видно, что здѣсь понимаютъ, какъ надо, не щадя силъ и расходовъ, организовать «первоклассную рекламу» для національной промышленности и, слѣдовательно, для каждаго предпринимателя въ томъ числѣ. Выраженіе «первоклассная реклама» заимствовано мною отъ президента бернскаго правительственнаго совѣта Мозера, изъ его торжественной рѣчи при отрытіи выставки.

Я бы никогда не кончилъ, если бы вздумалъ сколько-нибудь обстоятельно описывать другіе экспонаты данной части выставки. Вмѣсто того приходится ограничиться простымъ ихъ перечисленіемъ—съ прибавкой излишняго, впрочемъ, кажется, увѣренія, что посѣтитель выставки найдетъ и въ прочихъ экспонатахъ тотъ же неусыпный духъ предпріимчивости, трудолюбія, стремленія стать выше—и все выше — наличнаго уровня общечеловѣческой матеріальной культуры. Притомъ все и всегда у швейцарцевъ направляется не къ одной голой выгодѣ, а носитъ еще печать особой, прочной и солидной уютности, домовитости.

Итакъ, перечислю остальные промышленные павильоны. Архитектура и декоративное искусство (сюда же входитъ и комфортъ жилищъ), музыкальные инструменты, бумажная промышленность и графическія искусства, транспортъ и сообщенія, мосты и шоссе. Отдѣльно отъ другихъ, въ центрѣ лѣваго крыла выставки стоитъ павильонъ съ фигурой Марса у входа—павильонъ военнаго искусства, который я бы скорѣй назвалъ павильономъ военной промы-

шленности, до того военная технологія совпадаетъ своимъ современнымъ, машиннымъ характеромъ съ остальными отраслями промышленности. Есть здѣсь еще павильонъ воспитанія, администраціи и гигіены, но онъ ужъ на большую часть относится къ духовной культурѣ Швейцаріи и заслуживаетъ, конечно, вмѣстѣ съ другими павильонами этой категоріи, отдѣльной и подробной бесѣды.

Послѣднимъ посѣтилъ я павильонъ «Hospes 1914», упомянутую нѣсколько ранѣе выставку отельнаго дѣла. Тутъ есть образцовыя комнаты для пріѣзжающихъ, ванныя, библіотека, ресторанъ — словомъ, все, что гостепріимно и за недорогую, сравнительно, плату предлагается по всей странѣ пріѣзжему. Но, хотя эта статья «національнаго производства» доставляетъ тоже немалый валовой доходъ (до 200 милл. фр. въ годъ; чистый доходъ равенъ 5%, т. е. 10 милл.), но она не показалась мнѣ столь интересной, столь коренной и опредѣляющей въ швейцарской жизни, какъ другіе отдѣлы. Отель, столь бросающійся, понятнымъ образомъ, въ глаза туристу—на самомъ дѣлѣ, не болѣе, какъ внѣшность, налетъ, за которымъ находится весь подлинный швейцарскій будничный день, весь тяжелый и важный трудъ 4-милліоннаго народа.

Объ истинномъ характерѣ и перспективахъ этого народнаго труда я и хотѣлъ дать понятіе по подлиннымъ, такъ сказать, памятникамъ современной исторіи.

Мы видѣли, что памятники эти своимъ «вещнымъ», фактическимъ языкомъ говорятъ все же нѣчто иное, чѣмъ хотѣли, напр., высказать устроители выставки. Устроители въ самомъ планѣ выставки, въ ея искусственномъ раздѣленіи на два нарочито противопоставленныхъ отдѣла—сельскій и промышленный, хотѣли выразить ту «патріотическую» идею, будто сельская жизнь все еще по старинѣ играетъ роль полноправную, если не господствующую въ національной жизни. Такая субъективная формула «самопознанія» не выдерживаетъ строгой критики фактовъ, помимо воли приводимыхъ намъ тѣми же устроителями. Факты намъ говорятъ: Швейцарія цѣлыя десятилѣтія уже какъ ушла совсѣмъ въ другую сторону отъ патріархальной Dörfli. Съ эстетической стороны, конечно, можно дорожить сохраненіемъ національнаго художественнаго стиля—насколько это возможно—и въ современномъ обиходѣ; но во имя Dörfli искать возможности наложить реакціонную узду на развивающуюся современность — такая утопія можетъ, конечно, приводить къ временному торжеству привилегій крестьянскаго класса и его адвокатовъ въ мірѣ идей и въ политикѣ нынѣшняго дня, но будетъ разбита дальнѣйшимъ ходомъ вещей.

Хозяйственная жизнь Швейцаріи все больше оказывается въ

рукахъ разныхъ союзовъ. Съ одной стороны, въ отдѣлѣ выставки банковъ (павильонъ воспитанія и администраціи) вы можете сыскать пружину, вліяющую на быстрое превращеніе прежде *личныхъ* предпріятій въ акціонерныя и затѣмъ—въ болѣе крупныя организаціи. Съ другой стороны, рядомъ, въ отдѣлѣ «охраны рабочихъ, благотворительности, соціальной самопомощи» найдете напр., занимающую 10 комнатъ выставку Союза 389 потребительныхъ обществъ. Этотъ Союзъ охватываетъ уже почти ½, преимущественно, рабочаго населенія страны, обладаетъ самой крупной мукомольной мельницей, понизилъ—въ борьбѣ съ молочнымъ союзомъ крестьянъ—цѣну на молоко и съ успѣхомъ борется сейчасъ противъ шоколаднаго и мясного синдикатовъ, собираясь завести свое шоколадное и мясное дѣло. Вотъ—перспективы организаціи, борьбы и развитія швейцарскаго производства. Перспективы — безусловно демократическія по своему конечному смыслу.

Какъ вплоть до нашихъ дней только демократія могла доставить Швейцаріи безпримѣрную побѣду надъ неблагопріятными природными условіями, такъ и впредь страна не можетъ уклониться съ пути все болѣе и болѣе демократическаго развитія, хотя бы на этомъ пути и самъ владыка современности — капиталъ — подвергся, въ концѣ концовъ, полному и несвойственному ему демократическому перерожденію.

А. Дивильковскій.

СОВРЕМЕННАЯ ФРАНЦІЯ ВЪ РЕЛИГІОЗНОМЪ ОТНОШЕНІИ.

Еще не очень давно, всего полвѣка тому назадъ, Францію можно было характеризовать какъ страну, въ массѣ своей, католическую и вѣрующую,—но съ атеистическими интеллигентскими верхами. Теперь эту характеристику должно считать устарѣлой и несоотвѣтствующей дѣйствительности, — такъ какъ масса народа въ значительной степени потеряла и продолжаетъ терять связь съ церковью и свой католическій характеръ; въ то же время общественные верхи постепенно возвращаются то къ католичеству, то къ внѣцерковной религіозности. Во Франціи, такимъ образомъ, наблюдается хотя медленное, но глубокое движеніе религіозной мысли и

религіозныхъ настроеній,—идущее, правда, другими путями, чѣмъ въ странахъ протестантскихъ и православныхъ, кишащихъ сектами, но тѣмъ не менѣе заслуживающее вниманія.

Самымъ крупнымъ, самымъ бросающимся въ глаза явленіемъ въ религіозной жизни Франціи послѣднихъ лѣтъ является, конечно, отдѣленіе государства отъ церкви. Оно совершилось во Франціи послѣ долгой борьбы, благодаря настойчивымъ и большимъ усиліямъ республиканской партіи,—вѣковыя формы обладаютъ громадной силой инерціи, — но не осложнилось ни кровопролитіями, ни трагедіями, ни энергическимъ сопротивленіемъ «вѣрующихъ». Кое-гдѣ только монахи и монахини заперли двери своихъ монастырей такъ что ихъ пришлось выламывать, — да населеніе нѣсколькихъ десятковъ общинъ протестовало манифестаціями и кое-гдѣ камнями противъ выселенія «добрыхъ сестеръ». Сторонники свѣтскаго государства признавались затѣмъ, что на такое безразличіе «вѣрующихъ» къ церкви они даже не смѣля разсчитывать. Очевидно, церковь и ея представители,—духовенство,—потеряли къ началу XX вѣка свое вліяніе на народныя массы.

Какимъ образомъ и вслѣдствіе чего лопнула или ослабѣла связь между пасущими и пасомыми? Что отчудило народныя массы Франціи отъ церкви? Духъ вѣка? Едва ли эта общая фраза что-либо объяснитъ. Французскіе изслѣдователи вопроса ею не довольствуются и указываютъ на слѣдующіе мотивы.

Разрывъ намѣтился вскорѣ послѣ войны 1870 года, когда церковь не сумѣла отвѣтить на обращенный къ ней порывъ народа, потрясеннаго горемъ и искавшаго путей для возрожденія. Сабатьэ, авторъ книги «L'orientation religieuse», вошедшей въ составъ библіотеки «Le mouvement social contemporain», — пишетъ по этому поводу:

«Когда разстрѣлянная на поляхъ битвъ, лишившаяся двухъ своихъ лучшихъ провинцій, потрясенная гражданской войной, разоренная, уязвленная въ своемъ достоинствѣ, трепещущая отъ гнѣва и негодованія, Франція оглянулась вокругъ себя,—у нея не хватило силы обратиться за каплей сочувствія къ другимъ народамъ и повторить вмѣстѣ съ поэтомъ:

O vos omnes qui transite per viam,
Attendite et videte
Si est dolor sicut dolor meus [1]).

---

[1]) О вы, проходящіе, остановитесь и взгляните: существуютъ ли еще страданія, подобныя моимъ.

«И она обратилась къ церкви.

«Но духовенство, проявившее много доблести и христіанскаго милосердія на поляхъ битвы и въ госпиталяхъ, оказалось съ пустыми руками, когда страна пришла къ нему за духовной помощью. Оно служило, правда, торжественныя панихиды по убіеннымъ. Но когда послѣ службы, съ послѣднею потушенною свѣчей, оставшіеся въ живыхъ спрашивали: «Что же дѣлать намъ теперь?»—священники умѣли совѣтовать лишь одно—молиться; они предлагали еще чудотворныя ладонки, отпустительныя обѣдни, богомолья къ святымъ мѣстамъ, чтобы упросить «Св. Сердце» спасти Римъ и Францію, Францію съ помощью Рима, и Римъ съ помощью Франціи»... «И этотъ камень, вмѣсто хлѣба, оно подавало тогда, когда церкви были залиты потрясенными и растроганными массами, большинство которыхъ въ городахъ состояло изъ рабочихъ, считавшихъ себя ранѣе равнодушными, скептичными или враждебными къ церкви; когда извѣстные безбожники и члены ассоціацій, болѣе или менѣе пропитанныхъ идеями масонства, смѣшивались въ храмахъ съ вѣрующими, отличаясь отъ нихъ лишь напряженностью и серьезностью своего благочестиваго вниманія! Всѣ эти люди, признаемъ это, руководились лишь смутнымъ чувствомъ. Едва ли имъ приходило въ голову, что ихъ поведеніе можетъ быть истолковано какъ отказъ отъ ихъ идей. Они шли къ церкви, потому что чувствовали непреоборимую потребность сблизиться съ другими, соединить свои слезы съ слезами ближнихъ... И они были благодарны церкви за эти для всѣхъ открытые храмы и за возможность общенія въ нихъ, во имя общихъ чаяній и во имя родины. Такъ создалось это, продолжавшееся въ 1871 году въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, сближеніе громаднаго большинства французовъ съ церковью... Народъ Франціи возвращался къ своей матери, чтобы сѣсть за ея столомъ,—потому что вѣдь это именно у матери накрытъ всегда столъ для ея дѣтей, хотя бы и «блудныхъ»,—и даже для блудныхъ дѣтей въ особенности.

«И что же? Столъ оказался пустымъ. У старой матери не было откормленнаго теленка, какъ не было и желанія, не было энергіи, чтобы приготовить голоднымъ дѣтямъ хотя какую-нибудь ѣду. У нея хватило силы только на то, чтобы разсердиться и разразиться упреками—за ложныя доктрины, за лже-ученія, и упреки эти рѣдко опирались на убѣдительные аргументы. И голодныя дѣти ушли, возмущенныя ея невѣжественною гордостью, ушли, озлобленныя и сожалѣя, зачѣмъ они пришли!?»

Вмѣсто того, чтобы слиться съ націей въ патріотическомъ и республиканскомъ энтузіазмѣ и въ немъ найти условія для возро-

жденія страны, церковь усвоила себѣ взглядъ на перенесенное національное несчастье, какъ на кару Божію за недостатокъ благочестія и за холодность къ ней самой, за безвѣріе, за равнодушіе къ судьбѣ «святого отца», угнетаемаго безбожною Италіей. Епископъ Безансонскій дошелъ въ своихъ обличительныхъ проповѣдяхъ до того, что объяснилъ нѣмецкую побѣду мщеніемъ Божьимъ за нечестивые взгляды Ренана, изложенные имъ въ La vie de Jésus! Естественно, что въ сознаніе всего населенія Франціи вплоть до самыхъ глухихъ ея угловъ проникло убѣжденіе, что церковь не понимаетъ нуждъ Франціи, внутренно чужда ей, что, занятая и озабоченная своими собственными интересами, она существуетъ внѣ націи, ищущей путей своего дальнѣйшаго развитія.

Нація, какъ извѣстно, нашла эти пути въ республикѣ, въ гражданской и политической свободѣ, въ соціальныхъ реформахъ, въ образованіи. Но идя этими путями, нація не видѣла ни церкви, ни духовенства въ своихъ рядахъ, а всегда въ рядахъ своихъ враговъ и противниковъ. Со времени установленія республики прошло 43 года,—и за все это время было всего 2—3 республиканскихъ священника, игравшихъ болѣе или менѣе замѣтную роль. Краткое и относительное перемиріе въ острой борьбѣ папскаго престола съ республикой, имѣвшее мѣсто при Львѣ XIII, смѣнилось нетерпимостью Пія X къ демократическимъ учрежденіямъ и озлобленнымъ преслѣдованіемъ аббата Лемира, единственнаго теперь священника, полагающаго, что республиканскій народъ не отвергнутъ Богомъ. Поддерживая роялистовъ, бонапартистовъ — всѣхъ открытыхъ враговъ республики справа,—церковь не брезгала и связями на самомъ крайнемъ лѣвомъ флангѣ, субсидируя деньгами изданія анархистовъ и революціонныхъ синдикалистовъ и поддерживая демагогическіе происки монархистовъ въ этой же средѣ,—и все это потому, что усиленіе анархическихъ и антипарламентарныхъ тенденціи создаетъ затрудненія республикѣ.

Роль церкви въ соціальномъ положеніи Франціи прямо противуположна задачамъ соціальнаго міра и братскаго единенія. Повсемѣстно и всегда церковь становится въ соціальныхъ конфликтахъ на сторону капитала,—и это неудивительно, такъ какъ она сама давно вошла въ рядъ капиталистовъ, владѣя громадными денежными капиталами, фабриками, каменноугольными копями и магазинами. Въ цѣляхъ прямой борьбы съ рабочими синдикатами, она образуетъ свои собственные католическіе «земные» синдикаты,—настоящую армію штрейкбрехеровъ, въ которую завербовываетъ бѣднѣйшихъ рабочихъ соблазномъ денегъ, филантропической помощи,

и т. д.—разслаивая, такимъ образомъ, рабочій классъ и внося въ него лютое ожесточеніе и жестокую вражду.

Но наиболѣе озлобленную кампанію церковь вела и ведетъ противъ свѣтской школы. До организаціи республикой свѣтской школы кюрэ былъ естественнымъ руководителемъ населенія въ общественныхъ и политическихъ вопросахъ. Его власть въ деревняхъ, въ мелкихъ бургахъ была безгранична, и когда съ установленіемъ республики въ деревнѣ появился сельскій учитель, кюрэ смотрѣлъ на него, какъ на своего соперника. Когда же, начиная съ 1882 года, этотъ народный учитель эмансипировался отъ вліянія священника и сталъ проводникомъ въ народное сознаніе республиканскихъ и «свѣтскихъ» идей,—кюрэ попытались организовать въ странѣ настоящее возстаніе противъ «развратителей». Въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ населеніе еще оставалось вѣрнымъ церкви, организованъ былъ бойкотъ свѣтскихъ школъ, ихъ учителей, и въ особенности учительницъ. Школы пустовали; учителямъ не отпускали товаровъ изъ лавокъ, не принимали въ дома, не отвѣчали имъ на улицѣ на привѣтствія; про учительницъ распускали грязныя сплетни, упрекали въ развратѣ, позорили ихъ доброе имя,—и, такимъ образомъ, вызвали, въ концѣ концовъ, на бой этихъ, по преимуществу «дѣтей народа», создали сами армію сельскихъ противоцерковниковъ. Словомъ, по всей линіи жизни шелъ расколъ между Франціей церковной и Франціей республиканской. Не было не только вида дѣятельности,—не существовало идеи, завоевавшей мѣсто въ республиканскихъ слояхъ населенія, противъ которой церковь не возставала бы. Такъ, по мѣрѣ проникновенія въ народное сознаніе идей интернаціонализма и гуманитаризма, церковь,—по существу своему учрежденіе и интернаціональное, и гуманитарное,—передвинулась на почву узкаго патріотизма. Стоитъ развернуть любую клерикальную газету, чтобы окунуться въ лужу хорошо намъ, русскимъ, знакомыхъ черносотенныхъ аргументовъ и сказокъ объ «иностранномъ золотѣ», о «протестантскихъ, масонскихъ и жидовскихъ интригахъ», готовыхъ погубить Францію. Объясненіе всѣхъ этихъ явленій должно видѣть въ томъ, что церковь, озобоченная сохраненіемъ своей первенствующей роли въ быстро эволюціонирующемъ обществѣ, превратилась въ политическую партію; и не найдя, не имѣя возможности или не умѣя установить общій духовный тонусъ съ эволюціонирующимъ гражданскимъ обществомъ,—превратилась въ политическую партію реакціонную. Естественно, что масса населенія, дорожащая своими учрежденіями, своей политической независимостью и своимъ строемъ общественно-политическихъ идей, отстранилась отъ политиканству-

ющей церкви, утратившей характеръ моральнаго и добраго суперарбитра, руководителя и утѣшителя. Въ чемъ выразилось это устраненіе? Во-первыхъ, въ безостановочно падающемъ числѣ голосовъ, собираемыхъ на выборахъ какъ католической партіей,—L'Action liberale,—такъ и монархистами, патронируемыми церковью; и во-вторыхъ, въ менѣе очевидномъ, но несомнѣнномъ упадкѣ вліянія духовенства, посѣщаемости духовныхъ службъ, въ сокращеніи церковныхъ доходовъ etc.; и это несмотря на величайшія усилія духовенства сохранить свою паству, усилія, особенно возросшія послѣ отдѣленія церкви отъ государства. Передо мной лежитъ справочная книжка, представляющая перечень католическихъ учрежденій во Франціи, толщиной въ 375 страницъ убористой печати. Въ ней перечислены тысячи яслей, тридцать тысячъ школъ, начиная со школъ для малолѣтнихъ до университета, восемнадцать тысячъ благотворительныхъ обществъ, госпиталей общества взаимопомощи, рабочіе синдикаты. Громадная пресса и обширное книгоиздательство обслуживаютъ просвѣтительныя нужды паствы,—при чемъ церковная, въ полномъ смыслѣ слова, печать занимаетъ совершенно второстепенное мѣсто. На первомъ стоитъ политическая пресса,—ежедневная газета la Croix, издающаяся въ Парижѣ, со множествомъ провинціальныхъ подизданій: La Croix de Lion, La Croix de Tolouse и т. д. Затѣмъ идутъ спеціальныя, по профессіямъ, изданія той же газеты—La Croix pour les militairs, pour les marins, pour les enfents. Литературѣ, музыкѣ и искусствамъ посвященъ большой иллюстрированный журналъ Le Mois; научные вопросы трактуются, и трактуются съ большимъ знаніемъ дѣла въ журналѣ Cosmos, въ подзаголовкѣ котораго читаемъ: «Католическій обзоръ наукъ и ихъ практическихъ приложеній». Спеціально юридическимъ вопросамъ по церковному праву посвящено великолѣпное изданіе La Revue d'organisation et de défense religieuse. Пропагандѣ—Le Pélerin, les Conférences, les Contemporains, la Vie des Saints, les Causeries de Dimenche. Дѣйствительности—L'Action catolique. Прессѣ—la Chronique de la presse etc. etc. И вся эта грандіозная работа—безплодна, такъ какъ паства таетъ, и населеніе перестаетъ быть *церковнымъ*. И это несмотря на то, что церковь обладаетъ возможностью оказывать и, дѣйствительно, оказываетъ очень сильное экономическое давленіе на менѣе обезпеченные классы населенія, и что личный составъ служителей церкви умственно и культурно очень высокъ.

Одинъ мой знакомый врачъ, всю жизнь проживший во французской провинціи, говорилъ мнѣ:

— Духовенство у насъ до сихъ поръ громадная сила, потому что на мѣстахъ, въ провинціи, оно дѣйствуетъ въ союзѣ съ значительной

частью зажиточной буржуазіи, словомъ, въ союзѣ съ «хорошимъ обществомъ». Въ ихъ рукахъ, поэтому, всѣ благотворительныя учрежденія, и они создаютъ для бѣдныхъ такія условія жизни, съ которыми нельзя не считаться. Не будучи католикомъ, не посѣщая церкви, не бывая на исповѣди, не проявляя религіозной ревности, нельзя получить работы въ хорошихъ домахъ; нельзя, будучи ремесленникомъ, получить хорошій заказъ, будучи трактирщикомъ, хорошую кліентеллу. Докторъ, не одобренный католическими кругами, окажется безъ больныхъ, нотаріусъ — безъ кліентовъ. Всѣ жители нашего бурга дѣлятся на двѣ категоріи—на принятыхъ въ замкѣ и на тѣхъ, для кого двери замка и другихъ хорошихъ домовъ закрыты. Если у насъ за послѣднее время окрѣпла масонская ложа, то это потому, что всѣ мы, наконецъ, сознали необходимость сорганизоваться и дать отпоръ этой мѣстной, руководимой попами олигархіи, передъ которой трепетали всѣ — мэръ, городское управленіе, рабочіе, лавочники. На кого нельзя подѣйствовать угрозой, давленіемъ, остракизмомъ,—на того дѣйствуютъ подкупомъ. Я знаю многосемейнаго соціалиста, заклятаго врага поповъ. Прошлой зимой дѣла его шли плохо, и дѣти плохо одѣтыя, хотя и ходили въ школу, но зато вѣчно были простужены, болѣли. Однажды, когда мужъ былъ на работѣ, къ женѣ приходитъ кюрэ. «Вотъ,—говоритъ онъ ей,—у васъ пятеро дѣтей школьнаго возраста,—такъ вотъ для нихъ пятеро башмаковъ, пять паръ шерстяныхъ чулокъ и пять перелинъ. Пусть не болѣютъ. Богъ не хочетъ взыскивать съ дѣтей за невѣріе отца. Возьмите вещи, и благодарите Бога». Сказалъ и ушелъ. А черезъ нѣсколько времени опять визитъ, и опять подарокъ всего самаго необходимаго для дѣтей; и опять — «благодарите Бога». Вы понимаете — мать отказаться отъ вещей не можетъ: мать же она своимъ дѣтямъ; но и сказать мужу не смѣетъ. Тотъ, однако, самъ замѣтилъ: «Откуда?» — «Отъ г. кюрэ». — «Выбрось за дверь сейчасъ! Снюхалась съ вороньемъ?» Но вѣдь это легко сказать: выкинь за дверь! А каково это сдѣлать, когда дѣти босы? И кончилось тѣмъ, что жена стала католичкой, и кюрэ ходилъ въ домъ уже при мужѣ, и тотъ молчалъ. Что вы хотите? Нужда — всегда нужда, и помощь — всегда помощь. Зато въ семьѣ исчезли и миръ, и покой, и согласіе. Страшная сила!

Но, разрывая съ церковью, или просто выходя изъ ея орбиты, разрываетъ ли та часть французскаго населенія, о которой мы говоримъ, связь съ религіей, или даже, говоря тѣснѣе, связь съ католичествомъ? Нѣтъ. По существу своему, это антиклерикальное движеніе, а не антирелигіозное и даже не антикатолическое,—и въ этомъ его особенность. По-старому, ходятъ къ «первому причастію»,

вѣнчаются въ церквахъ, а не только въ мэріяхъ, хоронятся при участіи священника. Соблюдаютъ обычный ритуалъ? Сохраняютъ формы, отъ которыхъ отлетѣлъ духъ? Въ нѣкоторой степени такое объясненіе пріемлемо, но существуетъ рядъ явленій, этимъ объясніемъ не покрывающихся. Среди нихъ надо указать на неуспѣхъ во французской провинціи вообще, во французской деревнѣ въ частности, пропаганды сектъ и разныхъ религіозныхъ новаторовъ, а также на параллельный неуспѣхъ антикатолическихъ и масонскихъ организацій. Масонскія ложи существуютъ почти исключительно въ большихъ городахъ и рекрутируются преимущественно людьми среднихъ общественныхъ классовъ, нелишенными нѣкотораго образованія; сѣрая же масса сельскаго населенія къ нимъ не тяготѣетъ, какъ не тяготѣетъ и къ сектамъ. Она остается «по старинѣ» католической, по старинѣ суевѣрно-вѣрующей и обрядовой,—правда, безъ особаго усердія,—и эта неподвижность традиціонно-католической мысли лишь сильнѣе подчеркиваетъ всю значительность завоевывающаго его антиклерикальнаго и антицерковнаго движенія.

Рабочій классъ вообще, и въ частности организованный пролетаріатъ, въ противуположность большинству крестьянства и мѣщанства, не только антиклерикаленъ, но и антирелигіозенъ. Его разрывъ съ церковью и очень глубокъ, очень проченъ, такъ какъ покоится на широкомъ основаніи. Этимъ основаніемъ является съ одной стороны вся жизнедѣятельность церкви во Франціи въ теченіе XIX столѣтія, съ одной стороны, и вся дѣятельность рабочаго класса — съ другой. Остановимся сначала на первой,—и прежде всего на отношеніи церкви къ соціальной борьбѣ и къ интересамъ рабочаго класса. Въ общемъ, это отношеніе было враждебное, какъ къ самымъ требованіямъ и домогательствамъ рабочаго класса, такъ, въ особенности, къ его методамъ борьбы за свои идеалы. По мѣрѣ того какъ соціальная борьба обострялась, и вмѣстѣ съ тѣмъ формировалась идеологія класса, борющагося за улучшеніе условій своего земного существованія, — это враждебное отношеніе церкви все болѣе опредѣлялось, и рабочій классъ въ концѣ концовъ причислилъ ее къ числу своихъ враговъ,—союзниковъ сначала монархіи, затѣмъ имперіи и, наконецъ, буржуазіи. Естественно, онъ на этомъ основаніи отвергъ и церковь, а вмѣстѣ съ нею и ту доктрину, представительницей которой церковь являлась. Но у него были и другія основанія. Они заключались, во-первыхъ, въ глубокомъ различіи цѣлей, — земныхъ, грубо матеріальныхъ, съ одной стороны, соціально-правовыхъ, съ другой, для рабочаго класса, — спиритуальныхъ и «потустороннихъ» — для церкви.

Потусторонніе, метафизическіе вопросы духа, конечно, имѣютъ свое право на существованіе, — но они выдвигаются на первый планъ только въ двухъ случаяхъ: когда элементарныя матеріальныя потребности удовлетворены, или когда онѣ признаны неудовлетворимыми. Но классъ, охваченный энтузіазмомъ борьбы за земное улучшеніе и надѣющійся на побѣду, не имѣетъ времени и не чувствуетъ расположенія къ доктринамъ, чуждымъ его основнымъ интересамъ и несущимъ съ собою не устраненіе земной несправедливости, а утвержденіе ея, вмѣстѣ съ утѣшеніемъ для ея неизбѣжныхъ жертвъ. Во-вторыхъ, разрывъ рабочаго класса съ церковью былъ стимулированъ распространеніемъ образованія въ его средѣ и тѣсно связанной съ нимъ, на его первичныхъ стадіяхъ,—вѣрой въ силу разума. Я не хочу этимъ сказать, что образованіе на его высшихъ ступеняхъ обязательно понижаетъ оцѣнку силы разума и уничтожаетъ такъ широко распространенную еще недавно антитезу вѣры и разума, религіи и критической мысли. Но, кажется, не должно подлежать спору положеніе, что неофиты знанія и научной мысли,—будутъ ли ими возрастныя или классовыя группы или даже націи и иныя культурныя образованія, крѣпко держатся за эту антитезу, конечно, въ ущербъ религіи вообще, и традиціонной религіи въ особенности. Нѣтъ почти юноши, тронутаго научной мыслью, который не прошелъ бы черезъ полосу атеизма; тѣмъ, кому приходилось наблюдать рабочихъ, проснувшихся къ интеллектуальной жизни, хорошо извѣстно, съ какой охотой ихъ критика направляется на религіозныя догмы; наконецъ, вся «атеистическая полоса», захватившая въ Западной Европѣ часть XVIII и почти весь XIX вѣкъ, свидѣтельствуетъ о томъ, что не только отдѣльныя лица, не только классы, но и все человѣчество подвержено дѣйствію этого закона исключительности.

Укажемъ еще на то, что рабочій классъ повернулъ спину традиціонной религіи тѣмъ легче, что нашелъ замѣну ей въ тѣхъ ученіяхъ, которыя освѣтили ему его жизненный путь, — и прежде всего въ соціализмѣ. Въ жизни какъ отдѣльныхъ лицъ, такъ и цѣлыхъ обществъ, религія удовлетворяетъ всегда многообразнымъ нуждамъ, какъ индивидуальной души, такъ и коллектива. Она опредѣляетъ мѣсто человѣка въ мірѣ и его связь съ цѣлымъ, частью котораго онъ является; даетъ ему законъ его чувствованій, его мышленія и его дѣятельности, направляя ихъ къ вѣчнымъ, истиннымъ и моральнымъ цѣлямъ; и, наконецъ, связываетъ его съ ему подобными прочной связью общихъ чувствъ, мыслей, навыковъ, дѣйствій и цѣлей, и служитъ одной изъ основъ общества. Удовлетворяя, такимъ образомъ, интеллектуальнымъ, моральнымъ и соціальнымъ запросамъ человѣка, она вноситъ въ че-

ловѣческое существованіе извѣстный порядокъ, является организующимъ началомъ,—но кромѣ того она вноситъ въ него еще и радость, такъ какъ всякая религія полна утѣшеній, надеждъ и обѣщаній, поднимающихъ у вѣрующихъ тонусъ жизни. Все это даетъ рабочему классу и его религія — соціализмъ. Онъ даетъ ему «научно» построенную соціологію, основное положеніе которой, сводящее соціальный процессъ къ борьбѣ классовъ, носитъ въ массовомъ сознаніи совершенно характеръ религіознаго догмата; онъ опредѣляетъ мѣсто пролетарія въ рядахъ его класса, и тѣмъ опредѣляетъ его отношенія къ остальнымъ согражданамъ; даетъ законъ его дѣйствія—объединенія со всѣмъ пролетаріатомъ міра, и борьбы съ соціальными антагонистами; направляетъ его волю къ освобожденію пролетаріата, какъ къ высшей и благороднѣйшей цѣли; создаетъ самое прочное изъ существующихъ соціальныхъ объединеній. Въ послѣднее время мы видимъ, какъ соціализмъ стремится расширить свои границы и осознать слагающуюся въ процессѣ классовой жизни культуру. Онъ охватываетъ понемногу всю общественную и духовную жизнь своихъ адептовъ, — т.-е. въ сущности всю умственно-живую часть рабочаго класса всѣхъ цивилизованныхъ странъ, чтобы вести его къ созданію новой соціальной жизни, новой культуры. Здѣсь вскрывается та возрождающая и созидающая роль, которая въ судьбахъ земного міра принадлежитъ — пролетаріату. Если «атей», отвергшій вѣру отцовъ, остается съ опустошеннымъ сердцемъ, и часто поэтому въ часъ тяжкихъ испытаній обращается вновь къ церкви—утѣшительницѣ и руководительницѣ на жизненныхъ путяхъ, — то пролетаріатъ, повернувъ спину церкви создалъ себѣ въ замѣну ей свою доктрину, давшую ему и утѣшеніе, и прочную надежду на лучшее будущее.

Чтобы углубить изложеніе мотивовъ, обусловившихъ дехристіанизацію французскаго пролетаріата, необходимо познакомиться съ мнѣніемъ двухъ французскихъ ученыхъ по этому вопросу. Въ прошломъ году «союзомъ свободныхъ мыслителей и свободно вѣрущихъ» былъ устроенъ рядъ конференцій по религіознымъ вопросамъ, и на одной изъ нихъ обсуждался вопросъ: «Нуждается ли народъ въ религіи?» Въ обсужденіи приняли участіе профессоръ Сорбонны Буглэ и членъ редакціи L'Humanité,—Дюнуа.

«—Когда говорятъ,—сказалъ Буглэ,—о религіи для народа, имѣютъ въ виду, конечно, не средство, способное удержать народъ въ покорности и въ дисциплинѣ, но думаютъ, что для того, чтобы онъ поднялся на высшую ступень, чтобы онъ имѣлъ смыслъ и основаніе жить, дѣйствовать, жертвовать, онъ долженъ имѣть ту вѣру,

ту религію, которая заставляетъ любить жизнь, дѣйствіе, жертву... И вотъ, я полагаю, что вкусъ къ жизни, къ усилію, къ дѣйствію, дается только интенсивнымъ коллективнымъ чувствомъ. Необходимо, «возбуждающее общеніе», соединеніе многихъ направленныхъ къ одной цѣли сознаній... Но я не думаю, чтобы всегда и повсемѣстно это общеніе людей должно было бы принимать форму религіознаго сообщества... Вы знаете, что въ теченіе довольно долгаго времени полагали возможнымъ согласить стремленія, инстинкты народа, его жажду освобожденія и глубокихъ реформъ съ религіозной, или, говоря точнѣе — съ христіанской традиціей. У первыхъ соціалистовъ XIX вѣка это было любимой темой. Но послѣ 1848 года между соціалистами съ одной стороны. христіанствомъ, съ другой, разверзлась пропасть... До половины прошлаго вѣка вѣрили въ возможность синтеза между традиціоннымъ и демократическимъ соціализмомъ. Но со второй половины вѣка съ этой вѣрой пришлось разстаться, — благодаря государственному перевороту 1852 года, благодаря наставшей реакціи, благодаря тому, что, по мнѣнію народа,—правильному или нѣтъ, не будемъ разбирать,—церковь въ этихъ конфликтахъ преслѣдовала одну цѣль: поддержать партію «порядка». Въ виду такого отношенія народа къ традиціонной церкви многимъ приходила въ голову мысль создать новую религію, болѣе согласованную съ научными взглядами нашей эпохи и съ народными желаніями и стремленіями... Передъ 1850 годомъ такихъ попытокъ было множество. Хотѣли итти къ народу подъ тѣнью хоругви. Такъ возникла и сенъ-симонистская религія. Что дали эти попытки? Мнѣ пришлось познакомиться съ досье «Рабочей ступени» сенъ-симонистской церкви. Въ цѣломъ рядѣ «Исповѣданій вѣры», сдѣланныхъ рабочими и работницами по требованію сенъ-симонистовъ, я почти не встрѣчалъ ни стремленія къ Вѣчному, ни радости отъ общенія съ Высшимъ. Обыкновенно—это выраженія антиклерикальныхъ и противукатолическихъ взглядовъ и чувствъ. Неофиты сенъ-симонизма радуются, что «раздѣлались съ церковью, которая до сихъ поръ ничего не дала народу». Съ другой стороны, сенъ-симонисты признавали «іерархію»;—народъ же отвѣчалъ имъ: «равенство» Народъ, такимъ образомъ, не былъ ни убѣжденъ, ни обращенъ сенъ-симонистами... несмотря на ихъ чрезвычайный энтузіазмъ, на вѣру и на знанія, которыми они были такъ богаты! Теперь я спрашиваю: кто же будетъ имѣть успѣхъ тамъ, гдѣ и традиціонная религія, и религія модернизированная потерпѣли пораженіе»?

Но Буглэ, профессоръ-экономистъ, нейтральный «свободный мыслитель» и скептикъ. Послушаемъ Дюнуа, активнаго соціалиста,

стоящаго въ тѣсной и непосредственной связи съ рабочими массами; на его сужденіяхъ печать современности и непосредственныхъ впечатлѣній будетъ сильнѣе.

— «Народныя массы, трудящіеся классы Франціи,—я знаю хорошо только Францію,—отворачиваются отъ религіи и отъ церквей, таковъ фактъ. Католичество черпаетъ свою силу въ гораздо большей степени изъ совершенства своей удивительной организаціи и изъ поддержки консервативной буржуазіи, чѣмъ изъ живой и сердечной вѣры массъ. Протестантизмъ же,—но протестанты лучше меня знаютъ, что его успѣхи совершенно ничтожны и что всѣ его усилія направлены на то, чтобы удержать свои позиціи. Таковъ фактъ. Надо ли отсюда заключить, что народная масса стала жертвой практическаго матеріализма? Такъ говорятъ тѣ, кто не знаетъ народа, и особенно тѣ, кто его не любитъ. Къ счастью, дѣйствительность свидѣтельствуетъ о противномъ. Народъ,—а подъ этимъ терминомъ я понимаю весь современный рабочій классъ,—отворачивается отъ церквей только потому, что церкви пренебрегли имъ. Да, церкви пренебрегли нуждами, интересами, надеждами трудящагося люда,—и не только его матеріальными нуждами, но и духовными, и не отозвались на громко говорящее въ немъ стремленіе къ справедливости. Существующія церкви слишкомъ часто являлись въ глазахъ рабочихъ пропитанными классовыми тенденціями,—и это потому, что онѣ мирились съ вопіющей несправедливостью существующихъ экономическихъ отношеній, съ чудовищной анархіей производства и еще болѣе чудовищнымъ неравенствомъ въ распредѣленіи богатствъ... Вслѣдствіе безсилія церкви—не скажу разрѣшить, а просто понять соціальный вопросъ рабочіе махнули на нее рукой. Теперь они довѣряютъ только себѣ самимъ, вѣрятъ въ свои синдикальныя и политическія организаціи, въ силу своей международной дѣятельности».

Остановимся, далѣе, на явленіи новомъ и чрезвычайно характерномъ—на возрожденіи интереса и сочувствія къ религіознымъ вопросамъ въ средѣ интеллигенціи,—въ средѣ des intellectuels.

Всего лѣтъ 60—40 тому назадъ могло казаться, что этотъ интересъ исчезъ окончательно, что былая религіозность замѣнилась глубочайшимъ индифферентизмомъ къ религіознымъ проблемамъ въ средѣ какъ дилеттантовъ науки, такъ и ея спеціалистовъ. И это потому, что умы того поколѣнія были глубоко пропитаны духомъ позитивизма, смотрѣвшаго на религіи, какъ на продуктъ, а на религіозность какъ на психологическое состояніе, соотвѣтствующее уже

пережитой и законченной стадіи историческаго развитія. Оттого рядъ проблемъ, занимающихъ такое замѣтное мѣсто въ религіяхъ,—объ абсолютѣ, во всѣхъ его формахъ, о начальныхъ причинахъ и конечныхъ цѣляхъ,—потеряли для нихъ всякое значеніе, кромѣ историческаго. Все вниманіе ихъ было направлено на міръ относительнаго, на природу и на общество, законы которыхъ изучались не только ради ихъ научнаго, но и ради ихъ практическаго житейскаго интереса. Философскимъ выраженіемъ этого умонастроенія явился агностицизмъ, пришедшій на смѣну наивному атеизму и заключавшій въ себѣ подъ покровомъ научнаго безпристрастія, казалось, окончательную смерть «непознаваемаго», переставшаго тревожить и научную любознательность, и общечеловѣческую совѣсть. Оборотною стороной этого упадка религіознаго интереса явилось убѣжденіе, переходившее часто въ вѣру, въ *достаточности* науки для удовлетворенія и житейскихъ, и духовныхъ потребностей человѣчества. Во Франціи это теченіе нашло своихъ блестящихъ и популярныхъ—что важнѣе для характеристики *общественнаго* процесса,—выразителей въ Контѣ, Литтрэ, Сенъ-Бёвѣ, Тенѣ, Ренанѣ, Клодѣ Бернарѣ и многихъ другихъ. Имъ, безъ сомнѣнія, казалось, что завоеванія позитивнаго духа длительны и прочны,—но дѣйствительность не подтвердила этого,—такъ какъ уже съ восьмидесятыхъ годовъ прошлаго вѣка обозначилась реакція противъ позитивизма, противъ исключительнаго господства разума и науки. Реакція эта исходила изъ различныхъ источниковъ, шла разными путями, и захватила различныя интеллигентскія группы.

Началась она среди буржуазіи, испуганной политическими и соціальными послѣдствіями безвѣрія и распространявшагося въ массахъ духа критики и отрицанія, неизбѣжно приводившаго къ крушенію всѣхъ, а въ томъ числѣ и соціальныхъ нормъ и авторитетовъ,—такъ, по крайней мѣрѣ, казалось буржуазіи, искавшей въ укрѣпленіи религіи прежде всего средства обуздать плебея. Вытекшее изъ этого источника движеніе приняло по необходимости политически и соціально реакціонный характеръ, нашедшій свое выраженіе въ поддержкѣ, которую и по сей день значительная часть имущихъ классовъ оказываетъ клерикализму.

Параллельно съ этой реакціей соціальнаго характера шла реакція идейная, сантиментальная и эстетическая. Брюнетьеръ, Поль Буржэ, Гюйсмансъ и многіе другіе открыли это движеніе еще тридцать лѣтъ тому назадъ, при чемъ детальный анализъ ихъ эпохи и ихъ твореній,—анализъ для котораго у насъ нѣтъ мѣста здѣсь,—открываетъ всю сложность исходныхъ точекъ ихъ религіозности. Съ теченіемъ времени оно крѣпло, и что всего важнѣе, — нашло

нѣкоторую поддержку даже у представителей позитивной науки. Изучая религіи, какъ психологическое и соціальное явленіе, современная позитивная наука высоко оцѣнила ихъ соціально-объединяющее и ихъ поднимающее общественныя силы значенія. Въ одной изъ рѣчей, посвященныхъ Дюркгеймомъ вопросу о религіи, знаменитый соціологъ говоритъ:

«Религія не есть только система извѣстныхъ идей и представленій, это прежде всего система силъ. Человѣкъ, живущій религіозной жизнью, не только представляетъ себѣ міръ тѣмъ или инымъ образомъ, не только обладаетъ тѣмъ знаніемъ, котораго не хватаетъ невѣрующему, — онъ прежде всего обладаетъ силами, чувствуетъ себя обладающимъ силами, которыхъ онъ лишенъ въ состояніи нерелигіозности. Религіозная жизнь обнаруживаетъ наличность совершенно особыхъ силъ,—тѣхъ силъ, которыя «двигаютъ горами», и человѣкъ, живущій религіозной жизнью, чувствуетъ себя участникомъ силы, которая господствуетъ надъ нимъ, но въ то же время поддерживаетъ его... Это чувство слишкомъ всеобще въ человѣчествѣ и слишкомъ постоянно, чтобы мы могли считать его иллюзорнымъ. Иллюзіи не переживаютъ тысячелѣтій. Отсюда надо заключить, что силы, ощущаемыя въ себѣ религіознымъ человѣкомъ, дѣйствительно существуютъ».

Откуда берутся и гдѣ возникаютъ эти силы? На этотъ вопросъ Дюркгеймъ отвѣчаетъ: «Въ коллективѣ. Мы знаемъ, дѣйствительно, по опыту, что каждый разъ, когда собраніе людей живетъ общей жизнью, въ ней возникаютъ специфическія и могучія силы, господствующія надъ людьми, возбуждающія ихъ и поднимающія ихъ жизненный тонусъ до уровня незнакомаго имъ въ ихъ частной жизни». «Религія, если мы освободимъ ее отъ догмъ, отличныхъ въ разныхъ вѣроученіяхъ, всегда является носительницей идеаловъ, поднимающихъ человѣка выше временныхъ и грубыхъ интересовъ и заставляющихъ его вести болѣе благородное и достойное существованіе, чѣмъ то, которое ему свойственно, когда онъ заботится объ однѣхъ своихъ физическихъ потребностяхъ».

Но если такъ, то религія не только собраніе пережитковъ и устарѣлыхъ навыковъ темной мысли, отъ которыхъ человѣчество отдѣлывается съ теченіемъ времени, и должно отдѣлаться для своей пользы, а явленіе, естественно возникающее въ процессѣ коллективной жизни и имѣющее индивидуальную и коллективную цѣнность. Этотъ выводъ не собралъ бы большого числа сторонниковъ лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ. Тогда онъ не соотвѣтствовалъ умонастроенію эпохи; но онъ вполнѣ соотвѣтствуетъ ей теперь. Теперь философская мысль Франціи упорно борется съ механическимъ міропо-

ниманіемъ, съ интеллектуализмомъ и абстрактнымъ раціонализмомъ; литература и искусство вообще,—я говорю о той литературѣ и о томъ искусствѣ, въ которыхъ бьется пульсъ жизни,—разорвали съ натурализмомъ и реализмомъ, вѣроятно изъ отвращенія къ дѣйствительности, бѣдной и грубой,—и стремятся создать изъ себя міръ лучшій, отвѣчающій требованіямъ синтетизирующаго ума и утонченнаго чувства. Оттого здѣсь властвуетъ спиритуализмъ, символизмъ, мистицизмъ, синтетизмъ и т. д.; отъ того католикъ и мистикъ Клодель господствуетъ среди поэтовъ и драматурговъ молодой Франціи; въ средѣ художниковъ кисти «благородной» картиной считается только та, которая ни на что реальное не похожа и изображаетъ не презрѣнный міръ низкой дѣйствительности, а ищущую душу художника. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ она можетъ быть просто-напросто испорченнымъ полотномъ,—ей обезпечено сочувственное вниманіе, такъ какъ это признакъ времени: интеллигенція вообще, интеллигенція Франціи въ частности, жадно ищетъ, вся отдана поискамъ того, чего она не нашла въ эпоху «сціентифизма» и реализма, и безъ чего жить, оказывается, невозможно: общаго, объединяющаго, творческаго принципа, отвѣчающаго одновременно и запросамъ ума, и запросамъ «души» и заключающаго въ себѣ указаніе на общественный идеалъ и норму личнаго поведенія. Она отдана поискамъ такого принципа, потому что горькимъ опытомъ убѣдилась въ невозможности существовать безъ него, не деградируя.

Мнѣ уже приходилось говорить о поискахъ во Франціи основъ свѣтской морали, въ замѣнъ выброшенной за бортъ морали церковной. Я указалъ тогда на то, что въ этихъ исканіяхъ свѣтская мысль руководителей французской свѣтской школы пришла въ концѣ-концовъ къ сознанію необходимости «транспонировать идею божественнаго изъ области сверхъестественнаго въ область естественнаго, свести Божество съ неба на землю», иначе говоря, провести въ сознаніе подростающихъ поколѣній «религіозно-пантеистическій взглядъ на міръ, какъ на цѣлое, живущее единой жизнью, цѣлое, частью котораго является каждый отдѣльно мыслящій человѣкъ»,—опираясь при этой воспитательной работѣ на «чувство природы», на эстетическое чувство и на соціальные инстинкты. Педагоги пытаются создать свѣтскую религію изъ соображеній соціально-воспитательныхъ; отдѣльные люди изъ соображеній личныхъ; политическіе дѣятели,—потому что республика безъ объединяющей доктрины лишена моральной силы. Но всѣ ищутъ *религію*, т.-е. принципъ, отвѣчающій не только логическимъ требованіямъ ума, но способный «взять» человѣка въ его цѣломъ, и служить ему опорой и руководителемъ въ его общественной и личной жизни. Вотъ въ этомъ-то исканіи подобнаго принципа и заклю-

чается то «религіозное возрожденіе» о которомъ во Франціи такъ много говорятъ въ послѣднее время. Это «религіозное возрожденіе» нашло себѣ выраженіе, между прочимъ, и въ поднявшемся интересѣ къ религіознымъ вопросамъ,—показателемъ котораго являются, между прочимъ, многочисленныя конференціи и курсы, посвященные «религіозной проблемѣ въ современной мысли». Подъ этимъ общимъ названіемъ въ зиму 1912—1913 годовъ въ «Ecole des Hautes Etudes Sociales» былъ прочитанъ рядъ курсовъ лекторами—Бэло, Буаракъ, Бутру, Бруншикъ, Делякруа, Дюма, Дюркгеймомъ, Двельшоверомъ, Ле-Дентекомъ, Ле-Руа, Луази, Моно и др. Цѣлый рядъ конференцій былъ организованъ возникшимъ «Союзомъ свободныхъ мыслителей и свободно вѣрующихъ въ цѣляхъ моральной культуры». Въ союзѣ этомъ въ качествѣ членовъ и лекторовъ мы находимъ: Эмиля Фаге, Габріэля Сейеса, Пюлиньи, Фердинанда Боюссона, Моно, Пароди, Абози, Люи Жиллэ и многихъ другихъ. Конференціи посѣщались очень усердно публикой, проходили весьма оживленно, и въ преніяхъ участвовали видные дѣятели науки, литературы и политики..

Знакомясь со всѣмъ этимъ очень обширнымъ религіознымъ теченіемъ во французской интеллигенціи, обнаруживаемъ въ немъ два теченія. Одно консервативное, часто окрашенное классовыми и эгоистическими интересами,—въ сторону католицизма, традиціонныхъ религій; и другое, уже указанное выше,—въ сторону созданія новой свѣтской религіи. Не лишенъ интереса вопросъ: какое изъ теченій имѣетъ шансы на жизнь, и имѣетъ ли ихъ хотя бы одно изъ нихъ?

Бѣлоруссовъ.

ПОСЛѢ РАЗГРОМА.

(Письмо изъ Болгаріи).

Былъ моментъ,—и не такъ давно еще: въ дни «междусоюзной» войны и бухарестскихъ переговоровъ,—когда отъ болгарскаго руссофильства осталось, кажется, одно лишь горькое воспоминаніе. Трогательный образъ извѣчнаго покровителя болгарскаго народа, легендарнаго «дѣда Ивана», потускнѣлъ и заслонился образомъ «вѣроломной русской дипломатіи», предавшей Болгарію «коварнымъ союзникамъ» и сбросившей ее—сознательно и преднамѣренно—съ вы-

соты славы и величія въ самые низы позора и униженія. Самое откровенное руссофобство царило тогда и въ арміи, и на бюрократическихъ верхахъ, и, въ интеллигенціи, и казалось, даже въ народныхъ массахъ, въ которыя не могли не просачиваться,—черезъ возвращавшихся съ войны запасныхъ,—интеллигентскія и, въ частности, офицерскія настроенія. Заколебались даже патентованные представители оффиціальнаго болгарскаго руссофильства,—тѣ, которые еще совсѣмъ недавно, кстати и некстати, кричали о своей безграничной преданности Россіи и торжественно заявляли о томъ, что «съ Россіею они политики не дѣлаютъ». Даже ихъ испытанное руссофильство пошатнулось. Даже они начали громко возмущаться Россіею, на которую они возлагали всѣ свои надежды, указаніямъ и совѣтамъ которой они «такъ рабски слѣдовали», и которая «такъ безжалостно, такъ вѣроломно» покинула ихъ въ критическій моментъ.

Особенно обострились эти антирусскія настроенія послѣ бухарестскаго договора, такъ трагически увѣнчавшаго собою румынское вмѣшательство въ войну. Всѣ союзники знали, что это вмѣшательство,—главная, если не единственная, причина катастрофы,—было въ значительной степени вызвано попустительствомъ, пожалуй даже, поощреніемъ со стороны Россіи. И, естественно, безсильная злоба противъ Румыніи сама собою переносилась на русскую голову. Безхитростные, чуждые политиканства, умы просто оплакивали крушеніе своей «русской вѣры» и въ скорбномъ недоумѣніи спрашивали: что же такого преступнаго сдѣлала Болгарія, что заслуживала-бы такого безжалостнаго возмездія? И отъ кого? Отъ той самой Россіи, которая ее освободила и призвала къ самостоятельному національному существованію, которая сама же начертала передъ нею идеалъ «Санъ-Стефанской Болгаріи», а теперь карала ее за попытку воплотить его въ жизни! Политиканы не ограничивались жалобами на безпощадную суровость русской дипломатіи, но искали посильнаго объясненія то въ недовольствѣ Петербурга демонстративною самостоятельностью и капризною суетливостью Данева, то въ явномъ предпочтеніи, которое русскія высшія сферы, а, значитъ, и оффиціальная русская дипломатія давно уже оказывали Сербіи въ ущербъ Болгаріи, то, наконецъ, въ страхѣ русской дипломатіи передъ призракомъ «Великой Болгаріи», на которую рано или поздно должна будетъ натолкнуться Россія на своемъ пути къ Царьграду и Дарданелламъ. Это послѣднее объясненіе впервые возникло въ дни затяжныхъ лондонскихъ переговоровъ, когда за спиною упорствовавшихъ турецкихъ делегатовъ видѣли Россію, хотѣвшую «во что бы то ни стало помѣшать тому, чтобы Адріанополь, этотъ форпостъ

Царьграда, перешелъ въ цѣпкія болгарскія руки». Позже оно, казалось, нашло себѣ новыя подтвержденія въ кампаніи, которую вела противъ «непомѣрныхъ притязаній Данева» значительная часть русской печати,—въ неудачѣ, постигшей въ Петербургѣ конфиденціальную миссію генерала Радко Димитріева; въ категорическомъ veto, противупоставленномъ Россіею болгарскимъ притязаніямъ на Родосто; наконецъ—*last not least*—въ тѣхъ мучительныхъ безплодныхъ перипетіяхъ, которыми сопровождались, вплоть до начала войны, настойчивыя усилія болгарскаго правительства добиться арбитражнаго разрѣшенія своего спора съ Сербіею въ рамкахъ союзнаго договора, заключеннаго по указаніямъ и при посредствѣ Россіи. То, что раньше казалось чуть ли не клеветническою выдумкою крайняго руссофобства, облекалось, такимъ образомъ, въ плоть и кровь серьезной, опиравшейся на факты, политической доктрины. Препятствія, встрѣченныя болгарскою дипломатіею со стороны Россіи, переставали казаться случайнымъ плодомъ преходящихъ недоразумѣній. Въ нихъ начинали видѣть нѣчто постоянное и неизбѣжное, что-то въ родѣ имманентнаго противорѣчія между національно-державными интересами и судьбами Болгаріи и Россіи. И, рядомъ съ этимъ, въ патріотическихъ кругахъ все настойчивѣе и чаще раздавались предупреждающіе голоса, призывавшіе къ отрезвленію и освобожденію отъ фатальныхъ иллюзій, оставленныхъ въ наслѣдство освободительною войною. Все имѣетъ свои границы—говорили они. Должна имѣть ихъ и наша признательность «великой Освободительницѣ». Мы должны, наконецъ, понять, что если до сихъ поръ наши пути съ Россіей шли параллельно, отнынѣ они расходятся. И если болгарскій народъ дѣйствительно намѣренъ стать на свои собственныя ноги и итти рѣшительно впередъ, къ осуществленію своихъ національныхъ идеаловъ, онъ долженъ твердо знать, что на этомъ пути онъ не встрѣтитъ ни сочувствія, ни поддержки со стороны Россіи. Такой поддержки и такого сочувствія ему надо искать совсѣмъ въ другомъ мѣстѣ, и прежде всего у Австріи, которая въ своихъ собственныхъ интересахъ должна желать Болгаріи силы и величія.

Самое яркое выраженіе нашла себѣ эта новая идеологія болгарскаго націонализма въ знаменитомъ «письмѣ 23-го іюня», отправленномъ царю Фердинанду лидерами національныхъ,—какъ здѣсь ихъ называютъ: либеральныхъ, — партій, Радославовымъ, Генадіевымъ и Тончевымъ. Моментъ былъ критическій. Страна погибала, окруженная со всѣхъ сторонъ неумолимыми врагами, покинутая ея вчерашними друзьями и покровителями. Безучастная, если не злорадная, Россія, казалось, нарочно не хотѣла услышать ея предсмертныхъ воп-

лей и безжалостно отталкивала отъ себя ея молящую протянутую руку. Отчаяніе охватывало всѣ слои и круги болгарской интеллигенціи, и самъ верховный жрецъ болгарскаго оффиціальнаго руссофильства, министръ-предсѣдатель Даневъ, готовъ былъ уже признавать «банкротство» своей политики. Въ этотъ трагическій моментъ авторы письма рѣшились возвысить свой голосъ противъ «фатальнаго подчиненія русской политикѣ вопреки вопіющему и всякій день растущему злу отъ нея» и указали своему государю «единственный спасительный путь», заключавшійся, по ихъ убѣжденію, въ «политикѣ тѣснаго сближенія съ Австріею». И этотъ голосъ оказался настолько отвѣчавшимъ настроенію, господствовавшему тогда въ руководящихъ кругахъ, что всего черезъ нѣсколько дней послѣ отсылки письма во дворецъ, его авторамъ было предложено занять мѣсто растерявшагося въ конецъ Данева и спасать Болгарію тѣмъ способомъ, который они сами только, что называли единственнымъ. Мѣсто руссофильскаго кабинета Данева—Гешева занялъ руссофобскій кабинетъ либеральной коалиціи, и эта перемѣна должна была знаменовать собою «поворотный пунктъ» въ болгарской исторіи, ея новую—австрофильскую—эру...

На дѣлѣ вышло совсѣмъ иное. Скоро оказалось, что именно этотъ моментъ торжества болгарскаго руссофобства былъ для него началомъ рѣшительнаго и быстраго упадка. Какъ водится, отрезвленіе началось съ верховъ, гдѣ сознаніе отвѣтственности за свои слова и дѣйствія, не существовавшее для руссофобскихъ выступленій митинговыхъ ораторовъ и независимыхъ журналистовъ, не замедлило связать по рукамъ и по ногамъ оффиціальныхъ представителей власти. Ставши министрами, Генадіевъ и Радославовъ сразу излѣчились отъ своей націоналистской мегаломаніи. Они поняли, какъ мало реальны были всѣ ихъ расчеты на Австрію, всѣ ихъ угрозы по адресу Россіи; какъ, въ сущности, ограничена была маленькая, несчастная, полураздавленная Болгарія въ выборѣ своихъ друзей и покровителей; какими новыми опасностями грозили бы ей всякій новый вызовъ, всякая новая авантюра. И лучше всего поняли они, что отрицаніе Россіи не только не упрощаетъ положенія, но, напротивъ, еще болѣе затрудняетъ и усложняетъ его. Неудивительно, поэтому, что какъ только они почувствовали себя усѣвшимися прочно въ министерскихъ креслахъ, ихъ воинствующее руссофобство сразу потонуло въ сравнительно безобидныхъ декларацiяхъ и свободной отъ всякихъ «фильствъ» и «фобствъ» болгарской національной политикѣ, задачею которой будетъ возстановленіе добрыхъ отношеній со всѣми великими державами и, прежде всего, съ Россіею, посредничество которой было необходимо сей-

часъ же, на первыхъ же порахъ, въ Нишѣ и Бухарестѣ, и объ истинной роли которой они,—теперь держатели государственнаго архива,—имѣли гораздо болѣе правильное представленіе, чѣмъ раньше въ дни своей оппозиціонной фронды [1]).

Эта перемѣна тона на верхахъ не могла, конечно, не почувствоваться и въ широкой публикѣ. Руссофобское повѣтріе и тамъ пошло на убыль, сначала, такъ сказать, по довѣрію, а потомъ и подъ вліяніемъ очевидности, все болѣе безспорной и убѣдительной. Публика, жившая до того въ атмосферѣ болѣзненнаго возбужденія, подъ властью тенденціозныхъ слуховъ и всеобщей подозрительности, получила, наконецъ, возможность оглянуться, сравнительно спокойно на только-что пережитыя событія. Военное положеніе было снято. Цензура была отмѣнена. Начались розыски «виновниковъ катастрофы», уже не голословные, какъ прежде, а болѣе или менѣе фактическіе, документальные. Одинъ за другимъ выступали актеры пережитой драмы и, то въ качествѣ обвиняемыхъ, то въ качествѣ обвинителей, засыпали читателей своими разоблаченіями. И въ свѣтѣ этихъ разоблаченій постепенно выяснялась дѣйствительная картина катастрофы. А потомъ къ этимъ разоблаченіямъ собственнаго происхожденія, по необходимости болѣе или менѣе, одностороннимъ, прибавился богатѣйшій матеріалъ «Зеленой», «Оранжевой» и другихъ книгъ, освѣщавшихъ тѣ же событія, но съ чужихъ точекъ зрѣнія и безжалостно разбивавшихъ ходячія представленія о «виновникахъ катастрофы». И чѣмъ ближе знакомилась публика съ обстановкою, въ которой назрѣвала и, наконецъ, разразилась эта катастрофа, тѣмъ очевиднѣе становилось даже для предубѣжденныхъ, что главная отвѣтственность за нее падала на самое Болгарію; что,

[1]) Въ частныхъ бесѣдахъ съ людьми, въ скромности которыхъ они могли быть увѣрены, они шли гораздо дальше. Помню, самъ блестящій лидеръ болгарскихъ націоналистовъ, Генадіевъ, тогда министръ иностранныхъ дѣлъ въ новомъ кабинетѣ Радославова, прямо говорилъ мнѣ, что ихъ совершенно несправедливо считаютъ „руссофобами"; что, въ сущности, они „гораздо болѣе руссофилы, чѣмъ наши патентованные руссофилы, въ родѣ Данева, которые только кричатъ о своей преданности Россіи, а въ дѣйствительности думаютъ лишь о русскихъ подачкахъ"... „Мы протестуемъ,—говорилъ Генадіевъ,—противъ слѣпого подчиненія чьимъ бы то ни было указкамъ, но мы искренно хотѣли бы установить полное взаимное довѣріе между Болгаріею и Россіею. И это довѣріе кажется намъ вполнѣ возможнымъ, потому что, съ одной стороны, мы не ставимъ себя въ нашей внѣшней политикѣ цѣлей, которыя находились бы въ противорѣчіи съ интересами Россіи, съ другой, мы прекрасно понимаемъ, что наши національныя задачи,—я имѣю въ виду реальныя и осуществимыя задачи и прежде всего—ревизію Бухарестскаго договора,—легче и проще всего могли бы быть осуществлены съ помощью Россіи"...

во всякомъ случаѣ, девять десятыхъ обвиненій, взводившихся на Россію, ни на чемъ не основывались. Оказалось, что Россія лойяльно, дѣятельно и, въ общемъ, успѣшно поддерживала Балканскій союзъ въ его борьбѣ противъ Турціи, прикрывала его тылъ отъ опаснаго вмѣшательства Австріи, помогала ему деньгами и оружіемъ. Потомъ, когда въ союзѣ начались несогласія, Россія дѣлала все для того, чтобы сгладить эти несогласія и предовратить разрывъ, которымъ они угрожали,—совѣтовала, предупреждала, даже грозила, рисуя передъ «союзниками» всѣ опасности ихъ распри, вплоть до неизбѣжнаго вмѣшательства Румыніи и Турціи, и умоляя ихъ предоставить ей дѣло примиренія ихъ противорѣчивыхъ интересовъ, обѣщала сдѣлать это съ минимумомъ неудобствъ для Болгаріи, съ сохраненіемъ за ней по возможности всѣхъ правъ и преимуществъ, которыя обезпечивали ей договоры... Къ сожалѣнію, ея совѣты и предупрежденія игнорировались именно тѣми, кто всю свою политику строилъ на ея сочувствіи и поддержкѣ. Ослѣпленное своими военными успѣхами, тогдашнее болгарское правительство,—какъ на смѣхъ безусловно руссофильское,—закусило удила и шло на проломъ, совершенно не считаясь ни съ объективными условіями международной коньюнктуры, ни съ крайне сложными и деликатными отношеніями между Болгаріею и ея скороспѣлыми союзниками, ни съ интересами и желаніями своей главной покровительницы, Россіи. Оно знало лишь свои разыгравшіеся отъ успѣховъ аппетиты и думало лишь о томъ, чтобы какъ-нибудь не выпустить изъ рукъ того, что̀ въ нихъ попало. Оно съ презрѣніемъ отвергло предложеніе мира, которое еще до Чаталджи дѣлала ему разгромленная подъ Люле-Бургасомъ Турція. Оно предприняло нелѣпую атаку Чаталджанскихъ позицій, очевидно только потому, что на этомъ настаивала главная квартира, мечтавшая о томъ, чтобы вступить во главѣ арміи въ Царьградъ и тамъ, въ стѣнахъ древней Византіи, осаждавшейся не разъ полками Крумовъ и Симеоновъ, продиктовать султану условія своего мира. Оно безцѣльно затянуло своею неуступчивостью лондонскіе переговоры и, успѣвъ предварительно вызвать своими претензіями на Родосто подозрительность русской дипломатіи, довело ихъ, въ концѣ концовъ, до разрыва и второй войны. Оно отказалось даже говорить о компенсаціяхъ сербамъ и, замкнувшись въ своей непримиримой позиціи «буквальнаго исполненія договора», осудила на фіаско всѣ примирительныя усилія Россіи. Когда же, наконецъ, дойдя уже до самаго края бездны, оно какъ будто одумалось и приняло русскій арбитражъ, разразился фатальный ударъ 16-го іюня, убившій Балканскій союзъ и приведшій на край гибели Болгарію. Словомъ, оно

какъ будто нарочито сдѣлало все для того, чтобы свести на нѣтъ всѣ успѣхи русской политики на Балканахъ, чтобы обидѣть Россію и отчудить отъ себя ея сочувствіе. И когда, послѣ безумія 16-го іюня, это отчужденіе стало совершившимся фактомъ, оно должно было казаться естественнымъ послѣдствіемъ длиннаго ряда ошибокъ и провокацій болгарскаго оффиціальнаго руссофильства. Правда, эти ошибки и провокаціи—особенно, провокаціи—были въ значительной степени невольными. Правда, вся тяжесть послѣдовавшей за ними кары пала не на истиннаго виновника, а на неповинный болгарскій народъ. Правда, эта кара оказалась, въ концѣ концовъ, непомѣрно жестокою. Но, во-первыхъ, это уже детали, которыми дипломатія, очевидно, не могла заниматься при рѣшеніи общихъ вопросовъ. Во-вторыхъ, когда «наказаніе» Болгаріи приняло характеръ безпощадной экзекуціи, Россія сама уже потеряла контроль надъ событіями и оказалась не въ состояніи регулировать ихъ, не рискуя войною, къ которой была совершенно неготова.

Все это понемногу выяснялось и, по мѣрѣ выясненія, отражалось на общественномъ настроеніи. Вражда къ Россіи теряла свой стихійно-огульный характеръ, блѣднѣла и таяла, уходя съ общественной арены въ темныя политическія подполья. Руссофильская традиція поднимала голову. Въ кругахъ политиканской интеллигенціи еще обвиняли русскую дипломатію, но эти обвиненія становились все болѣе нерѣшительными и условными. На нее жаловались, но въ этихъ жалобахъ все громче слышался упрекъ по своему собственному адресу. Дѣло дошло до того, что извѣстный болгарскій поэтъ и трибунъ, Стоянъ Михайловскій, не побоялся сказать открыто въ публичной лекціи, посвященной вопросу о причинахъ національнаго разгрома, что виноваты въ немъ «мы сами, наша некультурность, наше невѣжество и нашъ шовинизмъ», и что менѣе всего виновата въ немъ Россія, которая въ критическій моментъ «не могла» остановить Румыніи, какъ «не могла» помѣшать Букарестскому договору, потому что всякая серьезная попытка въ этомъ направленіи грозила ей самой опаснѣйшимъ конфликтомъ съ тройственнымъ союзомъ. И хотя Михайловскій читалъ свою лекцію въ военномъ клубѣ, передъ избранною публикою, въ которой было много офицеровъ и политикановъ, его смѣлыя признанія не вызвали ни одного возраженія, напротивъ, были встрѣчены общими и шумными рукоплесканіями. А нѣсколько позже, во время недавнихъ преній объ «анкетѣ» въ болгарскомъ парламентѣ, эта реакція противъ воинствующаго руссофобства проявилась еще болѣе ярко. Не говорю уже объ ораторахъ оппозиціонныхъ, въ частности, лѣвыхъ партій. За исключеніемъ «тѣсныхъ соціалистовъ», которые никогда не про-

пускаютъ случая «заклеймить завоевательныя стремленія русскаго монархизма», почти всѣ ихъ ораторы видѣли главную причину катастрофы въ «австрофильскихъ интригахъ неотвѣтственныхъ руководителей болгарской политики» и болѣе или менѣе опредѣленно рекомендовали правительству «сближеніе съ Россіею и тройственнымъ соглашеніемъ».

Да что говорить объ оппозиціи! Даже чистокровные націоналисты, въ родѣ Генадіева, Момчилова и Колчева, могли только смѣяться надъ уличными сказками о русскомъ коварствѣ. Болѣе того: однимъ изъ главныхъ обвиненій, которое бросали они въ лицо бывшему правительству, было именно обвиненіе въ непослѣдовательности и неискренности его хваленнаго руссофильства: «Вы возлагали всѣ свои надежды на поддержку Россіи,— говорили ихъ ораторы, обращаясь къ представителямъ народняшко-цанковистскаго кабинета,—и въ то же время систематически игнорировали ея совѣты и предупрежденія, на каждомъ шагу провоцировали ее. Удивительно ли, что въ критическую минуту вы оказались покинутыми и одинокими?!..»

Словомъ, руссофобство, какъ массовое общественное настроеніе, болѣе не существуетъ. Какъ политическая доктрина, оно тоже потеряло добрую долю своей категоричности и своего обаянія. Воинствующій націонализмъ еще цѣпляется за него, но даже у него это уже не глубокое внутреннее убѣжденіе, а временный политическій экспедіентъ, выдвигаемый только потому, что съ его помощью еще надѣются вывести Болгарію изъ ея одиночества и, можетъ-быть, добиться ревизіи Бухаретскаго договора. Откройте этой надеждѣ другой путь; покажите, что та же задача могла бы быть разрѣшена не вопреки, а съ помощью Россіи, и вы изгоните руссофобство изъ его послѣдняго убѣжища. Тогда и крайніе болгарскіе націоналисты съ облегченнымъ сердцемъ откажутся отъ него и по примѣру «земледѣльцевъ», «радикаловъ» и «широкихъ соціалистовъ»—тоже вѣдь непримиримыхъ враговъ «русской реакціи»—выскажутся за возстановленіе взаимнаго довѣрія и дружбы между Болгаріею и Россіею. Въ этомъ смыслѣ, кажется мнѣ, русская дипломатія является полнымъ хозяиномъ положенія, и отъ нея одной зависитъ, кому будетъ принадлежать окончательная побѣда въ этой борьбѣ между руссофобскими и руссофильскими тенденціями въ болгарской политикѣ. Пусть она завтра проявитъ хотя бы нѣкоторое вниманіе и интересъ къ униженной, ограбленной и всѣми покинутой Болгаріи; пусть она заинтересуется судьбою болгарскаго населенія въ Македоніи и поднимаетъ въ пользу его свой мощный голосъ въ Бѣлградѣ, Аѳинахъ и Бухарестѣ, и послѣзавтра отъ болгарскаго руссофобства не останется и слѣда: его выбросятъ за окно сами же руссофобы...

Однако, виновата или невиновата была Россія въ болгарскихъ несчастіяхъ, ея вина, очевидно, не умаляла вины самихъ болгаръ. Страна это прекрасно понимала, и потому всегда, съ перваго момента, какъ только опомнилась отъ пережитыхъ потрясеній, неутомимо и страстно искала виновниковъ катастрофы въ своей собственной средѣ. Первымъ, простѣйшимъ объясненіемъ казалось то, которое возлагало отвѣтственность за разгромъ на «всѣхъ». Виноваты были «всѣ», потому что всѣ хотѣли войны и восторженно привѣтствовали ее, когда она пришла:—сначала съ Турціею, ради освобожденія Македоніи; потомъ, послѣ прекращенія лондонскихъ переговоровъ, съ Турцію же, ради завоеванія Адріанополя, Ѳракіи и, можетъ быть, Константинополя; потомъ, наконецъ, съ союзниками, ради возвращенія захваченныхъ ими, пока что, болгарскихъ областей западной и южной Македоніи. Но это объясненіе было слишкомъ просто и элементарно, чтобы удовлетворить общественную совѣсть. Несомнѣнно, воинственны — и какъ воинственны!—были тогда почти всѣ. Потомъ, заднимъ числомъ, многіе отрекались отъ этой своей воинственности, или объясняли ее тактическими соображеніями. Но можно ли придавать значеніе этимъ запоздалымъ объясненіямъ, очевидно навѣяннымъ специфическою психологіею пораженія? Конечно, нѣтъ! Раньше, когда событія только еще подготовлялись, психологія была совсѣмъ иная, вся проникнутая безудержнымъ и пылкимъ шовинизмомъ. Тогда люди были полны яркихъ надеждъ и безграничной вѣры въ свои силы, никакихъ катастрофъ не боялись, въ успѣхѣ не сомнѣвались и думали только о томъ, какъ бы не упустить и не умалить его чрезмѣрною осторожностью. Тогда всѣ,—по крайней мѣрѣ, всѣ тѣ, чей голосъ былъ слышенъ, и съ кѣмъ «общественное мнѣніе» считалось,—кричали: «впередъ!», и всякій совѣтъ умѣренности и благоразумія звучалъ въ ушахъ толпы чуть ли не предательствомъ.

Что это было именно такъ, а не иначе — не подлежитъ сомнѣнію. Но даже и полное признаніе такой «всеобщей виновности», очевидно, не могло разрѣшить вопроса о «настоящихъ виновникахъ». Во-первыхъ, оно очень смахивало на признаніе «всеобщей же невинности», — ибо тамъ, гдѣ виноваты всѣ, невиновенъ, въ сущности, никто. Во-вторыхъ, всеобщая виновность не предполагаетъ непремѣнно «равной» для всѣхъ виновности, допускаетъ въ разныхъ конкретныхъ случаяхъ очень различныя ея степени и формы. Въ-третьихъ, наконецъ, — и это самое главное — толпа — «всѣ» — является обыкновенно послушнымъ воскомъ въ рукахъ ея руководителей, и въ этомъ смыслѣ, ея вина не только не умаляетъ, но, напротивъ, отягощаетъ вину этихъ послѣднихъ. Они, поэтому,

тѣ, кто судьбою или обстоятельствами были поставлены въ этотъ критическій моментъ въ положеніе вождей народа, вдохновителей общественнаго мнѣнія въ странѣ, руководителей ея политики, они и только они являлись истинными виновниками обрушившейся на Болгарію катастрофы. Ихъ, и только ихъ, надо было разыскать и пригвоздить къ позорному столбу; между ними надо было распрелить отвѣтственность за катастрофу, — по возможности пропорціонально степени ихъ прикосновенности къ ней...

И, дѣйствительно, розыски виновниковъ катастрофы давно уже, еще со времени букарестскихъ переговоровъ, сдѣлались любимою темою болгарской печати, привычнымъ занятіемъ болгарскихъ политикановъ, главною, если не единственною, заботою болгарскаго общества и народа. Подъ знакомъ этихъ розысковъ текла и до сихъ поръ еще протекаетъ почти вся общественно-политическая жизнь страны. Ими, вѣроятно, въ значительной степени опредѣлится и въ ближайшемъ будущемъ ея политическая эволюція отъ *необходимости* къ свободѣ, отъ рутины механическаго конституціонализма къ сознательному и истинному народовластію.

Строго говоря, академически, эти розыски еще не окончены— иные думаютъ, что они еще даже не начаты въ серьезъ,—и вопросъ, ими поставленный, остается пока неразрѣшеннымъ. Авторитетно и полно должна «разрѣшить его «Анкетная комиссія», избранная съ этою спеціальною цѣлью, послѣ страстныхъ двухнедѣльныхъ преній, правительственнымъ большинствомъ Народнаго Собранія. Но это—только академически, строго формально: по существу же, для общественнаго мнѣнія въ широкомъ смыслѣ слова, этотъ вопросъ разрѣшенъ уже давно, чуть ли еще не во время выборовъ въ XVI народное собраніе. И вотъ къ чему сводится, повидимому, это рѣшеніе, подлежащее, можетъ-быть, поправкамъ въ деталяхъ, но окончательное въ своей основѣ: истинными виновниками катастрофы являются тѣ, кто стояли во главѣ управленія страною во время подготовленія и веденія фатальныхъ войнъ сначала съ Турціею, потомъ—съ союзниками. Это, прежде всего, отвѣтственное правительство Гешева-Данева, предпринявшее великое національное дѣло, не подготовивъ всѣхъ элементовъ, которые обезпечивали его вѣрный успѣхъ, и, въ процессѣ его осуществленія, неоднократно его компрометтировавшихъ своею легкомысленною самоувѣренностью и своимъ слѣпымъ шовинизмомъ. Это затѣмъ—неотвѣтственное правительство дворца и главной квартиры, со всѣми ихъ признанными и непризнанными совѣтниками и вдохновителями, которое вело свое подпольное дѣло за спиною отвѣтственнаго кабинета, вмѣшивалось въ его распоряженія, нарушало его директивы, постоянно всовывало палки своихъ капризныхъ им-

пульсовъ и политическихъ симпатій въ колеса его планомѣрной дѣятельности. Это—опять-таки—отвѣтственное правительство Гешева-Данева, не сумѣвшее защитить отъ этихъ посягательствъ свое достоинство и свои права, неспособное положить конецъ этому пагубному вмѣшательству «неотвѣтственныхъ факторовъ» даже тогда, когда эта пагубность была ему совершенно ясна. Словомъ, въ своей совокупности, это все тотъ же старый врагъ болгарской демократіи, пресловутый «личный режимъ». Онъ свелъ на нѣтъ упорную работу поколѣній и нечеловѣческія усилія арміи и народа, онъ сбросилъ Болгарію съ высоты величія и славы въ самые низы позора и униженія. Его надо изобличить и сдѣлать болѣе невозможнымъ. Отъ него надо во что бы то ни было освободить страну, ибо лишь такою цѣною можетъ быть достигнута ея обновленіе...

Таково было настроеніе, когда въ странѣ происходили первые послѣ разгрома законодательные выборы. Извѣстно, чѣмъ они окончились. Впервые въ своей исторіи страна послала въ Народное Собраніе оппозиціонное большинство (110 оппозиціонеровъ на 94 правительственныхъ), почти сплошь составленное изъ представителей крайнихъ лѣвыхъ партій. На 14 демократовъ, 5 народняковъ и 1—цанковиста въ немъ было 5—радикаловъ, 48—земледѣльцевъ и 32—соціалиста! Страна отдала «лѣвымъ» все свое довѣріе, потому что знала ихъ за непримиримыхъ и безпощадныхъ враговъ «личнаго режима». Она послала ихъ въ Народное Собраніе для того, чтобы разъ навсегда покончить съ нимъ.

Увы, «лѣвые» не исполнили возложенной на нихъ миссіи, хотя, несомнѣнно, имѣли для того и на рѣдкость удобный случай, и вполнѣ достаточныя силы. Своею безтолковою и безпредметною оппозиціею, своими раздорами и несогласіями, они сыграли въ руку правительству и позволили ему безнаказанно распустить явно ни къ чему не пригодное Собраніе. Эта неудача внесла нѣкоторую горечь разочарованія въ народную душу, но не примирила ее съ личнымъ режимомъ и не подняла его престижа въ ея глазахъ. Новые выборы, хотя и произведенные подъ усиленнымъ давленіемъ администраціи, доказали это съ полною очевидностью. Они снова дали камеру, въ которой соединенная оппозиція—хотя и не столь опредѣленно «крайне лѣвая»—имѣла бы рѣшительное большинство, если бы правительству не удалось обезпечить себѣ поддержку турецкихъ депутатовъ изъ новоприсоединенныхъ областей. Благодаря этимъ послѣднимъ оно имѣетъ слабое большинство, позволяющее ему, пока что, оставаться у власти. Оно правитъ страною и по мѣрѣ силъ укрѣпляетъ расшатанные устои стараго режима. Сумѣетъ ли оно укрѣпить ихъ? Сомнительно! Тяжелый годъ пережитыхъ испытаній

лалъ болгарской демократіи въ ея борьбѣ съ личнымъ режимомъ новое оружіе, передъ которымъ скоро окажутся безсильными всѣ ухищренія избирательной тактики, всѣ испытанные пріемы административнаго и иного воздѣйствія. Болгарская демократія знаетъ теперь, въ чемъ корень зла, и сознаетъ свои силы. Этого сознанія не хватало ей до сихъ поръ, чѣмъ и объяснялись ея прежнія пораженія. Съ нимъ ей нечего бояться. Оно обезпечиваетъ ей неизбѣжную—и, вѣроятно, недалекую—побѣду.

И. Калина.

ПЕЧАЛЬНАЯ ИСТОРІЯ.

Comte de Landemont. L'élan d'un peuple. La Bulgarie jusqu'au traité de Londres. 1863—1913. Paris, 1914. стр. 421. Ц. 5 фр.

Поучительно вспомнить теперь, какъ скромно и благородно началось послѣднее освободительное движеніе на Балканахъ, какъ оно быстро разгорѣлось въ огромное сокрушительное пламя и какъ оно выродилось, наконецъ, въ систему искусственнаго равновѣсія на почвѣ жестокой борьбы національностей. По поводу этихъ крупныхъ событій появился уже цѣлый рядъ сочиненій и этюдовъ на разныхъ языкахъ. Вышедшая недавно книга графа Ландемона, заглавіе которой приведено выше, имѣетъ лишь компилятивный характеръ, но заслуживаетъ вниманія именно потому, что представляетъ собою полезную сводку фактическихъ и большею частью документальныхъ свѣдѣній, безъ всякихъ претензій на оригинальность или сознательную тенденціозность освѣщенія.

Прошло всего четыре года съ тѣхъ поръ, какъ собрался въ болгарской столицѣ съѣздъ представителей различныхъ славянскихъ народностей, съ цѣлью взаимнаго сближенія въ области умственныхъ, литературныхъ, научныхъ и экономическихъ интересовъ. Въ числѣ участниковъ конгресса было много русскихъ делегатовъ, около 50 сербовъ, 50 чеховъ, столько же словинцевъ, хорватовъ, словаковъ, босняковъ и черногорцевъ. Извѣстный чешскій дѣятель, депутатъ Крамаржъ, произнесъ вступительную рѣчь, въ которой восхвалялъ энергію и трудолюбіе болгаръ и предсказывалъ имъ блестящую будущность. Онъ говорилъ о великомъ значеніи солидарности славянъ, которые займутъ подобающее имъ мѣсто между народами не только въ силу своей численности, но и по важности своего вклада въ общую сокровищницу цивилизаціи. По словамъ предсѣдательствовавшаго профессора Боб-

чева, «Болгарія—страна небольшая, но она велика по своимъ цѣлямъ и стремленіямъ; онъ слаба, но сильна своими славянскими симпатіями; она бѣдна, но богата любовью къ славянству». На конгрессѣ читались доклады объ отношеніяхъ между Болгаріею и сосѣдними странами, объ экономическомъ положеніи болгарскаго народа, о культурномъ и народно-хозяйственномъ состояніи Сербіи, о задачахъ славянскаго единенія и т. п. Въ то же время въ Софіи устроено было нѣсколько выставокъ—славянская земледѣльческая, русская промышленная и русская же выставка произведеній печати; сверхъ того, съѣхались члены гимнастическихъ обществъ и «соколовъ», въ числѣ болѣе 1.700 человѣкъ. Сдѣлана была также экскурсія на Балканы, при участіи тогдашняго предсѣдателя Государственной Думы А. И. Гучкова, который отчасти нарушилъ общее мирное настроеніе своими воинственными напоминаніями и намеками. Онъ далъ понять болгарамъ, что они обязаны, прежде всего, позаботиться о боевой готовности своей арміи, что они не будутъ одни въ случаѣ столкновенія и что путь къ достойному миру ведетъ черезъ войну. Въ августѣ того же 1910 года царь Фердинандъ съ сыномъ Борисомъ ѣздилъ въ Цетинье, гдѣ праздновался пятидесятилѣтній юбилей царствованія князя Николая; оба правителя обмѣнивались торжественными заявленіями непоколебимой славянской дружбы и солидарности. Славянскія газеты подчеркивали при этомъ то обстоятельство, что только тѣсный союзъ христіанскихъ государствъ Балканскаго полуострова можетъ способствовать освобожденію македонскихъ славянъ, грековъ и румынъ отъ турецкаго ига. Однако, оффиціальная Болгарія была еще далеко отъ мысли о войнѣ противъ Турціи. «Правительство,—говорилъ глава болгарскаго кабинета Малиновъ въ народномъ собраніи,—желаетъ держаться относительно Турціи системы уступокъ, но разсчитываетъ встрѣтить такое же чувство взаимности въ Константинополѣ. Прочная и крѣпкая дружба необходима между Болгаріею и Турціею. Балканская федерація не представляется еще возможною въ скоромъ времени. Союзы излишни; простыя соглашенія съ болѣе тѣснымъ сближеніемъ народовъ достаточны». Вождь прогрессистовъ Даневъ и глава національной партіи Гешовъ проповѣдывали идею соглашенія съ Турціею.

Между тѣмъ незамѣтно подготовлялась почва для нужныхъ союзовъ. Въ 1911 году было созвано великое народное собраніе для пересмотра конституціи съ цѣлью предоставить царю Фердинанду право заключать съ другими государствами союзные договоры, безъ передачи ихъ на обсужденіе и одобреніе народнаго представительства. Новый министръ-президентъ Гешовъ продолжалъ высказывать самыя мирныя намѣренія. «Мы останемся горячими при-

верженцами мира,—заявлялъ онъ,—мы хотимъ поддерживать дружескія отношенія со всѣми державами и особенно съ нашими сосѣдями, съ которыми насъ связываютъ многочисленные общіе интересы. Мы стремимся къ этому не для того, чтобы угодить той или другой державѣ или группѣ державъ, а потому что жизненные интересы Болгаріи дѣлаютъ для насъ такой образъ дѣйствій обязательнымъ. Искренно желая, чтобы эта политика оставалась постоянною политикою Болгаріи, мы надѣемся, что Турція облегчитъ нашу задачу и постарается устранить причины возникающихъ между нами недоразумѣній и дастъ возможность избѣгнуть поводовъ къ возбужденію общественнаго мнѣнія». Гешовъ закончилъ свою рѣчь словами о счастливомъ и благотворномъ сближеніи Болгаріи съ Румыніею, Сербіею, Черногоріею и Греціею,—сближеніи, вызываемомъ «лучшими чувствами сосѣдства и общности интересовъ». Вскорѣ распространилась вѣсть о секретномъ румыно-турецкомъ союзѣ, и въ болгарской печати началась рѣзкая полемика заодно противъ мнимо обновленной Турціи и противъ антиславянскихъ тенденцій Румыніи, при чемъ все чаще указывалось на неизбѣжность взаимнаго соглашенія между Сербіею, Болгаріею, Греціею и Черногоріею.

Младотурки, какъ извѣстно, совершенно не оправдали своей первоначальной либерально-оппозиціонной репутаціи и дѣйствовали еще хуже и смѣлѣе своихъ предшественниковъ относительно подвластныхъ народностей. Въ Македоніи и въ другихъ турецкихъ провинціяхъ по-прежнему примѣнялись крутыя насильственныя мѣры, вынуждавшія обывателей искать спасенія въ бѣгствѣ; у христіанъ отбиралось оружіе, необходимое имъ для самозащиты, тогда какъ ничего не предпринималось для обезпеченія ихъ безопасности отъ нападеній вооруженныхъ мусульманскихъ бандъ. Толпы преслѣдуемыхъ туземцевъ переходили границу и появлялись въ родственныхъ сосѣднихъ государствахъ; правительства этихъ государствъ въ мягкой дипломатической формѣ обращали вниманіе Порты на совершаемыя турецкими властями насилія, а Порта съ видомъ возмущенія отвергала эти указанія, какъ незаконныя попытки вмѣшательства во внутреннія дѣла Турціи. Вновь повторялась старая исторія, дѣлавшая безнадежными всякіе проекты мирнаго воздѣйствія на турецкое правительство въ видахъ проведенія необходимыхъ внутреннихъ реформъ. Исполнить требованія христіанскихъ народностей, сдѣлать уступку общественному мнѣнію Европы и серьезно приняться за многократно обѣщанныя преобразованія, — значило бы обнаружить слабость правительства, отсутствіе крѣпкой власти или упадокъ авторитета, чего, конечно, не могутъ допустить турецкіе патріоты. Въ Турціи всегда на первомъ планѣ стоялъ авторитетъ

власти, а для поддержанія этого авторитета считается обязательнымъ проявлять какъ можно меньше заботы объ интересахъ и нуждахъ населенія. Чѣмъ строже власть обращается съ своими подданными, тѣмъ вѣрнѣе она пріобрѣтаетъ ихъ уваженіе, соединенное съ чувствомъ спасительнаго страха: таково правило турецкой государственной мудрости. Результаты этой несложной традиціонной системы были одинаково печальны. Отстаивая свое право на произволъ и беззаконіе въ предѣлахъ имперіи, Турція встрѣчала непримиримыхъ враговъ въ милліонахъ своихъ подданныхъ и постепенно растеряла свои обширныя европейскія владѣнія. Идея балканскаго союза противъ Турціи крѣпла и развивалась именно подъ вліяніемъ турецкаго режима.

Благодаря упорному высокомѣрію Порты возникло кровавое возстаніе въ Албаніи; упрямая неуступчивость въ спорахъ съ Италіею привела къ триполійской войнѣ, и тогда же, осенью 1911 г., начались переговоры между Гешовымъ и сербскимъ министромъ Миловановичемъ, въ вагонѣ желѣзной дороги, привезшей ихъ въ Бѣлградъ. Съ февраля до августа 1912 года заключены были союзные договоры съ Сербіею, Греціею и Черногоріею; въ іюлѣ произошли избіенія болгаръ и сербовъ въ пограничныхъ турецкихъ мѣстностяхъ—въ Кочанахъ, Сѣнницѣ и другихъ—при дѣятельномъ участіи турецкихъ войскъ; вызванныя этимъ волненія усиливались извѣстіемъ о мобилизаціи турецкихъ вооруженныхъ силъ. Болгарія отвѣтила въ сентябрѣ оффиціальнымъ сообщеніемъ о мобилизаціи болгарской арміи; одновременно приняты были такія же рѣшенія правительствами Сербіи и Греціи. Турція обратилась къ державамъ съ жалобою, въ которой съ обычнымъ видомъ обиженной добродѣтели изложила свои разнообразныя претензіи.

Турецкая дипломатическая фразеологія выразилась тутъ въ полномъ блескѣ. «Озабоченное прежде всего развитіемъ учрежденій новаго строя и воодушевленное самыми лучшими намѣреніями,—говорилось въ турецкой нотѣ,—императорское правительство постоянно старалось по отношенію къ балканскимъ государствамъ слѣдовать миролюбивой и примирительной политикѣ, проникнутой долготерпѣніемъ, которое только злонамѣренность могла истолковывать какъ признакъ слабости. Было бы излишне напоминать обо всѣхъ случаяхъ, когда правительство высказывало необычайную сдержанность въ отвѣтъ на провокаціи, поощряемыя скрытою поддержкою, если не соучастіемъ, нѣкоторыхъ властей. Правительство не рѣшалось даже придавать слишкомъ большое значеніе попыткамъ балканскихъ государствъ заниматься внутренними дѣлами имперіи, полагая, что единственнымъ отвѣтомъ должно быть изученіе наи-

болѣе цѣлесообразныхъ мѣръ для удовлетворенія законныхъ требованій населенія различныхъ областей имперіи соотвѣтственно принятой программѣ». Порта ссылалась, далѣе, на «гуманитарные принципы» и интересы общаго мира, которыми она будто бы исключительно руководствуется, и указывала на явное пренебреженіе къ международному праву со стороны балканскихъ государствъ; наконецъ, она оставляла за собою свободу дѣйствій, «въ убѣжденіи, что цивилизованный міръ не преминетъ отдать справедливость поведенію Турціи, признавъ ея умѣренность, которая не можетъ исключать заботу объ охранѣ своего достоинства и объ обезпеченіи своихъ интересовъ». Европейская дипломатія не могла устоять передъ этими перлами дипломатическаго краснорѣчія,—и прежде всего она, къ общему удивленію, при руководящемъ участіи Россіи и Франціи, поспѣшила заранѣе гарантировать территоріальную цѣлость и неприкосновенность Турціи въ случаѣ войны. Порта съ своей стороны вновь обѣщала ввести реформы и предложила для этого готовый, всѣми забытый старый законопроектъ, принятый еще въ 1880 году и оставленный затѣмъ подъ спудомъ. Дипломатія и это предложеніе приняла въ серьезъ. Россія и Австрія сообщили союзнымъ балканскимъ государствамъ въ нотѣ 7 октября, что великія державы, рѣшительно осуждая всякій шагъ къ нарушенію мира, берутъ на себя осуществленіе реформъ въ администраціи Европейской Турціи, на основаніи 23-ей статьи берлинскаго трактата, съ тѣмъ, чтобы эти реформы не наносили никакого ущерба верховной власти султана и территоріальной неприкосновенности Оттоманской имперіи; если же все-таки возникнетъ война, то при ея ликвидаціи не будетъ допущено державами никакое территоріальное измѣненіе въ составѣ турецкихъ владѣній въ Европѣ. А въ нотѣ, переданной въ Константинополѣ 10 октября, представители пяти великихъ державъ заявляли, что послѣднія приняли къ свѣдѣнію публично выраженное намѣреніе Порты ввести реформы и что онѣ готовы немедленно обсудить ихъ совмѣстно съ турецкимъ правительствомъ въ духѣ 23-ей статьи берлинскаго трактата и закона 1880 года, согласно интересамъ Турціи и ея населенія, безъ допущенія какого-либо посягательства на территоріальную цѣлость имперіи.

Почему русская дипломатія считала нужнымъ участвовать въ этой безцѣльной, явно противорѣчащей общеизвѣстнымъ фактамъ, слащаво-туркофильской кампаніи — неизвѣстно; но легко было предвидѣть, что такія оффиціальныя заявленія должны были вызывать неудовольствіе заинтересованныхъ балканскихъ народностей и въ то же время налагали на Россію крайне щекотливыя, ненужныя и невыполнимыя обязательства въ случаѣ возникновенія войны на

Балканахъ. Что̀ было бы, если бы побѣды союзниковъ были менѣе рѣшительны и если бы послѣ войны Австро-Венгрія твердо настаивала на точномъ соблюденіи торжественнаго коллективнаго обѣщанія державъ не допускать никакихъ территоріальныхъ перемѣнъ въ Европейской Турціи? Участіе Россіи въ этихъ двусмысленныхъ дипломатическихъ комбинаціяхъ было тѣмъ болѣе удивительно, что незадолго передъ тѣмъ, съ вѣдома русской дипломатіи, заключены были балканскіе союзные договоры, разсчитанные на войну противъ Турціи.

Само собою разумѣется, что правительства союзныхъ государствъ придавали больше значенія закулиснымъ обѣщаніямъ, чѣмъ оффиціальнымъ заявленіямъ нашего министерства иностранныхъ дѣлъ. Болгарія, отъ своего имени и по уполномочію своихъ союзниковъ, обратилась къ Портѣ съ требованіемъ, чтобы предприняты были радикальныя реформы, способныя дѣйствительно улучшить несчастное положеніе христіанскихъ поданныхъ Турціи, и чтобы къ обсужденію этихъ реформъ привлечены были и балканскія государства, при чемъ на проведеніе всей программы задуманныхъ преобразованій давался шестимѣсячный срокъ. Въ пояснительной нотѣ изложены были въ пяти пунктахъ главныя основы этой широкой реформаторской программы, не имѣющей, конечно, ничего общаго съ турецкимъ законопроектомъ 1880 года. Болгарская нота имѣла уже, несомнѣнно, характеръ ультиматума и предвѣщала неминуемый разрывъ. Турція объявила мобилизацію 14 октября и обстоятельно мотивировала свое рѣшеніе въ нотѣ отъ того же числа, обращенной къ великимъ державамъ. Между прочимъ, Порта отмѣчаетъ несправедливость примѣненія къ новому конституціонному строю имперіи устарѣлыхъ критеріевъ, основанныхъ на ошибкахъ и недостаткахъ прежняго режима. Передъ Европою, въ нужныхъ случаяхъ, турецкое правительство надѣвало маску конституціонности и щеголяло изысканными дипломатическими фразами о своихъ превосходныхъ намѣреніяхъ и преобразовательныхъ планахъ; а внутри страны оно втихомолку устраивало или поощряло страшные погромы, имѣвшіе цѣлью истребить неблагонадежные иновѣрческіе элементы населенія. Въ воззваніи къ арміи султанъ принялъ самый возвышенный и благородный тонъ: «Весь міръ знаетъ любовь Турціи къ миру. Оттоманы уважаютъ права всѣхъ народовъ и требуютъ, чтобы и другіе уважали ихъ собственныя права. Они не имѣютъ никакого желанія нарушать миръ и благополучіе другихъ народовъ, и они хотятъ, чтобы другіе поступали такъ же точно по отношенію къ нимъ. Вопреки всѣмъ затрудненіямъ, какія переживаетъ имперія, правительство постепенно, по мѣрѣ возможности, осуществляетъ реформы, въ которыхъ

нуждается страна. Мы работаемъ для блага нашего народа, и между тѣмъ, наши малые сосѣди, имѣющіе виды на нашу землю, понимая, что наши успѣхи помѣшали бы имъ достигнуть своихъ незаконныхъ цѣлей, хотятъ противодѣйствовать реформамъ и прогрессу». Однимъ словомъ,—сплошная идиллія, которой мѣшаютъ только злокозненные враги, соединившіеся между собою, чтобы напасть на благополучно процвѣтающія турецкія земли. Другого рода картина изображалась въ манифестѣ царя Фердинанда къ болгарскимъ войскамъ, отъ 17 октября: «Наше миролюбіе истощилось. Намъ не остается другого способа, какъ прибѣгнуть къ оружію, для оказанія помощи христіанскому населенію Турціи, для защиты его жизни и имущества. Присущія христіанамъ чувства человѣчности налагаютъ на нихъ священную обязанность помогать своимъ братьямъ, когда имъ грозитъ истребленіе. Наше дѣло—справедливое, великое и священное. Рядомъ съ нами и вмѣстѣ съ нами, будутъ сражаться съ тою же цѣлью, противъ общаго врага, арміи союзныхъ съ Болгаріею балканскихъ государствъ—Сербіи, Греціи и Черногоріи. И въ этой борьбѣ креста противъ полумѣсяца, свободы противъ тиранніи, мы будемъ чувствовать за собою симпатіи всѣхъ тѣхъ, которые любятъ справедливость и прогрессъ»... А когда полилась кровь, забыты были и крестъ, и христіанство, и защита единовѣрцевъ, и освобожденіе ихъ отъ турецкаго ига...

Въ связи съ событіями на театрѣ войны, возникли опасные конфликты, съ одной стороны, между Румыніею и Болгаріею изъ-за вопроса о земельной компенсаціи, а съ другой—между Австро-Венгріею и Сербіею, изъ-за присоединенія къ новосозданной Албаніи занятыхъ сербами земель и закрытія для Сербіи выхода къ Адріатикѣ. Румынскія притязанія поддерживались вѣнскимъ кабинетомъ, а Россія пыталась по возможности умѣрить ихъ; въ спорахъ объ албанскихъ границахъ и объ адріатическомъ побережьѣ, какъ предполагали, на сторонѣ сербовъ стояла будто бы Россія, и потому Австро-Венгрія не скрывала своей рѣшимости воевать не только съ Сербіею, но и съ Россіею. Подъ вліяніемъ скрытыхъ и явныхъ австрійскихъ угрозъ русская дипломатія стала дѣйствовать заодно съ Австріею противъ жизненныхъ интересовъ Сербіи и Черногоріи въ албанскомъ вопросѣ; вмѣстѣ съ тѣмъ она отказалась отъ своихъ возраженій противъ незаконныхъ посягательствъ Румыніи на болгарскую территорію. Этому странному повороту русской политики значительно способствовалъ угрожающій тонъ германскаго правительства, которое въ лицѣ канцлера Бетмана-Гольвега торжественно заявило въ имперскомъ парламентѣ 2 декабря (нов. ст.): въ случаѣ вовлеченія Австро-Венгріи въ войну съ третьею державою, Германія исполнитъ свой

долгъ по союзному договору и выступитъ со всѣми своими вооруженными силами «для защиты своего собственнаго международнаго положенія, своей будущности и безопасности».

При открытіи мирной конференціи въ Лондонѣ, послѣ заключенія перемирія у Чаталджи, въ началѣ декабря, господствовало еще видимое согласіе между балканскими союзниками; только русско-австрійскій антагонизмъ вспыхивалъ иногда съ зловѣщей силою, выражаясь въ лихорадочныхъ военныхъ приготовленіяхъ и въ оживленной полемикѣ оффиціозныхъ газетъ. Въ вѣнскомъ журналѣ «Zeit» нѣкій австрійскій генералъ помѣстилъ статью, въ которой доказывалъ, что нужно воспользоваться благопріятными обстоятельствами для немедленнаго разгрома Сербіи, въ то время какъ Румынія двинула бы свою армію въ предѣлы Болгаріи и заняла бы Софію. Что касается Россіи, то, по мнѣнію автора, съ нею нечего церемониться, такъ какъ она является открытымъ врагомъ центральной Европы и, прежде всего, Австро-Венгріи. «Для насъ безразлично,— писалъ генералъ, — понравится ли наше рѣшеніе Россіи или не понравится. Мнѣнія Россіи не играютъ никакой роли для Австро-Венгріи. Между Австріею и Россіею нѣтъ вопросовъ права или долга, а есть только вопросъ силы и цѣлесообразности. Надо разъ навсегда покончить съ нищенскими просьбами о мирѣ, которыя въ разное время направляются въ Петербургъ. Россія можетъ быть сдерживаема только страхомъ, и она сразу успокоилась бы, если бы мы ясно показали ей, что нисколько не боимся ея постоянныхъ угрозъ. Все высокомѣріе Россіи основывается на ея союзѣ съ Франціею. Одна, безъ союзниковъ, она была бы безсильна. Только популярный у французовъ принципъ возмездія заставилъ демократическую и либеральную республику сблизиться и заключить союзъ съ реакціонною сѣверною имперіею. Отсюда вытекаетъ великая формула международнаго мира, опредѣляющая все наше стратегическое и политическое положеніе. Державы тройственнаго союза должны заявить единодушно, безъ замедленія: Россія не должна мобилизовать свои войска, и если это необходимо, мы бросимся съ достаточными силами на Францію и разобьемъ ее прежде, чѣмъ Россія успѣетъ исполнить весь свой планъ. Матеріальное и моральное превосходство тройственнаго союза и даже одной Германіи настолько очевидно, что не можетъ быть сомнѣнія въ германской побѣдѣ. Большая побѣда, одержанная надъ французами на французской территоріи, будетъ имѣть послѣдствіемъ, что Россія откажется отъ тройственнаго согласія и сочтетъ себя вынужденною заключить союзъ съ побѣдителемъ. Этимъ будетъ миръ обезпеченъ навсегда, такъ какъ Франція убѣдится, нако-

нецъ, въ безполезности русскаго союза и тоже вынуждена будетъ помириться съ Германіею». Храбрый австрійскій генералъ поясняетъ, что трудности мобилизаціи въ Россіи даютъ центральной Европѣ и спеціально Германіи выигрышъ времени въ нѣсколько недѣль, которыя могутъ быть успѣшно использованы противъ Франціи. «Захотятъ ли въ Берлинѣ,—спрашиваетъ онъ,—проявить надлежащую рѣшимость? Господствуетъ ли еще тамъ духъ Фридриха Великаго и Бисмарка? Вотъ отъ чего зависитъ будущій всеобщій міръ».

Разсужденіе автора статьи отличается чисто-военною простотою: одержать побѣду надъ французскими войсками, конечно, возможно для германской арміи, но побѣдить французскую націю и заставить ее подчиниться побѣдителямъ, и притомъ навсегда,—совершенно немыслимо путемъ войны. Такой способъ примиренія народовъ существуетъ только въ воображеніи наивныхъ или недалекихъ патріотовъ, считающихъ себя спеціалистами военнаго дѣла. Такъ же точно нелѣпо предположить, что Россія, съ ея полутораста милліонами населенія, можетъ быть напугана и обезсилена разъ навсегда австрійцами и нѣмцами, и что, испугавшись, она добровольно отдастъ себя подъ руководство Берлина. Русская дипломатія издавна славилась своею склонностью слѣдовать внушеніямъ иностранныхъ кабинетовъ, особенно вѣнскаго и берлинскаго, но эта практика вызывалась и оправдывалась традиціями династической дружбы и никакъ не могла бы возродиться на почвѣ вражды и недовѣрія, послѣ неудачной войны съ бывшими друзьями. Не все достигается временнымъ превосходствомъ силы, и всего менѣе оно можетъ служить основою для прочнаго мира. Нѣтъ сомнѣнія, что и уступчивость русской политики въ недавнихъ спорахъ съ Австро-Венгріею объясняется не страхомъ, не запугивающимъ будто бы дѣйствіемъ австрійскихъ и германскихъ угрозъ, а сознательнымъ миролюбіемъ, связаннымъ съ привычнымъ подчиненіемъ авторитету Вѣны и Берлина въ международныхъ дѣлахъ Европы. Вѣдь въ сущности ничто не заставляло Россію участвовать въ дипломатической кампаніи, направленной къ отнятію Скутари у черногорцевъ для отдачи его албанцамъ; никакая война не угрожала бы намъ, если бы мы просто устранились отъ несправедливой и несимпатичной намъ задачи и предоставили самимъ австрійцамъ хлопотать о Скутари и Адріатикѣ.

Въ первый періодъ лондонскихъ совѣщаній балканскіе уполномоченные были безусловно проникнуты чувствомъ тѣсной взаимной солидарности. Глава болгарской делегаціи, г. Даневъ, подробно объяснялъ журналистамъ, что союзъ одинаково необходимъ какъ для мира, такъ и для войны, что онъ является вѣрнѣйшею гарантіею

свободы и независимости балканскихъ государствъ, и что онъ поможетъ мирно разобрать и уладить несогласія, могущія возникнуть при раздѣлѣ завоеванныхъ территорій. Делегаты настойчиво отклоняли всякія попытки турецкихъ представителей вести отдѣльные переговоры съ какимъ-либо изъ балканскихъ государствъ; они неоднократно напоминали туркамъ, что тѣ имѣютъ предъ собою коалицію, какъ единую коллективную силу, съ которою только и должны считаться. Турецкіе делегаты придерживались своей всегдашней тактики, то уклончивой, то хитроумно-благодушной; они дѣлали видъ, что ничего особеннаго не случилось со времени отклоненія балканской программы реформъ и что можно вполнѣ вернуться къ тому положенію, которое предшествовало разрыву; они великодушно соглашались на радикальныя перемѣны въ управленіи провинцій, занятыхъ теперь непріятельскими войсками, и даже допускали дружеское «исправленіе границъ», но не понимали требованій объ уступкѣ цѣлыхъ областей и острововъ, нужныхъ самой Турціи. Они ссылались на заявленіе державъ о недопущеніи территоріальныхъ перемѣнъ на Балканахъ послѣ войны и не входили въ обсужденіе доводовъ, основанныхъ на правѣ побѣды и завоеванія. Сопротивленіе Турціи еще не было сломлено; Адріанополь, Скутари, Янина находились еще въ турецкихъ рукахъ. Мирные переговоры тянулись безплодно до 6 января (новаго стиля) и были пріостановлены на неопредѣленное время. Уполномоченные великихъ державъ заволновались передъ перспективой возобновленія военныхъ дѣйствій; они рѣшились обратиться къ Портѣ съ настоятельнымъ совѣтомъ уступить Адріанополь и Эгейскіе острова, чтобы не подвергать опасности турецкую столицу. Въ коллективной нотѣ 17 января 1913 года не было уже и намека на право контроля державъ надъ территоріальными перемѣнами на Балканахъ; представители самыхъ могущественныхъ европейскихъ націй, еще недавно столь высокомѣрныхъ по отношенію къ малымъ балканскимъ государствамъ, заговорили о нихъ теперь въ какомъ-то безпокойномъ, опасливомъ тонѣ, приписывая имъ уже неограниченную свободу дѣйствій во всѣхъ областяхъ Европейской Турціи. Балканская федерація оказалась первоклассной военной силой, и передъ этимъ фактомъ молчаливо преклонилась дипломатія. Преклоненіе передъ силою выразилось тутъ, быть можетъ, даже въ черезчуръ откровенной формѣ.

Порта убѣдилась, наконецъ, что на Европу разсчитывать нечего; на 22 января было созвано въ Константинополѣ чрезвычайное собраніе сановниковъ, которое послѣ недолгихъ преній признало необходимымъ согласиться на предложенныя условія мира. Но этому рѣшенію не суждено было осуществиться; на слѣдующій же день

младотурецкіе военные патріоты, подъ предводительствомъ полковника Энверъ-бея, ворвались въ помѣщеніе министерскаго совѣта, убили военнаго министра Назима-пашу, объявили низложеннымъ престарѣлаго великаго визиря Кіамиля-пашу и назначили на его мѣсто Махмуда-Шефкета-пашу. Занятія мирной конференціи въ Лондонѣ были оффиціально признаны прекратившимися, о чемъ балканскіе делегаты сообщили турецкимъ уполномоченнымъ нотою 29 (16) января. Вечеромъ 3 февраля возобновились на Балканахъ военныя дѣйствія. Событія развивались въ томъ же направленіи, какое они приняли съ самаго начала войны. 5-го марта была взята греками Янина; Адріанополь палъ подъ натискомъ болгарскихъ и сербскихъ войскъ 25 марта; черезъ мѣсяцъ, въ ночь съ 23 на 24 апрѣля, сдалась черногорцамъ крѣпость Скутари. Война была фактически окончена, и 30 (17) мая 1913 года въ Лондонѣ былъ подписанъ мирный договоръ, которымъ исполнились самыя смѣлыя надежды и ожиданія балканскихъ народовъ. На этомъ моментѣ обрывается изложеніе графа Ландемона; то, что произошло дальше, было уже дѣломъ безумія, вызваннаго слишкомъ продолжительнымъ разлагающимъ дѣйствіемъ кровавой военной вакханаліи. Война пріучаетъ человѣка уважать только грубую силу, для которой нѣтъ ничего недозволеннаго. Это пробужденіе первобытныхъ инстинктовъ насилія и безправія, подъ фальшивымъ флагомъ реальной политики, заглушило здоровую основу балканской федераціи и причинило неисчислимый вредъ всему славянству.

Л. Слонимскій.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СОВѢТЪ И ВОЛОСТНОЕ ЗЕМСТВО.

Ни въ чемъ, можетъ быть, настроеніе, господствующее въ узкихъ, но вліятельныхъ сферахъ, не выражалось съ такою поразительною ясностью, какъ въ судьбѣ законопроекта о волостномъ земствѣ. Можно было сомнѣваться въ томъ, удастся ли, въ эпоху застоя и регресса, создать мелкую земскую единицу, достойную этого имени и вполнѣ отвѣчающую своей цѣли,—но трудно было ожидать, что не будетъ сдѣлано даже попытки разрѣшить вопросъ, такъ твердо и опредѣленно поставленный на очередь указомъ 12-го декабря 1904-го года. Можно было думать, что министерство, уступая верхней палатѣ, согласится испортить законопроектъ о волостномъ земствѣ, подобно

тому, какъ былъ испорченъ три года тому назадъ законопроектъ о мѣстномъ судѣ,—но нельзя было предположить, что своимъ молчаніемъ, своимъ абсентеизмомъ оно развяжетъ руки противникамъ реформы и подготовитъ ихъ полную побѣду... Очень жаль, что пренія Государственнаго Совѣта воспроизводятся въ газетахъ съ большими сокращеніями, а стенографическіе о нихъ отчеты распространены въ публикѣ крайне слабо. Въ высокой степени характерны нѣкоторыя рѣчи, произнесенныя въ засѣданіяхъ 16, 17, 19 и 20 мая: онѣ бросаютъ яркій свѣтъ не только на спорный вопросъ, но и на многое другое.

Весьма сомнительнымъ шагомъ впередъ было бы принятіе законопроекта о волостномъ земствѣ въ томъ видѣ, какой дало ему большинство комиссіи Государственнаго Совѣта. За представителями этого большинства, говорившими въ общемъ собраніи Совѣта, какъ и за нѣкоторыми изъ числа примкнувшихъ къ нимъ членовъ центра и правой, нельзя, однако, не признать одну заслугу: они немало способствовали опроверженію тѣхъ доводовъ, совокупность которыхъ составляла какъ бы покрывало, наброшенное на основную мысль принципіальныхъ враговъ законопроекта. Отсутствіе на мѣстахъ людей, которые могли бы вынести на своихъ плечахъ бремя работы въ преобразованной волости; тяжесть земскаго обложенія, подъ которою уже теперь изнемогаютъ личные землевладѣльцы; непосильность для нихъ дальнѣйшаго роста мѣстныхъ налоговъ; отрицательное отношеніе торговопромышленнаго класса къ мелкой земской единицѣ; возможность приблизить земство къ населенію, не прибѣгая къ коренной перестройкѣ волости (путемъ широкаго примѣненія ст. 105 Положенія о Земск. учрежд. или раздѣленія уѣзда на участки); недостаточность средствъ, которыми будетъ располагать всесословная волость; предстоящее принятіе жалованья должностныхъ лицъ волости на счетъ казны—весь этотъ противореформенный арсеналъ получилъ надлежащее освѣщеніе въ рѣчахъ докладчиковъ большинства комиссіи (Зиновьева 2-го и гр. Ѳ. Уварова) и нѣсколькихъ другихъ ораторовъ, не имѣющихъ ничего общаго съ лѣвой группой Государственнаго Совѣта (гр. Олсуфьевъ, гр. Толстой, г.г. Гурко, Зиновьевъ 3-й, фонъ-Дитмаръ). Найдутся,—таково заключеніе, къ которому приводятъ эти рѣчи,—найдутся люди, какъ находились всегда вопреки пессимистическимъ предсказаніямъ рутиннаго консерватизма; не раззорятся землевладѣльцы, такъ какъ параллельно съ повышеніемъ налоговъ повышается цѣнность земли; не встрѣтитъ мелкая земская единица противодѣйствія со стороны торгово-промышленнаго класса, заинтересованнаго, наоборотъ, въ ея осуществленіи; не могутъ замѣнить ея ни комиссіи избирателей, остаю-

щіяся мертвой буквой, ни участки, слишкомъ отдаленные отъ населенія; не будетъ недостатка въ средствахъ, такъ какъ къ сборамъ съ крестьянъ прибавятся сборы съ другихъ разрядовъ населенія; принятіе жалованья волостныхъ старшинъ и писарей на счетъ казны не сдѣлаетъ волость тѣмъ, чѣмъ можетъ и должна быть мелкая земская единица. Достаточно расчищена была, такимъ образомъ, дѣловая почва; но не здѣсь лежалъ центръ тяжести вопроса, передъ которымъ стояла верхняя палата. Его слѣдуетъ искать въ тѣхъ рѣчахъ, которыя сравнительно прямо шли къ намѣченной цѣли.

Мы говоримъ: *сравнительно* прямо, потому что безусловно откровеннымъ, безусловно послѣдовательнымъ едва ли былъ кто-либо изъ противниковъ проекта. Въ самомъ дѣлѣ, ни въ особомъ мнѣніи меньшинства комиссіи Государственнаго Совѣта, послужившемъ какъ бы призывнымъ кличемъ къ отклоненію законопроекта, ни въ рѣчахъ наиболѣе выдающихся ораторовъ правыхъ партій, мы не найдемъ ясно высказаннаго отрицанія *идеи* мелкой земской единицы. Говоря языкомъ процессуальнымъ, противъ нея былъ предъявленъ не столько отводъ по существу, сколько отводъ, основанный на преждевременности требованія (exception dilatoire). «Пока у насъ не образуется,— читаемъ мы въ особомъ мнѣніи двѣнадцати членовъ комиссіи — многочисленный классъ мелкихъ, умственно развитыхъ и хозяйственно-крѣпкихъ землевладѣльцевъ-собственниковъ, до тѣхъ поръ не будетъ въ волостныхъ собраніяхъ того необходимаго и надежнаго большинства, которому можно было бы спокойно ввѣрить управленіе и хозяйство всесословной волости». Ту же мысль выразилъ въ своей рѣчи г. Стишинскій: пока землеустроительная реформа 1910-го года не дала ощутительныхъ результатовъ, «пока нѣтъ на мѣстахъ достаточнаго контингента людей, которые могли бы оказаться дѣятельными, безкорыстными, самоотверженными работниками на нивѣ земскаго хозяйственнаго дѣла въ мелкой единицѣ, до тѣхъ поръ преждевременно, неосновательно и даже невозможно поднимать вопросъ объ ея учрежденіи въ какомъ бы то ни было видѣ». Напоминая мудрое древнее правило: «Quieta non movere» [1]), г. Нарышкинъ совѣтуетъ оставить волость *пока* въ покоѣ. Крестьянство, по его мнѣнію, само считаетъ себя «слишкомъ слабымъ экономически и недостаточно умственно развитымъ, чтобы съ пользою дѣйствовать въ общественныхъ учрежденіяхъ; оно желаетъ быть управляемымъ, и управляемымъ хорошо». Даже г. Дурново, при всей своей прямолинейности, говорилъ о *несвоевременности* созданія мелкой всесословной единицы, успѣхъ которой возможенъ лишь «при условіи существованія на

[1]) Въ стенографическомъ отчетѣ, вѣроятно по ошибкѣ корректора, напечатано: „Quieta non movetur“.

мѣстахъ имущественно обезпеченнаго большинства». Нетрудно замѣтить, однако, что отводъ, такимъ образомъ мотивированный, равносиленъ рѣшительному отказу. Образованіе *многочисленнаго* класса хозяйственно-крѣпкихъ мелкихъ землевладѣльцевъ-собственниковъ,— если и допустить, что ему суждено осуществиться,—требуетъ многихъ и многихъ десятилѣтій; ставить реформу въ зависимость отъ завершенія этого процесса, значитъ отодвигать ее въ неопредѣленное и загадочное будущее, не поддающееся предвидѣнію, уходящее далеко за предѣлы кругозора законодательной власти. И гдѣ же, въ добавокъ, основаніе разсчитывать на безпрепятственное наступленіе условій, намѣчаемыхъ большинствомъ Государственнаго Совѣта? Многое ли дѣлается для того, чтобы поднять массу населенія на достаточно высокій уровень умственнаго развитія? Способствуетъ ли скорѣйшему достиженію этой цѣли дѣятельность Государственнаго Совѣта, способствуетъ ли ему тотъ политическій курсъ, оплотомъ котораго служитъ большинство верхней палаты? Скажемъ болѣе: матеріальная обезпеченность однихъ, созданная путемъ искусственнаго насажденія личной земельной собственности, не покупается ли иногда цѣною обѣднѣнія другихъ? И можно ли быть увѣреннымъ въ численномъ преобладаніи первыхъ надъ послѣдними?.. Какими оговорками ни сопровождались бы рѣчи ораторовъ, настаивавшихъ на немедленномъ и полномъ отклоненіи законопроекта, онѣ не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что настоящимъ объектомъ нападеній было объединеніе всѣхъ сословій, всѣхъ классовъ въ общей работѣ на пользу всего мѣстнаго населенія. Совершенно неудачной была и попытка затушевать истину, выразившаяся, послѣ отклоненія законопроекта, въ формулѣ перехода, внесенной тридцатью девятью членами побѣдоноснаго большинства. Слишкомъ очевидна была несерьезность пожеланія, ничего въ точности не предопредѣлявшаго и шедшаго въ разрѣзъ съ яснымъ смысломъ только-что постановленнаго рѣшенія. Это поняли сами составители формулы, поспѣшившіе отказаться отъ ея голосованія.

Нужно отдать справедливость П. Н. Дурново: присоединяясь къ отводу, предъявленному его союзниками,—и можетъ быть имъ, какъ предсѣдателемъ комиссіи, внушенному,—онъ пошелъ нѣсколько дальше и приподнялъ край завѣсы, сотканной изъ оговорокъ. Законопроектъ, читаемъ мы въ его рѣчи, «передаетъ все дѣло мѣстнаго управленія и хозяйства въ руки крестьянъ — тѣхъ самыхъ крестьянъ, которые только восемь лѣтъ тому назадъ грабили и жгли землевладѣльцевъ и которые до настоящаго времени хранятъ въ себѣ земельныя вожделѣнія за счетъ помѣщиковъ. Подавляющее большинство неразвитыхъ и несостоятельныхъ людей въ новыхъ волостныхъ учрежденіяхъ будетъ

стремиться перенести бремя расходовъ на болѣе состоятельное меньшинство. Отсюда прежде всего послѣдуетъ потрясеніе едва-едва приходящихъ въ порядокъ расшатанныхъ грабежами и поджогами 1905—6 г.г. экономическихъ отношеній. Поэтому я нахожу, что рискованно создавать самоуправляющіяся единицы, смѣшивая въ нихъ большое число людей неимущихъ съ весьма малымъ числомъ имущихъ, совершенно различныхъ по воспитанію, образу жизни и обычаямъ и, наконецъ, самое главное, когда всѣ помыслы неимущихъ направлены къ отобранію земли у имущихъ» Довольно ясно выраженная здѣсь мысль получаетъ еще большую рельефность благодаря той части рѣчи г. Дурново, гдѣ онъ, совершенно уклонясь отъ предмета преній,—и не остановленный предсѣдателемъ, въ другихъ случаяхъ весьма энергично удерживавшимъ ораторовъ въ предѣлахъ темы,—произвелъ нападеніе на министерство торговли и промышленности. «Къ чему мы пришли»,—воскликнулъ онъ,—съ новымъ рабочимъ законодательствомъ? Когда министерство торговли и промышленности, плохо обдумавъ послѣдствія этого законодательства, начало побѣдоносно насаждать въ Россіи больничныя кассы, одинъ изъ бывшихъ членовъ Госуд. Совѣта отъ промышленности говорилъ мнѣ, что эти кассы непремѣнно превратятся въ стачечные комитеты. Предсказаніе его сбылось, и на нашихъ глазахъ стачки происходятъ по командѣ неизвѣстныхъ людей и по всякимъ неосновательнымъ поводамъ, принося громадные убытки нашей промышленности и вредное для нашей обороны промедленіе въ сооруженіи кораблей, орудій, снарядовъ и другихъ военныхъ приспособленній. Всѣ эти безобразія происходятъ отъ торопливости, отъ желанія непремѣнно и неизвѣстно для чего не отстать или даже перегнать въ соціальныхъ нововведеніяхъ Германію или чуть не всю Европу». Подобно закону о больничныхъ кассахъ законопроектъ о мелкой земской единицѣ «задуманъ сантиментальною, малогосударственною мыслью и разработанъ съ легкимъ сердцемъ».

Что слышится въ этихъ словахъ, во всей рѣчи П. Н. Дурново? Несомнѣнно, глубоко враждебное чувство къ народной массѣ, крестьянской и рабочей. Онъ относится къ ней свысока, съ нескрываемымъ пренебреженіемъ; онъ «недоумѣваетъ, что́ будутъ дѣлать крестьяне на выборахъ и въ волостномъ собраніи», и считаетъ вѣроятнымъ, что «придется въ каждую волость командировать особыхъ инструкторовъ, за счетъ тѣхъ же крестьянъ». И въ то же время эта масса внушаетъ ему страхъ: онъ не можетъ забыть объ эксцессахъ, происшедшихъ кое-гдѣ восемь и болѣе лѣтъ тому назадъ—и вмѣняетъ ихъ въ вину всему крестьянству. Боязнь и недовѣріе—плохіе совѣтники; внушаемая ими «осторожность» и «осмотрительность» часто приводитъ къ совершенно

неожиданнымъ результатамъ. Возражая противъ «торопливости», г. Дурново упускаетъ изъ виду, что о ней не было и рѣчи въ теченіе долгихъ лѣтъ, предшествовавшихъ событіямъ 1905—1906 г.г. «Осмотрительность» торжествовала тогда всецѣло,—но многое ли она предупредила? Помѣшала ли она, въ мирное, повидимому спокойное время, вспышкѣ аграрныхъ безпорядковъ, разразившейся въ губерніяхъ полтавской и харьковской въ 1902-омъ году?.. Въ концѣ прошлаго вѣка о больничныхъ кассахъ не было и рѣчи, а именно въ то время начались крупныя стачки, часто не лишенныя политическаго характера. Не только общеевропейскій, но и нашъ домашній опытъ даетъ достаточно данныхъ для оцѣнки обѣихъ системъ, вездѣ спорящихъ за господство: системы подавленія новыхъ теченій и системы, идущей имъ навстрѣчу. Отдавать предпочтеніе первой, значитъ сѣять вѣтеръ, изъ котораго можетъ родиться буря; откладывать, изъ «осторожности», назрѣвшія реформы, значитъ, ради сомнительной охраны настоящаго, ставить на карту будущее. Отсутствіе всесословной волости не помѣшало развитію въ средѣ крестьянства «земельныхъ вожделѣній»; на чемъ же основано предположеніе, что созданіемъ ея они будутъ обострены, отсрочкой ея sine die,—вырваны съ корнемъ? Въ сентиментальности г. Дурново, конечно, обвинить нельзя; но не съ «легкимъ ли сердцемъ» разработанъ имъ панегирикъ «осмотрительности» и «осторожности»?.. Противъ чувства, впрочемъ, безсильны доводы; оно не считается съ уроками прошлаго или толкуетъ ихъ вопреки истинному ихъ смыслу. Въ рѣчи г. Дурново отразилось, какъ въ зеркалѣ, настроеніе, завѣщанное крѣпостной эпохой, никогда не исчезавшее вполнѣ, въ послѣдніе годы окрѣпшее и получившее яркую окраску. Это—настроеніе барина, отдѣленнаго и отдаленнаго отъ народа «воспитаніемъ, обычаями, образомъ жизни», барина, помнящаго былое и не примирившагося, не примиряющагося съ новизною. Въ его душевный міръ не можетъ проникнуть мысль о сближеніи съ народомъ. Кто считаетъ себя прирожденнымъ властелиномъ, тотъ не можетъ стать на одинъ уровень съ подвластными, хотя бы формально отпущенными на волю...

Цѣннымъ дополненіемъ или комментаріемъ къ рѣчи П. Н. Дурново служитъ произнесенная въ томъ же засѣданіи рѣчь гр. А. А. Бобринскаго. Къ психологіи отдѣльнаго представителя старинныхъ барскихъ традицій присоединилось здѣсь выраженіе коллективной психологіи цѣлой группы. Гр. Бобринскій говорилъ какъ бы отъ имени объединеннаго дворянства, горделиво вознося его на пьедесталъ и слагая въ его честь восторженный хвалебный гимнъ. «Если Вы»—воскликнулъ онъ, обращаясь къ членамъ Госуд. Совѣта,—«въ дѣлѣ волостного земства станете внимательно прислушиваться къ голосу

дворянства, Вамъ не придется раскаяваться; Вамъ не придется сожалѣть о томъ, что Вы послѣдуете указаніямъ крупнѣйшей интеллигентной экономической силы, которая въ нашей странѣ существуетъ... Когда противъ волостного земства выступаетъ такая организація, какъ объединенное дворянство, соединяющее въ себѣ около 500 представителей 33 земскихъ губерній, когда такая организація прямо высказывается за отклоненіе этого законопроекта, то, конечно, можно съ дворянствомъ не соглашаться, но, какъ никакъ, это все же такая сила, съ которою не считаться невозможно». Быть-можетъ, объединенное дворянство въ настоящую минуту и является силой,—но заключается ли эта сила въ немъ самомъ или заимствуется имъ извнѣ? Отвѣтъ на этотъ вопросъ даетъ исторія дворянства, не какъ совокупности лицъ, а какъ совокупности корпорацій. За самыми рѣдкими и незначительными исключеніями, дворянскія собранія никогда не заботились ни о чемъ другомъ, кромѣ сословныхъ интересовъ, притомъ—узко и односторонне понятыхъ. Никогда они не стояли на стражѣ народнаго блага, никогда не брали на себя иниціативу широкихъ реформъ. Ихъ традиціи унаслѣдовало и обострило объединенное дворянство, всецѣло поглощенное заботой о самосохраненіи, отождествляемомъ имъ съ сохраненіемъ государства. Признакомъ «интеллигентной силы» такая забота служить не можетъ; не свидѣтельствуетъ она и объ «экономической силѣ», въ себѣ самой ищущей и находящей достаточную опору. Весьма возможно, что въ вопросѣ о волостномъ земствѣ, какъ и во многихъ другихъ, сыграли свою роль резолюціи объединеннаго дворянства; но это была не роль властнаго слова—властнаго своею убѣдительностью, своею внутреннею правдой,—а роль созвучія, роль аккомпанимента къ торжествующему напѣву. Гр. Бобринскому нравятся ссылки его противниковъ на мнѣнія объединеннаго дворянства; онъ благодаритъ, съ самодовольной ироніей, за оказываемое имъ вниманіе, видитъ въ нихъ отчаянное усиліе замѣнить чѣмъ-нибудь недостатокъ аргументовъ. На самомъ дѣлѣ указанія на объединенное дворянство, какъ на одинъ изъ источниковъ современной политической мудрости, имѣютъ только одну, вполнѣ понятную цѣль: установить, откуда идутъ тѣ или другія реакціонныя мѣры—и облегчить, тѣмъ самымъ, ихъ надлежащую оцѣнку.

Одинъ изъ сторонниковъ реформы, гр. Олсуфьевъ, упомянулъ въ своей рѣчи о проектѣ волостного земства, внесенномъ правительствомъ. Ему пришлось остановиться и сдѣлать оговорку: «*прежнимъ* правительствомъ, потому что на мѣстѣ нынѣшняго, въ смыслѣ законодательномъ, мы видимъ пустое мѣсто» (ораторъ,—сказано въ стенографическомъ отчетѣ,—указываетъ на пустующія кресла правительства). Это «пустое мѣсто» било въ глаза, придавало особый харак-

теръ засѣданіямъ 16—20 мая. Устройство мелкой земской единицы было предрѣшено Высочайшимъ указомъ 12-го декабря 1904-го года. Во исполненіе этого указа, министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, при П. А. Столыпинѣ, былъ внесенъ въ Думу соотвѣтствующій законопроектъ. Дума—третья Дума!—приняла его съ поправками, изъ которыхъ многія не были одобрены министерствомъ, но которыя, во всякомъ случаѣ, не измѣнили существенно свойство и объемъ преобразованія. Когда законопроектъ перешелъ въ Государственной Совѣтъ, министерство, въ своемъ новомъ составѣ, мало, повидимому, заботилось о его движеніи, но не заявляло, что отказываетъ ему въ своей поддержкѣ. Когда комиссія Государственнаго Совѣта усомнилась въ цѣлесообразности его разсмотрѣнія, пока въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ идетъ пересмотръ постановленій, касающихся другихъ отраслей мѣстнаго управленія и самоуправленія, Н. А. Маклаковъ сообщилъ комиссіи, что ея работа нисколько не мѣшаетъ работѣ, производимой министерствомъ. Все, такимъ образомъ, заставляло ожидать активнаго участія министерства въ обсужденіи законопроекта или, по меньшей мѣрѣ, занятія имъ позиціи, не оставляющей мѣста для недоумѣній. Случилось нѣчто совершенно непредвидѣнное: министерство осталось за кулисами, какъ будто бы рѣчь шла о чемъ-то для него совершенно безразличномъ. Само собою разумѣется, что въ этомъ было усмотрѣно отрицательное отношеніе его къ проекту; но развѣ въ самомъ отрицаніи не можетъ быть оттѣнковъ, развѣ лишены значенія его мотивы? Обсужденію Государственнаго Совѣта, какъ это правильно было указано во время преній, подлежали, собственно говоря, три проекта: первоначальный министерскій, видоизмѣненный Думою и заново составленный комиссіею Государственнаго Совѣта. Всѣ ли три были забракованы министерствомъ, и если всѣ, то почему именно? Почему, въ особенности, оно разошлось съ предшествующимъ кабинетомъ, съ которымъ оно вообще считаетъ себя солидарнымъ? Намѣрено ли оно приступить къ составленію новаго проекта о волостномъ управленіи, и если намѣрено, то въ чемъ будутъ заключаться главныя его основы? Если не намѣрено, то какъ совмѣстить его образъ дѣйствій съ обязательнымъ для него, яснымъ и категорическимъ требованіемъ указа 12-го декабря? Все это—не такіе вопросы, которые, при нормальномъ теченіи государственной жизни, могли бы быть оставлены безъ отвѣта. Мы едва-ли ошибемся, если скажемъ, что въ исторіи нашей эпохи «пустому мѣсту», отмѣченному гр. Олсуфьевымъ, будетъ посвящена весьма содержательная страница...

К. Арсеньевъ.

КОНФЛИКТЪ ПАЛАТЪ ИЗЪ-ЗА ЗАКОНА О ГОСУДАРСТВЕННОЙ РОСПИСИ.

Недѣли двѣ наши палаты заняты были вопросомъ, который съ перваго взгляда не обѣщалъ сдѣлаться острымъ и породить конфликтъ Г. Думы и Г. Совѣта. Октябристъ Годневъ, и ранѣе извѣстный своимъ весьма внимательнымъ отношеніемъ къ практикѣ правительства съ точки зрѣнія соблюденія имъ законовъ страны, открылъ, что министры часто позволяютъ себѣ нарушеніе основного начала всякаго правильнаго бюджетнаго хозяйства—специализацію кредитовъ. Отдѣльными членами правительства со времени обновленія нашего государственнаго строя израсходовано было, такимъ образомъ, помимо вѣдѣнія Монарха и палатъ, до полумилліона рублей. Онъ счелъ, поэтому, нужнымъ предложить Г. Думѣ внести въ законъ о государственной росписи на 1914 г. правило о томъ, чтобы при исполненіи этой росписи министры не переносили изъ одного главнаго подраздѣленія росписи въ другое главное подраздѣленіе пріуроченныя къ нимъ расходныя суммы. Очевидно, такая прибавка не была попыткою ввести въ наше законодательство новую постоянную общеобязательную норму. Бюджетъ вотируется на годъ, а слѣдовательно, годовой срокъ имѣютъ и вносимыя въ него правила объ исполненіи росписи. Г. Дума, начиная съ 1909 г., постоянно вносила въ законъ о государственной росписи тѣ или другія нормы, опредѣлявшія порядокъ исполненія ея какъ отдѣльными министрами, такъ и всѣмъ правительствомъ. Такъ, въ 1909 г. она приняла даже постановленіе, выходящее за предѣлы одного года, предложивъ «присвоить срокъ дѣйствія въ теченіе трехъ слѣдующихъ одинъ за другимъ лѣтъ кредитамъ, назначеннымъ по опредѣленнымъ номерамъ государственной росписи». Въ 1910 г. она повторила въ законѣ о росписи сходное постановленіе, предлагая присвоить срокъ дѣйствія въ теченіе двухъ слѣдующихъ одинъ за другимъ лѣтъ кредиту, назначенному по № 372[1], и въ тотъ же законъ о росписи 1910 г. она внесла постановленіе, гласившее: «обратить въ 1910 г. по § 25 въ рессурсы государственнаго казначейства коммерческую прибыль Государственнаго банка за 1908 и 1909 г.».

Въ 1912 г. Г. Дума сдѣлала шагъ далѣе, установивъ въ законѣ о государственной росписи порядокъ, въ какомъ должно быть

произведено погашеніе 5-го и 6-го 5-процентныхъ займовъ 1854 и 1855 годовъ.

Такимъ образомъ, включеніе въ законъ о государственной росписи текущаго года порядка, касающагося ея исполненія министрами и главноуправляющими, порядка, состоящаго въ спеціализаціи кредитовъ, не представляетъ собою никакого новшества. Это — практика, установившаяся за время существованія у насъ законодательныхъ палатъ. Г. Совѣтъ до настоящаго года ни разу не протестовалъ противъ нея, а принималъ законъ о государственной росписи вмѣстѣ съ самой росписью, которая поступала на его разсмотрѣніе, какъ приложеніе къ закону о государственной росписи.

Въ маѣ 1914 г. впервые предсѣдателемъ Г. Совѣта въ финансовой комиссіи возбужденъ былъ вопросъ о томъ, что включеніе Г. Думой правила, по которому при исполненіи росписи министры не могутъ переносить ассигнованій изъ одного параграфа въ другой, есть попытка провести въ бюджетномъ порядкѣ новый законъ, не имѣющій ничего общаго съ росписью. Эти соображенія, встрѣтившія сперва критику со стороны членовъ комиссіи, приняты были затѣмъ большинствомъ ея, что̀, въ свою очередь, повліяло на голосованіе въ общемъ собраніи Совѣта. Сложилось представленіе, что мы имѣемъ дѣло съ тѣмъ, что въ англійской практикѣ получило названіе tacking, т.-е. проведенія закономъ о государственной росписи или такъ называемымъ въ Англіи биллемъ of appropriation (онъ отвѣчаетъ нашей росписи расходовъ), на подобіе буксира, закона, ничего не имѣющаго общаго съ росписью. Для примѣра можно указать на то, какъ законъ, упраздняющій штемпельный сборъ съ газетъ, проведенъ былъ, такимъ образомъ, въ Англіи въ смѣтномъ порядкѣ. Во Франціи такая практика обычна, и проф. Жэзъ въ своемъ курсѣ о финансахъ посвящаетъ цѣлыхъ двѣ страницы—54 и 55-ю—на перечень тѣхъ случаевъ, въ которыхъ въ законѣ о государственной росписи вкраплены были самостоятельные законы, т.-е. общеобязательныя нормы, сила которыхъ не истекаетъ съ исполненіемъ бюджета и которые съ этимъ бюджетомъ не имѣютъ никакой связи.

Поправка Годнева во всякомъ случаѣ имѣла то счастливое послѣдствіе, что обратила на себя вниманіе совѣта министровъ и его предсѣдателя. Онъ первый пришелъ къ заключенію, что спеціализація кредитовъ, дѣйствительно, необходима и не допускаетъ того беззастѣнчиваго переноса расходовъ по главнымъ подраздѣленіямъ росписи, какой позволяли себѣ министры за послѣдніе годы. Въ первомъ же засѣданіи Г. Совѣта, посвященномъ обсужденію ст. 5 закона о госуд. росписи за 1914 г., въ которую вылилось предло-

женіе Годнева, предсѣдатель совѣта министровъ заявилъ, что для него совершенно ясна недопустимость такой практики. Выступившій вслѣдъ за нимъ министръ юстиціи представилъ намъ убѣдительное доказательство того, что та солидарность правительства, какая была обѣщана при преобразованіи нашего строя манифестомъ 17 октября, все еще является, выражаясь словами катехизиса, болѣе «желаннымъ и ожидаемымъ, чѣмъ настоящимъ». Его эрудиція позволила ему припомнить тѣ аргументы, которыми въ 1830 г. Тьеръ старался поколебать принципъ спеціализаціи кредитовъ и которые такъ побѣдоносно разбиты были Вивьеномъ въ его «Etudes administratives». Я сидѣлъ еще на студенческой скамьѣ, когда покойный проф. Каченовскій въ своемъ курсѣ государственнаго права европейскихъ державъ посвящалъ насъ во всѣ подробности того знаменитаго похода, какой въ эпоху іюльской монархіи предпринятъ былъ какъ въ стѣнахъ, такъ и внѣ стѣнъ законодательныхъ палатъ съ цѣлью добиться спеціализаціи кредитовъ. Онъ закончился полной побѣдой,— правда, не продолжительной, такъ какъ въ эпоху второй имперіи снова допущены были отступленія отъ этого принципа, признаваемаго аксіомой всѣми культурными странами Европы и Америки. Въ эпоху увѣнчанія Наполеономъ зданія имперіи снова вернулись къ спеціализаціи кредитовъ и она окончательно упрочилась при современномъ французскомъ режимѣ. Въ Англіи она извѣстна чуть не со временъ Карла II, когда вошло въ жизнь начало проведенія смѣты расходовъ въ формѣ особаго «билля объ аппропріаціи».

Если предсѣдатель совѣта министровъ успокоилъ на счетъ того, что сдѣланное Годневымъ напоминаніе получитъ практическое осуществленіе, то устарѣлая защита членомъ одного съ нимъ правительства, г. министромъ юстиціи, права переноса расходовъ изъ одного параграфа смѣты въ другой породила невольное недовѣріе къ тому, чтобы добрыя намѣренія г. предсѣдателя совѣта министровъ вылились въ соотвѣтственное законодательное творчество. Мнѣ пришлось въ Государственномъ Совѣтѣ держать отвѣтъ г. министру юстиціи, и я счелъ поэтому нужнымъ особенно остановиться въ моей рѣчи на томъ, что въ настоящее время, спеціализація кредитовъ проникла въ общее сознаніе и что нѣтъ министра финансовъ, какъ и законодательной палаты на Западѣ, которые бы не настаивали на ея соблюденіи. Къ этой темѣ нѣтъ болѣе основаній возвращаться, особенно съ тѣхъ поръ, какъ въ засѣданіи 20 іюня г. предсѣдатель совѣта министровъ заявилъ, что совѣтомъ министровъ принято соблюдать въ будущемъ спеціализацію кредитовъ и что къ осенней сессіи будутъ внесены правительствомъ законодательныя мѣры на этотъ счетъ. Иниціатива Годнева, такимъ образомъ, уже принесла свои

плоды, и я былъ правъ, сказавши въ своей послѣдней рѣчи: «слѣдуетъ отвѣсить глубокій поклонъ Государственной Думѣ, которая напомнила въ 5 ст., что надо соблюдать законъ» (законъ о спеціализаціи кредитовъ), прошедшій, какъ я покажу ниже, еще въ 1862 г.

Но если попавшая, по иниціативѣ Годнева, въ законъ о государственной росписи на текущій годъ статья пятая отвѣчаетъ и желаніямъ законодателей, и желаніямъ правительства, то какое же основаніе не принять законопроекта о росписи только потому, что въ немъ имѣется эта 5-я статья? Весь конфликтъ между палатами произошелъ, однако, изъ-за этого одного вопроса. Согласительная комиссія, чтобы облегчить Г. Совѣту принятіе законопроекта, по предложенію проф. Васильева, рѣшила внести въ 5 ст. поправку, которая опредѣляетъ срокъ ея дѣйствія всего остающимися 6-тью мѣсяцами 1914 г. Эта поправка принята была всѣми членами комиссіи, за исключеніемъ депутата Замысловскаго и члена Г. Совѣта Гербеля. И тѣмъ не менѣе споръ палатъ не потерялъ своей остроты.

Идя на собраніе Г. Совѣта, почти всѣ и каждый изъ членовъ Совѣта были убѣждены въ томъ, что предстоитъ борьба и борьба серьезная, исходъ которой въ желательномъ смыслѣ далеко не обезпеченъ. Многіе были обезпокоены мыслью, что, если Государственный Совѣтъ не приметъ предложенія согласительной комиссіи, то на очередь поставленъ будетъ вопросъ о томъ, какимъ бюджетомъ должно руководствоваться правительство въ теченіе остающихся шести мѣсяцевъ текущаго года,—бюджетомъ ли 1914 или 1913 года? Нѣкоторые говорили, что столкновеніе на этотъ разъ вызывается серьезными принципіальными разногласіями. Государственная Дума не хочетъ считаться съ тою истиной, что путемъ бюджета нельзя создавать матеріальнаго права, т. е. обогащать законодательство новыми общеобязательными нормами и притомъ не временными, а постоянными. Г. министръ юстиціи въ рѣчи, произнесенной въ Гос. Совѣтѣ, заявилъ, что такой неоспоримый авторитетъ въ вопросахъ государственнаго права, какъ Еллинекъ, рѣшительно отрицаетъ возможность для бюджета включить въ себя что-либо иное, кромѣ цифръ дохода и расхода по отдѣльнымъ статьямъ росписи. Ораторъ не сдѣлалъ прямой ссылки, но открыть источникъ его свѣдѣній было не трудно, заглянувъ въ нѣмецкій «Словарь государственныхъ наукъ» Конрада въ изданіи 1909 г. Третій томъ этого «Словаря» содержитъ въ себѣ, дѣйствительно, статью проф. Еллинека о бюджетномъ правѣ. Все, что онъ говоритъ по интересующему насъ вопросу, буквально сводится къ слѣдующему: «признано было, въ концѣ концовъ, что

составленіе бюджета по своей природѣ не является актомъ матеріальнаго законодательства... Бюджетъ, разсматриваемый самъ по себѣ, какъ предположеніе о доходахъ и расходахъ государства въ ближайшій періодъ управленія, не содержитъ въ себѣ правовыхъ нормъ, а цифры. Его задача направлена не къ тому, чтобы регулировать экономическую дѣятельность государства. Бюджетъ—это вычисленіе будущихъ затратъ и поступленій, имѣющее сдѣлаться базисомъ для дальнѣйшихъ административныхъ актовъ и юридическихъ нормъ" [1]).

Сказать, что Еллинекъ—авторитетъ въ вопросахъ бюджетнаго права, было бы, разумѣется, преувеличеніемъ. Его сила и значеніе лежатъ въ области довольно далекой отъ вопросовъ парламентской жизни,—въ области объясненія дѣйствительной природы государства, субъективныхъ правъ его гражданъ, отношенія закона къ указу, природы союзнаго государства и переходныхъ формъ къ нему, начиная съ союза государствъ. Изъ посмертнаго изданія открытыхъ въ его письменномъ столѣ законченныхъ и незаконченныхъ мемуаровъ можно придти къ тому заключенію, что онъ готовилъ, между прочимъ, и трактатъ по конституціонному праву. Но въ то же время легко и усмотрѣтъ изъ самаго знакомства съ текстомъ, какое разстояніе отдѣляло замыселъ отъ его осуществленія въ тотъ моментъ, когда оборвалась жизненная нить этого въ высшей степени талантливаго и образованнаго государствовѣда. Въ короткой статьѣ настольнаго словаря Еллинекъ и при большей спеціализаціи едва-ли былъ бы въ состояніи дать даже короткій обзоръ того законодательнаго матеріала, который легъ въ основу теоріи, раздѣляемой, впрочемъ, далеко не всѣми юристами, что бюджетъ не можетъ создавать матеріальнаго права. Ближе стоящіе къ парламентской жизни юристы, и не обладая талантомъ покойнаго гейдельбергскаго профессора, могли бы дать болѣе прямыя указанія на счетъ того, какъ сложилось современное представленіе о природѣ бюджета, какъ не создающаго матеріальнаго права, и насколько предшествующая практика расходилась съ такимъ идеаломъ. Но всѣ ссылки на авторитетъ ли Эрскина Мэя или Поля Леруа-Болье, Штурма, Жеза и др., рѣшительно излишни, когда рѣчь идетъ о признаніи такого безспорнаго и, разумѣется, всего менѣе отрицаемаго самимъ Елинекомъ принципа, какъ принципъ спеціализаціи кредитовъ. Въ 1861 г. у насъ Татариновъ задался мыслью о бюджетной реформѣ. И что же мы находимъ въ «Проектѣ положенія о государственномъ бюджетѣ», выработанномъ спеціальной комиссіей этого времени? Статья 5-ая гласитъ: «Смѣтныя назначенія доходовъ и расходовъ распредѣляются на подраздѣленія, главныя (параграфы) и

[1]) Т. 3-й, стр. 320—321.

второстепенныя (статьи). Главныя подраздѣленія смѣтъ расходныхъ представляютъ въ теченіе всего смѣтнаго періода неизмѣняемыя для распорядителей кредитами нормы и по онымъ никакое смѣтное передвиженіе не можетъ имѣть мѣста».

Что же, Государственный Совѣтъ отказался въ свое время принять проектъ въ этой части?—Нимало. Статья 8-ая, одобренная Гос. Совѣтомъ, гласитъ буквально: «по главнымъ подраздѣленіямъ (параграфамъ) смѣтъ расходныхъ не допускается въ теченіе всего смѣтнаго періода никакое передвиженіе, а потому суммы, назначенныя для расхода по одному параграфу, не могутъ быть обращаемы на удовлетвореніе расходовъ по другому параграфу». Но, можетъ быть, эти смѣтныя правила не получили утвержденія Верховной Власти?—Ничуть не бывало. «Проектъ положенія о государственномъ бюджетѣ» подъ болѣе скромнымъ названіемъ: «Правилъ о составленіи, разсмотрѣніи, утвержденіи и исполненіи государственной росписи и финансовыхъ смѣтъ министерствъ и главныхъ управленій», получилъ Высочайшее утвержденіе 28 мая 1862 года [1]).

Когда въ 1906 г. (8-го марта) приступлено было къ составленію правилъ «О порядкѣ разсмотрѣнія государственной росписи доходовъ и расходовъ», то, очевидно, имѣлось въ виду соблюденіе той практики, которая установлена была еще при Татариновѣ, почему въ 15 статьѣ этихъ правилъ и значится: «производство непредусмотрѣнныхъ росписью неотложныхъ расходовъ, если они не могутъ быть покрыты... за счетъ ожидаемыхъ сбереженій въ предѣлахъ ассигнованій *по главнымъ распредѣленіямъ росписи*, допускаются не иначе, какъ по испрошеніи на то разрѣшенія въ порядкѣ, установленномъ для утвержденія росписи», т. е. въ порядкѣ законодательномъ.

Такимъ образомъ, не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія, что съ 1906 г. порядокъ, установленный у насъ еще Татариновымъ, признанъ былъ легальнымъ и общеобязательнымъ. А если такъ, то упоминаніе о немъ въ 5-й статьѣ законопроекта о государственной росписи, уже принятаго Г. Думою, не можетъ считаться обремененіемъ бюджета новымъ закономъ. Чтобы на этотъ счетъ не существовало никакихъ сомнѣній, однимъ изъ членовъ согласительной комиссіи, проф. Васильевымъ, и предложено было признать дѣйствіе 5-ой статьи прекращающимся съ момента истеченія срока, на который распространяется дѣйствіе росписи, т.-е. къ 1-му января 1915 г. Какой же это новый законъ, сила котораго ограничена всего шестью мѣсяцами и который въ то же время заключаетъ въ себѣ не новую норму права, а норму, проведенную еще въ 1862 году и

[1]) См. „Очерки русскаго бюджетнаго права“ Л. Н. Яснопольскаго. „Приложеніе“, стр. 82, и текстъ, стр. 293.

съ которой русскій законодатель призналъ нужнымъ считаться въ въ 1906 г. при выработкѣ правилъ о росписи отъ 8-го марта этого года?

Но, скажутъ повторяя слова г. министра юстиціи,—въ 1868 г. Гос. Совѣтомъ принято было постановленіе, получившее Высочайшее утвержденіе 14 марта этого года; оно гласитъ: «предоставить министрамъ и главноуправляющимъ отдѣльными частями по непосредственному сношенію съ министромъ финансовъ производить такія не вошедшія въ финансовую смѣту мелочныя издержки, размѣръ которыхъ не превышаетъ 1.000 рублей и производство коихъ можетъ быть отнесено на имѣющіяся или предвидимыя по какому-либо изъ смѣтныхъ подраздѣленій сбереженія по текущей смѣтѣ». Въ этомъ постановленіи не говорится прямо о томъ, какія имѣются въ виду подраздѣленія смѣты. Легко можетъ статься, что мелочныя издержки, не превышающія 1.000 рублей, не требовали переноса изъ одного главнаго подраздѣленія въ другое. Если такъ, то это постановленіе нисколько не противорѣчитъ ни смѣтнымъ правиламъ, утвержденнымъ 22 мая 1862 года, ни тѣмъ, которыя изданы были 8 марта 1906 г., ни той статьѣ 5-ой, которая включена Государственной Думой въ бюджетъ текущаго 1914 г. А слѣдовательно, не можетъ быть и рѣчи объ отмѣнѣ старой нормы и созданіи новой статьею 5-ой законопроекта о росписи, статьей, заключающей къ себѣ, какъ уже было сказано, одно напоминаніе о давно установившейся практикѣ.

Предположимъ, однако, невозможное, предположимъ, что постановленіе Гос. Совѣта отъ 1868 г. мирилось и съ переносомъ издержекъ изъ одного главнаго подраздѣленія росписи въ другое, какъ это, повидимому, ничѣмъ не обосновывая своего взгляда, допустилъ г. министръ юстиціи въ своей рѣчи въ Гос. Совѣтѣ. Такое предположеніе можетъ возникнуть въ умѣ подъ вліяніемъ того факта, что сумма такихъ произвольныхъ распоряженій министровъ, какъ говорятъ, достигло въ общемъ цифры пятисотъ тысячъ рублей. Вмѣсто того, чтобы объяснять размѣръ такихъ затратъ произвольнымъ толкованіемъ постановленія 1868 г., министръ, повидимому, склоненъ дать расширенные размѣры самому постановленію. Предполагая, что каждый министръ и главноуправляющій превышаетъ ежегодно смѣту въ размѣрѣ одной тысячи рублей, мы все же не можемъ дойти до той суммы, которую отдѣльные члены правительства, помимо согласія палатъ и Государя, расходуютъ ежегодно на всякаго рода награды чиновникамъ своего вѣдомства. Поддерживать такой патронатъ за государственный счетъ едва ли входитъ и входило когда-либо въ заботы законодательныхъ палатъ. Но станемъ

на точку зрѣнія министра. Допустимъ, вслѣдъ за нимъ, что не опубликованное постановленіе Гос. Совѣта отъ 1868 г., тѣмъ не менѣе, имѣло силу общеобязательнаго правила, хотя въ нашихъ законахъ и значится, что невѣдѣніемъ ихъ никто не можетъ отговориться, а вѣдать хранимое въ секретѣ трудно. Пойдемъ еще шагъ далѣе въ нашей уступчивости. Допустимъ, какъ говорилъ министръ юстиціи, что постановленіе 1868 г. признаваемо было закономъ и въ ближайшія десятилѣтія; все же изъ этого нельзя сдѣлать того вывода, что со времени введенія у насъ «обновленнаго строя», когда законами перестали считаться необнародованныя постановленія Гос. Совѣта и когда русскій законодатель въ новыхъ «правилахъ о составленіи государственной росписи» подтвердилъ практику, введенную еще при Татариновѣ, норма, принятая Совѣтомъ въ 1868 г., сохранила свою общеобязательную силу и не можетъ потерять ея иначе, какъ путемъ новаго закона. А если все это такъ, то мы возвращаемся къ тому положенію, что 5 статья закона о государственной росписи никакъ не можетъ быть подведена подъ ту практику, которая извѣстна подъ названіемъ tacking и имѣетъ сознательной цѣлью включить въ бюджетъ чуждыя его спеціальному содержанію новыя законодательныя нормы.

Какіе же, спрашивается, принципы были бы принесены въ жертву Гос. Совѣтомъ, если бы онъ принялъ законопроектъ Государственной Думы, не исключая изъ него инкриминируемой 5 статьи?—Ровно никакихъ. Согласительная комиссія послѣ поправки, предложенной проф. Васильевымъ, высказалась, поэтому, за принятіе законопроекта о бюджетѣ вмѣстѣ съ 5 его статьей большинствомъ всѣхъ голосовъ противъ двухъ.

Ходили слухи, что отдѣльныя группы Совѣта рѣшили не принимать въ расчетъ постановленія согласительной комиссіи и пойти наперекоръ мнѣнію лицъ, самимъ же Совѣтомъ уполномоченныхъ, даже несмотря на то, что эти лица выбраны были по пропорціональной системѣ, а слѣдовательно, отражали мнѣнія различныхъ группъ и партій въ Совѣтѣ.

Разумѣется, у всякаго барона своя фантазія, что русской поговоркой передается: «Нраву моему не препятствуй». Но отъ этого до вѣрности принципамъ—цѣлая бездна. Не принявъ 5 статьи, Гос. Совѣтъ, собственно, поставилъ наше правительство въ необходимость руководствоваться бюджетомъ 1913 г. и уменьшить свои издержки на 400 милліоновъ рублей. При этомъ условіи будетъ сохраненъ легальный порядокъ, состоящій въ томъ, что законъ о госуд. росписи слѣдуетъ въ своемъ прохожденіи тому же порядку, какой установленъ для прочихъ законовъ, что при невозможности добиться на

его счетъ согласія палатъ,—онъ отпадаетъ и сохраняется въ силѣ прежняя государственная роспись.

Такое требованіе ставится самой 1-й статьею «правилъ 8 марта 1906 г.». Эта ст. I-я гласитъ: «Проектъ госуд. росписи доходовъ и расходовъ обсуждается Государственнымъ Совѣтомъ и Государственною Думою въ общемъ, въ учрежденіяхъ ихъ установленномъ порядкѣ обсужденія подлежащихъ вѣдѣнію Совѣта и Думы законодательныхъ дѣлъ, съ соблюденіемъ слѣдующихъ правилъ». Въ «Правилахъ» предусматривается только разномысліе Думы и Совѣта относительно цифръ кредита и для этого случая только предусматривается порядокъ рѣшенія такихъ равногласій. Но они могутъ возникнуть не объ одной только цифрѣ кредита, и такіе-то случаи должны разрѣшаться по общимъ правиламъ законодательнаго порядка, а отсюда въ свою очередь вытекаетъ, что пока между Думою и Совѣтомъ не будетъ достигнуто соглашенія по такому разногласію, проектъ росписи не можетъ получить силы закона, и финансовое управленіе, согласно 116 ст. Основн. Законовъ, можетъ вестись лишь на основаніи бюджета прошлаго года.

Но не существуетъ ли иного выхода изъ создавшагося конфликта между палатами помимо принятія Г. Совѣтомъ 5 ст. этого закона, т.-е. исполненія предложенія нашей согласительной комиссіи?

Я не буду говорить о томъ выходѣ, какой представила бы передача предсѣдателемъ Государю Императору двухъ противорѣчивыхъ рѣшеній по вопросу о госуд. росписи, рѣшеній Думы и Совѣта. Такъ какъ Г. Совѣтъ и Г. Дума законодательныя учрежденія, а не законосовѣщательныя, то такой исходъ невозможенъ. Онъ прямо противорѣчитъ той статьѣ, которая говоритъ о законодательномъ порядкѣ разсмотрѣнія росписи, а потому и предлагаетъ примѣненіе къ ней ст. 50-ой «учрежденія Г. Совѣта», согласно которой закономъ является лишь согласованное рѣшеніе Г. Думы и Г. Совѣта, получившее утвержденіе Государя Императора. Ст. 86-я «Основныхъ Законовъ» въ этомъ отношеніи является рѣшающей.

Но, говорятъ, внѣ этого исхода, незакономѣрность котораго очевидна, есть еще другой—можно утвердить роспись отдѣльно отъ закона о госуд. росписи и представить ее одну на утвержденіе Государя? Вѣдь, не всегда роспись сопровождается закономъ о госуд. росписи. Вотъ, напр., въ 1908 г. этого будто бы не было. Всѣ эти разсужденія выходятъ за предѣлы удовлетворенія простой обывательской любознательности. Это не споръ о словахъ, это споръ объ основныхъ вопросахъ нашего государственнаго строительства вообще и финансоваго, въ частности. Намъ, посвятившимъ себя спеціальному изученію государственной науки, преподающимъ ее

съ середины 70-хъ годовъ прошлаго столѣтія, представляется азбучной истиной или аксіомой, положеніе: бюджетъ есть законъ и онъ проходитъ въ законодательномъ порядкѣ. Это не значитъ, что никогда не существовало иныхъ порядковъ. Были такіе и не только у насъ, но и за границей, когда роспись считалась административнымъ актомъ, входящимъ въ область управленія, самое большее контролируемымъ законодательными палатами. Слѣды такихъ порядковъ удержались еще въ раннихъ конституціяхъ нѣмецкихъ княжествъ, написанныхъ въ годы, слѣдовавшіе за Вѣнскимъ конгрессомъ и установленіемъ Священнаго Союза. Баварія была въ этихъ условіяхъ, и комментаторъ ея конституціонныхъ порядковъ Зейдель не прочь былъ настаивать на той мысли, что бюджетъ отличенъ отъ закона по природѣ и долженъ быть отнесенъ скорѣе къ области управленія, чѣмъ законодательства. Въ Россіи переломъ въ этомъ отношеніи совершился задолго до наступленія такъ называемаго «обновленнаго строя», въ то время, когда государственнымъ контролемъ завѣдывалъ, какъ я указывалъ уже, Татариновъ. Въ приведенныхъ мною «Правилахъ о составленіи, исполненіи и т. д. государственной росписи», получившихъ Высочайшее утвержденіе 22 мая 1862 г., по иниціативѣ самого Г. Совѣта прибавлена была къ законопроекту новая статья, статья 5-я; она гласитъ: «государственная роспись и финансовыя смѣты министерствъ и главныхъ управленій по разсмотрѣніи ихъ законодательнымъ порядкомъ утверждаются Высочайшею властью, и затѣмъ на основаніи оныхъ открываются министрамъ и главноуправляющимъ кредиты изъ министерства финансовъ». Разъ еще въ 1862 г. бюджетъ признанъ былъ закономъ, то немудрено, если и въ «Учрежденіяхъ Г. Думы и Г. Совѣта» принято было правило, по которому бюджетъ проходитъ въ законодательномъ порядкѣ. Вотъ почему мы имѣемъ предъ собою не просто-роспись, а «*законъ о государственной росписи*»; вотъ почему на этихъ только дняхъ подъ предсѣдательствомъ М. Г. Акимова, Гос. Совѣтъ, разсмотрѣвъ сперва «Приложеніе» къ государственной росписи, перешелъ затѣмъ къ разсмотрѣнію самого закона о росписи, принялъ его 1 и 2-ю статьи, отвергъ затѣмъ 3, 4 и 5-ю. Какъ же возможно въ настоящее время сказать, что не было того, что было? Какъ возможно представить на утвержденіе Государя Императора лишь часть закона, разсмотрѣннаго Совѣтомъ, по статьямъ вслѣдъ за Государственною Думою, изъ которой этотъ законъ въ полномъ его видѣ поступилъ на разсмотрѣніе Г. Совѣта?

Гдѣ, въ какой статьѣ «Учрежденія Г. Думы и Г. Совѣта» можно найти хотя отдаленный намекъ на то, что отъ воли Г. Со-

вѣта зависитъ обратить въ два закона, поступившій къ намъ изъ нижней палаты единый законопроектъ, и, сдѣлавъ такую рубку, принять одну часть, и отвергнуть другую, въ данномъ случаѣ—принять приложеніе къ закону о государственной росписи за законъ о государственной росписи, а самый законъ о государственной росписи обратить въ обложку, которую можно сорвать съ текста?

Но намъ говорили, что въ 1908 г. роспись не имѣла препроводительнаго закона, откуда и дѣлали совершенно произвольный, конечно, выводъ, что проектъ закона является случайнымъ придаткомъ, и при разногласіи палатъ роспись все-таки можетъ быть представлена на Высочайшее утвержденіе и безъ проекта закона. Логики въ такомъ разсужденіи я не вижу. Но оказывается, не только нѣтъ логики, но нѣтъ и фактической достовѣрности. Самая ссылка. Г. Совѣта на роспись 1908 г.—невѣрна. Изъ Г. Думы въ 1908 г. роспись была представлена въ слѣдующемъ видѣ: «Одобренный Г. Думою проектъ закона о государственной росписи доходовъ и расходовъ на 1908 г. утвердить прилагаемую при семъ государственную роспись на 1908 г., опредѣливъ общій итогъ назначаемыхъ на текущій годъ кредитовъ въ суммѣ 2.732.206.501 рубль». Изъ стенографическаго отчета Государственнаго Совѣта мы видимъ, что предсѣдатель считалъ, чго поступившее на разсмотрѣніе Г. Совѣта есть законъ о государственной росписи. Въ стенографическомъ отчетѣ буквально значится: «Ставлю на голосованіе послѣдній вопросъ,—угодно ли общему собранію одобрить проектъ закона о государственной росписи доходовъ и расходовъ на 1908 г.» *Принятъ единогласно* [1]).

Итакъ, что же мы имѣемъ, въ концѣ концовъ? Мы имѣемъ фактическое доказательство тому, что, въ полномъ соотвѣтствіи съ учрежденіями Г. Думы и Г. Совѣта,—бюджетъ всегда разсматривался у насъ, какъ законъ, и разсматривался въ законодательномъ порядкѣ, что это правило не знаетъ исключенія и что все отличіе, какое представляетъ роспись 1908 г. отъ послѣдующихъ, состоитъ въ томъ, что въ законѣ о росписи не было въ этомъ году прибавочныхъ статей.

Но предположимъ бѣлое чернымъ. Предположимъ, что въ 1908 г. была только роспись и не было закона о росписи, и что предсѣдательствовавшій М. Г. Акимовъ не произносилъ словъ: «угодно ли общему собранію одобрить проектъ закона о государственной росписи», и представилъ Государю на утвержденіе не законъ о росписи, а просто роспись. Что бы изъ этого слѣдовало? Скажутъ, со-

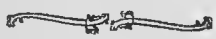
---

1) Стенограф. отч. Г. Совѣта. Сессія III, стр. 2404.

зданъ былъ прецедентъ. Нисколько; нисколько потому, что нарушеніе закона не можетъ создать прецедента. Вотъ почему въ Англіи, въ которой возникла впервые и теорія, и практика прецедентовъ, существительное «прецедентъ» всегда сопровождается прилагательнымъ «законный». Учрежденія Г. Совѣта и Г. Думы говорятъ о бюджетѣ, какъ о законѣ, а потому, если бы въ томъ или иномъ году не былъ употребленъ этотъ терминъ, то изъ этого вовсе не слѣдовало бы, что бюджетъ пересталъ быть закономъ.

Вотъ, почему, поступившій въ Гос. Совѣтъ проектъ закона о росписи на 1914 г. могъ быть принятъ имъ только какъ законъ о росписи, вотъ почему приложеніе не можетъ стать закономъ, а законъ обложкой, вотъ почему, не выходя изъ предѣловъ легальности, Совѣтъ не имѣлъ другого выхода, какъ принять вотированный Думою законопроектъ. Но Г. Совѣтъ разсудилъ иначе. Большинство его членовъ высказалось за то, чтобы отдѣлить роспись отъ закона о государственной росписи и утвердить ее одну.

Максимъ Ковалевскій.



ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

— Изъ воспоминаній Бебеля. (August Bebel. Aus meinem Leben. 3 Theile. Stuttgart 1910—1914).

Бебелю не удалось закончить своихъ мемуаровъ; смерть прервала эту послѣднюю работу вождя германской соціалъ-демократіи. Послѣдняя часть уже издана послѣ его смерти его литературнымъ душеприказчикомъ Карломъ Каутскимъ. Мемуары доведены до конца 1882 г.; послѣднія страницы заняты письмомъ Фр. Энгельса къ Бебелю отъ 22-го декабря этого года. Но и въ незаконченномъ видѣ это изданіе чрезвычайно цѣнно для историка современной Германіи. Автобіографическаго матеріала, правда, въ немъ меньше, чѣмъ можно было ожидать и—пожелать. Исключительныя личныя качества Бебеля, внушавшія симпатію и уваженіе къ нему даже самымъ свирѣпымъ его противникамъ, сдѣлавшія его наиболѣе популярнымъ человѣкомъ въ Германіи и далеко за пре-

дѣлами послѣдней,—вызываютъ особый интересъ къ автобіографическому содержанію его мемуаровъ. Но въ этомъ отношеніи читателя постигаетъ разочарованіе. Бебель мало говоритъ въ своихъ воспоминаніяхъ о самомъ себѣ. Только первыя главы первой части мемуаровъ, въ которыхъ авторъ описываетъ свое дѣтство и отрочество, имѣютъ выраженный автобіографическій характеръ; остальное вѣрнѣе было бы назвать исторіей нѣмецкой соціалъ-демократіи, чѣмъ исторіей жизни Бебеля. Правда, личная жизнь Бебеля такъ тѣсно была связана съ исторіей его партіи, что отдѣлить одну отъ другой очень трудно. Однако, Бебель фактически это *сдѣлалъ* въ своихъ мемуарахъ, почти совершенно элиминировавъ личныя, душевныя переживанія. Нельзя не пожалѣть объ этомъ. Но для личности Бебеля это въ высшей степени характерно. Онъ и при жизни мало думалъ о себѣ, весь отдавшись общему дѣлу, потопивъ въ немъ всю свою личность. Онъ сумѣлъ построить свою личную жизнь такъ, что она не мѣшала его общественной дѣятельности. Свою семейную жизнь онъ самъ такъ характеризуетъ (ч. 1, стр. 180):

«Для человѣка, которому приходится бороться на публичной аренѣ съ цѣлымъ міромъ противниковъ, далеко не безразлично, каковъ духъ той женщины, которая живетъ рядомъ съ нимъ. Смотря по тому, она можетъ быть опорой и вдохновительницей его стремленій, или препятствіемъ и тормозомъ для нихъ. Я счастливъ, имѣя возможность сказать, что моя принадлежала къ первому роду... Если я совершилъ то, что мнѣ удалось совершить, то это было возможно, прежде всего благодаря ея неутомимой заботѣ и поддержкѣ».

Кто была эта рѣдкая женщина? Скромная работница, швейка. Самъ Бебель былъ, когда женился на ней, маленькимъ ремесленникомъ, и онъ продолжалъ заниматься своимъ ремесломъ еще долго послѣ того, какъ сталъ знаменитостью. Лишь къ концу 80-хъ годовъ его успѣхи на литературномъ поприщѣ позволили ему всецѣло посвятить себя политикѣ.

Свою парламентскую дѣятельность Бебель началъ въ 1867 г., въ качествѣ члена сѣверо-германскаго учредительнаго сейма, и скоро обратилъ на себя вниманіе своими смѣлыми и мѣткими рѣчами. О первыхъ впечатлѣніяхъ, произведенныхъ на него Бисмаркомъ, онъ разсказываетъ: «Мнѣ было очень любопытно послушать, какъ онъ говоритъ; но я былъ очень разочарованъ, когда этотъ гигантъ поднялся и началъ говорить, не голосомъ льва, а — дискантомъ. Его фразы были длинны и запутаны, онъ часто останавливался, но онъ всегда говорилъ интересно».

Борьба этого гиганта съ соціалъ-демократіей составляетъ

главное содержаніе мемуаровъ Бебеля. Вторая часть послѣднихъ описываетъ періодъ до проведенія въ рейхстагѣ исключительнаго закона противъ соціалъ-демократіи, т.-е. до 1878 г.—третья часть захватываетъ періодъ отъ 1878 до 1882 г.—Въ первомъ періодѣ, параллельно съ борьбой рабочаго движенія за право на существованіе, идетъ глухая внутренняя борьба различныхъ теченій самаго рабочаго движенія между собою, прекратившаяся лишь послѣ того, какъ репрессіи сдавили все движеніе въ желѣзныхъ тискахъ. Эти страницы мемуаровъ чрезвычайно поучительны. Очень поучительны также страницы, посвященныя пресловутому Швейцеру, преемнику Лассаля. Бебель считалъ его *агентомъ Бисмарка* и приводитъ много фактовъ, подтверждающихъ это подозрѣніе. Швейцеръ стремился повернуть рабочее движеніе всѣмъ фронтомъ *противъ либеральной буржуазіи*, щадя по возможности правящія сферы, и это, конечно, какъ нельзя болѣе было на руку Бисмарку. Лишь въ 1872 г. удалось устранить отъ рабочаго дѣла эту темную личность, и только послѣ того можно было серьезно приняться за объединеніе всего рабочаго движенія въ одной партіи.

Но тогда возникли другія препятствія *принципіальнаго* характера. Эти препятствія также не легко было побороть; въ концѣ концовъ они были, хотя и не *преодолѣны*, но—*обойдены*. Согласить принципы лассальянства съ принципами марксизма оказалось, вѣрнѣе—казалось той и другой сторонѣ невозможнымъ. Но одна сторона уступила, позволивъ представителямъ другой стороны вставить въ согласительную программу тѣ принципы, которыми она особенно дорожила. Уступили марксисты, «*эйзенахцы*». Что они поступили правильно, теперь признаетъ весь міръ; но тогда всѣ марксисты крайне негодовали, а больше всѣхъ самъ Марксъ, его alter ego, Фр. Энгельсъ, а также Бебель.

Бебель не принималъ участія въ послѣднихъ рѣшительныхъ переговорахъ, будучи въ то время въ тюремномъ заключеніи. Переговоры велъ Либкнехтъ; на него-то всѣ и обрушились. Марксъ и Энгельсъ считали его уступчивость чуть ли не измѣной и предательствомъ и хотѣли совершенно отречься изъ-за этого отъ нѣмецкой соціалъ-демократіи. Бебель также былъ крайне возмущенъ, но, самый уравновѣшенный изъ всѣхъ, онъ раньше всѣхъ успокоился и тотчасъ же усердно сталъ успокаивать другихъ. Въ мемуарахъ имѣется чрезвычайно интересное письмо Энгельса къ Бебелю по этому вопросу; оно не менѣе цѣнно, чѣмъ знаменитое письмо Маркса по тому же вопросу, опубликованное въ 90-хъ гг. и вызвавшее тогда большую сенсацію. Такъ какъ письмо Энгельса до сихъ поръ не было извѣстно, то приведемъ здѣсь наиболѣе инте-

ресныя мѣста изъ него. Письмо написано тридцать девять лѣтъ тому назадъ (18/28 марта 1875 г.); но содержащіяся въ немъ истины еще и понынѣ составляютъ для многихъ марксистовъ китайскую грамоту.

Возьмемъ, напр., фразу о *«единой реакціонной массѣ»*, до сихъ поръ держащую подъ своимъ гипнозомъ широкіе круги соціалъ-демократіи. Вотъ что говоритъ объ этомъ въ своемъ письмѣ Фр. Энгельсъ:

«Эта громко-звучащая, но исторически лживая лассальянская фраза, будто по отношенію къ рабочему классу всѣ другіе классы составляютъ лишь одну реакціонную массу. Это положеніе вѣрно только въ единичныхъ, исключительныхъ случаяхъ, напр.; во время пролетарской революціи, въ родѣ коммуны, или въ странѣ, въ которой не только буржуазія уже преобразовала государство и общество по своему образцу, но и демократическое мѣщанство уже провело это преобразованіе до послѣднихъ предѣловъ».

Не менѣе заслуживаетъ вниманія марксистовъ нашего времени и то, что Энгельсъ высказалъ въ своемъ письмѣ о профессіональныхъ союзахъ:

«Это, собственно, и есть классовая организація пролетаріата, въ которой пролетаріатъ день за днемъ ведетъ борьбу съ капиталомъ, въ которой онъ получаетъ свое воспитаніе и съ которой въ наше время даже наихудшая реакція совершенно не въ состояніи справиться».

Затѣмъ Энгельсъ возражаетъ противъ «кучи довольно запутанныхъ чисто демократическихъ требованій программы, изъ которыхъ иныя не представляютъ ничего кромѣ *моды*». Къ послѣднимъ онъ причисляетъ *прямое законодательство*, «законодательство черезъ народъ», «уже существующее въ Швейцаріи и приносящее больше вреда, чѣмъ пользы, если оно вообще что-нибудь приноситъ».

Не нравится Энгельсу также выраженіе согласительной программы: «уничтоженіе всякаго соціальнаго и политическаго неравенства». «Представленіе о соціалистическомъ обществѣ, какъ о царствѣ *равенства*,—говоритъ онъ,—составляетъ одностороннюю французскую концепцію, опирающуюся на старое положеніе: «Свобода, Равенство, Братство»; эта концепція была умѣстна, какъ извѣстный этапъ, въ свое время и на своемъ мѣстѣ; но теперь она должна быть измѣнена, какъ всѣ односторонности прежнихъ соціалистическихъ школъ, такъ какъ она вноситъ только путаницу и къ тому же теперь найдены болѣе точныя представленія».

Но важнѣе всѣхъ выраженій, неизмѣримо важнѣе всѣхъ положеній и программъ былъ — *фактъ* соединенія враждую-

щихъ лагерей рабочаго движенія въ единую соціалъ-демократическую партію. Это подтвердила вся дальнѣйшая исторія нѣмецкой соціалъ демократіи, ярко доказавъ глубокую мудрость словъ Маркса: «*Каждый шагъ дѣйствительнаго движенія важнѣе дюжины программъ*».—Правда, самъ Марксъ не всегда могъ удержаться на этой высотѣ, и въ томъ самомъ письмѣ, въ которомъ написаны эти мудрыя слова, онъ рѣзко нападалъ на состоявшееся соглашеніе и проклиналъ его виновниковъ...

Но партія не могла долго задерживаться на теоретическихъ спорахъ. Всеобщее вниманіе все болѣе и болѣе сосредоточивалось на вопросахъ дня. Обманувшись въ своихъ надеждахъ направить рабочее движеніе всецѣло противъ либеральной буржуазіи, Бисмаркъ объявилъ ему безпощадную войну. Когда всѣ репрессивныя мѣры, доступныя по дѣйствующему, «нормальному» законодательству, были исчерпаны, Бисмаркъ потребовалъ отъ рейхстага новыхъ, исключительныхъ законовъ. Рейхстагъ сначала отказалъ. Только послѣ покушеній Гейделя и Нобилинга на престарѣлаго монарха, сопровождавшихся неистовой кампаніей рептильной печати противъ соціалъ-демократіи, будто бы виновной въ этихъ безуміяхъ,—Бисмаркъ добился отъ рейхстага желаннаго для него закона.

Кто были, въ дѣйствительности, Гейдель и Нобилингъ? Бебель разсказываетъ, что первый записался было въ соц.-демократическую организацію, но былъ исключенъ изъ нея, когда обнаружилось, что это грязная личность; послѣ того онъ сталъ доставлять буржуазнымъ газетамъ компрометтирующія, ложныя свѣдѣнія о соціалъ-демократіи.—Нобилингъ, по словамъ Бебеля, никогда не былъ въ соціалъ-демократической организаціи и многократно выступалъ на собраніяхъ *противъ* соціалъ-демократіи. Затѣмъ оба, Гейдель и Нобилингъ, присоединились къ партіи Штекера, т.-е. *къ нѣмецкой «черной сотнѣ»*. Что же (или кто же?) толкнулъ ихъ на покушеніе противъ столь почитаемаго въ странѣ монарха?—Бебель не даетъ отвѣта на этотъ вопросъ, онъ не высказываетъ также никакихъ подозрѣній или предположеній, не поднимаетъ даже вопроса «cui prodest»?—Не въ его характерѣ было что-либо инсинуировать безъ вполнѣ достаточныхъ основаній. Объ «Азефахъ» онъ при этомъ даже не упоминаетъ и ограничивается только указаніемъ на явную психическую ненормальность какъ Гейделя, такъ и Нобилинга. Рядомъ съ этимъ любопытенъ разсказъ Бебеля о томъ, какъ принялъ сообщеніе о покушеніи Нобилинга, при которомъ императоръ получилъ серьезную рану, имперскій канцлеръ, кн. Бисмаркъ: «Когда Бисмаркъ получилъ это сообщеніе, онъ радостно воскликнулъ: теперь я держу этихъ молодцовъ—націоналъ-либераловъ (сопро-

тивлявшихся исключительному закону)—теперь я ихъ придавлю къ стѣнѣ такъ, что они прямо пищать будутъ; и только послѣ этого онъ справился о здоровьѣ тяжко-раненнаго императора». Да! то былъ *желѣзный* канцлеръ...

Съ захватывающимъ интересомъ читаются страницы мемуаровъ, описывающія борьбу кучки безоружныхъ идеалистовъ съ этимъ желѣзнымъ деспотомъ. И все-таки побѣдили первые! Но мемуары Бебеля не доведены до дней побѣды, они, какъ упомянуто, прерваны на 1882 г., на самой тяжелой порѣ исторіи германской соціалъ-демократіи. Но и въ своемъ незаконченномъ видѣ этотъ трудъ заслуживаетъ почетнаго мѣста въ каждой библіотекѣ [1]).

Б.

— Исторія Древняго Востока. Проф. Б. А. Тураевъ. Часть I. Москва, 1914 г.

Еще недавно объ исторіи древняго Востока знали очень немного,—только то, что сохранила намъ Библія и что пересказали часто въ превратномъ видѣ греческіе писатели. Только въ прошломъ столѣтіи ученые европейскихъ странъ занялись археологическими изслѣдованіями, давшими возможность начать научное изученіе исторіи Востока. Въ 1798 г. была предпринята Наполеоновская экспедиція въ Египетъ, имѣвшая не только военный, но и научный характеръ. Экспедиція эта воспроизвела египетскіе памятники и нашла розетскій камень, съ котораго египтологія датируетъ свое рожденіе. Ученые пытались расшифровать надпись на этомъ камнѣ, чтобъ найти ключъ къ египетскому алфавиту. Это удалось Франсуа Шампальону, который съ 17 лѣтъ пытался разобраться въ сложномъ египетскомъ шрифтѣ, состоящемъ изъ нѣсколькихъ сотъ знаковъ. Неустанно работая, переходя отъ разочарованія къ открытіямъ, нерѣдко уклоняясь отъ вѣрнаго пути, онъ, наконецъ, въ 1821 г. разобрался въ египетскомъ шрифтѣ. Съ этого момента стало возможнымъ изученіе египетскаго прошлаго по сохранившимся до насъ надписямъ и папирусамъ.

Что касается исторіи Вавилона и Ассиріи, то клинопись была расшифрована только въ 50-хъ годахъ прошлаго столѣтія, и съ этого же времени начали производиться раскопки, давшія богатѣйшіе результаты. Научная разработка собраннаго матеріала открыла новые горизонты и древне-восточная исторія была пере-

[1]) Одновременно съ нѣмецкимъ изданіемъ вышло также русское въ авторизованномъ переводѣ г. Рязанова.

смотрѣна. Масса найденнаго дѣлового матеріала дала возможность заняться экономической стороной жизни древне-восточныхъ народовъ, ихъ политикой и государственностью. Роль Вавилона и его вліяніе на культуру человѣчества теперь выступили болѣе ярко.

Древняя цивилизація, начавшая собою исторію человѣчества, оказала могучее вліяніе во всѣ стороны и на всѣ эпохи. Найдена тѣсная связь греко-римской культуры съ восточной, и исторія древняго востока начинаетъ превращаться въ древній періодъ исторіи Средиземноморской культурной области. Проф. Тураевъ говоритъ, что «китайская и вавилонская культура имѣютъ не мало поразительныхъ аналогій; посредственныя сношенія могли существовать между ними, но свѣдѣнія объ этомъ еще очень несовершенны. Восточная имперія переварила въ себѣ богатое культурное наслѣдство, полученное изъ разныхъ источниковъ и отъ разныхъ народовъ, вошедшихъ въ его составъ, и уже въ такомъ видѣ передавала его дальше, подчинившимся ея культурѣ народамъ».

Теперь изученіемъ исторіи древняго востока заняты ученые всѣхъ странъ; всюду имѣются прекрасные музеи, существуютъ спеціальные каѳедры и періодическіе органы, посвященные изданію и разработкѣ памятниковъ. Проф. Тураевъ лучшій въ Россіи знатокъ древняго Востока, и его книга заслуживаетъ большого вниманія. Въ ней разсказывается, какъ создалась наука о древнемъ Востокѣ, дается разборъ источниковъ, а затѣмъ уже излагается и сама исторія, которая дѣлится на 2 части. Въ первой разсказывается о древнѣйшихъ сумерійскихъ государствахъ, о ростѣ Вавилона и его преобладаніи, объ Египтѣ на первыхъ ступеняхъ его развитія. Во второй части говорится объ Египтѣ въ эпоху расцвѣта.

Мы не будемъ подробно излагать сложнаго содержанія большой книги проф. Тураева, а остановимся только на нѣкоторыхъ наиболѣе любопытныхъ страницахъ. Неожиданно удивляетъ читателя положеніе женщины въ древнемъ Вавилонѣ временъ Гамураби, въ странѣ съ деспотическимъ правленіемъ. Оказывается, что здѣсь «семейная атмосфера была легче, чѣмъ напр. въ Римѣ. Жена обладала и располагала своимъ частнымъ имуществомъ, могла получать обратно свое приданое, воспитывать своихъ дѣтей; она арендуетъ, дѣлитъ, даритъ, свидѣтельствуетъ. Вдова и дѣвица ведутъ самостоятельно имущественные процессы. Мы видимъ женщину въ торговлѣ, въ промышленности, въ культурѣ». Далѣе любопытны льготныя грамоты городамъ, которыми власть царя ограничивалась. Одна изъ нихъ названа по своимъ первымъ словамъ совершенно подобно Habeas Corpus. Она гарантируетъ слѣдующее:

на вавилонской территоріи никто не можетъ быть лишенъ права на личную безопасность и никакая женщина, даже иностранка не можетъ быть уведена въ рабство и т. д.

Въ исторіи Египта мы встрѣчаемъ извѣстія о первыхъ записанныхъ волненіяхъ рабочаго пролетаріата—рабочихъ Ѳиванскаго Некрополя при Рамсесѣ III, взбунтовавшихся изъ-за неполученія заработка, удерживаемаго чиновниками. Въ египетскихъ папирусахъ встрѣчаются слѣдующія строки: «Проломъ пяти стѣнъ Некрополя рабочими, которые кричатъ: «мы голодны уже 18-ый день».. «29 число забастовка рабочихъ продолжается. Представленіе ихъ вельможамъ и князьямъ и верховному жрецу Амона. Мы говоримъ, не дадутъ ли намъ зерна въ добавленіе къ тому, что мы получили; мы ляжемъ на мѣстѣ». Послѣдній день мѣсяца, говорятъ: «пусть выведутъ къ намъ писца Хамуаса». Судьи призвали писца и распорядились выдать порцію, а рабочіе дали своему ходатаю бакшишъ—2 шкатулки и 2 письменныхъ прибора». Кромѣ чисто научнаго интереса, который представляетъ данная книга, чтеніе ея даетъ большое эстетическое наслажденіе, такъ какъ авторъ приводитъ много цѣнныхъ вавилонскихъ и египетскихъ литературныхъ памятниковъ. Мы встрѣчаемъ сказанія, поэмы, заклинанія, надписи съ пирамидъ, храмовъ, гробницъ и т. д. По нимъ читатель не только знакомится съ культурой давно исчезнувшихъ народовъ, но и прочувствуетъ ее, глубже ею проникнется; языкъ древнихъ надписей и папирусовъ образный, иногда величественный поможетъ ему воскресить въ своемъ воображеніи картины давняго прошлаго.

А. Т.

— Проф. М. И. Фридманъ. Винная монополія. Томъ I. Винная монополія въ иностранныхъ государствахъ. Спб. 1914.

Новая книга проф. Фридмана составляетъ частицу большого труда автора по изученію современныхъ косвенныхъ налоговъ, начало котораго, посвященное косвенному обложенію въ Германіи, издано въ 1908 г. (въ свое время отмѣченное въ «Вѣстникѣ Европы»), а продолженіе должно слѣдовать далѣе. Разсматриваемое нами изданіе изслѣдуетъ вопросъ о винной монополіи въ Швейцаріи, Германіи, Франціи, Бельгіи, Швеціи, Норвегіи и Финляндіи, несмотря на то, что сама монополія осуществилась лишь въ первой изъ этихъ странъ.— Распространеніе изслѣдованія винной монополіи на мѣстности, гдѣ такая монополія отсутствуетъ, объясняется тѣмъ, что въ числѣ задачъ г. Фридмана находится и задача ознакомленія читателя съ

результатами коллективной работы мысли по данному вопросу; а такая работа начинается еще въ домонопольное время и продолжается въ періодъ обсужденія предмета по внесенію соотвѣтствующаго законопроекта въ законодательныя учрежденія. Большая часть книги г. Фридмана занята именно изложеніемъ доводовъ за и противъ винной монополіи, высказанныхъ въ печати, въ отзывахъ заинтересованныхъ лицъ, въ объяснительныхъ запискахъ къ соотвѣтствующимъ законопроэктамъ, въ комиссіяхъ и парламентахъ, обсуждавшихъ эти проекты, и т. д. Изложеніе этихъ доводовъ даетъ много матеріала для сужденій о распространеніи пьянства, о вліяніи винокуренія на сельское хозяйство, о значеніи винной монополіи, какъ средства борьбы съ алкоголизмомъ, покровительства сельскому хозяйству, о ея финансовомъ значеніи и т. п. Это не мало содѣйствуетъ выясненію хозяйственныхъ, финансовыхъ, политическихъ и другихъ условій и результатовъ потребленія алкоголя, съ одной стороны, винной монополіи—съ другой. Вопросу о результатахъ государственной винной монополіи въ Швейцаріи и Гетеборгской системы въ скандинавскихъ государствахъ посвящены и особыя главы. Излишне, кажется, прибавлять, что изъ книги г. Фридмана мы узнаемъ также о системахъ обложенія вина, о доходахъ фиска и о потребленіи алкоголя въ видѣ спирта, водки, пива, вина и т. п. въ разсматриваемыхъ имъ странахъ. Методъ изложенія автора заключается не въ группировкѣ мнѣній по предметамъ, коихъ онъ касается, а въ пересказѣ мнѣній того или другого лица, учрежденія и т. п., о всѣхъ предметахъ, входящихъ въ данный вопросъ, въ порядкѣ ихъ (мнѣній) появленія.

— Проф. У. Ф. Баррэтъ. Загадочныя явленія человѣческой психики. Переводъ съ англійскаго М. В. Райха. Подъ редакціей Н. Д. Виноградова. Москва. 1914.

Эта книга даетъ матерьялъ для чтенія, совсѣмъ не обычный для русскаго образованнаго человѣка. «Телепатія на большихъ разстояніяхъ», «сверхнормальное воскрытіе», «привидѣнія», «безпокойные духи, домовые»,—вотъ темы, трактуемыя въ ней и разсматриваемыя какъ серьезныя объективныя явленія. Книга эта сама представляетъ «загадочное» для русскаго читателя явленіе еще потому, что авторъ ея—профессоръ, что онъ излагаетъ результаты «научнаго» изслѣдованія «загадочныхъ явленій психики» цѣлымъ обществомъ, членами котораго состоятъ многіе члены Лондонскаго королевскаго общества, аналогичнаго нашей академіи наукъ, а

президентами были не только такія почтенныя личности, какъ Гладстонъ, Рескинъ или Бальфуръ, но и подлинные ученые-профессора, кромѣ того и естествоиспытатели—Крукъ, Лоджъ, Уоллэсъ, а приверженцами его числятся французскій физіологъ Рише и всѣмъ извѣстная г-жа Кюри (открывшая радій); и основано было это общество («Психическихъ изслѣдованій») людьми, отрицавшими возможность «загадочныхъ явленій», пораженными нѣкоторыми явленіями, свидѣтелями коихъ были они сами, и рѣшившими приложить къ ихъ выясненію методъ настоящаго научнаго изслѣдованія и успѣвшими наполнить цѣлые фоліанты будто бы установленными фактами относительно «чертовщины» разнаго рода. Но нашъ разсудокъ инстинктивно враждебенъ пріятію доказательствъ, не легко укладывающихся въ структуру существующаго знанія», а Общество психологическихъ изслѣдованій, несмотря на сорокалѣтіе своего существованія, не внесло въ кругъ нашихъ обобщеній ничего, чтобы пробило серьезную брешь въ этой структурѣ. Впрочемъ, помимо фактовъ относительно призраковъ, домовыхъ и т. п., которыхъ обществу въ большинствѣ случаевъ приходилось констатировать не непосредственно, въ книгѣ Баррэта приводятся опыты относительно болѣе простыхъ изъ числа «загадочныхъ явленій», въ родѣ угадыванія третьимъ лицомъ задуманныхъ экспериментаторами картъ, воспроизведеній созерцаемыхъ ими рисунковъ и т. п., при чемъ описываются принимавшіяся ими мѣры предосторожности противъ хотя бы невольной передачи тѣмъ или инымъ путемъ перципіенту мысли экспериментатора. Какъ бы, однако, ни были малопріемлемы заключенія Психологическаго общества, но такъ какъ печатные труды его не оставались вѣроятно въ Англіи, да и вообще на западѣ безъ критическаго разбора, то былъ бы желателенъ безпристрастный разборъ и въ нашей литературѣ экспериментальной части работъ Лондонскаго общества.

В. В.

— Воспоминанія А. Е. Лабзиной. 1758—1828. Спб. 1914. Изд. „Огни". Стр. 164. Ц. 1 р. 75 коп.

— Мое время. Записки Г. С. Винскаго. Библіотека мемуаровъ, изд. „Огни". Стр. 159. Ц. 1 р. 25 коп.

Культъ интересовъ къ прошлому вызвалъ въ извѣстныхъ кругахъ литературы за границей горячій протестъ и вражду противъ себя. Нападки на «пассеизмъ» со стороны футуристовъ нашли себѣ, какъ водится, откликъ и у насъ, но, конечно, намъ еще слишкомъ

далеко до того богатства историческихъ изученій и матеріаловъ для нихъ, какимъ можетъ похвастаться западно-европейская наука и литература. Пока что, намъ приходится еще только радоваться очевидному возникновенію живого интереса къ прошлому, который вызываетъ своимъ спросомъ появленіе въ свѣтъ новыхъ изданій старыхъ мемуаровъ. Цѣлая серія такихъ изданій предпринята нынѣ петербургскимъ издательствомъ «Огни». Мы остановимся на двухъ книгахъ.

Анна Евдокимовна Лабзина, жена извѣстнаго мистика Александровской эпохи А. Ѳ. Лабзина, по первому мужу Карамышева, оставила крайне любопытныя съ бытовой и съ психологической стороны записки, въ которыхъ подробно разсказана исторія ея перваго брака. Не много мемуаровъ принадлежитъ за XVIII вѣкъ перу женщинъ. Записки Лабзиной важны, какъ памятникъ жизни и чувствованій женщины средняго дворянскаго круга. Мужъ ея, Александръ Матвѣевичъ Карамышевъ, за котораго она была выдана всего только тринадцати лѣтъ отъ роду, былъ въ интеллектуальномъ отношеніи человѣкъ очень выдающійся. По своей спеціальности—онъ былъ ученый горновѣдъ и минералогъ, онъ пріобрѣлъ извѣстное имя въ исторіи русской науки, въ частности горнаго дѣла. Онъ былъ ученикомъ знаменитаго Линнея, корреспондентомъ Палласа и ученымъ довольно разностороннимъ, и практически и теоретически оказалъ замѣтное вліяніе на развитіе у насъ горнаго дѣла. Но, какъ моральная личность, Карамышевъ, несомнѣнно, былъ однимъ изъ самыхъ антипатичныхъ явленій вѣка. По свидѣтельству извѣстнаго художника-архитектора А. Л. Витберга, онъ находилъ во фривольныхъ настроеніяхъ легковѣсной ходячей философіи той поры оправданіе для своей глубокой нравственной распущенности и для потворства себѣ. Откровенный и простой разсказъ Лабзиной передаетъ, какъ она узнала своего мужа прежде всего, какъ буйнаго развратника, путавшагося съ кѣмъ попало, буквально на глазахъ наивнаго ребенка-жены. Все это открываетъ предъ нами нѣкоторыя черты нравовъ необычайно характерныя, хотя повѣствованіе о внѣшней жизни этого времени говоритъ и немного. Мужъ въ концѣ концовъ требовалъ отъ жены, чтобъ и она пользовалась «натуральными удовольствіями» и настойчиво навязывалъ ей любовника... Временами, онъ рѣзко мѣнялся и, повидимому, искренно желалъ исправиться, но эти свѣтлые промежутки бывали очень непродолжительны. Въ общемъ жизнь Анны Евдокимовны съ этимъ человѣкомъ, тянувшаяся двадцать лѣтъ, была сплошнымъ терзаніемъ и тяжкимъ бременемъ покорности и долга. Но въ то же время она спокойно и безропотно несетъ свой крестъ, какъ нало-

женный свыше. Вотъ эта, трудно воспринимаемая нами, цѣльность нравственнаго сознанія составляетъ особливую черту мемуаровъ Лабзиной. Простота и искренность разсказа вводитъ читателя въ богатую тревожными и тяжелыми переживаніями жизнь, какъ въ храмъ подлинной вѣры и настоящаго сердечнаго и цѣльнаго воспріятія жизни. Запискамъ Лабзиной предпослана вступительная замѣтка С. Ѳ. Ольденбурга и предисловіе Б. Л. Модзалевскаго; послѣднее обильно, какъ и его примѣчанія, превосходно подобранными комментаріями и указаніями.

Записки Винскаго, подобно запискамъ Лабзиной, также не отличаются особеннымъ обиліемъ внѣшнихъ бытовыхъ подробностей изъ жизни екатерининской эпохи. Но, какъ справедливо замѣчаетъ редакторъ изданія П. Е. Щеголевъ,—«Винскому удается то, что авторамъ мемуаровъ удается сравнительно рѣдко: показать, какъ *чувствовалось* въ его время. Обычно пишущіе мемуары показываютъ только, какъ *жилось*». Человѣкъ безъ художественной жилки, Винскій разсказываетъ свою жизнь, обильную многими приключеніями. Изъ нихъ самое капитальное и характерное для его времени было то, что онъ, безпечный кутила, былъ впутанъ безо всякой вины въ дѣло о казнокрадствѣ и, послѣ шемякина разбирательства и долгаго заключенія въ крѣпости, сосланъ съ лишеніемъ дворянства въ Оренбургъ. Здѣсь, не безъ вліянія молодой жены, которая для него бѣжала изъ Петербурга, Винскій сумѣлъ стать однимъ изъ полезныхъ культурныхъ работниковъ въ краѣ. Онъ занимался учительствомъ, и между прочимъ—своимъ умомъ дошелъ до обученія иностраннымъ языкамъ по такъ называемому натуральному методу. Его записки высоко цѣнили А. И. Тургеневъ и А. Н. Пыпинъ, замѣтившій, что мемуары Винскаго рѣзко выдѣляются изъ другихъ современныхъ ему мемуаровъ: «онъ такъ близокъ къ нашимъ понятіямъ, что, читая его, не нужно никакого усилія переноситься въ старое время, становиться на «историческую точку зрѣнія». Онъ судитъ просто и здраво и угадываетъ сужденія позднѣйшей исторіи». Въ приложеніи перепечатана небольшая записка Винскаго, представленная начальникомъ Оренбургскаго таможеннаго округа министру, подъ заглавіемъ: «Проектъ о усиленіи Россійской съ Верхней Азіею торговли черезъ Хиву и Бухарію».

Ч. В—скій.

— Жизнь Ивана. Очерки изъ быта крестьянъ одной изъ черноземныхъ губерній. О. П. Семеновой Тянь-Шанской. Спб. 1914.

Книга эта заключаетъ не вполнѣ законченное описаніе быта, нравовъ и обычаевъ крестьянъ одного изъ уголковъ Данковскаго уѣзда, Рязанской губерніи по наблюденіямъ безвременно погибшей дочери недавно скончавшагося извѣстнаго географа и виднаго дѣятеля крестьянской реформы, П. П. Семенова Тянь-Шанскаго. Проводя большую часть времени въ имѣніи своего отца, близко, повидимому, сойдясь съ крестьянами и пристально всматриваясь въ ихъ міросозерцаніе, бытъ и т. п., покойная Семенова задумала изобразить современнаго крестьянина, находящагося на перепутьи отъ старыхъ понятій и отношеніи къ новымъ,—начиная съ момента появленія его при помощи деревенской повитухи (кстати сказать, исправляющей показавшуюся ей неправильной форму его головки или носа) на свѣтъ Божій, проводя его черезъ время ранняго дѣтства, когда онъ находился на попеченіи малолѣтней своей сестренки, что равносильно, пожалуй, отсутствію всякаго попеченія. Она описываетъ его первыя невзгоды, первые уроки жизни, «первыя бранныя слова», первыя ласки и побои; она переводитъ его, далѣе, черезъ тотъ періодъ, когда начинаютъ слагаться его понятія о Богѣ, о мірѣ Божьемъ, опредѣляться его отношенія къ окружающимъ и когда онъ становится участникомъ въ общей работѣ семьи, и доводитъ его до возраста жениха. Этому періоду авторъ, естественно, посвящаетъ наиболѣе мѣста, останавливаясь сравнительно очень долго на отношеніяхъ между полами въ формѣ взаимнаго ухаживанія, оффиціальнаго, такъ сказать, жениханія, заканчивающагося бракомъ, и внѣбрачныхъ связей между посторонними другъ другу лицами и между объявленными женихомъ и невѣстой. Авторъ приводитъ не мало интимныхъ и неинтимныхъ подробностей, рисующихъ подчасъ патріархальныя формы внѣбрачныхъ и брачныхъ отношеній между полами, въ родѣ ощупыванья женихомъ невѣсты для удостовѣренія въ отсутствіи физическихъ недостатковъ, беременности невѣсты и т. п., обычая возить засидѣвшуюся въ дѣвкахъ по деревнямъ, точно товаръ, для осмотра тѣми, кому нужна невѣста, и т. п. Довольно долго останавливается авторъ на кошмарномъ явленіи дѣтоубійства—вольнаго, преимущественно незаконныхъ дѣтей—и нечаяннаго, такъ наз. «засыпанія»—придушиванія ребенка во снѣ, при чемъ О. П. Семенова подозрѣваетъ, что подъ формою засыпанія нерѣдко скрывается умышленное убійство, благо убійца-мать отдѣлывается за него простой эпитиміей. «Добрая половина бабъ, по словамъ автора, засыпала въ свою жизнь хоть одного ребенка—чаще

всего въ молодости, когда спится крѣпко». Можно выразить только сожалѣніе о незаконченности разсматриваемаго нами труда и о безвременно погибшемъ его авторѣ.

В. В.

— Проф. Ив. Ивановъ. Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ. Жизнь.—Личность.—Творчество. Нѣжинъ, 1914. Стр. 11+755+XVIII+2. Цѣна 5 р.

Безъ малаго двадцать лѣтъ назадъ г. Ивановъ издалъ книгу о Тургеневѣ подъ тѣмъ же заглавіемъ. Теперь имъ написана новая книга на ту же тему, но старая—приходится сказать—была удачнѣе, или по крайней мѣрѣ менѣе претенціозна и, при всей многословности автора, менѣе обременительна для читателя. Въ новой книгѣ основная точка зрѣнія на Тургенева не измѣнена. «Идя за этимъ писателемъ, все время проходишь среди бурь идей и событій,—не потому, что онъ «мятежный» и «ищетъ бури», по характеру онъ вполнѣ правильно называлъ себя «овечьей натурой»—а потому, что его нравственный міръ единственный по богатству и музыкальности строя». Но первая книга была сосредоточена на самомъ Тургеневѣ. Теперешняя центромъ тяжести имѣетъ не Тургенева, а именно эти бури, и все время авторъ идетъ совершенно недопустимымъ въ сколько-нибудь претендующей на серьезность работѣ путемъ, предлагая любоваться Тургеневымъ по противоположенію: сей не таковъ, какъ Герценъ, Чернышевскій, Левъ Толстой и тому подобные мытари. Книга разраслась въ нѣчто огромное и неудобочитаемое за счетъ совершенно карикатурныхъ портретовъ, раздраженныхъ характеристикъ явленій и лицъ, на которыхъ излилось неблаговоленіе автора.

Особенно достается Герцену; о немъ рѣчь чуть не въ каждой главѣ, и, кромѣ того, даны двѣ большихъ главы, посвященныхъ ему исключительно. Въ книгѣ г. Иванова намъ попалось нѣсколько строкъ, обращенныхъ и противъ Льва Толстого, уличаемаго въ недостаточной логичности и послѣдовательности мышленія: «Въ школьной логикѣ извѣстенъ очень распространенный способъ составлять заключенія на видъ убѣдительныя, на самомъ дѣлѣ ложныя—per numerationem simplicem—простымъ перечисленіемъ отдѣльныхъ явленій доказывать общую истину. Напримѣръ, вамъ желательно превознести или унизить человѣка—вы называете нѣсколько частностей изъ его жизни—похвальныхъ или дурныхъ, и дѣлаете общій выводъ. По такому способу Иванъ Ивановичъ и Иванъ Никифоровичъ сочиняли другъ на друга кляузы». Увы, самъ г. Ивановъ какъ нельзя больше грѣшитъ именно

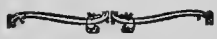
этимъ грѣхомъ. Онъ усердно перечисляетъ, напр., всѣмъ извѣстныя слабости Герцена, его податливость при игрѣ на его самолюбіи, склонность къ самолюбованію; далѣе злорадно ставитъ ему въ непрощаемыя преступленія факты, требующіе для объясненія правильной перспективы, при чемъ раздраженнымъ тономъ обнаруживаетъ лишь нежеланіе отнестись къ дѣлу объективно. Напр., переписка Герцена съ невѣстой, съ ея стороны особенно трогательная и мѣстами восторженно поэтическая (конечно, нѣсколько условная романтическая форма дана господствующимъ вкусомъ времени), просто обозвана любовной телемахидой. Не останавливаясь на всевозможныхъ инкриминаціяхъ Герцену, отмѣтимъ лишь совершенно ложное истолкованіе ухода Герцена со службы, послѣ того, какъ въ канцеляріи въ Новгородѣ разыгралась тягостная сцена: предъ чиновниками, въ ногахъ ихъ, валялась крестьянка, у которой помѣщикъ отымалъ сына, основываясь на одномъ несомнѣнномъ правилѣ закона. Герценъ ушелъ, и больше нога его не бывала въ канцеляріи. Это былъ отказъ отъ солидарности съ тою службой, во имя которой дѣлалось чиновниками совершенно безчеловѣчное дѣло. Но, основываясь на фразѣ Герцена въ разсказѣ объ этомъ: «развѣ не приняла его крестьянка за одного изъ нихъ», г. Ивановъ придаетъ всему эпизоду невыразимо пошлый и мелочный характеръ: просто Герценъ «обидѣлся» будто бы на несчастнаго человѣка вмѣсто того, чтобы помочь ему (чего сдѣлать, по закону и положенію своему, не могъ).

Съ тѣмъ же предвзятымъ настроеніемъ авторъ относится и ко Льву Толстому и къ другимъ (не говоря уже о Чернышевскомъ и людяхъ его «направленія», совсѣмъ не остроумно взятаго въ ироническія скобки). Напримѣръ, «Утро помѣщика» Л. Толстого, безпощадная картина полной несостоятельности барскихъ попытокъ улучшенія крѣпостного быта, перетолкована г. Ивановымъ съ той же предвзятостью, какъ грубая карикатура на невѣжественность и дикость мужиковъ. Такъ г. Ивановъ обходится съ произведеніями Толстого, когда ему нужно сравнивать ихъ съ Тургеневскими. По отношенію къ личности Толстого, онъ съ неменьшимъ усердіемъ торопится и спѣшитъ «развѣнчать» его: «говорятъ, Глѣбъ Успенскій сказалъ о гр. Толстомъ: «онъ весь огромный». И это, повидимому, общій взглядъ и общій крикъ,—но правда совсѣмъ другая. Великій художникъ-Толстой едва-ли не самый обыкновенный, самый н е о г р о м н ы й (курсивъ г. Иванова) среди великихъ писателей. Какая заурядная жизнь, по наслѣдству и преданіямъ, какая не сильная, слишкомъ человѣческая душа съ молодости до зрѣлыхъ лѣтъ!» Въ доказательство авторъ, хватаясь за что попало, между прочимъ, попрекаетъ Л. Н. даже отношеніями его къ женѣ: «Мужъ,

счастливый побѣдитель сильнѣйшихъ ученыхъ, философовъ и поэтовъ— покорялся, каялся и обѣщалъ исправиться: «я много передъ тобой былъ виноватъ... буду стараться... ты увидишь, какой я въ твоемъ смыслѣ стану паинька»... Этому ли человѣку разрушать и вновь созидать»!

Авторъ въ своихъ нападкахъ указываетъ иногда дѣйствительно слабыя стороны своихъ «противниковъ» (напр. относительно того же Толстого указаніе на черты въ немъ классовой дворянской психологіи), но неизмѣнно раздуваетъ все до карикатурности, съ неизмѣннымъ умысломъ: ушибить Тургеневымъ всѣхъ и вся, особенно «интеллигента». Трагедію «интеллигента», болѣя за него душою, разсказывалъ Тургеневъ. Г. Ивановъ обзываетъ его презрѣннымъ индійскимъ «бабу», тянущимся за англичанами. Противополагается интеллигенціи туманное перевоплощеніе той спокойной, ясной и неодолимой мощи, какая чаровала вѣковыя и богатырскія думы народа, слившія русскій трудъ и русскій разумъ, русскую силу и русскую любовь, русскую землю и русскую душу въ одинъ родной образъ—Микулы Селяниновича». Этого будущаго «перевоплощенія», конечно, нѣтъ въ книгѣ г. Иванова. Какой-то странный озлобленно-подпольный уклонъ его настроеній только безнадежно испортилъ старую работу, не чуждую нѣкоторыхъ достоинствъ, хотя и нуждавшуюся въ обновленіи. Книга вся носитъ двойственный характеръ: спокойно-любовное отношеніе къ Тургеневу и необузданно-злостное чувство по отношенію къ другимъ именамъ и къ «интеллигенту», искажающее всякую перспективу, не вяжутся другъ съ другомъ. Въ Нѣжинѣ авторъ превратилъ московскую свою книгу о Тургеневѣ въ брюзгливый, во всѣхъ смыслахъ неудачный, жалкій памфлетъ.

Ч. В—скій.



ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Убійство австрійскаго наслѣдника престола.—Династія Габсбурговъ и ея представители.—Національная борьба и ея послѣдствія въ Босніи.—Антисербскіе погромы. — Политическое значеніе катастрофы. — Французскія дѣла.—Чемберлэнъ †.

Неожиданная катастрофа постигла династію Габсбурговъ и престарѣлаго императора Франца-Іосифа. Наслѣдникъ австрійскаго престола, эрцгерцогъ Францъ-Фердинандъ д'Эсте, при проѣздѣ на авто-

мобилѣ по одной изъ улицъ города Сераева, въ Босніи, 15 (28) іюня, былъ убитъ выстрѣломъ изъ браунинга какимъ-то юношей, по фамиліи Принципъ; вмѣстѣ съ наслѣдникомъ убита и его супруга, герцогиня Гогенбергъ, урожденная графиня Хотекъ. За часъ передъ тѣмъ въ автомобиль эрцгерцога была брошена бомба типографскимъ рабочимъ Гавриновичемъ, но она упала на землю и взорвалась уже передъ другимъ автомобилемъ, гдѣ находились адъютанты и нѣкоторыя придворныя лица. Казалось бы, что первое покушеніе, отъ котораго пострадало—хотя большею частью незначительно—свыше десяти человѣкъ, должно было удержать наслѣдника и его свиту отъ вторичнаго проѣзда по узкимъ улицамъ города; однако, эрцгерцогъ и его супруга хотѣли какъ будто испытать судьбу, повѣривъ почтительнымъ заявленіямъ окружающихъ, что всѣ мѣры для охраны приняты и что никакого новаго покушенія произойти не можетъ.

Какъ это обыкновенно бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, высшіе и мѣстные чины, на обязанности которыхъ лежало обезпеченіе безопасности наслѣдника, взваливаютъ теперь отвѣтственность другъ на друга и стараются отвлечь общественное вниманіе отъ своихъ собственныхъ упущеній и ошибокъ. Такъ какъ поѣздка имѣла связь съ военными маневрами, происходившими въ Босніи, то всѣ заботы объ охранѣ высокихъ особъ взяла на себя военная власть, предоставивъ органамъ гражданской администраціи и полиціи роль простыхъ исполнителей сдѣланныхъ распоряженій. А вѣра въ армію была непоколебима у эрцгерцога Франца-Фердинанда. Пріѣзжіе военные чины, разумѣется, всего менѣе годились для дѣла, требовавшаго не только знанія мѣстныхъ условій, но и спеціально-полицейской опытности и предусмотрительности. Принимались, правда, всевозможныя мѣры, стѣснительныя для массы мирныхъ обывателей, но никакой контроль и никакая полиція не могли влѣзть въ душу отдѣльныхъ личностей, удовлетворявшихъ внѣшнимъ признакамъ благонадежности. Оба преступника принадлежали къ туземному сербскому населенію, которое не пользовалось симпатіями центральнаго правительства и особенно сильно чувствовало на себѣ гнетъ односторонняго политическаго режима. Австрійская власть относилась одобрительно къ славянамъ-католикамъ и мусульманамъ, но смотрѣла косо на православныхъ сербовъ, составляющихъ почти половину общаго числа жителей. Въ февралѣ 1910 года была объявлена конституція для Босніи съ Герцеговиною; избиратели, раздѣленные на три категоріи, выбираютъ въ мѣстный сеймъ, на основѣ всеобщаго народнаго голосованія, 72 представителей—въ томъ числѣ 31 православнаго, 24 магометанъ, 16 католиковъ и одного еврея; сверхъ того, имѣется 20 членовъ по назначенію, изъ которыхъ четверо предста-

вляютъ собою правительство, а 16—главы духовенства четырехъ вѣроисповѣданій. Но конституція плохо дѣйствуетъ и рѣдко соблюдается въ славянскихъ земляхъ Австро-Венгріи; послѣ непродолжительнаго опыта она временно перестала примѣняться и въ Босніи, уступивъ мѣсто болѣе легкому и соблазнительному режиму исключительныхъ полномочій. Начальникомъ края назначенъ генералъ, не понимающій ни слова по-сербски; бургомистромъ города Сераева оказывается мусульманинъ. Преобладающій по численности и по культурному значенію сербскій элементъ систематически подавлялся и преслѣдовался; въ странѣ росло раздраженіе, мотивы котораго мало занимали австрійскихъ патріотовъ. Сербская народность, сохранившая свою старую греко-восточную вѣру, была съ самаго начала оставлена въ подозрѣніи насчетъ своей лояльности и политической благонамѣренности; она вовсе не стремилась попасть подъ австрійское владычество, закрѣпленное произвольнымъ одностороннимъ актомъ 5 октября 1908 года, и не скрывала своей національной и культурной солидарности съ Сербіею. Естественное тяготѣніе къ родственному сербскому государству признавалось преступнымъ съ австрійской точки зрѣнія, а между тѣмъ оно вытекало изъ природы вещей и могло быть ослаблено, если не уничтожено, только однимъ способомъ—предоставленіемъ боснійскимъ сербамъ такихъ же условій свободнаго національнаго развитія, какими пользуются сербы въ сербскомъ королевствѣ. Австрійцы дѣлали наоборотъ: они ограничивали и стѣсняли сербовъ, задѣвали ихъ самыя завѣтныя національныя чувства и традиціи, а потомъ требовали отъ нихъ безусловной преданности и подчиненія интересамъ Австро-Венгріи. Они сѣяли вражду и злобу, а ожидали успокоенія и благополучія. Всегдашняя роковая слѣпота самовластной бюрократіи! Въ Вѣнѣ, очевидно, не имѣли яснаго представленія о томъ, что̀ происходитъ въ Босніи; не знали объ этомъ и военные люди, и руководители маневровъ, и самъ эрцгерцогъ Францъ-Фердинандъ. Говорятъ, что сербскій посланникъ Іовановичъ предупреждалъ наслѣдника, что имѣются свѣдѣнія о готовящемся покушеніи, но на это предупрежденіе не было обращено вниманія. На почвѣ угнетеннаго національнаго патріотизма легко возникаютъ болѣзненныя рѣшенія и порывы, создаются таинственные заговоры, результаты которыхъ иногда поражаютъ своею неожиданностью. Австрійцы разсуждаютъ по-своему: имъ представляется, что въ сущности боснійскіе сербы не имѣютъ повода быть недовольными; имъ даютъ культуру и внѣшній порядокъ, желѣзныя дороги и телеграфы, хорошія зданія, автомобили и кинематографы,—что̀ же имъ еще нужно? Если они все-таки возстановлены противъ правительства, то въ этомъ виноваты будто бы посторонніе агитаторы, дѣятели оппо-

зиціонной печати, пропагандисты національной идеи,—и противъ нихъ-то предлагаются крутыя мѣры при помощи исключительныхъ полномочій. Но крутыя мѣры еще болѣе усиливаютъ раздраженіе, а исключительныя полномочія создаютъ особую атмосферу безправія, въ которой легче всего рождаются и зрѣютъ преступные замыслы. Въ этомъ заколдованномъ кругу вертится бюрократическая рутина съ давнихъ поръ, и жертвой ея палъ эрцгерцогъ Францъ-Фердинандъ съ своею несчастной супругою.

Судьба 84-лѣтняго императора Франца-Іосифа поистинѣ можетъ быть названа трагическою. Двадцать пять лѣтъ тому назадъ онъ потерялъ своего прямого наслѣдника, кронпринца Рудольфа, потомъ лишился второго, своего брата эрцгерцога Карла-Людвига, а теперь потерялъ и третьяго, въ которомъ привыкъ уже видѣть будущаго своего преемника. Гибель способнаго и жизнерадостнаго эрцгерцога Рудольфа остается понынѣ еще загадочною; наиболѣе вѣроятнымъ считается предположеніе, что въ Мейерлингскомъ охотничьемъ домикѣ совершилось въ 1889 году двойное самоубійство послѣ категорическаго отказа императора разрѣшить наслѣднику разводъ съ принцессою Стефаніею для вступленія въ морганатическій бракъ съ красавицей-баронессою Ве чера. Императрица Елизавета, удалившаяся отъ двора и жившая въ скромномъ одиночествѣ послѣ смерти своего сына, погибла отъ руки сумасшедшаго анархиста въ 1898 году въ Женевѣ. Объявленный въ 1896 г. наслѣдникомъ престола сынъ умершаго эрцгерцога Карла-Людвига, Францъ-Фердинандъ, рисковалъ всѣмъ своимъ положеніемъ, рѣшившись вступить въ неравный бракъ съ графинею Софіею Хотенъ; въ концѣ концовъ императоръ далъ свое согласіе подъ тѣмъ условіемъ, чтобы потомство отъ этого брака не имѣло никакихъ наслѣдственныхъ правъ. Воспоминанія о кронпринцѣ Рудольфѣ были еще слишкомъ свѣжи, чтобы повторить опытъ прямолинейнаго рѣшенія, предписываемаго уставомъ и традиціями Габсбургскаго дома. Династическія и придворныя правила, строго соблюдаемыя императоромъ, тяготили членовъ его фамиліи и побуждали эрцгерцоговъ одного за другимъ формально отказываться отъ привилегій своего званія и переходить въ ряды простой буржуазіи; такъ, эрцгерцогъ Іоаннъ Сальваторъ «опростился» и исчезъ подъ именемъ Іоанна Орта; другой превратился въ землевладѣльца и рантье Вельфлинга, женившись на артисткѣ; третій—младшій братъ эрцгерцога Франца—Фердинанда — придумалъ для себя фамилію Бурга и скромно поселился въ провинціи; вдова кронпринца, принцесса Стефанія, вышла замужъ за венгерскаго графа; единственная дочь Рудольфа сдѣлалась княгиней Виндишгрецъ; сестра наслѣдника, эрцгерцогиня Марія постриглась въ монашество и заняла мѣсто аббатиссы въ

одномъ изъ пражскихъ монастырей. Эти симптомы разложенія одной изъ древнѣйшихъ династій въ Европѣ причиняли много горя императору Францу-Іосифу; онъ остался безъ семьи, безъ близкихъ родныхъ, одинокій въ своемъ дворцѣ, добросовѣстно исполняя многочисленныя обязанности монарха и пользуясь необыкновенною популярностью во всѣхъ классахъ населенія. Послѣдній жестокій ударъ наносится ему гибелью наслѣдника, человѣка серьезнаго и установившагося, достигшаго пятидесяти одного года и казавшагося уже вполнѣ приготовленнымъ къ роли правителя. Эрцгерцогу Францу-Фердинанду поручались высшія военныя функціи, общее руководство военными и морскими маневрами, и въ 1913 году ему дано было новое званіе генералъ-инспектора всѣхъ вооруженныхъ силъ имперіи. Наслѣдникъ былъ знатокомъ и любителемъ военнаго дѣла; въ этомъ отношеніи онъ имѣлъ много общаго съ Вильгельмомъ II. Императоръ не приближалъ къ себѣ племянника; преградой между ними была семья эрцгерцога, которой долго и упорно не признавали при дворѣ. Супруга Франца-Фердинанда, къ великому его огорченію, должна была избѣгать показываться на оффиціальныхъ торжествахъ или въ придворныхъ собраніяхъ, такъ какъ по этикету ей отводили мѣсто ниже самыхъ маленькихъ членовъ императорской фамиліи; даже смерть не смягчила суровыхъ блюстителей церемоніала, и напр. въ оффиціальной «Wiener Zeitung» было сообщено крупнымъ шрифтомъ о кончинѣ одного лишь «пресвѣтлѣйшаго господина эрцгерцога Франца-Фердинанда», безъ всякаго упоминанія объ убитой рядомъ съ нимъ законной супругѣ, герцогинѣ Гогенбергъ: о послѣдней говорится только въ неоффиціальномъ отдѣлѣ, и эта мелочная тактика послѣдовательно проводится и въ дальнѣйшихъ сообщеніяхъ. Въ той же газетѣ, въ біографическомъ очеркѣ жизни и дѣятельности почившаго, отмѣчается съ умиленіемъ, что мать его была дочерью короля обѣихъ Сицилій, Фердинанда II (печальной памяти «короля-Бомбы») и, слѣдовательно, принадлежала къ дому Бурбоновъ; «въ жилахъ покойнаго текла кровь не менѣе ста двѣнадцати знатныхъ родовъ, между ними семидесяти нѣмецкихъ, двѣнадцати польскихъ, восьми французскихъ, семи итальянскихъ и шести разныхъ другихъ, образующихъ въ совокупности одиннадцать поколѣній съ 2.047 установленными предками». Когда эрцгерцогу было двѣнадцать лѣтъ, къ нему перешелъ титулъ герцога д'Эсте вмѣстѣ съ фамильными владѣніями этого дома, по случаю смерти Франца V, герцога Моденскаго. Высокія званія и должности сами собою доставались покойному, и передъ нимъ рисовалась перспектива наибольшаго величія, какое только доступно человѣку на землѣ; тѣмъ не менѣе

онъ не былъ доволенъ своей судьбою, легко и часто раздражался, оставался замкнутымъ и сосредоточеннымъ въ себѣ, избѣгалъ общества, казался угрюмымъ и грустнымъ и чувствовалъ себя хорошо только въ тѣсномъ кругу своей семьи. Онъ былъ набожнымъ католикомъ и страдалъ отъ мысли, что не могъ посѣтить «ватиканскаго узника»; и если онъ былъ склоненъ къ воинственности, то, быть можетъ, болѣе изъ религіозныхъ побужденій, чѣмъ изъ политическихъ. Онъ не былъ расположенъ къ Италіи и, повидимому, ничего не имѣлъ бы противъ расторженія съ нею союза, ибо итальянское королевство и его царствующій домъ отлучены отъ церкви римскими папами. Онъ враждебно относился къ православному славянству, неоднократно настаивалъ, какъ говорятъ, на занятіи Сербіи и открыто готовился къ войнѣ съ Россіею, — но трудно сказать, какъ дѣйствовалъ бы онъ по вступленіи на престолъ, въ сознаніи всей отвѣтственности передъ монархіею и исторіею. Вильгельмъ II тоже собирался воевать, пока былъ наслѣдникомъ, но за двадцать пять лѣтъ своего царствованія не предпринялъ ни одной европейской войны, хотя имѣлъ къ тому немало подходящихъ случаевъ и поводовъ. Вѣроятно, то же самое было бы и съ Францемъ-Фердинандомъ. Между прочимъ, ему приписывали планъ преобразованія имперіи въ федерацію, въ которой австрійскому славянству—преимущественно католическому—принадлежало бы законное полноправное мѣсто; осуществленіе такой широкой реформы могло бы положить конецъ хроническому внутреннему кризису, связанному съ безплодною борьбою національностей, и, несомнѣнно, улучшило бы общее положеніе всего южнаго славянства, независимо отъ намѣреній и заднихъ мыслей иниціаторовъ новаго федеральнаго строя.

Безполезно обсуждать мотивы, которые могли побудить убійцъ задумать и совершить покушеніе на жизнь эрцгерцога Франца-Фердинанда. Боснійско-сербскій патріотизмъ, доведенный до экзальтаціи подъ вліяніемъ неумѣлой и грубой административной системы, выродился въ болѣзненную рѣшимость отдѣльныхъ личностей устранить самаго авторитетнаго и властнаго представителя государственной идеи, враждебной сербскому народу. Съ первобытной точки зрѣнія, такое насильственное устраненіе должно радикально измѣнить и тѣ условія и обстоятельства, которыми опредѣлялась дѣятельность даннаго лица: вражда къ извѣстной національности и религіи исчезнетъ или потеряетъ свою остроту, непріязненные проекты сойдутъ со сцены, злобные противники уступятъ мѣсто доброжелательнымъ друзьямъ и союзникамъ. Нечего и говорить, что въ дѣйствительности неизбѣжны прямо противоположныя послѣдствія: въ непріязненномъ лагерѣ является ожесточеніе, готовое выразиться въ актахъ

безпощадной мести и насилія; прежній антагонизмъ обостряется до крайности, политика вражды и репрессіи возводится на степень принципа, всякая мысль объ уступкѣ или соглашеніи отвергается съ негодованіемъ, и политика непримиримости становится надолго обязательной для пострадавшей стороны. Но предотвратить появленіе экзальтированныхъ субъектовъ, готовыхъ пожертвовать собою для предполагаемаго блага родины, тоже немыслимо при существованіи благопріятной для нихъ нездоровой политической атмосферы.

Къ несчастью, люди неспособны спокойно разсуждать при оцѣнкѣ такого рода событій. Какъ только получено было извѣстіе о преступленіи двоихъ боснійскихъ сербовъ, проживавшихъ ранѣе въ Бѣлградѣ, тотчасъ же началась въ печати жестокая травля противъ всей вообще сербской народности и ея главныхъ культурныхъ центровъ, вполнѣ солидарныхъ будто бы съ убійцами. Отвратительную роль въ этомъ возбужденіи національныхъ страстей играли нѣкоторыя нѣмецкія газеты, съ «Berliner Tageblatt» во главѣ. Въ первомъ же номерѣ названной газеты, сообщившемъ о сараевской трагедіи, говорится о несомнѣнной виновности вдохновителей «великосербской пропаганды», направляемой изъ Бѣлграда, а въ вечернемъ выпускѣ газеты отъ того же дня, во главѣ всѣхъ сообщеній и статей объ убійствѣ, напечатано крупнымъ шрифтомъ: «Великосербское кровавое дѣло». Едва началось слѣдствіе, какъ уже газеты сообщали подробности о прикосновенности къ дѣлу разныхъ сербскихъ и бѣлградскихъ дѣятелей; подсудимые будто бы признались, что бомбы и револьверы получены ими отъ опредѣленныхъ лицъ въ Бѣлградѣ и т. д. Въ этомъ случаѣ мнимо-либеральныя нѣмецкія газеты дѣйствовали заодно съ подстрекателями антисербскихъ погромовъ, разыгравшихся съ небывалою силою въ цѣломъ рядѣ южно-славянскихъ городовъ, начиная съ Сераева и Мостара. Погромы устраивались католиками-хорватами и мусульманами и вскорѣ пріобрѣли стихійный разрушительный характеръ Въ одномъ Сераевѣ было разгромлено до основанія около тысячи сербскихъ домовъ и магазиновъ, нѣсколько крупныхъ и богато обставленныхъ гостиницъ и кафе, недавно устроенное новое помѣщеніе сербскаго клуба и т. п.; толпа кидала камни въ домъ митрополита, который самъ былъ раненъ осколками разбитаго стекла. Въ Мостарѣ не только разорялось имущество, но происходили и кровавыя избіенія, при чемъ были убитые и раненые. Не было пощады зданіямъ и заведеніямъ съ сербскими вывѣсками; товары выбрасывались какъ мусоръ, мебель и вещи ломались, и зажиточные люди внезапно превращались въ нищихъ. Въ Сераевѣ, по мѣстнымъ свѣдѣніямъ, разрушено имущество приблизительно на 14 милліоновъ кронъ.

Оффиціозные вѣнскіе отчеты объ этихъ взрывахъ безсмысленнаго вандализма поясняютъ, что погромамъ подверглись будто бы, главнымъ образомъ, обыватели, извѣстные своею неблагонадежностью, и что полиція и войска были стѣснены въ своихъ дѣйствіяхъ, въ виду явно патріотическихъ побужденій демонстрантовъ или, вѣрнѣе, погромщиковъ, которые несли предъ собою портреты императора и убитаго наслѣдника, дѣлали возгласы въ честь монархіи и пѣли въ промежуткѣ между грабежами патріотическія пѣсни. Эти оффиціальныя попытки смягчить значеніе совершившихся массовыхъ безобразій только дополняютъ печальную картину общаго развала государственности въ славянскихъ провинціяхъ Австро-Венгріи, подъ вліяніемъ ненормальнаго политическаго режима. Толпа нападала на обывателей съ сербскими «физіономіями», въ сербской одеждѣ, съ сербскими фамиліями, разоряла дома съ сербскими вывѣсками, т. е. нападала на сербовъ вообще, а для австрійскихъ газетныхъ оффиціозовъ эти внѣшніе признаки сербской національности являются достаточными доказательствами неблагонадежности; полиція и войска допускали преступныя дѣйствія толпы, имѣя въ виду не эти дѣйствія, а мотивы, характеризуемые будто бы внѣшними эмблемами благонамѣренности. Мы не запомнимъ случая, чтобы въ культурной австрійской печати поощрялись и оправдывались подобныя умозаключенія, построенныя на своеобразной психологіи погромовъ. Это обстоятельство служитъ нагляднымъ свидѣтельствомъ того необычайно сильнаго потрясенія, которое произведено было въ австрійскихъ умахъ катастрофою 28 іюня.

Несомнѣнно, что смерть эрцгерцога Франца-Фердинанда имѣетъ значеніе крупнаго политическаго событія не только для Австро-Венгріи, но и для Европы. Въ его лицѣ сошелъ со сцены будущій руководитель судебъ одной изъ наиболѣе вліятельныхъ и предпріимчивыхъ великихъ державъ, имѣвшій свою опредѣленную политическую программу и успѣвшій уже во многомъ столковаться съ своимъ могущественнымъ германскимъ другомъ и союзникомъ. Съ наступленіемъ его царствованія, которое не могло уже долго заставлять ожидать себя, связывались разнообразные разсчеты и комбинаціи въ области общей международной политики; теперь эти комбинаціи и разсчеты падаютъ, къ большой невыгодѣ однихъ и, быть можетъ, къ выгодѣ другихъ. Императоръ Вильгельмъ II употребилъ много стараній на то, чтобы сблизиться съ замкнутымъ и неразговорчивымъ австрійскимъ наслѣдникомъ, пріобрѣсть его довѣріе и расположеніе, внушить ему извѣстныя идеи и намѣренія,—и теперь всѣ его труды оказались напрасными. Новый наслѣдникъ, 27-лѣтній Карлъ-Францъ-Іосифъ, старшій сынъ умершаго

въ 1906 году эрцгерцога Оттона, непричастенъ еще къ политической дѣятельности и пока пользуется лишь репутаціею симпатичнаго и образованнаго молодого принца; онъ изучалъ юриспруденцію въ Пражскомъ университетѣ и въ то же время проходилъ обычную военную службу; недавно онъ назначенъ командиромъ кавалерійскаго полка. Придворныя и аристократическія сферы видятъ большое преимущество его въ томъ, что онъ женатъ на высокородной настоящей бурбонской принцессѣ, Зитѣ Пармской, и имѣетъ уже маленькаго сына, полноправность котораго не подлежитъ никакому спору. При дворѣ и среди высшей аристократіи очень безпокоились по поводу возможныхъ въ будущемъ попытокъ признать потомство герцогини Гогенбергъ способнымъ наслѣдовать императорскій престолъ,—попытокъ, которыя при извѣстныхъ условіяхъ могли быть поддержаны Ватиканомъ; а римскій папа имѣлъ основаніе относиться весьма сочувственно къ вѣрному сыну церкви, ставшему австрійскимъ монархомъ. Теперь эти опасенія отпадаютъ. Но въ общемъ надо думать, что политика вѣнскаго кабинета мало измѣнится вслѣдствіе перемѣны въ личности наслѣдника. И при Карлѣ-Францѣ-Іосифѣ эта политика будетъ австрійская, такъ же точно, какъ при Францѣ-Фердинандѣ, ибо австрійскіе министры иностранныхъ дѣлъ являются дѣйствительными руководителями дипломатіи, отвѣтственными передъ парламентскими делегаціями и передъ общественнымъ мнѣніемъ; они не легко подчиняются закулиснымъ вліяніямъ и умѣютъ отстаивать свои взгляды, хотя бы для этого приходилось вступать въ конфликтъ съ представителями высшихъ придворныхъ сферъ. Въ свое время графъ Эренталь противодѣйствовалъ нѣкоторымъ проектамъ эрцгерцога Франца-Фердинанда и добился ихъ отклоненія; и графу Бертхольду случалось не соглашаться съ наслѣдникомъ въ весьма существенныхъ политическихъ вопросахъ, и это считалось вполнѣ естественнымъ и нормальнымъ. Вѣнскій кабинетъ держится извѣстныхъ традицій, которыя не могутъ быть нарушаемы по произволу; въ политику не вмѣшиваются никакіе посторонніе или случайные элементы, и оттого австрійская дипломатія обладаетъ устойчивостью и послѣдовательностью, обезпечивающими ей успѣхъ.

Политическое положеніе въ Европѣ давно уже не было такъ натянуто и серьезно, какъ въ настоящее время. Событія вновь выдвинули на первый планъ австрійскую военную партію и доставили ей на время преобладающее вліяніе въ дѣлахъ внѣшней, преимущественно балканской политики; въ газетахъ опять заговорили о задуманномъ будто бы нападеніи на Сербію, которымъ должна завершиться жестокая внутренняя борьба противъ сербской народ-

ности. Либеральная нѣмецкая пресса усердно продолжаетъ свою злобную травлю противъ сербовъ, несмотря на мрачныя послѣдствія антисербской агитаціи на мѣстахъ, въ разныхъ боснійскихъ и хорватскихъ городахъ съ смѣшаннымъ населеніемъ. Военныя власти, распоряжавшіяся въ Босніи, безпощадно вымещаютъ теперь на сербахъ свою собственную неумѣлость и невѣжественное самомнѣніе; начальникъ края, фельдцеймейстеръ Потіорекъ, самоувѣренно взявшій на себя всѣ заботы о личной безопасности эрцгерцога Франца-Фердинанда, пожелалъ доказать послѣ катастрофы, что патріотическія чувства жителей не знаютъ никакихъ границъ и требуютъ немедленной расправы съ сомнительными сербскими элементами,—и онъ допустилъ эту расправу въ самыхъ чудовищыхъ и разрушительныхъ формахъ. Не довольствуясь обвиненіемъ всѣхъ вообще сербовъ въ соучастіи, патріоты рѣшили привлечь къ отвѣтственности сербское правительство и возбудили вопросъ о разслѣдованіи корней заговора и отысканіи виновныхъ въ самой Сербіи, гдѣ будто бы и организовано было покушеніе. Эта попытка произвести слѣдствіе въ чужомъ государствѣ, подъ предлогомъ недовѣрія къ добросовѣстности его судебныхъ властей, настолько противорѣчитъ основнымъ началамъ международнаго права, что ее можно было считать невѣроятною; однако, она серьезно мотивировалась разными аргументами въ «Berliner Tageblatt», гдѣ доказывалось даже, что Сербія обязана допустить австрійское разслѣдованіе на своей территоріи для подтвержденія своей непричастности къ сераевскому покушенію. Подобныя притязанія, несомнѣнно, угрожаютъ общему миру и даютъ матеріалъ для международныхъ осложненій, едва-ли желательныхъ для великихъ европейскихъ державъ.

Отмѣтимъ одну характерную подробность въ австрійскихъ демонстраціяхъ противъ Сербіи: повсюду, гдѣ участвовала въ нихъ интеллигентная толпа, рядомъ съ возгласами «долой Сербію», раздавались возгласы въ честь Болгаріи. Этимъ ясно напоминалось всѣмъ и каждому, что нѣтъ болѣе балканскаго союза, передъ которымъ должна была сдерживаться Австро-Венгрія, и что разрозненныя славянскія государства опять очутились въ унизительной зависимости отъ благоволенія или неудовольствія сосѣдней монархіи.

Неопредѣленность общаго настроенія въ Европѣ находится въ тѣсной связи съ тѣми необычайными и обширными мѣрами, которыя принимаются въ разныхъ государствахъ для скорѣйшаго увеличенія и усовершенствованія сухопутныхъ и морскихъ вооруженныхъ силъ. Въ этой области происходитъ за послѣднее время

какая-то непостижимая лихорадочная гонка: правительства торопятся вырабатывать и осуществлять грандіозныя программы вооруженій; парламенты, не задумываясь, ассигнуютъ нужные для этого милліарды и безъ критики, въ секретныхъ засѣданіяхъ, поспѣшно одобряютъ всѣ предположенія и планы военныхъ спеціалистовъ. Чѣмъ вызваны эти торопливыя приготовленія? Противъ кого собираются въ походъ руководители армій и флотовъ? Куда ведутъ Европу правительства и парламенты? Никто этого не знаетъ; всѣ ссылаются на какія-то невѣдомыя таинственныя опасности, которыя могутъ обрушиться на народы въ каждый данный моментъ. Откуда явятся эти опасности и гдѣ ихъ источникъ? Французы и англичане указываютъ на Германію; нѣмцы—на Францію и Россію; но доподлинно извѣстно и много разъ удостовѣрено, что ни французы, ни нѣмцы не хотятъ воевать и что тѣ и другіе одинаково боятся и избѣгаютъ кровавыхъ столкновеній. При такихъ условіяхъ едва-ли правильно поступаютъ парламенты, поддающіеся гипнозу запугивающихъ военныхъ тайнъ и пассивно принимающіе разорительные законопроекты, которые по существу требовали бы подробнаго и внимательнаго обсужденія. Если хладнокровно осмотрѣться вокругъ, то легко убѣдиться, что ни намъ, ни другимъ народамъ не угрожаютъ никакія внезапныя непріятельскія нашествія. Внѣшніе конфликты возможны, но всегда есть способы уладить ихъ мирно, и то, что̀ удавалось до сихъ поръ въ теченіе нѣсколькихъ десятилѣтій, едва-ли оказалось-бы неосуществимымъ въ настоящее время.

Какъ это ни странно, но система безконечныхъ вооруженій находитъ теперь опору въ тѣхъ именно союзахъ, которые предназначены были служить обезпеченіемъ мира. Въ Германіи новыя вооруженія потребовались будто бы потому, что союзная съ нею Австро-Венгрія можетъ быть вовлечена въ войну съ Россіею изъ-за балканскихъ дѣлъ, при чемъ на сторонѣ Россіи окажутся вновь усилившіяся славянскія государства. Во Франціи важнѣйшимъ доводомъ въ пользу увеличенія численности арміи и введенія трехлѣтняго срока военной службы является союзъ съ Россіей, налагающій извѣстныя военныя обязательства на французовъ. Франція должна вооружаться параллельно съ ея союзниками и не имѣетъ права отставать отъ нихъ: таковъ главный мотивъ оффиціозной полемики противъ враговъ новыхъ военныхъ мѣропріятій во французской печати. Въ такомъ видѣ споръ перешелъ и въ парламентъ и получилъ рѣшающее вліяніе на судьбу министерскихъ комбинацій. Когда кабинетъ Думерга вышелъ въ отставку послѣ всеобщихъ парламентскихъ выборовъ, то успѣхъ образованія новаго министерства зависѣлъ прежде всего отъ отношенія тѣхъ или другихъ пар-

тій и группъ къ трехлѣтнему сроку военной службы. На этой почвѣ потерпѣлъ неудачу Вивіани, которому президентъ поручилъ составить министерство; не нашлось достаточнаго числа сторонниковъ трехлѣтняго срока среди радикальныхъ парламентскихъ дѣятелей, къ которымъ обращался Вивіани. Президентъ республики пригласилъ тогда одного изъ самыхъ авторитетныхъ умѣренныхъ парламентаріевъ, 72-лѣтняго Александра Рибо; тотъ принялъ предложеніе и успѣлъ образовать министерство, въ которомъ согласились участвовать такія выдающіяся и популярныя личности, какъ Леонъ Буржуа и Делькассе. 12-го іюня (нов. ст.) Рибо выступилъ въ палатѣ съ министерской декларацiей, въ которой весьма опредѣленно высказался за сохраненіе закона о трехгодичномъ срокѣ военной службы. Произошли бурныя и продолжительныя пренія, которыя окончились побѣдою большинства, состоявшаго изъ радикаловъ и соціалистовъ. Министерство Рибо пользовалось симпатіями правыхъ, и потому было свергнуто 306 республиканскими голосами противъ 262. Четыре дня спустя, 16 іюня, передъ палатами явился новый радикальный кабинетъ Вивіани съ болѣе обстоятельною и красиво изложенною правительственною программой, въ которой тоже признавалась необходимость сохраненія трехлѣтняго срока военной службы. Палата депутатовъ одобрила эту программу большинствомъ 362 противъ 139 голосовъ. Вивіани сказалъ по существу какъ будто то же самое, что говорилъ Рибо, но онъ сказалъ это иначе и лучше, съ соотвѣтственными украшеніями и оговорками.

Нѣкоторыя парижскія газеты настойчиво напоминали оппозиціи, что Россія ждетъ отъ Франціи исполненія ея военныхъ обязательствъ, вытекающихъ будто бы изъ союзной конвенціи, и что отказъ французовъ отъ дальнѣйшихъ вооруженій можетъ подорвать силу спасительнаго союза; но эта аргументація только раздражала французское общественное мнѣніе и ни въ комъ не находила сочувственнаго отклика. Неуклюжіе намеки на мнимую заинтересованность Россіи въ успѣхѣ той или другой министерской комбинаціи во Франціи отклонялись французской прогрессивною печатью, и надо только пожалѣть, что нѣкоторыя изъ нашихъ газетъ давали пищу неудовольствію французовъ своими безтактными грозно-предостерегающими статьями, полученными будто бы изъ «безупречнаго источника».

Скончавшійся 2 іюля (нов. ст.) въ возрастѣ 78-ми лѣтъ Джозефъ Чемберлэнъ держался въ сторонѣ отъ политической дѣятельности въ теченіе послѣднихъ восьми лѣтъ и вошелъ уже, такъ

сказать, въ исторію. Онъ принадлежалъ къ числу наиболѣе выдающихся государственныхъ людей Англіи съ восьмидесятыхъ годовъ прошлаго вѣка. Выросши въ скромной мѣщанской средѣ и не получивъ систематическаго образованія, онъ составилъ себѣ крупное состояніе въ качествѣ промышленнаго дѣятеля и фабриканта въ Бирмингамѣ, выдвинулся своимъ умѣлымъ и энергичнымъ участіемъ въ мѣстномъ городскомъ управленіи, сдѣлался мэромъ города и во многомъ способствовалъ его внѣшнему благоустройству и процвѣтанію; съ 1876 года онъ былъ безсмѣннымъ представителемъ Бирмингама въ парламентѣ, гдѣ сразу обратилъ на себя вниманіе своимъ оригинальнымъ краснорѣчіемъ и своими радикальными идеями. Въ 1880 году онъ былъ назначенъ министромъ торговли въ кабинетѣ Гладстона, доказывалъ необходимость соціальныхъ реформъ и считался вообще самымъ передовымъ въ рядахъ либеральной партіи; но въ 1886 г., по поводу выработаннаго Гладстономъ билля объ ирландской автономіи, онъ рѣзко разошелся съ премьеромъ и вмѣстѣ съ маркизомъ Гартингтономъ, впослѣдствіи герцогомъ Девонширскимъ, положилъ начало образованію новой партіи уніонистовъ, къ которымъ примкнули и прежніе консерваторы. Чемберлэнъ сталъ горячимъ и убѣжденнымъ приверженцемъ британскаго имперіализма, оставаясь въ то же время радикаломъ въ вопросахъ внутренней и соціальной политики; въ этомъ духѣ онъ и дѣйствовалъ въ качествѣ министра колоній въ кабинетахъ лорда Сольсбери и Бальфура и въ заключеніе сильно повредилъ своей репутаціи несчастною бурскою войною. Онъ много и часто хлопоталъ о сближеніи и единеніи съ колоніями на началахъ федераціи, проводилъ и отстаивалъ мысль о таможенномъ союзѣ, который охватывалъ бы метрополію со всѣми ея колоніальными владѣніями, и съ 1903 года велъ энергическую агитацію противъ принципа свободы торговли и въ пользу системы покровительственныхъ пошлинъ; но его проектъ тарифной реформы не имѣлъ успѣха и торжественно провалился на парламентскихъ выборахъ, послѣ чего водворилось вновь господство либеральной партіи. Этимъ въ сущности закончилась политическая карьера Чемберлэна, и съ тѣхъ поръ онъ рѣдко выступалъ публично. Послѣдніе годы своей жизни онъ большею частью проводилъ въ родномъ Бирмингамѣ.

ПРОВИНЦІАЛЬНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Казенно-циркулярная борьба съ народнымъ пьянствомъ.—Восторженное письмо крестьянина.—Пассивность населенія.—Голосъ акцизнаго чиновника.—Анекдоты жизни.—Всеобщее голосованіе вопроса о пьянствѣ.—Побѣда трезваго большинства.—Закрытіе винныхъ лавокъ.—Первые и дальнѣйшіе шаги въ борьбѣ съ алкоголизмомъ.—Больной клубокъ русской жизни.

Если судить по внѣшнему шуму и блеску, за отрезвленіе Россіи какъ будто взялись серьезно. Уже нѣсколько мѣсяцевъ непрерывно льется сверху дождь циркуляровъ, а снизу отвѣтными потоками изливаются приговоры и ходатайства о закрытіи винныхъ лавокъ, трактировъ, пивныхъ, шинковъ и увеселительныхъ мѣстъ. Зрѣлище неожиданнное и умилительнсе: вверху чуть ли не всѣ поголовно (министры, губернаторы, архіереи, исправники, священники, акцизные чиновники) превратились въ проповѣдниковъ трезвости, а внизу народная масса, коснѣвшая въ вѣковомъ пьянствѣ, какъ бы только и ожидала административной проповѣди и, услышавъ ее, сразу покаялась въ смрадномъ грѣхѣ и рванулась къ очищенію, покаянію и отрезвленію.

Конечно, преувеличенность и наивность этого всероссійскаго шума вызываетъ въ спокойномъ наблюдателѣ невольную улыбку. Конечно, большихъ и подлинныхъ результатовъ отъ этого звонкаго похода на «зеленаго змія», къ сожалѣнію, ожидать трудно. Но какова же, однако, до сихъ поръ сила циркуляра на Руси! Пусть большого толку не выйдетъ изъ нынѣшней казенно-трезвенной шумихи, но, вѣдь, какъ никакъ, именно, по циркулярному мановенію посыпались со всѣхъ округовъ Россіи сотни и тысячи трезвенныхъ приговоровъ. И если поглубже всмотрѣться въ это явленіе, то уже не ироническая улыбка, а грусть и оторопь должны выявиться на лицѣ наблюдателя русской жизни. Чѣмъ громче сейчасъ всероссійскій крикъ о вредѣ пьянства, тѣмъ больше подчеркивается вчерашнее мертвое молчанье объ этомъ самомъ злѣ. Вчера было «запрещено»—и молчали. Сегодня «дозволено»—и страна сотрясается, съ благословенія начальства, всенароднымъ протестомъ противъ пьянства. Какая ошеломительная пассивность населенія обрисовалась вдругъ отчетливыми штрихами,—пассивность, которая, видимо, исходитъ не только изъ привычки къ вѣковому давленію сверху, но также,—что̀ всего печальнѣе,—изъ глубины народной психики, научившейся повиновенію сначала «за страхъ», а потомъ и «за совѣсть».

Редакціей «В. Евр.» получено по поводу борьбы съ пьянствомъ восторженное стихотвореніе и письмо отъ одного крестьянина. Онъ, между прочимъ, пишетъ: «Я вышелъ изъ крестьянской среды и былъ съ малыхъ лѣтъ очень близкимъ зрителемъ народныхъ бѣдствій отъ пьянства. А потому я пишу не какъ свѣтило литературнаго міра или высокой науки лицо, а лишь какъ выразитель крестьянской мысли, т.-е. уполномоченный отъ тѣхъ, кто больше всѣхъ пьетъ водки на Руси и кто больше всѣхъ несетъ бѣдъ по ея винѣ. Мое стихотвореніе есть мысль трезваго русскаго крестьянина, съ какими мыслями, наконецъ-то, стали появляться люди въ Россіи, хотя и по одному человѣку въ день. До сего же времени, пока управлялъ финансами графъ Коковцовъ, ихъ не было ни одного на всей Руси. Да и не могло быть. Всѣ они или пили безпросыпно, а кто не пилъ, тотъ языка не имѣлъ. Такъ уже русскій мужикъ привыкъ бояться и повиноваться безпрекословно своему правительству. Ибо всякое велѣніе правительства всегда исполнялось имъ свято. Сказано было мужичку пить побольше водки для пользы казны, онъ добросовѣстно это исполнялъ, пилъ ее до чертиковъ. Циркуляръ новаго министра провозгласилъ: удовлетворять всѣ ходатайства о закрытіи монополекъ. Если это дѣйствительно будетъ осуществляться въ полной мѣрѣ, это равносильно для русскаго мужика второму освобожденію его отъ крѣпостной зависимости. Скажите—кто изъ крестьянъ станетъ водку пить, если того не будетъ требовать правительство, т. е. если не будетъ подъ бокомъ монопольки (вмѣсто школы, весьма необходимой)? Вы, можетъ-быть, скажете, что они пьютъ больше по своей глупости, то зачѣмъ же они тогда постановляютъ приговоры о закрытіи монополекъ? Нѣтъ, мужикъ нашъ не такъ глупъ, какъ о немъ думаютъ! Глазамъ нашимъ не вѣрится, что теперь стало твориться на Руси святой; мы постановили закрыть монопольку, и насъ слушаютъ. А что же было раньше!... И развязали, наконецъ, наши мужички свои нѣмые язычки, единымъ гласомъ они возопили: «Долой зеленаго змѣя изъ Руси святой»!... Пока еще не поздно Россію оздоровить отъ пьянства. А переставъ теперь пить, она, навѣрно, уже въ будущемъ своемъ всегда будетъ трезвой. Какъ не возвратиться ей теперь вторично къ крѣпостной зависимости, всѣми осужденной, такъ и не быть ей больше пьяницей, если сумѣетъ теперь въ корнѣ истребить это великое народное зло».

Таковъ этотъ подлинный крестьянскій документъ, забавный и ужасный по своей наивной искренности. Авторъ письма не подозрѣваетъ, что, защищая такимъ образомъ умъ русскаго мужика, онъ подписываетъ ему великое осужденіе. Страна, слѣпо повинующаяся начальству и сегодня, подъ страхомъ палки, отравляющая себя ядомъ

алкоголя, а завтра, по мановенію той же палки, поющая гимны трезвости,—такая страна не только не можетъ быть великой, но, если бы она была доподлинно такой, едва-ли даже она могла бы вообще существовать въ видѣ независимаго государства. При такой невѣроятной робкой пассивности, при такомъ постоянномъ цѣпенѣніи предъ волей и приказомъ начальства удѣломъ страны была бы неминуемая національная гибель.

Къ счастью, русская народная психика не ослабѣла до такой безнадежной степени. Выборы въ первыя двѣ Государственныя Думы, доставивъ огорченіе и большой испугъ начальству, наглядно показали, что населеніе, къ счастью, не заколочено прежней жизнью до полной пассивности всему послушнаго раба.

Но если приведенное выше крестьянское письмо не совпадаетъ, къ счастью, съ всероссійскимъ настроеніемъ населенія, то, къ сожалѣнію, оно, очевидно, все-же характеризуетъ значительную часть населенія. Не одинъ, видимо, авторъ письма вчера, ненавидя водку, молчалъ и дрожалъ передъ начальствомъ, а сегодня возликовалъ и запѣлъ гимны. Пассивность народной души—это почва, на которой можетъ расцвѣсти любое зло и любая болѣзнь, какъ расцвѣлъ на ней алкоголизмъ. И то, что заставило возликовать простодушнаго автора письма, должно, наоборотъ, вызвать тревогу, какъ напоминанье, что Россія не безнаказанно прошла чрезъ монгольское иго, чрезъ трехвѣковое крѣпостное рабство, чрезъ удушье приказного строя и абсолютизма, не безнаказанно жила и живетъ среди оголенныхъ равнинъ подъ вьюгами, морозами и засухами, при недородахъ и неурожаяхъ, при вѣковѣчной бѣдности, нуждѣ и всяческихъ испытаніяхъ. Слишкомъ, очевидно, притерпѣлась и сжалась отъ своей унылой исторіи народная душа, впала въ азіатскій фатализмъ, привила себѣ пассивную покорность. А ужъ, конечно, не нужно доказывать, что всякая страна,—какъ и отдѣльный человѣкъ,—только тогда живетъ здоровой жизнью, когда развиваетъ въ себѣ самодѣятельность, иниціативу, когда сознательно выбираетъ себѣ наилучшую и наиболѣе подходящую линію жизни.

Въ противовѣсъ крестьянскому письму совсѣмъ иной тонъ по поводу борьбы съ пьянствомъ звучитъ въ другомъ полученномъ мною письмѣ. Авторъ его—акцизный чиновникъ, много лѣтъ работающій въ далекой и глухой провинціи. Въ своемъ обширномъ письмѣ (18 страницъ) акцизный чиновникъ, огорченный газетнымъ высмѣиваніемъ продавцовъ винныхъ лавокъ, сначала горячо заступается за нихъ. Онъ подробно рисуетъ ихъ тяжелую работу, ихъ малую обезпеченность, доказываетъ, что для нихъ нѣтъ смысла стараться продавать возможно больше водки и этою цѣлью содѣйствовать шинкар-

ству, и въ заключеніе характеристики продавцовъ говоритъ: «Кромѣ того подборъ продавцовъ очень приличный въ моральномъ отношеніи и на разные подвохи изъ нихъ пойдутъ единицы. Слѣдовательно, несправедливо обвинять 50 тыс. честныхъ служащихъ, трудъ которыхъ весьма и весьма не легокъ, а положеніе весьма печальное при ежечасной отвѣтственности за казенное имущество и деньги и часто страхѣ за жизнь свою».

И вотъ, снова выступаетъ на сцену россійская пассивность. Нѣтъ сомнѣнія, что среди продавцовъ винныхъ лавокъ есть много (а можетъ быть, и большинство) честныхъ людей и заботливыхъ служащихъ. И однако, эта армія въ 50 тыс. честныхъ людей служила и служитъ такому дѣлу, опасная тлетворность котораго для страны признана теперь даже съ административныхъ верховъ. Въ такомъ положеніи, казалось бы, можно только оправдываться, что вотъ-де необходимость зарабатывать хлѣбъ для себя и для семейства толкаетъ на такое нехорошее дѣло. Но въ письмѣ акцизнаго чиновника съ обидой подчеркивается честность и исполнительность продавцовъ, какъ будто этимъ исчерпывается весь вопросъ. О сущности всего питейнаго дѣла какъ-будто нѣтъ ни мысли, ни сознанія. Вся воля и власть вверху, у создателей системы. Внизу, въ 50-титысячной арміи, покорность, исполнительность, безпрекословное послушаніе. Зловѣщая пассивность, дающая обманную мощь верхамъ и выѣдающая внутреннюю силу въ низахъ населенія.

О циркулярной борьбѣ съ пьянствомъ авторъ письма, однако, говоритъ съ большой горечью и ироніей. Въ качествѣ акцизнаго чиновника, авторъ оказался въ числѣ первыхъ лицъ, которыхъ должны были пришпорить циркуляры къ насажденію трезвости, и въ письмѣ рисуется химеричность казенно-трезвенныхъ мѣропріятій. Авторъ письма откровенно и подробно пишетъ: «На насъ, акцизныхъ дѣятелей на мѣстахъ, возложено много обязанностей по монополіи чисто хозяйственнаго характера, тоже по надзору за лавками, заводами, пивными, ресторанами, заведеніями сладкихъ веществъ, казенными складами и т. д. Составъ средняго участка въ нашей губерніи таковъ: отъ 100 до 250 тыс. чел. населенія, объѣздъ однѣхъ винныхъ лавокъ участка отъ 600 до 1.000 верстъ за одинъ разъ, всѣхъ селеній въ участкѣ до 300, отъ 150 до 300 частныхъ мѣстъ продажи, 30—45 казенныхъ лавокъ, 2—3 пивоваренныхъ или винокуренныхъ завода; переписки у насъ до 5.000 входящихъ и исходящихъ (канцелярскихъ суммъ не получаемъ). Жалованье—младшему помощнику акцизнаго надзирателя 1.600 р. и разъѣздные 900 р., старшему—2.000 р. + 900 р. Эти оклады даются уже людямъ заслуженнымъ и съ высшимъ образованіемъ. Мы никогда и ничего не получаемъ въ

дѣ пособій при частыхъ переводахъ съ одного мѣста на другое, а дѣлаютъ эти переводы за 500—1.000 верстъ,—вѣдь, наша губернія немного меньше Франціи. Кого же привлечетъ нынѣ окладъ въ 1.600—2.000 рублей при условіи вѣкованья по захолустьямъ и дебрямъ уѣзднымъ и постоянныхъ разъѣздовъ по нашимъ россійскимъ дорогамъ? А теперь намъ увеличиваютъ разъѣзды вдвое и заставляютъ, хочешь не хочешь, проповѣдывать трезвость, не давая за это ни копейки лишней, а призывая лишь «положить всѣ свои силы на водвореніе трезвости въ народѣ». Словно бы и не ловко—съ одной стороны заботьтесь, чтобы всѣ лавки исправно снабжены были всѣми сортами питей, а съ другой стороны—уговаривайте мужиковъ сократить ихъ привычки по питью. Народъ посматриваетъ на насъ и посмѣивается, чего-де вы, баринъ, о насъ заботитесь, а лавку все не прикрываете? Начальство приказываетъ намъ выѣзжать на всѣ ярмарки, торжки и престольные праздники и препятствовать всѣми мѣрами пьянству. Сколько я принесу, при всемъ моемъ желаніи, пользы, если могу быть въ каждомъ селеніи своего участка только одинъ, два дня въ году, ибо у меня 300 селеній и въ каждомъ бываетъ или ярмарка, или престольный праздникъ, да не одинъ разъ въ году. Ясно, что я только исполню формальность и пострадаю матеріально, а пользы будетъ капля въ морѣ. По новому циркуляру мѣстнаго управляющаго я долженъ имѣть *неослабный* надзоръ за дѣятельностью по водворенію въ народѣ трезвости слѣдующихъ лицъ: 45 продавцовъ питій, 8 земскихъ начальниковъ, несчетнаго количества священниковъ, коихъ я обязанъ побуждать къ проповѣдничеству о вредѣ пьянства, всѣхъ обществъ трезвости и попечительствъ о народной трезвости, несмѣтнаго количества полиціи (7 полицейскихъ приставовъ однихъ только, а сколько у нихъ подчиненныхъ—я ужъ не знаю). Однимъ словомъ, обязанностей по дѣлу сему столько, что не хватитъ ни силъ, ни возможности выполнить и одной десятой ихъ. Однако, объ увеличеніи числа акцизнаго надзора или объ отпускѣ средствъ для несенія новыхъ обязанностей и не слыхать».

Авторъ письма подробно разсказываетъ о дороговизнѣ мѣстной жизни, перечисляетъ всѣ расходы на свое многочисленное семейство и говоритъ дальше: «Могу ли я увеличить еще расходъ на разъѣзды по дѣламъ трезвости безъ грядущей голодовки для всѣхъ семейныхъ своихъ и съ какимъ чувствомъ я поѣду за 100 верстъ лишній разъ преслѣдовать бабешку, о которой мнѣ донесли, что она продала бутылку водки, въ то время, когда у меня въ карманѣ послѣдняя десятка, отложенная на покупку галошъ троимъ сыновьямъ, а у нихъ уже и сапоги промокаютъ... Горе и горе. Но тише, вѣдь насъ призы-

ваютъ «оправдать довѣріе»... Я удивляюсь, почему это министерство юстиціи не возложитъ на прокуроровъ и судебныхъ слѣдователей, кромѣ ихъ прямыхъ обязанностей, еще и проповѣдь народу въ участкахъ ихъ о вредѣ кражъ, убійствъ и т. п. По аналогіи слѣдовало бы. Далѣе, на насъ возложена обязанность найти въ каждомъ селеніи «поборника трезвости», который бы доносилъ намъ о своихъ односельцахъ, занимающихся тайной продажей вина. Легко это написать, да трудно исполнить,—много ли найдется желающихъ подвергнуться мести своихъ же сосѣдей, съ которыми онъ вѣкъ живетъ, для того только, чтобъ угодить чиновнику, до коего ему столько же дѣла, сколько до прошлогодняго снѣга. Этимъ людямъ обѣщаютъ награды деньгами, такъ не двинется ли за этой наградой тотъ, кому терять нечего, т. е. пропойца, который самъ же и служитъ главнымъ кліентомъ у тайныхъ торговокъ? Сегодня онъ у нея купилъ водочки и выпилъ, а завтра потребуетъ съ нея даромъ на похмѣлье за «недоношеніе». Появится новый и худшій видъ разврата».

Длинное письмо заканчивается скептическими словами: «Живя 30 лѣтъ въ деревнѣ, знаю народную жизнь и убѣжденъ, что не циркулярами и не акцизному надзору вытравить пьянство, а только школѣ, свѣту и религіи».

Изъ этого житейскаго документа явствуетъ, что нынѣшняя борьба съ пьянствомъ протекаетъ ярко, бодро и увѣренно, пока она выясняется въ писаніи циркуляровъ. Но какъ только эти циркуляры доходятъ до лицъ, которыя должны тратить время, трудъ, здоровье и деньги, чтобы циркулярную проповѣдь проводить въ жизнь, такъ является милліонъ препятствій, а главное, выступаетъ легковѣсность и химеричность казенно-циркулярной борьбы съ народнымъ пьянствомъ.

Въ приведенномъ откровенномъ письмѣ вполнѣ доказательно обрисована безпомощность акцизнаго надзора въ дѣлѣ борьбы съ пьянствомъ. Роль полиціи въ этомъ дѣлѣ, судя по газетнымъ извѣстіямъ, очень часто сводится къ веселому анекдоту. Изъ Рязани, напримѣръ, телеграфируютъ «Русскому Слову» о борьбѣ урядника съ шинками: «13 мая урядникъ Скворцовъ производилъ обыскъ въ селѣ Шатрищахъ, Спасскаго уѣзда, у крестьянки Тишиной, которую онъ подозрѣвалъ въ шинкарствѣ. При обыскѣ у Тишиной было отобрано нѣсколько полбутылокъ водки. Послѣ обыска, урядникъ и понятые отправились къ сельскому старостѣ и здѣсь устроили пиръ. Когда мужъ Тишиной пришелъ къ уряднику, то тотъ сталъ угощать и Тишина его же водкой. Когда же Тишинъ сталъ требовать возвращенія водки, урядникъ сталъ грозить и Тишину, и его семьѣ тюрьмой, а чтобы кончить дѣло миромъ, урядникъ потребовалъ съ него

10 руб. Деньги ему тутъ же были вручены. Урядникъ Скворцовъ былъ привлеченъ къ судебной отвѣтственности за вымогательство. Выѣздная сессія московской судебной палаты приговорила урядника Скворцова къ заключенію въ арестантскія исправительныя отдѣленія на 1 годъ, съ лишеніемъ правъ».

Изъ той же Рязанской губерніи другой анекдотъ: «Въ Шостьѣ, Касимовскаго уѣзда, акцизнымъ надзирателемъ Потуловымъ произведенъ обыскъ у крупнаго торговца Бѣлокурова, подозрѣваемаго въ безпатентной торговлѣ виномъ. Обыскъ далъ довольно курьезные результаты. Во дворѣ у Бѣлокурова подъ грудой мусора была найдена корзина съ различными винами, а въ лавкѣ—книга съ записями отпускаемаго въ долгъ вина. Первымъ должникомъ въ книгѣ оказался мѣстный урядникъ. Долговая книга начинается счетомъ урядника. Въ счетѣ значится: «полбутылки пополамъ—13 коп.; когда пріѣзжалъ приставъ, за полбутылки бѣлаго вина—20 коп., для него же бутылка рябиновой—75 коп.».

Корреспондентъ «Саратовскаго Вѣстника» сообщаетъ рядъ анекдотическихъ случаевъ при борьбѣ съ пьянствомъ въ Сердобскомъ уѣздѣ. «Въ деревнѣ въ концѣ концовъ все «пьяное дѣлопроизводство» переходитъ къ г. уряднику. Пріѣзжаетъ бравый Свистуновъ въ д. Свистуновку. Отмахалъ по пыльной дорогѣ 12 верстъ. И самъ усталъ и лошадь въ мылѣ. «Съ устатку» проситъ «достать»... Хозяинъ взъѣзжей бѣжитъ въ ближайшій шинокъ... Выпило «начальство» и заговорило о томъ, что оно пріѣхало уничтожить шинки и что теперь если кто попадется съ водкой, то 3 мѣсяца жигулевки. Хозяинъ съ женой, десятникъ и староста и заглядывающіе въ дверь два-три мужика ухмыляются.—Такъ всей деревнѣ и объявите,—закончилъ Свистуновъ и уѣхалъ. Но бываютъ и болѣе рьяные ревнители трезвости. До 2-хъ десятковъ волостныхъ судовъ, напр., завалены протоколами о тайной продажѣ вина. Въ такихъ мѣстахъ, естественно, шинкарей становится меньше, пьютъ тоже меньше, но пропиваютъ больше. Въ с. Соколкѣ, напр., послѣ того, какъ «попугали» шинки, водка, какъ въ тюрьмѣ, поднялась до 25 к. за шкаликъ («казенки» здѣсь нѣтъ). Да и водка—отрава одна. Ее держатъ въ горшкахъ, самоварахъ, и даже въ лагунахъ изъ-подъ дегтя—для «конспираціи». Въ нѣкоторыхъ селахъ на сцену выступаютъ умѣлые браговары. Пьяная брага раскупается на расхватъ. А вотъ въ селѣ Вертуновкѣ кр-не сами желаютъ покончить съ винной лавкой, но не могутъ достигнуть этого. Приговоръ о закрытіи вертуновской «монопольки» вошелъ въ законную силу мѣсяца 2 назадъ. Но лавку не закрываютъ и до сихъ поръ. Ждутъ «истощенія запаса». По словамъ мужиковъ, запасъ не малъ.—«Запасли будто на 7 голод-

ныхъ годовъ»... Въ с. Воронцовкѣ идетъ повальное пьянство; ожидаютъ утвержденія приговора о закрытіи монопольки. Такъ сказать, «заговляются»... Недаромъ мѣстный земскій начальникъ говорилъ мужикамъ: «Я знаю, что закрыть въ Воронцевкѣ винную лавку все равно, что отнять васъ отъ груди. Но пора, старики, остепениться»... Съ такимъ отеческимъ словомъ къ «старикамъ» обращаются, конечно, не всѣ «земскіе». Большинство ограничивается сухой формальностью, въ родѣ: «вышелъ приказъ строго преслѣдовать шинки и не возбранять составлять приговоры о закрытіи винныхъ лавокъ». Мужики потомъ долго «мозгуютъ» распоряженіе земскаго начальника. Толкуетъ его всякъ по-своему. Одни говорятъ, что «анифестомъ» рѣшено прикрыть «казенки», другіе—что будутъ сажать въ тюрьму шинкарей и пр. Такіе кривотолки возникаютъ не у однихъ крестьянъ. Въ с. Голяевкѣ, напр., старшина разогналъ волостной сходъ, пожелавшій поговорить о закрытіи винной лавки.—«Это вамъ не «пятый» годъ,—горячился старшина».

Однако, было бы несправедливо и неправильно дѣлать все нынѣшнее движеніе противъ пьянства предметомъ высмѣиванья и недовѣрія. Есть въ немъ кое-что искреннее и значительное, а главнымъ образомъ пробудилось это въ самомъ населеніи.

Конечно, наивно думать, какъ авторъ приведеннаго выше крестьянскаго письма, что пьянствовавшіе мужики внезапно, по приказу начальства, превратились въ трезвенниковъ. Пьяницы пьяницами и остались. Но главная суть въ томъ, что позволено теперь поднять свой голосъ противъ алкоголизма трезвой и малопьющей части населенія. И вотъ, судя по многочисленнымъ приговорамъ о закрытіи винныхъ лавокъ, въ деревняхъ, къ счастью, трезвая часть населенія оказалась въ значительномъ большинствѣ.

Какъ это ни странно, но въ сущности администрація выставила вопросъ о пьянствѣ, такъ сказать, на всеобщее голосованье, и это голосованье немедленно осудило монопольную систему спаиванья народа (какъ оно и многое другое осудило бы въ нашей внутренней политикѣ). Голосъ этого трезваго большинства, помимо практическихъ результатовъ, даетъ сейчасъ всенародную моральную оцѣнку питейнаго дѣла. Это уже имѣетъ свое значеніе и еще больше можетъ имѣть значенія по своимъ послѣдствіямъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ и практическіе результаты народнаго голосованія начинаютъ сказываться довольно ощутительно. Изъ Н. Новгорода, напримѣръ, телеграфируютъ «Русскому Слову»: «Акцизное управленіе, разсмотрѣвъ приговоры сельскихъ обществъ, постановило закрыть въ губерніи съ 1-го іюля 11 казенныхъ винныхъ лавокъ, а съ 1-го января 1915 года—12 частныхъ питейныхъ заведеній. Всего

съ 1-го іюня по 1-е іюля будутъ закрыты въ губерніи 35 винныхъ лавокъ, а къ 1-му января намѣчены уже къ закрытію 67 частныхъ заведеній».

Изъ Рязани той же газетѣ сообщаютъ: «Въ Рязанской губерніи въ настоящее время закрыто 178 казенныхъ винныхъ лавокъ, что составляетъ 46% всѣхъ существовавшихъ въ губерніи «казенокъ».

Въ большей или меньшей степени та же спасительная эпидемія закрытія винныхъ лавокъ, трактировъ и притоновъ разгула отмѣчается газетами по всѣмъ губерніямъ.

Закрыть винную лавку, конечно, еще не значитъ искоренить пьянство. Но важно, что само населеніе вступаетъ на борьбу съ алкоголизмомъ. А когда оно втянется въ эту борьбу, то первые малоудачные шаги могутъ быть замѣнены болѣе серьезными. Уже и теперь населеніе во многихъ мѣстахъ чувствуетъ, что одного закрытія винныхъ лавокъ и ресторановъ, а также преслѣдованія шинкарей—недостаточно. И постепенно выдвигается болѣе длительная, постепенная, но зато болѣе вѣрная борьба посредствомъ поднятія культурнаго и экономическаго уровня населенія. Взглядъ населенія направляется на школы, библіотеки, на курсы прикладныхъ знаній, на организацію культурныхъ развлеченій, на улучшеніе труда и жизни и т. д.

Подобные переломы взглядовъ населенія въ обстоятельной корреспонденціи отмѣчаетъ сибирскій корреспондентъ «Рѣчи». Онъ пишетъ: «Модное теперь увлеченіе борьбою съ пьянствомъ докатилось и до Сибири, до самыхъ ея глухихъ таежныхъ угловъ, гдѣ каждая ничтожная лавчонка—шинокъ, въ которомъ очень трудно порой достать даже хлѣба, но гдѣ всегда можно получить сколько-угодно пива и водки. И такими лавками изобилуютъ не только таежные углы Сибири, гдѣ отсутствуетъ надзоръ, но ихъ также есть много и въ городахъ, не исключая и «столичнаго» Иркутска; даже здѣсь, на глазахъ полиціи, шинки существуютъ на самыхъ людныхъ улицахъ, даже здѣсь лавки торгуютъ водкой совершенно открыто и... безпрепятственно! А если все это возможно въ Иркутскѣ, то что же говорить о какомъ-нибудь Вилюйскѣ или Булунѣ, гдѣ исправникъ является недосягаемымъ богомъ, гдѣ самодержавно царствуютъ стражники и спиртоносы, и гдѣ общіе россійскіе законы замѣнены своими мѣстными, такими же суровыми, какъ сурова здѣсь сама природа?.. Въ Якутской области и Иркутской губерніи шинкарство развито такъ широко, что сельскіе сходы уже давно составляли приговоры о закрытіи и преслѣдованіи шинковъ. И приговоры сельскихъ обществъ составлялись, ходатайства возбуждались, а результаты получились самые неожиданные: шинки закрывались и

вмѣсто нихъ въ селахъ появлялись... казенныя винныя лавки!.. Въ очень многихъ селахъ нѣтъ школъ и церквей, на всемъ сѣверѣ совершенно нѣтъ врачей, отсутствуетъ даже намекъ на агрономическую помощь, всюду бездорожье, а казенныя винныя лавки ростутъ всюду, какъ грибы, онѣ быстро проникаютъ все дальше и дальше на крайній сѣверъ; съ безпримѣрнымъ мужествомъ и стойкой энергіей акцизное вѣдомство быстро завоевываетъ всѣ эти сѣверныя пустыни... Открытіе казенныхъ винныхъ лавокъ идетъ чрезвычайно ускореннымъ темпомъ. И получилось что-то странное: краевая администрація какъ бы старается изыскать мѣры по борьбѣ съ спаиваніемъ инородцевъ, а акцизное вѣдомство открываетъ свои винныя лавки какъ разъ тамъ, гдѣ инородцы вымираютъ отъ алкоголизма! Спаиваніе инородцевъ идетъ такъ успѣшно, что въ концѣ концовъ сами инородцы черезъ свои инородческія управы или черезъ сугланы (сугланъ—съѣздъ кочевыхъ инородцевъ) начали возбуждать ходатайства о закрытіи винныхъ лавокъ. Однако, всѣ эти ходатайства до самаго послѣдняго времени встрѣчали категорическій отказъ. Такъ, въ концѣ прошлаго года было отказано очень многимъ сельскимъ обществамъ Якутской области и Иркутской губерніи. Затѣмъ курсъ акцизнаго вѣдомства быстро и рѣзко измѣнился, и весьма понятно, что вслѣдъ за этимъ измѣненіемъ число подобныхъ ходатайствъ значительно увеличилось. Сначала къ заявленіямъ о новомъ курсѣ отнеслись съ весьма понятной недовѣрчивостью, но затѣмъ, когда увидали, что подавать ходатайства о закрытіи винныхъ лавокъ можно безнаказанно, эти ходатайства начали присылать изъ самыхъ различныхъ мѣстъ. И теперь отовсюду несутся просьбы о закрытіи винныхъ лавокъ, шинковъ и пивныхъ; теперь во всѣхъ приговорахъ сельскихъ обществъ уже прямо указывается, что съ открытіемъ винныхъ лавокъ усиливалось хулиганство, росла преступность и падало крестьянское хозяйство. Уже самая редакція приговоровъ указываетъ на тотъ чрезвычайный подъемъ, который сейчасъ въ этомъ отношенія переживается всей Сибирью. Нѣкоторыя сельскія общества просятъ не только о закрытіи винныхъ лавокъ и пивныхъ, но идутъ много дальше и настаиваютъ на закрытіи трактировъ, домовъ терпимости. Оёкское общество постановляетъ совершенно отказаться отъ спиртныхъ напитковъ и не прибѣгать къ нимъ даже въ большіе праздники или при встрѣчѣ гостей. Все это говоритъ за то, что населеніе хорошо понимаетъ вредъ алкоголизма и при первой же возможности вступаетъ въ серьезную борьбу съ этимъ вѣковымъ недугомъ; но въ то же самое время по приговорамъ видно, что надежды населенія на искоренніе пьянства однимъ лишь путемъ закрытія винныхъ лавокъ очень слабы. Приговоры сельскихъ обществъ ясно говорятъ за то, что главную причину чрезмѣрнаго развитія пьянства населеніе видитъ не въ от-

крытіи винныхъ лавокъ, а въ обстановкѣ всей своей жизни, которая невольно толкаетъ народъ къ вину и настойчиво требуетъ опьяненія. Одно закрытіе винныхъ лавокъ,—говорятъ приговоры,—пьянства еще не уничтожитъ: если водки не будетъ на мѣстѣ, то ее будутъ привозить издалека, такъ какъ сейчасъ невозможно не пить: трудно живется. Нѣсколько лѣтъ подрядъ заботились о томъ, чтобы пили больше, отказывали тѣмъ сидѣльцамъ, которые плохо торговали, и поэтому теперь для борьбы съ пьянствомъ нужны болѣе серьезныя мѣры, чѣмъ одно закрытіе винныхъ лавокъ; чтобы борьба съ пьянствомъ дала серьезные результаты, необходимо облегчить тяготу жизни. И къ просьбамъ о закрытіи винныхъ лавокъ сельскія общества присоединяютъ ходатайства объ открытіи школъ и просвѣтительныхъ обществъ, объ улучшеніи медицинской и агрономической помощи... То же самое отмѣчалось и на многолюдномъ собраніи обывателей иркутскаго знаменскаго предмѣстья. На этомъ собраніи было свыше двухсотъ человѣкъ: рабочіе, приказчики, желѣзнодорожные служащіе, нѣсколько чиновниковъ и священниковъ и очень много женщинъ, въ большинствѣ—жены мѣстныхъ рабочихъ. На собраніи царило особое, приподнятое настроеніе. Въ началѣ толпа радостно пропѣла «Христосъ воскресе», потомъ одинъ изъ присутствовавшихъ на собраніи священниковъ поздравилъ собравшихся съ «свѣтлымъ днемъ активнаго вступленія общества на борьбу съ общественнымъ недугомъ»; затѣмъ слѣдовали рѣчи, были высказаны пожеланія о закрытіи винныхъ лавокъ, единодушно была принята резолюція объ открытіи общества трезвости. Но главнаго—увѣренности въ томъ, что все это искоренитъ пьянство,—на собраніи не было. Наоборотъ, во многихъ рѣчахъ подчеркивалась невозможность искоренить пьянство однимъ закрытіемъ винныхъ лавокъ и указывались тѣ причины, которыя толкаютъ народъ къ вину и которыя закрытіемъ винныхъ лавокъ не уничтожаются.—Дышать народу трудно, жить трудно,—говорилъ одинъ ораторъ.—Отъ плохой жизни мужикъ идетъ въ кабакъ. Откройте двадцать тысячъ обществъ трезвости, а онъ все пить не перестанетъ. Читайте ему лекціи, что у него отъ вина пухнетъ сердце и портятся легкія,—а онъ напьется... За бутылкой забывается горе. У насъ и собираться-то можно только за бутылкой. Кабаковъ у насъ больше, чѣмъ школъ. Увлеченіе открытіемъ обществъ трезвости—мода. Путемъ увѣщеванія можетъ быть и удастся удержать отъ пьянства тѣхъ, которые пьютъ отъ нечего дѣлать, но искоренить пьянство этимъ невозможно. Попробуйте заговорить въ открываемомъ вами обществѣ трезвости о тѣхъ причинахъ, которыя заставляютъ народъ тянуться къ вину, попробуйте только—и ваше общество трезвости сейчасъ же закроютъ!..—И по тѣмъ аплодисментамъ и возгла-

самъ, которыми сопровождались такія рѣчи, видно было отношеніе сибирскаго обывателя къ «пьяному» вопросу, видно было, что въ казенную борьбу съ пьянствомъ никто серьезно не вѣритъ и надеждъ на нее не возлагаетъ»...

Такимъ образомъ, вопросъ о борьбѣ съ пьянствомъ оказывается связаннымъ со всѣми другими больными вопросами русской жизни. И здѣсь, какъ во всемъ, когда трогается одна какая-либо нить, сейчасъ же чувствуется весь спутанный комокъ нашихъ внутреннихъ нездоровыхъ общественно-политическихъ настроеній.

Но начинать съ чего-нибудь надо, и за общее оздоровленіе, рано или поздно, приниматься необходимо. И маленькій шагъ впередъ въ какой-либо области даетъ и всей жизни толчокъ въ эту сторону.

Хочется думать, что и оффиціальная борьба съ пьянствомъ подтолкнетъ насъ хоть немного къ той единственной дорогѣ, отъ которой уклоняется администрація и къ которой безсознательно, но съ вѣрнымъ инстинктомъ тянется масса населенія.

И. Жилкинъ.

ВОПРОСЫ ВНУТРЕННЕЙ ЖИЗНИ.

Процессъ адвокатовъ. — Какъ судъ справился съ „трудностями". — Общественный откликъ.—Проектъ закона объ обществахъ и союзахъ.—Надзаконное и универсальное начальство.—Альтернатива, предложенная отцамъ нашалившихъ дѣтей.—Трагическая гибель шести солдатъ.

Въ одной изъ привѣтственныхъ телеграммъ на имя осужденныхъ петербургскихъ адвокатовъ говорилось: «Невыносимо трудно служить правосудію въ такую эпоху, когда обвинительные приговоры, падающіе на головы общественныхъ дѣятелей, усугубляютъ уваженіе къ послѣднимъ».

Не со вчерашняго дня повелось, что обвинительные приговоры нашего короннаго суда «усугубляютъ уваженіе» къ осужденнымъ, но процессъ адвокатовъ отразилъ эту трагедію современнаго положенія уголовнаго правосудія съ особенной яркостью. Онъ воочію показалъ всю глубину разлада между общественнымъ сознаніемъ и «интересами управленія», которымъ, по теоріи И. Г. Щегловитова, все должно быть подчинено и своеобразное пониманіе которыхъ откровенно обнаружилось въ приговорѣ. Чтобы провѣрить, на чьей сторонѣ правда, достаточно задаться вопросомъ: можно ли хоть на минуту допустить,

что судъ присяжныхъ на вопросъ о виновности двадцати пяти петербургскихъ адвокатовъ въ томъ преступленіи, въ которомъ ихъ обвиняли, отвѣтилъ бы утвердительно? Полагаемъ, что и до судебнаго разбирательства, и послѣ, не было и нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что изъ суда присяжныхъ обвиняемые вышли бы оправданными.

Приговоръ, которымъ присяжные повѣренные Н. Д. Соколовъ и А. Ф. Керенскій присуждены къ восьмимѣсячному тюремному заключенію, а остальные—къ шестимѣсячному, не есть приговоръ окончательный. Дѣло подлежитъ апелляціонному пересмотру, т.-е. пересмотру по существу возникшаго противъ осужденныхъ обвиненія. Кромѣ того, оно подлежитъ и разсмотрѣнію въ кассаціонномъ порядкѣ, тѣмъ болѣе неизбѣжному, что, по единодушному мнѣнію наиболѣе компетентныхъ юристовъ, приговоръ представляется рѣзко неправильнымъ и въ отношеніи примѣненія закона о наказаніи. Но при всей увѣренности общественнаго сознанія въ несправедливости обвинительнаго приговора, у многихъ ли есть вѣра въ то, что послѣдующія инстанціи исправятъ ошибку, допущенную судомъ первой степени? Много ли такихъ оптимистовъ даже среди тѣхъ, кто сами писали апелляціонныя жалобы и впослѣдствіи будутъ писать—кассаціонныя? Большихъ надеждъ ни на разборъ дѣла въ судебной палатѣ, ни на кассаціонное разсмотрѣніе никто не возлагаетъ. Если у кого и имѣются надежды, то онѣ ни въ какомъ случаѣ не идутъ далѣе уменьшенія срока заключенія въ тюрьмѣ.

При такихъ условіяхъ, дѣйствительно, «невыносимо трудно служить правосудію». Правосудію служатъ отнюдь не одни судьи въ мундирахъ, прокуроры и чиновники министерства юстиціи. Правосудію служатъ и адвокаты-защитники, и печать, и общественное сознаніе. Правосудіе—дѣло народной совѣсти. Правосудіе стоитъ выше какихъ бы то ни было и чьихъ бы то ни было интересовъ. Служеніе правосудію есть служеніе правдѣ—правдѣ матеріальной—истинѣ, правдѣ формальной—закону. Языкъ актовъ правосудія долженъ быть единый для всѣхъ. Разладъ между управляемыми и управляющими, отсутствіе довѣрія у управляемыхъ къ управляющимъ и ихъ взаимное непониманіе—еще бѣда поправимая. Утрата вѣры въ авторитетъ суда—бѣда, неизмѣримо большая. Когда осужденные выходятъ изъ суда съ гордо поднятой—по праву—головой и когда ихъ встрѣчаютъ со всѣхъ сторонъ выраженія «усугубленнаго» уваженія,—закрывать глаза на эти факты невозможно. Когда логика судебныхъ приговоровъ никого ни въ чемъ не убѣждаетъ, когда суду говорятъ на одномъ языкѣ, а онъ отвѣчаетъ на другомъ,—тогда нѣтъ и не можетъ быть того служенія правосудію, которое для однихъ составляетъ долгъ служебный, а для другихъ—долгъ гражданскій.

Съ томительнымъ чувствомъ приходилось читать отчеты объ адвокатскомъ процессѣ. Почти всѣ подсудимые давали весьма подробныя объясненія. Талантливые юристы и сами опытные уголовные защитники, они знали, что говорили. Ихъ защитники, лучшіе представители петербургской и московской адвокатуры, съ блескомъ и съ глубокой продуманностью выполняли шагъ за шагомъ выпавшую на ихъ долю почетную задачу. Впечатлѣніе же получалось такое, что люди силились пробить эрудиціей, краснорѣчіемъ и доводами разума непроницаемую стальную броню. Со скамей подсудимыхъ и защитниковъ, въ сущности, говорились азбучно элементарныя для юристовъ истины. И именно потому, что цѣлыми часами и даже днями съ этихъ скамей доказывалось, что дважды два—четыре, становилось все болѣе и болѣе ясно, какой будетъ постановленъ приговоръ. Въ противовѣсъ аргументаціи защиты, прокуроръ въ своей рѣчи повторилъ данныя обвинительнаго акта. Судебнаго слѣдствія для него какъ будто не существовало. Тѣ же данныя повторилъ и приговоръ суда съ той лишь разницей, что все спорное и условное судъ обратилъ въ категорически удостовѣренное и признанное.

Исторія адвокатскаго процесса и фактическія обстоятельства дѣла навѣрное еще у всѣхъ въ памяти. А потому ограничимся лишь воспроизведеніемъ резолюціи, принятой общимъ собраніемъ петербургскихъ адвокатовъ 23 октября 1913 года, и текста изъятой изъ архивной пыли 279 статьи уложенія о наказаніяхъ, по которой осужденнымъ назначена кара. Резолюція гласила: «общее собраніе присяжныхъ повѣренныхъ округа Спб. судебной палаты считаетъ своимъ профессіональнымъ и гражданскимъ долгомъ выразить свой протестъ противъ извращенія основъ правосудія, проявившагося въ созданіи процесса Бейлиса, противъ возведенія въ судебномъ порядкѣ на еврейскій народъ клеветы, отвергнутой всѣмъ культурнымъ человѣчествомъ, и противъ возложенія на судъ несвойственной ему задачи пропаганды идей расовой и національной вражды. Это надругательство надъ основами человѣческаго общежитія унижаетъ и позоритъ Россію предъ лицомъ всего міра, и мы поднимаемъ свой голосъ на защиту чести и достоинства Россіи». Ст. 279 опредѣляетъ: «Кто будетъ изобличенъ въ составленіи, подкидываніи, выставленіи въ публичныхъ мѣстахъ, или же инымъ какимъ бы то ни было образомъ, но завѣдомо и съ умысломъ, распространеніи ругательныхъ писемъ или другихъ сочиненій и бумагъ, или изображеній, оскорбительныхъ для высшихъ въ государствѣ мѣстъ и лицъ, тотъ приговаривается» и т. д.

Какъ видно изъ цитированныхъ словъ примѣненнаго къ дѣянію адвотатовъ закона, стоящаго подъ заголовкомъ: «о оскорбленіи и

явномъ неуваженіи къ присутственнымъ мѣстамъ и чиновникамъ при отправленіи должности», основнымъ признакомъ ст. 279-ой является оскорбительность «ругательныхъ писемъ или другихъ сочиненій и бумагъ» «для высшихъ въ государствѣ мѣстъ и лицъ». Резолюція же имѣетъ безличный характеръ, т. е. не заключаетъ въ себѣ никакихъ указаній ни на опредѣленныя «мѣста», ни на опредѣленныя «лица». И этого одного достаточно для абсолютно безспорнаго вывода о полной невозможности трактовать резолюцію какъ дѣяніе, предусмотрѣнное 279-ой статьей, ибо для юридическаго бытія оскорбленія необходимо, чтобы былъ конкретно извѣстный оскорбленный. При оскорбленіи на письмѣ, и намѣреніи оскорбить именно данное лицо, кромѣ текста письма, «сочиненія» или бумаги, можетъ еще, пожалуй, свидѣтельствовать адресъ на конвертѣ. Но въ дѣлѣ адвокатовъ и адресъ ничего не говоритъ, такъ какъ резолюція была послана ея авторами лишь защитникамъ Бейлиса.

Текстъ резолюціи, принятіе этого текста общимъ собраніемъ 23 октября и передача его по телеграфу въ Кіевъ присяжнымъ повѣреннымъ, защищавшимъ Бейлиса,—таковъ весь фактическій матеріалъ, которымъ располагало обвиненіе. Этотъ матеріалъ, самъ по себѣ, еще далеко не давалъ той уголовно правовой связи со статьей 279-ой улож. о нак., которая сдѣлала бы даже внѣшне-возможнымъ ея примѣненіе. Но суду нужна была связь, и въ приговорѣ она явилась. Прежде всего, нужно было связать съ дѣятельностью осужденныхъ «распространеніе» резолюціи, т. е. помѣщеніе ея въ газетахъ. Фактически установлено было лишь то, что резолюція полностью была напечатана въ одномъ «Новомъ Времени» и что помѣстилъ ее въ этой газетѣ присяжный повѣренный фонъ-Эгертъ, выступавшій въ процессѣ не въ качествѣ подсудимаго, а въ качествѣ изобличителя своихъ товарищей по адвокатурѣ. Кто сообщилъ резолюцію въ другія газеты и сообщилъ ли ее кто-либо изъ 25 осужденныхъ,—осталось неизвѣстнымъ. Судъ призналъ достаточными заявленія нѣкоторыхъ изъ подсудимыхъ, что они не пошли бы на собраніе, если бы не были увѣрены въ томъ, что резолюція получитъ широкое распространеніе,—и, вопреки азбукѣ ученія объ уголовномъ вмѣненіи, эти предположительныя заявленія нѣкоторыхъ послужили основаніемъ для утвержденія въ приговорѣ, что всѣ осужденные, по взаимному между собою соглашенію, «распространили» резолюцію.

Столь же просто справился судъ съ другой стоявшей передъ нимъ трудностью. Текстъ резолюціи необходимо было во что бы то ни стало связать съ дѣятельностью не только вообще опредѣленныхъ «мѣстъ» и «лицъ», но непремѣнно съ дѣятельностью «мѣстъ» или «лицъ» «высшихъ въ государствѣ», т.-е. органовъ центральной вла-

сти. Судъ призналъ, что изъ «объективнаго содержанія» резолюціи «хотя въ ней и нѣтъ никакихъ указаній на опредѣленныхъ лицъ», ясно видно, къ кому она относится. Такимъ образомъ, въ порядкѣ уголовнаго суда получилъ примѣненіе методъ чтенія между строкъ. И между строками резолюціи оказалось усмотрѣннымъ, если не имя министра юстиціи, то его распоряженіе, изложенное въ двухъ ордерахъ о назначеніи для производства слѣдствія по дѣлу Бейлиса г. Машкевича и о назначеніи для наблюденія за веденіемъ слѣдствія г. Виппера. Эти два ордера составляли въ дѣлѣ адвокатовъ главную базу обвиненія. Но знали ли о ихъ существованіи петербургскіе присяжные повѣренные, участвовавшіе въ общемъ собраніи 23 октября? Мало того: могли ли они знать о ихъ существованіи? Въ то время, дѣйствительно, ходили слухи, будто бы дѣло Бейлиса велось и ведется не въ общемъ порядкѣ, опредѣленномъ уставомъ уголовнаго судопроизводства, а при непосредственномъ вмѣшательствѣ министра юстиціи. Но откуда судъ получилъ увѣренность, что осужденные адвокаты приняли эти слуми за несомнѣнную истину, тогда какъ они, будучи юристами, казалось бы, обязаны были, по меньшей мѣрѣ, критически къ нимъ относиться? Изъ того изложенія мотивированнаго приговора, которое было напечатано въ газетахъ («Рѣчь» и «День» отъ 15 іюня), оказывается, что даже намѣренное составленіе резолюціи «въ общихъ выраженіяхъ», какъ это говорилъ на судѣ Н. Д. Соколовъ, поставлено въ рядъ доказательствъ «ясности», къ кому резолюція относилась. Одинаковый характеръ, подтверждающій, по мнѣнію суда, оскорбленіе резолюціей именно министра юстиціи, приданъ словамъ Н. Д. Соколова: «протестъ собранія долженъ быть направленъ противъ представителей государственнаго обвиненія», и А. Ф. Керенскаго: «государственная власть принимаетъ на себя тяжелую отвѣтственность за постановку дѣла съ ритуальнымъ обвиненіемъ».

Усилія, съ которыми обвиненіе старалось примѣнить къ осужденнымъ ст. 279 улож., а не ст. 280, предусматривающую то же самое дѣяніе, но въ отношеніи органовъ мѣстнаго управленія, всего лучше раскрываютъ истинный рычагъ «постановки» процесса адвокатовъ. По ст. 279-ой осужденнымъ назначено 8 и 6 мѣсяцевъ тюрьмы, а по ст. 280-ой могло быть назначено не болѣе 4 мѣсяцевъ. Но, конечно, не эти лишніе 2 и 4 мѣсяца побудили на однѣ «трудности» нагромождать другія, еще бо́льшія. Лишенія политическихъ правъ ст. 279 не могла дать, а статья 280-ая его дала. Всѣ осужденные, даже съ момента привлеченія, уже были выброшены за бортъ участія въ государственныхъ, земскихъ и городскихъ выборахъ и, если приговоръ не будетъ отмѣненъ, останутся за нимъ пожизненно. Права, по выходѣ изъ тюрьмы, вернуться къ адвокатской дѣятельности они приговоромъ

не лишены: пока еще такого «разъясненія» нѣтъ. Но вѣдь, кромѣ обвиненія въ уголовномъ порядкѣ, надъ ними съ 23 октября, за ту же самую резолюцію, виситъ обвиненіе въ порядкѣ дисциплинарномъ. И это обвиненіе грозитъ исключеніемъ изъ присяжной адвокатуры, т.-е. пожизненнымъ же лишеніемъ права заниматься ихъ профессіей. Первая инстанція дисциплинарнаго суда—совѣтъ присяжныхъ повѣренныхъ—не нашла основанія налагать какое бы то ни было взысканіе. Вторая — петербургская судебная палата—еще при возбужденіи дѣла въ дисциплинарномъ порядкѣ писала, что принявшіе резолюцію присяжные повѣренные «позволили себѣ бросить государственной власти *наглое* обвиненіе». Въ другихъ условіяхъ момента можно было бы ожидать, что судьи, такъ опредѣленно высказавшіе уже свое сужденіе по дѣлу, отведутъ себя отъ участія въ его разсмотрѣніи. Можно ли ждать этого въ данныхъ условіяхъ?

Такого широкаго и единодушнаго общественнаго отклика, какой встрѣтило осужденіе 25 петербургскихъ адвокатовъ, уже давно, пожалуй съ 1905-го года, не встрѣчалъ ни одинъ гораздо даже болѣе крупный фактъ нашей внутренней жизни. Въ день приговора чествовали осужденныхъ и ихъ защитниковъ нынѣшніе и бывшіе члены совѣта присяжныхъ повѣренныхъ. На слѣдующій день, несмотря на лѣтнюю пустоту Петербурга и на лѣтнее затишье, состоялся многолюдный банкетъ, въ которомъ приняли участіе члены Государственной Думы, представители науки и литературы и общественные дѣятели различныхъ политическихъ лагерей. Когда въ первый разъ послѣ осужденія А. Ф. Керенскій вошелъ въ залъ Таврическаго дворца, вся оппозиція—прогрессисты, кадеты, трудовики и соціалъ-демократы—устроили ему бурную овацію. Газеты объ этой оваціи писали: «Въ теченіе нѣсколькихъ минутъ залъ дрожитъ отъ аплодисментовъ. Взволнованный А. Ф. Керенскій молча кланяется. Правые пробуютъ заглушить апплодисменты шиканьемъ и шумомъ, но аплодисменты становятся еще громче. Возгласы правыхъ заглушаются новымъ взрывомъ аплодисментовъ, новыми оваціями по адресу А. Ф. Керенскаго»... Телеграммы буквально съ всей Россіи, въ теченіе нѣсколькихъ дней получались цѣлыми сотнями.

«Вы, и будучи осуждены, можете высоко и гордо поднять ваши головы»,—это были первыя слова на банкетѣ, сказанныя предсѣдательствовавшимъ, членомъ Государственной Думы И. Н. Ефремовымъ. Тѣмъ же основнымъ тономъ были проникнуты всѣ привѣтствія. Редакція «Одесскихъ Новостей», въ своей телеграммѣ, писала: «Не побѣжденными, а побѣдителями вы вышли изъ залы суда. Истинный приговоръ вамъ вынесло русское общество и вынесетъ исторія, одну изъ славныхъ страницъ которой составитъ вашъ процессъ, отнынѣ

историческій процессъ 25 петербургскихъ адвокатовъ. Не намъ призывать васъ къ бодрости, васъ, давшихъ всей Россіи примѣръ стойкой защиты правды и справедливости». Въ одной изъ телеграммъ высказывалось убѣжденіе, что «движеніе Россіи не удержать никакими статьями уложенія»...

Но самое знаменательное—откликъ на процессъ со стороны рабочихъ. Въ ближайшіе за приговоромъ дни въ разныхъ частяхъ Петербурга состоялся рядъ митинговъ, постановившихъ резолюціи протеста. Въ знакъ протеста противъ суда надъ адвокатами, бастовали рабочіе завода «Гамаюнъ», типографіи «Якорь» и авіаціоннаго отдѣла русско-балтійскаго завода. Затѣмъ была однодневная забастовка на заводахъ: Однеръ (350 чел.), Бакулина (40), Русскаго общества изготовленія снарядовъ и военныхъ припасовъ (650), Струка и Эвальда, Пузырева, охтенскаго механическаго, въ столярной фабрикѣ Платонова, на заводѣ Сименса, въ типографіи Вейсберга (100), на заводахъ Нобеля (900 чел.), Парвіайненъ (1000), Артуръ Коппель (800), Зигель (600), Озолингъ (250) и мн. др. («Право», № 24)... Сколько угодно можно говорить объ искусственности созданія забастовокъ на заводахъ, но нельзя забывать, что инсценировка забастовокъ рабочихъ есть инсценировка особаго рода: каждый рабочій, въ знакъ протеста бастовавшій, тѣмъ самымъ пожертвовалъ на дѣло идейнаго служенія свою дневную заработную плату. Идущій на банкетъ интеллигентъ въ худшемъ случаѣ рискуетъ остаться безъ обѣда. Идущій на митингъ протеста рабочій знаетъ, что его ждутъ нагайки. А когда онъ бастуетъ, онъ знаетъ, что отнимаетъ отъ себя и отъ семьи дневной заработокъ...

Трагически погибшій на «Титаникѣ» Вильямъ Стэдъ, когда онъ, въ августѣ и сентябрѣ 1905-го года, убѣждалъ русскія лѣвыя политическія теченія «принять» положеніе о Думѣ 6-го августа, любилъ дѣлать слѣдующее уподобленіе. Свобода совѣсти, слова, союзовъ и собраній,—обыкновенно говорилъ онъ,—то же самое, что четыре ноги для лошади. Какъ лошадь не можетъ двигаться безъ ногъ или на одной, двухъ и трехъ ногахъ, такъ правовое государство не можетъ существовать безъ гражданской свободы и именно въ полномъ комплектѣ ея четырехъ главныхъ элементовъ. Этимъ уподобленіемъ Стэдъ пытался парировать слова оппонентовъ, что дарованію гражданской свободы должно предшествовать образованіе представительныхъ учрежденій. «Примите законосовѣщательную Думу», — упрашивалъ онъ,—«и раньше даже, чѣмъ получите Думу законодательную, у васъ будетъ свобода вѣры, свобода печати, свобода устнаго слова, свобода политическихъ и общественныхъ единеній и свобода митинговъ»

Миссія Стэда, какъ извѣстно, успѣха не имѣла. Онъ уѣхалъ

изъ Россіи, а освободительное движеніе продолжалось, и 17 октября послѣдовало изданіе манифеста, которымъ установлено, «какъ незыблемое правило», что никакой законъ не можетъ воспріятъ силу безъ одобренія Государственной Думы, и которымъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, было возложено на обязанность правительства «даровать населенію незыблемыя основы гражданской свободы на началахъ дѣйствительной неприкосновенности личности, свободы совѣсти, слова, собраній и союзовъ». Такъ появились очертанія будущихъ четырехъ ногъ подъ тѣломъ новаго русскаго государственнаго строя. Но очертанія ногъ—еще не ноги. И впредь до созданія ихъ правительство поспѣшило подвести подъ новый строй временныя подставки—«временныя правила» 24 ноября 1905 г. о печати и 4 марта 1906 г. о собраніяхъ и объ обществахъ и союзахъ. Все «временное», однако, у насъ вопреки природѣ, обладаетъ особенной долговѣчностью и особеннымъ постоянствомъ. Со дня возвѣщенія правового строя скоро минетъ девять лѣтъ; туловище же государственной, по образному сравненію Стэда, лошади все стоитъ не на живыхъ ногахъ, а на подставкахъ. Но этого мало. Разъяснительное правотворчество сената и министерскихъ циркуляровъ всѣ девять лѣтъ неустанно подтачивало временныя подставки, такъ что онѣ обратились въ тоненькія палочки, совершенно неспособныя удовлетворять своему назначенію,—даже не въ смыслѣ обезпеченія гражданской свободы, а хотя бы въ смыслѣ признанія за гражданами права на таковую свободу.

На свѣтѣ все, однако, познается сравнительно и относительно. И когда въ прошломъ году появился проектъ «постояннаго» закона о печати, то печать и вся лѣвая половина русской общественности взмолились о сохраненіи той обточенной палочки, которая бьетъ по печатному слову и по суду, и безъ суда, и тюрьмой, и штрафами, и конфискаціей. И они взмолились потому, что авторы проекта своей основной задачей положилиокончательное и безповоротное ущемленіе печати въ тиски ежовыхъ рукавицъ и выполнили ее, надо отдать имъ должное, весьма успѣшно. Въ настоящее время министерство внутреннихъ дѣлъ изготовило проектъ созданія второй ноги—свободы обществъ и союзовъ. Пока въ газетахъ печатались только выдержки изъ проекта и изъ объяснительныхъ соображеній Н. А. Маклакова, но и ихъ достаточно, чтобы мечтать о сохраненіи временныхъ правилъ 4 марта.

Для запрета гражданамъ образовывать общества и союзы и для фактическаго обращенія явочнаго порядка въ разрѣшительный администраціи, на основаніи временныхъ правилъ, все-таки приходится немало изощряться въ подыскиваніи юридическихъ основаній, а при полномъ отсутствіи ихъ писать такія опредѣленія, подъ которыми видѣть свою подпись администратору не всегда потомъ бываетъ пріятно.

Такъ недавно петербургское по дѣламъ объ обществахъ присутствіе отказало въ регистраціи «русской народной партіи» въ виду неопредѣленности цѣли ея образованія, хотя эта цѣль была формулирована въ уставѣ съ исчерпывающей опредѣленностью. То же присутствіе отказало въ регистраціи профессіональнаго союза потому, что одинъ изъ учредителей ранѣе состоялъ членомъ однороднаго союза, присутствіемъ закрытаго. Но при подыскиваніи подобнаго рода мотивовъ, само собою разумѣется, возможно и не «доглядѣть». Бывали примѣры, что и сенатъ отмѣнялъ рѣшенія присутствій, если мотивы отказа были слишкомъ ужъ несостоятельны. А, наконецъ, не всѣ губернаторы одинаково, выражаясь мягко, изобрѣтательны и уязвительно-энергичны, почему запретъ въ одной губерніи и при одномъ губернаторѣ не мѣшалъ полученію разрѣшенія въ другой губерніи и даже въ той же самой. Если проектъ Н. А. Маклакова получитъ силу закона, всѣ эти «несовершенства» временныхъ правилъ уйдутъ въ область воспоминаній.

Въ соображеніяхъ составителей проекта нѣтъ ни звука о томъ, что законъ объ обществахъ и союзахъ долженъ имѣть цѣлью обезпеченіе за гражданами права вступать въ свободныя единенія. Н. А. Маклаковъ, напротивъ, подошелъ къ вопросу съ діаметрально-противоположной точки зрѣнія. Въ вступительныхъ словахъ объяснительной записки читаемъ: «Высочайше утвержденныя временныя правила 4-го марта 1906 г. о союзахъ и обществахъ съ самаго введенія ихъ въ дѣйствіе вызвали цѣлый рядъ сомнѣній. Для устраненія таковыхъ министерство внутреннихъ дѣлъ вынуждено было испрашивать неоднократно надлежащія указанія правительствующаго сената и преподавать само циркулярныя разъясненія мѣстнымъ губернскимъ начальствамъ. Несмотря на это, благодаря существеннымъ недостаткамъ временныхъ правилъ, не представлялось возможнымъ достигнуть должнаго единообразія и закономѣрности въ примѣненіи мѣстными начальствами сего закона. Между тѣмъ, единообразіе и закономѣрность въ примѣненіи закона, затрагивающаго столь существенную сторону государственной жизни, какъ вся общественная самодѣятельность, являются настоятельно необходимыми, какъ въ интересахъ частныхъ лицъ, такъ и въ видахъ введенія въ условія стройной закономѣрной дѣятельности всякаго рода частныхъ обществъ».

Такимъ образомъ, по мысли министра внутреннихъ дѣлъ, временныя правила 4 марта заключаютъ въ себѣ maximum гарантій свободы обществъ и союзовъ, и въ направленіи интересовъ населенія никакихъ «исправленій» ихъ не требуется. Въ приведенной цитатѣ, правда, есть ссылка и на «интересы частныхъ лицъ», но эта ссылка или сдѣлана въ видахъ украшенія слога, или попала по очевидной

ошибкѣ. Единственная задача проекта—включить въ законъ «разъясненія», дабы тѣмъ достичь полнаго единообразія и закономѣрности,—конечно, въ томъ ея пониманіи, которымъ проникнуты министерскіе ограничительные циркуляры. «Обслѣдованіе дѣятельности нѣкоторыхъ присутствій убѣдило,—говорится далѣе въ объяснительной запискѣ,—что преподаваемыми циркулярными разъясненіями нельзя достигнуть желаемаго единообразія и планомѣрности въ дѣйствіяхъ органовъ власти, вѣдающихъ дѣла объ обществахъ и союзахъ, и урегулировать въ надлежащей мѣрѣ общественную самодѣятельность».

Проектъ не замѣняетъ формально явочнаго порядка открытія обществъ порядкомъ разрѣшительнымъ, но основное условіе явочнаго порядка, выражающееся въ принципѣ: «что не запрещено, то дозволено», снабжаетъ «примѣрнымъ» перечнемъ тѣхъ цѣлей, которыя могутъ себѣ ставить общества, «учреждаемыя въ порядкѣ выработаннаго закона». Ст. 1 дѣйствующихъ временныхъ правилъ гласитъ: «обществомъ, по смыслу настоящаго узаконенія, почитается соединеніе нѣсколькихъ лицъ, которыя, не имѣя задачею полученіе для себя прибыли отъ веденія какого-либо предпріятія, избрали предметомъ своей совокупной дѣятельности опредѣленную цѣль». А въ ст. 6 говорится: «Воспрещаются общества: а) преслѣдующія цѣли противныя общественной нравственности, или воспрещенныя уголовнымъ закономъ, или же угрожающія общественнымъ спокойствію и безопасности, и б) управляемыя учрежденіями или лицами, находящимися за границею, если общества эти преслѣдуютъ политическія цѣли». Никакихъ требованій положительнаго характера о цѣли ихъ совокупной дѣятельности временныя правила лицамъ, желающимъ учредить общество, не предъявляютъ. Эти лица обязаны лишь имѣть «опредѣленную» цѣль и, разъ таковая не подходитъ подъ дѣйствіе отрицательныхъ условій, присутствія не имѣютъ права отказать въ регистраціи. Другими словами, временныя правила ясно и опредѣленно устанавливаютъ, что присутствія не могутъ входить въ разсмотрѣніе вопроса о цѣлесообразности или желательности образованія даннаго общества. Легко представить себѣ, во что обратится «свобода» образовывать общества, когда законъ дастъ «примѣрный» перечень, если и сейчасъ на одномъ требованіи, чтобы цѣль была «опредѣленная», разыгрывается цѣлая симфонія отказовъ.

Заслуживаетъ особеннаго вниманія еще созданіе центральнаго по дѣламъ объ обществахъ органа. По этому поводу министръ внутреннихъ дѣлъ объясняетъ: «Возлагая, согласно настоящему проекту закона, дѣла по регистраціи обществъ на губернскія присутствія, я призналъ необходимымъ оставить въ вѣдѣніи этихъ присутствій лишь такія организаціи, кои носятъ характеръ мѣстныхъ единеній и

дѣятельность которыхъ распространяется лишь на территорію губерніи или градоначальства. Регистрація же обществъ, желающихъ распространить свою дѣятельность на нѣсколько губерній или градоначальствъ, передается въ главное по дѣламъ объ обществахъ присутствіе». На обязанность главнаго присутствія, между прочимъ, проектируется возложить регистрацію политическихъ партій, чѣмъ будетъ узаконено болѣе чѣмъ сомнительно правильное уравненіе политическихъ партій съ обществами.

Когда членъ Государственной Думы Карауловъ задумалъ образовать «русскую народную партію», онъ раньше обращенія въ петербургское присутствіе обращался, какъ сообщалось въ газетахъ, къ министру внутреннихъ дѣлъ. Н. А. Маклаковъ объявилъ ему, что считаетъ такую партію не нужной. Конечно, и обращеніе г. Караулова къ министру по предмету, не относящемуся къ компетенціи центральной власти, и обращеніе его къ министру съ просьбой о томъ, что, въ силу закона, не можетъ быть предметомъ просьбы, т. е. того, исполненіе чего зависитъ отъ усмотрѣнія,—конечно, все это, а также и отвѣтъ г. Маклакова, было для представителя власти «неудобно». Конечно, съ момента, когда проектъ станетъ закономъ, никакихъ подобныхъ «неудобствъ» министръ испытывать не будетъ. Не потребуется изощреній въ поискахъ мотивовъ отказа и со стороны губернскаго начальства. Но что останется отъ гражданской свободы, точнѣе—отъ одного изъ ея четырехъ элементовъ?

Съ недѣлю назадъ, автору настоящихъ строкъ пришлось быть случайнымъ свидѣтелемъ слѣдующей сцены.

Въ вагонѣ трамвая, на Невскомъ, вошелъ съ передней площадки городовой. Едва онъ открылъ дверцу площадки, стоявшій тутъ военный врачъ, судя по погонамъ, въ чинѣ коллежскаго ассесора, обратился къ нему со словами: «Зачѣмъ ты входишь съ передней площадки? Полиція первая нарушаетъ правила»... Городовой пробормоталъ что-то невнятное и продвинулся на площадку. Вагонъ тронулся. Коллежскій ассесоръ повторилъ свои слова, но уже тономъ служебнаго выговора, вѣрнѣе, окрика. Изъ его устъ раздалось:—«Какъ ты смѣешь входить съ передней площадки! Ты слышалъ мое приказаніе»... Городовой взялъ подъ козырекъ и, вытянувшись, стоялъ передъ грознымъ врачемъ. На ближайшей остановкѣ, городовой, не опуская руки отъ козырька, сталъ сходить съ вагона. — «Куда!»—крикнулъ врачъ. Городовой заявилъ, что онъ посланъ въ казначейство съ деньгами и боится опоздать. — «Нѣтъ, ты пойдешь не въ казначейство, а за мной»—послѣдовалъ отвѣтъ. Врачъ пошелъ, городовой за нимъ. Съ площадки вагона можно было еще минуты двѣ наблюдать

за ними. Врачъ съ видомъ человѣка, исполняющаго долгъ службы шелъ по панели. Сбоку и на шагъ сзади—шелъ, съ разсыльной книгой подъ мышкой, городовой. Онъ имѣлъ видъ провинившагося солдата, вымаливающаго прощеніе. Врачъ велъ городового въ участокъ.

Въ этой сценѣ все било своей характерностью. Типиченъ былъ, для предпринятой реформы военно-санитарной части, военный врачъ, уже не мальчикъ, такъ быстро и полно усвоившій представленіе о себѣ, какъ о носителѣ какой-то надзаконной власти, имѣющемъ право все и всѣхъ «подтягивать». Еще не такъ давно по крайней мѣрѣ военные врачи не считали для себя доблестью уличные окрики и «подтягиваніе». Типиченъ былъ и петербургскій городовой, столь суровый въ обращеніи не только съ извозчиками и съ дворниками, но и съ обывателями, одѣтыми даже въ дорогія шубы и съ цилиндрами на головѣ,—тотъ городовой, который чуть не каждый день читаетъ въ приказахъ градоначальника, какъ штрафуютъ обывателей всякаго званія за вмѣшательство въ дѣйствія и распоряженія полиціи, и который, услышавъ окрикъ коллежскаго ассесора не съ обще-чиновничьими, а съ военными погонами, почувствовалъ себя въ чуждомъ ему положеніи солдата.

Имѣютъ ли право городовые входить въ вагоны трамвая съ передней площадки—не знаемъ. Мы, какъ и всѣ петербуржцы, знаемъ лишь то, что и городовые, и жандармы иначе въ вагоны никогда не входятъ. Но допустимъ, что врачъ, по существу своего требованія, былъ правъ. Мыслима ли, однако, была бы описанная сцена, если бы съ упрекомъ къ городовому за то, что онъ вошелъ съ передней площадки, обратился человѣкъ въ штатскомъ платьѣ? Нужно ли спрашивать, кто и кого повелъ бы въ такомъ случаѣ въ участокъ? А, между тѣмъ, городовой, въ отношеніи коллежскаго ассесора съ военными погонами, есть только чинъ полиціи, и военный врачъ, въ отношеніи городового, есть только обыватель. Уже нѣсколько лѣтъ повелось какъ-то само собою, безъ закона и вопреки закону, что офицеры отдаютъ городовымъ «приказанія» и городовые ихъ «приказанія» исполняютъ. Теперь, повидимому, готовы присвоить себѣ дисциплинарныя права надъ городовыми и военные врачи...

Факты и эпизоды того же порядка все болѣе и болѣе становятся хроническими. Въ Красномъ Селѣ корнету не понравилось, что въ сосѣднемъ съ его квартирой домѣ граммофонъ заигралъ марсельезу; онъ потребовалъ прекратить «незаконную» музыку, а затѣмъ призвалъ трехъ солдатъ и городового, которые, по его приказанію», отвели хозяевъ дома, гдѣ игралъ граммофонъ, въ караульное помѣщеніе полка и тамъ продержали до ночи («Рѣчь», № 130).

Въ Петропавловской крѣпости, въ Петербургѣ, по распоряженію коменданта, былъ высѣченъ одинъ ребенокъ, а другого отецъ спасъ отъ розогъ цѣною отправленія семьи въ деревню «безъ права ее брать въ крѣпость".

Объ экзекуціи въ Петропавловской крѣпости печатались различныя версіи. Но даже въ изложеніи «освѣдомительнаго бюро» эпизодъ описанъ достаточно красочно. «Преступленія» дѣтей состояли въ томъ, что, играя, они бросали камни черезъ заборъ. Одинъ камень «упалъ у самыхъ ногъ часового»; другой попалъ въ спину проходившаго солдата. «Комендантъ крѣпости,—гласитъ оффиціальное сообщеніе,—разсмотрѣвъ дознаніе и рапортъ о поступкахъ сыновей жандармскихъ унтеръ-офицеровъ Савельева и Корзенкова, приказалъ, въ наказаніе за дурное воспитаніе сыновей, названныхъ унтеръ-офицеровъ откомандировать въ распоряженіе начальника с.-петербургскаго губернскаго жандармскаго управленія, или же предложить имъ наказать своихъ провинившихся сыновей розгами, съ тѣмъ, чтобы наказаніе было произведено самими родителями. Унтеръ-офицеръ Савельевъ заявилъ, что онъ желаетъ наказать своего сына розгами, что̀ имъ и было исполнено 17 апрѣля, а унтеръ-офицеръ Корзенковъ просилъ, вмѣсто наказанія, объ отправленіи своей семьи въ деревню, безъ права ее брать въ крѣпость, на что̀ и послѣдовало разрѣшеніе коменданта крѣпости».

Это «приказалъ», примѣненное къ дѣтской шалости, это «въ наказаніе за дурное воспитаніе сыновей» и эта предложенная отцамъ альтернатива или розги сыну, или вонъ со службы—сами говорятъ за себя и позволяютъ на разборѣ распоряженія коменданта не останавливаться.

Цѣлыхъ шесть человѣческихъ жизней стоила фантазія ротмистра Гольмана показать «дамамъ» лихость «его» гусаръ! Драма, разыгравшаяся въ ночь на 1-ое іюня близъ Риги, въ Шереметьевскомъ лагерѣ подробно разсказана корреспондентомъ «Рѣчи» (№ 152).

На островѣ, противъ лагерной стоянки эскадрона Иркутскаго гусарскаго полка, которымъ командовалъ ротмистръ Гольманъ, группой офицеровъ былъ устроенъ пикникъ. Для увеселенія общества игралъ военный оркестръ. Всѣ много веселились и пили. Часовъ въ 5 утра ротмистръ Гольманъ, увидѣвъ, что на берегу Двины его эскадронъ купаетъ и чиститъ лошадей, обратился къ дамамъ съ предложеніемъ посмотрѣть «лихую атаку его гусаръ», и приказалъ оркестру играть сигналъ «карьеромъ ко мнѣ». Услыхавъ сигналъ гусары, которыхъ было болѣе 40 человѣкъ, вскочили на неосѣдланныхъ лошадей

и переправились черезъ рѣку на островъ. Тутъ ротмистръ Гольманъ произвелъ атаку, рядъ кавалерійскихъ упражненій, ученіе и прочее. Всѣ,—въ особенности дамы,—восторгались блестяще выполненными солдатами упражненіями. Когда гусары находились въ концѣ острова, ротмистръ Гольманъ скомандовалъ сигналъ «карьеромъ по домамъ». По сигналу, гусары вскачь бросились въ воду, хотя они находились въ томъ концѣ острова, гдѣ рѣка очень глубока и имѣетъ сильное и бурное теченіе. Въ водѣ лошадей понесло теченіемъ и сбило въ одну кучу. Произошло замѣшательство. Лошади сталкивались одна съ другой, гусары падали въ воду... Въ итогѣ потѣхи 16 солдатъ были вытащены изъ воды въ безсознательномъ состояніи, и шестерыхъ никакія усилія уже не могли вернуть къ жизни.

Кажется у Саліаса, есть повѣсть: «Гусары сороковыхъ годовъ». Кавалерійская военная служба того далекаго времени была для офицеровъ сплошнымъ кутежомъ и сплошной потѣхой, и авторъ образно рисуетъ картины, какъ передъ дамами, а за отсутствіемъ дамъ—передъ евреями мѣстечка, офицеры только и дѣлали, что демонстрировали свою собственную лихость и лихость «своихъ» гусаръ. Повѣсть тоже имѣетъ трагическій конецъ. Она кончается описаніемъ пикника-охоты, во время которой былъ убитъ ея герой. Цѣлыя моря воды утекли съ тѣхъ поръ, и можно было думать, что милютинскія реформы въ арміи безвозвратно откинули въ прошлое обращеніе тяжелой и отвѣтственной военной службы въ потѣху. Шесть труповъ, вытащенныхъ изъ Западной Двины, свидѣтельствуютъ о другомъ и наводятъ на невеселыя мысли. Боевая готовность, соотвѣтствующая современнымъ условіямъ войны, предъявляетъ требованія, не имѣющія ничего общаго съ той показной лихостью, которая по прихоти эскадроннаго командира отрываетъ отъ служебнаго дѣла, чтобы привести въ восторгъ участниковъ затянувшагося ночного пикника, и «въ особенности дамъ»...

В. Кузьминъ-Караваевъ.

Журнальный фонд Московской обл. библиотеки

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Н. Н. Шульговскій. Теорія и практика поэтическаго творчества. Техническія начала стихосложенія. Изд. т-ва М. О. Вольфъ. 1914. Стр. XXIV+522. Цѣна 3 руб.

Авторъ взялъ эпиграфомъ къ своему изслѣдованію слова Гердера: кто *знаетъ*, но не *можетъ*, тотъ — теоретикъ, которому не вѣрятъ въ дѣлѣ возможности; кто *можетъ* да не *знаетъ*, тотъ просто практикъ или ремесленникъ. Истинный художникъ соединяетъ въ себѣ то и другое". Авторъ задался весьма труднымъ дѣломъ ввести читателя, начинающаго писать стихи, въ технику стихосложенія, какъ въ часть поэтики, требующую особливаго изученія. Въ основу руководства, съ полнымъ дидактическимъ тактомъ, положено не догматическое приведеніе правилъ стихосложенія, что превращало бы книгу въ рецептурную стихоплетства, а выведеніе ихъ совмѣстно изъ лучшихъ образцовъ поэзіи. Въ качествѣ объяснительнаго матеріала, привлечено множество образцовъ, отъ Жуковскаго и Пушкина до Брюсова, Бальмонта и Блока. Выборъ ихъ сдѣланъ съ большимъ вкусомъ и тактомъ, и книга съ удовольствіемъ можетъ быть прочитана всякимъ любителемъ поэзіи, даже не мѣтящимъ въ стихотворцы. Попадается кое-что спорное: напр., разбираемые въ книгѣ пэоны, кажется, естественнѣе разсматривать, какъ ритмическое видоизмѣненіе хореевъ и ямбовъ, а не какъ самостоятельный метръ. Скучновато обращеніе къ греческимъ и латинскимъ формамъ поэтики. Но въ общемъ книга интересна и, вѣроятно, принесетъ свою долю пользы, не научитъ бездарнаго сплетать стопы и рифмы, но внесетъ больше сознательности въ работу начинающихъ одаренностей.

Юрій Озаровскій. Музыка живого слова. Основы русскаго художественнаго чтенія. Изданіе т-ва О. Н. Поповой. Спб., 1914. Цѣна 2 руб.

Въ общихъ чертахъ объ этомъ руководствѣ, „пособіи для чтецовъ, пѣвцовъ, драматическихъ и оперныхъ артистовъ, ораторовъ, педагоговъ" (какъ оно еще называется въ заглавіи), нужно повторить то же, что о книгѣ г. Шульговскаго. Нельзя научить художественному творчеству ни въ области стихотворства, ни въ области устнаго слова, но и тамъ и здѣсь существуетъ обширная область техники, которою долженъ овладѣть и поэтъ, и декламаторъ, чтобы быть вполнѣ мастеромъ своего дѣла. Въ сферу этой техники и вводитъ читателя г. Озаровскій, не столько преподавая готовыя правила и рецепты, сколько указывая, какъ оріентироваться въ области пріемовъ чтенія для достиженія дѣйствительно художественныхъ результатовъ. Въ книгѣ проведена мысль о ближайшемъ и тѣсномъ родствѣ художественнаго чтенія съ музыкою и мимикою. Горячій энтузіастъ своего дѣла, лишь мѣстами авторъ впадаетъ въ нѣкоторую отвлеченность и формальную сухость изложенія, въ общемъ живого и увлекательнаго. Къ книгѣ приложенъ указатель русской литературы по теоріи декламаціи, составленный г. Н. Озаровскимъ.

Проф. В. И. Герье. Тимофей Николаевичъ Грановскій. Москва, 1914. Стр. 74. Цѣна 40 коп.

Эта брошюра извѣстнаго современнаго историка представляетъ собою рѣчь, произнесенную на актѣ Московскаго университета въ память столѣтняго юбилея рожденія знаменитаго профессора сороковыхъ годовъ. „Современному поколѣнію профессоровъ и студентовъ есть чему поучиться у Грановскаго и за что ему поклониться", — говоритъ авторъ въ начальныхъ строкахъ своего панегирика. Безусловно вѣрно и полезно лишній разъ напомнить научныя и просвѣтительныя заслуги замѣчательнаго человѣка, что вполнѣ авторитетно и сдѣлано въ рѣчи. Излишнимъ намъ показалось только подчеркиваніе въ Грановскомъ соприкосновеній его съ традиціями религіозности, съ „за-

вѣтами русской старины". Съ этими завѣтами, съ оборотной стороною ихъ онъ въ общемъ боролся, отъ нихъ много и вынесъ. Говорить о „заслугахъ" Грановскаго въ качествѣ консерватора какъ будто и не совсѣмъ умѣстно.

К. Чуковскій. Лица и маски. Изд. „Шиповникъ". Спб. Цѣна 1 р. 50 к. Стр. 354.

„Изъ всѣхъ созданій современнаго искусства я особенно люблю афиши. Ихъ идеалъ—яркость; ихъ художественный принципъ: бей по головѣ. Никакихъ полутоновъ, никакихъ оттѣнковъ. Онѣ не знаютъ шопота, онѣ вѣчно должны кричать". Эти слова г. Чуковскаго лучше всего характеризуютъ его манеру письма: неистовые выкрики въ каждой статьѣ о томъ, что поразило критика въ данномъ писателѣ или литературномъ явленіи, и большей частью о чемъ-нибудь одномъ въ писателѣ. Потеряно всякое чувство мѣры, чѣмъ въ особенности отличается статья о Гаршинѣ, вызвавшая бурные протесты. Это какая-то аракчеевская пригонка писателя къ одной единственной черточкѣ. Г. Чуковскій безцеремонными натяжками и за волосы притянутыми цитатами превратилъ Гаршина въ какого-то заскорузлаго помѣшаннаго на страсти все систематизировать уѣзднаго бухгалтера. Импрессіонистская и шумная книга, съ шумными разносами по рецепту „бей по головѣ". Съ нею, какъ со статьею о Гаршинѣ, нечего дѣлать желающему вдумываться въ *полноту* души и жизни писателей.

Вл. Ладыженскій. Исторія русской литературы для школъ и народа. Изданіе третье, исправленное и дополненное, съ иллюстраціями. Изд. М. И. Семенова. Спб., 1914. Стр. 194. Цѣна 60 коп.

Для народныхъ библіотекъ подобные популярные обзоры литературы, съ изложеніемъ главныхъ фактовъ ея исторіи и свѣдѣній о виднѣйшихъ писателяхъ, полезны. Составлена книжечка съ большою любовью къ предмету. Однако, первую часть, въ которой, напр., былины изображаются, какъ результатомъ творчества самого народа, слѣдовало бы въ новомъ изданіи передѣлать, какъ устарѣвшую.

Современные нѣмецкіе поэты, въ переводахъ Владиміра Эльснеръ (sic!). Москва, кн-во К. Ф. Некрасова.

Въ этой книжкѣ больше сотни съ небольшимъ переводовъ произведеній новѣйшей нѣмецкой лирики. Всего представлено 17 поэтовъ и поэтиковъ, о которыхъ въ переводахъ г. Эльснера довольно трудно получить отчетливое понятіе. Конецъ XIX вѣка и начало нынѣшняго въ нѣмецкой лирикѣ отличались развитіемъ тѣхъ же, что у русскихъ модернистовъ, изощренной формы и техники стиха, импрессіонизмомъ, страстью къ изображенію мимолетныхъ настроеній человѣческой души въ образахъ, преувеличенно неожиданныхъ и иногда непосвященнымъ совершенно непонятныхъ. Въ настроеніяхъ г. Эльснера, выбиравшаго стихотворенія для перевода, улавливается неопредѣленно элегическое созерцаніе. Владѣетъ стихомъ онъ далеко не безукоризненно, напр., попадаются рифмы: „почили, и" и „флотиліи", „колосъ", „голосъ" и „у пóлосъ" (неправильное удареніе на первомъ слогѣ), и пр. Мы не имѣли возможности сравнить всѣ переводы съ оригиналами, такъ какъ имѣли подъ руками только небольшую хрестоматію современной нѣмецкой лирики Ганса Бенцмана. То, что нашлось въ ней изъ переведеннаго г. Эльснеромъ, передано довольно близко къ оригиналу и мѣстами изящно, хотя не безъ произвольной замѣны однихъ образовъ другими; напр., очень передѣланъ „Сонъ" Фриды Шанцъ, уже переложеніе, а не переводъ. Въ заключеніе остается замѣтить г. Эльснеру, если онъ не г-жа Владиміръ Эльснеръ (у нѣмцевъ можетъ существовать такое и женское имя, по мужу), то фамилія его подлежитъ измѣненію по падежамъ.

А. В. Амфитеатровъ. Эзоповъ ликъ. Спб. Кн-во „Просвѣщеніе". Цѣна 1 р. 50 коп.

Нѣкоторые изъ сатирическихъ фельетоновъ, собранныхъ въ этой книгѣ, въ свое время производили большое впечатлѣніе и заставляли говорить о себѣ. Таковы, напр.: сказка о богинѣ-конституціи, которая явилась только тогда, когда о ней во всеуслышаніе заговорили на площади, сказка о слонахъ, съ замаскированнымъ призывомъ къ отстаиванію разъ занятыхъ позицій въ освободительной борьбѣ; сказки о русско-китайской войнѣ, изъ которыхъ въ одной говорилось о потопленіи въ Бла-

говѣщенскѣ русскими мирныхъ китайцевъ, о чемъ посорубежной печати говорить было запрещено; о грѣхопаденіи Минервы, отъ союза которой съ боровомъ пошли русскіе педагоги, и кое-что другое. Кое-что въ этомъ „Эзоповомъ ликѣ“ становится уже безъ комментарія мало понятно, и главное—кажется ужасно длиннымъ. Книжка перелистывается, однако, не безъ улыбки и до сихъ поръ, пожалуй, не утеряла интереса современности.

Ю. Айхенвальдъ. Споръ о Бѣлинскомъ. Отвѣтъ критикамъ. Москва, 1914.

„Отвѣтъ“ г. Айхенвальда на отзывы объ его нашумѣвшей статьѣ о Бѣлинскомъ, едва-ли можетъ кого-либо переубѣдить. Пунктъ за пунктомъ, возражая своимъ критикамъ, онъ и въ свою очередь укоряетъ ихъ въ такихъ же неточностяхъ и придиркахъ, какія были продъявлены ему самому. Споръ остался въ прежнемъ положеніи. Только г. Айхенвальдъ, въ концѣ концовъ, долженъ былъ съ грустной физіономіей вздохнуть: „Гдѣ именно настоящій Бѣлинскій,—кто докажетъ? Дѣло рѣшается скорѣе интуиціей, непосредственнымъ впечатлѣніемъ“. Разъ это такъ, къ чему было огородъ городить и полемизировать, и пытаться обосновать свое субъективное впечатлѣніе объективными данными?

Ч. В—скій.

Общественное движеніе въ Россіи въ началѣ XX вѣка. Подъ редакціей Л. Мартова, П. Маслова и А. Потресова. Т. III. Книга 5. Спб., 1914. Стр. 643. Цѣна 5 руб.

Обширный коллективный трудъ, предпринятый подъ редакціею гг. Мартова, Маслова и Потресова, имѣетъ цѣлью „ознакомить читателя съ наиболѣе существенными сторонами русской общественной жизни начала текущаго столѣтія и дать анализъ тѣхъ причинъ, которыя привели къ измѣненію ея строя“. Изъ этихъ словъ редакціи можно было бы заключить, что по ея мнѣнію нашъ общественный строй подвергся существенному измѣненію сравнительно съ недавнимъ прошлымъ; но было бы едва-ли справедливо приписывать такой взглядъ составителямъ отдѣльныхъ очерковъ и монографій, освѣщающихъ разныя стороны общественнаго движенія за послѣднія два десятилѣтія. Огромный матеріалъ, тщательно собранный и разработанный авторами, наглядно показываетъ намъ, что борьба за измѣненіе даже внѣшняго государственнаго строя далеко не достигла еще своей цѣли и что старый, общественный строй только яснѣе опредѣлился въ своихъ сословно-классовыхъ очертаніяхъ. Все изданіе задумано по очень широкой программѣ и должно быть причислено къ самымъ замѣчательнымъ литературно-публицистическимъ предпріятіямъ послѣдняго времени. Въ вышедшемъ теперь третьемъ томѣ сообщаются подробныя свѣдѣнія о нашихъ политическихъ партіяхъ, ихъ составѣ, развитіи и проявленіи въ массовомъ движеніи, на выборахъ и въ Думѣ. Перу г. А. Мартынова принадлежитъ обстоятельный историко-критическій обзоръ дѣятельности конституціонно-демократической партіи; о народническихъ партіяхъ писалъ П. П. Масловъ, о національныхъ партіяхъ въ Россіи—польскихъ, остзейскихъ, литовскихъ, украинскихъ, кавказскихъ и еврейскихъ—г. К. Залевскій; о правыхъ и контръ-революціонныхъ партіяхъ—г. В. Левицкій; объ анархистахъ — Б. И. Горевъ; о союзѣ 17 октября — гг. Ф. Данъ и Н. Череванинъ, и наконецъ, о соціалъ-демократіи—Л. М—овъ. Несомнѣнно партійная точка зрѣнія авторовъ нисколько не умаляетъ крупныхъ достоинствъ ихъ работы, которая во всякомъ случаѣ заслуживаетъ полнаго вниманія со стороны русской читающей публики, независимо отъ какихъ-либо принципіальныхъ разногласій.

Смерть и безсмертіе. (Новыя идеи въ біологіи, подъ ред. проф. В. А. Вагнера и Е. А. Шульца). Спб., 1914. Стр. 148. Цѣна 80 коп.

Заманчивое заглавіе должно привлечь читателей, но содержаніе книжки, при всей своей научной цѣнности, имѣетъ въ сущности весьма отдаленное отношеніе къ интересующему всѣхъ вопросу о смерти и безсмертіи. Изъ перваго же этюда, написаннаго еще тридцать лѣтъ тому назадъ профессоромъ Августомъ Вейсманомъ, мы видимъ, что рѣчь идетъ не о человѣкѣ, не о животныхъ, не о сложныхъ вообще организмахъ, а объ отдѣльныхъ клѣточкахъ, которыя не умираютъ, а дѣлятся и размножаются. О клѣткахъ и простѣйшихъ одноклѣточныхъ организмахъ говорится и во второмъ этюдѣ — проф. Ч. С. Майнота. Послѣдній справедливо находитъ, что мы не имѣемъ основанія завидовать одноклѣточнымъ организмамъ, такъ какъ только

благодаря развитію многоклѣточныхъ, болѣе сложныхъ существъ могли возникнуть высшія животныя. Этой дифференціаціи,— убѣдительно поясняетъ проф. Майнотъ,— мы обязаны устройствомъ своего тѣла; благодаря ей мы стали людьми. Ей мы обязаны всѣми преимуществами нашего бытія, возможностью лучшаго выполненія нашихъ физіологическихъ отправленій, сравнительно съ низшими животными формами. Ей мы обязаны возможностью тѣхъ человѣческихъ отношеній, которыя представляютъ самое цѣнное изъ нашихъ переживаній. Подобными пріобрѣтеніями и многимъ другимъ обязаны мы дифференцировкѣ, за которую платой является смерть. Плата не слишкомъ высока—продолжаетъ ученый авторъ, — ибо никто изъ насъ не захотѣлъ бы вернуться къ состоянію низшаго организма, могущаго умереть лишь въ силу неожиданныхъ случайностей". Въ концѣ концовъ, тайна жизни и смерти все-таки остается тайною; „біологъ знаетъ сущность смерти не лучше, чѣмъ сущность жизни". Въ такомъ же спеціально научномъ духѣ написанъ слѣдующій затѣмъ этюдъ Рихарда Гертвига. Въ заключительномъ очеркѣ проф. Шульца обсуждается вопросъ о „молодѣніи", при чемъ также не получается никакихъ опредѣленныхъ выводовъ.

Л. С.

Я. Я. Полдеровъ. Внѣшняя торговля мясными продуктами въ связи съ пересмотромъ торговаго договора. Спб., 1914.

Это изданіе министерства финансовъ интересно, между прочимъ, въ томъ отношеніи, что въ немъ разсматривается вопросъ о перспективахъ, открывающихся экспорту мяса изъ Россіи въ зависимости отъ наличности и возможнаго возрастанія у насъ кормовыхъ средствъ, съ одной стороны, и емкости внѣшнихъ мясныхъ рынковъ — съ другой. Рядомъ статистическихъ данныхъ авторъ старается доказать, что современные главные (заатлантическіе) поставщики мяса на европейскіе рынки не въ состояніи удовлетворить растущій спросъ послѣднихъ на мясные товары, вслѣдствіе чего открывается возможность широкаго вывоза таковыхъ изъ Россіи и развитія въ ней животноводства (необходимаго условія для поднятія интенсивности сельскаго хозяйства), ограничиваемаго въ настоящее время слабымъ спросомъ на мясо, масло, молоко и т. п. со стороны внутренняго рынка. Вопросъ этотъ разсматривается, впрочемъ, авторомъ лишь относительно нѣкоторыхъ раіоновъ нашей страны, тогда какъ слабый спросъ на продукты животноводства стоитъ на пути интенсификаціи сельскаго хозяйства почти всей Европейской Россіи.

Левъ Бертенсонъ. Радіоактивность въ лѣчебныхъ водахъ и грязяхъ. Спб., 1914.

Цѣлительное дѣйствіе минеральныхъ водъ не получило еще достаточнаго объясненія въ наукѣ, и когда былъ открытъ радій и его всѣмъ извѣстныя теперь удивительныя свойства — въ радіоактивности водъ полагали найти того агента, какого не доставало для научнаго объясненія ихъ лѣчебной силы. Несмотря, однако, на усердное изученіе, съ этой точки зрѣнія, русскихъ и иностранныхъ источниковъ, не только въ русской, но и въ иностранной литературѣ отсутствуютъ труды, резюмирующіе сдѣланныя наблюденія, и названная выше книга имѣетъ цѣлью пополнить этотъ пробѣлъ. Въ ней излагаются вкратцѣ общія свойства радіоактивности, сводятся наблюденія о разныхъ формахъ лѣченія радіемъ, и приводится справка о содержаніи радія по возможности во всѣхъ русскихъ и заграничныхъ источникахъ. Заодно авторъ приводитъ и другія свѣдѣнія о водахъ, открытыхъ послѣ 4-го изданія его книги, о лѣчебныхъ водахъ русскихъ и иностранныхъ, пріобрѣтшей извѣстность и за границей. Сказать кстати, г. Бертенсонъ относится къ радіоактивному дѣйствію минеральныхъ водъ болѣе, чѣмъ сдержанно.

Г. Наумовъ. Бюджеты рабочихъ гор. Кіева. Кіевъ, 1914 г.

Анкетное изслѣдованіе бюджетовъ рабочихъ въ Кіевѣ, произведенное об-вомъ экономистовъ и ремесленной секціей при кіевской выставкѣ, отличается въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ отъ аналогичныхъ изслѣдованій въ другихъ мѣстностяхъ. $^2/_3$ бюджетовъ были собраны особыми регистраторами, большая часть бюджетовъ относится къ ремесленникамъ, меньшая — къ заводскимъ рабочимъ; бюджеты фабричныхъ рабочихъ не изслѣдованы. Характеризуется данная работа и нѣкоторыми особенностями въ разработкѣ собранныхъ данныхъ, при чемъ очень интереснымъ представляется изученіе бюджетовъ по національностямъ ремесленниковъ (русскіе, евреи, поляки). Это изученіе, между прочимъ, показываетъ, что наименьшіе бюджеты (въ среднемъ) имѣютъ русскіе, наибольшій—поляки, евреи выдѣляются большимъ расходомъ на жи-

лище, одежду, гигіену тѣла, лѣченіе, культурныя потребности разнаго рода, посылку денегъ на сторону и меньшимъ— на пищу, табакъ и алкоголь.

В. В.

Georg Simmel. Goethe. Leipzig. 1913. VII и 264 стр.

Эта новая книга извѣстнаго берлинскаго философа (нынѣ, впрочемъ, перешедшаго въ страсбургскій университетъ), весьма популярнаго и среди русской интеллигенціи, несомнѣнно, займетъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ столь богатой литературѣ о Гёте. Написана она не совсѣмъ легкимъ языкомъ, какъ большинство произведеній Зиммеля; „проглотить" ее сразу невозможно, но зато она, ужъ, конечно, во много разъ питательнѣе большинства „удобоваримыхъ" сочиненій. Книга обильно пересыпана, какъ всегда у этого чрезвычайно тонкаго мыслителя, мѣткими и яркими афоризмами, острыми стрѣлами врѣзывающимися въ память читателя. Отношеніе между философіей и искусствомъ Зиммель опредѣляетъ такимъ образомъ: „философъ *видитъ*, потому что *знаетъ*; художникъ *знаетъ*, потому что видитъ". Такимъ художникомъ-мудрецомъ является Гёте въ изображеніи Зиммеля, посвятившаго свой трудъ анализу и выясненію гётевской мудрости или философіи. Авторъ до такой степени увлекся этой задачей, что, какъ мѣтко отмѣтилъ одинъ изъ его критиковъ, получается впечатлѣніе, что Гёте *жилъ* точно такъ, какъ *учили* Гегель и Шеллингъ. Но это нисколько не уменьшаетъ интереса книги, а напротивъ, придаетъ ей особую цѣльность и привлекательность.

Die religion in Geschichte und Gegenwart. Handwörterbuch in gemeinverständlicher Darstellung, redigiert von Gunkel, Heitmuller etc. Tübingen, 1913. 5 m.

Энциклопедія религій всѣхъ временъ и народовъ въ популярномъ изложеніи и съ научной объективностью, — это для нашего времени одна изъ интереснѣйшихъ настольныхъ книгъ. Къ сожалѣнію, она имѣетъ въ виду, главнымъ образомъ, нѣмецкаго читателя и даетъ исчерпывающіе отвѣты только на запросы послѣдняго. Но все же и русскій читатель, несмотря на чувствительные пробѣлы, найдетъ въ ней обильнѣйшій матеріалъ, до котораго безъ нея очень трудно, для многихъ совершенно невозможно было бы добраться.

Б.

Въ теченіе іюня въ редакцію поступили слѣдующія книги и брошюры:

Амфитеатровъ, А. В. Эзоповъ ликъ. Кн-во „Просвѣщеніе". Спб. Цѣна 1 р. 50 коп.

Бертенсонъ, Сергѣй. Къ библіографіи матеріаловъ о Гоголѣ. 1911—1913 г.г. Спб., 1914 г.

Боргманъ, А. И. Отечественная исторія для мл. кл. ср. уч. зав. Спб., 1914 г. Цѣна 75 коп.

Берлинъ, Я. Изъ свѣтлыхъ дней Эллады. Очерки древне-греч. культуры. Изд. т-ва И. Д. Сытина. Москва, 1914 г. Цѣна 60 коп.

Вальми, Балина. Погоня за любовью. Москва, 1914 г. Цѣна 1 р.

Галантъ, И. Арендовали ли евреи церкви на Украйнѣ. Кіевъ, 1914 г.

Географія въ школѣ. Сб. 2. Изд-во „Образованіе". Спб., 1914 г. Цѣна 80 коп.

Григорьева, И. К. Судъ во Франціи при старокъ порядкѣ. Кіевъ, 1914 г. Цѣна 70 коп.

Дюшенъ, Э. Поэзія М. Ю. Лермонтова. Пер. съ фр. Казань. Изд. кн. маг. М. А. Голубева. 1914 г. Цѣна 90 коп.

Естествознаніе въ школѣ. Сб. 4, 5 и 6. Изд-во „Образованіе". Спб., 1914 г. Цѣна по 80 коп.

Евлаховъ, А. М. Реализмъ или ирреализмъ? Очерки по теоріи худож творчества. Томъ первый. Варшава, 1914 г. Цѣна 2 р. 50 коп.

Запорожцевъ, С. К. Руководство по естествознанію. Спб., 1914 г. Цѣна 1 р. 70 коп.

Императорское Воспитательное Общество благородныхъ дѣвицъ. Историческій очеркъ. 1764—1914 г.г. Спб., 1914 г.

Историческій очеркъ дѣятельности земскихъ учрежденій Тверской губ. (1864 — 1911 г.г.). Сост. Б. Б. Веселовскимъ. Тверь, 1914 г. Цѣна 3 р.

Критическое пособіе. Сборн. выдающ. статей русской критики за 100 л. Томъ IV. Вып. I. Составилъ Л. О. Вейнбергъ. Москва, 1914 г. Цѣна 1 р.

Каменскій, П. В. Исторія одного погрома. Екатеринославъ, 1914 г.

Катаевъ, И. М. Дореформенная бюрократія. Кн-во „Энергія". Спб., 1914 г. Цѣна 1 р. 10 коп.

Кекуатовъ, К. В., князь. Кооперація и право. Сборникъ заключеній юрисконсульта москов. нар. банка. Москва, 1914 г. Цѣна 1 р. 50 коп.

Козьминыхъ-Ланинъ, И. М., инж. Къ вопросу объ артел. харчеваніи фабрично-зав. рабочихъ. Моск. губ. Изд. моск. губ. зем. Москва, 1914 г. Цѣна 1 р. 25 коп.

Королевъ, Владиміръ. Лазурные прахи. Лирика. Ялта, 1914 г. Ц. 60 коп.

Кузнецовъ. Н. И. Систематическій сводъ указовъ Прав. Сената, послѣдовавшихъ по земскимъ дѣламъ. Т. X. 1913 г. Воронежъ, 1914 г. Цѣна 3 р. 80 коп.

Купринъ, А. Разсказы. Т. II. Москва, 1914 г. Цѣна 1 р. 50 коп.

Левинъ, Кир. Русская исторія въ простыхъ разсказахъ. Москва, 1914 г. Цѣна 1 р.

Малиновскій, Н. А. Избранныя книги изъ числа допущ. въ учен. библ. низш. учил. Изд. нижегор. губ. зем. Н. Новгородъ, 1914 г. Цѣна 25 к.

Михайловъ, И. Н. Чтеніе плановъ и географическихъ картъ. Спб., 1914 г. Цѣна 40 коп.

Моровъ, Вл. Разсказы. Москва, 1914 г. Цѣна 1 р.

Новая Россія, основы и задачи имперской народной партіи. Изд. ред. „Дымъ отечества". Спб., 1914 г. Цѣна 75 коп.

Ненормальныя дѣти въ семьѣ и школѣ. Очерки по дѣтской психологіи и патологической педагогикѣ. Подъ ред. А. С. Грибоѣдова. Москва, 1914 г. Цѣна 1 р. 60 коп.

Новыя идеи въ астрономіи. Сб. 4, 5 и 6. Изд-во „Образованіе". Спб., 1914 г. Цѣна по 80 коп.

Новыя идеи въ біологіи. Сб. 3, 4 и 5. Изд-во „Образованіе". Спб., 1914 г. Цѣна по 80 коп.

Новыя идеи въ математикѣ. Сб. 6, 7, 8 и 9. Изд-во „Образованіе". Спб., 1914 г. Цѣна по 80 коп.

Новыя идеи въ медицинѣ. Сб. 2 и 3. Изд-во „Образованіе". Спб., 1914 г. Цѣна по 80 коп.

Новыя идеи въ педагогикѣ. Сб. 3 и 4. Изд-во „Образованіе". Спб., 1914 г. Цѣна по 80 коп.

Новыя идеи въ правовѣдѣніи. Сб. № 1. Изд-во „Образованіе". Спб., 1914 г. Цѣна 80 коп.

Новыя идеи въ соціологіи. Сб, 2, 3 и 4. Изд. „Образованіе". Спб., 1914 г. Цѣна по 80 коп.

Новыя идеи въ философіи. Сб. 13, 14, 15 и 16. Изд-во „Образованіе". Спб., 1914 г. Цѣна по 80 к.

Новыя идеи въ химіи. Сб. 5 и 6. Изд-во „Образованіе". Спб., 1914 г. Цѣна по 80 коп.

Новыя идеи въ экономіи. Сб. 3 и 4. Изд-во „Образованіе". Спб., 1914 г. Цѣна по 80 коп.

Новомоергскій, Н., проф. Очерки внутренняго управленія въ Московской Руси XVII столѣтія. Продовольственное строеніе. Матеріалы. Т, I. Томскъ, 1914 г. Цѣна 3 р.

Охрана жизни и здоровья рабочихъ въ промышленности. Часть первая. Вып. II. Изд. отд. пром. м-ва торг. и пром. Спб., 1914 г. Цѣна 3 руб.

Олигеръ, Н. Собр. соч. Т. V. Кн-во „Просвѣщеніе". Цѣна 1 руб. 25 коп.

Ольнина, Е. А. Портновскій промыселъ въ Москвѣ и въ дер. Моск. и Ряз. губ. Матеріалы къ ист. дом. промышл. въ Россіи. Семинаріи по политич. экономіи подъ руководствомъ Г. М. Гольдштейна при моск. в. жен. курсахъ. Вып. X. Москва. 1914 г. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Подворная перепись. Симб. губ. 1910—11 г.г. Вып. четвертый. Буинскій уѣздъ. Изд. Симбирск. губ. з. Симбирскъ. 1914 г. Цѣна 1 руб.

Педашенко, А. Д. Указатель книгъ, журн. и статей по сельскому хозяйству. Изд. гл. упр. земл. и земледѣлія. Спб., 1913 г.

Подольскій, И. М. Очерки по теоріи мелкаго нар. кредита. Изд. т-во „Помощь кооператорамъ". Спб., Спб., 1914 г. Цѣна 30 коп.

Пѣшковскій, А. М. Русскій синтаксисъ въ научномъ освѣщеніи. Попул. очеркъ. Москва, 1914 г. Цѣна 1 р. 75 коп.

Пуришкевичъ, Владиміръ. Передъ грозою. Спб., 1914 г. Цѣна 50 коп.

Ральцевичъ, В. А. и Васильевъ, Б. Н. Краткая новѣйшая исторія (1814—1914). Для ст. кл. ср. уч. зав. и самообр. Кн-во „Просвѣщеніе". Спб., 1914 г. Цѣна 1 руб.

Реннингъ, Р. Ф. Основныя положенія зем. содѣйствія коопер. дѣлу. Изд. с.-х. отд. подольской губ. з. упр. Каменецъ-Подольскъ. 1914 г. Цѣна 25 к.

Рукавишниковъ, Иванъ. Близкое и далекое. Москва, 1914 г. Цѣна 1 руб. 25 коп.

Рюльманъ, П. Идея гражданскаго воспитанія въ Швейцаріи. Москва, 1914 г. Цѣна 50 коп.

Сборникъ „Энергія". Т. 3-й. Спб., 1914 г. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Семеновъ, Леонидъ. О „Хаджи Муратѣ" Л. Толстого. Харьковъ, 1914 г.

Скворцовъ, Ир., проф. Происхожденіе и строеніе разнообр. видовъ веществъ. Краткое введ. въ нов. химію. Кіевъ, 1914 г. Цѣна 75 коп.

Слуцкій, Евг. Сэръ Вилльямъ Петти. Кіевъ, 1914 г. Цѣна 40 коп.

Софоклъ. Драмы. Т. III. Переводъ Ѳ. Зѣлинскаго. Изд. М. и С. Сабашниковыхъ. Москва, 1914 г. Цѣна 3 руб.

Труды эксп., организ. почвовѣдомъ Н. А. Димо, для изученія естественно-истор. усл. Пензенской губ. Серія 1. Вып. V. Наровчатскій уѣздъ. Пенз. губ. зем. Москва, 1914 г. Цѣна 50 коп.

Томпсонъ-Сетонъ, Э. Разсказы изъ жизни животныхъ. 1. Снэпъ. Исторія булъ-терьера. Цѣна 10 коп.—2. Арно. Хроника почтоваго голубя. Цѣна 10 коп.—3. Бедланскій-Билли. Волкъ, одержавшій верхъ. Цѣна 15 коп.—4. Боевой конекъ. Исторія одного кролика. Цѣна 13 коп.—5. Бродячая кошка. Цѣна 15 коп.—6. Виннингскій волкъ. Цѣна 10 коп.—7. Властелинъ. Цѣна 40 коп.—8. Исторія одной серебристой лисицы. Цѣна 40 коп.—9. Легенда о бѣломъ оленѣ. Цѣна 12 коп.—10. Мальчикъ и рысь. Цѣна 10 коп.—11. Животныя—герои. Цѣна 1 руб. Спб., 1914 г.

Универсальная Библіотека. № 687. Е. О'Нейль. Марія Стюартъ. № 688. Густавъ Шваба. Сказанія о Гераклѣ. № 690. Густавъ Шваба. Народныя нѣмецкія сказанія. № 691 — 692. Шарль Диль. Византійскіе портреты. № 920—921. Сельма Лагерлеръ. Возница смерти. № 925. К. Альмквидъ. Мельница въ Шелинурѣ. № 929—931. В. Реймонтъ. Мечтатель. № 933—935. Арнольдъ Беннеръ. Святая любовь. № 936—938. Кнутъ Гамсунъ. Послѣдняя отрада. № 939. Джэкъ Лондонъ. Красавица Ли-Ванъ. № 940—941. Джэкъ Лондонъ. Дѣти снѣговъ.—№ 942. Гюи-де-Мопассанъ. Сестры Рондоли. № 943—944. Ф. ванъ-Эйденъ. Маленькій Іоганнесъ. № 945. Анатоль Франсъ. Сказка о сорочкѣ. № 948. Гюи-де-Мопассанъ. Встрѣча. № 949. Гюи-де-Мопассанъ. Возвращеніе. № 950—952. Барона Мюнхгаузена. Путешествія и удивительныя приключенія. № 954—956. Джэкъ Лондонъ. Сынъ солнца. Москва, 1914 г. Цѣна каждаго № 10 коп.

Ѳедоровъ, А. М. Море. Москва, 1914 г. Цѣна 1 р. 25 коп.

Чириковъ, Евгеній. Возвращеніе. Москва, 1914 г. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Чрединъ, Б. Гражданское право и гражданскій судъ. Варшава, 1914 г.

Журнальный Залъ Московской обл. библіотеки

Издатель: М. М. Ковалевскій.

Ред.: К. К. Арсеньевъ. Д. Н. Овсянико-Куликовскій. А. С. Посниковъ.

МНѢНІЕ НАУКИ

О ГИЛЬЗАХЪ КАТЫКА.

Торговымъ Домомъ А. КАТЫКЪ и К° представлены гильзы своей фабрики для испытанія, не содержитъ-ли бумага какихъ либо вредныхъ для здоровья веществъ. При химическомъ изслѣдованіи бумаги, а также продуктовъ горѣнія таковой, никакихъ вредныхъ для здоровья веществъ не обнаружено, причемъ установлено, что бумага состоитъ исключительно изъ растительной клѣтчатки.

Завѣдывающій лабораторіей инженеръ-химикъ А. ШТАНГЕ.

Химико-аналитическая и бактеріологическая лабораторія высочайше утвержденнаго Россійскаго Фармацевтическаго Общества. Москва 21 февраля 1907 г.

Требуйте ТОЛЬКО ГИЛЬЗЫ КАТЫКА!

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО „ПУТЬ“

главный складъ:
Москва, Новинскій бул., д. 103.

Ближайшее участіе принимаютъ:
С. Н. Булгаковъ, Г. А. Рачинскій, Кн. Е. Н. Трубецкой, В. Ф. Эрнъ.

Имѣются въ продажѣ:

А. АСКОЛЬДОВЪ — А. А. Козловъ. Ц. 1 р. 50 к.

Н. БЕРДЯЕВЪ. — Философ. свободы. Ц. 2 р.

Н. БЕРДЯЕВЪ — С. А. Хомяковъ. Ц. 1 р. 60 к.

С. БУЛГАКОВЪ. „Два града“. Изслѣдованіе о природѣ общественныхъ идеаловъ. Въ 2-хъ т. Ц. 3 р. за оба тома, каждый томъ продается отдѣльно по 1 р. 50 к.

С. БУЛГАКОВЪ. — Философія хозяйства Ч. I. Ц. 2 р.

С. БУЛГАКОВЪ. — Очерки по исторіи экономическихъ ученій, Выпускъ I. Изд. автора. Ц. 1 р. 50 к.

ГЕРШЕНЗОНЪ, М. О. — Жизнь В. С. Печерина. Ц. 1 р. 50 к.

И. ЗЕЙПЕЛЬ.—Хозяйственно-этическіе взгляды отцовъ церкви. Пер. съ нѣм. съ предисл. С. Н. Булгакова. Ц. 2 р.

Ел. КАРПОВЪ.—Основныя черты органическаго пониманія природы. Ц. 80 к.

КИРЕЕВСКІЙ, И. В. — Полн. собр. соч., въ 2-хъ томахъ, съ портр., подъ ред. М. Гершензона. Ц. 4 р.

ЛОПАТИНЪ, Л. — Философскія характеристики и рѣчи. Ц. 2 р.

Кн. В. Ѳ. ОДОЕВСКІЙ. — Русскія ночи. (Съ дополнен. и поправк. по рукоп.). Ц. 2 р.

Вл. СОЛОВЬЕВЪ. — Россія и вселен. Церк. Пер. съ фр. Г. Рачинскаго. Ц. 2 р. 25 к.

Вл. СОЛОВЬЕВЪ. — Русская идея. Пер. съ фр. Г. А. Рачинскаго. Ц. 75 к.

Вл. СОЛОВЬЕВЪ. — Владиміръ Святой и христіанское государство и отвѣтъ на корреспонденцію изъ Кракова. Пер. съ фр. Г. Рачинскаго съ предисл. кн. Евг. Трубецкого. Ц. 75 к.

О Вл. СОЛОВЬЕВѢ. Сборн. статей:— С. Булгакова.—В. Иванова.—Кн. Е. Трубецкаго. — А. Блока. — Н. Бердяева. Вл. Эрна. Ц. 1 р. 70 к.

Религія Л. ТОЛСТОГО.—Сборн. статей: Булгакова, Зѣньковскаго, Кн. Трубецкого, Экземплярскаго, Бѣлаго, Бердяева, Волжскаго, Эрна. Ц. 1 р. 70 к.

Кн. Евг. Трубецкой. — Міросозерцаніе Вл. Соловьева. Въ 2-хъ томахъ. Изд. авт. Ц. 4 р.

Свящ. С. ЩУКИНЪ. — Сборн. статей. Ц. 1 р.

Вл. ЭРНЪ.—Борьба за голосъ. Ц. 2 р.

Вл. ЭРНЪ. — Г. С. Сковорода. Жизнь и ученіе. Ц. 2 р.

Продаются во всѣхъ извѣстн. книжн. маг. Высылаются нал. плат. Проспектъ по треб. безплатно.

АЭРОПЛАНЪ ОБРАДУЕТЪ ВАШЕГО СЫНА.

Самое большое удовольствіе, какое Вы можете доставить Вашему сыну и, вообще, любому мальчику и юношѣ,—это купить ему теперь для лѣта—аэропланъ. Это лучшее развлеченье, занимательнѣйшая игра на воздухѣ. Онъ движется сжатымъ воздухомъ. Летаетъ прекрасно. Полная иллюзія настоящаго аэроплата.

Зайдите въ магазинъ ИНЖ.-МЕХ.

С. И. ЗВѢРЕВА,

МОСКВА, ПЕТРОВСКІЯ ЛИНІИ.

Купите тамъ аэропланъ. Пусть радостно играетъ Вашъ мальчикъ. Чѣмъ скорѣе Вы это сдѣлаете, тѣмъ больше Вы ему доставите удовольствіе.

Вообще, думая о хорошемъ подаркѣ дѣтямъ, запомните ЗВѢРЕВА, Петровскія линіи.

Поставщики ИМПЕРАТОРСКАГО Общества охоты.

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ **Я. ЗИМИНА** вдова и **С. НИКИФОРОВЪ.**

Москва, Тверская улица, близъ Газетнаго, домъ № 15.

ВСЕ необходимое и лучшее для ОХОТЫ.

Громадный выборъ ружей центр. боя заграничн. фабрикъ отъ 27 р. ○ Особенно рекомендуемъ ружья Императорскаго Тульскаго завода отъ 34 р. ○ Шомпольныя двухствол. отъ 12 р. ○ Берданы дробов. отъ 6 р. 75 к. ○ Карабины Монтекристо для цѣлевой стрѣльбы отъ 11 р. ○ Пистолеты карман. Монтекр. отъ 1 р. 50 к. ○ Пугачи самыхъ разнородныхъ типовъ отъ 1 р. ○ Револьверы отъ 5 р. 50 к. **Новость!** Безобидный пистолетъ Браунъ Марсъ съ коробкою театральн. патронъ съ пересыл. во всѣ города 4 руб.

Лыжи, коньки и пр. принадлежности по ДОСТУПНЫМЪ ЦѢНАМЪ.

Иллюстрированный прейсъ-курантъ безплатно,—на пересылку просимъ приложить 2 почт. марки по 7 к. 1—1

Идеалъ

всѣхъ дамъ есть нѣжное, чистое лицо, цвѣтущій, свѣжій, молодой видъ, бѣлая, мягкая какъ бархатъ кожа и ослѣпительно красивый цвѣтъ лица, а потому каждая дама, для достиженія этихъ качествъ, должна мыться

Мыло „Конекъ"

Бергмана и Ко., Радебейль-Дрезденъ

Требуйте только красную упаковку.
За кусокъ 30 Коп. въ продажѣ везде.
Главный складъ для Россійской Имперіи:
Контора химическихъ препаратовъ,
С.-Петербургъ, Малая Конюшенная № 10.

РОЯЛИ ПІАНИНО „ИБАХЪ"

ГЛАВНЫЙ ПРЕДСТАВИТЕЛЬ ДЛЯ ВСЕЙ РОССІИ

І. Ф. МЮЛЛЕРЪ

МОСКВА, Петровка, 16.

ГИМНАЗІЯ НА ДОМУ.

Если Вы хотите дополнить свое образованіе, поступить въ какое-либо учебное заведеніе или сдать какой-либо экзаменъ: на аттест. зрѣл., на классн. чинъ, на аптек. учен., учит. город., домашн. нач. училищъ и т. п., то слѣдуйте примѣру тысячъ нашихъ подписчиковъ, успѣвшихъ въ короткое время, безъ помощи учителей, пользуясь только изданіемъ „Гимназія на Дому" (расходуя всего 1 р. 50 к. въ м-цъ) пройти курсъ, получить нужный имъ дипломъ или поступить въ учебн. зав. Курсъ „Гимн. на Дому" состоитъ изъ 30 томовъ больш. формата, по 280—320 стр. Цѣна том. съ перес. 1 р. 50 к. При первомъ томѣ прилагается **безплатно** географическій атласъ въ краскахъ. **ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ БЮРО** опытныхъ преподавателей исправляетъ безплатно письмен. работы учащихся и руководитъ ихъ занятіями. Популярнымъ изложеніемъ лекцій и серьезнымъ отношеніемъ руководителей къ каждому изъ учениковъ нашихъ, мы добились того, что громадное большинство достигло намѣченной цѣли.

КОММЕРЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНІЕ.

Современному коммерческому дѣятелю, является ли онъ владѣльцемъ коммерч. предпріятія, сотрудникомъ или служащимъ таковаго, нельзя обойтись безъ всесторонняго коммерч. образованія. Если хотите въ короткій срокъ и основательно изучить бухгалтерію, коммерч. ариѳм., коммерч. корресп., товаровѣдѣніе, технику веденія торгово-промышл. предпріятій, банков. дѣло и эконом. и юрид. науки, то подпишитесь на наше изданіе „АКАДЕМІЯ КОММЕРЧЕСКИХЪ ЗНАНІЙ". Широкая научная программа, популярно-изложенная, участіе лучшихъ профессоровъ, дѣлаетъ это изданіе необходимымъ не только для лицъ, нуждающихся въ спеціальномъ коммерч. образованіи, но и для всѣхъ людей, желающихъ получить ясное и полное представленіе о современной торговой и хозяйственной жизни.

При Редакціи имѣется бюро коммерсантовъ и педагоговъ, которое безплатно руководитъ занятіями, отвѣчаетъ на всякаго рода запросы и исправляетъ работы.

„Акад. Ком. Зн." состоитъ изъ 15 томовъ больш. формата. Цѣна по 2 руб. за томъ (за налож. платеж. еще 20 коп.).

ИНОСТРАННЫЕ ЯЗЫКИ.

Въ нынѣшнее время отъ каждаго культурнаго человѣка, независимо отъ его профессіи, требуется знаніе хотя бы одного иностр. языка. Занимаясь по нашему изданію „АКАДЕМ. ИНОСТР. ЯЗЫК.", Вы имѣете возможность, между дѣломъ, въ короткое время изучить **франц., нѣмец. и англ. яз.** При составленіи курса положены въ основу всѣ новѣйшія указанія педагогики. Особое вниманіе обращено на то, чтобы сдѣлать каждую лекцію живой и занимательной, способной заинтересовать и увлечь учащихся. Курсъ усваивается легко, безъ напряженія, безъ скуки, безъ заучиванія наизусть и загроможденія памяти. Прочитавъ нашъ курсъ, Вы будете имѣть возможность вести переписку на иностран. яз., удовлетвор. объясняться и понимать живую рѣчь и читать безъ словаря любое произведеніе даннаго языка. Курсъ каждаго языка состоитъ изъ 10 томовъ. Всѣ тома вышли изъ печати. Цѣна тома 1 руб. (за налож. платежъ еще 20 коп.).

УЧИТЕСЬ РИСОВАТЬ.

Мнимая „неспособность" къ рисованію, о которой часто говорятъ, есть лишь предразсудокъ. Всякій нормальный человѣкъ надѣленъ средними художественными способностями, вполнѣ достаточными для того, чтобы при правильной системѣ преподаванія овладѣть техникой рисованія и живописи. Мы своимъ изданіемъ „Искусство для всѣхъ" (школа рисованія, живописи и прикладного искусства) даемъ возможность всѣмъ заочно научиться рисованію и живописи подъ руководств. лучш. педагоговъ для собствен. удовольствія или для какихъ-либо практич. цѣлей.

„ИСКУССТВО ДЛЯ ВСѢХЪ" 1) даетъ читателямъ тѣ теоретическія познанія, которыя необходимы для пониманія художествен. произведеній; 2) даетъ лицамъ, уже занимающимся рисованіемъ, тѣ познанія, которыя необходимы для того, чтобы сдѣлать рисунокъ грамотнымъ и художественно-правильнымъ; 3) даетъ своимъ читателямъ всѣ тѣ свѣдѣнія по техникѣ, теоріи и исторіи искусства, безъ которыхъ невозможно пониманіе художествен. произведеній; 4) даетъ своимъ читателямъ такую подготовку и техническія познанія въ области прикладного искусства, которыя открыли бы имъ возможность примѣнить свои познанія къ дѣлу, въ различныхъ и многочисленныхъ отрасляхъ художественной промышленности.

Изложеніе вполнѣ понятное и сопровождается множествомъ пояснительныхъ и образцовыхъ рисунковъ. Для художниковъ и учителей рисованія „Искусство для всѣхъ" является необходимой энциклопедіей, къ которой они могутъ обращаться за всякаго рода справками и указаніями.

При редакціи учреждена художественная комиссія, которая исправляетъ безплатно работы и даетъ совѣты и справки, относящ. къ области искусства. „ИСКУССТВО ДЛЯ ВСѢХЪ" издается подъ редакціей проф. Академіи Художествъ **А. В. Маковскаго** и **Вадима Лѣсового**, при участіи **И. Е. Рѣпина**, проф. **А. К. Киплика** и преподав. педаг. курсовъ при Академіи Художествъ. Изданіе состоитъ изъ 10 томовъ большого формата роскошно-иллюстр. красочн. и черн. рисунками. Цѣна кажд. тома съ перес. 2 р. 20 к. нал. плат.

Подробные проспекты высылаются безплатно.

Т-во „БЛАГО", С.-Петербургъ, Николаевская ул., 44—85.

Требуются агенты.

Открыта подписка на 1914 годъ на еженедѣльный журналъ Управленія по дѣламъ мелкаго кредита.

ВѢСТНИКЪ МЕЛКАГО КРЕДИТА.

Третій годъ изданія.

Журналъ имѣетъ цѣлью: выяснить **сущность** и **задачи** учрежденій мелкаго народнаго кредита; освѣщать ближайшія послѣдствія дѣятельности сихъ учрежденій и вліянія ихъ на общественную и хозяйственную жизнь той среды, въ которой они работаютъ; **разъяснять** возникающіе въ ихъ средѣ **вопросы** и недоумѣнія; **ознакомлять** читателей **съ положеніемъ дѣла** народнаго кредита и соприкасающихся съ ними кооперативныхъ учрежденій какъ въ Имперіи, такъ и за границей.

Въ 1913 году въ „Вѣстникѣ" помѣстили свои статьи и замѣтки слѣдующіе авторы:

Алферовъ Ѳ., Арефьевъ П. П., Биркинъ Л. С., Бородаевскій С. В., Брунстъ В. Э., Боянусъ А. К., Бутенко Ѳ. Э., Бычковъ Ѳ., Бондаренко В. Г., Битусъ А. П., Бусыгинъ П. П., Боцяновскій Д., Вольфсонъ Л. В. Вѣтвинскій А. Г., Влайковъ Г. Ф., Владимірскій В. А., Васильевъ В. Ф., Головко А. Г., Горбуновъ П. А., Горскій Ф. В., Гамалѣя Ю. Г., Гензулъ В., Доброхотовъ Н. С. Дорошенко А. Н., Дуплевскій Ѳ. В., Дмитріева Ф. Д., Дзюбинъ С., Дзержановскій, Л. Р., Евдокимовъ. Ан. Ан., Евдокимовъ Л. Н. Ефремовъ В. Д., Зотовъ П. Е., Зеленскій В. К., Зингеръ Я. С., Звегинцеръ Н. Ф., Ивановъ Д. И., Керножицкій И. Н., Костына И. М., Красноперовъ И. М., Кулыжный А. Е., Куцемѣловъ Г. П., Красновъ В. ф., Луц евичъ Б. І., Лазаренко А. П., Литвиненко А. П. Лукояновъ А. Д., Малицкій Н. П., Минервинъ Б. М., Маіоровъ И. В., Марадудинъ Ф. П., Молчановъ Н. С., Максименко В., Мавричевъ В. В., Минервинъ А. И., Машута И. П., Мемешкинъ, Назоровъ И. А. Нижицкій А. К., Омельченко Е. И., Подольскій И. М., Покровскій А. В., Плецъ М. М., Поляковъ И. Ф., Примакъ М. И., Пономаревъ П. П., Португаловъ А. В., Померанцевъ П. И., Перелешинъ В. А., Романовскій-Романько В. А., Ренингъ Р. Ф., Романцовъ И. Д., Смирновъ П. А., Сокальскій И. А., Сербиненко А. М., Сѣдлецкій В. К. Тотоміанцъ В. Ѳ., Тукалевскій В. Н., Троицкій Н. С., Трафальчикъ А. П., Усовъ П. В., Удовиченко Н. В., Фортунатовъ А. Ф., Федоровъ В. Н., Филатовъ В. С., Храневичъ К. І., Хотовицкій М. А., Ханжа А. О., Шмидтъ Г. Р., Швецовъ А. П., Шкорбатовъ Н. Н., Штурбинъ П. С., Шемитовъ К. И., Чиковъ И. В., Якубовскій В. В., Янушевичъ А. И. и др.

Подписка на **„ВѢСТНИКЪ"** (объемъ изданія 50 номеровъ по 3 печатныхъ листа въ каждомъ) установлена: на годъ—**три руб.**; на полгода **два руб.**

Подписную плату слѣдуетъ выслать **только наличными деньгами**, а отнюдь не марками. Адресъ редакціи „Вѣстника": **С.-Петербургъ, Фонтанка, 76.**

Редакторъ *И. М. Подольскій.*

Справочно-переводное и квартирное бюро въ Парижѣ.

Bureau Russe—63, Avenue des Cobelins, Paris.

Учебныя и др. справки. — **Переводъ** и легализація бумагъ для подачи въ универ. (аттестатъ нужно предварительно визировать у французскаго консула въ Россіи; для курсовъ франц. яз. и технич. инст. этого не требуется). — **Пріисканіе** квартиръ, пансіоновъ и дачъ. — **Рекомендація** врачей, учителей и проводниковъ по Парижу.— **Справки** въ области торговли и промышл.—За дѣловую справку изъ Россіи—1 р.; за учебную — 60 коп. (русск. марками); (въ Парижѣ — безплатно). Открыто ежедн. отъ 11 до 5 ч. веч.

СПЕЦІАЛЬНО МАТЕРІИ ДЛЯ МЕБЕЛИ КОВРЫ, ПОРТЬЕРЫ, ТЮЛЬ, БАХРОМА, ШНУРЪ, АГРАМАНТЪ

ФАБРИК.
Бр. БАЛАКИНЫ

МОСКВА, ИЛЬИНКА, против гост. двора
С. ПЕТЕРБУРГЪ, ЕКАТЕРИНИНСКІЙ КАНАЛЪ
БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ ВСѢХЪ СОРТОВЪ и СТИЛЕЙ
ПРОДАЖА ПО ЦѢНАМЪ ФАБРИКИ

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ КАТАЛОГЪ ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕЗПЛАТНО.

НОТНЫЕ МАГАЗИНЫ
Россійскаго Музыкальнаго Издательства.

МОСКВА,
Кузнецкій мостъ, 6.
Тел. 217—07.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ,
Морская, 11.
Тел. 178—53.

Ноты и книги по всѣмъ отраслямъ музыкальнаго знанія всѣхъ русскихъ и иностранныхъ издательствъ.

Складъ собственныхъ изданій.

Постоянный складъ для Россіи изданій Брейткопфъ и Гертель.
Оптовые склады изданій: Н. Зимрокъ, Шлезингеръ (Р. Линау), Эрнстъ Эйленбургъ (карманныя партитуры).
Складъ духовно-музыкальныхъ сочиненій изданій Придворно-пѣвческой капеллы.
Оперы и либретто.—Постоянно всѣ новости.—Открытыя письма съ портретами выдающихся музыкальныхъ дѣятелей.—Свѣжія струны.—Нотная бумага
Комиссіонерство для г.г. иногороднихъ.

Заказы г.г. иногороднихъ покупателей исполняются быстро и аккуратно.

Отправка съ наложеннымъ платежемъ.

ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКІЙ СЛОВАРЬ

Т-ва „Бр. А. и И. ГРАНАТЪ и К°“.

СЕДЬМОЕ СОВЕРШЕННО ПЕРЕРАБОТАННОЕ И ЗНАЧИТЕЛЬНО РАСШИРЕННОЕ ИЗДАНІЕ

подъ редакціей профессоровъ Ю. С. ГАМБАРОВА, В. Я. ЖЕЛѢЗНОВА, М. М. КОВАЛЕВСКАГО, С. А. МУРОМЦЕВА (†) и К. А. ТИМИРЯЗЕВА.

Изъ содержанія XXI—XXIII томовъ: Звукъ (20 стб.)—**проф. О. Д. Хвольсона**. Земельный вопросъ (99 стб.)—**проф. М. И. Туганъ-Барановскаго**. Землеустройство (съ прилож., 20 стб.)—**проф. А. А. Кауфмана**. Земская статистика (14 стб.)—**проф. А. Ѳ. Фортунатова**. Земскіе соборы (11 стб.)—**В. А. Мякотина**. Земскія учрежденія (съ прилож., 56 стб.)—**С. М. Блеклова**. Золотопромышленность (съ прил. 18 стб.)—**проф. А. Н. Митинскаго**. Излученіе (16 стб.)—**прив.-доц. А. К. Тимирязева**. Измѣнчивость (10 стб.)—**проф. К. А. Тимирязева**. Иммунитетъ (21 стб.)—**проф. И. И. Мечникова**. Инстинктъ (6 стб.)—**проф. М. А. Мензбира**. Испанія (90 стб.)—**А. Дэренталя**. Исторія (съ прилож., 42 стб.)—**А. К. Дживелегова**. Исчисленіе безконечно малыхъ (прил., 28 стб.)—**проф. Б. К. Млодзѣевскаго**. Италія: географія (20 стб.)—**проф. А. Гислери**. (Бергамо), исторія (124 стб.)—**А. К. Дживелегова**. **И. И. Шитца** и **Г. И. Шрейдера**, статистико-экономич. обзоръ (прил., 20 стб.)—**Г. И. Шрейдера**, литература (26 стб.)—**В. М. Фриче**, искусство (56 стб.)—**проф. А. Вентури** (Римъ). Іеринъ (10 стб.)—**проф. Ю. С. Гамбарова**. Кавказскія войны (14 стб.)—**М. Н. Покровскаго**. Кавказъ (31 стб.)—**проф. Д. Н. Анучина**. Кальвинизмъ (12 стб.)—**проф. И. В. Лучицкаго**. Кантъ (27 стб.)—**проф. Н. Н. Ланге**. Капитализмъ (33 стб.)—**проф. В. Я. Желѣзнова**. Картографія (11 стб.)—**проф. Д. Н. Анучина**.

Изъ отзывовъ столичной печати: „Большинство статей, входящихъ въ словарь, представляетъ вполнѣ оригинальныя работы, написанныя лучшими спеціалистами, и отличаются строгой научностью изложенія. Нѣкоторыя изъ этихъ статей разрослись въ обширныя монографіи. Такъ, въ восьмомъ томѣ начато печатаніе статьи М. М. Ковалевскаго объ исторіи Великобританіи, занявшей уже 468 столбцовъ и доведенной пока только до реставраціи Стюартовъ. Нужно ли говорить о томъ, насколько цѣнными являются подобныя статьи, высоко поднимающія настоящій словарь надъ уровнемъ изданій справочнаго характера и превращающія его въ своего рода библіотеку для самообразованія“ (Русск. Вѣд.“, 1911, № 227). „Характеръ основныхъ статей Словаря отличается во вновь вышедшихъ томахъ такими же высокими достоинствами, какъ и въ предыдущихъ. Превосходныя статьи К. А. Тимирязева, М. А. Мензбира, М. М. Ковалевскаго и многихъ другихъ авторовъ по своей содержательности далеко превосходятъ статьи на аналогичныя темы даже въ лучшихъ западно-европейскихъ энциклопедіяхъ“ (тамъ же, 1913, № 66). „Словарь т-ва Гранатъ является необходимой и прекрасной настольной книгой“ (Вѣст. Воспит.“, 1911, № 8). „Статьи... зачастую представляютъ собою обширныя монографіи, отличающіяся живостью и яркостью изложенія и читающіяся съ захватывающимъ интересомъ“ („Сѣв. Зап.“, 1914, № 1): „Его научно-объективное изложеніе не походитъ на формальный перечень данныхъ, принятый обыкновенно въ нѣмецкихъ энциклопедіяхъ... Эти условія выдѣляютъ „Словарь“ изъ ряда многочисленныхъ энциклопедическихъ изданій и дѣлаютъ его не только справочнымъ пособіемъ, но и собраніемъ чрезвычайно интересныхъ статей по всѣмъ отраслямъ знанія“ („День“, 1913, № 47). „Историко-литературныя статьи... написаны наиболѣе авторитетными спеціалистами“ („Гол. Минувш.“, 1913, № 11). „...цѣлый рядъ статей крупной цѣнности, использовавшихъ всѣ матеріалы данной области и въ полной мѣрѣ удовлетворяющихъ и богатствомъ свѣдѣній, и мастерствомъ изложенія, руководимаго принципомъ, „чтобы словамъ было тѣсно, а мыслямъ (тутъ надо прибавить—и фактамъ)—просторно“ („Рѣчь“, 1912, № 49). „Изданіе ведется съ любовью, со знаніемъ дѣла, поставило себѣ прекрасныя цѣли, даетъ богатый матеріалъ“ („Современный Міръ“, 1912, № 1). „Совершенно исключительной особенностью этого изданія, выдѣляющей его изъ всѣхъ другихъ ему подобныхъ изданій у насъ, является поистинѣ роскошная внѣшность“ („Голосъ Современника“, 1912, № 5). „Иллюстративная часть далеко оставляетъ за собою все, что до сихъ поръ давалось подобными изданіями не только въ Россіи, но и за границей“ („Утро Россіи“, 1910, № 317). „Словарь вполнѣ заслужилъ тотъ широкій успѣхъ, который онъ встрѣтилъ“ (Современное Слово“, 1913 № 1996)

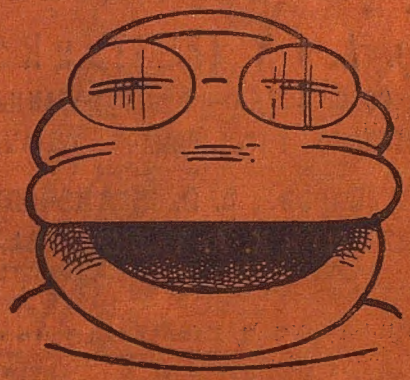
Въ первыхъ **23-хъ** томахъ **помѣщено: 84 текстовыхъ приложеній** (1,502 стб.) и **462 художественныхъ приложеній** въ цѣлую страницу въ т. ч. **разборныя модели тѣла человѣка, головы и глаза и двигателя Дизеля**, 376 репродукцій въ краскахъ и 74 англійскихъ геліогравюры—REMBRANDT INTAGLIO. **Географическія карты составятъ** особый **томъ-атласъ**, который будетъ снабженъ *подробнымъ указателемъ географическихъ мѣстъ* и ихъ расположенія.

Цѣна тома (при подпискѣ на все изданіе): удешевленнаго изд.—2 р. 30 к.; полнаго иллюстрировав. изд. 3 р. 30 к. За переплетъ (по рис. ак. жив. Л. О. Пастернака) 50 к. За пересылку по дѣйствит. стоимости. По соглашенію съ конторой допускается разсрочка платежа. **Первые 10 томовъ вышли двумя повторными, стереотипн. изданіями** (8-мъ и 9-мъ), подготовляется новое (10-е) стереотипное изданіе ихъ. По желанію тома Словаря высыл. **для ознакомленія** (съ правомъ возврата).

ПОДРОБНЫЕ ПРОСПЕКТЫ высылаются по требованію БЕЗПЛАТНО.

Т-во „Бр. А. и И. ГРАНАТЪ и К°“ Москва, Тверской б., 15-Е.
, С.-Петербургъ, Моховая, 37.

Не давайте вводить себя въ заблужденіе.



Нѣкоторыя марки пневматиковъ правда дѣлаютъ **СКИДКИ**, но онѣ доставляютъ Вамъ **ВСЕГДА** пневматики съ **УЗОРАМИ** на **ПОЛОСѢ КАТАНІЯ.**

Всѣ эти пневматики **СЪ УЗОРАМИ**

СТОЯТЪ ОДНАКО ГОРАЗДО ДОРОЖЕ МИШЛЕНЪ,

даже и за вычетомъ скидки.

Судите сами:

РАЗМѢРЫ.	Покрышка МИШЛЕНЪ экстра-тяж.	Марки X, Y, Z съ узорами.	Дороже шинъ МИШЛЕНЪ на:
810×90	43. 25	60. 25	**36%**
815×105	60. 25	82. —	**32%**
880×120	78. 25	99. —	**23%**
935×135	93. 50	121. 50	**27%**

ПНЕВМАТИКЪ

МИШЛЕНЪ

САМЫЙ ДЕШЕВЫЙ

и

Проходитъ наибольшее число верстъ.

Не покупайте никогда пневматиковъ, не имѣя прейсъ-куранта Мишленъ въ рукахъ.